

НИКОЛАЙ РАКИН

«Калевала» на коми языке
в контексте некоторых аспектов
теории и практики художественного
перевода

НИКОЛАЙ РАКИН

«Калевала» на коми языке
в контексте некоторых аспектов
теории и практики художественного
перевода

Институт эстонского и общего языкознания Философского факультета
Тартуского университета

Диссертация допущена к защите на соискание учёной степени доктора
философии (уральские языки) Советом Института эстонского и общего
языкознания Тартуского университета 26.06.2014 г.

Научный руководитель: Тыну Сейлентхал, доцент хунгарологии и
уральских языков, Тартуский университет

Оппонент: Евгений Александрович Цыпанов, доктор
филологических наук, заведующий сектором
языка Института языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения
Российской академии наук

Защита состоится 29.08.2014 г. в 11.15. в ауд. 139 главного здания
Тартуского университета

Диссертационная работа осуществлена при поддержке Социального фонда
Европейского Союза и Программы родственных народов Эстонии

ISSN 1406-2631
ISBN 978-9949-32-631-0 (print)
ISBN 978-9949-32-632-7 (pdf)

Copyright: Nikolai Rakin, 2014

University of Tartu Press
www.tyk.ee

ПРЕДИСЛОВИЕ

В качестве предисловия к настоящей работе я хочу выразить искреннюю благодарность эстонской «Программе поддержки родственных народов», в рамках которой я имел уникальную возможность в 2009–2014 гг. обучаться в докторантуре Тартуского университета и заниматься исследованиями, лёгшими в основу данной диссертации.

В первую очередь я глубоко признателен руководителю программы, руководителю Финно-угорской кафедры Тартуского университета, доценту хунгарологии и уральских языков, моему научному руководителю Тыну Сейлентхало за неоценимую помощь при написании диссертации, а также секретарю программы, куратору Центра коренных финно-угорских народов им. Пауля Аристе при Тартуском университете Кади Сарв за разнообразную технико-организационную помощь и в частности за редактирование текста резюме на эстонском языке.

Я искренне благодарен рецензентам данного исследования: заведующему сектором языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, доктору филологических наук, доценту Евгению Александровичу Цыпанову и профессору финно-угорских языков Хельсинского университета Янне Саарикиви за объективную оценку диссертации и ценные советы и замечания.

Хочу выразить благодарность доценту Финно-угорской кафедры будапештского Университета им. Лоранда Этвеша Энико Сий, по инициативе которой, я, ещё будучи студентом университета в Будапеште, начал своё ознакомление с «Калевалой» и её переводами и их исследование, вылившееся сначала в дипломную работу, а затем и в докторскую диссертацию.

Я искренне признателен Нине Аасмаэ и Николаю Кузнецову за переводы резюме к настоящей работе на английский и эстонский языки.

Хочу выразить признательность также всем финно-угорским докторантам, вместе с которыми прошли мои годы пребывания в докторантуре в г. Тарту.

Посвящаю эту книгу моим родителям Анатолию Николаевичу и Галине Ивановне Ракиным, а также братьям Алексею и Георгию, которые поддерживали меня на всех этапах моей работы над данным докторским исследованием.

Тарту, 16–18 июня 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

1. ВВЕДЕНИЕ.....	11
1.1. Объект и предмет исследования.....	11
1.2. Цели и задачи исследования.....	11
1.3. Методы исследования.....	11
1.4. Теоретическая база исследования.....	12
1.5. Материалы и источники исследования.....	12
1.6. Научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность исследования.....	13
1.7. Структура и содержание исследования.....	13
2. ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ (ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД).....	16
2.1. Переводческая деятельность с коми языка и на коми язык.....	16
2.1.1. Переводы на коми язык в XIV–XX веках.....	16
2.1.2. Переводы с коми языка в XIX–XX веках.....	17
2.1.3. Взаимные финно-угорские переводы.....	18
2.1.3.1. Переводы с финно-угорских языков на коми язык.....	19
2.1.3.2. Переводы с коми языка на финно-угорские языки.....	20
2.2. «Калевала» и её переводы.....	21
2.2.1. Элиас Лённрот.....	21
2.2.2. История создания «Калевалы».....	22
2.2.2.1. Предпосылки.....	22
2.2.2.2. «Пра-Калевала»: «Собрание рун о Вяйнямёйнене» (1833 г.).....	24
2.2.2.3. «Старая Калевала»: первая редакция «Калевалы» (1835 г.).....	27
2.2.2.4. «Новая Калевала»: второе издание «Калевалы» (1849 г.).....	31
2.2.3. Переводы «Калевалы».....	36
2.2.3.1. Некоторые переводы на европейские языки.....	37
2.2.3.2. Переводы на финно-угорские языки.....	46
2.2.3.2.1. Венгерские переводы.....	46
2.2.3.2.2. Эстонские переводы.....	55
2.2.3.2.3. Удмуртские переводы.....	60
2.2.3.2.4. Перевод на вепсский язык.....	61
2.2.3.2.5. Перевод на карельский язык.....	62
2.2.3.2.6. Переводы на марийский язык.....	62
2.2.3.2.7. Перевод на эрзянский язык.....	63
2.2.3.2.8. Перевод на коми-пермяцкий язык.....	63
2.2.3.2.9. Переводы на коми (зырянский) язык.....	64

2.2.3.2.9.1. Переводы В. И. Лыткина и М. Елькина	64
2.2.3.2.9.2. Перевод А. И. Туркина	66
2.2.4. «Калевала» и коми литература, фольклор и культура	73
3. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА (ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)	83
3.1. Теоритические основы.....	83
3.1.1. Понятие перевода	83
3.1.2. Понятие преводческих трансформаций и их типология..	85
3.2. Трансформации в переводе «Калевалы» А. И. Туркина.....	90
3.2.1. Лексические трансформации.....	90
3.2.1.1. Конкретизация	91
3.2.1.2. Генерализация	95
3.2.1.3. Свёртывание значений.....	99
3.2.1.4. Развёртывание значений	101
3.2.1.5. Антонимический перевод.....	119
3.2.1.6. Логическое развитие понятий.....	121
3.2.2. Грамматические трансформации	124
3.2.2.1. Грамматическое развёртывание.....	124
3.2.2.1.1. Развёртывание инфинитивных конструкций.....	124
3.2.2.1.1.1. Конструкции с целевым инфинитивом	124
3.2.2.1.1.2. Конструкции с III инфинитивом	126
3.2.2.1.2. Развёртывание конструкций, эквивалентных предложениям.....	129
3.2.2.1.2.1. Развёртывание временных конструкций	129
3.2.2.1.2.2. Развёртывание рефера- тивных конструкций.....	132
3.2.2.1.2.3. Развёртывание модальной конструкции	133
3.2.2.2. Грамматические замены	134
3.2.2.2.1. Замена формы слова.....	134
3.2.2.2.1.1. Замена пассива активом	134
3.2.2.2.1.2. Замена времени глагола.....	136
3.2.2.2.1.3. Замена числа глагола	139
3.2.2.2.1.4. Замена числа имён существительных (прилагательных).....	141
3.2.2.2.1.5. Замена степеней сравнения прилагательных	143
3.2.2.2.2. Замена частей речи.....	145
3.2.2.2.2.1. Замена II инфинитива	145

3.2.2.2.2. Замена III инфинитива.....	147
3.2.2.2.3. Замена существительного местоимением (прономинализация).....	148
3.2.2.3. Замена членов предложения.....	149
3.2.2.3. Грамматические перестановки.....	154
3.2.2.3.1. Перестановка глагола-сказуемого.....	155
3.2.2.3.2. Перестановка определения.....	158
3.2.2.3.3. Перестановка вспомогательного отрицательного глагола.....	162
3.2.2.3.4. Перестановка предлогов (превращение предлогов в послелоги).....	163
3.2.2.3.5. Перестановка авторских слов по отношению к прямой речи.....	167
3.2.2.4. Грамматические вставки.....	168
3.2.2.4.1. Вставки в неполных предложениях.....	168
3.2.2.4.2. Вставка глагола-сказуемого.....	169
3.2.2.4.3. Вставка подлежащего.....	171
3.2.2.4.4. Вставка притяжательных местоимений.....	172
3.2.2.5. Грамматические опущения.....	177
3.2.3. Компенсация.....	182
3.2.3.1. Вставка определения (прилагательного) и обстоятельства (наречия, существительного).....	183
3.2.3.1.1. Определение.....	183
3.2.3.1.2. Обстоятельство.....	187
3.2.3.2. Ведение дополнительных параллелизмов.....	190
3.3. Безэквивалентная лексика в оригинале и переводе.....	191
3.3.1. Реалии.....	191
3.3.1.1. Понятие реалии и способы передачи реалий в переводе.....	191
3.3.1.2. Реалии в «Калевале» и её коми переводе.....	196
3.3.2. Ономастическая лексика.....	207
3.3.2.1. Антропонимы.....	208
3.3.2.2. Зоонимы.....	231
3.3.2.3. Топонимы.....	232
3.4. Стилистика оригинала и её отображение в переводе.....	240
3.4.1. Языковое своеобразие.....	240
3.4.1.1. Диалектизмы.....	243
3.4.1.2. Архаизмы.....	250
3.4.1.3. Неологизмы.....	251
3.4.2. Аллитерация.....	253
3.4.3. Параллелизм.....	265
3.5. Переводческие ошибки.....	279
3.5.1. Ошибки, обусловленные непониманием смыслов исходного текста.....	280

3.5.1.1. Семантические ошибки	280
3.5.1.2. Синтаксические ошибки	284
3.5.2. Ошибки на этапе перевыражения системы смыслов	284
4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	293
5. УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	303
6. БИБЛИОГРАФИЯ	304
КОKKUVÕTE. Komikeelne <i>Kalevala</i> mõnede kirjandusliku tõlke teooria ja praktika aspektide kontekstis	317
SUMMARY. The “Kalevala” epic in the komi language: some aspects of the theory and practice of translation	326
КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ	337
ELULOOKIRJELDUS	338

1. ВВЕДЕНИЕ

1.1. Объект и предмет исследования

Объектом исследования в настоящей работе является процесс и результат художественного перевода с финского языка на коми в контексте истории и теории художественного перевода.

В качестве предмета исследования рассматриваются: переводы с коми на другие языки и наоборот (в особенности взаимные финно-угорские переводы); переводы «Калевалы» на финно-угорские языки; коми перевод «Калевалы» А. И. Туркина; переводческие трансформации, как средство достижения переводческой адекватности; финская безэквивалентная лексика и способы её перевода на коми язык; элементы стилистического своеобразия оригинала и их отображение в переводе; виды переводческих ошибок.

1.2. Цели и задачи исследования

Основной целью данного исследования является многосторонний сравнительно-сопоставительный анализ оригинала отдельных рун «Калевалы» на финском языке и их коми переводов, выполненных А. И. Туркиным, на фоне определенных аспектов истории и теории художественного перевода.

Данная цель предполагает решение следующих конкретных задач:

- 1) рассмотрение истории художественных переводов на коми язык и с коми языка (в особенности взаимных переводов на финно-угорские языки);
- 2) изучение существующих финно-угорских переводов «Калевалы»;
- 3) выявление переводческих трансформаций и установление причин их использования в переводах «Калевалы» И. А. Туркина;
- 4) изучение безэквивалентной лексики оригинала (реалии, имена собственные) и способов её передачи в переводе;
- 5) сопоставление стилистики оригинала и перевода (языковые особенности, аллитерация, параллелизм);
- 6) анализ переводческих ошибок, установление причин их возникновения;

1.3. Методы исследования

Для решения поставленных задач применяются следующие методы:

- 1) сбор информации об имеющихся переводах на коми язык и с коми языка (из периодических изданий, антологий, сборников, отдельных публикаций, различных справочных источников и работ, касающихся истории художественного перевода);

- 2) анализ литературы, касающейся частных и общих проблем теории и практики перевода (понятие перевода, переводческих преобразований и безэквивалентной лексики, типология трансформаций и т.п.) и различных аспектов изучения «Калевалы» (история создания, стилистическое своеобразие, переводы);
- 3) сравнительно-сопоставительный анализ текстов оригинала и коми перевода «Калевалы» (определение степени адекватности, выявление константных и окказиональных соответствий, фиксация переводческих трансформаций и деформаций);
- 4) статистическое описание материала (определение частотности использования тех или иных способов перевода и трансформаций, установление количественных показателей того или иного явления);

1.4. Теоретическая база исследования

Теоретической основой исследования являются:

- труды по теории и практике перевода Л. С. Бархударова (Бархударов 1975), Н. К. Грабовского (Грабовский 2004), В. Н. Комиссарова (Комиссаров 1990), Т. А. Казаковой (Казакова 2000), К. Клауди (Klaudy 2012), Л. К. Латышева (Латышев 1981), Р. К. Миньяр-Белоручева (Миньяр-Белоручев 1980), Я. И. Рецкера (Рецкер 1974), П. Торопа (Тороп 1995), А. В. Фёдорова (Фёдоров 1983), А. Д. Швейцера (Швейцер 2009), С. Власова и С. Флорина (Власов – Флорин 1986);
- работы, касающиеся разных аспектов изучения «Калевалы»: история создания – В. Кауконен (Kaukonen 1979) и Э. Г. Карху (Карху 1996); стилистическое своеобразие – В. Я. Евсеев (Евсеев 1960), А. Аннист (Annist 1969), П. Лейно (Leino 1970); языковые особенности – М. Кууси (Kuusi 1979), А. Турунен (Turunen, 1964, 1979), Р. Юссила (Jussila 2009); переводы на разные языки – И. П. Варга (Varga 2010), П. Домокош (Domokos 1972, 1983), Е. Лаугасте (Laugaste 1986) и т.д.;
- исследования по грамматике коми и финского языков («Коми язык. Энциклопедия», СКЯЛ, СКЯ I–II; ГФЯ, ISK, Karlsson 1982, White 2006);
- лексикографические издания и справочники (КРК, КЭСК, КСК, КЯЛП, ОПП, ССКЗД, ТПС, ФРС, KL, SKES, SKPS и др.).

1.5. Материалы и источники исследования

Материалом исследования послужили переводы рун «Калевалы», выполненные А. И. Туркиным и опубликованные в 1980–1990-х годах, а также соответствующие им тексты оригинала на финском языке.

В качестве источников информации по переводам на коми язык и с коми языка на другие языки используются периодические издания (газеты

«Югьд туй», «Коми му», «Йӧлӧга», журналы «Войвыв кодзув», «Би кинь», «Арт»), различные сборники, антологии, отдельные издания переводов, работы (справочники, монографии, статьи, доклады), затрагивающие вопросы истории художественных переводов и называющие конкретные переводы.

1.6. Научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность исследования

Научная новизна работы заключается в том, что впервые на материале конкретного финско – коми художественного перевода установлены и проанализированы лексические и грамматические трансформации; изучены способы передачи на коми язык финской безэквивалентной лексики (реалии, ономастическая лексика); сопоставлены определённые стилистические элементы оригинала и перевода, рассмотрена типология переводческих ошибок. Кроме этого, впервые на основе обширного материала освещается история переводческой практики в направлении коми язык – финно-угорские языки – коми язык.

Теоретическая значимость и практическая ценность работы заключается в том, что подобного рода исследований на материале переводов финских текстов на коми язык ещё не проводилось. Её результаты могут быть использованы исследователями в дальнейших работах по теории художественного перевода, а практикующими переводчиками для повышения качества переводов на коми язык. Материалы исследования могут быть использованы в подготовке специалистов по теории и практике перевода на коми язык.

1.7. Структура и содержание исследования

В «Введении» формулируются цели и задачи исследования; обосновывается выбор темы; определяется актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость работы; указываются теоретическая база, методы, материал и источники исследования.

В главе «**Вопросы истории переводческой практики (художественный перевод)**» даётся краткий обзор истории переводов с зарождения коми письменности и до наших дней, исследуются имеющиеся финно-угорские переводы «Калевалы», а также вопросы, связанные с историей создания финского эпоса и его связей с коми литературой, фольклором и культурой.

В главе «**Вопросы теории перевода (лингвостилистические аспекты)**» рассматривается коми перевод «Калевалы», выполненный А. И. Туркиным, в сопоставлении с оригиналом на финском языке. Текст перевода анализируется с точки зрения лексико-грамматических и стилистических

аспектов. Лексико-грамматические вопросы рассматриваются при исследовании переводческих трансформаций, стилистические – во время анализа особенностей формы и языка оригинала и их передачи в переводе. Метод сопоставления текстов на двух языках даёт возможность выявить закономерные соответствия, случаи использования различных трансформаций, обнаружить факты деформации содержания оригинала, выявить ошибки, допущенные переводчиком. Подобного рода анализ позволяет выяснить, как преодолеваются трудности перевода, связанные со спецификой языка оригинала, его жанра и формы (в данном случае – архаичный, диалектный финский язык стихотворного эпического текста).

Все приводимые в данной главе примеры (цитаты) из оригинала и переводов даны с сохранением стиля и орфографии источников. Исключения сделаны только в тех случаях, когда в качестве примеров выступают отдельные слова. В таких случаях существительные даются в именительном падеже, глаголы – в инфинитиве.

Примеры даются с переводом на русский язык. Все переводы с финского и коми языков – дословные и сделаны нами (если нет указания на какое-нибудь другое лицо).

Для каждого примера даётся ссылка на его место в тексте оригинала и перевода. Ссылки оформляются следующим образом: первое число ссылки – указание на номер руны, число после двоеточия – номер строки в соответствующей руне. На текст оригинала указывается знак *φ*, на перевод – *κ*. Данные буквенные обозначения используются, если одновременно указываются параллельные места оригинала и перевода (например, 1: *φ*/κ1 или 3: *φ*36/κ35). Если ссылки на финский и коми тексты даются раздельно, то буквенные обозначения не используются (напр., 44: 237). Обозначения *a* и *б* указывают на разные варианты перевода первой руны (напр., 1: *φ*330/κ a318б320).

С целью экономии места однотипные примеры часто не приводятся, а используются только цифровые указания на их место в тексте оригинала и перевода.

В «**Заключении**» подводятся итоги проведённой работы.

«**Библиография**» содержит перечень использованных трудов различных авторов в области теории и практики перевода, грамматики коми и финского языков, изучения различных аспектов, связанных с «Калевалой». В данный перечень входят работы, ссылки на которые имеются как в тексте самого исследования, так и в тексте приложений на CD.

К работе прилагается CD с «**Приложениями**», содержащими более подробное изложение истории коми переводческой деятельности с указанием конкретных переводов, а также тексты коми переводов «Калевалы».

Тексты четырнадцати рун «Калевалы» (1–10, 34, 40, 41, 44) в переводе А. И. Туркина даются с параллельным текстом оригинала на финском языке. Источник текста оригинала – двуязычное финско-русское издание «Калевалы» 1998 г. (Калевала 1998). Коми перевод, выполненный А. И. Туркиным, даётся в соответствии с публикациями в газетах «Югд туй»,

«Коми му» и в журнале «Войвыв кодзув». При этом опускаются сноски, поясняющие имена собственные и некоторые другие слова, и вводится нумерация строк. Сохраняется орфография и пунктуация источника, не исправляются встречающиеся типографские опечатки и ошибки. Указания на опечатки и ошибки в опубликованном тексте и их исправления даются в примечаниях. Здесь же даются варианты перевода отдельных мест, имеющиеся в рукописях перевода, хранящихся в Музее просвещения Коми края, а также указываются места несовпадений рукописи и опубликованного текста перевода, которые, вероятнее всего, являются результатом редакторской работы в издательстве.

Кроме текста перевода И. А. Туркина и соответствующего ему текста оригинала в «Приложениях» приводятся также тексты переведённой В. И. Лыткиным 41-й руны, перевод отрывка из 49-й руны, выполненный М. Елькиным, и текст зачина 1-й руны на коми-пермяцком языке в переводе А. Истоминой.

Отдельные этапы и результаты исследования в качестве апробации настоящей работы были предствалены в нескольких публикациях в научных изданиях (Ракин 2009а; Ракин 2013, Ракин 2014), а также обсуждались на различных международных научно-практических форумах (IFUSCO XXV, XXVI, XXVII, XXVIII, XXX в 2009–2014 гг., CIFU XI в 2010 г.) (Ракин 2009б; Ракин 2010а; Ракин 2010б; Ракин 2011; Rakin 2011; Rakin 2012, Rakin 2014).

2. ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ (ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД)

2.1. Переводческая деятельность с коми языка и на коми язык

В данной подглаве мы останавливаемся на наиболее важных, с нашей точки зрения, аспектах истории переводов на коми язык и с коми языка. Более подробно история коми переводческой деятельности с указанием конкретных переводов рассматривается в приложении на CD.

2.1.1. Переводы на коми язык в XIV–XX веках

Переводческая деятельность на коми язык начинается с момента возникновения стефановской письменности в XIV в. и продолжается до настоящего момента. Разные её периоды отличаются как тем, что и с какого языка переводилось, так и тем, кем, в каком объёме и для каких целей это делалось.

В XIV–XIX вв. на коми язык переводились, в основном, богослужебные книги, нравственно-воспитательная, медицинская литература, а также государственные акты и тексты официального характера. Попытки перевода светской художественной литературы были единичными, к ним относятся, например, переводы Г. С. Лыткина (1835–1907). Религиозная литература переводилась с церковнославянского языка, иногда с использованием греческих текстов. Остальное – с русского языка. Переводы осуществлялись на народно-разговорный коми язык, отражавший в значительной степени родной диалект переводчиков. Переводческой деятельностью занимались как сами коми, так и те, для кого коми язык не был родным.

К XIX в. относится переводческая деятельность И. А. Куратова (1939–1875) – основоположника коми литературы. Переводы занимают большое место в его поэтическом наследии. Им переведены на коми язык произведения многих российских, западноевропейских и античных авторов: стихотворения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. В. Кольцова, Н. П. Огарева, Ф. Шиллера, Г. Гейне, Р. Бернса, Т. Гута, П. Беранже, Горация и Анакреона, басни И. А. Крылова. Переводил И. А. Куратов и фольклорные произведения славян и восточных народов.

Переводческую деятельность И. А. Куратов понимал как творчество, требующее большого мастерства, его переводы свидетельствуют о широких возможностях поэтического коми языка. Благодаря своим переложениям И. А. Куратов обогатил коми литературу новой тематикой, новыми идеями, различными новыми жанрами (сатира, баллада, фельетон, афоризм, поучение, ода, дифирамб), ввёл в неё разные образы (народные, легендарные, иронические и революционно-демократические). Коми язык

он обогатил лексикой высокого стиля, необычными формами, использованием просторечий (Федорова 1962: 60–64; Латышева 1979: 89).

К сожалению, переводы И. А. Куратова, также как и почти всё его оригинальное творчество, за исключением нескольких произведений, которые были известны среди коми как народные песни, стали широко известны только спустя полвека после его смерти, в 20–30-е гг. XX в. Тогда же было определено его место в коми литературе и культуре, его произведения стали влиять на их существование и дальнейшее развитие.

Количество переводной литературы заметно возросло после Октябрьской революции 1917 г. В 1920-е годы на коми язык переводились труды по марксизму-ленинизму, произведения русской и зарубежной классики, массово-политическая, техническая, научно-популярная и сельскохозяйственная литература, пьесы русских и зарубежных авторов, учебники для школ. Наибольшее количество переводной литературы на коми языке выходило во второй половине 1930-х и в 1950-е годы. Начиная с 1960-х годов, издание переводной литературы значительно сократилось. В 1970–80-х годах переводы публиковались главным образом в периодической печати и в отдельных сборниках. Уменьшение издания переводной литературы на коми языке объяснялось тем, что в условиях массового коми-русского двуязычия коренное население Республики Коми предпочитает читать произведения русской и зарубежной литературы на русском языке. Переводы осуществлялись только с русского языка. Переводчиками были коми писатели, ученые и журналисты (Туркин 1998а: 347).

2.1.2. Переводы с коми языка в XIX–XX веках

Первым, кто обратился к переводам коми произведений на русский язык, был И. А. Куратов. Известно около десяти переведённых им стихотворений, большинство из которых являются его собственными произведениями. К ним относятся следующие стихотворения: «С собакой» («Понкӧд»), «Молодец» («Том зон»), «Молодая девица» («Том ныв»), «Бедняк» («Гӧль зон»), «Старик» («Пӧрысь морт»), «Болезнь» («Висьӧм»), «Опять в душе моей темно...» («Со бара пемыд лолын лоис...»), «Воры» (перевод нескольких строк из стихотворения «Гусясысь»), «Поэт» (перевод фрагмента из стихотворения «Поэт»), переводы коми народных песен «Рытъя кадӧ, матушка» («В вечернюю пору ты, матушка, меня родила...») и «Ылын, ылын, выль ва сайын» («Далеко, далеко, за новой водою...»). Первые пять из вышперечисленных переводов были единственными произведениями, опубликованными при жизни И. Куратова в 1866 г. в «Вологодских губернских ведомостях» вместе с исходными коми текстами под видом коми народных песен. При этом в поэтической форме даётся только перевод стихотворения «Понкӧд», («С собакой»), остальные четыре перевода – прозаические.

В 1887 г. А. Круглов (1852–1915) в своей книге «Лесные люди» так же под видом примеров коми народных песен приводит собственный поэти-

ческий перевод стихотворения И. А. Куратова «Том ныв» («Молодая девушка») под заглавием «Деревенской красавице» и перевод ещё одного куратовского стихотворения «Муса нылдой, мича аканьдой!...» («Милая девушка, красивая куколка!...») под названием «Песня охотника». Переводы эти достаточно свободные, особенно второй – в нём сохранено только содержание оригинала (Лыткин 1973: 91–102; Лыткин 1976а: 47–50).

Таким образом, переводы А. Круглова – первые стихотворные переводы коми поэзии, сделанные русским поэтом. Остальные из вышеперечисленных переводов И. А. Куратова, как и почти всё другое его творчество было опубликовано только после Революции 1917 г.

В начале XX в. произведения коми фольклора, сказки, на русский язык переводил К. Ф. Жаков (1866–1926).

Систематически перевод произведений коми художественной литературы на русский язык стал осуществляться с 1930-х годов XX в., когда целая группа переводчиков приступила к переводу на русский язык произведений И. А. Куратова.

Количество переводов с коми языка значительно возросло в 1960–1970-е годы, что было связано с необходимостью знакомства с коми поэзией многонационального населения Республики Коми, появлением в коми лирике целого ряда новых имён, формированием одарённых русских поэтов, выросших в республике, и творческими контактами между коми и русскими поэтами республики (Дёмин 1989: 120).

Особенностями перевода с коми языка на русский является то, что в сборниках стихов русскоязычных поэтов республики отдаются целые разделы для публикации переводов коми поэзии, а также то, что коми авторы нередко сами занимаются переложениями своих произведений.

Благодаря интенсивной переводческой деятельности на русский язык коми литература расширила свой читательский актив, произведения коми авторов стали известными в России и за её пределами. Русские переводы послужили основой для дальнейшего перевода на языки народов России и западных стран, в том числе и на финно-угорские языки.

2.1.3. Взаимные финно-угорские переводы

Первые переводы с коми языка на финно-угорские языки и с финно-угорских на коми относятся к началу XX в. Однако до 1960–70-х гг. подобные переводы являлись единичными и случайными. Оживляться переводческая деятельность начала в 1970–80-х гг. В это время начинают регулярно появляться на коми языке произведения удмуртских, марийских, венгерских и других финно-угорских авторов, а на этих языках – переводы коми писателей. Характеризуя данный период в истории финно-угорских переводов, венгерский литературовед П. Домокош (1993: 221) пишет, что «взаимные переводы делались не вследствие знакомства с литературами и не с языка на язык, а: 1. при помощи русского языка; 2. под знаком обязательной программы взаимного ознакомления с культурами советских на-

циональностей; 3. мотивирующим фактором являлось соседство, принадлежность к одной зоне; 4. и только в последнюю очередь принималось к сведению, что (случайно) представляемая литература является родственной».

Новый этап в области финно-угорской переводческой деятельности начинается в 1990-х годах. С этого времени увеличивается число переводов, переводческая деятельность начинает носить системный характер, увеличивается доля непосредственных прямых переводов.

2.1.3.1. Переводы с финно-угорских языков на коми язык

Всего с финно-угорских языков на коми, по нашим подсчётам, переведено 701 произведение 187-и авторов. Соотношение переводов поэзии и прозы: 89% к 11%, или 623 поэтических произведений и 78 прозаических. 95 авторов представлены переводом только одного произведения или 51% от общего числа переведённых. 7 авторов (4% от общего числа переведённых) представлены собственными книгами (эстонцы Арво Валтон, Бетти Альвер, Марие Ундер, Хандо Руннель, Карл Ристикиви, Эно Рауд и удмурт А. А. Ельцов), остальные переводы были опубликованы в периодике и антологиях.

Наибольшее число авторов переведено с удмуртского языка – 23% от общего числа переведённых финно-угорских авторов. Доля венгерских и эстонских авторов – по 16%, марийских – 15%, финских – 13%, мордовских – 9,5%, ненецких – 3%, мансийских, хантыйских, саамских, вепсских – по 1% каждый, карельских – 0,5%.

Больше всего произведений переведено с эстонского языка – 34% от общего числа произведений, переведённых с финно-угорских языков. Доля переводов с удмуртского языка – 23,5%, с мордовского – 9%, с марийского – 8,5%, с венгерского – 8%, с финского – 6,2% с ненецкого – 4%, с саамского – 3%, с вепсского – 1,6%, с мансийского – 1,3%, с хантыйского – 0,6%, с карельского – 0,3%.

Количество переводов, сделанных напрямую с языка оригинала: 127 или 18% от общего числа.

Количественные показатели переводов с финно-угорских языков на коми приведены в следующей таблице:

	Переведённые авторы	Переведённые произведения	Поэзия	Проза	Прямые переводы
Венгерский	29	58	49 (84%)	9 (16%)	11 (19%)
Финский	25 (Финляндия: 18, Карелия: 7)	43	29 (67%)	14 (33%)	12 (28%)
Эстонский	29	239	228 (95%)	11 (5%)	91 (38%)
Удмуртский	43	164	147 (90%)	17 (10%)	13 (8%)
Марийский	28	61	55 (90%)	6 (10%)	---
Эрзянский, Мокшанский	18	62	47 (75%)	15 (25%)	---
Карельский	1	2	2 (100%)	---	---
Вепсский	2	11	11 (100%)	---	---
Хантыйский	2	4	1 (25%)	3 (75%)	---
Мансийский	2	9	9 (100%)	---	---
Саамский	2	20	20 (100%)	---	---
Ненецкий	6	28	25 (89%)	3 (11%)	---
	187	701	623 (89%)	78 (11%)	127 (18%)

2.1.3.2. Переводы с коми языка на финно-угорские языки

Всего, по нашим подсчётам, на финно-угорские языки переведены произведения 88 коми писателей. Наибольшее количество из них переведено на эстонский язык. Самое большое количество переведённых коми художественных произведений также относится к эстонскому языку.

Нами не обнаружены переводы на хантыйский, мансийский и саамский языки.

Соотношение поэзии и прозы в составе переводов на все финно-угорские языки следующее: 90% и 10%. В количественном отношении наибольшее число прозаических произведений переведено на марийский и эстонский языки. 19% переводов на все финно-угорские языки осуществлены непосредственно с коми языка. Самая большая доля прямых переводов наблюдается на финский язык.

Переводы произведений 10 коми авторов изданы отдельными книгами. У 8 из них они вышли в Эстонии (В. Юхнин, Я. Рочев, В. Тимин, Н. Обрезкова, А. Елфимова, А. Ельцова, Л. Ануфриева, Е. Козлова), две книги опубликованы в Мари Ел (А. Попов, Н. Обрезкова). Основная часть переводов появляется либо в периодических изданиях, либо в антологиях.

Переводы на финский язык осуществляются в Финляндии и Карелии. При этом, все переводы, сделанные в Финляндии, являются переводами поэзии, а в Карелии переводится и проза. Другая особенность переводческого процесса в Финляндии: почти 100% переводов осуществлено непосредственно напрямую с коми языка.

Количественные показатели переводов с коми языка на финно-угорские приведены в следующей таблице:

	Переведённые авторы	Переведённые произведения	Поэзия	Проза	Прямые переводы
Венгерский	52	233	221 (95%)	12 (5%)	104 (45%)
Финский	29 (Карелия: 6)	193 (Карелия: 39)	186 (96%)	7 (4%)	150 (78%)
Эстонский	53	492	451 (92%)	41 (8%)	---
Удмуртский	28	155	135 (87%)	20 (13%)	---
Марийский	30	142	99 (70%)	43 (30%)	---
Мокшанский	13	73	68 (93%)	5 (7%)	---
Эрзянский	12	21	14 (67%)	7 (33%)	---
Карельский	3	4	2 (50%)	2 (50%)	---
Вепсский	1	1	---	1 (100%)	---
Ненецкий	1	2	2 (100%)	---	---

2.2. «Калевала» и её переводы

2.2.1. Элиас Лённрот

Элиас Лённрот (9 апреля 1802 г.–19 марта 1884 г.) – лингвист, фольклорист, журналист, врач, основоположник финской ботаники, составитель словарей, создатель многих финских слов, профессор финского языка и литературы Хельсинкского университета – родился в бедной семье деревенского портного в местечке Саммати (Южная Финляндия). Читать научился в шесть лет, но в школу пошёл только в двенадцатилетнем возрасте: в 1814–1815 гг. учился в школе в Таммисаари, затем в 1816–1818 гг. в казначейской школе в г. Турку. Из-за финансовых трудностей учёбу пришлось прервать. В это время Э. Лённрот помогал отцу в ремесле портного, был бродячим певцом, учеником аптекаря, позже – домашним учителем. Усиленно занимаясь самообразованием, он смог подготовиться и поступить осенью 1822 г. в университет в г. Турку, в Туркускую Академию. В это же время в университет поступили и такие впоследствии ставшие знаменитыми финны, как Й. Л. Рунеберг и Й. В. Снельман. Туркускую Академию Э. Лённрот заканчивает в 1827 г. В 1828–1832 гг. он изучает медицину в Хельсинки, куда после пожара в г. Турку был переведён университет. Здесь же он пишет диссертацию под названием «Магическая медицина финнов» («Om Finnarnes magiska medisin»).

В 1833 г. Э. Лённрот получает должность окружного врача в г. Каяни (Восточная Финляндия). В период жизни в Каяни (до 1853 г.) Э. Лённрот осуществил огромную работу по записи финского и карельского фольклора и созданию «Калевалы». В 1828–1842 гг. он совершил 11 поездок по финской и российской Карелии. Данные экспедиции имели, прежде всего, фольклорные и лингвистические цели, но дневники Э. Лённрота, его путевые записи и заметки также содержат ценные географические, этнографические и краеведческие сведения.

В 1836 г. Э. Лённрот основал первый литературный журнал на финском языке «Mehiläinen» («Пчела»), выходящий в 1836–1837 и 1839–1840 гг. В 1839 г. он издаёт работу «Suomalaisen Talonprojan Koti-Lääkäri» («Домашний врач финского крестьянина»). В 1853 г. его приглашают профессором финского языка и литературы в Хельсинкский университет.

Э. Лённрот известен также как составитель сборников «Финские народные пословицы» («Suomalaisia sananlaskuja», 1842 г.), «Финские загадки» («Suomen kansan arwoituksia», 1844 г.), автор первого финноязычного определителя растений «Флора Финляндии» («Flora Fennica», 1860 г.) и «Финско-шведского словаря» («Suomalais-Ruotsalainen sanakirja», 1866–1880 гг.). Известно нескольких его собственных поэтических произведений, переводы на шведский язык финского фольклора и на финский произведения Й. Л. Рунеберга и Гомера. Э. Лённрот участвовал в составлении нового псалтыря, в него вошли как его переводы, так и собственные сочинения. Им были созданы многие научные термины (особенно в области филологии и биологии), которые сейчас являются неотъемлемой частью финского языка. (Aarne 1985; Laaksonen 1999).

2.2.2. История создания «Калевалы»

Обычно, говоря о «Калевале», имеют в виду вышедшее в 1849 г. второе расширенное её издание, называемое также «Новой Калевалой» («Uusi Kalevala»). Это издание сделало карело-финские руны всемирно известным, оно является основой почти всех переводов. Ставшая канонической вторая редакция эпоса – результат длительного и многоэтапного процесса. Концепция будущей эпической поэмы вызревала и видоизменялась по мере накопления новых, записанных сами Э. Лённротом и другими исследователями, фольклорных материалов. В течение двух десятилетий, предшествующих 1849 г., Э. Лённротом был подготовлен ряд промежуточных работ. Некоторые из них были опубликованы, какие-то остались в рукописи и были изданы в научных целях значительно позже. «Калевале» 1849 г., содержащей 50 рун (22795 стихотворных строк), предшествуют «Собрание рун о Вяйнямёйнене» («Runokokous Väinämöisestä», 1833 г., 16 рун, 5052 строки) или «Пра-Калевала» («Alku-Kalevala») и изданная в 1835 г. т.н. «Старая Калевала» («Vanha Kalevala», 32 руны, 12078 строк).

Основой излагаемого нами далее являются труды о «Калевале» и Э. Лённроте, принадлежащие А. Аарне (Aarne 1985), В. Кауконену (Kukonen 1979), Э. Г. Карху (Карху 1996), а также работы Х. Сихво, И. П. Варга и А. И. Мишина (Sihvo 1999; Varga 2010: 31–44; Мишин 1988: 5–63).

2.2.2.1. Предпосылки

Первые письменные упоминания о финской народной поэзии относятся к XVI в., когда основоположник финской литературы епископ г. Турку М.

Агрикола в стихотворном предисловии к «Псалтырю Давида» («Davidin Psalttari», 1551 г.) перечисляет имена фольклорных персонажей Вайнямёйна, Илмаринена, Ахти, Тапио.

В XVI–XVII вв. духовенство относилось к народной поэзии не однозначно: одной из его важнейших задач было осуждение и искоренение язычества, но, с другой стороны, священники как представители гуманизма проявляли интерес к культурным традициям прошлого. Этот интерес возрос, когда в начале XVII в. был получен заказ от шведского государства на запись народных преданий, легенд, рассказов и песен, повествующих о прошлых временах, с целью подтверждения исконных прав шведского престола на владение обширными территориями на севере Европы. Хотя эта цель осталась не достигнутой, были записаны многие прозаические рассказы о великанах, в том числе о Калеве и Калевипоэге, руна о смерти епископа Хенрика, заклинания.

Интерес к сбору народной поэзии и её изданию в Финляндии усилились в конце XVIII в. в период раннего романтизма. Этот интерес подпитывали идеи И. Г. Гердера о том, что собрание и изучение фольклора делает возможным познание собственных корней. Наиболее значительными изданиями того времени являются такие книги, как «О финской поэзии» Х. Г. Портана («De poesi fennica», 1766–1778 гг.) и «Финская мифология» Х. Ганандера («Mythologia fennica», 1789 г.). Центральным героем содержащихся в этих двух работах эпических песен был Вайнямёйнен. Однако по сравнению с последующими изданиями эпические руны составляют лишь небольшую часть из представленного в данных изданиях материала, основная его доля – различные заклинания и молитвы. Значение труда Х. Ганандера заключается в том, что он является как бы отправной точкой для последующей генерации собирателей финского фольклора. В начале XIX в. появляется сборник народной поэзии К. А. Готтлунда под названием «Небольшие песни для развлечения сынов Финляндии» («Pieniä Runoja Suomen Pojille Ratoxi» I–II, 1818–1821 гг.), который Э. Лённрот использовал во время создания «Старой Калевалы». Однако, с точки зрения появления «Калевалы», наибольшее значение имеет сборник С. Топелиуса-старшего «Старые руны финского народа, а также более новые песни» («Suomen Kansan Vanhoja Runoja, unnä myös Nykyisempiä Lauluja» I–V, 1822–1831 гг.). По мнению В. Кауконена, без данного труда не появилась бы работа Э. Лённрота, т.к. С. Топелиус был тем, кто в своё время записал от российских карел самые объёмные эпические песни, чем направил внимание Э. Лённрота за пределы Финляндского княжества. Сборник С. Топелиуса также был образцом для Э. Лённрота, когда он стал планировать подготовку к изданию материалов, собранных в первой поездке.

Появившиеся в XVIII в. труды, в том числе и книги Х. Г. Портана и Х. Ганандера, были важны не столько количеством содержащихся в них фольклорных текстов, сколько связанными с ними замечаниями и исследованиями. Х. Г. Портан в размещенной в конце книги работе обращал внимание на то, что собранные варианты песен происходят из одного ис-

точника и высказывал мнение о том, что, учитывая определённые закономерности, данные вариации можно объединить. В качестве доказательства он сам составляет на основе вариантов руну о рождении железа («Raudan syntu»). Х. Г. Портан не считал нужным при этом опускать более поздние христианские элементы, что впоследствии было не характерно для Э. Лённрота, особенно при создании «Старой Калевалы».

Идею Х. Г. Портана об объединении вариантов рун потом позаимствовали другие исследователи. Так, в 1817 г. К. А. Готтлунд в опубликованной в «Svensk Literatur-Tidning» ('Шведская литературная газета') рецензии на книгу Ф. Рюза «Финляндия и её жители» («Finland und seine Bewohner», 1809 г.) наряду с изложением теории о древней языческой эпохе финнов высказывает мысли о возможности создания героического эпоса. В этом, возможно, сыграла свою роль книга Ф. А. Вольфа о Гомере и его эпосах (1795 г.), в которой появление гомеровских эпосов относится к дописьменному времени и утверждается, что это была такая серия песен, которая распространялась с помощью устной традиции и была записана в VI в. до н. э. В данной работе Ф. А. Вольф занимается народным и книжно-литературным эпосом, выявляет различия между ними, сопоставляя эпосы Гомера и Вергилиуса. На эту теорию опирался еще Г. Х. Портан в своих мыслях об объединении вариантов рун, из неё исходит и К. А. Готтлунд, говоря о возможном финском эпосе: «Если, таким образом, молодые, более заботящиеся об отечественном искусстве писатели (так как на более старших в этом отношении не особо можно рассчитывать) попробуют беречь и развивать родную литературу – какое поле деятельности откроется перед их попытками! Они столкнутся с такими моментами, которые бесцельно ищут в иностранной литературе –...если найдётся воля собрать старинные народные песни и составить из них упорядоченное целое, будь то эпос, драма или что-нибудь другое, то может родиться новый Гомер, Оссиан, или „Песнь о Небелунгах“; и, прославившись, финская нация достоинством и блеском своей самобытности, осознанием своей сущности, украшенная нимбом вызвала бы восхищение современников и потомков». (Kaukonen 1979: 16).

В начале XIX в. произведения карело-финского фольклора публиковались и за пределами Финляндии. Так, в конце его второго десятилетия в Швеции, в г. Уппсала вышел сборник Г. Р. Шрётера «Финские руны» («Finnische Runen»), содержащий 34 руны и их переводы на немецкий язык.

2.2.2.2. «Пра-Калевала»: «Собрание рун о Вяйнямёйнене» (1833 г.)

Интерес Э. Лённрота к народной поэзии зародился, скорее всего, под воздействием работ его учителя, преподавателя университета в г. Турку Р. фон Беккера, который издавал единственную в то время газету на финском языке «Tuomi Viiko-Sanomat» ('Туркуский еженедельник'), собирал и публиковал в ней фольклорные материалы. Под руководством Р. фон Беккера и с использованием собранных им материалов Э. Лённрот

пишет магистерскую работу под названием «Вяйнямёйнен – древнефинское божество» («De Väinämöine, priscorum Fennorum numine», 1827 г.). Значение работы заключается в том, что уже здесь проявляется основательная осведомленность Э. Лённрота в ранних фольклорных записях, а также работах собирателей и их идеологов – М. Агриколы, Х. Г. Портана, Х. Ганнадера, Ф. Рюза. В представленном Э. Лённротом образе Вяйнямёйнена одновременно сочетались черты изображаемых различными мифологиями полубогов и героев, а также их финские трактовки XVIII в.

После пожара в Турку осенью 1827 г. в университете прекратились занятия и весной 1828 г. Э. Лённрот отправляется в Хяме, Саво и Карелию, в первую свою поездку. Из собранных тогда лирических песен и пританий он издаёт сборник рун в четырёх частях под названием «Кантеле, или старинные и новые руны и песни финского народа» («Kantele taikka Suomen Kansan Vanhoja sekä Nykyisiä runoja ja lauluja» I–IV, 1829–1831 гг.). Согласно В. Кауконену, для сбора и издания записанного были следующие причины: Э. Лённрот хотел спасти руны от исчезновения, т.к. они одновременно являлись и важными источниками познания прошлого, и обладали поэтической ценностью (Kaukonen 1979: 34).

О своих поездках в 1831 и 1832 гг., по счёту второй и третьей, Э. Лённрот рассказывает в разных своих письмах. Так, в написанном в 1833 г. секретарю Общества финской литературы (Suomalaisen Kirjallisuuden Seura – SKS) К. Н. Кекманну письме говорится, что удалось записать такие эпические песни, центральная фигура в которых – Вяйнямёйнен, наряду с которым постоянными героями являются Илмаринен и Лемминкяйнен. Из другого письма проступают элементы более поздней мысли о создании большого эпического произведения: «Что было бы, если бы Общество, переиздало все финские руны, которые этого заслуживают, таким образом, что собрало бы вместе все, что в разных местах можно найти о Вяйнямёйнене, Илмаринене, Лемминкяйнене, затем объединило бы этот материал, а *lactiones variantes* (разные варианты) разместило бы где-нибудь внизу, или на последней странице» (Kaukonen 1979: 39).

Свою работу Э. Лённрот начал с объединения эпических фрагментов, рассказывающих о Лемминкяйнене. Выбор был сделан в пользу данного персонажа, скорее всего, из-за того, что рун о Лемминкяйнене было сравнительно мало и работа с ними казалась не такой проблематичной, как с песнями о других героях. Однако до завершения этой работы, осенью 1833 г. Э. Лённрот отправился в новую поездку – четвёртую по счёту. В Беломорской Карелии он повстречался с такими рунопевцами, как Онтрей Малинен и Вассила Киелевяйнен. Во время встречи с последним Э. Лённрот пытался получить подтверждение тому, что руны объединялись в циклы при исполнении их самими певцами. От вышеназванных исполнителей Э. Лённрот записал среди прочего цикл о Сампо, руны о Випунене и создании кантеле. Центральным героем этих песен был Вяйнямёйнен, поэтому, несмотря на первоначальный план, Лённрот начинает объединение в единое целое рун о Вяйнямёйнене. Когда же пришла очередь рун

об Илмариенен и Лемминкяйнене, он осознал, что эти два героя тесно связаны с готовым циклом о Вяйнямёйнене и уже не осталось необходимого количества материала, чтобы из него создать отдельные части, повествующие об этих героях. Данная ситуация и привела к появлению «Собрания рун о Вяйнямёйнене» («Runokokous Väinämöisestä», 1833), которое включило в себя и развивало дальше повествование вышеназванных циклов о Вяйнямёйнене («Väinämöinen», 1876 строк) и Лемминкяйнене («Lemminkäinen», 825 строк), а также поэмы «Песни свадебных гостей» («Naimakansan virsiä», 499 строк). Вместе эти три произведения часто именуются как «Sikermä-Kalevala» (букв. 'Калевала-скопление').

Для появления в названии «Собрание рун о Вяйнямёйнене» обозначения «собрание» характерно тогдашнее представление Э. Лённрота: размещение в хронологической последовательности группирующихся вокруг одной центральной фигуры частей собранного материала. Помимо рун о Вяйнямёйнене в данный сборник вошли руны и о других эпических героях, в том числе о Куллерво и его мести своей хозяйке – жене Илмариена.

В сборнике имелось краткое предисловие, в котором высказывался ряд мыслей, встречающихся затем и в других работах Э. Лённрота. Так, ничего не скрывалось в отношении принципов составительской работы. Э. Лённрот указывал, что тексты рун составлены из нескольких, иногда из пяти-шести, вариантов, а ради целостности повествования были сочинены некоторые связи между эпизодами. Он также предлагал опубликовать полевые записи рун в приложении к книге. Касаясь общей последовательности рун, Э. Лённрот писал, что руководствовался как опытом самих рунопевцов, так и «естественным порядком» эпических событий. При этом он не настаивал на том, что предлагаемая им композиция единственно возможная и готов был выслушать разумные советы и предложения.

По мнению В. Кауконена, работу «Собрание рун о Вяйнямёйнене» с точки зрения её темы и построения, одна из первых рун которой рассказывает о сотворении мира, уже можно назвать эпосом. И хотя данное произведение полно противоречий, исследователи единодушны в том, что оно является важным шагом к более обширному эпическому целому, поэтому его и называют «Пра-Калевалой».

2.2.2.3. «Старая Калевала»: первая редакция «Калевалы» (1835 г.)

В научной литературе о «Калевале» среди рунопевцов шестерых считают наиболее важными – это уже упоминавшиеся Онтрей Малинен и Вассила Киелевийнен, а также Матели Куиваатар, Ларин Парске, Юхана Кайнулайнен и Архиппа Пертунен. От них были получены наиболее объёмные эпические и лирические песни. С двумя последними Э. Лённрот встретился во время своей шестой поездки в 1834 г. Записанные от А. Пертунена варианты рун побудили Э. Лённрота приостановить публикацию «Сборника рун о Вяйнямёйнене» с тем, чтобы дополнить его новыми вариантами (работа была опубликована только в 1891 г. в книге «Kalevalan esityöt» («Предварительные работы над „Калевалой”»), а отдельным изданием – в 1929 г). Работа над новым вариантом эпоса под названием «Калевала, или старинные карельские руны о древних временах финского народа» («Kalevala taikka Vanhoja Karjalan Runoja Suomen kansan muinaisista ajoista») была завершена 28 февраля 1835 г.

В «Пра-Калевале» текст подразделялся на шестнадцать песен, для обозначения которых Э. Лённрот ввёл свой, впоследствии не прижившийся, неологизм *laulanto*. В «Калевале» 1835 г. вместо песен было тридцать две руны. Слово *runo*, обозначаемое как древнюю устно исполняемую руну, так и современное стихотворение, показалось теперь составителю эпоса более приемлемым: своей двузначностью оно указывало на возникавший из рунопевческой традиции книжный эпос, который предназначался уже не для пения, а для чтения в качестве эпического текста.

Сюжетно-композиционная основа «Пра-Калевалы» сохранилась и в «Старой Калевале», но были внесены и существенные изменения и дополнения. Так, появился пролог и эпилог, что придавало поэме более целостный вид. Пролог и эпилог были составлены Э. Лённротом из так называемых «песен о песнях», в которых рунопевцы сообщали о том, откуда они научились своему искусству. Через них в «Калевалу» вводился образ певца-повествователя, роль которого ещё более усилилась в расширенной композиции «Калевалы» 1849 г.

Произошли некоторые сюжетные перестановки, которые устраняли формально-логические противоречия в очередности событий. Так, в «Пра-Калевале» повествование начиналось с эпизода вражды Ёукахайнена и Вяйнямёйнена, только после этого следовало описание возникновения мира. Этот порядок остался и в первом издании «Калевалы» (он был изменён в редакции 1849 г.), но обоим эпизодам теперь предшествовал эпизод рождения Вяйнямёйнена как исходная точка всех дальнейших событий. В расширенной редакции 1849 г. этот начальный эпизод приобретает ещё более подчёркнутый космогонический смысл.

Для усиления сквозного композиционного единства важным было то, что в первой руне рассказывалось о рождении Вяйнямёйнена, а в последней – о рождении чудесного младенца, в котором узнавался образ Христа. После этого события Вяйнямёйнен уходит, что символизирует конец языческой эпохи.

В композиции 1835 г. большую роль играла зачинательная и лирическая поэзия. В предисловии Э. Лённрот обращал на это особое внимание: в соединении эпики, зачинаний и лирики в одной композиции он не видел ничего предосудительного.

Как следует из названия, Э. Лённрот не только дополнил, но переработал уже готовый к публикации материал. Фигурирующее в названии наименование Калевала обозначает землю Калева. Выбор слова свидетельствует о появлении новой концепции. В названии ранее отозванной работы Э. Лённрот указывает на то, что речь идёт о таком собрании, в котором истории связаны с одним героем. Новое название – «Калевала» – появилось по примеру греческих эпосов. Об этом сам Лённрот пишет в предисловии издания 1835 г.: «Греки Илиадой называли одну часть гомеровских песен, хотя не всегда действие в ней происходит в Илионе» (Kaukonen 1979: 65). Также по примеру греческих произведений действие группируется вокруг борьбы, протекающей между Калевалой и Похьёлой. На способ построения сюжета помимо греческой модели повлияли и представления о том, что присутствие борьбы – обязательный элемент эпоса, а также статья Г. Рейна о Вяйнямёйнене как об историческом персонаже, возможно, являвшемся одним из вождей древних финнов. По мнению Г. Рейна, древним финнам приходилось бороться с саамами за территорию, а Вяйнямёйнен при этом был одним из вождей финского племени или объединения племен. Под натиском финнов саамы отступили на север. Две территории, южная и северная части Финляндии, могли быть, таким образом, упоминающимися в эпических песнях Калевалой и Похьёлой. Этот романтический взгляд на историю Э. Лённрот перенял лишь частично: по его мнению, история, рассказываемая фольклорными произведениями, не может сопоставляться с исторической действительностью. Эти две истории не противоречат друг другу, а скорее дополняют одна другую. Э. Лённрот, например, не отрицал историческую реальность столкновений финнов и саамов, но при этом не был согласен, когда значение встречающегося в рунах слова *lappalainen* сопоставляли с современным значением ‘саам’, или когда эпические топонимы сопоставляли с реально существующими географическими названиями.

Это двойственное восприятие истории характерно для рецепции первого издания. Трактовка произведения как народного, или как литературного эпоса характерно скорее для рецепции второй редакции эпоса. Первое издание почти все рассматривали как народный эпос. Лишь К. А. Готтлунд подчёркивал, что данное произведение – результат работы Э. Лённрота, которое хоть и опирается на народную поэзию, но его ценность снижают произведённые над собранным материалом манипуляции. Наблюдаемые в критических отзывах различия объясняются расхождениями в восприятии их авторами понятия историчности, а также различными способами интерпретации народных эпических произведений романтикой XIX в., т.е. в применении мифологической или исторической

точек зрения. Первую представляли Е. А. Ингман и Я. Гримм, вторую – Х. Пипониус, М. А. Кастрен и Р. Тенгстрём.

Внимание немца Я. Гримма к финскому фольклору привлёк переведённый на немецкий язык Г. Р. Шрётером сборник финского фольклора. С «Калевалой» он познакомился благодаря шведскому переводу М. А. Кастрена 1841 г. В вышедшей в 1844 г. «Германской мифологии» Я. Гримм ссылается на неё, а в докладе, сделанном в 1845 г. в берлинской Академии наук, сопоставляет финский эпос с древнегреческой, немецкой и скандинавской мифологиями. Согласно представлениям Я. Гримма, фольклорные эпические произведения содержат элементы, указывающие на дописьменную историю народа. Но поскольку история базируется на реальных событиях, постольку древняя поэзия дописьменной эпохи опирается на мифологических события и распространяется путём устной традиции. Согласно мифологической перспективе Я. Гримма, Вяйнямейнен, Илмаринен и Лемминкяйнен являются богами.

Е. А. Ингманн также опирается на мифологическую перспективу в своей лекции «Несколько слов о „Калевале“» («Några ord om Kalevala») в 1836 г. По его мнению, данный эпос – такое мифологическое произведение, в котором противоборство Калевалы и Похьёлы символизирует борьбу света и тьмы.

Х. Пипониус в своей критике 1839 г. встаёт на сторону исторической перспективы. В статье он критикует сам эпос за его противоречия: считает его «обрывочным эхом своеобразной культуры, религиозных представлений и общественных институтов далекой эпохи» (Kaukonen 1979: 90).

С исторической точки зрения подходил к данному произведению и А. М. Кастрен. В предисловии к шведскому переводу 1841 г. и в лекциях о «Калевале» он критикует порядок следования рун, их целостность, противоречия в сюжете. Его критические замечания относятся в основном к структурному построению эпоса, который он считал подлинным народным произведением, чьи строки «сквозь столетия говорят глубокие как ночь слова о вере, мудрости и силе предков» (Kaukonen 1979: 99). Указывая на недостатки в структуре, М. А. Кастрен в основном требовал от «Калевалы», чтобы события происходили в той последовательности, как это было в древности в действительности. Веря в возможность реконструкции предполагаемого древнего эпоса, он оставил без внимания, что все его замечания иногда относятся к вставкам или корректировкам Э. Лённрота. Что касается жанрового вопроса, М. А. Кастрен считал «Калевалу» двумя отдельными поэтическими произведениями: одно связано с Сампо, а другое со сватовством. На основе сюжета он сразу же выстраивает аналогию: первое родственно с Илиадой, второе – с Одиссеей.

После критики Х. Пипониуса и М. А. Кастрена, в 1845 г. Р. Тенгстрём публикует две работы о «Калевале», которые также рассматривают эпос с точки зрения исторической перспективы. Однако взгляд на историчность у него значительно отличается от взглядов первых двух. Р. Тенгстрём верил

в то, что события в эпосе связаны с реальной историей, но при этом подчёркивал, что в силу своих художественных особенностей они значительно отклоняются от конкретных исторических событий и личностей. В своей работе он подчеркивал, что рассматривает «Калевалу» как художественное произведение, как продукт цивилизационного развития и вкусов отдельного народа, как многоуровневое произведение, в котором разные пласты отражают связь с реальностью различных эпох. Он предполагал, что у каждого народа, и у финнов тоже, была своя героическая эпоха. Начавшиеся тогда процессы, однако, оборвались во времена распространения христианства. По его мнению, уход Вяйнямёйнена, о котором рассказывается в последней руне, указывает как раз на эту смену эпох. Согласно эпосу, Вяйнямёйнен только тогда вернётся назад в Калевалу, когда настанет необходимость в нём, когда народ почувствует необходимость изготовления нового Сампо. Этот момент, по мнению Р. Тенгстрёма, символизирует зарождение новой формы государственности – национального государства.

Частично был не согласен с Р. Тенгстрём Ю. В. Снельман. Первоначально он отрицал наличие финской древней героической эпохи. Позднее, с определенными возражениями, Ю. В. Снельман всё-таки принял вероятность её существования. По его мнению, если и была у финнов героическая эпоха, она не могла быть похожей на героическую эпоху «Илиады» или «Песен о Нибелунгах», также и Вяйнямёйнен или другие калевальские герои отличаются от героев классических эпосов. Под воздействием лекции Я. Гримма Р. Тенгстрём указывал как раз на подобие «Калевалы» классическим эпосам. Её сказочные элементы он рассматривает также с позиции историчности. Цикл о Сампо, по его мнению, символизирует в финской культуре время культуры и цивилизации. То, что народ Калевалы утрачивает Сампо, а новое уже не способен создать, указывает на стагнацию в истории, которая совпадает с периодом шведского владычества, длящегося до 1809-го года.

В «Калевале» Ю. В. Снельман видел рождение финноязычного произведения, которое может стать родоначальником национальной литературы на финском языке. По этой причине для него важны были не мифологическая или историческая концепции, реализуемые в трактовке произведения. Эпос был доказательством таких его связанных с литературой взглядов, которые были сформулированы в 1840-х годах. По представлениям Ю. В. Снельмана такое произведение на финском языке может быть частью финской национальной литературы, которое отражает финское национальное самосознание и поддерживает тот национальный дух, из которого рождено. После появления «Калевалы» связь нации и национальной литературы выразилась в таком диалектическом утверждении, согласно которому «финны – нация, потому что они имеют национальную литературу» (Laitinen 1981: 186).

Таким образом, в непосредственных реакциях после появления первого издания эпоса сильнее всего проявилась историческая перспектива. Эта

тенденция связана с идеологией той эпохи, с представлениями о связях между народом и историей. «Калевала» Э. Лённрота отображала древнюю историю новой, образовавшейся после 1809 г. политической единицы, Финляндии, которая под воздействием немецкой философии романтики хотела подчеркнуть единство финского народа. Так это видели и в SKS, тогдашний председатель которого Ю. Г. Линсен на одном из заседаний в 1836 г. высказался следующим образом: «Сокровищница древних финских песен, которая недавно была издана Обществом, настолько ценна, что наша отечественная литература благодаря ей не только чрезмерно обогатилась, но и поднялась до европейского уровня. Мы можем, таким образом, не хвастаясь сказать, что наша литература только что поднялась из колыбели. Имея эти эпические песни, Финляндия с укрепившимся чувством собственного достоинства может правильным образом усваивать дальнейшее духовное развитие. Финляндия может сказать себе: „И у меня есть история!“» (Kaukonen 1979: 89).

В 1840–1841 гг. Э. Лённротом был издан сборник народных лирических песен и баллад «Кантелетар», большинство текстов которого составлены из строк разных вариантов какой-либо песни. В сборнике присутствуют и произведения, написанные самим Э. Лённротом с использованием фольклорных образцов и постоянных строк-формул. Многие из «Кантелетара» позже было перенесено в «Калевалу» 1849 года.

2.2.2.4. «Новая Калевала»: второе издание «Калевалы» (1849 г.)

Э. Лённрот уже в 1835 г., после появления первого издания «Калевалы», ощущал её неполноту. Он предполагал, что есть ещё такие территории, на которых можно было бы собрать новые материалы, поэтому в этом же году (и за последующие четыре года ещё четыре раза) отправился на полевые исследования. Для сбора материала SKS выделило помощников. В 1840-е годы полевыми записями занимались в основном уже другие, собранный материал передавался Э. Лённроту, на которого легла обязанность его обработки. Организованный сбор рун начался под воздействием первого издания «Калевалы». Благодаря рецензиям на неё и развернувшейся вокруг них полемике эпос попал в центр общественного внимания, «пробудил в Финляндии такой деятельный, целенаправленный и результативный энтузиазм, направленный на сбор древних, сохраняемых в традиции народных рун, который ранее не наблюдался ни в Финляндии, ни в какой-нибудь другой стране. Причиной нового воодушевления было более сильное чем прежде убеждение, что народная поэзия не только является наиважнейшим источником и доказательством для этнографии и истории в их исследовании жизни и её условий в ушедшие эпохи, но и может осветить древнюю историю финского народа» (Kaukonen 1979: 140).

При интерпретации эпоса Э. Лённрот также считал наиболее релевантным исторический подход. В первых строках предисловия ко второму

изданию он отмечает, что цель данного произведения более детальное описание древней эпохи финского народа: «Настоящая книга о древнем быте наших предков теперь выходит в свет в более совершенном виде, сравнительно с последним изданием» (Бельский 1915а: xxv).

За 14 лет, прошедших между появлением двух изданий «Калевалы», были более тщательно обследованы уже известные фольклорные регионы и открыты новые. Последней является Ингерманландия, честь открытия фольклорных богатств которой принадлежала молодому помощнику Э. Лённрота Д. Э. Д. Эвропеусу.

В предисловии Э. Лённрот перечисляет исследователей, принимавших участие в записи материалов, поименно, особо выделяет работу Д. Э. Д. Эвропеуса. При этом не называется никто из рунопевцов, даже наиболее важных. Указываются лишь территории, сёла, где происходили встречи с исполнителями. Анонимность подчеркивалась Э. Лённротом не только умолчанием имён рунопевцов, но и грамматическими формами, используемыми в предисловии: его автор ни разу не использовал форму первого лица единственного лица. Сюда же относится и тот факт, что имя Э. Лённрота не фигурирует на обложках ни одного из двух изданий. Практически только подписанные и снабжённые датой предисловия свидетельствуют о том, что у Э. Лённрота была какая-то роль в появлении эпоса.

Причинами того, что Э. Лённрот не считал обязательным упоминание имён и других сведений об исполнителях, были обстоятельства записи, не позволяющие фиксировать подобного рода сведения; отсутствие в фольклористике того времени нормативных правил, ставших общепринятыми позже; взгляд на народную поэзию, согласно которому она считалась результатом исключительно коллективного, а не индивидуального творчества, рунопевцы при этом рассматривались как хранители древней общенародной традиции, а не как индивидуальные авторы-творцы.

На собственное авторство не претендовал и Э. Лённрот, понимая своё участие в появлении эпоса как соавторство: литературная обработка рун в «Калевале» не отменяла их подлинной народности.

По мнению исследователей, отсутствие имени создателя-составителя на обложке объясняется не столько скромностью и отсутствием авторского честолюбия у Э. Лённрота и запросом общественности на создание национального эпоса, а не индивидуальной поэмы, сколько сознанием культурно-исторического своеобразия предложенной композиции, возникшей на стыке устной (коллективной) и книжно-литературной традиций.

В 1849 г. в газете «Litteraturblad» («Литературная газета») Э. Лённрот сам себя причислял к числу рунопевцов. Свою творческую деятельность он считал аналогичной исполнительской технике народных исполнителей. Поскольку последние во время исполнения рун могут обращаться только к своей памяти, они постоянно варьируют текст исполняемой песни. Этим занимался и сам Э. Лённрот, когда выбирал самые хорошие строки из вариантов рун, или когда сам сочинял строки «в духе „Калевалы“». В качестве рунопевца он чувствовал себя имеющим право на это. Под-

держку он находил и в понимании сути эпоса, высказанном Р. Тенгстрёмом: «большие эпические поэтические произведения являются одновременно и поэмами одной личности, и результатом взаимодействия многих других людей. Цельное художественное поэтическое произведение требовало поэта, с другой стороны оно в качестве продукта народного духа жило на устах всех, и передавалось от поколения к поколению» (Kaukonen 1979: 181).

Написанные во время работы над новым изданием эпоса письма Э. Лённрота рисуют картину сознательного составителя, творца. Он хорошо понимал, что эпос опирается на народную поэзию, но был создан за его письменным столом: это результат составительской, творческой работы, который в связи с какой-либо другой концепцией мог бы быть совершенно другим. Об этом Э. Лённрот пишет в одном из своих писем в 1848 г.: «из собранных теперь рун может получиться семь „Калевал“, все разные» (Kaukonen 1979: 164).

Во время работы над первым изданием «Калевалы» Э. Лённрот, по его собственному признанию, испытывал недостаток фольклорного материала и вынужден был очень бережно с ним обращаться. Теперь же у него было ощущение преизбытка материала и приходилось следить за тем, чтобы в новой композиции эпос не стал слишком длинным. Фольклорная основа новой редакции стала богаче, но одновременно повышалась и личная творческая роль Э. Лённрота в обращении с имеющимся материалом. Композиция становилась более мозаичной, отдельные строки, образные параллели, метафоры заимствовались из большего числа источников, был более широкий выбор. Э. Лённрот осознавал это. Возрастание личного творчества представлялось ему как продолжение и развитие рунопевческой традиции.

В качестве сознательного творца Э. Лённрот стремился учитывать претензии к первому изданию, особенно замечания М. А. Кастрена, связанные с противоречиями в сюжете. Благодаря этому, например, окончательный вид приобрел эпизод о создании мира. В первом издании Вяйнямёйнен, чтобы родиться, просит помощи у небесных тел. Затем, после своего рождения создаёт солнце и луну. В новой редакции небесные светила образуются из яйца утки, и после этого помогают в появлении на свет Вяйнямёйнелу. Также для более логичного развёртывания сюжета Э. Лённрот объединяет некоторые действующие лица: мать Вяйнямёйнелы, Илматар и Деву вод; Лемминкяйнелу, Ахти и Каукомели; хозяйку Куллерво и похъёльскую жену Илмаринелу и т.д. В фольклорных вариантах эти имена обычно выступали отдельно, и герои подразумевались разные. В «Калевале» же имена варьируются, но относятся к одному лицу. Они стали синонимами для обозначения героев с двойными, тройными именами.

Большим изменением было исключение из текста христианских элементов. Так, например, были заменены действующие лица в эпизоде, рассказывающем о возвращении героев эпоса на родину после добычи в

Похъёле Сампо: в вариантах рунопевцов, плывя по морю, Вайнямёйнен просит грести Деву Марию либо же кого-нибудь из апостолов. В «Калевале», в свою очередь, вместо них появляется Илмаринен. Причина данных замен – точка зрения Э. Лённрота на время происхождения описываемых в эпосе событий: действие разворачивается в дохристианскую эпоху, поэтому христианские мотивы никак не согласуются с языческим характером эпоса. Текст рун изменялся характерным для бытующей в устной традиции народной поэзии образом, т.е. христианские элементы попадали в руны на более поздних этапах их бытования. В «Калевале» остаются нетронутыми лишь христианские элементы последней руны: они как раз указывают на поворотный пункт финской древней истории – на принятие христианства.

Однако полностью избавиться от влияния христианской этики Э. Лённрот не мог и не хотел. Ю. Крон писал в 1885 г.: «Вся система восприятия и изображения в „Калевале“ испытала, по всей вероятности, значительное влияние христианства, впитала в себя христианскую кроткость и мягкосердечие. К примеру, многие молитвенные обращения в заклинаниях едва ли могли возникнуть вне контакта с духом христианства» (Карху 1996: 185). Т.е. христианские влияния проникли в самую фольклорную традицию, их не следует приписывать только Э. Лённроту как составителю «Калевалы».

Стремясь не допускать анахронизмов, Э. Лённрот устранял из рун и такие встречающиеся в фольклорных вариантах, но поздние по происхождению слова, как ружьё, кофе и т.д.

Э. Лённрот как создатель «Калевалы» осуществил не только поэтическую работу, но и лингвистическую: придавал общенациональный характер диалектным особенностям как с точки зрения лексики, так и формы.

В языковом отношении уже С. Топелиус допускал определенную унификацию фольклорных текстов. Э. Лённрот в рецензии на его книгу одобрял этот подход. По его словам, специалист-диалектолог может возразить против языковой переработки текстов, но «руны – не только его частное дело. К ним должно относиться как к священному наследию, доставшемуся нам от предков вместе с кантеле. И с этой точки зрения нужно сделать все возможное для их общедоступности, придать им такой вид, чтобы их могла читать вся нация, а это немисливо, если воспроизводить диалектные различия вплоть до мелочей...» (Карху 1996: 99). Поэтому в «Калевале» Э. Лённрот стремился преодолеть чрезмерное диалектное разнообразие, в какой-то мере приблизиться к литературным нормам. Но язык в «Калевале» всё равно оставался чрезвычайно трудным для восприятия, т.к. это был архаический язык, тесно связанный с мифологией и со специфическим народным бытом. Отличие языка «Калевалы» от литературного финского языка усиливалось и тем фактом, что книжный язык ориентировался в основном на западнофинские диалекты, тогда как «Калевала» отражала карельские и восточнофинские особенности. И хотя «Калевале» суждено было тем самым обогатить литературный финский

язык, расширить его диалектную базу, однако произошло это не сразу, для формирования современного финского литературного языка требовалось время.

Один из современников Э. Лённрота вспоминал: «Широкого читательского круга у „Калевалы” не было; говорили, что её язык невозможно понять даже тем, кто считал себя знающим по-фински. Только постепенно, через переводы и истолкования, было получено представление о её содержании. Каждый испытывал, однако, чувство гордости от обладания таким национальным сокровищем, таким образом, и на финский язык стали смотреть немного по иному, чем раньше» (Anttila 1985: 178).

Восприятие «Калевалы» в качестве чисто народного поэтического произведения означает игнорирование взглядов Э. Лённрота на народную поэзию, эпос и язык. Исследователи, начиная с XIX в. и до настоящего момента, противоречиво рассматривали вопрос о том, народный или литературный эпос «Калевала». Наиболее важные труды по истории финской литературы подчёркивали, когда народный, когда литературный характер эпоса. Ю. Крон в 1897 г. обратил внимание на то, что «Калевала» не может быть источником фольклорных исследований.

Р. Коскимиес, с одной стороны, предупреждает о том, что при исследовании эстетики данного произведения надо иметь в виду фольклорную основу эпоса, а также созидательную работу Э. Леннрота. С другой стороны, он считает, что духовный фон «Калевалы» независим от Э. Лённрота, только народнопоэтическая основа определяющая при его исследовании (Koskimies 1978: 7–19).

Один из самых основательных исследователей «Калевалы» В. Кауконен всегда подчёркивал литературный характер эпоса, но и он не занимает категоричную позицию за или против: «Хотя „Калевала”, как поэтическое произведение Э. Лённрота, выпадает из сферы исследования настоящей фольклористики, нематериальной этнографии и исторической лингвистики, этим направлениям науки принадлежит огромная роль в прояснении народной основы эпоса. Так как эта поэма является неиссякаемой сокровищницей народнопоэтических мотивов и образов, у упоминавшихся наук всегда есть возможность для содействия оживлению поэтической действительности и углубления её изучения» (Kaukonen 1979: 188).

Художественное и общественное воздействие «Калевалы» как художественного произведения неразделимы друг от друга. Появление и усиление финского национального самосознания в XIX в. произошло благодаря отделению от шведской нации и культуры. «Калевала» потому и стала носителем финского самосознания, что, согласно исторической трактовке эпоса, изображала финнов, живущих в племенных отношениях, а их историю – независимой от шведской. Появление «Калевалы» как символа истории древних финнов – пример самоопределения в качестве самостоятельной нации. Почти в двухсотлетней истории восприятия эпоса разнообразные его трактовки чаще всего останавливались на образующей национальное самосознание роли. Не только в литературе, но и в других

видах искусства, в театре, музыке, изобразительном искусстве. Люди искусства обращались к «Калевале» в такие периоды, когда это было необходимо с точки зрения финского народа и финской государственности: так, например, на рубеже XIX–XX вв. в период позднего романтизма и реализма ими были писатели А. Киви и Ю. Ахо, поэт Э. Лейно, художник А. Галлен-Каллелла, композитор Я. Сибелиус.

2.2.3. Переводы «Калевалы»

Ещё при жизни Э. Лённрота два издания «Калевалы» были переведены на восемь языков (шведский, немецкий, английский, французский, русский, итальянский, венгерский, эстонский), на которых вышло больше двадцати различных изданий (отрывочные или полные, прозаические или стихотворные переводы). На сегодняшний день существует более 200 различных версий «Калевалы» на 60 разных языках. Полный поэтический её перевод осуществлен более чем на 30 языков. Всё время появляются новые переводы (полные и частичные), редактируются, перерабатываются старые, делаются прозаические переложения и адаптации для детей (Aarniруу 2012: 89; KL: 151).

В качестве особенностей перевода «Калевалы» и вообще архаической эпической поэзии, как самими переводчиками, так и исследователями финского эпоса отмечаются следующие аспекты.

Определённые трудности для понимания переводимого создают особенности языка «Калевалы», включающего в себя элементы трех прибалтийско-финских языков (финского, карельского, вепсского) и их диалектов. Для облегчения понимания эпоса Э. Лённрот сопроводил его издание толковым словарём, позже было создано ещё несколько словарей языка «Калевалы» и множество работ, рассматривающих её лексику. Часть лексики «Калевалы» вошла в литературный финский язык и более или менее знакома читателям. Часть же по-прежнему является диалектной и малоизвестна читателям и переводчикам. Значения многих слов были забыты ещё самими рунопевцами, словари, поэтому, дают приблизительную, зачастую противоположную их трактовку (Хурмеваара 1972: 11).

На это накладывается тот факт, что, как отмечает Э. Г. Карху (1985: 25–28), эпическая лексика часто имеет иные значения, чем те же слова в современном языке. Она отражает мифические представления древних людей, своеобразное восприятие ими пространства и времени, синкретизм их сознания, не разграничивающий природное и социальное, естественное и сверхъестественное, материальное и духовное. Не учитывая архаичности рун, переводчики для соблюдения стихотворного размера и большей синтаксической ясности, по мнению исследователя, ошибочно вводят в текст перевода слова со значениями ‘теперь’, ‘тогда’, ‘потом’, ‘вблизи’, ‘вдали’ и т.д., что чуждо отразившимся в эпике понятиям о времени и пространстве, ещё не знавшим линейно-пространственной и временной перспективы. Все описываемые в рунах события происходят «здесь» и

«теперь». Поэтому, например, герои повествования либо всегда старые (Вяйнямйнен), либо всегда молодые (Лемминкяйнен).

Одной из особенностей эпической поэзии является тяготение к повторяемости и постоянству эпитетов, словосочетаний, эпизодов, что также должно учитываться во время перевода. Так, нельзя произвольно варьировать, изменять постоянные эпитеты, стараясь сделать лексику более разнообразной. Как отмечает Э. Г. Карху, «усилия переводчика должны быть направлены... на то, чтобы все многократное и постоянное в эпосе звучало в переводе особо весомо, отточено, незаменимо. Нужна не пестрота множества эпитетов, а предельная выразительность немногих, чтобы они и в своей привычной повторяемости производили впечатление единственно уместных. Стиль эпических рун величествен в своей простоте, красочен без украшений. И в переводе следует остерегаться нарушений этой весомой простоты, остерегаться неоправданных отклонений в лексике, синтаксисе, эпитетах, параллелизмах» (Карху 1978: 124–125).

Особыми разновидностями повторов являются параллелизм и аллитерация – основные отличительные черты формы «Калевалы», вопрос передачи которых при переводе является одним из важных для переводчиков и критиков.

Определённые трудности представляет стихотворная форма эпоса – восьмисложная строка, в которой основным, но не единственным размером является трохей. Наряду с ним присутствуют и другие размеры (пеон, дактиль). По подсчётам самого Э. Лённрота, трохеическая восьмисложная строка в «Калевале» имеет 273 модификации из-за того, что во время устного исполнения рунопевцы нарушали ударения в словах в угоду мелодии и музыкальному ритму. Благодаря этому эпос лишен монотонности. На русский и многие другие языки «Калевала» по традиции переводится четырехстопным хореем, который монотоннее метра оригинала. Эта монотонность, а также некоторые другие причины, часто заставляют переводчиков экспериментировать с другими размерами, не всегда удачно (Хурмеваара 1972: 14).

2.2.3.1. Некоторые переводы на европейские языки

Первый перевод отрывка из «Калевалы» появился ещё до выхода в свет самого эпоса – это был переведённый на шведский язык Э. Лённротом и опубликованный в 1835 г. в газете «Helsingfors Morgonblad» («Хельсинская утренняя газета») эпизод о сватовстве Вяйнямйнена.

В этой же газете в 1836–1837 гг. публикуются переводы на шведский язык, сделанные выдающимся поэтом Й. Л. Рунебергом (примерно две с половиной руны). Подстрочный перевод с финского языка для него был выполнен К. Н. Кекманом, являвшимся посредником между Э. Лённротом и издательством во время подготовки первой редакции «Калевалы» в 1835 г. и правившим её рукопись. После издания эпоса К. Н. Кекман сразу же стал использовать его в своей преподавательской работе, а т.к. бóльшая

часть студентов была шведоязычной, ему пришлось сделать построчный дословный перевод всего произведения. Этот перевод остался неизданным (единственный экземпляр рукописи хранится в Венгрии, в университете г. Дебрецена, куда попал благодаря Б. Викару – одному из венгерских переводчиков «Калевалы»), но послужил основой для переводов Й. Л. Рунеберга.

По мнению К. Н. Кекмана, лучшим переводчиком эпоса на шведский язык мог бы быть сам Э. Лённрот. Однако он за эту работу не взялся. В 1836 г. в «Helsingfors Morgonblad» был опубликован перевод 5-й руны Э. А. Ингмана. Приступить к переводу эпоса намеревался и поэт Ф. М. Франзен (Aarni 2012: 85–88).

Полностью «Калевала» на шведском языке была опубликована в 1841 г. М. А. Кастреном, который в своей работе использовал переводы своих предшественников. Благодаря этому изданию эпос получил более широкую читательскую аудиторию как в самой Финляндии, так и в других странах Скандинавии. Перевод имел большое значение, прежде всего, для финской интеллигенции, бывшей в то время ещё в основном шведоязычной.

В предисловии к переводу М. А. Кастрен излагал содержание эпоса, высказывал ряд актуальных для того времени идей. Он, подобно Э. Лённроту, допускал мысль о том, что уже в рамках устной традиции руны в исполнении некоторых певцов могли объединяться в циклы. М. А. Кастрен хорошо осознал мифологическую основу архаических рун. По его мнению, особенность карело-финской мифологии, её архаичность выражалась в бытовании преимущественно на уровне магических заклинаний. Учёный обращал внимание на магическую семантику фольклорной лексики, например, таких слов, как песня, руна, слово и т.д. В мифологических рунах М. А. Кастрен не склонен был усматривать каких-то достоверных исторических реалий. В предисловии он касался и некоторых вопросов перевода древней поэзии: трудности при переводе возникали главным образом из-за того, что современное сознание и язык рационалистичны, тогда как для народной поэзии это не характерно (Карху 1996: 120).

Для европейских читателей существенное значение имел прозаический перевод первого издания «Калевалы» на французский язык, выполненный Л. Леузоном Ле Дюком и вышедший в 1845 г. в Париже в составе двухтомного труда «La Finlande. Son histoire primitive, sa Mythologie, sa Poésie épique avec la traduction complète de sa grande épopée» («Финляндия. Её древняя история, мифология, эпическая поэзия с полным переводом её великой эпопеи»).

В предисловии к переводу Л. Леузон Ле Дюк утверждал, что перевёл «Калевалу» напрямую с финского языка, однако тут же сообщал о двух своих помощниках. С первым, по его словам, они переводили каждое слово сначала на латинский язык, затем на шведский, и только потом на

французский. Благодаря второму помощнику удалось согласовать между собой дух обоих языков, усовершенствовать французский перевод, сохранив при этом своеобразие финского оригинала. Таким образом, утверждение о переводе непосредственно с финского языка, по мнению М. Итконен-Каила, скорее всего, надо понимать так, что автор перевода благодаря своим консультантам имел прямое соприкосновение с оригиналом на финском языке (Itkonen-Kaila 2012: 100).

Перевод «Старой Калевалы» Л. Леузона Ле Дюка был хорошо принят, на него откликнулись известные французы, в том числе В. Гюго, А. Ламартин, П. Мериме. Наряду со шведским переводом М. А. Кастрена данная работа до наших дней оставалась единственным переводом «Калевалы» 1835 г. и до появления переводов второго издания «Калевалы» знакомила европейских читателей с финским эпосом (Aarniru 2012: 89; Itkonen-Kaila 2012: 98–101; Карху 1996: 124).

После появления «Новой Калевалы» Л. Леузон Ле Дюк сразу же принялся за её перевод, однако прозаическое переложение под названием «Le Kalevala. Épopée nationale de la Finlande et des peuples finnois» («Калевала. Национальный эпос Финляндии и финского народа») было издано только в 1867 г. (Itkonen-Kaila 2012: 101).

Полные стихотворные переводы «Калевалы» на французский язык появились значительно позже: Ж.-Л. Перре «Le Kalevala. Épopée populaire finnois» («Калевала. Финский народный эпос») 1930 г.; Г. Ребурсе «Le Kalevala. Épopée des Finnois» («Калевала. Финский эпос») 1991 г. (Seppälä 2012: 328, 329).

Первым переводом новой редакции «Калевалы» стало её переложение на немецкий язык петербургского академика А. Шифнера, который начал свою работу ещё до выхода самой книги, используя типографские листы, высылаемые ему по мере их изготовления в типографии. Книга «Kalewala, das National-Epos der Finnen» («Калевала, национальный эпос финнов») была готова через несколько месяцев после публикации «Новой Калевалы», издали её в Хельсинки в 1852 г. В работе А. Шифнер пользовался переводом М. А. Кастрена. Он сохранил стихотворный размер оригинала, что впоследствии критиковали как финские, так и немецкие исследователи. После знакомства с «Калевалой» Ф. Шифнера Г. Лонгфелло на материале преданий североамериканских индейцев создал «Песни о Гайавате» (Voßschmidt 2012: 158–161; Карху 1996: 195).

В 1885–1886 гг. появился немецкий перевод Х. Пауля «Kalewala, das Volksepos Der Finnen» («Калевала, народный эпос финнов»), отличающийся более разнообразным, чем у Э. Лённрота, стихотворным размером. Наряду с трохеем использовался дактиль, что объяснялось монотонностью трохея в произведении такого объёма.

Поскольку работы А. Шифнера и Х. Пауля были изданы в Финляндии, круг читателей и критиков этих переводов в Германии был ограничен исследователями и теми, кто интересовался эпосами и Скандинавией. В

Германии перевод А. Шифнера издавался четыре раза в переработке М. Бубера (1914, 1921/22, 1927, 1942 гг.). На его основе в 1936 г. А. Лютером был сделан сокращённый прозаический перевод. Переложением перевода А. Шифнера является и работа Д. Велдинг изданная в 1948, 1964 и 1977 гг. (Voßschmidt 2012: 163–164, 167–168, 170).

В 1967 г. был издан новый перевод Л. и Х. Фромм «Kalevala. Das finnische Epos des Elias Lönnrot» ('Калевала. Финский эпос Элиаса Лённрота'), выполненный напрямую с финского языка. На основе этого перевода в 1978 г. вышло прозаическое переложение И. Отт. В 1968 г. появилось сокращённая версия изданий А. Шифнера и М. Бубера, сделанная профессором финно-угристики В. Штейницем.

Последний немецкий перевод «Калевалы» увидел свет в 2004 г. Автор книги «Kalewala. Das finnische Epos des Elias Lönnrot» ('Калевала. Финский эпос Элиаса Лённрота'), живущий в Финляндии писатель и переводчик Г. Янике, в качестве цели своей работы отмечал, что хотел создать такую версию финского эпоса, в которой содержание было бы важнее формы и которую можно было бы читать вслух и слушать. Свой перевод он определяет как поэзию в прозе, ритмическую прозу. (Voßschmidt 2012: 171, 172, 175–176).

Первый английский перевод «Калевалы» появился в 1868 г., а последний – в 1989 г. Вышедшая в 1868 г. в Нью-Йорке книга Дж. А. Портера «Selection from the Kalevala» ('Избранное из Калевалы') представляла собой переложение некоторых рун эпоса, осуществленных с немецкого перевода А. Шифнера. Издание было снабжено предисловием Е. Шулера – автора биографии Петра Великого и переводчика «Отцов и детей» И. С. Тургенева, в котором анализировалась финская поэзия, а «Калевала» ставилась в один ряд с другими всемирно известными эпосами (Forselles 2012: 112–113).

Полный перевод «Калевалы» под названием «The Kalevala. The Epic Poem of Finland» ('Калевала. Эпическая поэма Финляндии') был издан в 1888 г. в Нью-Йорке и Лондоне американским профессором медицины Дж. М. Кроуфордом, который также использовал переложение А. Шифнера. В предисловии давались сведения о Финляндии и финнах. Финны представлялись как древняя нация, рассматривались их древние верования и божества, описывались персонажи «Калевалы» – таким образом автор перевода хотел помочь читателям как можно лучше понять финский эпос (Forselles 2012: 115).

В 1893 г. в Лондоне появляется основанное на переводе Дж. М. Кроуфорда прозаическое переложение для детей «Finish Legends for English Children» ('Финские легенды для английских детей'). В предисловии о Финляндии говорится как о красивой стране, а о финнах как о любящем свободу, но страдающем от тирании России, народе. Книга содержит не имеющийся в оригинале рассказ «Father Mikko» ('Отец

Микко'), в котором одноименный сказочник садится у камина и начинает рассказывать истории из «Калевалы» (Forselles 2012: 117).

В 1907 г. в Лондоне и Нью-Йорке был издан сделанный напрямую с финского языка поэтический перевод британского ученого В. Ф. Кирби «Kalevala the Land of Heroes» ('Калевала – земля героев'). В предисловии к переводу даётся более точная картина финского общества и литературной жизни, чем в более ранних работах, концентрирующихся в основном на фольклоре и древней истории. В нём В. Ф. Кирби утверждает, что гибкость калевальского стихосложения позволяет добиться почти дословного перевода, однако плохо подходит для прозаического переложения – такой перевод будет слабым и дефектным. В качестве наибольшей трудности указывается такая передача финских имён, при которой не нарушался бы ритм, и сохранялось правильное произношение.

Работа В. Ф. Кирби является самым читаемым переводом из финской литературы. Она используется как источник для переложения «Калевалы» на другие языки, что имеет и отрицательные стороны – недостатки текста переходят в сделанные на его основе переводы. (Forselles 2012: 119–120; Rähä 2012: 127–137).

В 1963 г. вышел прямой прозаический перевод профессора английского языка Гарвардского университета Ф. П. Магоуна под названием «The Kalevala or Poems of Kalevala District» ('Калевала или поэмы из края Калевалы'), преследовавший в первую очередь научные цели и предназначавшийся в качестве учебника и справочника для изучающих европейскую фольклористику и средние века. Благодаря прозаическому изложению переводчик хотел избежать монотонности и с наибольшей точностью передать параллелизм, повторы, метафоры, юмор и реализм, лирические эпизоды оригинала (Forselles 2012: 118–119).

В 1988 г. в Хельсинки был издан перевод американского переводчика финского происхождения Э. Фриберга «The Kalevala. Epic of the Finnish people» ('Калевала. Эпос финнов'). От других английских переводов данная работа отличается тем, что это – продукт финской книжной культуры. С языковой точки зрения критики считают данный перевод более удачным, чем работы Дж. М. Кроуфорда и В. Ф. Кирби.

В 1989 г. появился полный поэтический перевод поэтессы и переводчика К. Бослей «The Kalevala». В предисловии К. Бослей рассматривает отношение «Калевалы» к европейской эпической традиции, сравнивает финский фольклор и народную поэзию других народов, исследует её характерные особенности. По её мнению, «Калевалу» делает интересной редкое в литературе сочетание магии и эпики, хотя магические элементы сложны для понимания современными читателями. В переводе не сохраняется стихотворный размер оригинала – по утверждению К. Бослей, сохранение калевальского размера делает перевод не только монотонным, но и ограничивает используемый в переводе язык (Forselles 2012: 122–123).

По мнению Ц. Форселлес (Forselles 2012: 119), английские переводы «Калевалы» хорошо иллюстрируют то, как взгляды на переводческую работу влияют на результат, который ориентируется либо на язык оригинала, либо на принимающую аудиторию. Взгляды и цели переводчиков влияют на то, с какой точностью перевод делается, как оригинал трансформируется для той или другой целевой группы. Появившиеся в XX в. английские переводы следуют различным переводческим парадигмам, но в каждом из них присутствует стремление осуществить успешный перевод не только с одного языка на другой, но и из одной культуры в другую.

Переводы «Калевалы» на английский язык, восприятие их в качестве части англоязычной книжной культуры придали финскому эпосу новое значение. А их основательные предисловия во многом повлияли на взгляды на Финляндию и финнов, их культуру и фольклор (Forselles 2012: 125).

Первым, кто познакомил с «Калевалой» русских читателей, был Я. К. Грот – русский ученый-филолог, в 1841–1852 гг. профессор русского языка и словесности Хельсинкского университета, автор работ, знакомящих россиян с финской литературой. В 1840 г. в журнале «Современник» выходит его статья «О финнах и их народной поэзии», в которой подробно рассказывается о финском народе, его верованиях, народной поэзии, истории собирания калевальских рун, приводится пересказ содержания «Старой Калевалы», а также прозаические переводы отрывков эпоса (Хурмеваара 1972: 23–26; Kemppinen – Nieminen 2012: 140).

Здесь же публикуется поэтический перевод 29-й руны («Рождение кантеле и игра Вайнямейнена на кантеле»), выполненный в размере оригинала. Как отмечает А. Хурмеваара (1972: 27), весь перевод выдержан в ровном стиле современного Я. Гроту литературного языка, в нём нет излишних отклонений в сторону русских фольклоризмов. Однако местами встречаются прозаические вставки и обобщения, опущение конкретных деталей.

Ещё до статьи Я. Грота и появления «Калевалы» в 1827 г. Ф. Н. Глинкой были переведены две руны «Рождение арфы» и «Вейнамена и Юковайна», последняя была опубликована в 1828 г., а первая только в 1863 г. Находящемуся в ссылке в Петрозаводске Ф. Глинке в работе над переводами помог находящийся там же в это время А. И. Шёгрэн. По мнению А. Хурмеваара (1972: 20–22), стих переложения рун простой и ясный, местами он осторожно и тонко аллитерирован. Ф. Н. Глинка первым переложил силлабику рун в четырехстопный хорей русского силлаботонического стиха.

Следующая попытка прозаического пересказа «Калевалы» на русский язык относится к 1847 г. и принадлежит студенту Хельсинкского университета М. Эману, в течение двух лет занимавшемуся русским языком при Московском университете. Его книга «Главные черты из финской эпопеи

Калевалы» представляет читателям наиболее интересные эпизоды эпоса. Пересказ характеризует большое количество отклонений от текста оригинала, плохое знание русского языка, невнимательное прочтение подлинника. Недобросовестность данной работы была причиной того, что после знакомства с ней у авторитетного критика В. Белинского формируется неверное представление о финском эпосе (Хурмеваара 1972: 29; Kemppinen – Nieminen 2012: 141).

В 1870–1880-е годы появляются сделанные для детей прозаические переводы-пересказы «Калевалы» 1849 г. Так, в 1878 г. в журнале «Детское чтение» был опубликован перевод Н. А. Борисова под названием «Финские народные былины» (отдельное издание: Санкт-Петербург, 1989 г.), а в 1881 г. появляется переложение Э. Гранстрема (второе издание: 1898 г., третье: 1910 г.). Обе работы характеризуют тенденции к объяснению: приводимые прямо в тексте пересказов чрезмерные толкования народных образов заглушают поэтический вымысел эпоса, превращают «Калевалу» в подобие учебника по древней истории. При этом Н. А. Борисов усиливает эмоциональность стиля пересказа метафорическими эпитетами, а Э. Гранстрем вводит лексику канцелярско-делового языка конца XIX в., что нарушает временную перспективу оригинала.

В пересказ Н. А. Борисова вошло семь стихотворных отрывков в переводе В. Острогорского, сделанных в разных размерах и с неодинаковой мерой приближения к соответствующему отрывку «Калевалы». Стихотворные вставки облегчают чтение длинного прозаического текста и в какой-то мере приближают пересказ к поэтической природе эпоса. Их ритмическое разнообразие свидетельствует о поисках способов передачи фольклорного текста (Хурмеваара 1972: 34–40).

В 1880 г. в Москве издаётся книга стихотворных переводов С. В. Гельгрена «Песни о Куллерве», в следующем году – его же «Песни про Айно», а в 1885 г. – «Три первые песни». В переводах присутствует звукопись, переданы анафора и эпифора, соблюдены все параллелизмы. Однако работа С. В. Гельгрена была выполнена в стиле русского фольклора, что привело к потере национальной специфики поэтики оригинала. Так, для удлинения слов в ней используются префиксы, суффиксы, удлинения предлогов; вместо встречающихся в оригинале сокращенных ради ритма слов появляются просторечия; вводится выражение *гой еси* (Хурмеваара 1972: 41–42; Kemppinen – Nieminen 2012: 142).

В 1888 г. выходит полный стихотворный перевод «Калевалы» Л. П. Бельского, благодаря которому финский эпос наконец-то во всём объёме вошёл в русскую литературу и стал известен в широких читательских кругах России.

Л. П. Бельский был университетским доцентом, занимался просветительской деятельностью, состоял в «Обществе любителей русской словесности» при Московском университете и в «Московском комитете грамотности», писал стихи (в основном детские), делал поэтические переложения прозаических произведений. Он обрабатывал русский фольклор,

делал переводы и переложения народной поэзии с других языков. Так, в 1910 г. им были изданы «Легенды и повести о святой Елисавете Венгерской», представляющие собой перевод отрывков из «Истории святой Елисаветы Венгерской» французского поэта Монталамбера, рассказывающей о канонизированной за свою набожность и благотворительность дочери венгерского короля Андраша II (Хурмеваара 1972: 50).

Однако в историю русской литературы Л. П. Бельский вошёл именно как переводчик «Калевалы». В предисловии и послесловии к первому изданию перевода он излагает принципы своей работы. Здесь затрагивается вопрос о выборе формы языка (литературного или фольклорного), происходит полемика по этому поводу с С. В. Гельгреном: «По нашему мнению, передача чужого произведения русским народным языком не может иметь места. Русский народный язык имеет свои национальные особенности, включает в себе понятия чисто русские, ограниченные народным мирозерцанием и вмещает в себе нечто такое, с чем не согласуются известные понятия других языков. Таково свойство и всякого народного языка. Между тем язык литературный гораздо гибче, понятия его гораздо шире, и он может передать иноземное речение с большим удобством» (Бельский 1915: ххi).

Работа Л. П. Бельского, таким образом, избавлена от русских фольклоризмов и просторечий, а особенности карело-финских рун передаются средствами литературного языка.

Среди трудностей отмечается длина финских слов, невозможность передачи аллитерации, сложность согласования верности ритму и содержанию: «Передача аллитерации, почти невозможная в русском языке, ни к чему бы не привела и только до крайности затруднила бы переводчика»; «При переводе „Калевалы“... стихотворный размер сильно связывает переводчика. Стремясь соблюсти правильность стиха и в тоже время быть близким к оригиналу, переводчик все-таки вынуждается иногда синонимически заменить слово, не укладывающееся в стих, или перенести речение из одного стиха в другой, или наконец опустить или вставить какое-нибудь неважное слово, но все это, конечно, без ущерба смыслу содержания» (Бельский 1915б: ххi, ххiii).

О своих целях Бельский пишет следующим образом: «Предпринять далеко не легкий труд перевода 22793 стихов „Калевалы“ побудила нас важность финского эпоса в ряду народных произведений других национальностей и отсутствие полного перевода „Калевалы“ в русской литературе» (Бельский 1915б: ххiii).

Перевод получил в своё время хорошие отзывы Я. К. Грота и Ю. Крона, ему была присуждена Пушкинская премия Академии Наук 1889 года.

Однако в переводе есть и некоторые недостатки. А. Хурмеваара (1972: 61–75) к ним относит следующее: повторение в параллелизмах вместо синонимов слов из первого стиха, вследствие чего конкретная деталь оказывается заменённой обобщённым понятием, штампом, далеким от поэтики эпоса; введение чересчур современных понятий; сведение различ-

ных эпитетов или глаголов к одному (напр. прекрасный, стремиться); потеря некоторых метафор и метонимий; чрезмерное использование уменьшительных суффиксов с целью удлинения слов; потеря конкретности в образном языке, использование абстрактных понятий, приводящие к искажению временной перспективы, осовремениванию и обеднению стиля эпоса.

Данные недостатки объясняются отсутствием необходимых словарей и справочной литературы, не разработанностью теории перевода, недостаточным знанием языка оригинала. Но, несмотря на определённые упущения, перевод Л. П. Бельского занял заметное место в русской литературе, и многие десятилетия позволял русским читателям знакомиться с «Калевалой». Он послужил основой для переводов на многие языки народов бывшего СССР и других соцстран, в том числе на финно-угорские, стал для И. Бунина образцом при его работе над переложением «Песни о Гайявате» Г. Лонгфелло (Хурмеваара 1972: 67).

Ещё при жизни Л. П. Бельского «Калевала» полностью была переведена ещё раз Э. Г. Гранстремом (автором упоминавшегося выше прозаического переложения 1881 года). Его работа издавалась в 1889 и 1910 гг., но на фоне перевода Л. П. Бельского не стала известной и скоро была забыта (Мишин 1998: 11).

В 1970 г. О. В. Куусиненом была создана новая композиция «Калевалы». В ней за космогоническими рунами следуют эпические и лирические. С целью приближения к первоисточнику удалены элементы, относящиеся к неэпическим жанрам. Над переводом работали Н. Лайне, М. Тарасов, А. Титов, А. Хурмеваара, которые стремились переложить «Калевалу» на максимально живой современный литературный русский язык. По мнению С. Я. Серова (1984: 18), в данном переводе богаче, чем у Л. П. Бельского, представлены аллитерация, разнообразие ритмики и другие особенности оригинала. В качестве недостатков отмечается излишняя литературность, недостаток древней фольклорной эпичности и разный стиль нескольких переводчиков (Карху 1993: 9; Мишин 1998: 12).

Для композиции О. В. Куусинена в качестве пробы переводы трёх больших отрывков («Рождение Кантеле», «Золотая дева», «Айно») были выполнены С. Маршаком. Однако по каким-то причинам они, несмотря на верность оригиналу и точность, простоту и красоту своего языка, не были приняты (Мишин 1998: 12).

В 1998 г. в Карелии был издан новый полный русский поэтический перевод «Калевалы». Его авторы, карельский и ингерманландский фольклорист Э. Киуру и поэт, исследователь «Калевалы» и её переводов А. Мишин, в предисловии к переводу о своей работе пишут, что ими «двигало прежде всего желание дать более близкий к оригиналу перевод». Для этого «авторы нового перевода стремились точно передать этнографические детали, названия предметов материальной культуры» (Мишин 1998: 12–13). Помимо более точной передачи деталей содержания эпоса целью было и приближение к духу и атмосфере оригинала: «Общая

тональность нашего перевода, однако, отличается от перевода Бельского, который намеренно героизировал лённротовский эпос, усиливал его героическое начало.

Мы исходили из того, что в „Калевале” отразилось в основном крестьянское миросозерцание. Герои чаще воздействовали на противоположную сторону не мечём, а магическим словом. Лённрот брал в диалоги и монологи огромное количество строк из заклинаний, а также из лирических песен.

Всё это придавало оригиналу несколько иную интонацию, чем в переводе Л. Бельского» (Мишин 1998: 15).

Для достижения наибольшей верности оригиналу переводчики проделали работу по уточнению значения каждого слова и строки «Калевалы». Этнографическая точность перевода заключается в том, что используются точные названия относящихся к охоте, рыболовству, земледелию, ткачеству и т.п. предметов и их деталей. Часто эти наименования относятся к устаревшей или диалектной лексике (в основном к испытанному воздействию прибалтийско-финских языков русским говорам Карелии). Использование подобной лексики, однако, не мешает языку перевода оставаться современным, красивым, поэтичным и понятным читателям. Встречающиеся в тексте перевода малоизвестные слова даются в словаре-приложении.

В новом переводе более точно переданы параллелизм (в особенности внутросторичный), эпитеты, сравнения, гиперболы и метонимии оригинала.

Как отмечают исследователи, работа Э. Киуру и А. Мишина является наиболее точным переводом, как среди русских, так и, возможно, среди всех существующих переложений «Калевалы» на другие языки. Этой парой переводчиков были переведены на русский язык и другие версии «Калевалы»: в 2004 г. – «Пра-Калевала» («Собрание рун о Вяйнямёйнене») 1834 года, в 2006 г. – «Старая Калевала» 1835 года и «Калевала для школы» 1862 года, в 2007 г. – поэмы «Лемминкяйнен», «Вяйнямёйнен» и «Песни свадебных гостей» 1833 года (Kemppinen – Nieminen 2012: 147, 151).

2.2.3.2. Переводы на финно-угорские языки

2.2.3.2.1. Венгерские переводы

Согласно исследователям, уже начиная с 1835 г. в венгерской прессе появляются первые единичные сообщения о собирании финской народной поэзии, об Э. Лённроте и его работе. Сама же «Калевала» упоминается первый раз в газете «Regélő Pesti Divatlap» в 1842 г. В статье «Finnország népköltészet» («Народная поэзия Финляндии») говорится следующее: «Это превосходное поэтическое произведение, „Калевала“ в 32-х рунах, которое в последнее десятилетие из уст народа записал и издал один усердный собиратель фольклора доктор Элиас Лённрот...» (Weöös 1964: 315).

Первый венгерский ученый, кто лично ознакомился с «Калевалой», был Антал Регули (1819–1858). В 1839 г. он попадает в Финляндию и осенью 1840 г. в городе Вааса создаёт первые венгерские переводы отрывков эпоса. Из них сохранились лишь две первые руны, 76 начальных строк из третьей и 83 первые строки из 29-й руны. Переводы А. Регули долгое время считались утерянными или затерявшимися среди других рукописей, отправленных К. А. Готтлундом в 1856 г. в Венгрию. Текст в 1908 г. обнаружил в Архиве Венгерской Академии наук Й. Папай. По мнению Дюлы Верэша, хоть эти переложения отрывков эпоса и не повлияли на последующие переводы «Калевалы» П. Хунфалви, И. Фабиана, Ф. Барны и Б. Викара в 1853–1908 гг., они являются ценным примером того, как финскую народную поэзию пытались переложить на венгерский язык уже спустя всего несколько лет после выхода первого издания «Калевалы» (Weörs 1964: 308–309; Voigt 1985: 423–424).

Работа А. Регули достаточно точно следует за оригинальным текстом, однако в некоторых случаях она ближе к шведскому переводу «Калевалы» М. А. Кастрена 1841 г. Перевод тщательный и красивый, его лексика разнообразна, многостороння и напоминает язык старой венгерской народной поэзии, хотя местами он кажется неуклюжим и неповоротливым. Особенно удачна поэтическая форма перевода, однако аллитерация встречается редко (Weörs 1964: 312–314).

Следующими, кто экспериментирует с переводом эпоса, были Иштван Фабиан и Пал Хунфалви. В 1861 г. в I томе «Книги для чтения по финскому языку» («Finn olvasókönyv. Első kötet. Finn olvasmányok a finn nyelvet tanulók számára.») П. Хунфалви публикует собственноручные переводы отрывков из старой и новой «Калевалы» и из «Кантелетар» (Szij 1985: 399).

На сегодняшний день на венгерском языке существует 5 полных переводов «Калевалы». Первый из них появился в 1871 г., его автор – Фердинанд Барна. Следующий был выполнен Белой Викаром и опубликован в 1909 г. Третий был сделан в 1972 г. Кальманом Надем. Всего спустя 4 года в 1976 г. появляется новый перевод, его автор – Иштван Рац. Пятое и последнее переложение «Калевалы» на венгерский язык вышло в свет в 1987 г., его исполнитель – Имре Сэнтэ.

Фердинанд Барна (1825–1895) не был профессиональным переводчиком. Сотрудник Венгерского национального музея, а позже Национальной библиотеки выучил финский язык самостоятельно. Для этого он использовал грамматику И. Фабиана 1859 г. («Finn nyelvtan») и книгу для чтения по финскому языку П. Хунфалви, благодаря которой и познакомился с «Калевалой» и решил перевести её.

В 1866 г. финский журнал «Kirjallinen Kuukauslehti» («Литературный ежемесячник») сообщает о работе Ф. Барны: «В настоящее время в рукописи господина Барны готов... перевод „Калевалы“... Кроме этого он в данное время переводит отрывки из „Кантелетара“ и некоторые стихотворения Корхонена». Перевод был издан в 1871 г. в издательстве Венгерской

Академии наук. «Это произведение» – сообщает тот же «Kirjallinen Kuukauslehti» в 1872 г. – «своим роскошным внешним видом может соперничать с финскими изданиями, которые обычно именуется „изданиями люкс“... Стихотворный размер перевода кажется аналогичным финской поэзии, с той лишь разницей, что вместо аллитерации часто используется рифмовка. В конце издания приведены определенные пояснения. Но большего внимания с нашей стороны заслуживает предисловие, в котором приводятся некоторые сопоставления финских рун и древней венгерской поэзии» (Weöres 1962: 146).

Н. Сетяля в газете «Valvoja» («Наблюдатель») в 1909 г. про работу Ф. Барны писал следующее: «Главным принципом было то, чтобы перевод получился как можно более точным. Переводчик пробовал симитировать на венгерском языке структуру финских предложений. Вследствие этого перевод не получился доставляющим наслаждение, тем более что Барна не был поэтом» (Weöres 1962: 147).

При переводе эпоса Ф. Барна, подобно оригиналу, помещает строки рун одна под другую. Одну из основных особенностей формы эпоса – аллитерацию – он либо не считает важной, либо просто не замечает, в любом случае, она у него отсутствует. В переводе каждая строка рифмуется с предыдущей, чего нет в оригинале. Уже у него присутствует параллелизм, но это, скорее всего, из-за того, что Ф. Барна жестко придерживается текста оригинала, переводит чуть ли не дословно. Иногда лексика в переводе отличается от современного ему литературного языка из-за того, что используются диалектизмы и архаичные формы.

Венгерские критики следующим образом оценили работу Барны: «Перевод Фердинанда Барны – пионерское начинание, но с точки зрения поэзии работа дилетантская», «Появилась „Калевала“. Фердинанд Барна, кто, может быть, и основательно знаком с финским языком и литературой, не смог в достаточной степени передать поэтическую красоту известного эпоса», «Его перевод не нестоящая „Калевала“, а какая-то „Барневала“» (Domokos 1972: 18–19, 20). Последнее выражение приписывается Й. Буденцу, однако, по мнению некоторых исследователей, оно могло быть придумано следующим переводчиком «Калевалы» – Б. Викаром (Varga 2010: 67). По мнению Д. Верэша, данное высказывание создает неправильное представление о работе Ф. Барны (Weöres 1962: 147).

«Калевалу» Ф. Барны многие в своё время сильно критиковали, но всё же это была первопробная работа, которая являлась понятным тогдашнему читателю верным исходному тексту переводом. Имеющиеся недостатки (непоэтичность, отсутствие атмосферы оригинала) связаны с почти дословной передачей оригинала, но, несмотря на это, перевод не является таким уж нечитабельным, непонятным, каким его представляют критики. И хотя Ф. Барне не удалось передать настоящую атмосферу финского эпоса и его поэтические особенности, его заслугой было ознакомление венгерской читающей публики с героями эпоса, с финской народной культурой и мифологией. Его целью было сделать возможным

прочтение всей «Калевалы» от начала и до конца на родном языке. Особенно в то время, когда теория финно-угорского родства подвергалась нападкам.

По признанию второго переводчика «Калевалы» Белы Викара (1859–1945), его уже с самого детства в большей мере привлекала эпика и описание природы, чем лирика. «В десятилетнем возрасте я дома во время летних каникул написал длинное стихотворение о войне гусей и уток, не прочтя до этого ничего, что могло бы послужить мне образцом при написании этого небольшого эпоса. Более существенно то, что стихотворный размер моего произведения был точно таким же, как и в финском эпосе. Бессознательно я уже тогда делал первые шаги по направлению к переводу „Калевалы“» (Vikar 1929: 212).

Позже поэтический талант будущего переводчика «Калевалы» заметил профессор финно-угорских языков Й. Буденц, лекции по финскому языку которого в Будапештском университете посещал Б. Викар. Финский язык привлекал Б. Викара не родством с венгерским, а своей красотой. На лекциях Й. Буденц утверждал, что «Калевала» заслуживает нового, более поэтического перевода. Он постоянно склонял к этой работе Б. Викара, даже специально для него читал лекции о «Калевале». В итоге Б. Викар поддался, боясь при этом, что Ф. Барна рассердится на него и закроет из-за этого перед ним возможности писательской карьеры (Vikar 1929: 214; Väisänen 1946: 278).

В конце 1880-х годов перевод первых десяти рун «Калевалы» по предложению профессора П. Дюлаи был представлен в Обществе Кишфалуди, а затем опубликован в газете «Budapesti Szemle» («Будапештское обозрение»). Перевод вызвал большой интерес. Но, несмотря на это, во время работы над переводом у Б. Викара появились сомнения, соответствует ли его перевод стихотворному размеру «Калевалы». По его мнению, тон перевода получился чересчур лирическим, напоминающим скорее венгерские народные песни, а не финскую эпiku. Этот вывод привёл Б. Викара в 1889 г. к решению посетить Финляндию, чтобы самому «увидеть и послушать в то время ещё встречающихся в калевальских местах исполнителей, знакомых со старыми финскими рунами» (Vikar 1929: 216).

Во время пребывания в Финляндии Б. Викар пришёл к выводу, что для того, чтобы передать в переводе истинный тон оригинала, следует придерживаться манеры исполнения эпических песен, бытующей среди секейских венгров в Трансильвании. Поэтому в 1893–1900 гг. он каждое лето проводил среди секеи, записывая их народную поэзию. Одним из первых Б. Викар использовал для этого фонограф (Vikar 1929: 217; Väisänen 1946: 279; Korompay 1956: 327).

Таким образом, переводчик отошёл от лирического тона в создаваемом им переводе. «Я обратился к эпическому стихосложению, к такому, каким он предстает в секейской эпике. Длительная подготовка к переводу с точки зрения стихосложения привела меня к тому, что стихотворный размер, выбранный мною в детстве для „Войны гусей с утками“, остался

цельным, неизменным во всех переводимых сейчас рунах. Это был своего рода компромисс между лирической поэзией, секейской эпикой и калевальским стихосложением. Это была не совсем стихотворная форма „Калевалы“, но близкое подобие ей. Лирический тон уменьшился, а эпический стал доминирующим. Эта перемена, конечно, звучит непривычно для уха обычного венгра. Лирика – основной капитал мира чувств нашего народа. Её формы придерживаются и в эпике... Поэтому мои переводы „Калевалы“ поначалу везде в Венгрии казались странными, за исключением как раз секейской земли, откуда я и позаимствовал образец. Здесь все с восторгом читали и слушали калевальские руны – части моей работы, которые я достаточно часто для пробы представлял там» (Vikar 1929: 218).

До издания полного перевода Б. Викара, его отрывки выходили в разных газетах и журналах Будапешта и венгерских провинций. Так, например, отдельным изданием вышли руны о Лемминкяйнене в серии «Magyar Könyvtar» (‘Венгерская библиотека’). Благодаря этой распространяемой на всех станциях, вокзалах и киосках дешевой серии информация о новом переводе расходилась по всей стране. В это же время в популярной в народной среде газете «Nemzeti Hírlap» (‘Национальная газета’) была опубликована более длинная серия калевальских рун и они же вышли отдельным изданием для продажи. Таким образом, венгерский народ мог познакомиться с финским эпосом, по крайней мере частично, ещё до выхода в 1909 г. всего эпоса в издательстве Академии наук (Vikar 1929: 220).

В 1935 г. вышло второе издание перевода. В этом же году отдельным изданием появились «Magyarazatok a Kalevalához» (‘Пояснения к «Калевале»’) Б. Викара. В книге было помещено эссе известного венгерского поэта Д. Костолани, в котором он выражал признание великолепной работе Б. Викара и анализировал язык перевода. По мнению Д. Костолани, современный венгерский язык как таковой не пригоден для переложения «Калевалы», не лучше подходят и язык более ранних эпох, и язык поэзии. Поэтому, будучи знатоком поэзии и народного языка, Б. Викар прибег к поэтической свободе. Он использовал, как диалектные слова, так и смелые, но, тем не менее, удачные новые формы, приправленные отточенными словами современного языка, заботясь, однако, всегда, о том, чтобы они не мешали пониманию рун. В этом искусственном по своей натуре, но непринужденно плавном и очаровательном языке весь венгерский словарный запас превратился в единое поэтическое целое. Подобного языка никогда не существовало, но всё же он насквозь подлинно венгерский, настолько что, возможно, венгерская «Калевала» в своё время могла бы звучать подобным же образом (Körmöczy 1956: 328).

Таким образом, перед создателем второго венгерского перевода «Калевалы», Б. Викаром, было два пути: или подобный переводу Ф. Барны пуританский буквализм, либо неизбежное опозитизирование. Б. Викар выбрал последний. Это произошло вследствие того, что он, как уже указывалось выше, используя язык и мотивы венгерских народных песен,

усиливает поэтичность эпоса. Несмотря на то, что «Калевала» не рифмованная, а если там и встречаются рифмы, это результат параллелизма и сопутствующего ему синтаксиса, Б. Викар, где только может, использует рифмовку, ищет как можно более чистые, длинные рифмы. У него почти все строки рифмованные. Критики именно это считают его ошибкой. Наличие аллитерации в переводе так же ни количественно, ни качественно не достигает уровня оригинала. Строки перевода длиннее строк исходного текста. Что касается языка перевода, то наряду с употреблением венгерской диалектной лексики для него характерно и использование новейших литературных слов, которые не характерны для внутреннего мира народной поэзии, намного его моложе. Сильная сторона перевода Б. Викара в том, что в отличие от Ф. Барны, он смог передать атмосферу и поэтическую красоту оригинала. Высокую оценку этому переводу дал знаменитый финский лингвист Х. Паасонен, согласно которому, если исчезнет оригинал «Калевалы», то её можно будет реконструировать по переводу Б. Викара. Этот перевод, несмотря на свои недостатки, долгое время являлся определяющим, превратившись в классику. Он обратил внимание венгерской публики на финскую литературу и вообще на финский народ. Строки и слова перевода Б. Викара по выражению П. Домокоша стали как частью венгерской литературы, так и частью венгерского сознания и культуры (Domokos 1983: 240; Domokos 1985: 141).

Определенные претензии по отношению к переводу Б. Викара возникли спустя полстолетия. За исключением языкового устаревания, критика была направлена на сам дух перевода. После тщательного изучения оригинального текста по отношению к переводческим принципам и решениям Б. Викара возникли обдуманные и обоснованные опасения со стороны Гезы Кепеша и Кальмана Нады, которые заметили, что атмосфера, материал и содержание эпоса серьезнее, угрюмее, суше, наивнее, раздробленнее, чем текст Б. Викара. Он, по их мнению, по сравнению с оригиналом более легкий, содержит чрезмерное количество трудно-понимаемых диалектизмов, а также созданных переводчиком остроумных, но искусственных новых слов. Г. Кепеш и К. Надь были уверены, что пришло время нового перевода «Калевалы», отвечающего современным языковым и эстетическим требованиям и использующего новые результаты исследования эпоса (Domokos 1985: 140).

Г. Кепеш в разных изданиях публикует отрывки из «Калевалы». Им сделан перевод отдельных частей эпоса для театральной постановки в 1969 г. (начальная часть, рождение Вяйнамёйна, состязание в пении, эпизод о Куллерво, борьба за Сампо). В своих переводах он не использует подобно Б. Викару диалектные слова, а обращается к повседневному общенародному языку с его обыденными выражениями. Для него было важно, чтобы текст был живой, свежий, легко произносимый и ясный на слух (Weöres 1970: 336).

Первые отрывки из готовящегося нового перевода Кальман Надь (1939–1971), преподаватель венгерского языка из Трансильвании, публикует в 1966 г. В 1969 г. выходят первые шесть рун под названием «Kalevala földjén» («На земле Калевалы»). Полный текст перевода увидел свет в 1972 г. в Бухаресте, а затем в 1975 г. в Будапеште.

В третьем полном венгерском переводе его создатель также стремится упростить помпезный язык Б. Викара. Он выполнен на современном разговорном языке, здесь отсутствуют диалектные слова, непонятные выражения. Лексика повседневная, сдержанная. Но наряду с этим, язык «Калевалы» становится более цельным, естественным. К. Надь впервые успешно передаёт трохеический размер финского эпоса. Аллитераций больше, чем у Б. Викара, но всё же автор считает аллитерацию второстепенной по сравнению с главной задачей – как можно более точно и адекватно передать мысли оригинала. Поэтому для него намного важнее параллелизм, причём до такой степени, что часто для пушней выразительности он даже не изменяет вторую строку по отношению к первой, т.е. она повторяется, как в балладах. Он порывает с рифмами, унаследованными от Б. Викара, работает больше с ассонансом и перекрестными рифмами, что намного ближе к оригиналу. Однако отсутствие рифмовки, по мнению некоторых критиков, является причиной того, что данный перевод является поэтически более бедным, более пуританским и по отношению к переводу Б. Викара, и по отношению к оригиналу.

Четвёртый полный перевод «Калевалы», выполненный жившим в Финляндии Иштваном Рацем (1908–1998), был опубликован в 1976 г. в Хельсинки и в 1980 г. в Будапеште. Переводчик так определяет свои цели: «В своём переводе я старался сделать аллитерацию более заметной... Будучи привержен передаче аллитерации, передо мной постоянно вставала одна и та же дилемма: нужно было выбирать между дословной или более свободной, поэтической верностью оригиналу. Где я видел, что, изменяя отдельный эпитет или другое слово, но, однако, не нарушая содержания, имеется вариант с аллитерацией, выбирал последний»; «Язык „Калевалы“ не эквивалентен сегодняшней повседневной финской речи, но для финских читателей он в той же мере понятен, как и нам, венграм, понятны и доставляют наслаждение наши народные песни и баллады. Поэтому я строго воздерживал себя от употребления малоизвестных, требующих пояснения диалектных слов» (Rác 1980: 406, 407).

Самое заметное нововведение в переводе И. Раца – это визуальная форма эпоса. Издания «Калевалы» в Финляндии к тому времени уже выходили в новом формате, он используется и в этом переводе: И. Рак соединяет две строки эпоса в одну. Таким образом, параллели-повторы попадают рядом друг с другом. Вследствие этого, строки становятся длиннее, страдает динамичность, но это способствует более легкому прочтению. С другой стороны, форма становится похожей на длинные строки классических эпосов. Не только форма перевода, но и его изобра-

зительность становится более эпической. «Калевала» Белы Викара лирическая, Кальмана Нядя – балладическая, а Иштвана Раца – эпическая.

В качестве достоинств перевода И. Раца отмечаются современный, плавный стиль, легкочитаемость, верность оригиналу, понятность.

Перевод И. Раца воспринимается как синтез двух предшествующих ему венгерских переложений «Калевалы». С точки зрения особенностей формы и языка он располагается между двумя предшественниками, с точки зрения верности оригиналу по форме и содержанию он ближе к работе К. Нядя, а по поэтичности – к переводу Б. Викара. Насыщенность аллитерацией некоторые критики считают одним из недостатков данного перевода, т.к. она заслоняет собой другие особенности формы эпоса: параллелизм и примитивное созвучие концовок строк. Другие, напротив, считают, что благодаря богатству аллитераций перевод И. Раца более поэтичен, чем работа К. Нядя. Одновременно это компенсирует и встречающиеся неточности в содержании (Varga 2010: 117–118).

Работу над текстом пятого полного венгерского перевода «Калевалы» его автор, долгое время живущий в Финляндии и Швеции Имре Сенте (1922), закончил в 1984 г. Книга была опубликована в 1987 г. в Мюнхене и только в 2001 г. в Венгрии, в г. Сомбатхей. И. Сенте по собственному признанию перевёл эпос не потому, что был недоволен результатами других переводчиков, а для того, чтобы доказать, что рядом с четырьмя хорошими переводами найдется место и пятому, который все ещё может дать что-то новое (Szente 1987: 5–14).

И. Сенте помещает строки эпоса рядом друг с другом наподобие прозы, делая единицей текста отдельный абзац, но, несмотря на эту прозаичность, он стремится сохранить трохеический ритм оригинала: «Я придал „Калевале“ форму прозы, тем самым приблизив её к сказке и роману... Прозаическое изложение только для глаза кажется таковым, чуткое к музыке ухо услышит за ним стихи, особенный калевальский ритм...» (Szente 2001: 357).

Большое внимание в переводе уделяется аллитерации; параллелизм здесь одного ранга с аллитерацией; количеством аллитераций и параллелизмов перевода равен оригиналу. Язык перевода, однако, нельзя назвать цельным: в нем присутствуют и диалектные, и архаические, и современные слова и вышедшие из употребления грамматические формы: «Финский язык „Калевалы“ не искусственный, никогда не существовавший, но и не современный разговорный язык, поэтому и венгерский язык перевода не может быть ни тем, ни другим. При всём этом переводчику надо стремиться к понятности, для того, чтобы не было необходимости составлять для своих читателей отдельный словарь „Калевалы“, наподобие тех, что имеются в распоряжении финнов. Учитывая всё это, только с целью придания яркости, в качестве приправы я использовал слова и выражения из диалектов и старого языка...» (Szente 2001: 359).

В тексте перевода делается различие между открытым и закрытым гласным *e* (*e* / *ë*, в финском языке им соответствуют *e* / *ä*), которое не

отображает венгерское правописание, но сохраняется во многих диалектах – этим переводчик стремится подчеркнуть народное происхождение рун эпоса.

Одной из особенностей перевода является использование понятий и выражений, тесно связанных с венгерской культурой, таких как наименования тотемных животных (*turulmadar* ‘вид коршуна, тотемная птица у древних венгров’, *csodaszarvas* ‘чудесный олень из легенды, связанной с обретением венграми родины’), сказочных мотивов (*Óperenciás tenger* ‘Море-океан, место где-то далеко, далёкое фантастическое сказочное море’, букв. ‘море Оперенция’ < нем. *Ober Enns* ‘Верхняя Австрия – название одной из австрийских провинций’; *Ungon-berken* ‘где-то далеко’, букв. ‘в Унге-Береке’ < Унг и Берек – бывшие венгерские провинции) и т.п., а также введение в текст перевода отрывков, взятых из других венгерских литературных и фольклорных произведений (напр., из «Древне-венгерского плача Марии», произведений М. Зрини, М. Верэш-марти, Я. Араня, Е. Ади). Некоторые исследователи считают такое включение в перевод ярко выраженных венгерских национальных понятий возможным в рамках переводческой свободы, другие же считают использование мотивов не характерных для культуры оригинала недопустимым (Varga 2010: 125–126, 150–151).

Таким образом, три последних венгерских перевода «Калевалы» выдвигают на передний план какую-либо одну из особенностей формы финского эпоса. Для К. Надя важным оказался параллелизм. В том, что другие считали монотонным, он искал разнообразие, внутренний ритм. И. Рац считал ключевой особенностью оригинала аллитерацию. Она стала для него способом достижения поэтичности. И. Сенте наряду с аллитерацией важным считал сохранение трохеического ритма.

Венгерский исследователь Л. Листоцки сравнил количество аллитерирующих пар слов в оригинале и пяти венгерских переводах в трёх отрывках из трёх разных рун (2: 1–100, 4: 100–200, 9: 1–100). Результаты его подсчётов выглядят так (финский оригинал, Ф. Барна, Б. Викар, К. Надя, И. Рац, И. Сенте): **80**, 21, 56, 56, 100, 194; **83**, 19, 43, 51, 99, 137; **80**, 23, 54, 67, 100, 174 (Varga 2010: 124, 135). То есть первые три перевода, авторы которых не ставили перед собой в качестве цели передачу аллитерирующей формы оригинала, по количеству звуковых созвучий в несколько раз уступают оригиналу: от 4 раз у Ф. Барны до 2–1,5 раз у Б. Викара и К. Надя. Два последних по времени перевода, авторы которых четко ставили перед собой цель передачи аллитерации, целенаправленно подыскивая для этого созвучные пары слов (местами за счёт деформации содержания), даже превосходят в этом плане оригинал.

Три последние перевода «Калевалы» объединяет и то, что они были созданы за пределами Венгрии, а осуществившие их переводчики помимо переводческой компетенции во время работы над переложением эпоса подвергали пробе и свою компетенцию в родном языке: ими в какой-то степени руководило желание доказать, что они, находясь вне Венгрии, по-

прежнему знают венгерский язык на таком уровне, который необходим для перевода всемирно известного произведения (Varga 2010: 123, 128–129).

2.2.3.2.2. Эстонские переводы

Во время появления в Финляндии «Калевалы» в Эстонии уже начали возникать мысли о создании собственного национального эпоса, поэтому это событие вызвало здесь большой интерес. По мнению исследователей, первое издание финского эпоса попало в Эстонию благодаря Г. Й. Шульц-Бертраму, который в 1839 г. привез его из Финляндии и передал в Эстонское учёное общество (Õpetatud Eesti Selts – ÕES).

В 1840 г. в 1-м номере «ÕES Toimetused» («Ученые записки ÕES») был опубликован отрывок в 60 строк из 1-й руны «Калевалы» на эстонском и немецком языках в переводе одного из членов ÕES Н. Мюхлберга. В сносках к переводу им были сделаны пояснения имён героев эпоса и малоизвестных слов. В предисловии автор выразил неудовлетворенность своей работой, объясняя это своим кратким пребыванием в Финляндии и невозможностью в г. Тарту рассчитывать на помощь со стороны кого-нибудь, кто владел бы финским языком как родным. К переводу прилагалось также изложение содержания эпоса, сделанное на немецком языке исследователем из Хельсинки Х. Й. Холмбергом. (За исключением отрывков из «Калевалы», в 1843 г. Н. Мюхлберг перевёл также на северный и южный варианты эстонского языка финскую народную песню «Jos mun tuttuni tulisi» («Если бы мой знакомый(ая) пришел(а)»). Примерно в это же время эта песня была переведена Ф. И. Видеманом на венгерский язык, а А. Альквистом на марийский, коми и удмуртский.)

В 1840–41 гг. на заседаниях ÕES проводилась интенсивная работа по ознакомлению с финским эпосом. Так, в июне 1841 г. с докладом о содержании эпоса и переводами отрывков выступил руководитель кафедры классической филологии Тартуского университета проф. Л. Преллер. (Laugaste 1960: 117; Laugaste 1986: 20; Muru 1986: 92; Niinivaara 1960: 323–324).

В 1880 г. в Таллинне состоялся певческий праздник, в котором приняли участие и несколько финских ученых. Один из них, О. А. Ф. Лэннбохм-Мустонен, пригласил эстонских студентов принять участие в праздновании 50-летия SKS, которое планировалось провести в следующем году. Среди этих эстонских студентов был и будущий переводчик «Калевалы» М. Й. Эйсен (1857–1934). Учась на теологическом факультете Тартуского университета, М. Й. Эйсен имел возможность познакомиться с обучающимися здесь же финнами и через них соприкоснуться с финским языком. Уже в 1881 г. у него были такие знания финского, что именно его и отправили в качестве представителя Общества эстонских писателей (Eesti Kirjameeste Selts) на юбилей SKS. В 1882 г. он находился более длительное время в Финляндии и имел возможность общаться с финскими деятелями культуры того времени. После окончания университета в 1885

г. М. Й. Эйсен находился на годичном испытательном сроке в финских приходах Ингерманландии, в 1886 г. его посвятили в пасторы. Одновременно он ездил проповедовать в Петрозаводск. Путешествуя по данным территориям, он основательно ознакомился с разными финскими диалектами. В 1888–1892 гг. он был пастором эстонско-финско-шведского прихода в Кроонулинна. Это, а также его брак с финкой Э. Перониус, стало предпосылкой того, что из М. Й. Эйсена получился последовательный пропагандист финской культуры в Эстонии. Шедевр финской литературы «Калевала» занимал его внимание уже со студенческого возраста, когда он начал переводить отрывки из финского эпоса и его пересказы. В 1882 г. появляется его первая проба – перевод отрывка из «Калевалы», опубликованный в журнале «Meelejahutaja» (№17). В 1883 г. публикуют второй отрывок в «Talurahva kasulik kalender» («Полезный календарь для крестьянства»). Далее следуют переводы отрывков в его собственном сборнике стихов «Helinad Emajõelt» («Звон с Эмайыги», 1884 г.), в «Isamaa kalender» («Календарь Отечества», 1887 г.), в приложении к «Olevik» («Современность», 1889 №18) и в «Eesti Üliopilaste Seltsi album I» («Альбом Союза эстонских студентов», 1889 г.). Самый длинный отрывок появился в «Isamaa kalender» в 1890 г. под названием «Võtlemine valguse päraast» («Борьба за свет», руны 47–49). В 1883 г. М. Й. Эйсен под названием «Väike Kalevala» («Маленькая Калевала», 2 издание – 1919 г.) издал перевод пересказа содержания эпоса, сделанного Р. Хертцбергом. Прозаическая «Калевала» была наиболее близка простому читателю и молодежи, которых интересовало в первую очередь содержание эпоса, напряженность сюжета, большое количество приключений и их сказочность. Таким образом, благодаря этой небольшой книге эстонский народ получил возможность познакомиться с неизвестными им до тех пор героями «Калевалы» и с их похождениями.

В октябре 1889 г. ссылаясь на газету «Lappeenrannan Uutiset» («Лаппенрантские новости»), в газете «Sakala» сообщалось, что «учитель М. Й. Эйсен получил разрешение SKS на поэтический перевод „Калевалы“ на эстонский язык». Уже в следующем месяце газеты «Postimees», «Olevik», и «Sakala» писали, что перевод готов и будет опубликован. На самом деле, первые 25 рун «Калевалы» были опубликованы в 1891 г. в Тарту в издательстве А. Херманна. «Летом на эстонском языке появилась очень красивая и большая книга» – прокомментировала газета «Postimees» в ноябре 1891 г. появление перевода эпоса. Вторая часть эпоса вышла в свет в 1898 году. Второе издание первой части эпоса вышло также в Тарту в издательстве «Postimees» в 1912 г, второй части – в 1921 г. Третье исправленное и дополненное издание перевода появилось в 1925 г. (Kalevala 1921a; Kalevala 1924; Kalevala 1925; Laugaste 1986: 20–21; Ariste 1986: 69; Muru 1986: 95; Niinivaara 1960: 325)

Перевод М. Й. Эйсена, будучи удовлетворительным в рамках возможностей своего времени, вызвал некоторые критические отзывы. Замечания вызвали более яркая, чем в оригинале, лексика перевода и

неправдоподобное использование стихотворного размера. Несмотря на то, что в переводе использовалось большое количество характерных для языка народной поэзии старых и более длинных форм, язык перевода всё-таки оставался насыщенным короткими словами, что препятствовало возникновению аналогичного оригиналу ритма. Часто в одной и той же строке присутствовали как короткие новые формы, так и большое количество вспомогательных слов.

После появления второго, исправленного издания первой части перевода М. Й. Эйсена в 1913 г. в «Postimees» вышла статья Й. Аавика с критическим разбором перевода. Особенно «вызывает неловкость стихотворный размер перевода» утверждал в своей статье Й. Аавик. По его мнению, стихосложение «Калевалы» и эстонских рунических песен в принципе одинаково, единого происхождения, т.е. правила калевальского стихосложения, последовательно доминирующие во всей финской народной поэзии, вероятно, были первоначально характерны и для эстонской народной поэзии. Однако стихосложение «Калевалы» более самобытное, так как в Эстонии народную поэзию начали записывать только тогда, когда в эстонском языке и ритме произошли серьёзные изменения. Также, по мнению автора статьи, тем, кто хочет узнать содержание эпоса, не нужен стихотворный перевод, для этого достаточно пересказа, а те, кто «жаждет испробовать вкус стиля и языка (а их не может быть много), те пусть читают её, т.е. «Калевалу», на языке оригинала. Для этого не надо много учиться. Намного больше, чем современный финский язык, ближе этот язык народной поэзии к эстонскому языку». Но в то же время А. Аавик утверждает, что сказанное «не препятствует умелому поэту-виртуозу... однажды попробовать свои силы в переводе» (Muru 1986: 96–97).

По мнению академика Пауля Аристэ, М. Й. Эйсен хорошо знал как эстонский язык, так и язык «Калевалы», а встречающиеся в тексте перевода лексические неточности в своём большинстве отражают степень тогдашнего развития эстонского литературного языка (Ariste 1986: 77). Несмотря на недостатки, по мнению специалистов, поэтический перевод «Калевалы» является одним из самых больших достижений М. Й. Эйсена. В то время он был единственным, кто мог стать посредником между финским эпосом и эстонцами, которые впоследствии по его переводу познакомились с «Калевалой» на протяжении 40 лет (Anni 1922: 113; Laugaste 1986: 21; Muru 1986: 95).

Помимо самого перевода «Калевалы» у М. Й. Эйсена в эстонской периодике появилось несколько статей о «Калевале», например, «Eesti osa Kalevalas» («Эстонская часть в «Калевале»», «Eesti kirjandus» 1910 г.), «Kalevala mõju Kalevipoja kohta» («Влияние «Калевалы» на «Калевипозга»», «Eesti Kirjandus» 1913 г.) и т.д. (Eisen 1910; Eisen 1913). Однако в своих статьях М. Й. Эйсен не добавлял ничего важного в трактовку «Калевалы», а лишь реферировал точку зрения финских исследователей, чаще всего Юлиуса и Карла Кронов, редко с чем полемизировал, и, высказывая

свои взгляды, был, по мнению исследователей, часто не критичен (Muru 1986: 95).

В 1910 г. в журнале «Eesti kirjandus» ('Эстонская литература') в своей обширной статье «Kalevala eepose sisu» ('Содержание эпоса «Калевала»') М. Кампманн публикует пересказ финского эпоса. В этой же статье он, опираясь на работу Юлиуса Крона «Калевала с эстетической точки зрения» (Julius Krohn „Die Kalevala vom asthetischen Standpunkt betrachtet”), даёт обзор художественных особенностей «Калевалы» (Kampmann 1910; Muru 1986: 95).

В 1921 г. в Тарту отдельным изданием в переводе В. Ридала вышел цикл о Куллерво «Kullervo. Lugulaul Kalevalast» ('Куллерво. Сказание из «Калевалы»'), содержащий руны 31–36 (Kalevala 1921b). В. Ридала приступил к переводу с более основательными принципами: размер и лексика для него объект более пристального внимания, а одна из целей – последовательное воссоздание метрического размера оригинала, использование которого в переводе осложняется краткостью эстонских слов и большей частотностью в них коротких первых слогов (Laugaste 1986: 21). Для достижения поставленной задачи и в целях сближения с финским оригиналом В. Ридала использует гармонию гласных, суффикс *i* во множественном числе и имперфекте, суффикс аллатива *-ll-*, *-ld-* в аблативе и *-h-* в иллативе, множественное число партитива без дифтонгов, посессивные суффиксы и архаизмы (Niinivaara 1960: 327).

В 1922 г. в «Eesti kirjandus» была опубликована статья Августа Анни (Анниста) (1899–1972) «Kalevala eesti keeles» ('«Калевала» на эстонском языке'). В ней автор даёт критический обзор сделанного до этого в области переводов «Калевалы» на эстонский язык. Признавая работу В. Ридала, А. Аннист приводит и некоторые замечания: по его мнению, нельзя смешивать старые и новые, а тем более книжные формы, не стоит злоупотреблять архаизмами, новыми словами, посессивными суффиксами и гармонией гласных, всегда следует исходить из требований целесообразности и красоты. В полной мере А. Анниста не удовлетворяет ни один из двух имеющихся переводов, но в то же время он считает, что основой будущей работы по переложению финского эпоса на эстонский язык должен оставаться путь выбранный В. Ридала (Anni 1922: 115–121).

В данной статье будущий превосходный знаток финской литературы и усердный ее популяризатор, на чью долю выпала разнообразная, длящаяся десятилетия работа с «Калевалой», касается и общих проблем перевода, и в особенности проблем перевода народной поэзии и «Калевалы». По его мнению, «переводчик народной поэзии должен быть филологом, чтобы всецело быть как дома в объяснении и правильном употреблении древних и диалектных финноязычных фактов... Он должен быть также этнологом, этнопсихологом и фольклористом (т.е. филологом в широком смысле), так как ему надо знать очень хорошо духовную жизнь народа, бытующие в народе понятия... и народный образ мысли... И, наконец, в нем должно быть также и достаточное количество поэтической интуиции, с помощью

которой он смог бы проникнуть в эту духовную жизнь и найти правильные слова» (Anni 1922: 123).

По мнению К. Муру, любопытно, предвидел ли тогда А. Аннист то, что перевод и исследование «Калевалы» станет одним из важнейших составляющих его творчества. Если да, то процитированный отрывок, можно считать сознательной, очень подробно и требовательно сформулированной программой действий. Если нет, то этот большой план работы сформулирован невольно, как возможность, не рассчитывая на себя. В любом случае, по словам К. Муру, в ту пору А. Аннист был в Эстонии единственным, кто мог более-менее соответствовать предъявляемым условиям, и кто впоследствии полностью удовлетворил эти требования (Muru 1986: 98).

В 1930 г. появилась в переводе А. Анниста первая часть «*Soome antoloogia*» («Финская антология») с обширным предисловием, обзором и комментариями, которая содержала героические рассказы и баллады, в том числе и основную часть «Калевалы» (Anni 1930). В 1935 г. по случаю юбилея «Калевалы» А. Аннист опубликовал в журнале «*Eesti Kirjandus*» длинную статью «*Kalevala ja Eesti*» («Калевала» и Эстония»). В ней вновь поднимаются для обсуждения проблемы перевода, говорится, что необходим новый перевод «Калевалы», но в тоже время отмечается, что его осуществление трудно, что не следует надеяться выполнить его за несколько лет. По мнению автора статьи, эстонский язык со своей структурой единственный язык в мире, на который можно перевести «Калевалу» равноценно той, какова она в Финляндии. Но для этого необходима многолетняя, кропотливая работа и детальная шлифовка текста с целью найти правильный путь между угрожающе чрезмерной финскостью и сложностью языка и теряющим подлинный аромат чрезмерным обэстониванием (Anni 1935a: 58). К. Муру считает данные высказывания уточнением сформулированного в 1922 г. плана работы, на который очевидно повлиял промежуточный переводческий опыт (Muru 1986: 98).

«Калевала» А. Анниста вышла в 1939 г. с иллюстрациями А. Галлен-Каллела, предисловием и хорошим объяснением имён и слов, с лингвистическими пометами и перечнем заговоров. Б. Кангро оценил данный перевод в 1940 г. во втором номере «*Eesti Kirjandus*» как достижение, бесспорно превосходящее более ранние попытки переложения финского эпоса на эстонский язык. По его мнению, работа А. Анниста несомненно является самым красивым и точным переводом «Калевалы», а само издание самой красивой эстонской книгой (Kangro 1940: 90–91). Второе издание перевода вышло в 1959 г., также с иллюстрациями А. Галлен-Каллела, с предисловием переводчика и комментариями.

В 1935 г. в журнале «*Looming*» («Творчество») появилась статья А. Анниста «*Kalevala kui kunstiteos*» («Калевала» как художественное произведение»), которая представляет собой набросок монографии с тем же названием и совпадающая с ней в некоторых частях почти дословно.

Сама монография была опубликована сначала в переводе на финский язык в Хельсинки в 1944 г. и только в 1969 г. на эстонском языке с необходимыми дополнениями, которые учитывали результаты новых исследований. В данной работе рассматриваются вопросы истории возникновения «Калевалы», её построения и содержания, художественных особенностей и разнообразного влияния (Anni 1935b; Annist 1944; Annist 1969). По мнению специалистов, «Kalevala kui kunstiteos» является самым большим эстонским вкладом в изучение финского эпоса (Muru 1986: 99).

В 1981 г. в Таллинне под названием «Kalevala lood» («Калевальские истории») в переводе Асты Пылдмаэ вышел перевод пересказа для детей, сделанного Мартти Хаавио.

Помимо нескольких переводов «Калевала» является тем произведением, которому эстонская периодика уделяла больше внимания, чем какому-либо другому выдающемуся шедевру финской литературы. По данным К. Муру касающийся «Калевалы» материал в эстонской периодике охватывает несколько сот наименований. Данный богатый материал очень разнообразен по роду, функции и литературной ценности. Он не распределяется равномерно по времени, а группируется преимущественно вокруг различных событий и памятных дат. Часто причины появления публикаций – это проблемы, связанные с переводом эпоса, юбилеи, очередные издания «Калевалы», постановки её в театре или экранизация. К. Муру выделяет два периода, когда информация о «Калевале» встречается в периодике значительно интенсивнее, чем обычно. Первый из них – последнее десятилетие XIX в., т.е. 1890-е годы, когда появился перевод «Калевалы» М. Й Эйсена. Второй период – 1920–1930-е годы, обусловленный частично 100-летним юбилеем «Калевалы», частично деятельностью академических кружков молодежи, интересующейся финской литературой и культурой и имеющей обыкновение каждый год 28-го февраля праздновать день «Калевалы», частично работой А. Анниста над новым переводом. В промежутке между этими периодами находятся периоды спада, особенно в 1940–50-е годы. С 1970-х годов число публикаций опять значительно увеличивается (Muru 1986: 93).

2.2.3.2.3. Удмуртские переводы

Первый опыт перевода «Калевалы» на удмуртский язык приходится на 1935 год, когда в журнале «Молот» (№2) появляется статья М. П. Петрова, посвященная 100-летию «Калевалы». В ней автор приводит 22 строки эпоса на удмуртском языке – «Калевалалэн кутскон гурээ: 1 руна» («Начальная песня Калевалы: руна 1») (Прушинская 1998: 76).

В 1985 г. в газете «Советская Удмуртия» печатается перевод В. Ванюшева «Калевала: Нырысетй руна» («Калевала: Первая руна») (Прушинская 1993: 102).

В том же 1985 году в журнале «Молот» публикуют перевод нескольких отрывков эпоса, выполненных А. Н. Уваровым.

В 2001 году в Ижевске в виде отдельной книги выходят в свет на удмуртском языке избранные руны эпоса. Автор перевода – А. Н. Уваров. В этой книге помещены не только удмуртский перевод произведения Э. Лённрота, но и вступительная статья, в которой переводчик знакомит читателей с обстоятельствами появления финского эпоса, рассказывает о его влиянии на немногочисленную удмуртскую интеллигенцию в начале XX века, а также об обстоятельствах работы над переводом. В конце книги помещен финский текст переведённых на удмуртский язык рун эпоса. В следующей части книги её автор в виде небольшого словаря приводит объяснения встречающихся в «Калевале» собственных имён (личных и географических названий), а также удмуртских слов, которые могут быть непонятны читателям (архаизмы, диалектная лексика) (Калевала 2001).

Одной из проблем, которую нужно было преодолеть удмуртским переводчикам, был выбор стихотворного размера. Так как в удмуртском языке ударение в слове падает на последний слог, используемый в оригинале трохей не подходил. Наиболее употребляемые в удмуртском фольклоре размеры – ямб и анапест. На чередовании, смешении этих двух размеров строится ритм произведений удмуртской народной поэзии. Этот ритм использовал в своём переводе вышеупомянутый М. П. Петров в 1935 г. А. Н. Уваров в 1985 г. стремится использовать восьмисложный трохей оригинала, но приходит к выводу, что удмуртский текст, выполненный в этом размере, выглядит искусственным, чуждым. Поэтому в 2001 г. он возвращается к традиционному удмуртскому ритму. Здесь в одной строке чередуются анапест – ямб – анапест, что даёт восемь слогов.

Следующая проблема – это передача аллитерации и параллелизма. Особенности удмуртского языка делают невозможной переложение аллитераций. Поэтому, как пишет сам А. Н. Уваров, он основное внимание уделяет как можно более точной передаче параллелизма. Вместо аллитераций Уваров сознательно и последовательно использует рифму.

В своей работе А. Н. Уваров опирается среди прочих на венгерский перевод «Калевалы» И. Раца и английский К. Бослей (Уваров 2001: 6–8).

В 2010 г. в журнале «Кенеш» (№7) печатаются переводы 36-й и 37-й рун «Калевалы», выполненные Виктором Шибановым (Калевала 2010).

2.2.3.2.4. Перевод на вепсский язык

Перевод финского эпоса на вепсском языке вышел в 2003 г. «Kalevala lapsile i norištöle» ('Калевала детям и молодежи') в переводе Н. Г. Зайцевой представляет собой переработку для детей, основанную на русском переводе эпоса А. Мишина и Э. Киуру (Kalevala 2003).

В одной из своих статей автор перевода останавливается на следующих моментах, связанных с работой над «Калевалой» (Зайцева 2010: 368–378).

Во время работы над переводом сложностью было большое количество в вепсском языке коротких слов, которые образовались в языке вследствие

выпадения конечных гласных в двусложных словах с долгим, закрытым или включающим в себя дифтонг первым слогом, в многосложных словах и перед звуком *h*. Следствием подобного укорачивания является исчезновение или совпадение по форме некоторых падежей, исчезновение притяжательных суффиксов.

Данное обстоятельство (краткость форм вепских слов по отношению к финским) обусловило использование в переводе разного рода протетических частиц и уменьшительных форм. При этом частое употребление последних характерно как для обыденной речи вепсов, так и для вепского фольклора.

Передаче длины калевальских строк также способствовали особенности вепской глагольной системы, которая в противовес системе имён не почувствовала в процессе сокращения длины слова, а наоборот увеличила протяженность глагольных словоформ появлением формантов, отсутствующих в других родственных языках (напр. суффиксы, маркирующие отрицательную форму глагола, формы возвратного спряжения, кондиционала имперфекта и т. д.).

Как отмечает Г. Н. Зайцева, во время перевода не было проблем с аллитерацией. Не было их и при выборе лексики для переложения «Калевалы» на вепский язык, т.к. «жизнь ее героев, их быт, их земледельческие работы, строительство лодки, их одежда – все это было в духе жизни древних вепсов»; «... язык перевода «Калевалы» не является в полном смысле слова переводом на создаваемую письменную форму языка... в переводе можно найти особенности всех диалектов...» (Зайцева 2010: 377).

2.2.3.2.5. Перевод на карельский язык

В 2009 г. финским Обществом карельского языка (Karjalan Kielen Seura) был издан полный поэтический перевод «Калевалы» на ливвиковском наречии карельского языка. Его автор, карельский учитель, поэт и переводчик З. Т. Дубинина, работала над переводом в 1989–2006 гг. Переложение эпоса было начато с целью использовать его в качестве учебного материала на уроках карельского языка. (Kalevala 2009).

2.2.3.2.6. Переводы на марийский язык

В 1949 г. был опубликован перевод отрывка из 44-й руны: «Кантелен шочмыжо» («Создание кантеле», М. Казаков, Марий альманах №23) (Прушинская 1993: 97).

В 1990–1994 гг. на страницах журнала «У сем» («Новый лад») печатаются переводы рун из «Калевалы», осуществленные Г. И. Матюковским. Отрывок под названием «Сўан» («Свадьба») печатается также в журнале «Ончыко» в 2000 г. (№2, 170–173).

В 2008 г. в Йошкар-Оле выходит книга, содержащая текст «Калевалы» в переводе С. В. Николаева, который лёг в основу спектакля, поставленного на сцене Марийского национального театра им. М. Шкетана в 2007 г. (Калевала 2008).

2.2.3.2.7. Перевод на эрзянский язык

В интернете на страничке живого журнала пользователя Петрянь Андрию 28. 02. 2007 г. размещён перевод первой руны «Калевалы» на эрзянском языке: «Элиас Лённрот. Калевала. Эпосонь морокерькс карелэтнонь ды суомитнень кезэрень морост кувалма. Васенце морось» ('Элиас Лённрот. Калевала. Эпическая поэма на основе древних карельских и финских народных песен. Песня первая'). Автор перевода – Эрюш Вежай (Калевала 2007).

2.2.3.2.8. Перевод на коми-пермяцкий язык

10 апреля 1996 г. в г. Кудымкар в газете «Парма» в переводе на коми-пермяцкий язык был опубликован отрывок первой руны «Калевалы» – ёе зачин, вступление эпоса. Автор перевода – коми-пермяцкий поэт Анна Истомина. Вместе с текстом на коми-пермяцком языке в публикацию также вошли небольшая посвященная «Калевале» статья С. Ф. Тараканова и его вариант перевода того же отрывка на русский язык (Калевала 1996).

По нашей просьбе А. Истомина следующим образом описала историю появления коми-пермяцкой «Калевалы»: «Заниматься этим переводом меня сподвиг Спартак Фёдорович Тараканов, сын одного из основателей нашего округа, Фёдора Гавриловича Тараканова. С. Тараканов был полиглотом, знал около 50 языков... В то время я работала редактором детского журнала „Силькан“, и по нашей просьбе С. Тараканов сделал много подстрочных переводов с различных финно-угорских языков (в основном из фольклора). Увлёкшись этим, он предложил переводить „Калевалу“. Сделал подстрочный перевод на русский язык, принёс мне оригинал, а также варианты перевода на русский язык (к сожалению, сейчас уже не помню каких переводчиков). Я переводила, он критиковал, я что-то меняла... Затем этот отрывок и его вариант перевода я увидела опубликованными уже в газете „Парма“. В то время С.Тараканов был уже пожилым человеком, и на этом наше сотрудничество как-то угасло. Желание продолжить перевод, конечно, было. Но, увы...».

Текст на коми-пермяцком языке содержит 70 строк и является переложением 102-х начальных стихов оригинала. Перевод по своему объёму короче исходного текста, т.к. в нем опущены строки 41–50 и 71–90 оригинала, а также упрощены, не переданы некоторые параллели-повторы. Так, напр., параллельным строкам *kuulla noien kultaisien, / tietä mielitehtoisien, / nuorisossa nousevassa, / kansassa kasuavassa...* (1: 25–28) '[чтобы] слышали те дорогие, / узнали желающие, / в молодежи подрастающей, / в народе растущем...' соответствует *Мед и кывзасö*

миянӧс / Зарни юра томпӧлӧсным 'Пусть послушает нас / Златоглавая молодежь наша', или параллелизм *Niin laulan hyvänki virren, / kaunihinki kalkuttelen* (1: 91–92) 'Так спою хорошую песнь, / красивую отчеканю' передан как *Сьыла бытшӧм сьыланкывсӧ* 'Спою хорошую песню'. В целом же данная стилистическая особенность оригинала нашла своё отражение и на коми-пермяцком языке.

Как и во многих других переложениях «Калевалы», данный перевод в силу особенностей языка перевода не передаёт другое своеобразие формы подлинника – аллитерацию. Местами в тексте встречаются созвучные слова и строки, но все они (или подавляющее их большинство) – результат случайного совпадения. Всего же из 70 строк перевода аллитерационные созвучия наблюдаются в 19-ти, например: *Ӧтилаӧ ӧтлаӧтам* 'Вместе соединим', *Туйдор гӧпись гуди-гарйи* 'Из придорожной ямы [я] вырыл-выкопал', *Маа мыссэзӧт котрасьтӧн, / Зарни видзезын ветлӧттӧн* 'По медовым холмам бегая, / По золотым лугам ходя', *Зэрыс зэрыс сьыланкывез* 'Дождь надождал песни', *Сьыла бытшӧм сьыланкывсӧ* 'Спою хорошую песню'.

Перевод передаёт восьмисложный трохеический размер оригинала.

2.2.3.2.9. Переводы на коми (зырянский) язык

2.2.3.2.9.1. Переводы В. И. Лыткина и М. Елькина

Первым, кто обратился к переводу финского эпоса на коми-зырянский язык, был В. И. Лыткин (Илля Вась) (1895–1981). Им в 1922 г. был переведен отрывок из 41-й руны, в которой говорится об игре Вяйнямӧйнена на кантеле. Данный перевод впервые был опубликован в 1923 г. в книге для чтения «Вылъ тујӧд» ('Новым путём'), а затем в 1929 г. в сборнике стихов «Кывбурјас» ('Стихи') (Калевала 1929). Этот же отрывок позднее был напечатан на страницах журнала «Войвыв кодзув» (2003 №9) в статье С. Югова «„Калевала“ да коми литература» ('«Калевала» и коми литература') (Югов 2003: 72–73). Данный перевод был сделан ещё до поездки В. И. Лыткина на стажировку в Финляндию в 1926 г., где он начал осваивать финский язык, таким образом, он осуществлён не напрямую с финского языка, а посредством какого-то русского варианта финского эпоса (Туркин 1991: 59, Туркин 1985: 9, Kokkonen 2009: 336).

Первые шесть строк перевода В. И. Лыткина приводит в своей книге «Формирование литератур малых уральских народов» и Петер Домокош. Сопоставляя их с оригиналом, он также приходит к мысли, что перевод осуществлен не непосредственно с финского, а с русского языка. Характеризуя перевод, венгерский литературовед пишет: «Этот сжатый текст точен по содержанию и сохраняет наиболее важную информацию отрывка оригинала „Калевалы“, он опускает лишь повторы и дополнительные средства выражения. По форме главной характерной особенностью является отсутствие аллитерации (это поэтическое средство не характерно

для фольклора коми и ее письменной литературы)... Однако Илья Вась вероятно нашел бы возможность воспроизвести эту особенность финского стиха (если бы захотел), ведь он был одним из выдающихся мастеров формы. Но поскольку он не стремился к этому, то мое предположение, что он работал на основе русского перевода и не видел оригинала, подтверждается. Другую важную особенность „Калевалы“, еще более важную формально-музыкальную особенность – ритм, он в точности повторяет, озвучивая ее на коми безукоризненными восьмисложными строками. (Но ритм здесь, естественно, ямбический, в противовес хорею оригинала)» (Домокош 1993: 240).

Перевод В. И. Лыткина содержит 91 строку, тогда как текст оригинала 41-й руны насчитывает 266 стихов. Переводчик точно передаёт на коми языке те части текста оригинала, в которых говорится о том, какие звери, птицы, рыбы пришли, прилетели, приплыли послушать игру Вайнямёйнена на кантеле, лишь в нескольких местах сокращая, опуская некоторые параллелизмы-повторы. Однако полностью опускаются те места, в которых говорится о мифических существах, которые также прибыли послушать игру старца. В перевод не вошли эпизоды о повелителе леса Тапио и хозяйке леса (41: 57–70), о девах-духах природы и воздуха, о Деве-Солнце и Деве-Месяц (41: 95–117), о повелителе волн Ахто и хозяйке вод (41: 137–168). Отсутствует в переводе и заключительная часть руны, в которой рассказывается о поиске уткой слёз Вайнямёйнена в море (41: 187–266).

Аллитерация, действительно, почти отсутствует в переводе, однако всё-таки встречается время от времени, являясь, скорее, следствием случайного попадания друг к другу одинаково начинающихся слов, а не сознательным творчеством В. И. Лыткина. Параллелизмы, как уже указывалось выше, также иногда отсутствуют. Все это может говорить о том, что во время работы над переводом В. И. Лыткину, скорее всего, было ещё неизвестно об основных особенностях формы финского эпоса. Имеющиеся в коми переводе параллели-повторы, сохранились, возможно, из-за точного следования тексту, с которого делался перевод на коми язык.

В 1924 г. в журнале «Коми му – Зырянский Край» под заголовком «Пін поезьјаыг» («Из финской поэзии») В. Т. Чисталёв помещает два стихотворных отрывка, считавшимися переводами из «Калевалы», но в действительности, скорее всего, являющиеся оригинальными произведениями, созданными по мотивам финского эпоса (об этом см. ниже).

В 1992 г. в журнале «Би кинь» (№10) публикуется перевод отрывка в 20 строк из 49-й руны эпоса (49: 403–422), в котором говорится о том, как Вайнямёйнен, увидев возвратившихся вновь на небо луну и солнце, приветствует их и желает, чтобы они всегда украшали небо и приносили счастье людям. Автор перевода – коми поэт М. Елькин. Перевод осуществлён, скорее всего, с русского текста Л. П. Бельского, при этом в коми переводе происходит перестановка строк, что ведёт к исчезновению параллелизмов. Аллитерация также отсутствует (Калевала 1992).

2.2.3.2.9.2. Перевод А. И. Туркина

В 1980–1990-х годах переводом «Калевалы» занимался Адольф Иванович Туркин (1936–1996). А. И. Туркин родился в Республике Коми (с. Ероздино, Усть-Вымский район). Закончил Ленинградский университет (1965 г.) и аспирантуру Института языкознания АН СССР (1972 г.), где его научным руководителем был В. И. Лыткин. Несколько лет он находился на дипломатической работе в Финляндии. С 1973 г. работал в секторе финно-угорских языков Института эстонского языка АН Эстонии. Доктор филологических наук, специалист в области топонимии и языковых контактов. Занимался художественными переводами с финского и эстонского языков (КЯЭ: 605).

По мнению Е. А. Цыпанова, А.И. Туркин идеально подходил для роли переводчика «Калевалы», т.к. будучи лингвистом, выпускником кафедры финно-угорских языков ЛГУ, он профессионально владел финским языком, в молодости писал стихи и рассказы на родном коми языке, был знатоком коми диалектов, специалистом в коми топонимике, филологом в широком смысле слова. Несмотря на то, что коми учёный жил в Эстонии, он был тесно связан с культурной и литературной жизнью Коми республики, все его книги были изданы в Коми, он преподавал в Сыктывкарском государственном университете, печатался в коми газетах и журналах, все отпуска проводил на родине.

В статье «„Калевалы” – 150 во» («Калевале» – 150 лет’), опубликованной в журнале «Войвыв кодзув» («Северная звезда»), А. И. Туркин так описывает своё знакомство с «Калевалой» и проблемы, связанные с её переводом: «В Ленинградском университете мне выпала удача посещать лекции и семинары, посвящённые „Калевале“, которые проводили большие специалисты по этому эпосу. Во время этих занятий у меня появилась идея о переводе эпоса на коми язык. По моему, „Калевала“ очень близка живущему на севере коми народу: природа Калевалы, одежда героев, их жизнь и способ мышления похожи на коми. Два родственных языка, финский и коми, с точки зрения строения и словарного запаса также стоят близко друг к другу.

Но, несмотря на это перевод „Калевалы“ на коми язык – не лёгкое дело. „Калевала“ написана старым финским языком, в особенном стихотворном размере, которые не соответствуют коми языку. Невозможно предать на коми язык аллитерации, повторы и гиперболизацию. При переводе восьмистопным трохеическим стихом это всё утрачивается.

События, о которых говорится в эпосе, очень давние. В коми литературном языке отсутствует тот пласт лексики, с помощью которого можно было бы их отобразить. С этой точки зрения большую помощь оказывают старый коми (древнепермский) язык и коми диалекты. Здесь мы можем найти богатый и нужный языковой материал.

Очень полезны и коми фольклорные образы, старые пословицы, поговорки, параллели которым имеются не только в „Калевале“, но и в других родственных языках» (Туркин 1985: 9).

Всего в переводе И. А. Туркина в «Войвыв Кодзув» (ВК) и газете «Югйд туй» (позднее «Коми му») («Светлый путь» / «Коми земля») было опубликовано 13 калевальских рун: «I сьыланкыв. Водзкыв. Му пуксьом» («I песня. Вступление. Сотворение мира», ВК 1985 №7), «Му кӧдзӧм. Мӧд сьыланкыв» («Засев земли. Вторая песня», Югйд туй, 23 июня 1987), «Коймӧд сьыланкыв. Сьӧлӧмӧн вермасьӧм» («Третья песня. Состязание сердцами», Коми му, 5 декабря 1991)*, «Нӧльӧд сьыланкыв. Вяйнямӧйнен да Айно ныв» («Четвертая песня. Вяйнямӧйнен и Айно», ВК 1996 №7), «Витӧд сьыланкыв. Велламолысь нывсӧ вугырӧм» («Пятая песня. Вылавливание девушки Велламо, ВК 2000 №1), «Квайтӧд сьыланкыв. Ёукахайнен водзӧс мынтӧ» («Шестая песня. Ёукахайнен мстит», ВК 2000 №2), «Сизимӧд сьыланкыв. Вяйнямӧйнен Похьӧлаын» («Седьмая песня. Вяйнямӧйнен в Похьӧле», ВК 2000 №4), «Кӧкъямысӧд сьыланкыв. Войвывса ныв. Пыж вӧчӧм» («Восьмая песня. Северная девушка. Постройка лодки», ВК 2000 №6), «Ӧкмысӧд сьыланкыв. Пидзӧс дой бурдӧдӧм» («Девятая песня. Излечение раны на колене», ВК 2000 №7), «Илмаринен дорӧ Сампо. X сьыланкыв» («Илмаринен куёт Сампо. X песня», ВК 1984 №2), «Куллерво аддзӧ бать-мамсӧ. „Калевалаысь” 34-ӧд сьыланкыв» («Куллерво находит родителей. 34-я песня из «Калевалы», Югйд туй, 23 июля 1985), «Вяйнямӧйнен вӧчӧ кантеле» («Вяйнямӧйнен делает кантеле», Югйд туй, 26 февраля 1985, 5 марта 1985), «Вяйнямӧйнен ворсӧ кантелеӧн» («Вяйнямӧйнен играет на кантеле», ВК 1980 №6).

Первая руна была опубликована с изменениями и исправлениями ещё раз в 1999 г. (ВК №12): «Сьылан панас. Му пуксьом. Вяйнямӧйненлӧн чужӧм» («Зачин пения. Сотворение мира. Рождение Вяйнямӧйнена»).

Неопубликованный перевод ещё одной руны хранится в рукописи в Музее истории просвещения Коми края (ОФ 16012): «44-ӧд сьыланкыв. Кантелелӧн чужӧм» («Руна 44. Рождение кантеле»). Здесь же хранятся и рукописи названных выше опубликованных переводов (ОФ №№ 15982, 15984, 15990, 16009, 16011, 16012). Рукопись перевода 3-й руны длиннее, чем опубликованный вариант. В публикации в «Коми му» отсутствует заключительный фрагмент длиной в 122 строк.

Содержание переведённых А. И. Туркиным рун следующее:

Руна 1: Сотворение мира и рождение Вяйнямӧйнена.

Руна 2: Вяйнямӧйнен выходит на пустынный берег. Сампса Пеллервойнен сеет деревья. Не выходит лишь дуб, но посеянный вновь разрастается и раскидывает ветви над всей землей, заслоня листвою луну и солнце. По просьбе Вяйнямӧйнена маленький человек выходит из моря и валит дуб – становятся видны луна и солнце, на земле растут трава, цветы и ягоды, птицы поют на деревьях. Не растёт только ячмень. Вяйнямӧйнен находит его семена, вырубает

* В публикации в названии руны допущена ошибка: вместо «Сьӧлӧмӧн вермасьӧм» («Состязание сердцами») должно быть «Сьылӧмӧн вермасьӧм» («Состязание пением»). Здесь название даётся так, как оно фигурирует в публикации.

лес для пожоги, но оставляет одну берёзу для птиц. В благодарность за это орёл даёт Вяйнямёйнену огонь, для того чтобы пожечь подсеку. Вяйнямёйнен сеет ячмень.

- Руна 3:** Вяйнямёйнен становится знаменитым. Ёукахайнен отправляется состязаться с ним в знаниях, но проиграв, требует состязания на мечях. Разозлённый этим Вяйнямёйнен заклинаниями загоняет Ёукахайнена в болото. Ёукахайнен за своё освобождение обещает Вяйнямёйнену лодку, коня, земли с хлебами, золото, серебро и, наконец, свою сестру Айно.
- Руна 4:** Встреча в лесу Вяйнямёйнена и сестры Ёукахайнена Айно. Айно не соглашается стать женой Вяйнямёйнена, идёт к морю, где, купаясь, тонет.
- Руна 5:** Вяйнямёйнен рыбачит на море, ему попадает рыба, в которую превратилась утонувшая Айно. Вяйнямёйнен не узнает её, хочет разделать и съесть, но рыба выскользывает из рук старика и падает обратно в море. Из моря рыба рассказывает Вяйнямёйнену, кем она является на самом деле. Мать Вяйнямёйнена советует горюющему сыну отправиться за невестой в Похьёлу.
- Руна 6:** Вяйнямёйнен отправляется в Похьёлу. По пути туда его подстерегает Ёукахайнен, который стреляет и убивает лошадь Вяйнямёйнена. Старик падает в море. Ёукахайнен радуется, думая, что его враг погиб.
- Руна 7:** Вяйнямёйнен долгое время проводит в море, до тех пор, пока орёл не подбирает его и не относит в Похьёлу, где Вяйнямёйнена в своём доме принимает хозяйка Похьёлы Лоухи. Вяйнямёйнен хочет вернуться домой и Лоухи обещает ему, что отправит его туда и в придачу отдаст ему свою дочь, если Вяйнямёйнен сможет выковать Сампо. На это Вяйнямёйнен отвечает, что он не может этого сделать, но обещает прислать в Похьёлу кузнеца Илмаринена. Лоухи даёт Вяйнямёйнену лошадь с санями, на которых он отправляется на родину.
- Руна 8:** По дороге домой Вяйнямёйнен встречает красавицу и предлагает ей стать его женой. Она ставит несколько условий: завязать яйцо и расколоть конский волос тупым ножом, содрать бересту с камня и построить из льда забор, построить лодку из обломков веретена и прялки. Вяйнямёйнен справляется с двумя первыми, приступает к постройке лодки, но топор ранит его, начинается кровотечение, которое Вяйнямёйнен не может остановить. Вяйнямёйнен отправляется на поиски того, кто сможет вылечить его рану, находит старика, которой способен это сделать.
- Руна 9:** Для того, чтобы вылечиться Вяйнямёйнен рассказывает старику о происхождении железа. Старик останавливает кровь. Сын старика готовит мазь, с помощью которой Вяйнямёйнен окончательно выздоравливает и благодарит за это бога.

- Руна 10:** Вяйнямёйнен возвращается домой, рассказывает Илмаринену, что тот может получить жену в Похьёле. Илмаринен не хочет туда отправляться, но Вяйнямёйнен всё-таки хитростью делает так, что кузнец оказывается в Похьёле. Там Илмаринен выковывает Сампо, просит руки дочери хозяйки Похьёлы Лоухи, но получает отказ. Илмаринен получает лодку, возвращается домой и рассказывает Вяйнямёйнену, что Сампо готово.
- Руна 34:** Куллерво пускается в бегство из дома Илмаринена, где является батраком. Опечаленный, он бродит по тайге, где встречает старушку – хозяйку леса, от которой узнаёт, что его семья жива. Пройдя путь, описанный старушкой, Куллерво находит отца и мать на границе Лаппи. Мать рассказывает Куллерво, что считала его давно погибшим, а также о том, что его старшая сестра пропала, отправившись за ягодами в лес.
- Руна 40:** Вяйнямёйнен, Илмаринен и Лемминкяйнен плывут в Похьёлу за Сампо. С помощью заклинаний Лемминкяйнена они преодолевают пороги, но после этого лодка останавливается – садится на спину огромной щуки. Щуку убивают, верхнюю половину с головой поднимают в лодку, варят её и съедают. Из костей Вяйнямёйнен изготавливает кантеле, на котором все пробуют играть, но ни у кого это не получается.
- Руна 41:** Вяйнямёйнен сам играет на кантеле. Все обитатели леса, моря и воздуха собираются, чтобы послушать его. Всем нравится игра Вяйнямёйнена, все плачут от радости и удовольствия. Плачет и сам Вяйнямёйнен, его слёзы попадают в море и превращаются там в жемчужины. Утка собирает их и приносит обратно старику.
- Руна 44:** Вяйнямёйнен отправляется искать пропавшее в море кантеле из щучьих костей, но не находит его. По дороге домой он слышит плач берёзы, жалующейся на свою тяжёлую жизнь: её ствол режут, чтобы набрать сок, ветви ломают для веников, из коры делают разные предметы. Вяйнямёйнен делает из берёзы кантеле, играет на нём, все слушают его с восхищением.

Хранящиеся в Музее просвещения Коми края рукописи перевода калевальских рун А. И. Туркина дают возможность сравнить их с опубликованными материалами и прояснить некоторые моменты переводческого процесса.

Напечатанные на машинке рукописи, скорее всего, являются вариантами, предназначенными непосредственно для публикации. Однако в них встречаются исправления и дополнения, сделанные, как нам кажется, перед публикацией (таких подавляющее большинство), либо внесённые в рукопись уже после появления перевода в печати.

К первым относятся такие исправления, которые нашли отображение в публикациях перевода, т.е. в рукописи имеется какое-либо зачёркнутое слово или строка, вместо которых от руки написан новый, фигурирующий

в публикациях, вариант. Ко второму типу, на наш взгляд, относятся следующие исправления: в публикации присутствует не написанный от руки, а зачёркнутый вариант.

При сопоставлении машинописных рукописей переводов и их опубликованных вариантов нами был выявлен ещё один тип несовпадений между ними: в некоторых местах в рукописях не имеется никаких исправлений, однако они не совпадают с аналогичными местами в публикациях. В данном случае, на наш взгляд, правомерно говорить о редакторской правке в издательстве.

Количество как исправления, сделанные самим переводчиком, так и редакционных правок примерно одинаковое.

Из переводческих исправлений чаще всего встречаются разного рода замены отдельных слов, изменение порядка слов в предложении, либо же полное перефразирование, включающее замены, перестановки и разного рода вставки. Значительно реже встречаются исправления грамматической формы слова. Встречаются и такие исправления, когда по каким-то причинам полностью вычёркивается какая-либо строка, являющаяся адекватным эквивалентом строке перевода и не имеющая никаких дефектов с точки зрения языка перевода. Вследствие таких, на наш взгляд, ничем не мотивированных и не оправданных исправлений, часто деформируются параллелизмы оригинала, перевод становится короче исходного текста.

Среди исправлений, заключающихся в замене лексических единиц, часто встречается замена на более подходящий синоним, иногда происходит замена диалектных слов на более известные литературные соответствия (напр., *кõдждводз* ‘сени’ заменено на *посводз* ‘тж.’ (1: 312); *маджõс* ‘порог’ – на *тагõс* ‘тж.’ (1: 311); *суса* ‘ткацкий челнок’ – на *дзав* ‘тж.’ (8: 9, 11, 23)).

Для исправления порядка слов характерна замена буквальной передачи последовательности следования элементов в строке оригинала (результат интерференции языка оригинала на язык перевода), на более естественный для коми языка либо же более уместный в данном контексте порядок слов. Например, вариант в рукописи *Кыскис ыджыд чери ваысь, / Ләнтіс сирõс саридз гуысь* ‘Вытащил большую рыбу из воды, / Поднял щуку из морской ямы’ исправлен на *Ыджыд чери ваысь кыскис, / Саридз гуысь сирõс ләнтіс* (40: 167–168) ‘Большую рыбу из воды вытащил, / Из морской ямы щуку поднял’. Сравни с оригиналом: *nostalti kaloa tuota, / veti haukia ve'estä* (40: 168–169) ‘Поднял рыбу ту, / вытащил щуку из моря’.

Для исправлений в виде перефразирования также характерно отдаление от текста оригинала. Однако, в отличие от изменения порядка слов, данные замены не всегда носят положительный характер. Например, в 7-й руне таким образом из текста перевода исчезает внутрискочный параллелизм: строка *Sanoi kokko, ilman lintu* ‘Сказал орёл, неба птица’ (7: 89) вначале была переведена как *Шуис кутш, енэж лэбач* ‘тж.’, но затем заменена на *Шуис енэж вывсынь лэбач* ‘сказала с неба птица’ (7: 90).

Таким образом, исправления, внесённые переводчиком в рукописи, направлены на придание тексту более привычного для читателя вида и приведение отдельных его мест в соответствие с нормами коми языка, но уже вне сопоставления с текстом оригинала.

Редакторская правка текста ещё в большей степени ориентирована на читателя, нормы языка перевода и представления о том, каким должно быть поэтическое произведение. Среди подобных исправлений также часто встречается изменение порядка слов, несущего на себе влияние оригинала. Также встречаются замены слов, подобные описанным выше. Однако некоторые из них совершенно меняют образность оригинала (напр., оригинал: *elköhönp' on siskoseni /.../ peskö tästä silmiänsä* (4: 359–361) ‘никогда моя сестричка /.../ не мой здесь свои глаза’, рукопись: *Некор менам дона чойй, /.../ Синъястё эн мыськы тані* ‘Никогда моя дорогая сестра /.../ Свои глаза не мой здесь’, публикация: *Некор менам дона чойй, /.../ Чужёмтё эн мыськы тані* (4: 357–359) ‘Никогда моя дорогая сестра /.../ Своё лицо не мой здесь’), либо же приводят к деформации содержания и ошибкам (напр., оригинал: *ve'en eukko ruokorinta* (41: 156) ‘воды хозяйка с тростниковой грудью’, рукопись: *Эжөр морёса том ичмонь* ‘Молодуха с осоковой грудью’, публикация: *Тоньд морёса том ичмонь* (41: 152) ‘Молодуха с плотной грудью’).

Наблюдается и опущения строк имеющихся в рукописи и эквивалентных оригиналу. Но наиболее часто встречающиеся редакторские исправления – перефразирования с различными заменами, вставками, опущениями. Они используются для придания тексту более литературной, поэтической формы. Но в то же время они, не будучи связаны с оригиналом, приводят к ещё большему отдалению перевода от исходного текста.

Коми перевод четырнадцати рун «Калевалы» содержит 5132 строки (из них 4680 опубликованы и 452 имеются только в рукописи). При этом в 14-ти рунах оригинала 5229 стихов, т.е. коми перевод на 97 строк короче, или на 2%. Наибольшая разница в длине наблюдается между рунами 10, 41, 1, 6, где она составляет 29, 16, 11 и 10 строк соответственно. Лучшее всего передана руна 7 – количество строк в ней полностью совпадает с оригиналом. Разница всего в 1 строку наблюдается в рунах 9 и 8. В остальных рунах разница с исходным текстом равна в среднем 4-м строкам.

Уменьшение объёма текста перевода происходит из-за выпадения строк, о чём говорилось выше, и из-за разнообразных деформаций параллелизмов, о которых речь пойдет в следующей главе.

Ещё одна причина уменьшения количества строк в переводе – компрессия двух или нескольких не образующих параллелей-повторов строк оригинала в одну эквивалентную им строку перевода. Причиной такой компрессии являются расхождения в длине коми и финских слов. Во многих случаях, с целью соблюдения длины строки в перевод вводятся различные вставки, но местами этого не происходит, и тогда несколько строк превращаются в одну, из-за чего и происходит уменьшение объёма

перевода. Усиливают компрессии также различного рода опущения, допускаемые переводчиком. Например:

*Jo päivänä kolmantena
itse seppo Ilmarinen
kallistihe katsomahan
ahjonsa alaista puolta...* (10: 357–360)
Вот днём третьим
Сам кузнец Илмаринен
Нагнулся посмотреть
Нижнюю часть горна....

*Коймод луннас дорчысь ачыс
Сюся дзоргис ломзьысь пачо...* (10: 335–336)
На третий день кузнец сам
Внимательно посмотрел в топящуюся печь...

*Kävi sotka poimimahan
Väinämöisen kyuneleitä
alta selvien vesien...* (41: 255–257)
Отправилась чернеть собирать
Вяйнямёйнена слёзы
Из-под светлых вод...

*Кутис синва корсьны ваысь,
Помтём-дортём саридз пытикысь...*(41: 240–
241)
Стала [она] слёзы искать из воды,
Из бескрайнего моря...

Подобное сокращение текста встречается также в следующих местах: 10: ф285–288/к270–272, ф319–322/к301–302, ф339–342/к319–320, ф375–378/к351–352, ф403–406/к377–379. И в некоторых других.

Из приведённых примеров видно, что финская строка состоит из 2–3-х слов, а коми из 4-х и более. Это характерно и для остального текста оригинала и перевода, что доказывают и следующие подсчёты: число слов в 5229 строках 14-ти рун оригинала – 15388, т.е. в среднем 3 слова / строка; 5132 строки перевода содержит 19517 слов или в среднем 4 слова / строка. При этом текст оригинала содержит 108977 знаков, а текст перевода – 111599 и, таким образом, одно финское слово состоит в среднем из 7 букв, а коми – из 6-ти.

19 апреля 1985 г. эстонская газета «Sirp ja vasar» («Серп и молот») в небольшой заметке под названием «„Kalevala” komi keeles» («Калевала на коми языке») сообщает, что в Сыктывкаре в переводе А. И. Туркина в журнале «Войвыв кодзув» были напечатаны 10-я и 41-я руны финского эпоса, а в скором времени ожидается появление перевода 40-й руны. «Калевала» на коми языке звучала по республиканскому радио. После завершения перевода всего эпоса, планируется его издание в виде отдельной книги.

Перевод А. И. Туркина рассматривается в нескольких статьях коми литературоведов. Так, В. Н. Дёмин затрагивает вопрос переводов «Калевалы» на коми язык в пяти своих статьях: «„Калевала“ звучит на коми языке» (Красное знамя, 21 декабря 1984 г.), «„Калевала“ да коми поэзия» («Калевала» и коми поэзия»; ВК 1985 №1), «Kalevala ja Komin kirjallisuus» («Калевала» и коми литература»; Punalippu 1985 №11), «„Калевала” на коми языке» (1986 г.) и «„Калевала” и коми литература» (1995 г.). В этих публикациях, являющихся, по сути, вариантами одной и той же работы, коми исследователь пишет о возможном влиянии финского эпоса на коми писателей второй половины XIX–начала XX вв. (И. А. Куратов, К. Ф.

Жаков, В. И. Лыткин, В. Т. Чисталёв) и первых попытках его перевода на коми язык (В. И. Лыткин, В. Т. Чисталёв). Касаясь перевода И. А. Туркина, говорится, что новый перевод делается непосредственно с финского языка, но с использованием русского перевода Л. П. Бельского, перевода Н. Лайне, М. Тарасова, А. Титова и А. Хурмеваара («Избранные руны карело-финского народного эпоса в композиции О. В. Куусинена»), а также с учётом опыта венгерских и эстонских переводчиков. Отмечается, что на подобие более раннего коми перевода В. И. Лыткина, А. И. Туркин умело вводит в текст диалектизмы, архаизмы и неологизмы. Сама же работа создает впечатление, что коми «Калевала» – не перевод, а оригинальное произведение на коми языке (Дёмин 1984; Дёмин 1985; Djomin 1985; Дёмин 1986; Дёмин 1995а).

С литературоведческой точки зрения перевод И. А. Туркина рассматривает В. А. Латышева в статье «А. И. Туркин – финн эпос „Калевалаысь“ юкӧньяс комиӧдысь» («А. И. Туркин – переводчик на коми язык отрывков финского эпоса «Калевала»»). В работе рассматриваются используемые в переводе анафора, внутренняя и начальная рифма, эпитеты. Отмечается, что переводчик умело находит и использует постоянные коми эпитеты, идиомы, метафоры и сравнения, благодаря чему делает финский эпос более коми. При этом сопоставление происходит не с оригиналом, а с русским переводом Л. П. Бельского (Латышева 2006).

О переводе А. И. Туркина пишет в своих публикациях и литературовед Е. В. Остапова. В статьях «„Калевала“ в коми литературе: интертекстуальность и переводы» и «„Калевала“ как один из источников создания художественных произведений на коми языке» она останавливается на тех же моментах, что и В. Н. Дёмин в упоминавшихся выше работах (Остапова 2010а; Остапова 2011).

Небольшую статью под названием «Адольф Туркин да „Калевала“» («Адольф Туркин и «Калевала»») в газете «Коми му» в 1997 г. публикует финская исследовательница П. Кокконен. Здесь кратко рассказывается о предпосылках и обстоятельствах появления переложений А. И. Туркина (Кокконен 1997).

Более детальному анализу с лингвистической и стилистической точек зрения коми перевод «Калевалы» И. А. Туркина будет подвергнут в главе 3 настоящей работы.

2.2.4. «Калевала» и коми литература, фольклор и культура

Как уже упоминалось выше, интерес к финскому эпосу в России появляется в первые годы после публикации «Старой Калевалы». В 40-е гг. XIX века в русской прессе время от времени пишут о финском эпосе, публикуются его пересказы, прозаические и стихиворные переводы отрывков.

По мнению исследователей, первый коми поэт И. А. Куратов хотя и не мог быть знаком с полным текстом финского эпоса, будучи постоянным

читателем центральной прессы, всё-таки мог знать о существовании «Калевалы» и читать первые переводы её фрагментов. Косвенным подтверждением этого, по мнению В. Н. Дёмина (1985: 39–40; 1986: 140; 1995а: 88), являются некоторые произведения И. А. Куратова, в которых встречаются мысли и мотивы близкие «Калевале». К таким произведениям В. Н. Дёмин относит стихотворения «Коми кыв» («Коми язык», 1857 г.), «Сылан, менам сылан» («Песня, моя песня», 1860 г.), «Выль сыланкыв» («Новая песня», 1860 г.), «Коми кыв, тэд раммывлыны...» («Коми язык, тебе присмиреть...», 1874 г.). Они, по его мнению, близки по своим мотивам к первой и пятидесятой рунам финского эпоса. Например:

<i>«Коми кыв»</i>	<i>«Коми язык»</i>	<i>«Калевала»</i>
<p><i>Тайӧ кывлысь мичсӧ Сьӧлӧмӧн ме кылі – И ме медводз сьӧн Ньӧжйӧника сьылі... Тайӧ кылӧн мукӧд Граджыка сьылас – Сӧ кызь сюрс пель ськи Уна буртор кылас!</i></p>	<p>Я сердцем сумел почуять Богатства его живые, И вот потихоньку песни На нем я запел впервые. А следом за мной и другие Пускай смелей запевают, И 120 тысяч коми О многом хорошо узнают. (Пер. С. Северцева)</p>	<p><i>Как бы ни было, а все же Проложил певцам лыжню я, Я в лесу раздвинул ветки, Прорубил тропинку в чаще, Выход к будущему дал я, – И тропиночка открылась Для певцов, кто петь способен, Тех, кто песнями богаче Меж растущей молодежью, В восходящем поколеньи. (50: 611–620; пер. Л. Бельского)</i></p>
<i>«Коми кыв, тэд раммывлыны...»</i>	<i>«Коми язык, тебе присмиреть...»</i>	<i>«Калевала»</i>
<p><i>Коми кыв пӧ усьӧм улӧ, Коми кыв пӧ кутийӧм кыв. Оз кӧ талун, аски кулӧ – Бур морт комиӧн оз сьыв...</i></p>	<p>Говорят, язык мой дик: «Ну какой же он язык! Чахнет, не успев развиваться. Кто же петь на нем решится?» (Пер. Г. Семынина)</p>	<p><i>И меня словами колот, За язык мой проклинают, Заглушают криком голос, Говорят, что трещу лишь. Что мое не нужно пеньи, Что пою я часто плохо И не знаю лучших песен. (50: 586–592; пер. Л. Бельского)</i></p>

Руны «Калевалы», по мнению В. Н. Дёмина, послужили для И. А. Куратова ещё одним подтверждением верности его намерения посвятить себя служению поэзии, убедили его, что песня певца не потеряется, и он отважился запеть на родном языке в надежде, что другие подхватят его песни. Э. Лённрот и И. А. Куратов одинаково характеризуют отношение своих современников к их детищу – песне на родном языке. (Дёмин 1985: 39; 1986: 140; 1995а: 88–89).

Ещё до Революции 1917 г. хорошо был знаком с «Калевалой» К. Ф. Жаков, который прочитал финский эпос, будучи студентом Киевского университета в 1896–1899 гг. В его автобиографическом романе «Сквозь строй жизни» есть эпизоды, свидетельствующие об этом: «Наконец, мой богатырь рассвирепел и, взявши меня обеими руками за кушак, поднял на воздух, как ребенка. Толпа ждала, что будет. Я спокойно пребывал на его

груди, хитро выжидая, направо или налево бросит меня, и вспомнил тогда Вейнемейнена, который стоял на груди у великана Випунена. Долго медлил Илья, наконец, изо всей силы взмахнул меня с вышины вниз. Я вскочил на ноги...»; «...И вот я перечитал тогда Калевалу, Былины, Гомера (с Илиадой носился по всему городу и читал знакомым), Гете, Байрона, Шелли (в особенности последнего полюбил)...»; «...Раз сидел у Жижиленко, где я репетировал маленького гимназиста. Сам Жижиленко добряк, иногда слушал мои стихи, иногда глядел на карту России и беседовал со мной о севере. Мы смотрели на реки – Печору, Вычегду, Сысолу, и тут-то я задумался об отце своем, о Нялгае, о колдунах севера, о героях и стал рассуждать: „Как много поэзии там, в дремучих лесах, как много героев своеобразных, никем не воспетых, может быть, своя Калевала. Если бы мне удалось хоть часть нарисовать из природы и жизни великого севера, я стал бы знаменитым поэтом. А кто задерживает меня на юге?“»; «На рыжей лошадке верхом, с фотографическим аппаратом за плечами, с котомкой в которой хранил я антропометрические циркули, Гомера, Калевалу и др. книги (там же были книги по математике и астрономии), пространствовал по северу, пересекал дремучие леса, переходя из одной деревни в другую. Во время этих скитаний снова я жил мечтами юности, снова погружался в наивное мировоззрение народов и отдыхал душою...» (Жаков 1998: 118, 184, 188, 203; Туркин 1990: 9).

К «Калевале» К. Жаков не раз обращается и в своих научных трудах и лекциях. Так в одной из своих лекций в Вятке в 1910–1913 гг. «Судьбы угро-финских племён в историческое и доисторическое время» он говорил и о финском эпосе и мифологии разных народов и указывал, что финно-угорским народам следует обратиться к этому финскому произведению (Плосков 1996: 273).

Финский эпос и сопоставление его с коми фольклором фигурирует в таких хранящихся в рукописном виде в архивах научных работах К. Жакова, как «Народная словесность зырян и русские сказки», «О зырянских сказках», «Оригинальная мифология сказок у зырян и заимствование с Востока на мотив „О подземном царстве“». В них, изучая сказочный материал, он обращается к древним «финским воззрениям», пытается определить возможности и «механизмы» заимствования сказок, занимается поиском тех или иных архаичных следов в сказочном творчестве. Так, в работе «О зырянских сказках» на материале «сказок Порсьюрова» К. Ф. Жаков пишет: «... В... трех зырянских сказках мы видим все существенные элементы сказок о подземном царстве: 1) Спуск по веревке в подземное царство, где герой борется с чудовищами и спасает девушек. 2) Герой поднимается на волшебной птице – Ногай-птице – из подземного царства. 3) В преследовании герои сказок бросают щетину, из которой образуется лес, кидают брус, обращающийся в гору, смолистый короб, превращающийся в реку горящей смолы, чтобы затормозить путь преследователю...» и далее: «...Все эти элементы, как увидим мы, встречаются и в Калевале. В других зырянских сказках встречаются еще огромные

животные: параллель огромному быку Калевалы...». О «Калевале» в связи с рассматриваемым сказочным мотивом «подземного царства» также отмечено: «В Калевале... царство мертвых, куда герои являются за вещими словами, находится где-то далеко, за потоком Маналы. Это может быть финские языческие представления о загробной жизни; ... в сказке Порсьюрова приводится такое же понятие, даже частности совпадают...» (Рочев – Плосков 1996: 151–152).

Поэтика «Калевалы» отразилась на особенностях изображения К. Жаковым коми жизни коми в сборнике «В хвойных лесах» (1908 г.). В его рассказах налицо стремление создать сказочный эпос и изобразить жизнь коми в некоторой соотнесенности с тем миром, что изображён в древних эпических песнях «Калевалы» (Дёмин 1986: 142).

Ю. Г. Рочев сопоставляет с «Калевалой» авторскую переработку К. Ф. Жаковым коми придания о Шыпиче. Исследователь проводит параллели между двумя произведениями с точки зрения заклинаний, которые имеются как в первом, так и во втором: «Несомненно, что небезызвестная стилизация К. Жакова коми народного придания об атамане Шипиче появилась именно под влиянием „Калевалы“: все обращения Шипичи к седому старику-морю, к матери облаков – Кымёр-мам, к отцу льдистых гор – Саридз айка, в которых Шипича заклинал оборонить его от врагов, в чистом виде не бытуют в коми фольклоре. В качестве образца К. Жаков мог обратиться к „Калевале“. Однако заклинательная поэзия прочно проникла в коми фольклор. И. К. Жаков, который сознательно ставил перед собой задачу показать древнекоми старину, вряд ли слишком искажил образно-поэтический мир коми фольклора» (Рочев 1986: 121–122).

Несомненно влияние «Калевалы» и на самое значительное поэтическое произведение К. Ф. Жакова, написанное им в 1916 г. в Финляндии, – на поэму «Биармия». Ю. Рочев и И. Плосков (1996: 160) считают это произведение вершиной творческого освоения фольклора, итоговым произведением, синтезом раздумий К. Жакова о народной поэзии. В «Биармии», в концентрированном виде нашли отражение фольклорные сюжеты и мотивы, верования, обычаи, обряды и мифология не только коми, но и многих других народов.

В коми поэме «Калевалу» напоминают стихотворный размер, лирические отступления, образы главных героев, некоторые сюжетные линии: сотворение мира из яйца утки; главный герой Вэрморт, который наподобие Вяйнямёйнену своей игрой может заморозить и природу, и врагов; поход героев К. Жакова Яура, Ошпи и Вэрморты в Биармию, с целью сосватать княжескую дочь Райду наподобие похода героев «Калевалы» в Похьёлу за дочкой Лоухи (Югов 2003: 70).

Исследователи отмечают и межтекстовые связи между «Калевалой» и «Биармией». Так, например, в сходном контексте используются понятия *клубок / узелок / моток* и *ящик / ларь / ларчик / шкатулка*, когда говорится о пении, сказании: «Развернет клубок он песен..., Тут открылся ящик песен..., Развернулся клубок сказок...» – «Биармия» (Жаков 1993: 30) /

«Не открыть ли ларь словесный, / со сказаньями шкатулку, / узелок не распустить ли, / весь клубок не размотать ли?» – «Калевала» (1: 87–90; Калевала 1998: 19). В обоих произведениях певцы («Калевала»: безымянный повествователь-певец и Вяйнямйнен; «Биармия»: старец Комиморт, озвучивающий мысли автора, и Вэрморт – участник всех описываемых событий) отождествляют повествование с клубком нитей, а содержание – с тканью, сотканной из этих нитей (Ведерникова 2008: 94, 96).

Ряд сходных черт прослеживается и в отношении жанрового состава. Оба произведения характеризуются жанровым синтезом: в своей основе это эпические поэмы, но включающие в себя и заклинания-заговоры, заклинания-молитвы и мифологические и сказочные элементы. И в «Калевале», и в «Биармии» изображаются события, относящиеся ко временам язычества. Принятием новой веры – христианства вызван уход певцов Вяйнямйнена и Комиморта. В основу повествования положены традиционные для финского и коми эпосов события: походы в другие земли, сватовство, свадебный пир. В связи с последними повествуется и о подвигах главных героев. Биармия и Похьёла, куда отправляются свататься герои обоих эпосов, характеризуются сходными признаками: это далекие, северные, холодные, мрачные, туманные, таинственные земли колдунов и чародеев.

Мифологические события в обоих произведениях – это повествование о сотворении мира, о свершениях богов, создании культурных благ. Мифологическим элементом также является одухотворение жизни природы. Главные герои обеих поэм – одновременно и полубоги, и чародей-кудесники, и богатыри, и культурные герои, живущие в дружбе с природой и её повелителями, добывающиеся своих побед с помощью песен, музыки и слова.

Сказочные мотивы «Калевалы» и «Биармии» – путешествие в иной мир (Похьёла и Биармия) и возвращение на родину (Калевала, Джемимпарма); чудесные помощники (деревья, животные, птицы); волшебные предметы (музыкальные инструменты: кантеле, домра); превращения в различных животных и в предметы; создание с помощью чар преград для врагов (Ведерникова 2008: 94–98).

Влияние «Калевалы» прослеживается и в произведениях других коми авторов. Так, в 1924 г. В. Т. Чисталёв публикует в журнале «Коми му – Зырянский Край» статью о финской поэзии «Пін поезьіаыг» ('Из финской поэзии'), в которой вместе с переводом прозаического отрывка Юхани Ахо помещает два стихотворения: «Руна (мојд) лоём-јылыг» ('О рождении руны (сказки)') и «Каңъелье лоём-јылыг» ('О рождении кантеле'). Первому стихотворению В. Т. Чисталёв впоследствии даёт другое название – «Поэзия артмём» ('Рождение поэзии'). Считалось, что это переводы отрывков из первой и сороковой рун эпоса. Однако впоследствии В. Н. Дёмин (1995а: 90–91) пришёл к выводу, что это, скорее всего, оригинальные произведения В. Т. Чисталёва, основой которых послужили мотивы из «Калевалы». В первом произведении, ставшем широко

известным, включаемом в антологии, изучаемом в школе и переведённом на несколько языков, автор описывает то, как рождается поэзия:

*Ог тӱд, кодӱ менӱ чужтис,
Кодӱ быдтис, вердӱс-удӱс, –
Съывны-мойдны йӱдӱ лӱдзӱс.*

*Гаикӱ, лӱзов чӱд тусь тын
Быдми меӱй вӱр туй дорын
(Октис менӱ ветлысь-мунысь).*

*Гаикӱ, вӱр ты пыдӱс ваыс
Волӱ меным потан пыдди,
Чӱж пӱткаыс ӱвӱ сьывлӱс.*

*Гаикӱ, вӱлӱ лӱня вӱрыс...
Меным висьтъяс йӱлӱгаӱ
Тӱлысь югӱр чукӱрталӱс.*

(Чисталов 1924: 68)

Кто родил меня, не знаю,
Кто взрастил и дал мне силу
С песнями к народу выйти?
Может, у лесной дороги
Вырос я среди черники
И подобран был прохожим.
Может озеро лесное
Мне служило колыбелью,
«Баю-бай» мне птицы пели,
И тайга мой сон хранила.
И луна сказаний нити
В песенный клубок метала.
(Пер. В. Журавлев-Печерский)

Во втором стихотворении В. Т. Чисталёв описывает рождение кантеле, но в отличие от «Калевалы» он пишет, что части кантеле скреплены горем, а его струны натянуты из горьких слёз и из-за этого кантеле обычно рассказывает о людском горе, а не играет веселые песни:

*Прӱста лӱжӱс шуӱ йӱзыс
(Меям руна) лӱбм йылысь: –
Мый пӱ пӱрысь кужысь-тӱдысь
Ыдждӱс вежӱр Вяйнемейнен
Босьтис юрган кантелелы
Сирлысь черлы сюрӱс пыдди,
Везъяс пыдди вӱвлысь сисӱ.*

*(Абутӱмла сиди вӱчӱс).
Шогӱн йштлӱс сьылысь торъяс,
Курыд синва тусъяс кисьтис –
Нора кылан везӱб гартлӱс...*

*Сы вӱсна нӱ кантелеыд
Шоча гажаторсӱ ворсӱ.
Нора жугьель сьылан шыӱб
Сы пыр лӱччӱ мортлӱн шогъяс.*
(Чисталов 1924: 68)

Просто лгут люди
О рождении моей руны –
Мол де старый кудесник
Мудрый Вяйнемейнен
Взял звучащему кантеле
Щучьи челюсти в основу,
Вместо струн конский волос.
(Из-за нужды так сделал).
Горем соединил его части,
Горькие слёзы лил –
В жалобно звучащие струны свил...
Поэтому вот кантеле
Редко весёлое играет.
Жалобно звуками печальной песни
Через него льются человеческие невзгоды.
(перевод наш – Н. Р.)

По мнению В. Н. Дёмина (1985: 41; 1986: 144; 1995а: 92), связь с финским эпосом в какой-то мере можно проследить и в поэме В. И. Лыткина «Мунӱны» ('Идут'), а по мнению С. Югова (2003: 70–71) и в его же произведении «Пипилисты-сӱкӱл» ('Сокол Пипилисты'). Как утверждает В. Н. Дёмин, знакомство с «Калевалой» помогает В. И. Лыткину создать в поэме «Мунӱны», говорящей о национальном возрождении, о коми крае и его народе, ощущение эпичности событий, образы подобные фольклорным. Осмысленная фольклорная поэтика, таким образом, оказывается созвучной героическим событиям. В поэме деревья разговаривают с зарёй, птицы поют песни в честь обновленной коми земли, солнце посылает луч на землю с добрым пожеланием начать день, лес видит сны, река Вычегда загорает на лугу, медведь, выставив ухо из берлоги, слушает песню красноармейцев. Последнее взывает ассоциации с 41-й руной «Калевалы», переведенной В. И. Лыткиным. В поэме нет подражания «Калевале», но

она лишилась бы своего своеобразия, если бы её автор не был знаком с финским эпосом – считает В. Н. Дёмин.

Что касается поэмы В. И. Лыткина «Пипилисты-сökkö», то, по мнению С. Югова, связь с «Калевалой» чувствуется в стихотворном строении, сюжете и некоторых художественных деталях произведения. Например, в поэме В. И. Лыткина три брата Ныркаб, Йиркаб и Мизя отправляются искать упавшее перо Пипилисты-сокола на подобие того, как Вяйнямёйнен и Илмаринен отправляются на поиски утерянной Укко искры, а Ёма наподобие Лоухи прячет свет, и три героя, как и Вяйнямёйнен, его освобождают. Мизя играет на дудочке и вся природа затихает, слушает его, так же как и в «Калевале» все слушают игру на кантеле Вяйнямёйнена.

Также С. Югов отмечает сюжетное сходство произведения Н. Щукина «Зарни сюра көр» («Олень с золотыми рогами») и эпизода из «Калевалы», в котором Лемминкяйнену для того, чтобы заполучить руку дочери хозяйки Похьёлы, надо поймать лося Хийси. У Н. Щукина подобное испытание, поимка оленя с золотыми рогами, выпадает на долю пастуха Якова, который сватается к дочери купца Рочева. При этом С. Югов отмечает, что подобные вышеперечисленным «ходячие» сюжеты встречаются во многих литературах, а «Калевала» наряду с народной поэзией, греческой, латинской литературами и другими классическими произведениями является основой мировой литературы (Югов 2003: 71).

Е. В. Остапова указывает на некоторые параллели с «Калевалой» в творчестве ещё одного коми автора – А. Лужикова. По её мнению, калевальскую интонацию напоминает интонация сборника этого поэта под названием «Енэжшёрса ордым» («Небесный путь»; 1994 г.), а в особенности стихотворение «Шуём кывным муё усьö» («Сказанное нами слово на землю упадёт») (Остапова 2011: 15).

Сопоставляются с «Калевалой» и положенной в её основание прибалтийско-финской эпической традицией и коми фольклорные произведения. Параллели проводятся на уровне сюжетов, мотивов, поэтики.

Сопоставляя в своей работе «„Калевала“ и ижмо-колвинский эпос Печоры» коми фольклорные традиции и «Калевалу», А. К. Микушев (1986: 108–116) отмечает схожесть таких центральных эпических персонажей, как Вяйнямёйнен и чудесный кователь из коми-вымского эпоса о младшем мстителе с Шомвуквы, удачливый Лемминкяйнен, добывающий лося Хийси, и коми-зырянский охотник Йиркап с берегов Емвы, настаивающий священного голубого оленя на склонах Урала.

Чётче всего родство фольклорных традиций прослеживается, по его мнению, при сопоставлении типологии одного из основных персонажей «Калевалы» – сироты-раба Куллерво и ижмо-колвинского сироты-пастуха, оленевода-сироты (Айтэм-мамтэм детина «Парень без отца-матери», Сизимлаэ нюклясмаэ мортэ «Семью хозяевами униженный», Бёрдысь-горзысь детина «Плачущий-скулящий мальчик», Канин быдтас «Канинский приёмш»).

В ижмо-колвинских эпических песнях об оленеведе-сироте «Сизим ареса детина» («Семилетний мальчик»), «Куим Еджыд син» («Три Белоглазых»), «Сизимлаэ нюклясема морт» («Семью хозяевами униженный»), «Бёжа ку парка» («Горностаевый совик»), «Канин быдтас» («Канинский приёмьш»), как правило, довольно последовательно прослеживаются отдельные детали, составные компоненты сюжета и художественного образа Куллерво.

На основе сопоставительного анализ карело-финских рун о Куллерво и ижмо-колвинских эпических песен (напр., «Семилетний мальчик», «Три Белоглазых», «Семью хозяевами униженный»), А. К. Микушев приходит к выводу, что совпадают не только историко-социальные трактовки образов карело-финского раба-пастуха и ижмо-колвинского оленеведа-сироты, но и основные поэтические компоненты эпического сюжета и образа.

Общие компоненты сюжетов о Куллерво и оленеведе-сироте:

- а) Спор двух родов и чудесное спасение младшего богатыря («Калевала»: вражда двух братьев Калерво и Унтамо, Унтамо уничтожает всю семью Калерво, кроме одной беременной девы, которую увозит к себе, и у которой затем рождается сын; Ижмо-колвинский эпос: предводитель чужого войска истребляет всех, но мальчика, плачущего в люльке, оставляет... («Семилетний мальчик»); причиной межродовых конфликтов оказываются охотничьи угоды, скот, оленье стада)
- б) Неудачные попытки врагов убить будущего мстителя (Унтамо пытается разными способами убить Куллерво, но никак не может это сделать; Злой Марко предпринимает несколько попыток убить Семилетнего Мальчика, но тому помогает чудесный «голос сверху» («Семилетний мальчик»)).
- в) Бесправное существование оленеведа-сироты в чужой семье (Унтамо поручает Куллерво различную работу, но тот всё портит, Унтамо продает Куллерво в рабство Илмарину; Ижмо-колвинский сирота-пастух, оказавшись в чужой земле, готовит для десяти, для тридцати чумов дрова, таскает воду, караулит оленье стадо, однако мотив продажи сироты-пастуха в чужую землю встречается довольно редко, например, в «Канинском приёмьше».)
- г) Мечь оленеведа-сироты (Куллерво мстит хозяйке, жене Илмаринена за причиненные обиды и унижения; подросшие Семилетний мальчик, Семью хозяевами униженный, Парень без отца и матери, Плачущий-скулящий мальчик беспощадно мстят своим врагам, освобождают угнетенных врагами сородичей, оказываются сильнее и справедливее всех окружающих.)

Сопоставляя ижмо-колвинского безымянного сироту-пастуха с рабом-пастухом Куллерво, А. К. Микушев отмечает и различия между ними. «Два финно-угорских образа отразили древние мировоззренческие и идеологические элементы, но отобразили их по-разному... В более древних версиях о Куллерво видны следы рабовладельческого строя как общественной системы; в этом смысле Куллерво назван рабом-пастухом. В

более поздних версиях Куллерво выступает как жертва патриархального рабства и даже как наемный работник. Иное дело ижмо-колвинские эпические песни об оленеведе-сироте, сироте-пастухе. Судя по тому, как изображается положение самого бесправного члена „большой семьи”, мы имеем дело, несомненно, с жертвой патриархального рабства.... В ижмо-колвинском эпосе, сформировавшемся на поздней исторической стадии, напрасно было бы искать воспоминаний о рабовладельческом строе. И вместе с тем в ижмо-колвинских песнях отчетливо проступают следы древности – мотивы инициации, авункулата, экзогамии» (Микушев 1986: 115–116).

К сопоставлению коми фольклора и калевальских рун обращается также Ю. Г. Рочев (1986: 117–123). На материале одной из наиболее популярных лирических песен коми-ижемцев «Егор Вань», темой которой является поездка молодого оленевода-пастуха на сватовство, исследователь, сравнивая метрику «Калевалы» и коми лирики. «Обращает на себя внимание размер стиха – это строго выдержанный восьмисложник. Даже в том случае, когда в стихе не хватает одного слога, певец добавляет не несущий смысла слог... И наоборот, когда в стихе содержится лишний слог... один слог как бы проглатывается певцом, проговаривается скороговоркой, и два слога как бы сливаются в один, таким образом получается снова восьмисложник. Этот пример ясно говорит о том, что и в коми народной лирике существуют размеры, близкие к калевальской метрике» (Рочев 1986: 117).

Также он отмечает, что во многом напоминает калевальскую и поэтика коми песен и причитаний. В них можно обнаружить тенденции к калевальскому параллелизму. Так, при изображении большой родни коми певцы часто прибегают к формуле «Полный город у меня роду-корня, полный луг у меня сестер-братьев» или в свадебном причитании жениха описывают следующим образом: «Тот, которого вскормила человеческая мать, тот, которого взрастил человеческий отец». Также популярностью пользуется числовой параллелизм с цифрами сто и тысяча. В свадебной поэзии для описания множества гостей прибегают к следующей формуле: «Перед стоглазым я стояла, чтобы он разглядывал меня, перед тысячеухим я стояла, чтобы он слышал меня» (Рочев 1986: 118–119).

Во многих коми песнях родные и возлюбленный называют молодую девушку уточкой. В «Калевале» чаще всего в подобном контексте фигурирует курочка, но в некоторых местах наподобие коми фольклора и здесь появляется уточка (напр., в рунах 23 и 25).

Родственные мотивы в «Калевале» и в коми фольклоре явственно ощущаются и в свадебной обрядности. Так, в обоих случаях одинаковыми красками описывается прошлое и будущее невесты: безмятежное детство в родительском доме и невзгоды, унижение и бесправие в доме жениха. И там, и тут вначале возводится хула на жениха и его родню, но затем, для утешения невесты, находят всё-таки для них и хвалебные слова.

Также много общего Ю. Г. Рочев отмечает между «Калевалой» и коми эпосом. Так, Лемминкяйнен – удалой герой-охотник, которому нет равных в искусстве ходьбы на лыжах. И в коми охотничьих рассказах и преданиях мотив скоростного передвижения на лыжах достаточно популярен: Кон Педь, герой вымского предания, догоняет на лыжах волка; ненец-охотник на лыжах догоняет семерых лосей; а Йиркап на своих чудесных лыжах, как и Лемминкяйнен, не знает такой добычи, которую не смог бы догнать, он настаивает и чудесного голубого оленя, за которым гонится до самого Урала.

Лучшие качества героев обеих эпических традиций проявляются не в войне, а в труде. Соперничество, война ценится только тогда, когда герой выступает от имени народа и борется за лучшую долю для него (напр., коми Пера изгоняет лешего, помогает московскому (пермскому) князю в борьбе с врагами, нападшими на страну).

Большое место в «Калевале» занимают заклинания, соперничество в колдовских состязаниях. Подобные калевальским заклинания зафиксированы и у коми. Они встречаются и в коми эпосе, когда рассказывается о героях приданий или легенд, обладающих или пользующихся знахарскими приёмами и познаниями (напр. Тунныръяк, Дарук Паш, Кёрт-айка, Тювэ). В силе заклятий состязаются и многие герои быличек. Так, в одной из них два колдуна не могут разъехаться на зимней дороге. Для того, чтобы определить, кому придётся уступить дорогу они соревнуются в силе своих заклятий. Заклятье одного иссушает еловые иголки, другого – целую сосну: первому приходится уступить дорогу (Рочев 1986: 119–122).

В 1990-е гг. в коми театрах были поставлены спектакли по мотивам «Калевалы». 24 апреля 1992 г. в Театре драмы им. В. А. Савина состоялась премьера «Калевалы» по пьесе Калеви Хайкара. Перевод – А. И. Туркин. Постановка – Синикка Тоссавайнен (Павлова 1992; Микушев 1992). В постановке этого же режиссёра 9 октября 1993 г в Республиканском театре фольклора прошла премьера спектакля «Куллерво». Драматург – Пиркко Курикка. Перевод на коми – О. Уляшёв (Латышева 1994; Мартынов 2000: 195).

3. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА (ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

3.1. Теоритические основы

3.1.1. Понятие перевода

Согласно А. В. Федорову (1983: 9) под понятием перевод, как одним из видов сложной языковой деятельности человека подразумевается:

- 1) процесс, совершающийся в форме психического акта и состоящий в том, что речевое произведение (текст или устное высказывание), возникшее на одном языке – языке источника (ИЯ), пересоздаётся на другом языке – языке перевода (ПЯ);
- 2) результат этого процесса, т.е. новое речевое произведение (текст или устное высказывание) на языке перевода.

Два значения слова перевод соотносительны и взаимосвязаны. Первое постоянно предполагает второе. Характером процесса протекания перевода, если известны его этапы или отдельные моменты, могут быть объяснены те или иные особенности речевого произведения, ставшего его результатом, и, наоборот, на основании особенностей перевода, как результата, в его соотношении с оригиналом могут в той или иной мере делаться предположения насчёт процесса протекания перевода (Федоров 1983: 9).

Так как процесс перевода (и его результат) протекают в двуязычной ситуации, когда взаимодействуют два языка, то можно определить перевод как процесс межязыкового преобразования или трансформации устного или письменного текста, предъявленного на одном языке, в текст (устный или письменный) на другом языке. Если язык представляет собой естественно существующую коммуникативную систему общества, а речь – это функционирование языка в процессе коммуникации для передачи информации, то перевод – это передача информации, содержащейся в данном произведении речи, средствами другого языка. Кроме этого, перевод может определяться как передача мыслей (чувств, эмоций), высказанных на одном языке, средствами другого языка, или как замена текстового материала на одном языке (на ИЯ) эквивалентным текстовым материалом на другом языке (на ПЯ), или как процесс языковой коммуникации, протекающей в двуязычной ситуации, т.е. в такой ситуации, когда коммуникативная деятельность протекает в кодах двух разных знаковых систем. Осуществляя коммуникативную деятельность в двуязычной ситуации, переводчик одновременно декодирует и кодирует обрабатываемую им информацию в кодах двух разных систем. Поэтому процесс перевода можно считать сложным видом психо-лингвистической деятельности в условиях двуязычной ситуации (ТПС: 138).

А. В. Федоров (1983: 12) так описывает процесс перевода: «Перевод, как бы он быстро ни совершался в отдельных, особо благоприятных или просто легких случаях, неизбежно распадается на два момента. Чтобы перевести, необходимо прежде всего понять, точно уяснить, истолковать самому себе переводимое (с помощью языковых образов, т.е. уже с элементами перевода), мысленно проанализировать (если оригинал представляет ту или иную сложность), критически оценить его.

Далее, чтобы перевести, нужно найти, выбрать соответствующие средства выражения в ПЯ (слова, словосочетания, грамматические формы). Таким образом, процесс перевода предполагает сознательное установление соотношений между данными ИЯ и ПЯ. Это – предпосылка для него.

Всякое истолкование подлинника, верное или неверное, и отношение к нему со стороны переводчика, положительное или отрицательное, имеет результатом – в ходе перевода – отбор речевых средств из состава ПЯ».

Художественный перевод – вид перевода, функционирующий в сфере художественной литературы. Данный вид перевода является инструментом культурного освоения мира и расширения коллективной памяти человечества, а также фактором самой культуры: его посредством читатели могут ознакомиться с литературой других народов, с их культурой, традициями, историей и особенностями повседневной жизни.

Художественный перевод – особый вид коммуникативной деятельности. При осуществлении перевода художественного текста мы имеем дело не столько с переводом в его утилитарном понимании, сколько с особым видом межкультурной, культурно-этнической и художественной коммуникации, для которой ценностью является собственно текст как значимая величина и предмет художественного изображения и восприятия.

Теоретической базой художественных переводов является теория художественного перевода, изучающая закономерности взаимосвязи между текстами подлинника и перевода и разрабатывающая общие вопросы методики и техники перевода. Её цель – выявление сущности перевода, его механизмов, способов его реализации, влияющих на него внутриязыковых и внеязыковых факторов и регулирующих его нормы. Теория художественного перевода также направлена и на решение историко-литературных задач. В этом плане она тесно связана с историей перевода вообще, которая рассматривает эволюцию переводческой мысли и практики с литературоведческих позиций, т.к. источниками для такого анализа являются исторические памятники литературы, философии и в первую очередь религии (ТПС: 101–102, 246, 248).

Согласно Л. Л. Нелюбину (ТПС: 131–132, 246), основными принципами и задачами художественного перевода являются следующие:

- перевод должен возможно полно выразить содержание, идею и смысл подлинника;
- при художественном переводе воспроизводится индивидуальное своеобразие подлинника и сохраняется его эстетическое восприятие;

- перевод должен воссоздать художественно-национальное своеобразие оригинала, сохранить тонкости содержания иноязычного текста, его образную систему, с учетом семантических и выразительных особенностей и возможностей как языка-источника, так и языка-перевода;
- перевод должен передавать дух оригинала и быть таким, каким бы создал его на языке перевода сам автор оригинального произведения;
- язык перевода должен быть правильным, понятным, живым, богатым. Роль языка при переводе та же, какую он всегда играет в жизни общества: он и здесь выступает как «важнейшее средство человеческого общения». Отсюда вытекает необходимость соответствия перевода норме того языка, на который сделан перевод. Это основное условие понятности перевода, его доступности для читателя;
- в художественном переводе не допускается ни выпусков, ни прибавок, ни изменений. Если в произведении есть недостатки – и они должны быть переданы верно;
- цель художественных переводов – заменить по возможности подлинник для тех, кому он недоступен по незнанию языка, и дать им средство и возможность наслаждаться им и судить о нем;
- каждый перевод должен производить на своего читателя то впечатление, которое подлинник производит на своего;
- в переводе точность должна сочетаться с творчеством. Настоящий перевод – результат творчества;
- чем меньше опыта, трудолюбия и способностей у переводчика художественного произведения, тем на большую свободу интерпретации он претендует, позволяя себе неоправданные вольности и измышления. Опытный же переводчик смиряет свою творческую фантазию во имя верности оригиналу. Плохой переводчик тянет к себе, хороший – тянется к автору оригинала.

3.1.2. Понятие переводческих трансформаций и их типология

Согласно Т. К. Казаковой (2000: 9), точный перевод, по определению не возможен в силу того, что разные языки отличаются как по грамматическому строю, так и по простому количеству слов, не говоря уже о различии культур, что тоже может иметь влияние на способ и результат перевода.

В процессе перевода из-за причин, названных выше, иногда бывает невозможным использование словарных соответствий слов и выражений. В таких случаях прибегают к трансформационному переводу, заключающемуся в преобразовании внутренней формы слова или словосочетания либо же к их полной замене с целью адекватной передачи содержания высказывания. Таким образом, переход от единиц оригинала к единицам перевода осуществляется не способом подстановки словарных соответствий, а при помощи определённых переводческих (межъязыковых)

трансформаций. Именно с умением осуществлять необходимые трансформационные преобразования связано достижение главной цели любого перевода – адекватности оригиналу, которая заключается в наиболее полной передаче всей информации, заключенной в тексте подлинника при условии соблюдения соответствующих норм языка перевода.

Проблема переводческих трансформаций является одним из центральных аспектов теории перевода, существует множество работ, посвященных этой проблеме. Однако, несмотря на это, до сих пор не выработано единой системы классификации трансформаций – учеными высказываются различные точки зрения по этому поводу. Ниже мы рассмотрим некоторые классификации, предлагаемые такими ведущими исследователями в области переводоведения, как Л. С. Бархударов, В. Н. Комиссаров, Я. И. Рецкер, А. Д. Швейцер, Р. К. Миньяр-Белоручев и Л. К. Латышев.

Л. С. Бархударов (1975: 190) различает следующие виды переводческих трансформаций: перестановка, замена, добавление и опущение.

Перестановка – изменение расположения языковых элементов в тексте перевода по сравнению с текстом подлинника. Элементами, которые подвергаются перестановке, могут быть слова, словосочетания, части сложного предложения и самостоятельные предложения в строе текста (Бархударов 1975: 191).

Замена является наиболее распространённым и многообразным видом трансформации. Существуют грамматические и лексические замены. В процессе перевода замене могут подвергаться формы слова, части речи, члены предложения. При замене членов предложения слова и группы в тексте перевода употребляются в иных синтаксических функциях, чем их соответствия в тексте подлинника, происходит перестройка синтаксической схемы построения предложения (Бархударов 1975: 194, 195, 198).

Лексические замены: конкретизация – замена слова или словосочетания оригинала с более широким референциальным значением словом или словосочетанием с более узким значением; генерализация – явление, обратное конкретизации – замена единицы оригинала, имеющей более узкое значение, единицей перевода с более широким значением (Бархударов 1975: 210–214).

Имеется также комплексная лексико-грамматическая замена: антонимический перевод – трансформация утвердительной конструкции в отрицательную или наоборот, сопровождаемая заменой одного из слов переводимого предложения оригинала на его антоним в переводе (Бархударов 1975: 215–216).

Особой разновидностью замены является компенсация. Данный приём используется, когда определённые элементы текста на ИЯ по той или иной причине не имеют эквивалентов в ПЯ и не могут быть переданы его средствами. Для того, чтобы восполнить семантическую потерю, переводчик передаёт ту же самую информацию какими-либо другими средствами,

причём необязательно в том же самом месте текста, что и в подлиннике (Бархударов 1975: 218–219).

Добавление – причиной, вызывающей добавления в тексте перевода, является формальная невыраженность семантических компонентов словосочетания в языке оригинала (Бархударов 1975: 221).

Опущение – явление прямо противоположное добавлению. При переводе опущению подвергаются чаще всего слова, являющиеся семантически избыточными, то есть выражающие значения, которые могут быть извлечены из текста и без их помощи (Бархударов 1975: 226).

В. Н. Комиссаров (1990: 172) подразделяет трансформации на лексические и грамматические. Основные типы лексических трансформаций: транскрибирование и транслитерация, калькирование, лексико-семантические замены (конкретизация, генерализация и смысловое развитие (модуляция)).

Транскрибирование и транслитерация – способ перевода лексической единицы оригинала путём воссоздания её формы с помощью букв ПЯ. При транскрипции воспроизводится звуковая форма слова ИЯ, при транслитерации – его графическая форма (Комиссаров 1990: 173).

Калькирование – способ перевода лексической единицы оригинала путём замены её составных частей – морфем или слов их лексическими соответствиями в языке перевода (Комиссаров 1990: 173).

Модуляцией (смысловым развитием) называется замена слова или словосочетания ИЯ единицей ПЯ, значение которой логически выводится из значения исходной единицы. Наиболее часто основой данной замены являются причинно-следственные отношения (Комиссаров 1990: 177).

Грамматические трансформации: членение предложения, объединение предложений, грамматические замены (замена формы слова, части речи или членов предложения), дословный перевод (синтаксическое уподобление).

Синтаксическое уподобление (дословный перевод) – способ перевода, при котором синтаксическая структура ИЯ преобразуется в аналогичную структуру ПЯ. Он используется, если в ИЯ и ПЯ существуют параллельные синтаксические структуры и приводит к полному соответствию количества языковых единиц и порядка их расположения в оригинале и переводе (Комиссаров 1990: 178)

Членение предложения – преобразование синтаксической структуры предложения ИЯ в две или более предикативные структуры ПЯ (преобразование простого предложения в сложное, простого или сложного – в два или более самостоятельных предложения). Объединение предложений – трансформация обратная членению (Комиссаров 1990: 179, 180).

Грамматические замены – это способ перевода, при котором грамматическая единица в оригинале преобразуется в единицу перевода с иным грамматическим значением (Комиссаров 1990: 180).

Выделяется также третий тип трансформаций – смешанный или комплексные лексико-грамматические трансформации (антонимический перевод, экспликация, компенсация).

Экспликация (описательный перевод) – трансформация, при которой лексическая единица языка оригинала заменяется словосочетанием, эксплицирующим её значение, т.е. дающим более или менее полное объяснение или определение этого значения на языке перевода. С помощью экспликаций можно передать значение любого безэквивалентного слова из оригинала (Комиссаров 1990: 185).

Я. И. Рецкер (1974: 38–39) выделяет лексические и грамматические трансформации. Лексические трансформации: дифференциация значений, конкретизация значений, генерализация значений, смысловое развитие, антонимический перевод, целостное преобразование, компенсация потерь в процессе перевода.

Приём смыслового развития заключается в замене словарного соответствия при переводе контекстуальным, логически связанным с ним. Сюда относятся различные метафорические и метонимические замены, производимые на основе категории перекрещивания (часть объёма одного понятия входит в объём другого понятия и наоборот) (Рецкер 1974: 45).

Приём целостного преобразования также является определенной разновидностью смыслового развития. Преобразуется внутренняя форма любого отрезка речевой цепи – от отдельного слова до целого предложения. Приём преобразуется не по элементам, а целостно. Целостное преобразование – распространенный приём лексической трансформации при переводе публицистического материала (Рецкер 1974: 54).

Компенсацией (или компенсацией потерь) в переводе Я. И. Рецкер называет замену непередаваемого элемента подлинника элементом иного порядка в соответствии с общим идейно-художественным характером подлинника и там, где это представляется удобным по условиям языка перевода (Рецкер 1974: 58).

Грамматические трансформации заключаются в преобразовании структуры предложения в процессе перевода в соответствии с нормами языка перевода. Трансформация может быть полной или частичной. При замене главных членов предложения происходит полная трансформация, если же заменяются лишь второстепенные члены – частичная. Кроме членов предложения могут заменяться части речи (Рецкер 1974: 80).

А. Д. Швейцер (1973: 111–205) делит трансформации на четыре группы:

Трансформации на компонентном уровне семантической эквивалентности подразумевают применение различного рода замен. Например, замена морфологических средств другими морфологическими, лексическими, синтаксическими либо же фразеологическими и т.п.

Трансформации на прагматическом уровне заключаются в следующих приёмах: замена тех или иных стилистических средств другими, замена

аллюзий (реалий) на аналогичные, а также интерпретирующий, поясняющий перевод и переводческие компенсации.

Трансформации, осуществляющиеся на референциальном уровне – конкретизация (или гипонимическая трансформация), генерализация (гиперонимическая трансформация), замена реалий (интергипонимическая трансформация), перевод с помощью реметафоризации (замена одной метафоры другой), деметафоризации (замены метафоры её антиподом – не метафорой), метонимической трансформации (синекдохическая трансформация). Сюда же относится та или иная комбинация названных трансформаций и трансформации комплексные.

Трансформации на стилистическом уровне – компрессия и расширение. Под компрессией подразумевается эллипс, семантическое стяжение, опущение избыточных элементов и лексическое свёртывание.

Р. К. Миньяр-Белоручев (1980: 99–111, 184–185) рассматривает три вида трансформаций: лексические, грамматические, семантические. К первому виду относятся приёмы генерализации и конкретизации, ко второму – пассивизация, замена частей речи и членов предложения, объединение предложений или их членение, к третьему – метафорические, синонимические замены, логическое развитие понятий, антонимический перевод и приём компенсации.

Л. К. Латышев (1981: 180–183) выделяет шесть типов переводческих преобразований: лексические преобразования – замены лексем синонимами, зависящими от контекста; стилистические преобразования – трансформация стилистической окраски слова, подвергаемого переводу; морфологические преобразования – преобразование одной части речи в другую или замена её несколькими частями речи; синтаксические преобразования – трансформация синтаксических конструкций (слов, словосочетаний, предложений), изменение типа придаточных предложений, изменение типа синтаксической связи, трансформация предложений в словосочетания и перестановка придаточных частей в сложносочинённых и сложноподчинённых предложениях; семантические трансформации – смысловое развитие, замена деталей-признаков.

Венгерская исследовательница К. Клауди разделяет обязательные и факультативные, автоматические и не автоматические трансформации (Klaudy 2012: 24–25).

Обязательные трансформации – приёмы, которые используются из-за расхождений в грамматических и лексических системах ИЯ и ПЯ. Они обязательны по той причине, что без их использования в переводе получаются бессмысленные или неправильные с грамматической точки зрения предложения. Факультативные трансформации – преобразования, совершаемые помимо обязательных.

Автоматические трансформации – приёмы, которые обязательно используются из-за системных различий двух языков.

Как видно из вышеизложенного, в концепциях различных исследователей имеются как расхождения, так и явные сходства. Связано это с

тем, что классифицируя трансформации по своему усмотрению, каждый из учёных имеет дело с одними и теми же присущими переводческому процессу явлениями. При этом все они подчёркивают, что то или иное деление трансформаций на типы и виды – условно, так как, с одной стороны, некоторые трансформации не встречаются без сочетания с другими, а с другой – в процессе переводческой деятельности трансформации носят сложный, комплексный характер, т.е. они чаще всего бывают смешанного типа.

Исходя из этого, в нашей работе мы не следуем строго какой-либо одной из представленных выше концепций, а на их основе, и, учитывая фактический материал исследования, придерживаемся собственной классификации, которая выглядит следующим образом:

1. Лексические трансформации
 - Конкретизация
 - Генерализация
 - Свёртывание значений
 - Развёртывание значений
 - Антонимический перевод
 - Логическое развитие понятий
2. Грамматические трансформации
 - Грамматическое развёртывание
 - Грамматические замены
 - Грамматические перестановки
 - Грамматические вставки
 - Грамматические опущения
3. Компенсация

К рассмотрению переводческих трансформаций, выявленных нами в коми переводе «Калевалы» А. И. Туркина мы обратимся ниже: более подробно остановимся на сути каждой из выявленных типов трансформаций и проиллюстрируем их примерами из исследуемого нами перевода.

3.2. Трансформации в переводе «Калевалы» А. И. Туркина

3.2.1. Лексические трансформации

Лексические трансформации затрагивают словарный состав переводимого и заключаются в замене лексических единиц исходного текста словами или словосочетаниями иной внутренней формы, актуализирующими ту составную часть слова ИЯ, которая подлежит реализации в данном контексте. То есть в ходе данных преобразований раскрывается значение иноязычного слова в контексте, и находятся соответствия, не совпадающее со словарным. Причиной лексических трансформаций является невозможность установления чётких двусторонних межъязыковых со-

ответствий вследствие отсутствия прямого лексического эквивалента, несовпадения смысловой структуры признанных эквивалентными слов, актуализации семантических различий частичных эквивалентов в контексте или несовпадения стилистических характеристик лексических единиц и различий в их сочетаемости в языках, взаимодействующих в переводе (ТПС: 96–98; ОПП: 80).

3.2.1.1. Конкретизация

Конкретизация – приём перевода, при котором происходит замена слова или словосочетания ИЯ с более широким референциальным значением словом или словосочетанием ПЯ с более узким значением, т.е. наблюдается замена родового понятия видовым, при этом переводящая единица по своему значению более конкретна, чем исходная. Данная трансформация может быть обусловлена как расхождениями в строе двух языков, так и стилистическими соображениями. К первой группе причин относятся случаи отсутствия в ПЯ лексических единиц, имеющих столь же широкое значение, что и переводимые единицы ИЯ, или расхождения их стилистических характеристик; невозможность использования соответствия в данном контексте в силу правил лексической или грамматической сочетаемости слов; требования грамматического порядка – необходимость синтаксической трансформации предложения. К стилистическим причинам использования приёма конкретизации относится стремление избежать повторений, достичь большей образности, наглядности и т.д. (Бархударов 1975: 210–213; ОПП: 63; ТПС: 87).

Первый тип конкретизаций Л. С. Бархударов относит к категории языковых конкретизаций, второй – контекстуальных (речевых) (Бархударов 1975: 210–213).

Языковая конкретизация

käly (41: 144) ‘свояченица (сестра жены), золовка (сестра мужа), невестка (жена брата)’ (ФРС: 292), ‘сестра супруга или супруги либо жена брата или брата супруга, супруги’ (SKS: 297; SKPS I: 624) → *монь* (41: 140) ‘жена сына, брата (невестка), жена сына по отношению к отцу мужа (сноха)’ (КРК: 398)

Финское наименование шире коми и охватывает более широкие родственные отношения, по этой причине мы считаем правомерным отнесение этой пары в данную группу.

puoliso (5: 112, 185) ‘супруг, супруга’ (ФРС: 489), ‘жена или муж, супруг, супруга’ (SKP II: 545) → *готыр* (5: 106, 179) ‘жена’

В коми языке отсутствует слово со значением ‘член брачного союза по отношению к другому’, не называющее конкретную роль партнера по брачному союзу. Из контекста ясно, что речь идёт о

будущей жене (супруге), что и определяет выбор эквивалента в переводе.

vuö (1: 31; 2: 122; 3: 325; 4: 50, 64, 133, 174, 259, 430; 5: 69, 73; 40: 131) ‘пояс, ремень’ (ФРС: 759), ‘завязываемая на поясе или прикрепляемая пряжкой лента, которая удерживает одежду на талии (напр., держит брюки) или является украшением’ (SKS: 831; SKPS III: 592)

→ *тасма* (1: аб31; 2: 121; 40: 129) ‘ремень’ (КРК: 638)

→ *вöнь* (3: 321, 4: 49, 63, 132, 172, 257, 428; 5: 65, 68) ‘пояс’ (КРК: 121)

В коми языке отсутствует лексема, которая бы включала в себя одновременно значения ‘то чем подпоясывают одежду по талии’ и ‘пояс из кожи’ (СРЯ III: 350, 705) подобно финскому слову. Выбор того или иного эквивалента в переводе зависит от пола обладателя данного предмета одежды: при описании женского гардероба, как правило, используется понятие ‘пояс’, а мужского – ‘ремень’.

Контекстуальная (речевая) конкретизация

– Растительность

heinä (4: 369) ‘трава, (растущая), сено (скошенное)’ (ФРС: 103) → *эжөр* (4: 367) ‘осока’ (КРК: 767)

lehto (4: 3, 36, 85; 10: 462) ‘роща’ (ФРС: 318), ‘пышный, густой лиственный лес’ (KS: 184; KST: 172; SKPS II: 41)

→ *кыддза рас* (4: 3), *кыз пу рас* (4: 84; 10: 434) ‘берёзовая роща’

→ *пипу рас* (4: 35) ‘осиновая роща’

lehvä (10: 34) ‘ветвь, ветка’ (ФРС: 318), ‘ветка дерева или кустарника со свежими листьями’ (SKS: 317; SKPS II: 41), ‘ветка лиственного или хвойного дерева’ (KS: 185) → *лап* (10: 31) ‘ветвь хвойного дерева, лапа’ (КРК: 345)

marja (8: 76; 10: 446, 459) ‘ягода’ (ФРС: 363), ‘образовавшийся из завязи небольшой сочный (съедобный) плод растения’ (SKS: 356; SKPS II: 173)

→ *оз* (8: 76; 10: 419) ‘земляника’ (КРК: 453)

→ *чөд-пув* (10: 431) ‘черника-брусника’

Хотя название *чөд-пув* используется как собирательное со значением ‘ягода’, т.е. может быть прямым эквивалентом для финского наименования, мы всё-таки считаем возможным отнесение данной замены к категории конкретизаций, поскольку коми соответствие более конкретно, чем финское слово.

metsä (41: 32) ‘лес’ (ФРС: 373), ‘обширное природное пространство, относительно густо поросшее деревьями’ (SKS: 369; SKPS II: 202)

→ *парма-вөр* (41: 31) ‘таёжный лес’ (КРК: 484)

пиш (44: 253) ‘дерево’ → *кыз пу* (44: 250) ‘берёза’

pensas (4: 214) ‘кустарник, куст’ (ФРС: 451), ‘древовидное растение, стебель которого уже от корня разветвляется на одинаково толстые ветви’ (SKS: 481; SKPS II: 441) → *бадь* (4: 212) ‘верба, ива, тальник’ (КРК: 36)

risu (4: 367) ‘хворостина’ (ФРС: 530) ‘высохшая (небольшая) отломленная ветка’ (SKPS II: 658) → *бадь* (4: 365) ‘верба, ива, тальник’ (КРК: 36)

risukko (1: 55) ‘хворостинник; кустарник’ (ФРС: 530), ‘куча хвороста, густой подрост, заросли’ (SKS: 585; SKPS II: 659) → *понюль* (1: аб55) ‘хвойная поросль; молодая ёлка, пихта (реже сосна)’ (КРК: 514)

ruoho (*monennäköinen*) (9: 440, 456) ‘трава (разнообразная)’ (KS: 229; KST: 212) → *бурдодчан быдмög* (9: 440, 456) ‘лекарственное растение’

– Животные

kala (40: 128) ‘рыба’ → *сир* (40: 126) ‘щука’

koira (8: 78) ‘собака, пёс’ (ФРС: 246) → *кычан* (8: 78) ‘молодая собака, собачка’ (КРК: 341)

pentu (41: 79) ‘щенок’ (ФРС: 451), ‘ещё не подростшие детёныши различных животных’ (SKS: 481; SKPS II: 441) → *кутшпи* (41: 77) ‘орлёнок’

– Части тел

haven (3: 273) *пренебр.* ‘борода, усы, волосы’ (KS: 43; KST: 41), *фольк.* ‘волос, волосок’ (ФРС: 100) → *тош* (3: 268) ‘борода’

– Предметы быта

aisa (3: 93, 100) ‘оглобля’ (ФРС: 24) → *додь вож* (3: 93, 99) ‘оглобля саней’ (КРК: 109)

aitta (10: 243) ‘амбар’ (ФРС: 24), ‘складское или иное хозяйственное помещение в сельской местности, находящееся, как правило, отдельно от главной постройки’ (SKS: 14; SKPS: 14), ‘не отапливаемое бревенчатое строение, используемое для хранения чего-либо и сна’ (KS: 14) → *жытник* (10: 230) ‘хлебный амбар, житница’ (КРК: 221)

ponsi (8: 152) ‘рукоять, рукоятка (топора, ножа и т.д.)’ (ФРС: 477), ‘часть корпуса орудия труда, за которую его держит левой рукой человек-правша’ (KST: 262) → *чер ну* (8: 151) ‘топорище’ (КРК: 701)

varsi (8: 154) ‘ручка, рукоятка, рукоять, черенок’ (ФРС: 713), ‘длинная часть орудия труда, орудия, за которую его держат’ (KS: 469) → *чер ну* (8: 153) ‘топорище’ (КРК: 701)

– Явления природы

tuli (2: 179; 3: 198; 9: 463; 10: 304) ‘огонь’ (ФРС: 656) ‘горение, в котором образуется пламя, свет и тепло’ (SKS: 731)

→ *би кинь* (2: 178) ‘искра’ (КРК: 46)

→ *сартас би* (3: 195) ‘огонь лучины’

→ *бишур* (9: 463; 10: 286) ‘костёр, очаг’ (КРК: 47)

tuuli (1: 157, 191; 2: 201; 6: 189; 7: 122, 263; 10: 161, 169, 177, 191, 393; 34: 53; 44: 149, 151) ‘ветер’ (ФРС: 665), ‘воздушные потоки вдоль поверхности земли’ (SKPS III: 378)

→ *бушков* (1: a1546155; 6: 180) ‘сильный ветер, буря’ (КРК: 69)

→ *тöвру* (2: 200) ‘лёгкий ветер, небольшой порыв ветра’ (КРК: 650)

→ *тöв ныр* (1: a1856186; 10: 167, 181, 367; 44: 148, 150) ‘порыв ветра; буря, ураган’ (КРК: 650)

→ *лун тöв* (7: 263) ‘южный ветер’ (КРК: 365)

→ *вой тöв* (7: 122; 10: 152, 159; 34: 52) ‘северный ветер’ (КРК: 110)

– Термины родства и другие обозначения человека

lapsi (1: 310; 3: 460; 4: 118, 190, 238; 5: 133, 163; 9: 176, 186; 34: 57) ‘ребёнок, дитя’ (ФРС: 312) ‘человек с рождения до переходного возраста; сын или дочь по отношению к родителям’ (SKS: 311; SKPS II: 24)

→ *ныв* (3: 453; 4: 117, 188, 236; 5: 127, 157) ‘дочь, девочка’ (КРК: 439)

→ *ни* (1: a2986300; 9: 176, 186; 34: 56) ‘сын, мальчик’ (КРК: 500)

Выбор эквивалента в переводе зависит от контекста: в рунах, где речь идёт об Айно (руны 4, 5) вместо финского ‘ребёнок, дитя’ используется коми *ныв* ‘дочь, девочка’; в остальных же случаях, когда речь в оригинале идёт о герое мужского пола (Вяйнямёйнен, Куллерво), встречается слово *ни* ‘сын, мальчик’.

miehet (44: 135) ‘мужчины’ → *pörödyсьяс* (44: 134) ‘лесорубы’

– Географические объекты

järvi (8: 279) ‘озеро’ (ФРС: 178), ‘наполненный водой (естественный) бассейн больше пруда’ (SKPS I: 351) → *вад* (8: 278) ‘лесное озеро; непроточное с топкими берегами озеро; заболоченное место, болото’ (КРК: 77)

maat (tuttavat) (7: 130) ‘земли (знакомые)’ → (*аслас*) *видзьяс* (7: 130) ‘(свои) луга’

– Обозначения признаков и качеств

kalanluinen (44: 76) ‘(сделанный) из рыбьей кости’ (KST: 88) → *сир черлы* (44: 76) ‘щучья челюсть’

ruinen (40: 102) ‘деревянный, сделанный из дерева’ (KS: 299) → *пожём пуйсь вöчём* (40: 100) ‘сосновый’, букв. ‘сделанный из сосны’

vesapuinen (3: 106) ‘изготовленный из молодого лиственного дерева’ (KS: 480; KST: 381), букв. ‘побег + деревянный’ → *льём пуйсь* (3: 105) ‘из черёмухи’

3.2.1.2. Генерализация

Генерализация – переводческий приём по своей сущности прямо противоположный конкретизации. Он заключается в замене единицы ИЯ, имеющей более узкое, конкретное значение, на единицу ПЯ с более широким, обобщающим значением. В основе генерализации, (так же как и в основе её противоположности – конкретизации) лежат родовидовые отношения в лексике: слово или словосочетание, называющее в тексте перевода более общее понятие, является гиперонимом по отношению к языковой форме, выражающей понятие исходного текста. Данный вид замены может использоваться для передачи лексических единиц, когда контекстуальные условия не позволяют использовать регулярное соответствие. Часто использование генерализации зависит от индивидуальных пристрастий переводчика, формирующих его стиль, или от степени понимания им подлинника (Бархударов 1975: 213; ОПП 25–26; ТПС 36;).

По примеру разграничения конкретизации на языковую и контекстуальную (речевую), на наш взгляд, генерализацию также можно разделить на две данные разновидности.

Языковая генерализация

– Животный мир

hepo (3: 393; 6: 17; 7: 69) *возв.* ‘конь’ (ФРС: 109; SKS: 124; SKPS I: 199) → *võv* (3: 389; 6: 14; 7: 70) ‘лошадь, конь’ (КРК: 118)

herhiläinen (9: 231) ‘шершень (*Vespa crabro*)’ (ФРС: 109), ‘самая большая финская оса, которая однако очень редкая’ (SKS: 124; SKPS I: 200) → *чушканзи* (9: 231) ‘оса’ (КРК: 722)

nokka (7: 50) ‘клюв’ (ФРС: 403), ‘твёрдая выступающая часть рта птицы’ (SKS: 406) → *ныр* (7: 51) ‘нос, клюв’ (КРК: 440)

peura (9: 298) ‘северный олень (дикий) (*Rangifer tarandus*)’ (ФРС: 458), ‘животное семейства оленьих, из которых были выведены одомашненные олени’ (SKPS II: 459), ‘дикий северный олень’ (KST: 248) → *kõr* (9: 298) ‘олень’ (КРК: 304)

pursto (7: 49; 40: 171; 41: 28) ‘часть тела рыбы или птицы, которая соответствует хвосту млекопитающего’ (KST: 266) → *бõж* (7: 50; 40: 169; 41: 27) ‘хвост’ (КРК: 55)

sotaori (4: 353) ‘боевой конь’ (KS: 373), ‘конь, верховая лошадь, используемые на войне’ (SKPS III: 131) → *võv* (4: 351) ‘лошадь, конь’ (КРК: 118)

taimen (5: 56) ‘кумжа, (лосось-) таймень (*Salmo trutta*)’ (ФРС: 621), ‘вид лосося с обильными пятнами’ (SKPS III: 229) → *чими* (5: 53) ‘сёмга’ (КРК: 705)

uuhi (7: 316, 348; 10: 266, 276) ‘овца’ (ФРС: 683), ‘взрослая (приносящая ягнят) овцематка’ (SKS: 771; SKPS III: 433) → *ыж* (7: 316, 347; 10: 251, 261) ‘овца’ (КРК: 757)

– Части тела

harsi (44: 219, 221, 225) *возв.* ‘волос (человека)’ (ФРС: 95) → *юрси* (44: 216, 218, 222) ‘волос, волосы’

hurme (8: 164, 188; 9: 266) ‘кровь (текущая из раны)’ (ФРС: 130; SKPS I: 242), ‘пенящаяся, быстро текущая кровь’ (KST: 56) → *вир* (8:163, 187; 9: 266) ‘кровь’ (КПК: 104; КАС: 27)

– Объекты неживой природы, элементы ландшафта

kangas (34: 24, 240) ‘сухой сосновый бор’ (SKPS I: 385) → *вөр* (34: 23, 236) ‘лес’

salu (4: 270) ‘(большой и глухой) лес’ (ФРС: 546) ‘большой, необитаемый лес, лесная территория, глухой лес’ (KS: 342; KST 293; SKPS III:16) → *вөр* (4: 268) ‘лес’ (КПК: 121)

– Род деятельности

merimiehet (1: 280) ‘моряки’ (ФРС: 370), ‘мореплаватели’ (KS: 222; KST: 206) → *йöz* (1: a2686270) ‘люди, народ’ (КПК: 250)

– Одежда, посуда, предметы обихода, средства передвижения, сооружения

ahjo (1: 32; 9: 122, 138, 158, 179, 258, 306, 313; 10: 287, 295, 306, 310, 322, 342, 360, 378, 390, 406) ‘(кузнечный) горн’ (ФРС: 21), ‘очаг в кузнице, в котором нагревают металл дляковки’ (KS: 11)

→ *гор* (1: a632; 9: 122, 138, 158, 179, 258, 306, 313; 10: 271, 279, 288, 292, 364) ‘каменка, печь, очаг’ (КПК: 147)

→ *нач* (10: 302, 320, 336, 352, 379) ‘печь’ (КПК: 489)

kiviharkko (3: 64) ‘каменная глыба’ (KS:127; KST: 127) → *из* (3: 64) ‘камень’

kiviriipa (3: 63) ‘якорный камень’ (KS: 128; KST: 127) → *из* (3: 63) ‘камень’

купärä (3: 411, 5: 166; 7: 301; 44: 72) ‘шлем, каска’ (ФРС: 290) ‘возможно высокий заострённый используемый и в бою головной убор’ (KST: 153), ‘высокий мужской головной убор; защитный головной убор из металла или камня’ (KS: 162) → *юркышöд* (3: 406; 5: 160; 7: 301; 44: 72) ‘головной убор (преим. платок, шаль)’ (КПК: 780)

mela (10: 486; 40: 72, 97) ‘гребок, кормовое (рулевое) весло’ (ФРС: 367), ‘орудие меньше, короче весла, которым гребут и правят лодкой’ (KS: 220) → *пелыс* (10: 458; 40: 70, 95) ‘весло’ (КПК: 491)

patarani (3: 210) ‘плохой горшок’ (KS: 275; KST: 243) → *тасьти* (3: 207) ‘(столовая) чашка, миска’ (КПК: 638)

туорпи (9: 7) ‘кружка’ (ФРС: 661), ‘деревянный открытый сосуд обычно с двумя, но иногда и с одной ручкой, из которого, согласно «Калевале» пили пиво, мед и квас’ (KST: 348) → *доз* (9: 7) ‘посуда, сосуд’ (КПК: 190)

veno(nen) (2: 203; 5: 187; 7: 179; 8: 127; 10: 347, 353; 40: 58, 115, 117, 173)
уменьш., поэт. 'лодочка, челнок' (ФРС: 724) → *пыж* (2: 202; 5: 181;
7: 179; 8: 126; 10: 325, 331; 40: 56, 112, 115, 171) 'лодка' (КРК: 546)

Контекстуальная генерализация

– Растительный, животный мир

etähepo (3: 169) 'кобыла' (KS: 31; KST:30) → *вөв* (3: 166) 'лошадь, конь'
lehto (4: 106) 'роща' (ФРС: 318), 'пышный, густой лиственный лес' (KS:
184; KST: 172; SKPS II: 41) → *вөр-ва* (4: 105) 'лес, леса, природа'
(КРК: 121)
hauki (40: 179) 'щука (*Esox lucius*)' (KS: 42; ФРС: 99) → *чери* (40: 177)
'рыба'
hieho (10: 365) 'тёлка; подтёлок, нетель' (ФРС: 112), 'молодая не
отелившаяся корова' (SK: 49; SKPS I: 207) → *мөс* (10: 341) 'корова'
(КРК: 402)
honka (3: 172, 209) 'крупная сосна' (KS: 54), 'старая сосна' (KST: 52),
'кондовая сосна' (ФРС: 121) → *пожём (ну)* (3: 169; 206) 'сосна'
kokko (7: 89) фольк. 'орёл' (ФРС: 247; KS: 131; KST: 129; SKPS I: 514) →
лэбач (7: 90) 'птица' (КРК: 372)
oronen (10: 53) уменьш. 'жеребец' (KS: 258; KST: 233) → *вөв* (10: 46)
'лошадь, конь'
ruuna (40: 240) 'кастрированный жеребец' (KS: 334), 'мерин' (KST: 288)
→ *вөв* (40: 238) 'лошадь, конь'
varsa (8: 209) 'жеребёнок; стригун, стригунок' (ФРС: 713), 'детёныш
лошади, молодая лошадь' (KS: 469; KST: 373; SKPS III: 496) → *вөв*
(8: 208) 'лошадь, конь' (КРК: 118)

– Объекты неживой природы, элементы ландшафта

hietapelto (3: 435) 'поле с песчаной почвой' (KS: 50) → *му* (3: 429) 'земля,
поле'
lampi (9: 372) 'пруд; лесное озеро' (ФРС: 311), '(природный) водный
бассейн меньший озера' (SKPS II: 19; KS: 176) → *ты* (9: 372) 'озеро'
(КРК: 671)
lieska (3: 152) 'большое пламя' (KS: 191) → *би* (3: 150) 'огонь, пламя'
louhi (3: 224, 244) 'глыба, скала' (KS: 199; KST: 186; ФРС: 336) → *из* (3:
222, 240) 'камень'
luoto(nen) (1: 282) 'подводная скала, риф; скалистый островок' (ФРС: 342)
→ *из* (1: a2706272) 'камень' (КРК: 239)
paasi (3: 298; 4: 318) 'плоский камень' (KS: 263; KST:237) → *из* (3: 294; 4:
316) 'камень'
paatere (4: 322) 'плоский камень' (KS: 263), 'каменная глыба' (KST: 237)
→ *из* (4: 320) 'камень'

vesikivi (4: 312) ‘камень, выступающий над поверхностью воды’ (KS: 481), ‘поднимающийся среди воды камень’ (KST: 382), букв. ‘вода + камень’ → *из* (4: 310) ‘камень’

– Части тела

keuhko (9: 368) ‘лёгкое’ (ФРС: 221), ‘орган дыхания дышащих воздухом позвоночных’ (SKPS I: 459) → *ты-мус* (9: 368) ‘внутренности, потроха’ (ПНК: 179), ‘потроха, сбой’ (КРК: 673), ‘внутренности, внутренние органы’ (КАС: 117)

koipi (2: 246) ‘нога (животного); диал. койба (шкурка с оленьих или коровьих ног)’ (ФРС: 246), ‘задние конечности многих животных’ (SKP I: 511) → *кок* (2: 245) ‘нога, ножка, лапа (крупных животных и птиц)’ (КРК: 282)

kämmen (2: 292) ‘лапа’ (KS: 165; ФРС: 292), ‘шкура с лапы’ (KST: 156) → *кок* (2: 291) ‘нога, ножка, лапа (крупных животных и птиц)’ (КРК: 282)

sorkka (9: 299) ‘(двупалое) копыто; простореч. нога (животного)’ (ФРС: 581), ‘нога с копытом’ (KST: 311), ‘нога рогатого животного; нога волка’ (KS: 370) → *кок* (9: 299) ‘нога, ножка, лапа (крупных животных и птиц)’ (КРК: 282)

– Предметы быта (сооружения, средства передвижения, одежда)

hattu (2: 117) ‘шляпа; шапка’ (ФРС: 98), ‘головной убор, который оставлял открытым только лицо и закрывал своими полями плечи’ (KS: 42) → *юркышöд* (2: 116) ‘головной убор (преим. платок, шаль)’ (КРК: 780)

karvas (40: 172) ‘небольшая лодка’ (KST: 105) → *пыж* (40: 170) ‘лодка’
lakki (44: 274) ‘шапка, фуражка’ (ФРС: 310), ‘мужской головной убор’ (KS: 176) → *юркышöд* (44: 271) ‘головной убор (преим. платок, шаль)’ (КРК: 780)

linna (1: 319) ‘крепость; дворец, замок; тюрьма; острог’ (ФРС: 330) → *оланін* (1: а3076309) ‘жильё, жилище, обиталище, место обитания’ (КРК: 456)

pirtti (7: 38, 41) ‘изба’ (ФРС: 468) → *оланін* (7:39, 42) ‘жильё, жилище, обиталище’ (КРК: 456)

punalanka (4: 34) ‘украшение на голову, сделанное из красных ниток’ (KS: 300), ‘красный налобный ободок’ (KST: 265), букв. ‘красный + нить’ → *лента* (4: 33) ‘лента’

salvos (10: 254) ‘сруб’ (ФРС: 546), ‘бревенчатое строение, изба’ (KS: 342), ‘рублённое бревенчатое строение’ (SKPS III: 17) → *оланін* (10: 240) ‘жильё, жилище, обиталище’ (КРК: 456)

sulkaturkki (41: 238) ‘оперенье’, букв. ‘перо + шуба’ → *нась* (41: 223) ‘шуба’

sysi (9: 109; 34: 36) ‘(древесный) уголь’ (ФРС: 608), ‘уголь, получаемый нагреванием дерева в безвоздушном пространстве, древесный уголь, кузнечный уголь’ (SKS: 672), ‘уголь используемый для топки

- кузнечного горна' (KS: 391) → *шом* (9: 109; 34: 35) 'уголь' (КРК: 740)
- tupa* (9: 96) 'изба, избушка' (ФРС: 662), 'самая большая (или единственная) комната дома, в которой жили, занимались домашним трудом, готовили пищу, ели; жилое строение, дом, избушка, состоящая из одной комнаты' (KS: 434) → *оланін* (9: 96) 'жильё, жилище, обиталище' (КРК: 456)
- vaipra* (3: 464) 'плащ, накидка' (ФРС: 692), 'накидываемый на плечи предмет одежды без рукавов' (KS: 457) → *дөрөм-гач* (3: 458) *собир.* 'мужское бельё; мужская рубашка и брюки' (КРК: 200), букв. 'рубашка-штаны'
- Род деятельности, возрастные особенности
- akkanen* (34: 130, 138) 'старушка' (KS: 16) → *морт* (34: 128, 136) 'человек'
- matkamies* (1: 309) 'путешественник, путник' (ФРС: 365; KS: 219; KST: 205) → *морт* (1: a2976299) 'человек' (КРК: 398)
- piika* (1: 173) 'девушка, девица, девка' (ФРС: 461) → *нывбаба* (1: a1696170) 'женщина' (КРК: 439)
- vaimo* (34: 190) 'женщина, жена' (KS: 456) → *морт* (34: 187) 'человек'

3.2.1.3. Свёртывание значений

Свёртыванием значений (лексическим свёртыванием) К. Клауди (Klaudy 2012: 66) называет такую трансформацию, когда одно слово ПЯ передаёт значение нескольких слов ИЯ, т.е. происходит замена словосочетания одним словом. Причинами подобной замены могут быть, как лексические и морфологические особенности языка, на который делается перевод (напр., преобладание синтетических конструкций над аналитическими, обилие производных и сложных слов и т.д.), так и расхождения между двумя языками в отображении окружающей действительности. Применительно к переводу на венгерский язык с индоевропейских языков (с английского, немецкого, русского) К. Клауди среди прочих типов свёртывания значений (напр., свёртывание терминов родства: в. *testvérek* – рус. *брат и сестра*; свёртывание из-за различий в словообразовании у существительных: словосочетание в венгерском языке – сложное слово в немецком; слияние глагола обозначающего начало действия с главным глаголом; слияние наречия образа действия с цитирующим глаголом) выделяет такой тип свёртывания, при котором происходит слияние глагола с широким значением с существительным с более конкретным значением. Подобного рода замены встречаются и в исследуемом нами переводе:

- antaa tiedon* (8: 69) 'сообщить' (ФРС: 642; KS: 20), букв. 'дать информацию, известие, сообщение' → *вочавидзны* (8: 69) 'ответить' (КРК: 117)

laatia mieli (10: 477) ‘хотеть, желать’ (KS: 225), букв. ‘делать (создавать) желание’ → *möвпавны* (10: 449) ‘думать, мечтать’
lyödä leikki (10: 462) ‘танцевать, плясать’ (KS: 207), букв. ‘бить игру, забаву’ → *йöктыны* (10: 434) ‘танцевать’
ottaa onkeen (5: 55) ‘клевать’ (ФРС: 422; KS: 261), букв. ‘брать (хватать) крючок’ → *курччыны* (5: 52) ‘клевать’ (КРК: 319)
ranna valjaisiin (7: 349; 8: 209) ‘запрягать’ (ФРС: 698; KS: 272), букв. ‘поставить в сбрую, упряжь’ → *сийöсавны* (7: 348; 8: 208) ‘хомутать, надевать хомут’ (КРК: 590)
pistää suitset suuhun (6: 7) ‘надеть узду’ (ФРС: 588; KS: 288), букв. ‘сунуть (засунуть) узду в рот’ → *вомкөртавны* (6: 7) ‘взнуздать, обуздать’ (КРК: 113)
pitedellä suin (9: 322) ‘покусать’, букв. ‘держаться, избивать, наносить побои ртом’ → *курччавны* (9: 322) ‘кусать, искушать’
pitää iloa (44: 263) ‘веселиться’, букв. ‘держаться веселье’ → *гажöдчыны* (44: 260) ‘веселиться’
ruveta raivoksi (9: 174; 260) ‘взбесится, рассвирепеть, разъяриться’, букв. ‘начать быть (стать) бешеным, яростным, свирепым’
→ *дурны-йöйтавны* (9: 174) ‘шалить-беситься’ (КРК: 205)
→ *дурмыны* (9: 260) ‘одуреть, ошалеть, разбушеваться, взбеситься, рассвирепеть’ (КРК: 205)
saada pahaksi (9: 259) ‘разозлиться, рассвирепеть’, букв. ‘стать плохим, дурным, злым, свирепым’ → *скөрмыны* (9: 259) ‘рассердится, разозлиться, вспылить’ (КРК: 597)
sanoa sanan vastaan (6: 216) ‘возражать, перечить’ (ФРС: 549, 715), букв. ‘сказать слово назад (навстречу)’ → *вочавидзны* (6: 207) ‘отвечать, возражать’ (КРК: 117)
tehdä mieli (7: 94) ‘хотеть, желать’ (KS: 225), букв. ‘делать желание’ → *кöсйыны* (7: 95) ‘хотеть желать’
vetää solmuun (8: 97, 103) ‘стянуть узлом’ (ФРС: 578) → *гöрддзавны* (8: 97, 102) ‘завязать узлом, завязать узел’ (КРК: 155)
puuttua juoksemasta (40: 91) ‘останавливаться’ (KS: 305; KST: 268), букв. ‘застрять бежать, двигаться’ → *сувтны* (40: 89) ‘остановиться’

Другие случаи свёртывания:

sepon raja (9: 156, 305; 34: 19; 40: 212, 218) ‘кузница’, букв. ‘мастерская (кузница) кузнеца’ (KS: 268; KST: 239; ФРС: 435) → *кола* (9: 156, 305; 34: 19; 40: 210, 216) *диал.* ‘кузница’ (КРК: 284)
laatija mies (40: 341) ‘мастер, изготовитель’, букв. ‘делающий (сделавший) человек’ (KS: 172) → *вöчысь* (40: 339) ‘изготовитель, мастер’, букв. ‘делающий, изготавливающий’ (КРК: 125)
paisuva maa (2: 30) ‘заливная земля’ (KS: 267) → *нюрзьöмин* (2: 30) ‘заболоченное место’ (КРК: 447)
tuore maa (2: 39) ‘сырая, влажная земля’ (KS: 434) → *васöдин* (2: 39) ‘сырое место’ (КРК: 82)

sileä pelto (3: 157) ‘гладкое, ровное поле (о поверхности воды)’ (KS: 277)
→ *шльыдін* (3: 155) ‘ровное, гладкое место’ (KS: 753)
tasainen laki (3: 158) ‘ровный свод, потолок, равнина (о поверхности воды)’ (KS: 176) → *мольыдін* (3: 156) ‘гладкое место’

3.2.1.4. Развёртывание значений

Развёртывание (лексическое развёртывание, экспликация, описательный перевод) – трансформация, противоположная свёртыванию, при которой происходит замена слова ИЯ словосочетанием ПЯ, определяющим, объясняющим значение переводимого слова. Используемое в переводе словосочетание раскрывает существенные признаки обозначаемого лексической единицей ИЯ явления, иногда даёт его дефиницию. Причины, вызывающие данную замену, аналогичны причинам, по которым переводчики прибегают к свёртыванию (Klaudy 2012: 73; ОПП: 226; ТПС: 97, 255).

В исследуемом нами переводе могут быть выделены следующие типы развёртываний:

- 1) развёртывание сложного слова ИЯ;
- 2) развёртывание производного слова ИЯ;
- 3) развёртывание в случае описательного перевода;
- 4) развёртывание глагола ИЯ на существительное + глагол ПЯ;

1) Развёртывание сложного слова ИЯ

Трансформация сложных слов оригинала в словосочетания при переводе является самым распространенным, самым массовым типом развёртывания.

Широкое использование сложных слов, в первую очередь т. н. бахуврихов – одна из особенностей лексики «Калевалы». По подсчётам некоторых исследователей в тексте эпоса имеется свыше 150-ти различных наименований, которые можно отнести к данному типу слов. Часть из них помимо текста эпоса не встречается больше нигде, другая часть вошла в литературный финский язык. Считается, что именно «Калевала» способствовала распространению использования данного типа слов (Punntila – Issakainen 2003: 238).

Подобно финскому, коми язык также отличается как обилием уже имеющихся сложных слов, так и широкими возможностями к созданию новых (Федюнёва 1998: 445), однако переводчик по каким-то причинам не использует эти возможности, вследствие чего в переводе значительная часть финских композитов передана словосочетаниями.

В исследуемых нами оригинальных рунах «Калевалы», по нашим подсчётам, содержится 311 различных сложных слов. Из них 170 (или 55%) в процессе перевода подвергаются трансформации развёртывания. (Всего лишь в 17 случаях (5%) сложное слово оригинала остаётся

сложным словом в переводе, в 35 (11%) случаях в переводе отсутствует эквивалент, в остальных случаях наблюдаются какие-либо другие трансформации).

В переводе нами выявлены следующие примеры развёртывания сложных слов (иногда с разного рода деформациями значения):

- aaltojen-alainen* (40: 33) ‘живущий в волнах, подводный’ (KS: 10), букв. ‘волны + находящийся под’ → *гыяс пьын олысь* (40: 32) ‘живущий между волн, в волнах’
- alakivi* (44: 233) ‘место, где сидел Вяйнямёйнен, во время своей игры на кантеле и пения’ (KST: 18), букв. ‘нижний, под (чем-л.) + камень’ → *кильчö тагöс* (44: 230) ‘порог крыльца’
- alakärsä* (3: 278) ‘о свинье: с рылом в низ’ (KS: 16; KST: 18) → *тиётшыд ныра* (3: 273) ‘с тупым носом’
- armoluoja* (7: 282) ‘милостивый бог’ (KS: 23) ‘букв. создатель милости’ → *бурлун вöчысь* (7: 282) ‘создатель добра (делающий добро)’
- elomaa* (10: 478) ‘место жительства’ (KS: 30; KST: 30), букв. ‘жизнь + земля’ → *аслас чужан му* (10: 450) ‘своя родная земля’
- hauinluinen* (40: 243; 44: 66) ‘сделанный из щучьих костей (о кантеле)’ (KS: 42), букв. ‘щучий + костяной’
→ *сирлön лыысь* (40: 241) ‘из щучьей кости’
→ *сир черлыысь* (44: 66) ‘из щучьей челюсти’
- halliparta* (8: 272, 274; 9: 14) ‘седая борода, седобородый’ (KS: 39; KST: 35); букв. ‘сероватая, с проседью + борода’
→ *еджыд тошка* (8: 271) ‘с белой бородой’
→ *дзор тошка* (8: 273; 9: 14) ‘с седой бородой’
- harvahammas* (7: 170; 10: 186, 218) ‘эпитет Лоухи и медведя: редко-зубый’ (KS: 42; KST: 39); букв. ‘редко + зуб’
→ *гежöd пиня* (7: 170) ‘с редкими зубами’
→ *киссьöм пиня* (10: 176, 208) ‘с гнилыми (выпавшими) зубами’
- heinämätäs* (1: 205) ‘кочка, заросшая травой’ (KS: 44), ‘небольшая травянистая бугорок’ (KST: 42), букв. ‘трава + кочка’ → *турун мыльк* (1: a1996200) ‘травянистый бугорок, холм’
- helimiletku* (3: 307) ‘плеть с узлами’ (KS: 46; KST: 43), букв. ‘жемчуг + плеть’ → *вöсьö воропа орс* (3: 303) ‘плеть с жемчужной рукояткой’
- helimiruoskanen* (3: 76) ‘плеть для лошади, на конце которой были узлы’ (KS: 46), букв. ‘жемчуг + плеть, кнут’ → *вöсьö орс* (3: 76) ‘жемчужная плеть’
- helimisyö* (8: 214) ‘жемчужная плеть’ (KS: 46), ‘параллельное наименование хворостины, прута’ (KST 43), букв. ‘жемчужный + ремень, пояс’ → *вöсьö плеть* (8: 213) ‘жемчужная плеть, кнут’
- hernevarsi / hernevirtinen* (6: 94, 180) ‘о лошади: с прогибистой спиной, как стебель гороха’ (KS: 48), букв. ‘горох + стебель’ → *воём анькытши рёма* (6: 91, 175) ‘цвета спелого гороха’

- hietaharju* (6: 174) ‘песчаный хребет’ (KS: 50), букв. ‘песок + хребет, горная гряда’ → *лыа нӧрыс* (6: 169) ‘песчаный холм’
- hietapelto* (3: 430) ‘поле с песчаной почвой’ (KS: 50), букв. ‘песок + поле’ → *бур, вына муяс* (3: 424) ‘хорошие, плодородные земли’
- hietarinta* (2: 370) ‘о кукушке: с грудью цвета песка’ (KS: 50), букв. ‘песок + грудь’ → *лыа морӧс* (2: 365) ‘песчаная грудь’
- hopeahelmet* (4: 62) ‘серебряная шейная цепочка’ (KS: 54; KST: 53), букв. ‘серебро + жемчуга’ → *эзысь рӧмӧн сикӧтти ворсис* (4: 61) ‘серебряным цветом бусы играли’
- hopeaniisi* (41: 116) ‘серебряная нитченка’ (KS: 55; KST: 53) → *эзысь панас* (41: 113) ‘серебряная основа (пряжи)’
- hopearinta* (2: 371) ‘о кукушке: с грудью серебряного цвета’ (KS: 55), букв. ‘серебряная грудь’ → *эзысь морӧс* (2: 366) ‘серебряная грудь’
- hopearisti* (4: 49) ‘серебряное украшение в виде креста’ (KS: 55; KST: 53), букв. ‘серебряный крест’ → *эзысь перна* (4: 48) ‘серебряный крест’
- hopeasolki* (4: 429) *периф.* ‘девушка (носящая серебряную пряжку, заколку)’ (KS: 55; KST: 53); букв. ‘серебряная пряжка (заколка)’ → *эзысь пажука* (4: 427) ‘с серебряной заколкой’
- hopeatuorpi* (9: 7) ‘серебряный прибор для питья’ (KS: 55), ‘серебряный пивная кружка’ (KST: 53), букв. ‘серебряная кружка’ → *эзысь доз* (9: 7) ‘серебряный сосуд, посуда’
- ikirunoja* (1: 108) ‘вековечный, бессмертный певец’ (KS: 65), ‘певец, равного которому больше не существует’ (KST: 3) → *нэмӧвӧйся ыджыд сьылысь* (1: a107) ‘вековечный великий певец’ / *венны позьтӧм ыджыд сьылысь* (1: b107) ‘непобедимый великий певец’
- ilokivi* (3: 471) ‘камень, на котором Вяйнямейнен сидел во время своего пения и игры на кантеле’ (KST: 67), букв. ‘радость + камень’ → *мича изтор* (3: 465) ‘красивый камень’
- ilolintu* (10: 452) ‘певчая птица’ (KS: 69), букв. ‘радость + птица’ → *сьылысь кай* (10: 425) ‘певчая (поющая) птица’
- iltamyöhäsellä* (8: 55) ‘поздним вечером, поздно вечером’ (ФРС: 152; KS: 69) → *сёрӧн, рытгорувнас* ‘поздно, под вечер’ (8: 55)
- iltaruoka* (5: 82, 106) ‘вечерняя еда’ (KS: 69; KST: 67)
→ *рытын нурьясьны* (5: 77) ‘вечером поестъ (подкрепиться)’
→ *рытья нур* (5: 100) ‘вечерняя пища, ужин’ (КПК: 438)
- kaikkivalta* (9: 510) ‘всемогущий (эпитет Бога)’ (KS: 90; KST: 85), букв. ‘все, всё + власть, сила’ → *понтӧм вынйӧра* (9: 510) ‘с бесконечной (безграничной, беспредельной) силой’
- kaksihaarukkainen* (2: 80) ‘с двумя развилками (о большом дубе)’ (KS: 93; KST: 87) → *кык вож* (2: 80) ‘два ответвления, отростка, ветки’
- kalahauta* (1: 266; 3: 220, 240) ‘рыбный (богатый рыбой) омут (впадина)’ (KS: 93), ‘углубления (впадины) на дне реки или озера, которые любят рыбы’ (KST: 87), букв. ‘рыба + ров (впадина, углубление)’
→ *черияслы гуран* (1: a254) ‘яма (углубление, впадина) для рыб’ / *черияслы йир* ‘омут для рыб’ (1: b260)

- *черияслы гу* (3: 218, 236) ‘яма для рыб’
- kalalampi* (34: 136) ‘лесное озеро (пруд), богатое рыбой’ (KS: 93; KST: 87), букв. ‘рыба + пруд, лесное озеро’ → *ты, кӧн чери пуӧ* (34: 134) ‘озеро, где рыба кишит’
- kalaneväinen* (40: 244) ‘сделанный из рыбьих плавников’ (KST: 88), букв. ‘рыба + плавник’ → *чери бордйысь* (40: 242) ‘из рыбьего плавника’
- kalanluinen* (44: 76) ‘сделанный из рыбьей кости’ (KST: 88), букв. ‘рыба + кость’ → *сир черлы* (44: 76) ‘щучья челюсть’
- kalanluu* (40: 204) ‘рыбья кость’ (KS: 93) → *чери съӧм* (40: 202) ‘рыбья чешуя’
- kalasauna* (34: 158, 178) ‘рыбацкая избушка с печкой’ (KS: 93), ‘хижина, которую возводили рядом с предназначенными для рыбалки водами, которые были так далеко, что возвращение домой на ночевку было невозможным’ (KST 87), букв. ‘рыба + сауна (баня)’ → *чери кыйысьяслӧн пывсян* (34: 155, 175) ‘баня рыбаков’
- kasvinkumppali* (1: 12) ‘лицо, с которым выросли вместе’ (KS: 106), ‘товарищ растущего’ (KST: 108) → *том каддырся ёрт* (1: a12) / *томдыр кадся ёрт* (1: б12) ‘друг молодости’
- kaulanhelmi* (4: 17, 97) ‘носимое на шее жемчужное ожерелье’ (KS: 110) → *вӧсьӧ сикӧтти* (4: 16) ‘жемчужные бусы’ → *син ёран сикӧтти* ‘ослепляющие глаза бусы’ (4: 96)
- kautokenkä* (4: 176) ‘кожаная обувь, на носки и голенища которой нашит добавочный покров’ (KS: 112), ‘обувь, на которой есть особенная покрывающая её кожа’ (KST: 113)’, букв. ‘накладной кусок кожи (KS: 112; KST: 113) + обувь’ → *сера кучик тупли* (4: 174) ‘узорчатые, пёстрые кожаные туфли’
- kehräsilmä* (4: 422) ‘круглоглазый (о зайце)’ (KS: 114; KST: 114), букв. ‘колесо веретена + глаз’ → *гӧгрӧс синма* (4: 420) ‘с круглыми глазами’
- kehrävarsi* (8: 125) ‘веретено’ (KST: 114; ФПС: 212), ‘часть веретена, вокруг которой скручивается нить при прядении’ (KS: 114), букв. ‘диск + ручка, рукоятка, черенок’ → *печкан чӧрс* (8: 124) ‘прядельное веретено’ (КПК: 713)
- keskipäivä* (2: 374) ‘полдень’ (ФПС: 219), букв. ‘середина + день’ → *лун шӧр кад* (2: 369) ‘полдень’, букв. ‘время середины дня’
- kesäkärppä* (2: 292) ‘горноста́й в летнем мехе’ (KS: 119), букв. ‘лето + горноста́й’ → *гожся чужмӧр* (2: 291) ‘летний горноста́й’
- kesäorava* (2: 291) ‘белка в летнем мехе’ (KS: 119), букв. ‘лето + белка’ → *гожся ур* (2: 290) ‘летняя белка’
- kevätkäkönen* (2: 361) ‘весенняя кукушка’ → *тувсов кӧкан* (2: 356) ‘тж.’
- kihokivi* (40: 26) ‘выступающий из воды камень порога’ (KS: 121), ‘камень, вокруг которого бурлит, пенится, шипит вода’ (KST: 121)’, букв. ‘шипящий + камень’ → *васӧд из* (40: 25) ‘сырой камень’
- kihopaasi* (40: 27) ‘то же, что и *kihokivi*’ (KS: 121; KST: 121) → *ваысь петӧм кырта* (40: 26) ‘из воды вышедшее скалистое обнажение’

- kikkanokka* (8: 169) ‘со вздернутым носом (о топоре)’ (KS: 123); ‘резко изогнутый в передней части’ (KST: 121), букв. ‘завиток (SKPS I: 472) + нос (клюв), кончик’ → *паськыд тошка* (8: 168) ‘с широкой бородой’
- kirjokansi* (7: 312, 326, 330; 10: 98, 234, 262, 272, 282, 408, 418, 438, 502, 506) ‘пёстрая, расписная крышка; оснащённый пестрой, расписной крышкой; синоним Сампо’ (KS: 124; KST: 123)
→ *сера вевта шемӧс йӧртӧд* (7: 312; 10: 91, 221, 247, 411, 473, 477) ‘с узорчатой (пёстрой, резной) крышкой дивный загром’
→ *сера вевт* (7: 326, 330; 10: 257, 267, 381, 391, 411, 473, 477) ‘узорчатая (пёстрая, резная) крышка’
- kivikinnas* (3: 65) ‘каменная рукавица’ (KS:127), букв. ‘камень + рукавица’
→ *изйысь кепысь* (3: 65) ‘рукавица из камня’
- kolmilaita* (7: 180) ‘лодка, с обеих сторон киля (основания) которой по три бортовые доски’ (KS: 133), букв. ‘три + борт’ → *куим пӧвйысь вӧчӧм струг* (7: 180) ‘челнок, сделанный из трёх досок’
- kolmisolmuinen* (2: 358) ‘хлеба, стебель которых содержит три узла’ (KS: 133), букв. ‘трехузловый’ → *куим гӧрӧд* (2: 253) ‘три узла’
- kolmisulka* (6: 48) ‘о стреле, оперение которой направлено в три стороны’ (KS: 134), букв. ‘три + перо’ → *куим пӧлӧс тылборд* (6: 45) ‘перо трёх видов’
- kosken-korvallinen* (40: 61) ‘живущий рядом с порогом’ (KS: 137), букв. ‘порог + находящийся рядом’ → *коськъяс костын олысь* (40: 59) ‘живущий среди порогов’
- kotikäki* (3: 142) ‘кукушка, чьё кукование слышно близко от дома’ (KS: 139), букв. ‘дом + кукушка’ → *вӧрса кӧк* (3: 141) ‘лесная кукушка’
- kotipelto* (3: 141) ‘домашнее поле, поле рядом с домом’, букв. ‘дом + поле’
→ *гортса муяс-йӧръяс* (3: 140) ‘домашние земли-поля’
- kotitupa* (10: 80) ‘дом’, букв. ‘дом + изба’ → *чужан му* (10: 73) ‘родна земля’
- koukkuleuka* (3: 317) ‘крючковатый подбородок’ (KS: 140), букв. ‘крюк, кочерга + подбородок’ → *тиӧтшиыд ныра* (3: 313) ‘с тупым носом’
- kukkalatva* (10: 33, 116, 151) ‘ель, на верхушке которой много молодых шишек’ (KS: 144); ‘метафорический эпитет ели’ (KST: 138), букв. ‘цветок + верхушка’
→ *дзоридзалысь коз* (10: 29) ‘цветущая ель’
→ *козлӧн дзоридзалӧ туган* (10: 109) ‘у ели верхушка цветёт’
→ *зарни лыска* (10: 143) ‘с золотой хвоей’
- kukkarää* (10: 130) ‘(растение) с цветущей верхушкой’ (KS: 144; KST: 138), букв. ‘цветок + верхушка, голова’ → *дзоридзалысь тугья* (10: 123) ‘с цветущей верхушкой’
- kullankääry* (4: 180) ‘золотой повязка, браслет’ (KS: 146; KST: 159) → *зарни сойнос* (4: 178) ‘золотой браслет’

- kullanristi* (4: 170) ‘крестообразная золотая подвеска’ (KS: 146), ‘поэтическое обозначение медного креста’ (KST: 282), букв. ‘золото + крест’ → *зарни дзирда перна* (4: 169) ‘крест, сияющий золотом’
- kullansolki* (34: 192) ‘ласково и жалостливо о сыне’ (KS: 146), *периф.* ‘Куллерво’ (KST: 139), букв. ‘золотая застежка’ → *зарни тугйой* (34: 189) ‘красавец’, букв. ‘золотая кисточка, бахрома (украшение)’
- kullansormus* (4: 61, 179) ‘золотое кольцо’ (KS: 146) → *зарни чунькытши* ‘золотое кольцо’ (4: 60, 177)
- kultakahva* (3: 311) ‘рукоятка (меча), украшенная золотом’ (KS: 148) букв. ‘золотая рукоятка’ → *зарни воропа* (3: 307) ‘с золотой ручкой’
- kultakangas* (8: 7, 29; 41: 107) ‘облака золотого цвета’ (KS: 148), букв. ‘золото + ткань’ → *зарни дёра* (8: 7, 29; 41: 105) ‘золотой холст (ткань)’
- kultakanni* (9: 8) ‘золотой прибор для питья’ (KS: 148), ‘поэтическое обозначение для медного, позолоченного или латунного кувшина (KST 141); букв. ‘золото + кувшин’ → *зарни тасьти* (9: 8) ‘золотая чаша’
- kultakenkä* (4: 466, 469) ‘обувь с золотыми украшениями’ (KS: 148), ‘великолепная, замечательная обувь’ (KST: 141), букв. ‘золото + обувь’ → *зарни рёма көмкот* (4: 462, 465) ‘обувь золотого цвета’
- kultalehvä* (10: 34, 117) ‘с золотистыми, отливающими золотом ветвями (о ели)’ (KS: 149; KST: 141), букв. ‘золотая ветка’
→ *зарни рёма лыс* (10: 30) ‘хвоя золотого цвета’
→ *зарни рёмён ворсё лыскыс* (10: 110) ‘хвоя играет золотым цветом’
- kultalumme* (9: 412) ‘желтый лист кувшинки’ (KS: 149), букв. ‘золото + кувшинка’ → *зарни рёма кор* (9: 412) ‘лист золотого цвета’
- kultamalja* (7: 288) ‘золотая посуда для питья’ (KS: 149), ‘поэтическое обозначения для медной, позолоченной или латунной чаши’ (KST: 141), букв. ‘золото + чаша’ → *зарни көш* (7: 288) ‘золотой ковш’
- kultapyörä* (44: 187) ‘золотой круг, кольцо’, букв. ‘золото + круг, кольцо’ → *зарни кытши* (44: 186) ‘золотой круг, кольцо обод’
- kultarihma* (41: 115) ‘золотая нить’ (KS: 149; KST: 141) → *зарни сунис* (41: 112) ‘золотая нить’
- kultavaippa* (3: 465) ‘накидка золотого цвета, с золотым блеском’ (KST: 141), букв. ‘золотой + накидка, плащ’ → *зарни кышёд* (3: 459) ‘золотая верхняя одежда’
- kultavyö* (4: 133, 259; 10: 242) ‘пояс, ремень с золотыми украшениями’ (KS: 149), ‘пояс, ремень, украшенный медными, латунными или позолоченными украшениями’ (KST: 141), букв. ‘золото + пояс, ремень’
→ *вёнъ зарниысь* (4: 132) ‘пояс из золота’
→ *зарни вёнъ* (257; 10: 229) ‘золотой пояс’
- kuohuneiti* (40: 25) ‘повелительница порогов, водопадов’ (KS: 152; KST: 143), букв. ‘пена + дева’ → *коськлён, быглён мича нывка* (40: 24) ‘красивая дева порога, пены’

- kuun-ikuinen* (3: 421) ‘древний, старый как месяц’ (KS: 257), букв. ‘месяц + вечный’ → *тӧлысь кодъ жӧ пӧрысь* (3: 415) ‘старый как и месяц’
- kuusiruui* (6: 208) ‘ель’ (KS: 158; KST: 150), букв. ‘ель + дерево’ → *коз пу* (6: 199) ‘ель’
- kuvakuu* (10: 157) ‘ложный месяц, изображение месяца’ (KS:159; KST: 150), букв. ‘изображение + месяц’ → *тӧлысь мыгӧр* (10: 148) ‘очертание (силуэт) месяца’
- kynkkäluu* (7: 92, 108) ‘кость крыла’ (KS: 161; KST: 152) → *борд вечик* (7: 93, 109) ‘основание крыла’ (КПК: 52, 96)
- kähyveri* (6: 58) ‘кровь-яд, ядовитая кровь’ (KS: 164; KST: 155) → *вежӧр бырӧдан съод ва* (6: 55) ‘губящая рассудок черная вода’
- lajivirsi* (1: 6) ‘песнь, рассказывающая о роде или племени’ (KS: 175), ‘песнь, передающаяся по традиции в роду’ (KST: 163), букв. ‘род, племя + песня’ → *пӧчӧ-пӧльӧяслысь висетьяс* (1: абб) ‘рассказы бабушек-дедушек (предков)’
- lampivesi* (3: 222, 242) ‘озёрная вода, вода из озера’ → *тыясысь ва* (3: 220, 238) ‘вода из озёр’
- lauluvaasi* (3: 472) ‘камень, на котором певец сидит во время своего пения’ (KST: 170), букв. ‘песня + камень, плита, скала’ → *джуждыд керӧс* (3: 466) ‘высокий холм’
- laveasuinen* (3: 260) ‘хвостун’ (KS: 183; KST: 171), букв. ‘широкоротый’ → *паськыд вома* (3: 255) ‘болтливый’ (КПК: 112), букв. ‘широкоротый’
- liinajänne* (6: 150) ‘тетива, изготовленная из льна’ (KS: 193; KST: 179), букв. ‘лён + тетива’ → *пышысь гартӧм кӧв* (6: 146) ‘витый из конопля (пеньки) шнур’
- liinapuoranen* (6: 38) ‘витая из льна верёвка’ (KS: 193; KST: 179), букв. ‘лён + верёвка’ → *пыш кӧв* (6: 35) ‘конопля (пенька) + шнур (шнурок)’
- lohiaraja* (1: 272) ‘место ловли (добычи) лосося (сёмги)’ (KS: 197), букв. ‘лосось + тоня (место добычи)’ → *сьӧмга гуран* (1: а260) / *чими гуран* (1: б264) ‘лососевая яма (впадина)’
- länkäräinen* (3: 105) ‘кривой от природы; из изогнутого дерева’ (KS: 209; KST: 196) → *чукля пуысь* (3: 104) ‘из кривого, изогнутого дерева’
- maakivi* (3: 318) ‘частично находящийся под землей большой неподвижный камень’ (KS: 212; KST: 198), букв. ‘земля + камень’ → *ыджыд из* (3: 314) ‘большой камень’
- maholehmä* (7: 314, 346; 10: 264, 274) ‘не отелившаяся, не приносящая молока корова (яловая)’ (KS: 213; KST: 199; ФПС: 358), букв. ‘яловый (бесплодный) + корова’ → *тыртӧм мӧс* (7: 314, 345; 10: 249, 259) ‘яловая (букв. пустая) корова’
- maitoparta* (1: 43) ‘маленький ребенок, младенец’ (KS: 215; KST: 200), букв. ‘молоко + борода’ → *ичӧт лов* (1: б43) ‘маленькая душа, существо’
- meltoraus* (9: 62) ‘мягкое железо дляковки’ (KS: 220; KST: 206), букв. ‘мягкий, ковкий + железо’ → *небыд кӧрт* (9: 62) ‘мягкое железо’

- mielivaimo* (40: 71) ‘доброжелательная, благосклонная, ласковая жена, женщина’ (KS: 226; KST: 210), букв. ‘душа, настроение, чувство, ум + женщина, жена’ → *мывкыд ань* (40: 69) ‘благоразумная женщина’
- miniävalta* (8: 74) ‘положение невестки’ (KS: 228; KST: 211), букв. ‘невестка + сила, власть’ → *монь олём* (8: 74) ‘жизнь невестки’
- neitipäivät* (10: 456) ‘брачный возраст’ (KS: 239), ‘девичье время, время когда повзрослевшая девушка находится в доме родителей’ (KST: 219), букв. ‘девушка + дни’ → *ныв кадысь том олём* (10: 429) ‘молодая жизнь девичьего времени’
- noitivirta* (40: 74) ‘опасный, заколдованный поток, река’ (KS: 243; KST: 221), букв. ‘колдун(ья) + поток, река’ → *ёрём визув* (40: 72) ‘проклятое течение’
- rajupehko* (3: 303) ‘куст ивы’ (KS: 268) → *бадь ну* (3: 299) ‘ива’, букв. ‘ивовое дерево’
- paltsasilmä* (4: 416) ‘пучеглазый, с глазами на выкат (о зайце)’ (KS: 271; KST: 241), букв. ‘стенная полка (KST: 241) + глаз’ → *гöгрöс синма* (4: 414) ‘с круглыми глазами’
- petäjärvi* (6: 209) ‘сосна’ (KS: 280; KS: 248), букв. ‘сосна + дерево’ → *пожём ну* (6: 200) ‘сосна’
- piimäsuu* (1: 44) ‘маленький ребёнок’ (KS: 284; KST: 250), букв. ‘молоко (простокваша) + рот’ → *мамöй вердис-удис йёлөн* (1: аб44) ‘моя мать кормила-поила молоком’
- pitkäkorva* (4: 406) *периф.* ‘заяц’ (KS: 289; KST: 255), букв. ‘длинный + ухо’ → *кузь пеля* (4: 404) ‘с длинными ушами’
- rohjaistuuli* (2: 283) ‘северный ветер’ (KS: 292) → *вой төв* (2: 282) ‘северный ветер’
- ripalangat* (4: 104, 266) ‘украшение на голову, сделанное из красных ниток’ (KS: 300), ‘красный налобный ободок’ (KST: 265), букв. ‘красный + нити’
→ *шöвкысь юрсикутöд лента* (4: 103) ‘удерживающая волосы лента из шёлка’
→ *гöрд лента* (4: 264) ‘красная лента’
- ripapauha* (4: 74) ‘красная лента-украшение’ (KS: 300), ‘красный налобный ободок’ (KST: 265), букв. ‘красный + лента’ → *гöрд шöвк лента* (4: 73) ‘красная шёлковая лента’
- ripapuola* (10: 450) ‘брусника’ (SK: 300; SKT: 265), букв. ‘красная + брусника’ → *яг выв пув* (10: 422) ‘боровая брусника’
- ripapurssi* (10: 344), ‘красная лодка’ (KS: 300), ‘покрашенное в красный цвет или имеющее красные паруса судно’ (KST: 265), букв. ‘красный + челнок’ → *гöрдов парус* (10: 322) ‘красноватый парус’
- päivän-polvinen* (3: 422) ‘очень старый, древний как солнце’ (KS: 309), букв. ‘солнце + долговечный’ → *шоникöд тиöтти чужис* (3: 416) ‘с солнцем вместе родился’

- pääripa* (5: 68) ‘женское украшение на голову’ (KS: 312; KST: 271), букв. ‘голова + венок, венец’ → *юрас көртөд* (5: 64) ‘на голове завязка, повязка’
- pääsoma* (10: 240) ‘украшение на голове’ (KS: 313; KST: 271), букв. ‘голова + красивый (KS: 368; KST: 310)’ → *ыргөн конгырьяс* (10: 228) ‘медные крючки’
- rautaruoste* (9: 103) ‘железная руда, проявляющаяся на болоте’ (KS: 322), букв. ‘железо + ржавчина’ → *көрт сiм* (9: 103) ‘железная ржавчина’
- rantaruokonen* (3: 308) ‘растущий на берегу тростник’ (KS: 319), букв. ‘берег + тростник’ → *вадор омра гум* (3: 304) ‘прибрежный дягиль’
- rinnanristi* (4: 18, 23, 98, 109) ‘нагрудное украшение в виде креста’ (KS: 327), ‘носимый на груди крест, украшение’ (KST: 281), букв. ‘грудь + крест’ → *перна морөс вылын* (4: 17, 22, 97, 108) ‘крест на груди’
- ristisuu* (4: 408) ‘рот разбит поперёк (о зайце)’ (KS: 329), ‘метафорическое обозначение зайца’ (KST: 282), букв. ‘крест + рот’ → *пöла вома* (4: 406) ‘с кривым ртом’
- ruohoparta* (41: 134) ‘с бородой из травы (о хозяине вод Ахто)’ (KS: 332; KST: 286), букв. ‘трава + борода’ → *эжөр тошка* (41: 130) ‘с осоковой бородой, с бородой из осоки’
- ruokoranta* (4: 296) ‘тростником заросший берег’ (KS: 332; KST 286), букв. ‘тростник + берег’ → *көни джуджыд эжөр быдмө* (4: 294) ‘где высокая осока растет’
- ruostemulta* (9: 294) ‘болотная или озёрная железная руда’ (KS: 333), ‘ржавая земля’ (KST: 287), букв. ‘ржавчина + земля’ → *сiм сора кизьөр няйт* (9: 294) ‘жидкая грязь, смешанная с ржавчиной’
- rutimoraita* (2: 185) ‘иронично о большом дубе, дереве-великане: букв. ракита, которая при падении трещит’ (KS: 333) → *омоль пу* (2: 184) ‘плохое дерево’
- salakari* (1: 278) ‘подводный камень, подводный риф’ (ФРС: 545; KS: 341), букв. ‘тайный + подводный камень, подводная скала, мель’ → *йырын гуся нырд* (1: a2666268) ‘тайный бугор, холм в омуте’
- satalatva* (2: 100, 186) ‘с густой, пышной верхушкой’ (KS: 347; KST: 297), букв. ‘сто + верхушка’ → *сё ув-вож* (2: 99, 185) ‘сто сучьев-веток’
- satalauta* (8: 142) ‘сто дощатая, очень большая лодка’ (KS: 347; KST: 298), букв. ‘сто + доска’ → *сё пөв өтилаө йитө* (8: 141) ‘сто досок вместе соединяет’
- seitsentähtinen* (10: 92) *периф.* ‘Большая Медведица’ (KS: 351; KST: 300), букв. ‘семь + звездный’ → *Сизим кодзув* (10: 85) ‘Большая Медведица’, букв. ‘семь звезд’
- sepinkalut* (10: 284) ‘кузнечные принадлежности, инструменты кузнеца’ (KS: 354), букв. ‘кузнец + вещь, предмет, орудие, инструмент’ → *дорччан көлуй* (10: 269) ‘кузнечные вещи, принадлежности, инструменты, орудия’

- sianliha* (4: 123; 7: 274) ‘свинина, упоминается в рунах в качестве хорошей, красиво приготовленной пищи’ (KST: 302), букв. ‘свинья + мясо’ → *порсь яй* (4: 122; 7: 274) ‘свиное мясо, свинина’
- silkkinauha* (4: 178) ‘шёлковая украшающая голову лента (KS: 359), букв. ‘шёлк + лента’ → *шөвкысь лента* (4: 176) ‘лента из шёлка’
- silkkiyöhyt* (4: 174) ‘шёлковый пояс’ (KS: 359) → *шөвкысь кыём вöнь* (4: 172) ‘пояс, связанный из шёлка’
- sinihame* (4: 260) ‘синяя юбка’ (KS: 362; KST: 306) → *юбка бур лöz нойысь* (4: 258) ‘юбка из хорошего синего сукна’
- sinihamoinen* (4: 134) *уменьш.* ‘синяя юбочка’ (KS: 362; KST: 306) → *шабди дöра платтьö* (4: 133) ‘платье из льняной ткани, холста’
- sinilangat* (4: 103) ‘украшение на голову, сделанное из синих ниток’ (KS: 362), синяя лента на голову (KST: 306), букв. ‘синий + нити’ → *кымöс выльсь лözов вöнь* (4: 102) ‘синеватый поясок, шнурок со лба’
- sinisilkki* (4: 73, 265) ‘синяя налобная ленточка из шёлковой материи’ (KS: 362; KST: 306), букв. ‘синий + шёлк’
→ *лöz вöнь кымöс вылын* (4: 72) ‘синий поясок, шнурок на лбу’
→ *лöz шөвк вöнь* (4: 263) ‘синий шёлковый ремешок, шнурок’
- sinisiipi* (9: 220) ‘с синими крыльями (о пчеле)’ (KS: 362; KST: 306), букв. ‘синий + крыло’ → *лöz бордьяс* (9: 220) ‘синие крылья’
- sinisukka* (34: 2; 41: 65) ‘синий чулок (эпитет Куллерво и хозяйки леса)’ (KS: 362; KST: 306)
→ *лöz чөрöса* (34: 2) ‘с синими чулками’
→ *сера чулки* (41: 63) ‘пёстрые, узорчатые, с орнаментом чулки’
- siniviitta* (34: 108) ‘синяя накидка, плащ (эпитет хозяйки леса)’ (KS: 363; KST: 306) → *лözов шушиниоя* (34: 106) ‘в синеватом сарафанишке’
- sontatunkio* (3: 281) ‘навозная куча’ (KS: 369; KST: 311) → *куйöд чукöр* (3: 276) ‘тж.’
- sopenkulu* (3: 524) ‘находящийся в углу; старик’ (KST: 311), букв. ‘угол (между печью и задней стеной дома) + бедняга’ → *пöрысь пöль* (3: 518) ‘старый дед’
- sukkajalka* (3: 399) *периф.* ‘лошадь, у которой ноги у пут белые’ (KS: 377; KST: 314), букв. ‘чулок + нога’ → *тиая кока* (3: 395) ‘с белой полоской на нижней части ноги’ (КПК: 667)
- sukukunta* (4: 183) ‘род, родня, племя’ (KS: 377; KST: 315; ФРС: 590), букв. ‘род + община’ → *рöдвуж котыр* (4: 181) ‘род, родня’, букв. ‘родственная группа, семейство, коллектив’
- sukuvirsi* (1: 5) ‘песнь, рассказывающая о роде или племени’ (KS: 378), ‘песнь, передающаяся в качестве родовой традиции’ (KST: 315), букв. ‘род+песня’
→ *рöдвужьяслысь сыланкывьяс* (1: а5) ‘песни родственников’
→ *аслам рöдлысь сыланкывьяс* (1: б5) ‘песни своего рода’
- sulkaturkki* (41: 243) ‘шуба из перьев’, букв. ‘перо + шуба’ → *лэбач гöнысь пась* ‘шуба из птичьих перьев’ (41: 228)

- sulkkunuotta* (5: 147) ‘невод, изготовленный из шёлковых нитей’ (KS: 379; KST: 315) → *шөвк сунисысь тыв* (5: 141) ‘сеть, невод из шёлковых нитей’
- suonikoski* (9: 396) ‘кровь, водопадом льющаяся из кровеносных сосудов’ (KST: 317), ‘сильное кровотечение’ (KS: 382), букв. ‘(кровеносный) сосуд, жила + водопад’ → *орөм вир сөнъяс* (9: 396) ‘оборванные кровеносные сосуды’
- syänvesi* (3: 241) ‘глубокие открытые воды’ (KS: 389; KST: 321), букв. ‘сердце, внутренность + вода’ → *йир да вабергач* (3: 237) ‘пучина’, букв. ‘омут и водоворот’
- syntymäsija* (7: 131; 10: 496) ‘место рождения, родной край’ (KS: 390; KST: 320), букв. ‘рождение + место’ → *чужан му* (7: 131; 10: 467) ‘родная земля’
- sysimäki* (9: 109) ‘холм, на котором растёт лес пригодный для приготовления угля, и на котором этот уголь изготавливают’ (KS: 391; KST: 320), букв. ‘древесный уголь + холм’ → *шом керөс* (9: 109) ‘угольный холм’
- takehinta-tanner* (9: 316) ‘место, где куют; место, на котором стоит кузнец во время работы’ (KS: 401; KST: 326), букв. ‘кованные вещи (KS: 401; KST: 324) + земля, поле’ → *көни сьлөн уджыс мунё* (9: 316) ‘где его работа идёт’
- takrarauta* (5: 56) ‘удочка’ (KS: 401; KST: 327), букв. ‘наживка + железо’ (KST: 327) → *көрт вугыр* (5: 53) ‘железный крючок’
- tasaterä* (2: 176; 8: 170) *периф.* ‘топор’, букв. ‘ровное лезвие, остриё’ (KS: 408, KST: 331)
→ *лэчыд дор* (2: 175) ‘острое лезвие, остриё’
→ *лэчыд дорыша* (8: 169) ‘с острым лезвием’
- tenhon-päivällinen* (9: 273) ‘заколдованный, причиняющий несчастья’ (KS: 412); находящийся под чарами’ (KST: 334) → *сьөлөм вөрзьөдана* (9: 273) ‘трогающий сердце’
- tervarinta* (40: 68) *периф.* ‘лодка с просмоленными бортами, носом’ (KS: 412; KST: 335), букв. ‘смола + грудь’ → *сирён мавтөм мыш* (40: 66) ‘смолой намазанная спина, поверхность’
- teräkalu* (9: 198) ‘режущий инструмент, инструмент для резания, резак’ (ФРС: 640), ‘орудие труда или оружие, имеющие металлическое остриё’ (KS: 413; KST: 335), букв. ‘лезвие, остриё + орудие, инструмент’ → *ёсь да лэчыд көлуй* (9: 198) ‘заострённые и острые предметы’
- teräksenteko-muji* (9: 211) ‘раствор, в котором закаляют изделие из железа’ (KS: 413), букв. ‘делающий сталь яд’ → *ендон калитны ва* (9: 211) ‘вода для закалки стали’
- teräskaranko* (9: 104) ‘стальной прут, лом’ (KS: 414; KST: 336), букв. ‘сталь + прут, лом’ → *ендон бедь* (9: 104) ‘стальная палка’
- tinarinna* (2: 372; 4: 428) ‘о девушке или кукушке, на груди которых есть оловянные украшения’ (KS: 417; KST: 338), букв. ‘олово + грудь’

- *озысь морӧс* (2: 367) ‘оловянная грудь’
 → *шырысь кизя* (4: 226) ‘со свинцовыми пуговицами’
- valetähdyt* (10: 158) ‘искусственные, с помощью заклинаний сделанные звёзды’ (KS: 461; KST: 369), букв. ‘ложь, неправда + звёзды’ → *vövtöm кодзувъяс* (10: 149) ‘небывалые, не настоящие звёзды’
- valkeanverinen* (7: 134) ‘светлокожий’ (KS: 462), букв. ‘белокровный’ → *еджыд юрсиа* (7: 134) ‘с белыми волосами, беловолосый’ (КПК: 208)
- vasken-kirjavainen* (10: 328) ‘светло-красный, красноватый, медного цвета’ (KS: 471), букв. ‘медь + узорчатый, украшенный, красочный, яркий’ → *югыд ыргӧн* (10: 308) ‘светлая медь, светло-медный’
- vaskikinnas* (2: 119) ‘медная рукавица’ (KS: 471) → *ыргӧн кепысь* (2: 118) ‘медная рукавица’
- vaskikirja* (2: 120) ‘медное украшение’ (KS: 471), букв. ‘медный узор’ → *ыргӧн сьӧм* (2: 119) ‘медные деньги (чешуя)’
- vaskikirves* (2: 122) ‘топор из меди или бронзы’ (KS: 471), букв. ‘медь + топор’ → *ыргӧн чер* (2: 121) ‘медный топор’
- vaskisaapas* (2: 118) ‘медная или бронзовая защита ног’ (KS: 472), букв. ‘медь + сапоги’ → *ыргӧн кӧти* (2: 217) ‘медные коты (кожаная обувь)’
- vaskivyöhyt* (2: 121) ‘пояс, ремень с медным украшением’ (KS: 472), ‘ремень с медной бляхой’ (KST: 375), букв. ‘медь + пояс, ремень’ → *ыргӧн вӧнь* (2: 120) ‘медный пояс’
- venelotti* (9: 374) ‘плохая, протекающая лодка’ (KS 477), ‘затонувшая лодка, обломки затонувшей лодки’ (KST 379) → *розя пыж* (9: 374) ‘дырявая лодка’
- verisynty* (8: 255) ‘заклинание о рождении крови’ (KS: 479; KST: 380), букв. ‘кровь + рождение’ → *вирлысь артмӧм* (8: 254) ‘возникновение крови’
- vesapuinen* (3: 106) ‘изготовленный из молодого лиственного дерева’ (KS: 480; KST: 381), букв. ‘побег + деревянный’ → *льӧм пуысь* (3: 105) ‘из черемухи’
- vesikivi* (4: 301) ‘камень, выступающий над поверхностью воды’ (KS: 481), ‘поднимающийся среди воды камень’ (KST: 382), букв. ‘вода + камень’ → *ваӧ сунӧм из* (4: 299) ‘камень, окунувшийся в воду’
- villahäntä* (10: 198) *периф.* ‘собака: густой, пушистый хвост’ (KS: 493; KST: 388), букв. ‘шерсть + хвост’ → *пашкыр бӧж* (4: 188) ‘пушистый, лохматый хвост’
- virran-vierellinen* (40: 62) ‘живущий рядом с потоком, рекой’ (KS: 495), букв. ‘поток, река + находящийся рядом’ → *визув ваын вылысь* (40: 60) ‘живущий в бурной воде’
- virsilipas* (1: 88) ‘собрание песен, хранящееся в памяти’ (KS: 495), букв. ‘песня + ларец’ → *сылан доз* (1: 87) ‘песенный сосуд (ящик, короб)’
- vähämieli* (5: 130, 169) ‘слабоумный, глупый’ (KS: 501; KST: 394), букв. ‘в небольшом количестве, скудный + ум, разум’

→ *ичõt вержõр* (5: 124) ‘маленький ум, разум’
 → *дзик вержõртõм да сямтõм* (5: 163) ‘совершенно бестолковый и непутёвый’
vääräsääri (4: 407) *периф.* ‘заяц: кривоногий’ (KS: 506; KST: 400), букв. ‘кривой + нога’ → *табъя кока* (4: 405) ‘с иксообразными ногами, косолапый’
ylijumala (1: 169; 2: 317, 331) ‘верховный бог’ → *ыджыд ен* (1: a165б166; 2: 315, 328) ‘великий бог’

2) Развёртывание производного слова ИЯ

В переводе встречаются случаи развёртывания некоторых производных слов содержащих словообразовательные суффиксы *-kko/-kkö*, *-la/-lä*, *-iso/-isö*, *-nen*, *-inen*, *-to(i)n*.

Суффиксы *-kko/-kkö* и *-iso/-isö* образуют собирательные существительные (*tuomi* ‘черёмуха’ – *tuomikko* ‘черёмушник’); *-la/-lä* – суффикс места (*taatto* ‘отец’ – *taattola* ‘отчий дом’, букв. ‘место, где находится (живёт) отец’); *-kko/-kkö* и *-nen* – уменьшительный суффикс (*neito* ‘девушка, девица’ – *neitonen* ‘девчушка, молодая девушка’); *-(i)nen* и *-to(i)n* – суффиксы прилагательного (*puu* ‘дерево’ – *puinen* ‘деревянный’; *armo* ‘опора, защита’ (KS: 22) – *armotoin* ‘беззащитный’) (Karlsson 1982: 221–223; ISK: 204, 208, 221–222, 265).

armotoin (34: 44) ‘беззащитный, сирота’ (KS: 23; KST: 25) → *коньõр морт* (34: 42) ‘бедный человек, бедняга’
honkainen (44: 316) ‘сосновый’ (ФРС: 121) → *пожõм керйысь вõчõм* (44: 314) ‘сделанный из соснового бревна’
immikkö (44: 207) *уменьш.* ‘девчушка’ (KST: 68) → *том нывка* (44: 206) ‘молодая девочка’
kivinen (44: 321) ‘каменный, (сделанный) из камня’ → *изйысь вартõм* (44: 319) ‘из камня сделанный’
lepikkö (4: 10) ‘ольшаник, ольховник’ (ФРС: 321) → *ловпу вõр* (4: 10) ‘ольховый лес’
miehelä (8: 68, 77) ‘дом супруга (мужа)’ (KS: 224)
 → *энька ордын* (8: 68) ‘у свекрови’
 → *энька-айка ордын* (8: 77) ‘у свекрови-свёкра’
männikkö (2: 21) ‘сосновый бор, сосняк’ (KS: 236; ФРС: 392) → *пожõм вõр* (2: 21) ‘сосновый бор, сосняк’
neitonen (5: 10) ‘молодая девушка’ (ФРС: 397; KS: 240) → *том нывка* (5: 9) ‘молодая девочка’
nuoriso (41: 219, 227) ‘молодежь’ (ФРС: 406; KS: 247) → *том йõз* (41: 205, 213) ‘молодые люди’ (КРК: 644)
olkinen (ori) (6: 5, 13, 93, 179) ‘соломенного цвета, белый’, ‘легкий, как солома’ (жеребец) (KS: 253), букв. ‘соломенный’
 → *идзас рõма* (6: 5, 11, 174) ‘соломенного цвета, цвета соломы’

→ *шобди идзас рёма* (6: 90) ‘цвета пшеничной соломы’
paasikko (2: 20) ‘каменистое, скалистое место, почва; куча, груды камней; камни’ (KS: 263; KST: 237) → *изйён тырём саридз дорьяс* (2: 20) ‘полные камней берега моря’
petäjikkö (44: 324) ‘сосняк, сосновый лес’ (ФРС: 458) → *пожём яг* (44: 322) ‘сосновый бор’
ruinen (40: 102) ‘сделанный из дерева’ (KS: 299) → *пожём пуысь вёчём* (40: 100) ‘сосновый’, букв. ‘сделанный из сосны’
rautainen (44: 36) ‘железный’ → *кёртысь вёчём* (44: 36) ‘сделанный из железа’
taattola (8: 67) ‘отчий дом’ (KS: 396; KST: 324) → *бать-мам горт* (8: 67) ‘дом родителей’
teräksinen (44: 43) ‘стальной’ → *ендон пода* (44: 43) ‘со стальным основанием’
tuomikko (7: 188) ‘черёмушник’ (KS: 432; KST: 346) → *льём ну рас* (7: 188) ‘черёмуховые заросли, роща’
terheninen (2: 224; 5: 26) ‘мглистый, туманный, покрытый дымкой’ (KS: 412; KST: 334; ФРС: 638)
→ *руён вевтьём* (2: 223) ‘покрытый мглой, туманом’
→ *өдва тёдчан* (5: 25) ‘едва заметный’
utuinen I (1: 294; 2: 223; 5: 25; 44: 171) ‘туманный, мглистый, затянутый дымкой’ (KS: 451; KST: 360; ФРС: 682)
→ *руён шебралём* (1: a2826284) ‘укрытый туманом’
→ *оньён тырём* (2: 222) ‘наполненный туманом’
→ *руё вёйлё* (5: 24) ‘в тумане утопает’
→ *руён тырём* (44: 170) ‘наполненный туманом’
utuinen II (40: 63, 64) ‘невидимый’ (KS: 451)
→ *сынёд кодь сөдз* (40: 61) ‘как воздух прозрачный’
→ *сынёд рёма* (40: 62) ‘воздушного цвета (цвета воздуха)’
vaskinen (44: 44) ‘медный’ → *ыргён бока* (44: 44) ‘с медным боком, стороной’

3) Развёртывание в случае описательного перевода

В данном случае из-за отсутствия в ПЯ точного соответствия при переводе происходит разложение существительного ИЯ на существительное с более широким значением и конкретизирующее его определительное слово.

– Части тела

koura (8: 130) ‘рука, горсть, лапа’ (ФРС: 267), ‘так согнутая кисть, что ей можно держать или в ней можно держать что-либо, (большая) рука, ладонь’ (SKPS I: 551), ‘пальцы и ладонь’ (KS 140), ‘рука, ладонь’ (KST: 135) → *ки пыдөс* (8:129) ‘ладонь’ (КАС: 52; КПК: 270 546), букв. ‘дно руки’

- kämmen* (6: 224; 9: 40) ‘ладонь’ (ФРС: 292) → *ки пыдӧс* (6: 215; 9: 40) ‘ладонь’ (КАС: 52; КРК: 270 546), букв. ‘дно руки’
- varvas* (1: 322; 7: 15; 8: 160, 196; 9: 536, 542) ‘палец ноги’ (ФРС: 714) → *кок чунь* (1: a3096311; 7: 15; 8: 159, 195; 9: 535, 541) ‘палец стопы, пальцы ног’ (КАС: 61; КРК: 282)
- Одежда, предметы быта, постройки
- alasin* (9: 179) ‘наковальня’ (ФРС: 28) → *дорччан джек* (9: 179) ‘наковальня’, букв. ‘кузнечный чурбан (обрубок дерева)’
- helmet* (4: 33) ‘жемчуг, бусы’ (ФРС: 105) → *вӧсьӧ сикӧтти* (4: 32) ‘жемчужное ожерелье’ (КРК: 123)
- kartano* (4: 194; 34: 29) ‘усадыба, двор’ (ФРС: 201), ‘жилой дом, дом с другими постройками, двор’ (KS: 104; KST: 104) → *керка дор* (4: 192; 34: 28) ‘место возле дома’ (КРК: 194)
- kovasin* (2: 163) ‘шлифовальный, точильный камень, брусок, оселок’ (KS: 140; KST: 135; ФРС: 268) → *тӧчила из* (2: 162) ‘точильный камень’ (КРК: 655)
- lahje* (2: 158) ‘штанина’ (KS: 173; ФРС: 305) → *гач кок* (2: 157) ‘штанина’ (КРК: 139), букв. ‘нога штанов’
- onki* (5: 38, 45) ‘удочка’ (ФРС: 422) → *вугыр шатин* (5: 37, 42) ‘удилище, удочка’ (КРК: 125), букв. ‘шест (тонкая жердь, удилище) с крючком’
- patsas* (44: 322) ‘столб в углу печи’ (KST: 243) → *пач подув* (44: 320) ‘основание печи’
- perä* (44: 56) ‘корма’ (ФРС: 455) → *пыж бӧж* (44: 56) ‘корма’ (КРК: 547), букв. ‘хвост лодки’
- paja* (9: 222; 10: 285) ‘мастерская, кузница’ (KS: 268; KST: 239; ФРС: 435) → *керка-кола* (9: 222) / *кола керка* (10: 270) ‘кузница’, букв. ‘изба-кузница, кузнечная изба’
- pursi* I (5: 87; 10: 165) ‘чёлн’ (ФРС: 429) → *ветки пыж* (5: 82; 10: 156) ‘маленькая долбленная лодка, рыбацкий челнок’ (КРК: 96)
- pursi* II (10: 485) ‘парусная шлюпка’ (ФРС: 429), ‘корабль, судно с парусами’ (SK: 303) → *паруса пыж* (10: 457) ‘лодка с парусом’
- siera* (2: 164) ‘шлифовальный, точильный камень, брусок, оселок’ (KS: 355; KST: 303; ФРС: 562) → *лэчтан зуд* (2: 163) ‘точильный брусок, оселок’ (КРК: 232, 375)
- ussakka* (3: 325) ‘длинный и широкий пояс’ (KS: 451), ‘длинный, плетенный пояс’ (KST: 360) → *табья вӧнь* (3: 321) ‘плетённый, вязанный пояс’ (КРК: 634)
- tupa* (34: 157, 177) ‘жилая постройка, дом, избушка из одной комнаты’ (KS: 434), ‘изба, избушка’ (ФРС: 662) → *ичӧт керка* (34: 154, 174) ‘маленький дом, изба, избушка’
- vaarnanen* (3: 370) ‘деревянный гвоздь, забитый в стену для подвешивания чего-либо’ (KS: 454; KST: 363; ФРС: 686) → *пу тув* (3: 366) ‘деревянный гвоздь’ (КРК: 658)

- vasama* (6: 59, 145) ‘стрела с тупым концом’ (ФРС: 714) → *тиётшиыд йыла ньөв* (6: 56, 141) ‘стрела с тупым кончиком, остриём’
- väännin* (44: 182, 196, 200) ‘колок (для струны)’ (ФРС: 768)
→ *көрт тув* (44: 181) ‘гвоздь’, букв. ‘железный гвоздь’
→ *зэвтан пом* (44: 195, 199) ‘предмет, вещь для натягивания’
- Животный, растительный мир, неживая природа, элементы ландшафта
- ahava* (7: 112) ‘весенний холодный ветер’ (ФРС: 21) → *көдзыд, тувсөв төв* (7: 113) ‘холодный весенний ветер’
- hako* (40: 111, 118, 124) ‘находящийся в воде (или на земле) ствол дерева, коряга’ (KS: 38; KST: 34)
→ *кер пом* (40: 109) ‘конец бревна, обрубок бревна’
→ *вөйөм кер пом* (40: 116) ‘утонувший конец бревна, обрубок’
→ *вөйөм кер* (40: 122) ‘утонувшее бревно, топляк’
- hieho* (10: 361) ‘тёлка, подтёлок, нетель’ (ФРС: 112) → *том мөс* (10: 337) ‘молодая корова’ (ПНК: 173)
- honka* (3: 174) ‘крупная сосна’ (KS: 54), ‘старая сосна’ (KST: 52), ‘кондовая сосна’ (ФРС: 121) → *ыджыд пожөм* (3: 171) ‘большая сосна’
- jouhi* (8: 95, 100; 40: 308; 41: 29) ‘конский волос’ (ФРС: 167)
→ *вөв бөж си* (8: 95; 40: 306; 41: 28) ‘конский волос’ (КРК: 118), букв. ‘волос лошадиного хвоста’
→ *вөв(лысь) си* (8: 100) ‘конский волос’
- korpi* (34: 51, 143, 225) ‘глушь, большой и глухой лес, тёмный лес’ (KS: 136; KST: 132; ФРС: 260)
→ *немьд рас* (34: 141) ‘тёмная роща, заросли’
→ *помтөм парма* (3: 51) ‘бескрайняя тайга’
→ *немьд вөр* (34: 222) ‘тёмный лес’
- lahelma* (1: 274) ‘небольшая бухта, маленький залив’ (KS: 173) → *ичөт курья* (1: a2626266) ‘маленькая заводь, маленький залив’
- lahti* (4: 302) ‘вклинивающийся в сушу водный бассейн’ (KS: 173), ‘залив, бухта’ (ФРС: 306) → *саридз курья* (4: 300) ‘морской залив, бухта’ (КРК: 319)
- omena* (44: 186) ‘дубовый жёлудь’ (KS: 255; KST: 231) → *тупу коль* (44: 185) ‘жёлудь’, букв. ‘дубовая шишка’
- raasi* (9: 351), *raatonen* (3: 210) ‘плоский камень, каменная плита’ (KS: 263; KST: 237)
→ *плавкөс из* (3: 207) ‘плоский камень’ (КРК: 505)
→ *пласта из* (9: 351) ‘плоский камень’
- ruoikko* (44: 23) ‘тростник, тростники, тростниковая поросль’ (ФРС: 532)
→ *вадор турун* (44: 23) ‘прибрежная трава’
- ruoto* (40: 257) ‘кость рыбы’ (ФРС: 536) → *чери лы* (40: 255) ‘рыбья кость’ (КРК: 366)
- salu* (2: 225) ‘большой, гухой, необитаемый лес, лесная территория’ (KS: 342; KST: 293; ФРС: 546) → *тиёкыд рас* (2: 224) ‘густая роща, заросли’

sekehet (2: 322, 334) ‘чистые, ясные верхние слои воздуха’ (KST: 301), ‘ясное, безоблачное небо’ (KS: 350) → *енэж вевт* (2: 320, 331) ‘небосвод’, букв. ‘крыша неба’
selkä (1: 276) ‘плёс, водное пространство’ (ФРС: 556), ‘открытое море или болото’ (KS: 352) → *саридз мышку* (1: а264) ‘поверхность моря’ (КРК: 418), букв. ‘спина моря’

– Обозначения человека

raimen (44: 119) ‘пастух’ → *скот видзысь* (44: 118) ‘пастух, скотовод’, букв. ‘сторож, охранник скотины’
uros (1: 328; 2: 68, 97, 112; 7: 56, 60) ‘мужчина’ (KS: 450), ‘мужчина, настоящий мужчина’ (KST: 359), ‘богатырь, герой’ (ФРС: 681)
→ *збой зон* (1: а316) ‘бойкий, боевой парень’
→ *ён морт* (2: 68) ‘сильный человек’
→ *вына морт* (2: 96) ‘крепкий человек’
→ *удал зон* (2: 111) ‘удалой парень’
→ *удал морт* (7: 57, 61) ‘удалой человек’
veistäjä (8: 138) ‘мастер’ (KS: 475) → *киподтуя кужысь морт* (8: 137) ‘искусный умелец (мастер)’, букв. ‘искусный умелый человек’
vieras (34: 181) ‘незнакомец, чужак; гость (незванный), незнакомый посетитель’ (KS: 487; ФРС: 734) → *төдтөм морт* (34: 178) ‘незнакомый человек’

– Обозначения свойств, признаков, качественная характеристика

kurjainen (34: 62) ‘бедный, бедняга’ (KS: 154) → *шудтөм морт* (34: 60) ‘несчастный человек’
laiha (3: 22; 6: 24, 96) ‘тощий, худой’ (KS: 173; KST: 162; ФРС: 306)
→ *омоль статя* (3: 22) ‘с плохой фигурой’
→ *этисө төдтөм* (6: 21, 93) ‘не знающий силы, мочи; высокомерный, тщеславный; неумелый, неспособный’
sula (7: 281) ‘ласковый, нежный; милостивый; милосердный, сострадательный’ (SK: 378; KST: 315) → *бур сьөлөма* (7: 281) ‘с добрым сердцем, добросердечный, отзывчивый, проявляющий ко всем жалость’ (КРК: 626)
raatinen (44: 234) ‘из плоского камня’ (KS: 263) → *чөлөс из тор* (44: 231) ‘обломок плоского камня’

4) Развёртывание глагола ИЯ на существительное + глагол ПЯ

В данном случае происходит разложение глагола на существительное с конкретным значением и глагол с широким значением:

ajatella (6: 130) ‘(по)думать, обдумать, размышлять, задумываться’ (ФРС: 25; KS: 15) → *думө усьны* (6: 127) ‘задуматься’, букв. ‘упасть (впасть) в думу’

- arvella* (44: 148) ‘думать, размышлять’ (KST: 25) → *юрö воны* (44: 147) букв. ‘прийти в голову’
- itkeä* (44: 165) ‘плакать’ → *петö синва* (44: 164) ‘плакать’, букв. ‘слёзы льются’
- katsahtaa* (2: 150; 8: 26; 9: 563) ‘взглянуть, посмотреть’ (ФРС: 206; KS: 108) → *син чöвтны* (2: 149; 8: 26) ‘бросить взгляд’ (КРК: 591), букв. ‘глаз бросить (кинуть)’
→ *син читкыртны-чöвтны* (9: 562) ‘бросить взгляд-прищуриться’ (КРК: 591, 708), букв. ‘глаз прищурить-бросить’
- kostaa* (34: 98, 119) ‘мстить’ (ФРС: 263), ‘сделать плохое в ответ на плохое’ (KS: 138) → *косöдны водзöс* (34: 96, 117) ‘отомстить, расквитаться, свести счёты’ (КРК: 294), букв. ‘вернуть, возратить, возместить долг (взятое или данное взаймы)’
- kutea* (3: 159) ‘метать икру’ (ФРС: 281) → *пуктыны пöксö* (3: 158) ‘ложить икру’
- mieltiä* (3: 98) ‘думать, размышлять, раздумывать’ (ФРС: 377) → *юр жулгыны* (3: 97) ‘ломать голову’ (КРК: 218)
- muistaa* (3: 213, 216, 217) ‘помнить’ (ФРС: 383)
→ *юрын кольны* (3: 210) ‘оставаться в голове’
→ *юрын эм* (3: 214) ‘есть в голове’
→ *тöд вылын кутны* (3: 213) ‘помнить’, букв. ‘держат в памяти’ (КРК: 651)
- mylleröittää* (3: 223, 243) ‘рыть, выкапывать, перевёртывать’ (KS: 235; KST: 215) → *муöн тыртны* (3: 221), *муöн тырны* (3: 239) ‘землей заполнять / наполняться’
- nimitellä* (3: 116) ‘назваться, представиться, назвать своё имя’ (KS: 242; KST: 220) → *ассыс нимсö шуны* (3: 115) ‘сказать своё имя’
- sanella* I (4: 437) ‘сказать, рассказать, объяснить’ (KS: 344) → *лыддьöдлёмön лöвтны* (4: 434) ‘причитая повторять, твердить’
- sanella* II (3: 132) ‘петь, напевать’ (KS: 344; KST: 295) → *мыла сьыланкывъяс корсьны* (3: 131) ‘напевные песни искать’
- sanella* III (3: 58, 286; 8: 178) ‘ворожить, заклинать’ (KS: 344; KST: 295)
→ *нимкыв лыддьöдлёмön пöртны* (3: 58) ‘перечислением, произношением заговоров, заклинаний превратить (во что-нибудь)’
→ *важся нимкыв кылö* (3: 281) ‘старинный заговор, заклинание слышны’
→ *нимкывъяс лыддьыны* (8: 177) ‘заклинания прочесть, произнести’
- sulittella* (6: 52) ‘оперять’ (ФРС: 591; KS: 379; KST: 315) → *тылборд йитны* (6: 49) ‘присоединить перо’
- tihittää* (2: 12, 16) ‘густо сеять’ (KS: 416) → *кöйдыс пуктыны* (2: 12, 16) ‘сеять’, букв. ‘сажать семена’
- tähittää* (3: 234, 254) ‘покрывать, усыпать звёздами’ (KST: 354) → *кодзувъясön тыртны* (3: 231, 249) ‘наполнять, заполнять звёздами’
- vanhoa* (9: 177, 312) ‘клясться’ (ФРС: 707; KS: 466) → *кыв сетны* (9: 177, 312) ‘дать обещание, обязаться’ (КРК: 326), букв. ‘дать слово’

veistää (9: 175) / *veistellä* (44: 169) ‘тесать, вытесать; резать, вырезать’ (ФРС: 722), ‘работать по дереву (ножом, топором); резать’ (KS: 476), ‘обрабатывать, резать (дерево) топором, ножом или др. острым предметом’ (SKP III: 514)
 → *пуртõн вундыны* (9: 175) ‘ножом (по)резать’
 → *пуртõн ворсны* (44: 168) ‘играть, забавляться ножём’
vetistää (34: 34) ‘проливать слёзы, плакать’ (KS: 482; KST: 383) → *синва кисьтны* (34: 33) ‘плакать’, букв. ‘лить слёзы’

3.2.1.5. Антонимический перевод

Антонимическим переводом является трансформация, заключающаяся в замене единицы ИЯ не на её регулярное соответствие, а на слово с противоположным значением (на антоним) с отрицанием, т.е. в качестве лексической замены в данном случае выступает единица, семантически связанная с регулярным соответствием отношениями противопоставления. Причинами использования приёма антонимического перевода могут быть: асимметрия лексико-семантических систем, т.е. какое-либо понятие не имеет средств выражения в ПЯ; узус, т.е. традиционное употребление в речи тех или иных языковых форм и выражений; разное видение мира, имеющее своё отражение в языках, участвующих в процессе перевода; часто данная трансформация бывает обусловлена грамматической структурой предложения ИЯ. Антонимический перевод как приём часто является контекстуальным и зависит от выбора переводчика. При этом переводчиком обычно руководит поиск из множества возможных соответствий такого решения, которое с точки зрения получателя перевода является более идиоматичным и естественнее звучащим. Часто использование данного приёма невозможно без синтаксической трансформации: утвердительная конструкция меняется на отрицательную, а отрицательная – на утвердительную (Klaudy 2012: 126, 132; Бархударов 1975: 215–216, ОПП 16–18; ТПС: 21).

Возможно выделение двух разновидностей антонимического перевода: замена знака – замена единицы ИЯ на её противоположность (с его отрицанием); замена точки (угла) зрения.

Замена знака: замена единицы ИЯ на ее противоположность (с его отрицанием)

Huvinpä sinäki laait:
heitit koivun kasvamaan... (2: 276–277)
 Хорошо ты сделал:
 Оставил берёзу расти...

Ыджыд бур тэ ставлы вöчин,
Кодыр эн йöр тайö кыдзсö... (2: 275–276)
 Большое добро ты всем сделал,
 Когда не вырвал эту берёзу...

Laula jo laulusi takaisin,
heitä vielä heikko henki... (3: 452–453)
 Забери свои заклятья,
 Пошади бедную душу...

Ассьыд сьыланкьвтö бергöд,
Эн босьт менсьым коньör лолöс... (3: 446–447)
 Свою песню поверни,
 Не бери мою бедную душу...

*Emo kielti ampumasta,
emo kielti ja epäsi...* (6: 115–116)
Мать запрещала стрелять,
Мать запрещала и отвращала...

*Мамыс лыһынысõ оз тийдкты,
Мамыс оз сет вины сийдс...* (6: 112–113)
Мать стрелять не велит,
Мать не даёт убить его...

Аналогичные примеры: **8:** ф/к21–22; **40:** ф/к11.

В исследуемом нами переводе чаще наблюдается противоположная замена, т.е. отрицательная конструкция меняется на положительную:

osis en paljoa pitänyt... (4: 225)
[Мне] не было бы нужно много ...

Меным этиа эськõ ковмис... (4: 223)
Мне мало бы понадобилось...

*rauta ei kasva karkeaksi
ilman veessä kastumatta.* (9: 205–206)
Железо не станет твёрдым
Без вымачивания в воде.

*Медым көрт чорыджык вöлиц,
Колõ көтддыштны ваын.* (9: 205–206)
Чтобы железо твёрже стало,
Надо намочить в воде.

*Ei ole surmattu sukusi,
viel' ei kaatunut Kalervo.* (34: 125–126)
Не убит твой род,
Ещё не пропал Калерво.

*Тэнад рөдөуж олõ-вылõ,
Калерво тийдти ловъя кывсьд...* (34: 123–124)
Твой родственники живут-поживают,
Каллерво тоже живым слывет...

Аналогичные случаи: **4:** ф215–216/к213–214; **6:** ф66/к63; **7:** ф/к190; **9:** ф/к204; **10:** ф122–124/к115–117, ф333–334/к313–314, ф347–348/к325–326, ф352/к330, ф366/к342; ф370/к346, ф384/к358, ф388/к362; **34:** ф35/к34; **44:** ф289–290/к286–287.

Замена точки (угла) зрения

Часто приём антонимического перевода заключается не столько в замене одного понятия на отрицание противоположного ему понятия, а в смене точки зрения на данное понятие или описываемую ситуацию (Klaudy 2012: 128).

Sisko sillan korvasella... (4: 63)
Сестра на краю пола...

Õддõс дорын сылõн чойыс... (4: 62)
У дверей её сестра...

*kasvoipa jokea kolme
itkemistänsä vesistä...* (4: 475–476)
Выросло четыре реки
Из ею выплаканной воды...

*Куим вёрса юд лэччис
Курыд шогдн бөрддм ваыс.* (4: 471–472)
В три лесные реки спустилась
С горькой бедой выплаканная вода.

*Otатko kultia kypärin,
hope'ita huovallisen?* (7: 301–302)
Возьмёшь ли золота шлем,
Серебра войлочную шапку?

*Юркышдд тыр зарни сета,
Содтдд гын сапдг тыр эзысь.* (7: 301–302)
Полный головной убор золота дам,
Вдобавок полный валенок серебра.

hanhi poiat hautelevi. (9: 86)
Гусь птенцов высиживает.

Дзоддггниян петалõны. (9: 86)
Гусята выходят (появляются).

Аналогичные примеры: **1:** ф311–313/к а299–301/к301–303, ф339/к а2276229; **3:** ф257–258/к252–253, ф475/к469; **4:** ф75/к74; **5:** ф/к1–3,

ф200/к194; 6: ф170/к165; 7: ф69/к70, ф/к161, ф/к201–202, ф/к205–206, ф349–352/к348–351, ф361/к360; 8: ф/к89–90; 9: ф/к51; 34: ф185–186/к182–183 40: ф185/к183; 41: ф185–187/к179–181; 44: ф201–202/к200–201; ф261–262/к258–259.

3.2.1.6. Логическое развитие понятий

Сущность приёма логического (смыслового) развития заключается в замене одного понятия другим, если они связаны друг с другом как причина и следствие или как часть и целое, орудие и деятель (Миньяр-Белоручев 1980: 107; ТПС: 102).

Я. И. Рецкер (1974: 45) так определяет данную трансформацию: «Приём смыслового развития заключается в замене словарного соответствия при переводе контекстуальным, логически связанным с ним. Сюда относятся различные метафорические и метонимические замены, производимые на основе категории скрещивания». Отношения скрещивания (перекрещивания) наблюдаются тогда, когда части объёмов разных понятий входят в объёмы друг друга.

Метонимические замены происходят, если между исходной и конечной единицами наблюдаются ассоциации по смежности, т.е. отношения процесса и результата, материала и изделия, предметов, объединённых пространственными связями, – одно в другом, одно на другом и т.д. Одной из наиболее характерных является ассоциация, построенная на причинно-следственных отношениях. Другие типы метонимических сдвигов строятся на временных и пространственных отношениях, на отношении места (пространства) и лица, связанного с этим местом, предмета и вещества, из которого он состоит. Особым типом данной трансформации является синекдохический, при котором название целого заменяется названием его части или, наоборот, название части заменяется названием целого (Щвейцер 1973: 133–136).

1) Замены на основе синекдохи

Самый распространенный тип метонимической замены в исследуемом нами переводе. Основную часть составляют замены различных частей тела (как замена целого на часть, так и наоборот):

aivo(t) (1: 2) ‘(головной) мозг, мозги’ (ФРС: 24), ‘находящаяся в голове часть центральной нервной системы’ (SKPS I: 15) → *юр* (1: аб2) ‘голова’ (КРК: 779)

kieli (9: 497) ‘язык’ → *вом* (9: 497) ‘рот’

koura (40: 30) ‘рука, горсть, лапа’ (ФРС: 267), ‘так согнутая кисть, что ей можно держать или в ней можно держать что-либо, (большая) рука, ладонь’ (SKPS I: 551), ‘пальцы и ладонь’ (KS 140), ‘рука, ладонь’ (KST: 135) → *чунь* (40: 29) ‘палец’

käsi (6: 185) ‘рука, кисть’ (ФРС: 294), ‘верхняя конечность человека от плеча до пальцев или её крайняя часть от запястья до пальцев’ (KS: 166) → *гырддза* (6: 178) ‘локоть’ (КРК: 168)

käsivarsi (1: 336; 8: 131; 44: 51) ‘рука (от кисти до плеча)’ (ФРС: 296), ‘часть верхней конечности человека (или обезьяны), начинающаяся от плечевого сустава (часто от плеча до запястья)’ (SKPS I: 633) → *ку* (1: а3246326; 8: 130; 44: 51) ‘рука’ (КРК: 270) ‘рука, руки, верхняя конечность, кисть’ (КАС: 48)

otsa (40: 43) ‘лоб’ → *юр* (40: 42) ‘голова’

silmä (4: 361; 34: 193) ‘глаза’ (ФРС: 566), ‘орган зрения человека и животных’ (KS: 359; KST: 304; SKPS III: 84)
→ *чужём* (4: 359) ‘лицо’ (КРК: 715)
→ *юр* (34: 190) ‘голова’

suu (1: 7) ‘рот, уста’ (ФРС: 599) → *паръяс* (1: а67) ‘губы’ (КРК: 484)

sääriivarsi (3: 70) ‘нога’ (KS: 395) → *кок гыж* (3: 70) ‘копыто’

turpa (3: 69) ‘морда (животного)’ (ФРС: 663) → *ныр* (3:69) ‘нос’

vuohinen (6: 22) ‘пут, путо’ (ФРС: 755), ‘верхняя часть копыта лошади’ (KS: 499) → *кок* (6: 19) ‘нога, лапа’ (КРК: 282)

Другие типы синекдохи:

katto (9: 6) ‘крыша, потолок’ → *матиц* (9: 6) ‘матица (потолочная балка)’

kiuas (40: 314) ‘каменка, печь’ (ФРС: 239), ‘печь без трубы’ (KS: 126) → *паччөр* (40: 312) ‘печь, верх русской печи, лежанка на печи’ (КРК: 489)

puhe (1: 8) ‘речь, разговор’ (ФРС: 483) → *кывъяс* (1: а68) ‘слова’ (КРК: 325)

puu(t) (2: 261; 8: 171) ‘дерево (деревья)’ (ФРС: 493) → *вөр* (2: 260; 8: 170) ‘лес’ (КРК: 121)

puu (44: 85) ‘дерево’ → *кор* (44: 84) ‘лист’

salu (7: 98) ‘(большой, глухой) лес’ → *пуяс* (7: 99) ‘деревья’

tupa (10: 109) ‘изба, избушка’ (ФРС: 662), ‘самая большая (или единственная) комната дома, в которой жили, занимались домашним трудом, готовили пищу, ели; жилое строение, дом, избушка, состоящая из одной комнаты’ (KS: 434) → *сикт* (10: 102) ‘деревня, селение, село’ (КРК: 591)

uuni (8: 271, 273; 9: 13, 267; 40: 312) ‘печь’ (ФРС: 683) → *паччөр* (8: 271, 272; 9:13, 267; 40: 310) ‘печь, верх русской печи, лежанка на печи’ (КРК: 489)

vuosi (1: 255) ‘год’ (ФРС: 757) → *тулыс* (1: а2446250) ‘весна’ (КРК: 661)

2) Метонимическая замена на основе ассоциации предмет – материал:
vaateet (8: 6) ‘одежда’ → *шабди* (8: 6) ‘лен’

3) Метонимическая замена на основе пространственных отношений:
laituri (4: 362) ‘пристань’ (ФРС: 308; KST: 163) → *саридз* (4: 360) ‘море’ (КРК: 578)

porras (4: 75) ‘ступенька’ → *өдзөс* (4: 74) ‘дверь’

tuli (10: 309, 336) ‘огонь’ → *пач* (10: 291, 316) ‘печь’

4) Метафорические замены:

В основе метафорических трансформаций лежат отношения сходства, аналогии.

aho 'поляна' (4: 92) → *тыла* (4: 91) 'подсека'

allas 'корыто' (4: 202) → *пельса* (4: 200) 'кадка'

pirtti 'изба' (5: 31) → *чом* (5: 30) 'шалаш, чум'

kannu 'бидон, кувшин' (9: 8) → *тасьти* (9: 8) 'миска'

В некоторых случаях метафорическое выражение в исходном тексте заменяется в переводе неметафорическим (деметафоризация):

tupa (1: 191) 'изба' → *ноз* (1: a1856186) 'гнездо'

keitto (9: 444) 'варево' → *мавмас* (9: 444) 'мазь'

salvos (10: 110) 'сруб' → *чум* (10: 103) 'чум'

Таким образом, нами выявлено 652 примера различных лексических трансформаций. Наиболее частым преобразованием является лексическое развёртывание (354 примера). Из различных типов развёртывания самый массовый – развёртывание сложных слов (219 примеров). В результате данной трансформации больше половины сложных слов оригинала превратились в переводе в словосочетания. Трансформация развёртывания носит обязательный характер и связана с различиями в лексической и морфологической системе двух языков (отсутствие точного соответствия какому-либо понятию, различия в образовании производных слов) и особенностями языка «Калевалы» (обилие сложных слов различного типа, особенно т.н. бахуврихов). Количество примеров на данный вид трансформации во много раз превышает количество случаев обратной трансформации – свёртывания (всего 27 примеров).

Частично обязательный, частично факультативный характер носят трансформации конкретизации и генерализации. Обязательными являются выделенные нами языковые конкретизации и генерализации, применяющиеся для передачи наименований, отсутствующих в коми языке. Речевые (контекстуальные) конкретизации и генерализации являются необязательными и носят стилистический характер: они вызваны стремлением избежать повторов, достичь большей образности, наглядности и т.д. В количественном отношении трансформация генерализации преобладает над конкретизацией (106 и 75 примеров соответственно). Причиной этого, помимо различий в структуре двух языков (отсутствие в ПЯ точного соответствия), является и подмеченная исследователями тенденция к использованию переводчиками более лёгкого решения при подборе соответствий: слова с более широким значением легче вписываются в предложение на языке перевода (Klaudy 2012: 65).

Антонимический перевод (50 примеров) и логическое (смысловое) развитие понятий (40 примеров) являются, как правило, необязательными – и без их применения в переводе получились бы грамматически и стилистически правильные высказывания.

3.2.2. Грамматические трансформации

Грамматическими трансформациями являются преобразования грамматической структуры высказываний при сохранении их семантической информации. Они заключаются в преобразовании структуры предложения в соответствии с нормами языка перевода и во всевозможных заменах – как синтаксического, так и морфологического порядка. Данный тип преобразований обусловлен грамматическими различиями в структуре языка оригинала и перевода: отсутствием регулярных соответствий между грамматическими категориями, грамматическими конструкциями и типами предложений двух языков, а также контекстуальными условиями, стилистическими особенностями переводимого текста, его ритмической структурой. Наряду с играющими основную роль грамматическими факторами причины грамматических трансформаций могут носить и лексический характер (добавления или опущения лексических единиц в процессе перевода) (ТПС: 39–40, 194; ОПП: 28).

3.2.2.1. Грамматическое развёртывание

При данной трансформации синтаксическая структура предложения оригинала преобразуется в две или более предикативные структуры ПЯ. Происходит преобразование простого предложения ИЯ в сложное предложение ПЯ, либо простого или сложного предложения ИЯ – в два или более самостоятельных предложения в ПЯ (Комиссаров 1990: 179).

3.2.2.1.1. Развёртывание инфинитивных конструкций

3.2.2.1.1.1. Конструкции с целевым инфинитивом

Целевой инфинитив (*I infinitiivin pitempi muoto / I infinitiivin translatiivi*) в финском языке образуется при помощи суффикса транслатива *-kse-*. Он всегда употребляется с поссессивными суффиксами соответствующего лица и числа главного глагола. Целевой инфинитив в сочетании с другим (главным) глаголом образует целевую конструкцию (*finalirakenne*), выражающую намерение, замысел, цель действия, обозначаемого главным глаголом. Данная конструкция является в предложении обстоятельством и соответствует придаточному предложению цели с союзом *jotta* ‘чтобы, чтоб’. Главное действие способствует достижению цели, выраженной целевым инфинитивом. Таким образом, между двумя действиями наблюдается причинно-следственная связь. Так как действие, выраженное главным глаголом, предшествует цели, на которую оно направлено, действие, выраженное конструкцией транслатива I инфинитива, происходит позже главного действия. Данная конструкция, таким образом, может выражать также только то, что обозначаемое ею действие по времени следует за другим (главным) действием (ISK: 507–508; ГФЯ: 173, 175; Марцина 1995: 189).

В переводе предложения оригинала с данной финской конструкцией часто передаются сложным предложением с придаточным обстоятельства цели и союзом *мед*, *медым* ‘чтобы’. Данная замена наиболее адекватно передаёт значение финской конструкции.

*Veti veitsen viereltänsä,
huotrastansa pää hopean
kalan palstoin pannaksensa,
lohen leikkaellaksensa... (5: 75–78)*
Он вытащил нож, лежавший рядом с ним,
Из ножен серебряное лезвие
[Чтобы] рыбу на куски разделить,
Сёмгу разрезать...

*En ollut minä tuleva
lohi leikkaellaksesi,
kala palstoin pannaksesi... (5: 100–102)*
Не была я пришедшей
Сёмгой [чтобы тебе] разрезать,
Рыбой [чтобы тебе] на куски разделить...

*Oi sie kyntörastahainen!
Laula korvin kuullakseni... (8: 63–64)*
Ой, ты дрозд!
Спой [чтобы мне] ушами услышать...

*Лэчыд пуртсё киас босьтис,
Эзысь вороподыс кутис,
Черисё мед керны-вёчны,
Вундыны да торйёдлыны... (5: 70–73)*
Острый нож в руки взял,
За серебряную рукоятку схватил,
Рыбу чтобы разделить,
Нарезать и разделить...

*Ме ээ сетчы тэнад киё,
Медым вундалин тэ менё,
Черисё моз керны-вёчны... (5: 94–96)*
Я не далась в твои руки,
Чтобы разрезал ты меня,
Как рыбу разделал...

*Ой, тэ менам дона ватикай!
Сьылдышт, медым вёрыс кывзис... (8: 63–64)*
Ой, ты мой дорогой дрозд!
Спой, чтобы лес услышал...

Аналогичные отрывки: **3:** ф/144/к143; **7:** ф/к127–129; **9:** ф/к187–190; **44:** ф/к21–26

Другие типы сложных предложений:

*Jo tuli emonsa luoksi,
luoksi valtavanhempansa.
Lähteüksensä käkesi
nullaksensa toivoteli
noille Väinön tuville
kera Väinön voitteloille. (3: 35–40)*
Уж пришёл [он] к своей матери.
К своему прародителю.
Отправиться намеревается,
Поехать обещает
К тем Вяинолы избам
На состязание с Вяино.

*Pohjan piika pikkarainen,
vaimo valkeanverinen,
teki liiton päivän kanssa,
päivän kanssa, kuun keralla
yhen ajan noustaksensa
ja yhen havataksensa... (7: 133–138)*
Похъёльская девица крохотная,
Женщина белокровная,
Заключила союз с солнцем,
С солнцем, с месяцем
[Чтобы] в одно время вставать
И в одно просыпаться...

*Сійё локтё мамыс динё, –
Коді гортас медся пёрьсь, –
Висьтавыны, мый туйё петё,
Ылі муё муны кёсий,
Вяйнёласа керка дорё.
Паньясяс мед ськёд Вяйнё. (3: 35–40)*
Он приходит к матери, –
Которая дома самая старая, –
Сказать, что в дорогу отправляется,
В далекую землю ехать хочет,
К дому Вяинолы.
Посостязается пусть с ним Вяино.

*Коркё похъёласа нывка,
Еджьд юрсиа том ичмонь,
Шондй мамкёд сёрни панлис:
Ськёд оти кадё садьмас,
Тёлысь пальёдас жё унёё,
Накёд кьйёдчыны кутис. (7: 133–138)*
Как-то похъёльская девчонка,
Беловолосая молодая невестка,
С матерью Солнцем разговор начинала:
С ней в одно время проснётся,
Месяц тоже развеет сон,
С ними подниматься стала.

3.2.2.1.1.2. Конструкции с III инфинитивом

Показателем III инфинитива является суффикс *-mA-*. К данному показателю могут присоединяться пять падежных форм: инессив (*-ssA*), элатив (*-stA*), иллатив (*-lAn*), адессив (*-llA*), и абессив (*-ttA*).

Иллатив III инфинитива

Иллатив III инфинитива (*III infinitiivin illatiivi*; показатель: *-mAAn*) указывает на действие, к выполнению которого кто-либо приступает, стремится или к нему кого-либо призывают, на выполнение которого кто-то пригоден, выполнить которое кто-либо обязан или желает. Он употребляется при личных глаголах *juosta* 'бежать', *jäädä* 'оставаться', *kelvata* 'годиться', *lähteä* 'отправляться', *mennä* 'уходить', *ruveta* 'начинать', *ryhtyä* 'приниматься', *tulla* 'прийти', *vaatia* 'требовать', *yllyttää* 'подстрекать', *yrittää* 'пытаться' и т.п. Данная форма также употребляется при именах существительных и прилагательных для выражения способности, годности кого-либо к совершению действия, желания или обязанности совершить его и в эллиптических повествовательных и побудительных предложениях (ГФЯ: 178, 180; Морозова 1982: 229; Марцина: 1995: 130).

Так как в языке «Калевалы» длинные гласные не могут находиться в не первом слого слова, и в интервокальном положении сохраняется согласный *h* (Turunen 1964: 88), то показатель иллатив III инфинитива в тексте эпоса имеет форму *-mAAn*, а не *-mAAn*, как в современном финском литературном языке.

В переводе финские предложения с иллативом III инфинитива передаются сложными предложениями с союзом *мед, медым* 'чтоб, чтобы'.

*Pani poikansa pajahan
tekemähän voitehia...* (9: 419–420)
Отправил сына в кузницу
Делать мази...

"*Sinne mieleni tekisi
kotiini kuolemahan.
maalleni masenemahan.*" (10: 480–482)
«Туда мне хочется
Домой умереть,
На свою землю скончаться.»

*Siitä kuusehen kuvahiti,
petäjähän pyörähyyti
soitantoa kuulemahan,
iloa imehtimähän.* (41: 53–56)
Затем [он] на ель вскарабкался,
На сосну перескочил
Игру слушать,
Радости дивиться...

*Писё кола дорё ыстис,
Медым мавтас сылы дасьтис...* (9: 419–420)
Сына к кузнице отправил,
Чтобы мазь ему приготовил...

«Сэтчö мөвпöй менам мунны,
Чужан муын медым кувны,
Гажа шойна ягын узыны». (10: 452–454)
«Туда у меня дума идти,
Чтобы в родной земле умереть,
В красивом кладбищенском бору лежать».

*Ошкыд кайö коз пу йылö,
Öдöй вуджö пожöм вылö:
Ворсöм кызыштынны мед пöльлысь,
Шензигтырийи шимкодьясны.* (41: 51–54)
Медведь поднимается на верхушку ели,
Быстро переходит на сосну:
Игру послушать чтобы старика,
Удивляясь радоваться.

Аналогичные отрывки: **1:** ф/к аб1–4, ф309–314/к а297–3016299–303; **2:** ф105–108/к104–107, ф366–367/к361–362; **6:** ф217–220/к208–212; **9:**

ф/к523–528; **10**: ф145–149/к138–142, ф391–392/к365–366, ф487–488/к459–460. **34**: ф83–86/к81–84; **41**: ф73–76/к71–74, ф159–162/к155–158; **44**: ф265–272/к262–269, ф289–290/к286–287.

Элатив III инфинитива

Элатив III инфинитива (*III infinitiivin elatiivi*; показатель: *-mAstA*) указывает на действие, которое прекращается, запрещается, или от выполнения которого отказываются. Он употребляется при личных глаголах *estää* ‘препятствовать’, *herjetä* ‘прекращаться’, *kartaa* ‘избегать’, *kieltä* ‘запрещать’, *kieltäytää* ‘отказываться’, *lakata* ‘кончаться’, *varoa* ‘беречься’, *välttää* ‘избегать’ и др. (ГФЯ: 179; Морозова 1982: 228–229).

В переводе предложения с элативом III инфинитива в некоторых случаях также передаются сложным предложением с союзом *мед*, *медым* ‘чтоб, чтобы’.

*Iso kielti poikoansa,
iso kielti, emo epäsi
lähtemästä Väinölähän
kera Väinön voitteloille... (3: 41–44)*
Отец запретил своему сыну,
Отец запретил, мать не разрешила
Ехать в Вайнёлу
На состязание с Вайнё...

*Айыс сійёс оз лэдэз мунны,
Мамыс паньд сылы сувеліс –
Мед оз тэрмась Вайнёлао,
Мед оз пандась Вайнё пöлькөд... (3: 41–44)*
Отец не даёт ему идти,
Мать ему воспротивилась –
Чтоб не торопился в Вайнёлу,
Чтоб не состязался со старцем Вайнё...

Абессив III инфинитива

Данная форма (*III infinitiivin abessiivi*; показатель: *-mAttA*) указывает на действие, которое не состоялось, без которого совершается действие основного глагола (ГФЯ: 183; Марцина 1995: 131).

В переводе часто передаётся разного рода сложными предложениями (наряду с заменой на деепричастия, см. пункт 3.2.2.2.2.2.):

а) сложное предложение с союзом *мед*, *медым* ‘чтоб, чтобы’

*Oisiko emo elossa,
vanhempani valvella,
sepä saattaisi sanoa,
miten pystössä pysyä.
murehisin murtumatta,
huolihin katoamatta
näissä päivissä pahoissa,
ape'issa miel'aloissa! (5: 212–219)*
Если бы мать была бы жива,
Родительница моя бодрствовала,
Тогда могла бы сказать,
Как на ногах остаться,
В бедах не сломавшись,
В заботах не сгнув
В эти дни плохие,
В унылом настроении!

*Кодыр мамой вöліс ловья,
Чужтысьдой кө оліс öндөз,
Кужис эськө меным шуны,
Ачымöс кызд кыин кутны.
Медым помөдз шог эз жугөд,
Майшасьомысь медым мынны.
Медым тайо гажтöм лунас
Эз дөзмөдны шуштöм мөвтгяс! (5: 206–213)*
Когда моя мать была бы жива,
Родительница моя бы жила до сих пор,
Сумела бы мне сказать,
Себя как в руках держать,
Чтобы до конца беда не сломала,
От тревог чтобы избавиться,
Чтобы в этот грустный день
Не досаждали мрачные мысли!

*Ehkäpä tulen sinulle,
kun kiskot kivistä tuotta,
säret jäästä aiaksia
ilman palan paksumatta,
pilkkehen pirahamatta. " (8: 108–112)
Может быть пойду за тебя,
Если сдерёшь с камня бересту,
Наломашь изо льда жердей,
[Чтобы] куски не откололись,
Стружки не разлетелись.»*

*«Сэмын сэки тэнад лоа,
Кодыр изыйыс сямод квян,
Йнысь поти кералан-вочан,
Медым сэтысь чаг ээ чукты,
Вёлалгас ээ коль жельтор». (8: 107–111)
«Только тогда твоей буду,
Когда с камня бересту снимешь,
Изо льда жердь срубишь-сделаешь,
Чтобы оттуда щепка не откололась,
Строгая не осталось лучины.»*

Подобный отрывки: **5:** ф225–227/к219–221; **8:** ф123–132/к122–131; **44:** ф/к49–52.

б) сложное предложение с союзом *кодыр* ‘когда’

*Ikävä inehmon olla,
kamala kalojen uia
ilman päivän paistamatta,
kuuhuen kumottamatta. (2: 93–96)
Печально человеку жить,
Ужасно рыбам плавать
Без [того чтобы] солнце светило,
Месяц сиял.*

*Мортлөн олём мустём лоис,
Ваысь чери кельёб воишс,
Кодыр шонди дугдис пажны,
Тёлысь ассыыс бансё дзёбис. (2: 92–95)
Человечья жизнь противной стала,
Из воды стая рыб пропала,
Когда солнце перестало греть,
Месяц свой лик спрятал.*

Аналогичный отрывок: **2:** ф252–256/к251–255.

в) другие типы сложных предложений

*Parempi minun olisi,
parempi olisi ollut
syntymättä, kasvamatta,
suureksi sukeumatta
näille päiville pahoille,
ilmoille ilottomille. (4: 217–222)
Лучше мне было бы,
Лучше было бы
Не родившись, не выросши,
В большую не превратившись
В эти дни плохие,
В мире безотрадном.*

*Меным эськё вёлі бурджык,
Лёсьыдджык мен эськё вёлі,
Ээ кё чукк ме вольной светас,
Верстьё мортдз ээ кё быдымы
Татиём омоль луньясёдыс. (4: 215–219)
Мне было бы лучше,
Приятнее мне было бы,
Если бы я не родилась на вольный свет,
До взрослого человека не выросла бы
До таких плохих дней.*

*siit' on asti siellä ollut
ajan kaiken katsomatta. (4: 165–166)
С тех пор там они были
Всё время не тронутые (букв. не смотренные).*

*Онёдз күйлөнны на сэни,
сы бёрын ээ босьты киё. (4: 164–165)
До сих пор лежат ещё там
После этого не брала [я] в руки.*

*Jo ajoi meren selälle,
ulapalle aukealle
kapiroisen kastumatta,
vuohisen vajoumatta. (6: 19–22)
Уже прискакал на поверхность моря,
На открытое пространство
Копыто не намочив
Путо не погрузив.*

*Со нин саридз ваёд мунё,
Паськыд веркёсёдыс келё:
Вёллөн гыж весиг оз кётасы,
Кокьяс вылас ва оз тёдчы. (6: 16–19)
Вот уже по воде моря едет,
По широкой поверхности бредёт:
Лошадиное копыто даже не намочнет,
На ногах вода не виднеется.*

*itse ennen ennätteli,
ennen kuuta, aurinkoa,
kukonki kurahtamatta,
kanan lapsen lauhamatta. (7: 139–142)
Сама раньше поторопилась (встать),
До месяца, до солнца,
Без петуха урчания,
Сына курицы пения.*

*kiskoipa kivistä tuolta,
särki jäästä aiaksia
ilman palan pakkumatta,
pilkkehen pirahumatta. (8: 115–118)
Содрал с камня бересту,
Наломал изо льда жерди,
[Так, чтоб] куски не откололись,
Стружки не разлетелись.*

*"Jos et tuostana totelle,
viel' on muita muistetahan,
uuet keinot keksitähän:
huuan Hiieistä patoa,
jolla verta keitetähän,
hurmetta varistetahan,
ilman tilkan tiprumatta,
punaisen puotamatta,
veren maahan vuotamatta,
hurmehen hurajamatta. (9: 383–392)
Если это не исполнишь,
Ещё другое вспомним,
Новые способы найдем:
 Попрошу у Хийси котёл,
В котором кровь свярат,
Кровь разогреют
[Так, чтоб] капли не капнуть,
Красной не проронить,
Кровь на землю не плеснуть,
Кровь не пролить.*

*Водзьсь-водз кок йылас сувтис,
Эз на-й удит шондi петны,
Петук чуксасьём эз кыв на,
Чипанпян шы эз сетны. (7: 139–142)
Рано-рано на ноги встала,
Не успело ещё и солнце выйти,
Пение петуха не слышала (не слышался) ещё,
Цыплята голоса не дали.*

*Ödiö iziысь сюмöд кулис,
Йиысь поти кералис-вöчис,
Весиг чагтор эз коль муас,
Некысь жель ни ув он аддзы. (8: 114–117)
Быстро из камня бересту снял,
Изо льда жердь срубил-сделал,
Даже щепка не осталась на земле,
Нигде ни щепки, ни сучка не увидишь.*

*Тэньд тыйö оз кө мörчы,
Мукöдторьяс мөвнышам на,
Выль нөгөн тэ динö босьтчам:
Хийсылысь ме босьта пöртсö,
Кöни пузьöдасны вирсö,
Сэсся донöдасны сийöс,
Оти войт сэтысь оз войтышт,
Гöрдтор оз петкöдчы сэтысь,
Вирыс му выль оз киссьы,
Дойсьыс оти войт оз письты. (9: 383–392)
Тебя если это не проймёт,
Другое придумаем ещё,
По-новому за тебя возьмёмся:
У Хийси я возьму котёл,
Где вскипят кровь,
Затем раскалят её,
Ни одна капля оттуда не прольётся,
Краснота не покажется оттуда,
Кровь на землю не прольётся,
Из раны ни одна капля не просочится.*

3.2.2.1.2. Развёртывание конструкций, эквивалентных предложениям

3.2.2.1.2.1. Развёртывание временных конструкций

Временные конструкции (*temporaalirakenne*) инессива II инфинитива (*II. infinitiivin inessiivi*) и партитива 2 причастия пассива (*Passiivin 2. partiisiippi*) являются в предложении обстоятельством времени и указывают на то, когда протекает действие, выраженное данной конструкцией, по отношению к главному действию предложения.

Данные временные конструкции имеют те же функции, что и придаточное предложение с союзом *kun* 'когда' (ISK: 536–538).

Инессив II инфинитива

Действие, выраженное инессивом 2 инфинитива (показатель: *-essA*), протекает одновременно с действием, обозначенным главным глаголом, либо оно содержится в главном действии.

а) Инессив II инфинитива → сложноподчиненное предложение с придаточным обстоятельство времени и союзом *кор, кодыр* 'когда'. Данный тип сложного предложения, наряду с заменой на деепричастие (см. пункт 3.2.2.2.1.), наиболее адекватно передаёт значение финской конструкции.

*Tule tänne tarvittaissa,
käy tänne kutsuttaessa! (1: 171–172)
Приди сюда, когда нужен,
Приди сюда, когда зовут!*

*Лэччы татчэ, кёні колан,
Отсав, кодыр тэньэ кора... (1: a167–168/168–169)
Спустись сюда, где ты нужен,
Помоги, когда тебя прошу...*

*pääni painuvi pahaksi,
kasvot käyvi kalveaksi
muistellessa mustat päivät,
pahat ajat arvellessa. (44: 145–148)
Голова [моя] становится плохой,
Лицо бледнеет,
Вспоминая черные дни,
Плохие дни представляя.*

*Юрöй копыртчас зэв улöдз,
Менам чужöм едждас помöд,
Кодыр казътышита сьöд лунъяс,
Шуштöм кадыс воö юрö. (44: 144–147)
Голова [моя] опустится очень низко,
Моё лицо побелеет совсем,
Когда вспомню черные дни,
Грустное время в голову придёт.*

Аналогичный пример: 9: ф/к405–406.

б) Инессив II инфинитива → бессоюзное сложное предложение

*Ikävystyi aikojansa,
ouostui elämäitänsä,
aina yksin ollessansa,
impenä eläessänsä
ilman pitkillä piholla,
avaroilla autoilla. (1: 117–122)
Пресытилась своим временем,
Ужаснулась своей жизни,
Всегда одна живя,
Девичей проживая
На неба длинных дворах,
Просторных пустынях.*

*Шогöдiс сэк öтка олём,
Кодлы сiйö татиöм колö,
Öтнас вöльнöй светын олö,
Тадзи пöрьсь нылöн кольö
Енэжын да сынöд пын,
Сэтчöс полтöм ыбъяс вылын. (1: a6115–120)
Опечалила тогда одинокая жизнь,
Кому она такая нужна,
Одна на вольном свете живёт,
Так старой девой останется,
Среди неба и воздуха,
На тамошних бескрайних возвышенностях.*

*Ajat eelleen menevät,
vuoet tuota tuonnemaksi
uuen päivän paistaessa,
uuen kuun kumottaessa. (1: 245–248)
Времена вперёд идут,
Года того дальше,
Когда новое солнце светит,
Новый месяц сияет.*

*Тадзи кадыс водзö мунис,
Во вэль воён вежсис-колис,
Шондi вэлььсь югöр койис,
Енэжын вэль тöльсь öзиис. (1: a234–237/240–243)
Так время вперёд шло,
Год новым годом сменился-миновал,
Солнце по-новому лучи рассыпало,
На небе новый месяц зажётся.*

*eilen iltamyöhässä,
alietessa aurinkoisen,
lintu lauleli lehdossa... (8: 55–57)
Вчера поздним вечером,
Когда заходило солнце
Птица пела в роще...*

*Тöрыт сёрөн, рытгорувнас,
Вөр сайö нин шондi лэччис,
Раскын кай шутъялис-сьылis... (8: 55–57)
Вчера поздно, под вечер
За лес уже солнце спускалось,
В роще птица свистела-пела...*

Аналогичные примеры: 44: ф/к77–79.

в) Инессив II инфинитива → другие типы сложного предложения

*piti tulla toisen kerran,
lähteä tulen tuville
astalaksi tehtäessä,
miekaksi taottaessa...* (9: 95–98)
Пришлось придти второй раз,
Отправиться в избу огня,
Когда оружие делали,
Меч ковали...

*Kun ei tuosta kyllin liene,
veen isäntä, vuon alio,
kivet saata sammaliksi,
haiin vuoluksi venonen
kuohuja kulettaessa,
mäkipäitä mentäessä!* (40: 55–60)
Если этого не достаточно будет,
Воды хозяин, потока житель,
Камни преврати в мох,
В шучий плавательный пузырь лодку,
Когда по волнам она поплывёт,
По гребням пойдёт!

*Модысь ковмис паныодасыны
Бикдö сьлөн оланінас,
Медым вöчисны ёсь шыяс,
Лэчыд шыпурт дорчысы дорис.* (9: 95–98)
Во второй раз пришлось встретиться
С огнем в его жилище,
Чтобы сделали острые копыя,
Острый меч кузнец выковал.

*Тырмытöм кө лöб тайö,
Визув ваын олысь айö,
Пöрт вай изсö небыд нитишкö,
Пыжсö сирлөн уян гадьö:
Тадзи вуджас коськъяс вомдн,
Скöра вьзвись кьрта бокдö!* (40: 53–58)
Недостаточно если будет это,
В бурной воде живущий отец,
Преврати, давай, камень в мягкий мох,
Лодку в плавательный пузырь шуки:
Так пройдет через пороги,
Мимо зло бурлящей скалы!

Партитив 2 причастия пассива

Действие, выраженное партитивом 2 причастия пассива (показатель: *-tUA*), предшествует главному действию, либо же оно началось раньше главного.

Финские предложения с данной конструкцией в переводе всегда передаются сложными предложениями с придаточным обстоятельство времени и союзом *кор, кодыр* 'когда'.

*Sitte sinne saatuansa
asetuksen istumahan
kirjavaiselle kivelle,
paistavalle paaterelle...* (4: 319–322)
Затем, придя туда,
Она села
На пёстрый камень,
На сияющую скалу (плиту)...

*kuynärän ikä kuluvi,
vaaksan varsi vanhenevi,
koko ruumis runnaitavi
kuultua kevätäkösen.* (4: 515–518)
На локоть жизнь проходит,
На пядь стан (фигура) стареет,
Все тело обезображивается,
Услыша весеннюю кукушку.

*Sitte sinne tultuansa
alkoi hapsia anella.* (44: 218–219)
Затем, туда придя,
Стал [он] волос просить.

*Кодыр сійö сэтчö воис,
Кьрта тиупдö вылö пуксис,
Уна рöма целля бокö,
Ваись чурвидзьсы из вылö...* (4: 317–320)
Когда она туда прибыла (пришла),
Села на выступ скалы,
На многоцветный край крутого берега,
На выступающий из воды камень.

*Гырддза вылö мулань бьдма,
Пöрысьдн весът мында лод,
Став вир-айдй висьö-ёнто,
Кодыр көкльсь көккөм кьвеза.* (4: 511–514)
На локоть к земле расту,
Старее на пядь становлюсь,
Все тело болит-ноет,
Когда слушаю кукование кукушки.

*Ньёка динö мыйдн воис,
Сьлысь юрси кутис корны...* (44: 215–216)
Как только пришёл к деве,
Её волосы стал [он] просить.

Аналогичные отрывки: **10:** ф133–136/к126–129; **40:** ф89–92/к87–90.

3.2.2.1.2.2. Развёртывание реферативных конструкций

Реферативная (причастная) конструкция (*kertova / referatiivinen lauseen-vastike / referatiivirakenne*) образуется при помощи сложных суффиксов -*vAn*, -*neen*, -*tUn* и по своей функции соответствует придаточному предложению с союзом *että* 'что'. Конструкция деепричастия на -*vAn* обозначает незаконченное действие, совершающееся одновременно или после главного действия в предложении. Конструкции с -*neen*, -*tUn* используются для выражения действия, которое завершилось до главного действия, либо его начало предшествует началу главного действия. Такая конструкция в предложении, как правило, выступает в качестве дополнения. Она используется с такими глаголами, дополнениями которых может быть придаточное предложение с союзом *että* 'что'. Данную функцию выполняют глаголы, выражающие коммуникативную (*sanoa* 'сказать', *ilmoittaa* 'сообщить, объявить', *kiistää* 'отрицать, отвергать', *vakuuttaa* 'убеждать, уверять, утверждать', *vihjata* 'намекать'), умственную (*ajatella* 'думать', *tietää* 'знать', *luulla* 'полагать', *muista* 'помнить', *haluta* 'желать'), осязательную (*nahdä* 'видеть') деятельность или абстрактные отношения (*edellyttää* 'предполагать, предусматривать', *osoittaa* 'доказывать, подтверждать, обнаруживать, проявлять', *todistaa* 'доказывать, свидетельствовать, удостоверять, подтверждать'). Данная конструкция, таким образом, реферировать речь или мысли (ISK: 531).

В переводе предложения с реферативной конструкцией всегда передаются различными сложными предложениями, из которых чаще всего встречаются и наиболее адекватно передают значение финской конструкции бессоюзные сложные предложения с изъяснительно-объектной связью.

*Kuulin Kuuttaren kutovan,
Päivättären kehreävän ... (4: 141–142)
Услышала, [что] Дева месяц ткёт,
Дева солнце прядёт...*

*Itse seppo Ilmarinen,
takoja alinomainen,
luulevi, ajattelevi
mehiläisen tulleheksi,
tuon on mettä tuoneheksi,
kantaneheksi simoa. (9: 245–250)
Сам кузнец Илмаринен,
Кователь постоянный,
Думает, полагает,
[Что] пчела прилетела,
Она мёд принесла,
Доставила нектар.*

*Sanoi ei saavani kotihin
enämpi elävin silmin
sinä ilmoisna ikänä,
kuuna kullan valkeana
nälille Väinölään ahoille,
Kalevalan kankahille. (10: 25–30)*

*Аодзи – Тöльсь-нывка кьö,
Шондö-нывка пуксöн печкö... (4: 140–141)
Увидела – Дева месяц ткёт,
Дева солнце сидя прядёт...*

*Сэки Илмаринен ачыс,
Нэмöвöйся ыджыд дорччысь,
Кутис мöвöпавны да чайтис:
Малязи сы динö воис,
Чöскыд матор сылы вайис,
Юмов чöсмасянтор корсис. (9: 245–250)
Тогда Илмаринен сам,
Вечный великий кузнец
Начал думать и решил:
Пчела к нему прилетела,
Вкусный мёд ему принесла,
Сладкое лакомство нашла.*

*Сйö шус, медым меным
Ловйöн гортланьö не воны,
Некыдз тайö гуысь петны
Сэтчöдз, кодыр тöльсь öзйö,
Вяйнöлаöс не аддзывны,
Калевалаöс не кывны. (10: 21–26)*

[Он] сказал, [что я] не попаду домой
Никогда живым
Никогда во веки,
Пока светлеет золотая луна
На те поля Вайнолы,
В боры Калевалы.

*Sai toki sanoneheksi;
katsahdavi vielä kerran:
näki miehen muuttunehen,
uuistunehen urohon!* (2: 149–152)
Только вымолвил;
Смотрит еще раз:
Увидел [что] муж преобразился,
Обновился герой!

Он сказал, чтобы мне
Живым домой не попасть,
Никак из этой ямы не выбраться
То тех пор, пока луна светится,
Вайналу не видеть,
Калевалу не слышать.

*Сõмын слõймис тайõс шуны,
Мужик вылõ синсõ чõвмдис,
Кыдзи сийõ ставнас вельсис.
Збой да удал зонмõ пõррис... (2: 148–151)
Только успел это сказать,
На мужчину взгляд бросил,
Как тот он совсем изменился,
В бойкого и удалого парня превратился...*

Аналогичные отрывки: **2:** ф/к47–48; **3:** ф331–336/к327–332; **34:** ф25–30/к24–29; **44:** ф/к79–80, ф91–94/к90–93, ф212–214/к209–211.

3.2.2.1.2.3. Развёртывание модальной конструкции

Модальная конструкция (инструктив II инфинитива) (*II Infinitiivin instruktiivi / modaalirakenne*) является в предложении обстоятельство образа действия и показывает, каким образом происходит действие, выраженное главным глаголом. Действие, обозначаемое данной конструкцией, происходит одновременно с главным действием и имеет тот же субъект, что и главное действие. На русский язык эта конструкция переводится обычно деепричастием настоящего времени (White 2006: 295; Муллонен – Хмяляйнен – Сильферберг 1992: 79).

В переводе, наряду с более часто встречающейся заменой на деепричастие (см. пункт 3.2.2.2.1.), встречаются и случаи развёртывания.

*Tuli sotka, suora lintu;
lenteä lekuttelevi
etsien pesän sija,
asuinmaata arvaellen.* (1: 179–182)
Прилетел чернеть (нырок), прямая птица;
Летит, крыльями хлопая,
Ища место для гнезда,
Место для жизни обдумывая (рассчитывая).

*Illan tullen, yön pimeten
päätvi maahan mättähälle.* (34: 41–42)
[Когда] вечер пришёл, ночь стемнела,
Оказался [он] на земле на кочке.

*Мича стовчõж кыськõ воис,
Бордьяснас сынõдсõ пыкис,
Корсис, кытчõ позсõ вõчны,
Кõни лõб пожсянiныс.* (1: a174–177/6175–178)
Красивый гоголь откуда-то прилетел,
Крыльями воздух подпирал,
Искал, куда гнездо сделать,
Где будет место для насживания.

*А кор войыс сийõс свис,
Мудзсьыс небыд вутшкõ сунис.* (34: 40–41)
А когда ночь его настигла,
От устали на мягкую кочку нырнул.

3.2.2.2. Грамматические замены

Трансформация, при которой грамматическая единица оригинала преобразуется в единицу ПЯ с иным грамматическим значением. Замена могут подвергаться грамматические структуры ИЯ любого уровня: словоформа, часть речи, член предложения, предложение определенного типа (Комиссаров 1990: 180).

Причинами использования замен являются существующие различия в морфологии и синтаксисе ИЯ и ПЯ, а также стилистические, ритмические, фонетические свойства текста и контекстуальные условия использования той или иной единицы (ОПП: 46).

3.2.2.2.1. Замена формы слова

3.2.2.2.1.1. Замена пассива активом

В финском языке пассив (неопределённо-личная форма глагола; ф. *passiivi*) выражает действие, совершаемое неопределённым лицом. При глагольном сказуемом в пассиве подлежащее отсутствует. Действующее лицо не выражено, т.е. оно либо неизвестно, либо его не хотят называть. Само действие, выраженное пассивной формой глагола, важнее, чем то, кто его совершает. Пассив употребляется во всех временах и наклонениях. Его показатель состоит из суффикса собственно пассива *-tta-*, *-ta-* (*-da-*, *-la-*, *-ra-*, *-na-*) и своеобразного личного окончания *-Vn*, где *V* – удлинение гласного основы соответствующего наклонения пассива. Например: *sanotaan* ‘говорят’ (презенс), *sanottiin* ‘говорили’ (имперфект), *sanottaisiin* ‘говорили бы’ (условное наклонение), *sanottaneen* ‘вероятно говорят’ (возможное наклонение), *sanottakoon* ‘пусть говорят’ (повелительное наклонение), *on sanottu* ‘сказали’ (перфект), *oli sanottu* ‘сказали’ (плюсквамперфект), *olisi / lienee / olkoon sanottu* ‘сказали бы, вероятно сказали, пусть сказали’ (перфект условного, возможного и повелительного наклонения). Отрицательная форма в презенсе всех наклонений образуется с помощью отрицания *ei* (в повелительном наклонении *älkөөn*) и пассивной формы основы глагола (*ei sanota*, *ei sanottaisi*, *ei sanottane*, *älkөөn sanottako*); в имперфекте: *ei* + II причастие пассива (*ei sanottu*); в остальных временах: *ei* + вспомогательный глагол *olla* в соответствующем времени или наклонении + II причастие пассива (*ei ole / oli / olisi / liene / älkөөn olko sanottu*). Кроме своего прямого значения пассив употребляется также вместо 1 л. мн. ч. повелительного и изъявительного наклонения: *sanotaan* ‘скажем!’, *me sanotaan* ‘мы скажем’ (ISK: 137–139, 1254–1256; Karlsson 1982: 169–178; White 2006: 204–216; Морозова 1982: 202–209).

В тексте «Калевалы» пассив иногда употребляется вместо 3 л. мн. ч. активного залога (Niemi 1910: 214).

В коми языке грамматическая категория пассива (неопределённо-личной формы) глагола отсутствует, однако предложения со сказуемым в пассиве могут передаваться неопределённо-личными предложениями со

сказуемым, выраженным глаголом изъявительного наклонения 3 л. мн. ч. настоящего, будущего или прошедшего времени. В данном типе предложений, так же как и в финских предложениях с пассивом, внимание сосредоточено на действии, а субъект действия несущественен, действие совершается неопределённым, т.е. необозначенным субъектом (Попова 1998а: 283).

Помимо замены пассива на глагол в 3 л. мн. ч., в переводе встречаются замены на 3 лицо единственного числа, при этом в предложении появляется сказуемое, которого нет в оригинале. Таким образом, происходит перестройка как структуры предложения, так и его семантики. По этой причине первый случай замены (пассив → 3 л. мн. ч) мы считаем более адекватным.

Показателями 3 л. ед. ч. в коми языке являются: в настоящем времени -*ö*, в будущем -*ас*, в I прошедшем -*и/-i*, -*ис/-ис*, во II прошедшем -*öма* (*висьталö* 'говорит', *висьталас*, *висьталіс*, *висьталöма*). В отрицательном спряжении: отрицательный глагол *оз* в настоящем и будущем времени / *эз* в I прошедшем + основа глагола, *абу* во II прошедшем + основа глагола + -*öма* (*оз / эз висьтав*, *абу висьталöма*). Показатели 3 л. мн. ч.: -*öны* (настоящее время), -*асны* (будущее время), -*исны/-исны* (I прошедшее), -*öмаöсь* (II прошедшее). Отрицательное спряжение: *оз* (настоящее, будущее время) / *эз* (I прошедшее) + основа глагола + суффикс -*ны*, *абу* (II прошедшее) + основа глагола + -*öмаöсь* (*висьталöны*, *висьталасны*, *висьталісны*, *висьталöмаöсь*, *оз / эз висьтавны*, *абу висьталöмаöсь*).

1) Пассив → 3 л. мн. ч. актива

Tuoahan hopeatuorpi,
kultakanni kannetahan... (9: 7–8)
Приносят серебряную кружку,
Золотой кувшин несут...

Эзысь доз мычöны сылы,
Зарни тасьті матыстöны... (9: 7–8)
Серебрянную посуду подают ему,
Золотую чашу подносят...

rauta suosta sotkettihin,
vetelästä vellottihin,
uottihin sepon rajahan. (9: 154–156)
Железо из болота возделали,
Из жидкости взяли
Принесли в кузнеца кузницу.

Нюрысь көртсö перьялісны,
Кизьöр няйтись куралісны,
Кола дорö кыскалісны. (9: 154–156)
Из болота железо доставали,
Из жидкой грязи выгребали,
К кузнице перетаскивали

Lähettihin katsomahan
tuota kuusta kukkapäätä... (10: 129–130)
[Они] отправились смотреть
Ту ель с цветущей верхушкой...

Möddöчисны видзöдлыны
Дзоридзальсь тугья козсö... (10: 122–123)
[Они] отправились смотреть
С цветущей верхушкой ель...

Аналогичный отрывки: **3:** ф/к45–46, ф555–556/к549–550; **7:** ф/к211–213; **9:** ф/к386–388; **40:** ф339–341/к337–339; **44:** ф87–88/к86–87, ф131–132/к127–128.

2) Пассив → 3 л. ед. ч. актива

*hepo alta ammuttihin,
itseäni mielitihin. (7: 69–70)*
Коня снизу пристрелили
Самого меня хотели [убить].

*piti tulla toisen kerran,
lähteä tulen tuville
astalaksi tehtäessä,
miekaksi laottaessa... (9: 95–98)*
Пришлось придти второй раз,
Отправиться в избу огня,
Когда оружие делали (делались),
В меч ковали (ковалось)...

*Etkä silloin suuri ollut,
et ollut suuri etkä pieni,
kun sa suosta sokettihin,
maan muasta muokattihin,
vietihin sepon pajahan,
alle ahjon Ilmarisen. (9: 301–306)*
Не был ты тогда большим
Не был большим и не был маленьким,
Когда тебя из болот возделали,
Из земной грязи обработали,
Принесли в кузнеца кузницу,
Под горн Илмаринена.

*Völöy menam usis-kulic –
Kösiisny öd menö vийны. (7: 70–71)*
Лошадь моя упала-умерла –
Хотели ведь меня убить

*Möдысь ковмис паныдасыны
Бикöд сьлөн оланінас,
Медым вöчисны ёсь шыяс,
Лэчыд шыпурт дорчысь дорис. (9: 95–98)*
Во второй раз пришлось встретиться
С огнём в его жилище,
Чтобы сделали острые копыя,
Острый меч кузнец выковал.

*Tэ öд эн вöв сэки ыджыд,
Эн вöв ыджыд, эн вöв ичöт,
Кодыр тэнö нюрсьыс періис,
Торйöдіс васöд сьöд мусьыс,
Сэсы кола дорö вайис,
Горйö пуктіс Илмаринен. (9: 301–306)*
Ты ведь не был тогда большим,
Не был большим, не был маленьким,
Когда тебя из болота вытащил,
Отделил из сырой черной земли,
Затем в кузницу принес,
В горн положил Илмаринена.

Аналогичный отрывки: **1:** ф176/к а1726173; **3:** ф237–246/к234–242; **8:** ф181–184/к180–183; **40:** ф156/к154, ф201/к199.

3) Пассив → 1 л. мн. ч.

*"Jos et tuostana totelle,
viel' on muita muistetahan,
uuet keinot keksitähän... (9: 383–385)*
«Если это не исполнишь,
Ещё другое вспомним,
Новые способы найдём...

*Тэныд тайö оз кө мөрчы,
Мукöдторьяс мөвныштам на,
Виль ногөн тэ дінö босьтычам... (9: 383–385)*
Тебя это если не возьмёт,
Другое придумаем ещё,
По-новому за тебя возьмёмся...

3.2.2.1.2. Замена времени глагола

В исследуемом переводе нами обнаружены случаи замены прошедшего времени глагола ИЯ на настоящее время глагола ПЯ, а также замена настоящего времени на прошедшее.

Замена прошедшее времени (имперфекта) на настоящее

В финском языке имеется 3 формы прошедшего времени: имперфект (*imperfekti*, прошедшее повествовательное), перфект (*perfekti*, сложное прошедшее время) и плюсквамперфект (*pluskvamperfekti*, давнопрошедшее время).

В тексте перевода встречаются случаи замены имперфекта на настоящее время. Имперфект в финском языке имеет показатель *-i-* (*-si-*), присоединяющийся к основе глагола перед личным окончанием. Он обозначает действие, которое происходило или произошло в определенный момент в прошлом и употребляется обычно в повествовании, при изложении ряда связанных событий, имевших место в прошлом. Отрицательная форма имперфекта образуется аналитически с помощью отрицательного глагола, изменяющегося по лицам (*en, et, ei, emme, ette, eivät*), и причастия главного глагола прошедшего времени (*-nut / -nyt; -neet* в мн.ч.) (ISK 1457–1458; White 2006: 170, 180; Морозова 1982: 171).

Настоящее время в коми языке (*öñя кад*) указывает на действие, совершаемое в момент речи и имеет показатель *-а* в формах 1 и 2 л. и *-ö* в 3. л. В отрицательном спряжении настоящее время выражается корневым гласным *о-* вспомогательных отрицательных глаголов (Цыпанов 2000: 237, 239).

*Hautoi päivän, hautoi toisen,
hautoi kohta kolmannenki.* (1: 215–216)
Высидживала она день, высидживала второй,
Высидживала и третий.

Siitä astui aittamäelle,
astui aittahan sisälle.
Aukaisi parahan arkun,
kannen kirjo kimmahutti... (4: 255–258)
Вот пошла она на амбарную гору,
Ступила внутрь амбара.
Открыла лучший сундук,
Крышку пеструю отворила...

"En ollut merilohia,
syvän aallon ahvenia:
olin kapo, neiti nuori,
sisar nuoren Joukahaisen... (5: 123–126)
«Не была я морской сёмгой
Глубокой волны окунем:
Была я девушка, дева молодая,
Сестра молодого Ёукахайнена.

*Пöжö лун, и мöд лун пöжö,
Коймöд луннас бара позйын.* (1: а209–2106210–211)
Высидживает она день, и второй день высидживает,
На третий день опять в гнезде.

Керöс вылö сийö muñö,
Паськыд жырья кумö пырö.
Медся мича йöртöд восьтö,
Сера вевтö сьлысь вештö... (4: 253–256)
На гору она идёт,
В амбар с просторной комнатой входит,
Самый красивый закром открывает,
Пёструю крышку его сдвигает...

Ме öд абу чими чери,
Пемьд йырын ольсь ёкыш:
Ме морт лола мича ичмонь,
Ёукахайненлöн чойыс... (5: 117–120)
Я ведь не сёмга рыба,
В тёмном омуте живущий окунь:
Я с человеческой душой красивая молодуха,
Ёукахайнена сестра...

Замена прошедшего времени настоящим происходит также в следующих отрывках: **1:** ф290/к а2786280; **2:** ф251/к250, ф356/к351; **3:** ф/к80, ф493/к487, ф505/к499, ф539/к533, ф541/к535, ф543/к537, ф566/к560; **4:** ф231–232/к229–230, ф455–456/к451–452, ф459–460/к455–456, ф463–464/к459–460, ф467–468/к463–464, ф490–492/к486–488; **6:** ф89/к86, ф115–116/к112–113, ф132/к128, ф175/к170; **7:** ф45–50/к46–51, ф110/к111, ф/к165–166, ф/к189, ф351–354/к350–353; **8:** ф/к11–14, ф/к23, ф/к51–52, ф107/к106, ф266/к255; **9:** ф/к47–48, ф/к51–60, ф/к177, ф/к238–239, ф/к450, ф557–558/к556–557; **10:** ф9–12/к8–10, ф14–18/к11–15, ф63/к56, ф155/к147, ф295–306/к279–288, ф473/к445, ф491–493/к463–465, ф505–510/к476–481; **34:** ф37–38/к36–37, ф165–166/к162–163; **40:** ф/к13–14, ф97/к95, ф190/к188, ф194/к192; **41:** ф51–54/к49–52, ф99–102/к97–100, ф170/к166, ф180–

183/к174–177, ф187–188/к180–181, ф193–195/к185–187; **44**: ф/к16. ф/к79, ф83/к82, ф262–263/к259–260, ф289–290/к286–287, ф333–334/к331–332.

Замена настоящего времени прошедшим (I прошедшее время)

Настоящее время глагола в финском языке (*presens*) обозначает момент речи, а также используется для выражения будущего времени, не имеет своих показателей, личные окончания (*-n, -t, V* (гласная корня удваивается), *-mme, -tte, -vat/ -vät*) присоединяются к основе глагола (ISK: 1455–1456; White 2006: 164, 169, 179).

В тексте оригинала «Калевалы» в 3-м лице единственного лица вместо современного литературного удвоения гласной (напр., *menee* ‘идёт’, *tulee* ‘приходит’, *laulaa* ‘поёт’ и т.п.) употребляется окончание *-vi*: *menevi* ‘идёт’, *tulevi* ‘приходит’, *laulavi* ‘поёт’, *antavi* ‘даёт’, *ottavi* ‘берёт’ и т.п. Это происходит вследствие того, что в языке «Калевалы» длинные гласные в слове могут находиться только в первом слоге. Данное явление является одним из типов карелианизмов в тексте эпоса (Turunen 1964: 88).

I прошедшее время (*I колян кад*) в коми языке указывает на действие совершенное до момента речи, образуется при помощи суффикса *-и (-i)* и корневой гласной *э-* у отрицательных глаголов в отрицательном спряжении (Цыпанов 2000: 237, 246–247).

*Mieleni minun tekevi,
aivoni aiattelevi...* (1: 1–2)
Желание моё действует,
Мозг мой думает...

Менам чужіс оти мөвнтор,
Юрö воис сэтійом көсйöм... (1: a1–2)
У меня родилась одна мысль,
В голову пришло такое желание...

*Nostavi pa'an tuletia,
katselvi voitehia,
onko voitehet vakaiset...* (9: 463–465)
Поднимает горшок с огня,
Смотрит мазь,
Хороша ли мазь...

Бипур выльсь пöртсö босьміс,
Пöрт пытикö эв сюя дзоргис:
Кутиём мавтас сійö дасьміс... (9: 463–465)
С костра котёл он взял,
Внутрь котла очень внимательно посмотрел:
Какую мазь он приготовил....

*eikä puutu puinen pursi,
vene tietäjän takellu.* (40: 87–88)
И не застревает деревянный челнок,
Лодка кудесника (не) запинается.

Ээ крукасьлы пуысь пыжыс,
Тöдысь айлön ээ сувт стругыс. (40: 85–86)
Не застряла деревянная лодка,
Кудесника не остановился челнок.

Аналогичные места: **1**: ф151/к а6149, ф180/к а1756176, ф189–190/к а183–1846184–185, ф207–209/к а201–2036202–204, ф219/к а2126213, ф245/к а2346240, ф258/к а2476253, ф295/к а2836285, ф301/к а2896291; **2**: ф/к9–10, ф90/к89, ф126/к125, ф150/к149, ф153–154/к152–153, ф165–166/к164–165, ф207/к206, ф238/к237; **3**: ф/к2, ф/к5–6, ф/к15–16, ф/к73, ф342–343/к338–339, ф489/к483, ф494/к488, ф500/к494; **4**: ф40/к39, ф52/к51, ф76/к75, ф195/к193, ф261–262/к259–260, ф297–298/к295–296, ф320/к318, ф509/к505; **5**: ф37–38/к36–37, ф41–42/к40–41, ф73–74/к68–69, ф145/к139; **6**: ф29–30/к26–27, ф32/к29, ф41–42/к38–39, ф50/к47, ф52/к49, ф103/к100, ф107–108/к104–105, ф130–131/к127, ф184/к177, ф216/к207; **7**: ф104–

105/к105–106, ф/к161, ф/к196, ф/к235–236, ф/к253; **8**: ф/к26–30, ф/к100, ф103/к102, ф205–206/к204–205, ф217–218/к216–217, ф220/к219, ф222/к221, ф229/к228, ф239/к238, ф261/к260; **9**: ф/к87–88, ф/к131, ф/к135, ф/к161–162, ф/к208, ф/к221, ф/к232, ф/к247, ф/к431, ф/к443, ф/к505–506, ф537–538/к536–537, ф565–566/к564–565; **10**: ф32/к28, ф57/к50, ф135–136/к128–129, ф160/к151, ф163/к154, ф187/к177, ф329–331/к309–311, ф347/к325, ф365/к341, ф385/к359, ф390/к364, ф411/к384, ф467–468/к439–440; **34**: ф35–36/к34–35, ф43–44/к42–43, ф171/к168; **40**: ф/к21, ф93/к91, ф115/к113, ф131/к129, ф145/к143, ф178/к176, ф185/к183, ф206–207/к204–205, ф279–280/к277–278, ф319–322/к317–320, ф333/к331; **41**: ф/к3–4, ф136/к132, ф157/к153, ф225–226/к211–212; **44**: ф/к2, ф/к70, ф206/к205, ф239–240/к236–237.

По количественным показателям замена настоящего времени в оригинале на прошедшее в переводе значительно превышает количество примеров обратной замены. Причинами данных преобразований могли послужить невнимательность переводчика к таким местам в оригинале, в которых осуществляется резкая смена времени повествования, а также, возможно, ошибочная трактовка часто встречающегося архаичного суффикса настоящего времени *-vi* как разновидности суффикса прошедшего времени *-i*.

3.2.2.2.1.3. Замена числа глагола

Одной из особенностей синтаксиса рун «Калевалы» является нередко встречающееся в построении предложений отсутствие согласования тех или иных частей речи в числе. Данная несогласованность создаёт необычность повествования и в этом качестве используется как поэтический приём.

Наиболее распространенным случаем такого несогласования является употребление сказуемого в единственном числе при подлежащем оформленным во множественном числе (Niemi 1910: 214). В. Я. Евсеев (1960: 301–302) следующим образом описывает данное явление: «Исчезновение архаического показателя глагола третьего лица множественного числа прошедшего времени изъявительного наклонения *-it* переводит этот глагол-сказуемое в форму единственного числа, хотя существительное-подлежащее при нем сохраняется в форме множественного числа. Возникающая таким образом несогласованность в числе начинает использоваться в рунах как специфическое изобразительное средство, помогающее создать образ коллективного лица, имя которого грамматически оформлено во множественном числе. Возможно, в этом и заключается стилистическая функция такой несогласованности в числе»; «...примитивными стилистическими средствами, выражающими несогласованность в числе, создается впечатление единообразия действия отдельных людей и животных, из которых никто не имеет индивидуальных черт, все вместе составляют своеобразный коллектив, стаю, табун. Характерно, что сказуе-

мое почти никогда не появляется в единственном числе, которое обозначает совокупность неодушевленных предметов».

В исследуемых нами оригиналах рун «Калевалы», переведённых на коми язык, также встречаются случаи подобного несогласования в числе, при котором подлежащее стоит во множественном числе, а сказуемое в единственном. При переводе эта несогласованность пропадает, предложения приобретают естественный вид, когда подлежащее согласуется в числе со сказуемым. Таким образом, в процессе перевода наблюдается обязательная трансформация замены формы слова, а именно числа глагола-сказуемого.

Наиболее часто данная особенность синтаксиса «Калевалы» и её трансформация при переводе наблюдается в тексте 41-й руны:

*Tapiolan tarkka ukko,
itse Metsolan isäntä,
ja kaikki Tapion kansa,
sekä piiat jotta poijat
kulki vuoren kukkulalle
soittoa tajuamahan. (41: 57–62)*
Тапиолы мудрый старец,
Сам Метсолы хозяин,
И весь Тапио народ,
И служанки и батраки,
Пошёл на вершину холма
Игру послушать.

*Uipi hauit hangotellen,
ve'en koirat vengotellen... (41: 123–124)*
Приплыл щуки петляя,
Водяные собаки изгибаюсь...

*itki nuoret, itki vanhat,
itki miehet naimattomat,
itki nainehet urohot,
itki poijat puol'-ikäiset,
sekä poijat jotta neiet,
jotta pienet piikasetki... (41: 177–182)*
Плакал молодые, плакал старые,
Плакал мужчины не женатые,
Плакал женатые герои,
Плакал парни-подростки,
Как парни, так и девицы,
И маленькие девочки.

*Тапиоласа стрöг пöльö,
Метсоласа олöм кутысь
И став Тапиоса войтыр,
Мича нывьяс, удал зонъяс
Котрöтисны керöс вылö
Нимкодясьны ворсан шыöн. (41: 55–60)*
Тапиолы строгий старец,
Повелитель жизни Тапиолы
И весь народ Тапио,
Красивые девушки, удалые парни
Поспешили на холм
Радоваться звукам игры.

*Сиръяс, быттö васа понъяс,
Виччысьöмöн матыстисны. (41: 119–120)*
Щуки, будто водяные собаки,
Осторожно приблизились.

*Бурлак зонъяс бöрддзалисны,
Версьöбяслöн синмыс вазьö.
Бöрдöны тийöтти зонпоснияс,
Накöд сиктса анъяс, нывьяс,
Весиг челядь шензьöмабсь –
Сэтийöм лöсьыд ворсöм шыыс... (41: 172–177)*
Бравые парни расплакались,
У взрослых глаза намокли.
Плачут и мальчишки,
С ними сельские женщины, девушки,
Даже дети удивились –
Так прекрасен звук игры.

Аналогичные места из других рун: **1:** ф225–230/к6218–223; **2:** ф/к33–35, ф/к37; **3:** ф/к11–12, ф296/к291, ф298/к294; **4:** ф489/к485; **7:** ф259–260/к259–260; **9:** ф/к47–48, ф/к86, ф/к487–488; **10:** ф313–314/к293–294; **40:** ф245–250/к243–247, ф259–262/к257–260, ф295–298/к293–296; **41:** ф21/к20, ф29/к28, ф37/к35, 127–130/к123–126; **44:** ф259–268/к256–265, ф299–302/к296–299, ф320/к318, ф325–328/к323–326.

3.2.2.2.1.4. Замена числа имён существительных (прилагательных)

Грамматическая категория числа существительного указывает на число предметов. В финском и коми языках категория числа включает в себе противопоставление форм единственного и множественного числа. Единственное число указывает на единичный, отдельный предмет (явление), множественное – на наличие более одного предмета или явления.

В финском языке единственное число (*yksikkö*) не имеет своего показателя. Множественное число (*monikko*) выражается двумя суффиксами: *-t* и *-i-* (*-j-*). Первый используется в номинативе и аккузативе, второй – во всех остальных падежах. При этом в финском языке существуют существительные, которые употребляются только во множественном числе, хотя и обозначают понятие в единственном числе (*monikkosana, plurale tantum*), напр.: *kasvot* ‘лицо’, *hiukset* ‘волосы’, *aivot* ‘мозг’, *housut* ‘брюки’, *sakset* ‘ножницы’, *häät* ‘свадьба’, *hautajaiset* ‘похороны’, *markinat* ‘ярмарка, рынок’ и т.д. (ISK: 107, 553; Karlsson 1982: 78–79; White 2006: 49, 66).

Категория числа в коми языке, также как и в финском, включает в себя единственное и множественное число. Единственное число (*отка лыд*) не имеет своего показателя, показателем множественного числа (*уна лыд*) является суффикс *-яс*. Множественное число может выражаться также суффиксом *-ян*, который употребляется только со словом *ни* ‘сын, детеныш’: *пиян* ‘сыновья, детеныши животных’, *ошпиян* ‘медвежата’, *каньпиян* ‘котята’ и т.п. В коми языке нет существительных, которые употребляются либо только в единственном числе, либо только во множественном числе (Некрасова 2000: 44, 51).

В тексте перевода нами выявлены случаи как замены множественного числа на единственное, так и наоборот. В некоторых случаях данные преобразования носят обязательный характер. К ним относятся примеры со словами, употребляемыми в финском языке только во множественном числе, но перестающими быть таковыми в коми. Остальные случаи – факультативны и носят стилистический характер.

Замена множественного числа на единственное

а) *plurale tantum (monikkosana)* → слово в единственном числе

jalkahan kiviset kengät,
puksut puiset lantehille... (3: 61–62)
На ноги каменную обувь,
Штаны деревянные на бёдра...

Ei kastu sisaren kasvot... (4: 287)
Не намокнет сестры лицо...

niin miniä miehelässä,
kuin on koira kahlehisä. (8: 77–78)
Так невестка в доме мужа,
Как собака на цепи.

Кокас изйысь кӧмкот лoас,
Луысь гачыс кокас бшъяс... (3: 61–62)
На ногах из камня обувь будет,
Из дерева штаны на ногах повиснут...

Чойлӧн чужӧмыс оз кӧтась... (4: 285)
Сестры лицо не намокнет...

Моньыд энъка-айка ордын,
Кыдзи кычан домӧд йылын. (8: 77–78)
Невестка у свекрови-свёкра,
Как щенок на привязи.

pihet pikkuiset piossa. (9: 112)
Клещи маленькие в ладоши.

Ичѳт кес кабырас сьлѳн. (9: 112)
Маленькие клещи в кулаке у него.

Аналогичные примеры: 44: ф146/к145

б) другие слова во множественном числе → единственное число

yksin meillä yѳt tulevat,
yksin pѳivѳt valkeavat... (1: 105–106)
Одни у нас ночи приходят,
Одни дни светлеют...

Вѳйыс миян ѳтнас локтѳ,
ѳтнас лун югѳрыс югѳѳ... (1: a104–105)
Ночь у нас одна приходит,
Один дня луч светит...

(ei) veikon silmѳt vettѳ vuoa... (4: 288)
Брата глаза воду не прольют...

Воклѳн синмысь оз пет синва... (4: 286)
Из глаз брата не выйдут слезы...

Itse Kullervo kѳveli,
astui eelle jonnekunne,
pѳivѳn korpiѳ koviѳ.
hiien hirsikankahia. (34: 37–40)
Сам Куллерво шѳл,
Ступал вперед куда-то,
Днем лесами глухими,
Борами Хийси.

Куллерво пыр водѳѳ мунѳ,
Оз тѳѳ ачыс, кытчѳ шавксѳѳ.
Пемыѳ расѳѳд лунтыр мунис,
Рытлань Хийси ягѳѳз воис... (34: 36–39)
Куллерво все вперед идет,
Не знает сам, куда несется.
Тѳмной рощей весь день шѳл,
К вечеру до бора Хийси дошѳл...

Аналогичные отрывки: **2:** ф/к21, ф/к25–29, ф/к32, ф/к34–40, ф207–208/к206–207, ф225–226/к224–225, ф228–229/к227–228, ф232–233/к231–232, ф311–312/к309–310, ф376–377/к371–372; **3:** ф/к65, ф105–106/к104–105, ф243/к239, ф279/к274, ф287–288/к282–283, ф297/к293, ф302/к298, ф304/к300, ф306/к302, ф308/к304, ф310/к306, ф312/к308, ф314/к310, ф321/к317, ф324/к320, ф382–383/к378–379, ф398–399/к394–395, ф416–417/к411–412, ф434/к428, ф463–464/к457–458, ф579–580/к573–574; **4:** ф313–314/к311–312; **5:** ф7–8/к6–7; **8:** ф/к5; **9:** ф/к297, ф/к523; **10:** ф253–254/к239–240; **34:** ф25/к24, ф63/к61, ф65–66/к63–64, ф81–84/к79–82, ф90/к88, ф185/к182; ф225/к222, ф243–246/к239–242; **40:** ф28/к27, ф30–31/к29–30, ф37/к36, ф57/к55, ф109/к107, ф125–126/к123–124, ф163–164/к161–162, ф187/к185, ф193/к191, ф203–204/к201–202, ф210/к208, ф214/к212, ф220/к218, ф238–240/к236–238, ф245/к243, ф247/к245; **41:** ф41/к39, ф85/к83, ф87–88/к85–86, ф89–90/к87–88, ф125–128/к121–124; **44:** ф/к39–40, ф/к43–44, ф103–104/к102–103, ф148–149/к147–148, ф182/к181, ф185/к184, ф199/к198, ф203/к202, ф262/к259, ф317–319/к315–317, ф328/к326, ф333–334/к331–332.

Замена единственного числа на множественное

...kuulevi mereltѳ itkun,
poikki joen juorotuksen. (7: 161–162)
Слышит с моря плачь,
Из-за реки стон.

Кодкѳ саридз дорын бѳрдис,
Юяс сайын ѳйзѳм кылис. (7: 161–162)
Кто-то у моря плакал,
За реками стон слышался.

...tuli pitkän sillan päähän,
Kalevalan kankahalle,
Osmon *pellon pientarelle*. (10: 18–20)
Прибыл на длинный мост,
В бор Калевалы,
На край поля Осмо.

Istuite kihokivelle... (40: 26)
Сядь на пенный камень...

Вуджõ поскõд коймõд лунõ,
Воõ Калевала муõ,
Осмо потиõм *йõрьяс* бокõ. (10: 14–16)
Переpravляется по мосту на третий день
Прибывает в землю Калевалы,
К огороженным землям Осмо.

Луксьы васõд иэвьяс вылõ... (40: 25)
Сядь на сырые камни...

Аналогичные места: **2:** ф/к61, ф112/к111, ф153/к152, 174/к173, ф247/к246, ф250/к249, ф293/к292, ф299/к298, ф300/к299, ф310/к308, ф343/к339, **3:** ф/к63, ф136/к135, ф190/к187, ф281–282/к276–277, **9:** ф/к526; **34:** ф/к14; **40:** ф/к4, ф/к19–21, ф51/к49, ф97/к95, ф117/к115, ф208/к206.

3.2.2.2.1.5. Замена степеней сравнения прилагательных

Степени сравнения – грамматическая категория, выражающая различия в степени проявления качества. Различаются три степени сравнения: положительная, сравнительная и превосходная. Положительная степень обозначает качество предмета вне сопоставления с проявлением качества другого предмета. Сравнительная степень указывает на наличие у объекта какого-либо качества в большей степени, чем у другого. Превосходная степень указывает на качество, присущее предмету в высшей мере, т.е. больше, чем всем остальным.

В финском языке положительная степень (*positiivi*) не имеет специальных показателей. Сравнительная степень (*komparatiivi*) выражается с помощью суффикса *-mpi*, который при склонении в сильной ступени имеет форму *-mpa / -mpä* и *-mta / -mtä* в слабой. Показателем превосходной степени (*superlatiivi*) является суффикс *-in*, также при склонении видоизменяющийся в *-impa / -impä* (сильная ступень) и *-imma / -immä* (слабая ступень) (ISK: 292–293; Karlsson 1982: 203–208; White 2006: 93–99).

В коми языке, как и в финском, положительная степень прилагательных (*подув форма*) морфологически никак не выражается. Формой выражения сравнительной степени (*õtкодъялан тиунõд*) является суффикс *-джык*. Превосходная степень (*медвылыс тиунõд*) может выражаться синтетически и аналитически. Синтетическая форма образуется с помощью приставки *мед-*, присоединяющейся к положительной форме прилагательного. Аналитическая – с использованием частицы *медся* ‘самый’, которая ставится перед формой положительной степени.

Значения сравнительной и превосходных степеней сравнения прилагательных в коми языке могут быть выражены также синтаксическим способом. Сравнительная степень: с помощью словоформы в исходном падеже и основной формы прилагательного: *ошкысь ён* ‘сильнее медведя’. Превосходная степень: с помощью местоимений *став*, *быдõн* ‘все’ в исходном падеже и основной формы прилагательного: *ставсьыс мича* ‘красивее всех’, *быдõнысь ён* ‘сильнее всех’. Прилагательные в данных

конструкциях могут присоединять суффикс *-джык* и приставку *мед-*, при этом значения сравнения усиливаются (Некрасова 1998а: 467–469; Лудыкова 2000: 116–118).

Нами обнаружены следующие случаи замены степеней сравнения, носящие, как правило, необязательный характер:

Сравнительная степень → положительная степень

Rauta tahteli tavata
vanhempata veikkoansa... (9: 68–69)
Железо хотело повстречать
Своего старшего брата...

Köрт пыр паныдасьны көсийс,
Töдмасьны ыджыд вокыкөд...(9: 68–69)
Железо все встретиться хотело,
Познакомится со старшим (букв. большим)
братом...

Замена степени сравнения в переводе связана с различиями в выражении старшинства в терминах родства. В финском языке такие понятия, как старший, младший брат, старшая, младшая сестра и т.п. образуются при помощи прилагательного в сравнительной степени (*vanhempi, nuorempi*). В коми языке в подобных конструкциях может использоваться положительная степень, т.е. основная форма прилагательных.

Siell' on tyttäret somemmat,
neiet kahta kaunihimmat,
viittä, kuutta virkeämmät,
ei Joukon jorottaria,
Lapin lapsilöntäreitä. (5: 231–235)
Там девушки более хорошие,
Девушки дважды красивее,
Пять, шесть раз резвее (живее),
Не буки из Ёуко,
Не увальни из Лаппи.

Сэни медся мича аньяс,
Найö кык пöв бурöсь, шаньöсь,
Вит да квайт пöв збойöсь, ярöсь
Ёукоса дышпозьясысь,
Лопар муса кыз гырьясысь. (5: 225–229)
Там самые красивые женщины,
Они в два раза лучше, скромнее (приветливее)
(букв. два раза хорошие, скромные),
В пять и шесть раз бойче, рьянее
(букв. бойкие, рьяные)
Ёукоских лентяек,
Лапландских толстых ступ.

В данном случае замена сравнительной степени на положительную происходит вследствие использования в переводе синтаксической формы выражения значения сравнительной степени: существительное в исходном падеже + основная форма прилагательного (*дышпозьясысь, гырьясысь бурöсь, шаньöсь збойöсь, ярöсь*).

В первой строчке происходит замена сравнительной степени на превосходную (*sotetri* ‘красивее’ → *медся мича* ‘самый красивый’).

Аналогичный отрывок: **З:** ф440/к434.

Превосходная степень → положительная степень

Isosiko vai emosi
vaiko vanhin veljiäsi
vai nuorin sisariasi
vaiko muu sukusi suuri?
"Ei isosi, ei emosi
eikä vanhin veljiäsi,
ei nuorin sisariasi

Гаикö, батыд либö мамыд,
Либö тэнад ыджыд вокыд,
Гаикö, тэнад ичöт чойыд,
Либö кодкö ыджыд рöдсьыд?
Дерт, эз батыд и эз мамыд,
И эз тэнад ыджыд вокыд,
И эз тэнад ичöт чойыд,

eikä minä sukusi suuri... (9: 325–332)
 Отец твой или мать твоя,
 Или самый старший из братьев твоих,
 Или самая младшая из сестёр твоих,
 Или другой из родни твоей большой?
 «Не отец твой, не мать твоя
 И не самый старший из братьев твоих,
 Не самая младшая из сестёр твоих,
 И не другой из родни твоей большой...

Некод тэнад ыджыд рёдысь... (9: 325–332)
 Может, отец твой или мать твоя,
 Или твой старший брат,
 Может, твоя младшая сестра,
 Или кто-то из большого рода твоего?
 Конечно, не отец твой и не мать твоя,
 И не твой старший брат,
 И не твоя младшая сестра,
 Никто из твоего большого рода...

Аналогичный отрывок: **З: ф351/к347.**

Сравнительная степень → превосходная степень

*Neityeni nuorempani,
 lapseni vakavimpani!* (10: 221–222)
 Дочь моя младшая,
 Дитя моё самое маленькое!

*Менам дона медтом нылёй,
 Челядь пьись медся милёй...* (10: 211–212)
 Моя дорогая самая младшая дочь,
 Среди детей самая милая...

Аналогичный отрывок: **З: ф439/к433**

Положительная степень → сравнительная степень

*Sanoi vanha Väinämöinen,
 virkki uuelle venolle...* (44: 47–48)
 Сказал старый Вяйнямёйнен,
 Промолвил новой лодке...

*Пёрысь Вяйнямёйнен шуис,
 Вьльджык пьжлы тадзи кайтис...* (44: 47–48)
 Старый Вяйнямёйнен сказал,
 Более новой лодке так повторил...

Положительная степень → превосходная степень

*nousin suurelle mäelle,
 korkealle kukkulalle.* (34: 231–232)
 Поднялась [я] на большую гору,
 На высокий холм.

*Кайи ыджыд гёра вьлө,
 Медся гырысь нёрыс йылё...* (34: 227–228)
 Поднялась [я] на большую гору,
 На самый крупный холм.

3.2.2.2. Замена частей речи

3.2.2.2.1. Замена II инфинитива

Инструктив II инфинитива

О функции и значении инструктива II инфинитива см. в пункте 3.2.2.1.2.3. (Развёртывание модальной конструкции).

В подавляющем большинстве случаев данная финская конструкция в исследуемом переводе передается на коми язык с помощью деепричастий с суффиксами *-иг / -ig*, *-игтыр(йи) / -игтыр(йи)*, *-ёмён*. Данная замена наиболее адекватно передаёт значение финской конструкции.

Суффикс *-иг / -ig* образует деепричастие, действие которого протекает одновременно с действием главного глагола предложения, являясь дополнительным и тесно с ним связанным, а также характеризует образ его протекания (Цыпанов 2000: 355–257).

*Läksi soitellen seposta,
ilon lyöen Ilman mailta,
kullervoiten kankahalla,
patakoitellen palolla...*(34: 11–14)
Отправился играя от кузнеца,
Радуюсь с земель Илмы,
Трубя по бору,
Шумя по пожоге.

*Дорчысь ордьсь муніс сьыліг,
Илма муысь вёрзис ворсіг,
Чупсасигтыр вёрса туйод,
Буксігтырйи мылькьяс пёлөн.* (34: 11–14)
От кузнеца ушёл напевая,
Из земли Илмы отправился играя,
Свистя (на дудке) по лесной дороге,
Гудя вдоль холмов.

Суффикс *-игтыр(йи) / -игтыр(йи)* произошёл из суффикса *-иг / -иг* и послелога *тыр, тырйи*, который в современном коми языке имеет форму *дырйи* ‘во время, в период, при ком-либо, в присутствии кого-либо’. Деепричастие с данным суффиксом обозначает действие, протекающее одновременно с главным действием. Также оно может обозначать как дополнительное, тесно связанное с главным, действие, так и действие, характеризующее образ протекания главного глагола предложения (Цыпанов 2000: 373–376).

*Meni itkien kotihin,
kallotellen kartanolle.* (4: 37–38)
Пошла плача домой,
Стеная на двор.

*Муніс гортас бёрдігтырйи.
Бать-мам дорас горзигтырйи.* (4: 36–37)
Пошла домой плача,
К отцу-матери ревя.

Tuli korppi koikotellen. (41: 239)
Прилетел ворон каркая.

Vois рака кравзигтырйи...(41: 224)
Прилетела ворона каркая...

Аналогичные примеры: 4: ф193–194/к190–191; 41: ф74/к72.

Суффикс *-омён* образовался путём слияния суффиксов отглагольного существительного *-ом* и творительного падежа *-ён*. Деепричастие с таким показателем также как и деепричастия предыдущих типов может обозначать или дополнительное, тесно связанное с главным, или характеризующее образ протекания главного глагола действие. Оно может быть как одновременным с главным, так и совершённым до него (Цыпанов 2000: 384–386).

*Viikon vuotti Väinämöistä,
viikon vuotti, ei väsynyt,
istnellен ikkunoissa,
valvoen vajojen päissä,
kuunnellen kujan perällä,
vahtaellen vainiolla.* (6: 65–70)
Долго ждал Вяйнямёйнена,
Долго ждал, не устал,
Сидя у окна,
Наблюдая у дверей сараев
Слушая в конце переулка,
Сторожа на пашне.

*Вежон Вяйнямёйнен абу,
Мудзтёдз виччьсьёма лои
Ошнь дорын пукаломён,
Кильчö вылын судаломён,
Мир туй бокын кыезьсьомён,
Муяс вомён видзёмомён.* (6: 62–67)
Недели Вяйнямёйнена нет,
До устали ждать пришлось,
У окна сидя,
На крыльце стоя,
На краю дороги слушаю,
Через поля смотряю.

*Uipi hauit hangotellen,
ve'en koirat vengotellen...* (41: 123–124)
Приплыл(и) шуки петляя,
Водяные собаки изгибаюсь...

*Сирьяс, быттё васа поньяс,
Виччьсьомён матыстчисны.* (41: 119–120)
Шуки, будто водяные собаки,
Выжидая, приблизились.

Аналогичные примеры: 8: ф145–146/к144–145; 9: ф579–582/к578–581.

Инессив II инфинитива

О значении и функции инессива II инфинитива см. в пункте 3.2.2.1.2.1. (Развёртывание временных конструкций).

В некоторых случаях конструкция инессива II инфинитива заменяется в переводе деепричастиями с суффиксами *-ig* (*-иг*), *-igön* (*-игөн*), *-igac* (*-игас*). Данная замена, а также развёртывание в сложное предложение с союзом *кор*, *кодыр* ‘когда’ (см. пункт 3.2.2.1.2.1.), являются наиболее адекватно передающими значение финской конструкции, хотя количественно и уступают трансформации развёртывания в другие типы сложных предложений.

Суффикс коми деепричастия *-igön* (*-игөн*) служит для обозначения дополнительного действия, совершаемого одновременно с главным действием в предложении. По своей структуре он произошёл из суффикса деепричастия *-ig* (*-иг*) и падежного суффикса *-ön* местного и творительного падежа (в последствии суффиксами этих падежей стали соответственно *-ын* и *-өн*) (Цыпанов 2000: 359–362).

Суффикс деепричастия *-igac* (*-игас*) образовался путём слияния суффиксов местного и вступительных падежей определённо-притяжательного склонения (3 л. ед. ч.) *-ac* с деепричастным суффиксом *-ig* (*-иг*) и служит для обозначения действия, совершаемого одновременно с главным действием субъектом в 3 л. ед. ч. Субъекты дополнительного и основного действия могут совпадать, а могут быть разными (Цыпанов 2000: 367–369).

*Niit' ennen isoni lauloi
kirvesvarтта vuollessansa;*

niitä äitini opetti

yätessänsä värttinätä... (1: 37–40)

Их мне отец пел,

Строгая рукоятку для топора;

Их мне мать учила,

Крутя веретено...

Менам айöй сийöс сьывліс

Рытын чер пу вöдäлiгöн;

Печкан дорын мамöй мойдліс

Тöвсьöв лунъяс кoдлiгiгöн. (1: а37–40)

Мой отец её пел

Вечером, строгая рукоятку для топора,

У прялки мать рассказывала,

Зимние дни коротая.

Менам айöй сийöс сьывліс

Рытын чер пу вöдäлiгöн;

Печкан дорын мамöй мойдліс

Тöвсья лунö шадö печкиз. (1: 637–40)

Мой отец её пел

Вечером, строгая рукоятку для топора,

У прялки мать рассказывала,

Зимним днем лён прядя.

Sanoi kerran kuollessansa,

virkki vielä vierressänsä... (4: 329–330)

Сказала однажды умирая,

Промолвила ещё утопая...

Кулiгac нин сийö шуис,

Гьяс пöвстьсь тадзи кайтис... (4: 327–328)

Умирая уже она сказала,

Среди волн так повторила...

3.2.2.2.2.2. Замена III инфинитива

Элатив III инфинитива

О функции и значении элатива III инфинитива см. в пункте 3.2.2.1.1.2. (Конструкции с III инфинитивом)

В переводе в некоторых случаях данная инфинитивная конструкция заменяется отглагольным существительным:

*Otti miehen itkemästä,
urohon urisemasta...* (7: 225–226)
Взяла человека из плача,
Богатыря из бормотания (брюзжания)...

*Бърданисъяс мортеб босьтис,
Шогсянисъяс сийос нуис...* (7: 225–226)
Из места, где плакал, человека взяла,
Из места печали его увела...

Абессив III инфинитива

О функции и значении абессива III инфинитива см. в пункте 3.2.2.1.1.2. (Конструкции с III инфинитивом)

В переводе он в ряде случаев заменяется на отрицательное причастие с суффиксом *-тõм*. Хотя примеры замены на причастие в количественном отношении значительно уступают количеству случаев развёртывания этой же конструкции на сложное предложение (см. пункт 3.2.2.1.1.2.), коми отрицательное причастие адекватнее передаёт значение финской конструкции.

*marjat on maalla poimimatta,
lahen rannat laulamatta...* (10: 459–460)
Ягоды на земле не собраны,
Залива берега не воспеты...

*Уна чõд-пув õктытõм на,
Уна сълынкыв на съвътõм...* (10: 431–432)
Много черники-брусники не собранной ещё,
Много песен ещё не спето...

*Jää hivukset hiipomatta,
tukat kesken suorimatta.* (41: 153–154)
Остались волоски не разглаженными,
Волосы не выпрямленными.

*Юрлõн колис õти пõлыс
Сынылыштõм-шыльдыштõм.* (41: 149–150)
Головы осталась одна половина
Не расчесанная, не разглаженная.

3.2.2.2.3. Замена существительного местоимением (прономинализация)

Одним из самых распространенных и простых случаев замены частей речи является замена существительного местоимением.

Чаще всего это происходит при передаче параллелизмов: синоним предмета или понятия, названного в оригинале в одной из строк параллелизма, при переводе заменяется местоимением. Данное явление обусловлено тем, что в ПЯ у того или иного наименования либо не имеется синонима, либо его использование по каким-то причинам в данном контексте невозможно или не желательно.

Примеры данной замены из рун 1 и 4:

*Viikon on virteni vilussa,
kauan kaihossa sijainnut.
Veänkö vilusta virret,
lapan laulut pakkasesta,
tuon turahan vakkaseni,
rasian rahin nenähän...* (1: 79–84)
Долго моя песня в прохладе,
Долго в тени находилась.
Занесу ли с прохлады песни,
Принесу песни с мороза,
Принесу в избу свой короб,
Коробку на конец лавки...

*Дыркодь куйлис кызди йиын
Съыланкывйыс кõдзыд пыын.
Гашкõ, босьта найбс сэтъсь?
Вая съыланкывсõ кумысь?
Пырта керка пытишкõ падъян,
Пукта сийõс лабич вьлõ...* (1: а678–83)
Долго лежала как во льду
Песня в холоде.
Может, возьму их оттуда?
Принесу песню из амбара?
Занесу в дом короб,
Положу его на лавку...

*Taitoin vastan taatolleni,
toisen taitoin maammolleni...* (4: 87–88)
Сделала веник своему отцу,
Второй сделала своей матери...

Läksin rannalle pesohon... (4: 339, 347, 355)
Отправилась [я] на берег помыться...

*mikä rannalla risuja,
se on kurjan kylkiluita...* (4: 367–368)
Что на берегу хворостинки,
Это бедняжки рёбра

Jänis varman vastaeli... (4: 403)
Заяц уверено ответил...

*Медводз батлы корось вёчи,
Мёддос тэньд пысьём выль...* (4: 86–87)
Сначала отцу веник сделала,
Второй тебе париться...

Мыссыны ме докти татчө... (4: 337, 345, 353)
Помыться я пришла сюда...

*Берегдорса посни баддыс –
Сійд ордлыясой менам...* (4: 365–366)
Прибрежная мелкая ива –
Это рёбра мои....

Тадзи көчиль вочавидзис... (4: 401)
Так заяц ответил....

Подобные фрагменты: **1:** ф131–133/к аб129–131, ф193–194/к а187–188б188–189; **2:** ф/к84, ф111/к110, ф151/к150; **3:** ф/к41, ф550/к544; **4:** ф331/к329, ф373–375/к371–373, ф383/к381, ф391/к389, ф399/к397; **5:** ф84/к79, ф232/к226; **6:** ф45/к42, ф125/к123; **7:** ф40/к41, ф55/к56, ф62/к63, ф/к226, ф/к280; **8:** ф/к43, ф155/к154; **9:** ф/к16, ф/к24, ф/к298, ф/к388, ф/к418, ф/к439–442; **34:** ф216/к213; **40:** ф93/к91, ф138/к136, ф342/к340.

3.2.2.2.3. Замена членов предложения

При замене членов предложения слова и группы слов в тексте перевода употребляются в иных синтаксических функциях, чем их соответствия в тексте подлинника – происходит перестройка, реструктурирование синтаксической схемы построения предложения. Причины такого рода изменений могут быть различными. Чаще всего это вызывается необходимостью передачи коммуникативного членения предложения (Бархударов 2010: 198).

Членами предложения являются знаменательные слова (или словосочетания), выражающие определенные синтаксические отношения и находящиеся между собой в определенных синтаксических связях. Каждое предложение состоит из организующих его словоформ, находящихся в определенных отношениях друг к другу. Одни члены предложения организуют его минимальную основу и являются главными: в двусоставном предложении – это подлежащее и сказуемое; в односоставном предложении – главный член односоставного предложения: или подлежащее, или сказуемое. Главные члены предложения входят в качестве строевых компонентов в структурную схему предложений и образуют их предикативный центр. Другие члены предложения являются распространяющими и второстепенными: это определение, дополнение, обстоятельство. Второстепенные члены предложения поясняют как главные члены, так и господствующие второстепенные. Главные члены предложения выделяются как главные лишь на фоне второстепенных. Они, как правило, структурно обязательны, а второстепенные могут быть факультативными и структурно необязательными (Попова 1998б: 557).

В финском языке сказуемое (*predikaatti*) – главный глагол предложения, глагол в личной форме (в активе или пассиве), который сообщает, что кем-то совершается, или что делают, что происходит (White 2006: 238). Сказуемое в коми языке (*сказуемӧй, юӧрнас*) – главный член предложения, выражающий предикативный признак (действие, процесс, состояние, свойство, качество) предмета или лица, названного подлежащим, и обозначающий все объективно-модальные и временные значения предложения. По структуре сказуемое бывает простым и сложным. По морфологическому выражению различаются сказуемые глагольные (выражены спрягаемым глаголом, инфинитивом, деепричастием, обозначающими активное действие, процесс), именные (выражены существительным, прилагательным, местоимением, числительным, причастием, обозначающими признак предмета), наречные (выражены наречием) (Лудыкова 1991: 10–16; Лудыкова 1998: 431).

Подлежащее, как в финском, так и в коми языке, обозначает предмет речи (высказывания), производящий действие или находящийся в каком либо состоянии. В финском языке подлежащим (*subjekti*) чаще всего является существительное, местоимение, числительное в номинативе (самая распространенная форма), партитиве и генитиве (некоторые типы предложений). При сказуемом в 1 и 2 л. ед. и мн. ч. подлежащее часто не отображено в структуре предложения, оно видно из личных показателей глаголов. В коми языке подлежащим (*подлежащӧй, подувнас*) может быть существительное и местоимение в именительном падеже, числительное, количественное наречие, инфинитив, словосочетание (White 2006: 240–242; Лудыкова 1991: 8).

В финском языке дополнение (*objekti*) обозначает объект, на который направлено действие или который является результатом этого действия. Дополнение связано со сказуемым, дополняет его, уточняет его значение. Оно имеет форму партитива и аккумулятива. (White 2006: 246–254) В коми языке выделяют прямое и косвенное дополнения (*дополнение, содтӧднас*). Прямое дополнение – дополнение в форме винительного падежа, связанное с выраженным глаголом членом предложения и обозначающее объект на который непосредственно направлено действие. Косвенное дополнение обозначает предмет, на который действие направлено не прямо, а косвенно, и которое имеет форму существительного (или слова в этой роли) косвенных падежей с послелогоми или без них. Также в коми языке выделяют косвенное приимённое дополнение, которое относится к членам предложения, выраженным прилагательными, наречиями, безлично-предикативным словам. (Попова 1998в: 110–111; Лудыкова 1991: 28–29).

Определение – второстепенный член предложения, поясняющий слово с предметным значением, обозначающий его признаки, качество или его принадлежность какому-либо другому предмету. В финском языке определением (*attribuutti*) может быть прилагательное, причастие, местоимение, числительное. Определение чаще всего стоит перед определяемым словом и согласуется с ним в числе и падеже. (White 2006: 262–264). В

коми языке определением (*определение, тӧдчӧдан*) может быть прилагательное, числительное, причастие, существительное в форме основы, родительного и притяжательного (иногда и других) падежах, существительное с послелогоми, инфинитив, словосочетание. (Попова 1998г: 319–320; Лудыкова 1991: 30–31).

Обстоятельство (ф. *adverbiaali*, к. *ноганас*) – второстепенный член, обозначающий качественную характеристику действия, состояния или признака, условия, сопровождающие их (место, время, меру, причину, цель и т.п.). Обстоятельство связано с членом предложения, выраженным глаголом, иногда прилагательным и наречием. Обычно обстоятельство является наречием, существительным или местоимением в косвенных падежах, в коми языке в сочетании с послелогоми, инфинитивом и фразеологизмами наречного типа (White 2006: 264–265; Попова 1998г: 301; Лудыкова 1991: 32–33).

В финском языке выделяется также член предложения предикатив (*predikatiivi*). Данный член предложения указывает на признак (какой, чьей) подлежащего и может быть прилагательным, существительным, местоимением в номинативе, партитиве или генитиве. В предложении с предикативом используется глагол бытия, который обычно является сказуемым. (White 2006: 255–262). Данный финский член предложения соответствует именному сказуемому в коми языке.

В переводе нами обнаружены следующие типы замены членов предложения:

Подлежащее → дополнение (прямое или косвенное)

ei **emo** pane pahaksi... (4: 286)
Мать не обидится (расстроится)...

Мамӧс шогыс оз жӧ жуӧд... (4: 284)
Мать горе тоже не сломаёт...

[**Hän**] Sai kyllin kaloja muita... (5: 158)
[Он] поймал достаточно рыб других...

Уна чери **сыды** сюрис... (5: 152)
Много рыб ему подалось...

yksi **siipi** vettä viisti... (7: 47)
Одно крыло по воде волочится (воды касается)...

Ӧти **борднас** васӧ чышкӧ... (7: 48)
Одним крылом воду трёт (подметает)

Аналогичные примеры: **2**: ф/к41–42, ф154/к153, ф231/к230; **3**: ф214/к211, ф300/к296, ф480/к474; **7**: ф49/к50, ф/к201–202, ф357/к356; **8**: ф/к83; **9**: ф558/к557; **44**: ф/к75, ф261–262/к258–259.

Подлежащее → обстоятельство

[ei] veikon **silmät** vettä vuoa... (4: 288)
У брата глаза не прольют воду...

Воклӧн **синмысь** оз пет синва... (4: 286)
У брата из глаз не выйдут слёзы...

Jo nyt jaksoi **jalka** käyä... (9: 557)
Уж теперь смогла нога ходить...

Кок йьдас нин вермӧ сувтны... (9: 556)
На ноги уже может встать...

kangas vastahan kajahti... (34: 16)
Бор в ответ отзывался (эхом)...

Йӧлӧга шы кылӧс **расысь**... (34: 16)
Звук эха слышался из рошчи (зарослей)...

Аналогичные примеры: **2:** ф153/к152, ф180/к179, ф192/к191; **3:** ф/к69–70, ф170/к167; **34:** ф240/к236; **44:** ф150/к149, ф152/к151.

Подлежащее → определение

*kun oli **kaunis** kaatunutta...* (5: 9)
Когда красивая (красавица) пропала...

*Кодыр **мица** аныс воиш...* (5: 8)
Когда красивая женщина пропала...

***Soitto** kielin kerkiävi,
kantelo sanoin kajahui...* (40: 333–334)
Музыкальный инструмент струнами ударяет,
Кантеле словами зазвучало...

***Vorssimorlõin** võrзис веэйис,
Кьылис **кантиделён** сёрни...* (40: 331–332)
Музыкального инструмента тронулась струна,
Послышалась кантеле речь...

Дополнение → подлежащее

*Riisti **ristin** rinnaltansa...* (4: 31)
Сорвала крест со своей груди...

***Перна** морёс выльысь усис...* (4: 30)
Крест с груди упал...

*Sai kyllin **kaloja** muita...* (5: 158)
Поймал достаточно рыб других...

*Уна **чери** сылы сюрис...* (5: 152)
Много рыб ему попалось...

*En kysele **kultiasi**...* (7: 307)
Не прошу твоё золото...

*Меньым оз ков тэнад **зарни**...* (7: 307)
Мне не нужно твоё золото...

Аналогичные фрагменты: **2:** ф/к71, ф/к81, ф87–88/к86–87, ф145/к144, ф192/к191; **3:** ф/к69–70, ф241–244/к237–240, ф265–266/к260–261, ф305/к301, ф309/к305, ф317/к313, ф321/к317, ф323/к319, ф475/к469; **4:** ф263/к261, ф288/к286; **5:** ф200/к194; **6:** ф170/к165; **7:** ф69/к70, ф/к307, ф349–352/к348–351; **8:** ф/к93; **9:** ф/к51; **40:** ф322/к320; **44:** ф/к33–34, ф/к65–68, ф150/к149, ф152/к151, ф176/к175.

Дополнение → обстоятельство

*ei **mu** isoni itke...* (4: 285)
Меня отец не оплачет...

*Бать **ме** **вёсна** оз кут бёрдны...* (4: 283)
Отец из-за меня не будет плакать...

*nokka **luotoja** lotaisi...* (7: 50)
Клюв скалистые острова чесал...

*Ньрыс **из** **целья** инмё...* (7: 51)
Клюв в высокий крутой берег попадает...

*ajavi alinta **tietä**...* (8: 220)
Ехал нижнюю дорогой...

*Улыс **туй** **кузьяс** мөдис...* (8: 219)
По нижней дороге отправился...

Аналогичные примеры: **2:** ф/к2, ф/к61, ф/к85, ф293/к292, ф303/к302; **3:** ф/к9, ф/к11, ф/к87, ф315/к311, ф325/к321, ф553–554/к547–548, ф558–559/к552–553; **6:** ф175/к170; **7:** ф48/к49, ф/к150; **34:** ф225–226/к222–223; **44:** ф/к37, ф/к63–64, ф/к77–78, ф168/к167, ф206/к205.

Обстоятельство → подлежащее

*Kasvoi **maahan** marjanvarret...* (2: 231)
Выросли на земле стебельки ягод...

*Вотёс **муыс** кутис вайны...* (2: 230)
Ягоду земля стала давать...

Soitto kielin kerkiävi... (40: 333)
Музыкальный инструмент струнами ударяет...

Ворсанторлön вёрзис везьыс... (40: 331)
Музыкального инструмента тронулась струна...

kivet laikkui lainehilla... (44: 261)
Камни полоскались на волнах...

Гыяс лэптавлісны изьяс... (44: 258)
Волны поднимали камни...

Аналогичные примеры: **2:** ф/к42, ф109–110/к108–109, ф180/к179; **3:** ф/к30, ф170/к167, ф258/к253, ф300/к296, 480/к474; **44:** ф262/к259.

Обстоятельство → дополнение

Mäet kylvi männikoiksi,
kummut kylvi kuusikoiksi,
kankahat kanervikoiksi,
notkot nuoriksi vesoiksi... (2: 21–24)
Горы засеял [он] соснами,
Холмы засеял елями,
Пески – вереском,
Низины – молодой порослью...

Пождём вёррөн керёс кёдзис,
Мылькъяс вьлө кёдзис козьяс,
Льа вьлө түсъялудс,
Сёнъяс тыртіс посни вёррөн... (2: 21–24)
Сосновым лесом гору [он] засеял,
На холмы посеял ели,
На песок можжевельник,
Низины заполнил мелким лесом...

Sanovi sanalla tuolla... (4: 195)
Сказала словом таким...

Татиём кывьяс сійө шуус... (4: 193)
Такие слова она сказала...

Аналогичные примеры: **2:** ф/к22–23, ф/к69; **3:** ф571–574/к565–568; **44:** ф121–122/к120–121, ф168/к167, ф288/к285.

Обстоятельство → определение

Ei ollut iässä pilvi,
päivän koite koillisessa... (6: 87–88)
Не была на востоке туча,
восход солнца на северо-востоке...

Эз вөв асыввыаса кымёр,
Эз ворс асы-войса шонді... (6: 84–85)
Не была восточная туча,
Не играло северо-восточное солнце...

Kun ei ole kynttä varpahissa
eikä sormissa niveltä. (7: 15–16)
Когда нет ногтя на пальцах ног
И в пальцах суставов.

Кок чуи гыжйыс гыас воши,
Чуи йөзвяс помодз орис. (7: 15–16)
Ногти пальцев ног в волне потерялись,
Суставы пальцев совсем порвались.

Определение → подлежащее

oisi en paljoa pitänyt:
....
етон itkua vähäisen,
ісон vieläki vähemmän... (4: 225–229)
Мне б не много надо было:
....
Матери слёз немного,
Отца и ещё поменьше...

Меным этиша эськө ковмис:
....
Малдй эськө синва кисьтіс,
Батдй этишаника бөрдіс... (4: 223–227)
Мне мало бы понадобилось:
....
Мать моя слёзы бы пролила,
Отец немного поплакал...

Se oli surma nuoren neien,
lorpu kauniin kanaseu... (4: 371–372)
Это была смерть молодой девицы,
Конец красивой курочки...

Тадзи коньөр нылук кусі,
Тадзи мича вышкай вошис. (4: 369–370)
Так бедная девочка угасла,
Так красивый воробей пропал.

*Itsensäki Väinämöisen
kuynel vieri kuukähteli.* (41: 185–186)
Самого Вяйнямёйнена
Слеза катилась наворачиваясь.

*Börö aчыс Вяйнямёйнен:
Синва петö тувсов шорён.* (41: 179–180)
Плачет сам Вяйнямёйнен:
Слёзы идут весенним ручьем.

Аналогичные примеры: **2:** ф95–96/к94–95, ф348/к343; **3:** ф/к17, ф203/к200, ф205–206/к203–204.

Определение → обстоятельство

Eipä nousi Osmo ohra... (2: 252)
Не взойдет ячень Осмо

Осмо дорын оз пет идыйд... (2: 251)
Рядом с Осмо не взойдет ячень...

joki Tuonelan tyrehtyi... (9: 379)
Река Туонелы иссякла...

Туонелан ю ямлс... (9: 379)
В Туонеле река обмелела...

*yeen kalaset kaikenlaiset
rantahan rakentelihe.
Matosetki maanalaiset
päälle mullan muuttelihe...* (44: 299–302)
Воды рыбы разные
На берег высторились.
И черви подземные
Вверх на почву вылезли...

*Юысь, тыысь чери вёрзис,
Матыстчисны берег дорö.
Весиг муысь лёльд-номыр
Мыччисисны, петалисны...* (44: 296–299)
Из реки, озера рыба тронулась,
Приблизилась к берегу.
Даже из земли гусиница-червяк
Появились, вышли...

Определение → дополнение

*oisko tammen taittajata,
riipi sorcan sortajata...* (2: 91–92)
Был бы дуба вальшик,
Дерева красивого губитель...

*Тупусö код вермас бертны,
Коді тайö пусö йöрас?* (2: 90–91)
Дуб кто сможет выкорчевать,
Кто это дерево срубит?

*Lähe miekan mittelihön,
käyrä kalvan katselohon!* (3: 261–262)
Начнём меча измерение,
Примемся за клинка смотрины!

*Мурталам вай шьлуртнымöс,
Лэчыд дорышьясö видлам!* (3: 256–257)
Померяем давай наш мечь,
Острые лезвия посмотрим!

Аналогичные примеры: **2:** ф147–148/к146–147; **3:** ф268/к263, ф276/к271.

Таким образом, все члены предложения кроме сказуемого могут быть заменены на любой другой. Данная трансформация часто является следствием других преобразований, произведённых в процессе перевода.

3.2.2.3. Грамматические перестановки

Перестановка – изменение расположения (порядка следования) языковых элементов в тексте перевода по сравнению с текстом подлинника. Элементами, могущими подвергаться перестановке, являются обычно слова, словосочетания, части сложного предложения и самостоятельные предложения в тексте. Наиболее обыкновенный случай в процессе перевода –

это изменение порядка слов и словосочетаний в структуре предложения (Бархударов 2010: 191).

Часто изменение порядка слов при переводе является обязательным преобразованием: без данной трансформации невозможно получить грамматически правильное предложение ПЯ. Причинами перестановок, таким образом, являются различия в грамматической системе двух языков. В других случаях изменение порядка слов в предложении факультативно: и без перестановок можно получить грамматически правильное предложение. Однако в таком случае данная трансформация используется для более успешной встройки полученного предложения в переводимый текст, т.к. между языками различия могут быть не только в грамматическом строе, но и в правилах, традициях построения текстов (Klaudy 2012: 236).

3.2.2.3.1. Перестановка глагола-сказуемого

В финском тексте «Калевалы» наблюдается тенденция нахождения глагола-сказуемого в начале стихотворной строки (первое–второе слово в строке), которая обычно совпадает с простым предложением или составными компонентами сложного предложения. Это происходит вследствие того, что типичный порядок слов в финском языке – SVO, т.е. подлежащее (*subjekti*), сказуемое (*predikaattiverbi*), дополнение (*objekti*) и другие второстепенные члены предложения. При этом, если подлежащим является местоимение 1-го или 2-го лица, оно обычно не присутствует в предложении, на него указывает личные показатели глагола-сказуемого, которое таким образом попадет на первое место. Предложение может начинаться с глагола и в том случае, когда говорящий хочет убедить слушающего в том, что то, о чём говорится, действительно является правдой. Таким образом, глагол подчёркивается (White 2006: 115, 307, 311; ISK: 1303). В тексте «Калевалы» часто опускается и местоимение 3 лица, выполняющее роль подлежащего.

В тексте перевода наблюдается тенденция к постановке глагола-сказуемого в конец предложения, в результате он часто является последним словом в строке. Порядок слов в коми языке за несколькими исключениями свободный, т.е. члены предложения могут занимать разное место, что не влечет за собой изменения их значения и общего смысла предложения, однако могут возникнуть новые смысловые оттенки. Так, усиливается роль того члена, который оказывается в конце предложения (Федюнёва 1998: 371). Таким образом, ставя сказуемое в конец предложения, А. И. Туркин подчёркивает его, подобно оригиналу делает акцент на действие, что как раз характерно для эпического повествования.

Примеры перестановки сказуемого из начала 4-й руны:

*Tuopa Aino, neito nuori,
sisar nuoren Joukahaisen,
läksi luutoa lehosta,
vastaksia varvikosta.*

*Айно, томиник на ньывка,
Йоукахайнелӧн чойыс,
Кыддза раскӧ сійӧ муніс,
Медьым небьӧд корӧсь вайны.*

*Taittoi vastan taatollensa,
toisen taittoi maammollensa,
kokoeli kolmannenki
verevälle veijollensa
Jo astui kohin kotia,
lepikköä leuhautti.*

*Tuli vanha Väinämöinen;
näki neitosen lehossa... (4: 1–12)*

Это Айно, девица молодая,
Сестра молодого Ёукахайнена,
Отправилась за веником из рощи,
За вениками из зарослей.
Сложила веник батюшке,
Второй сложила матушке,
Собрала и третий
Румяному своему братцу.
Уже шагала по направлению к дому,
По ольховнику тихонько шла,
Пришёл старый Вяйнямёйнен;
Увидел девицу в роще...

*Батълы öти корöсь вундiс,
Мöдöс мамукъсылы дасъитiс,
Коймöд корöсь сийö вöчiс,
Оз тусь бана воканыслы.*

*Кодыр гортланыыс нин мöдiс,
Ловту вöрöд ньöжйö мунiс,*

*Пöрысь Вяйнямöйнен эски
Раскъсь нылы паныд пемiс... (4: 1–12)*

Айно, молодая ещё девица,
Ёукахайнена сестра,
В берёзовую рошу она пошла,
Чтобы мягкий веник принести.
Отцу один веник нарезала,
Второй своей маменьке приготовила,
Третий веник она сделала
С лицом как ягодка земляника брату.
Когда домой уже отправилась,
По ольховому лесу не спеша шла,
Старый Вяйнямёйнен тогда
Из рощи девице навстречу вышел...

Как видно из приведённого отрывка, в тексте оригинала и в переводе содержится 8 глаголов-сказуемых. В финском тексте, за исключением одного глагола, все находятся в начале строки, 5 из них являются первым словом в строке, 2 – вторым. Один глагол стоит в конце строки (4: 10), но тут он является вторым словом стиха, состоящего всего из двух слов. В переводе же все без исключения 8 глаголов занимают место в конце строк.

Аналогичные места в других рунах: 1: ф/к аб21, ф/к аб23, ф/к аб48, ф72/к аб71, ф89–91 /к аб88–90, ф123–124/к аб121–122, ф127/к аб125, ф177/к а173б174, ф179/к а174б175, ф187/к а181б182, ф191/к а185б186, ф193–194/к а187–188б188–189, ф197/к а191б192, ф203/к а197б198, ф205/к а199б200, ф209–210/к а203–204б204–205, ф213/к а207б208, ф223–224/к а214–215б216–217, ф227–228/к а218–219б220–221, ф249/к а238б244, ф259/к а248б254, ф265/к а253б259, ф270/к а258б262, ф272/к а260б264, ф273–274/к а261–262б265–266, ф285–286/к а273–274б275–276, ф290/к а278б280, ф323/к а311б313, ф325–326/к а313–314б315–316; 2: ф/к69, ф/к73, ф/к79, ф/к81–83, ф111/к110, ф137/к136, ф150/к149, ф175–176/к174–175, ф179/к178, ф182/к181, ф185/к184, ф205/к204, ф208/к207, ф213/к212, ф231/к230, ф245/к244, ф258–259/к257–258, ф261–262/к260–261, ф271/к270, ф281–282/к180–281, ф285/к284, ф321/к319, ф323/к321, ф333/к330, ф335–336/к332–333, ф341/к336, ф361/к356, ф365/к360; 3: ф/к11–12, ф/к21, ф/к23–24, ф/к73–75, ф99/к98, ф101/к100, ф105/к104, ф147–148/к146–147, ф213/210, ф258/к253, ф307/к304, ф309/к306, ф311/к307, ф319/к315, ф321/к317, ф328/к324, ф347–349/к343–345, ф351–352/к347–348, ф355/к351, ф373–374/к369–370, ф389–390/к385–386, ф405–406/к400–401, ф409–410/к404–406, ф423–424/к417–418, ф429/к423, ф441–442/к435–436, ф452/к446, ф457–458/к451–452, ф459/к454, ф468/к462, ф471/к465, ф476/к470, ф484/к478, ф490–492/к484–486, ф517/к511, ф541/к535, ф551–552/к545–546, ф565–566/к559–560, ф571/к565; 4: ф17/к14, ф20/к19, ф23/к22, ф24/к23, ф28/к27, ф31/к30, ф35/к34, ф45/к44,

ф47/к46, ф57/к56, ф59/к58, ф69/к68, ф71/к70, ф84/к83, ф87/к86, ф91/к90, ф100–101/к99–100, ф109/к108, ф114/к113, ф118/к117, ф122/к121, ф124/к123, ф126/к125, ф131/к130, ф153/к152, ф161/к160, ф164/к163, ф167/к166, ф181/к179, ф191–192/к189–190, ф195–196/к193–194, ф235/к233, ф255–257/к253–255, ф259/к257, ф263/к261, ф267/к265, ф269–271/к267–269, ф287/к285, ф299/к297, ф328/к326, ф334/к332, ф342/к340, ф350/к348, ф358/к356, ф411–412/к409–410, ф451–452/к447–448, ф455–456/к451–452, ф460/к456, ф464/к460, ф468/к464, ф471/к467, ф479/к475, ф486/к482, ф490–494/к486–490, ф497–498/к493–494, ф501–502/к497–498; **5:** ф11/к10, ф13/к12, ф17/к16, ф21/к20, ф36–39/к35–38, ф48/к45, ф55/к52, ф57–58/к54–55, ф75/к70, ф93–94/к88–89, ф127/к121, ф137/к131, ф147–148/к141–142, ф150/к144, ф158/к152, ф170/к164, ф173/ф167, ф179/к173, ф180/к174, ф186–187/к180–181, ф200/к194; **6:** ф7/к6, ф9/к8, ф19/к16, ф25/к22, ф29/к26, ф39/к36, ф44/к41, ф47/к44, ф55–56/к52–53, ф61/к58, ф73/к70, ф81–82/к78–79, ф97–98/к94–95, ф111–112/к108–109, ф115/к112, ф117–118/к114–115, ф121/к118, ф132/к128, ф141–142/к137–138, ф145/к141, ф147–148/к143–144, ф151/к147, ф164–165/к159–160, ф170–171/к165–166, ф173/к168, ф175/к170, ф179/к174, ф184–185/к177–178, ф191/к182, ф203/к194, ф205/к196, ф211/к202, ф213–214/к204–205, ф217–220/к208–211, ф223/к114, ф231/к222; **7:** ф/к2, ф/к9, ф/к21, ф39–43/к40–44, ф53/к55, ф61/к62, ф67/к68, ф75/к76, ф91–92/к92–93, ф96–97/к97–98, ф99/к100, ф110–111/к111–112, ф/к117, ф/к125, ф/к135, ф/к149, ф/к153, ф/к155, ф/к165, ф/к172, ф/к179, ф/к185–186, ф/к231–233, ф/к237, ф/к253, ф/к256, ф/к301, ф341/к340; **8:** ф/к21, ф/к26, ф/к57, ф/к79, ф109–110/к108–109, ф115–116/к114–115, ф122/к121, ф127/к126, ф141/к140, ф155–158/к154–157, ф189/к188, ф227/к226, ф238/к 237, ф243–244/к242–243, ф260–261/к259–260, ф266/к265; **9:** ф/к7, ф/к36, ф/к40, ф/к43, ф/к48, ф/к72, ф/к95, ф/к101, ф/к103, ф/к107, ф/к109–110, ф/к117, ф/к123, ф/к125, ф/к129, ф/к141, ф/к145–146, ф/к150, ф/к156, ф/к163, ф/к175–177, ф/к181–182, ф/к196, ф/к203, ф/к 225–226, ф/к233, ф/к238–239, ф/к255, ф/к261, ф/к263, ф/к293, ф/к299, ф/к305, ф/к312, ф/к319, ф/к348, ф/к417, ф/к419, ф/к433, ф/к437, ф/к443, ф/к450, ф/к455, ф/к461, ф/к463–464, ф/к468, ф/к471–472, ф/к481, ф/к483–484, ф/к492, ф/к497–498, ф/к501, ф/к505–509, ф/к511–512, ф533–534/к532–533, ф537–538/к536–537, ф548–550/к547–549, ф562–563/к561–562, ф565–566/к564–565, ф573–574/к572–573; **10:** ф5–6/к4–5, ф60/к53, ф85/к78, ф87/к80, ф152/к144, ф163/к154, ф171/к161, ф195/к185, ф215/к205, ф219–220/к209–210, ф240–242/к227–229, ф252/к238, ф255–256/к241–242, ф349/к327, ф353–354/к331–332, ф398/к372, ф413/к386, ф417/к390, ф424/к397; **34:** ф/к11, ф/к19, ф25/к24, ф42/к41, ф77/к75, ф80/к78, ф95–97/93–95, ф104–105/к102–103, ф115–116/к113–114, ф121/к119, ф164/к161, ф167–169/к164–166, ф176/к173, ф179/к176, ф183/к180, ф221/к218, ф225/к222, ф228/к225, ф233/к229, ф235/к231; **40:** ф65/к63, ф79/к77, ф93/к91, ф97/к95, ф133/к131, ф138–139/к136–137, ф168–169/к166–167, ф176–177/к174–175, ф190/к188, ф193/к191, ф233/к231, ф245–246/к243–244, ф254–255/к252–253, ф295/к293; **41:** ф/к5, ф10/к9,

ф29/к28, ф67/к65, ф115–116/к112–113, ф136/к132, ф160/к156, ф193/к185; 44: ф/к47–48, ф/к70, ф90/к89, ф120/к119, ф131/к130, ф169–170/к168–169, ф183/к182, ф211–212/к208–209, ф233/к330, ф235/к232, ф237/к234, ф245/к242, ф255/к252, ф257/к254, ф308–309/к306–307, ф333/к331.

3.2.2.3.2. Перестановка определения

Определение – второстепенный член предложения, поясняющий слово с предметным значением и обозначающий качество, признак или свойство предмета. Определение выражает атрибутивные отношения, т.е. отношения между признаком и его носителем.

В коми языке определение (*определение, тӧдчӧдан*) может быть выражено прилагательным, существительным, местоимением, числительным, причастием и инфинитивом. В предложении определение находится непосредственно перед определяемым словом (СКЯ II: 44, 118).

В финском языке определение (*attribuutti*) также обычно находится перед существительным, которое оно определяет. Определение, выраженное прилагательным, причастием, местоимением или числительным, обычно оформлено в том же числе и падеже что и главное слово. Так называемыми генитивными определениями (*genetiiviattribuutti*) являются существительные или местоимения в генитиве, выражающие, как правило, отношения принадлежности (White 2006: 262–263).

Однако в тексте оригинала «Калевалы» определение часто следует за определяемым словом (Niemi 1910: 218). Подобного рода инверсия является одной из наиболее характерных особенностей поэтического синтаксиса эпоса. Нарушение обычного порядка слов влияет на мелодическую интонацию повествования, создает ощущение новизны, свежести сообщаемого, эмоциональности, взволнованности диалога действующих лиц. Установлению необычного порядка слов, по мнению Э. А. Сааримаа (Saarimaa 1920: 7), способствует стремление к ритмическому и мелодийному благозвучию. Определенное количество случаев инверсии может объясняться тенденцией к оформлению аллитерации второй и третьей стопы стиха (Sademiemi 1957: 48; Евсеев 1960: 312–313).

В. Я. Евсеев (1960: 314) причиной появления инверсии в текстах карельских рун, послуживших основой для «Калевалы», считает влияние синтаксических норм знакомой, но иноязычной речи соседнего с прибалтийско-финскими народами русского населения. По его мнению, «художественная функция рассматриваемого поэтического приема корректируется стремлением, возникающим среди издавна владеющих русским языком карел, приблизить порядок слов в рунах к синтаксическим особенностям русской речи, в чем двуязычные рунопевцы, нередко пользующиеся русским языком, начинают видеть образец высокого поэтического стиля, необходимого для выражения взволнованности, возбуждения и других эмоций. После того, как такой стилистический прием установился, лучшие рунопевцы могли уже и не знать русский язык и его синтакси-

ческих особенностей, тем не менее, такого типа инверсия продолжала свое развитие, теперь независимое от причины её возникновения».

Он выделяет два типа инверсий: инверсии, устанавливающие порядок слов, необычный для прозаической речи карел и финнов, но в то же время приближающий синтаксис рун к русским фразеологическим конструкциям; случаи такого порядка слов, которые одинаково необычны как для прозаической речи карел и финнов, так и для повседневного русского языка (однако в какой-то мере соответствующие аналогичным случаям применения инверсии в русской народной поэзии). К первому типу относятся случаи постановки генитивного определения после определяемого слова, а ко второму – постановка номинативного, а также иногда и эссивного, определения в такую же позицию. Преобладание того или иного типа инверсии находится в зависимости от идейно-эстетического и эмоционального содержания отдельных рун. Этим же определяется и то, что в рунах на одни сюжеты инверсия совсем не используется, в то время как в рунах на другие сюжеты можно отметить более частое, чем обычно, появление инверсии разных типов (Евсеев 1960: 314, 324).

Случаи употребления инверсии, по мнению В. Я. Евсеева (1960: 328), могли зависеть и от того, что одни рунопевцы, от которых записывался впоследствии ставший основой «Калевалы» материал, стремились повествовать в эпически более спокойном тоне, не желая ради эмоциональной окраски исполняемой руны нарушать привычный синтаксический строй своей родной речи. В то же время другие исполнители с помощью более частого использования инверсии выражали свою взволнованность и возбужденность речи героев рун, т.е. придавали инверсии функцию речевой характеристики персонажей.

В коми языке определение обычно всегда находится перед определяемым словом (СКЯ II: 44, 113, 118; Лудыкова 1991: 30). Однако в поэтической речи встречаются случаи инверсивного употребления определений, выраженных прилагательными, а также существительными и местоимениями в родительном и притяжательных падежах (СКЯ II: 121). Данное явление аналогично приёму инверсии определения в «Калевале». Несмотря на возможность постпозиционного употребления определения, подавляющее большинство определений в переводе находится перед определяемым словом. Таким образом, при переводе наблюдается трансформация перестановки: происходит перестановка определения из позиции после определяемого слова в позицию перед ним.

В тексте перевода нами обнаружен лишь один пример инверсионного употребления определений:

*eessänsä yesi vetelä,
takanansa taivas selvä.* (1: 253–254)
Перед ней вода топкая,
За ней небо ясное.

*Водзын сӧмын ваыс помтӧм,
Бӧрын ясид энэж дортӧм.* (1: a242–2436248–249)
Впереди только вода бесконечная,
Сзади ясное небо бескрайнее.

В остальных случаях происходит перестановка определения из инверсионной позиции в оригинале в позицию перед определяемым словом в переводе.

Перестановка генитивного определения

vyöltä vanhan Väinämöisen (1: 31) ‘с пояса (ремня) старого Вяйнямёйна’
→ *Вяйнямёйнен тасма костысь* (1: аб31) ‘из-за ремня Вяйнямёйна’

sisar nuoren Joukahaisen (4: 2; 5: 126) ‘сестра молодого Ёукахайнена’

→ *Ёукахайненлөн чойыс* (4: 2; 5: 120) ‘сестра Ёукахайнена’
(ei...) *vene tietäjän takellu* (40: 88) ‘лодка кудесника (не) запнётся’

→ *төдысь айлөн эз сувт стругыс* (40: 86) ‘у знахаря не остановилась лодка’

Аналогичные отрывки: **1:** ф/к аб32, ф/к аб33; **2:** ф/к50, ф/к58, ф246/245; **3:** ф469/к463, ф560/к554; **5:** ф15/к14, ф30/к29, ф136/к130; **7:** ф/к54; **8:** ф160/к159, ф196/к195; **9:** ф/к11-12, ф/к28, ф/к204, ф/к514; **40:** ф45/к44; **44:** ф171-172/к170-171, ф256/к253.

Перестановка определения, выраженного числительным

Sep' on kukkui kuuta kolme (4: 494) ‘она куковала месяца три’

→ *Сийö куйм төлысь вордис* (4: 490) ‘она три месяца заклинала’

Uip' on vielä yötä kaksi (7: 9) ‘плавал ещё ночи две’

→ *Нöшма кык вой сийö пессё* (7: 9) ‘ещё две ночи он метался’

kynsin kummenin piteli (40: 302) ‘ногтей десять использовала’

→ *даснан гыжнас везьяс корсис* (40: 300) ‘десятью ногтями струны искала’

Аналогичные места: **1:** ф139/к аб136, ф255/к а2446250; **2:** ф/к2, ф/к5, ф/к53; **4:** ф294/к292, ф475/к471, **5:** ф91/к86; **7:** ф/к11; **9:** ф/к461; **10:** ф17/к14, ф300/к284, ф357/к335, ф375/к351, ф404/к378, ф494/к466; **44:** ф227/к224.

Перестановка определений, выраженных прилагательным, причастием

Перестановка часто наблюдается при передаче постоянных эпитетов героев эпоса Вяйнямёйна, Илмаринена, Лоухи, Ёукахайнена:

laulaja ikuinen (6: 28, 112) ‘певец вечный’

→ *ыджыд сьылысь* (6: 25, 109) ‘великий певец’

laulaja iän-ikuinen (6: 90) ‘певец вековечный’

→ *венны позьтöм ыджыд сьылысь* (6: 87) ‘непобедимый великий певец’

tietäjä iän-ikuinen (3: 86; 7: 306; 8: 166; 10: 78) ‘прорицатель вековечный’

→ *нэмөвöйся төдысь-керысь* (3: 86) ‘вековечный знахарь-колдун’

- венны позьтём ыджыд тӧдысь (7: 306; 8: 165) ‘непобедимый великий знахарь, колдун’
- нэмӧвӧйся ыджыд тӧдысь (10: 71) ‘вековечный великий знахарь, колдун’
- takoja iän-ikuinen (9: 194; 10: 48, 94, 232, 308, 410, 464, 490, 500) ‘кузнец вековечный’
- нэмӧвӧйся ыджыд дорчысь (9: 194; 10: 42, 87, 219, 290, 383, 436, 462, 471) ‘вековечный великий кузнец’
- takoja alinomainen (9: 246) ‘кузнец непрерывный’
- нэмӧвӧйся ыджыд дорчысь (9: 246) ‘вековечный великий кузнец’
- Pohjan akka harvahtamas (7: 170; 10: 186, 218) ‘Похья старуха редкие зубы’
- гежӧд пиня пӧрысь пӧчӧ (7: 170) ‘с редкими зубами старая старушка’
- киссьӧм пиня скӧр Лоухи (10: 176) ‘с выпавшими, рассыпавшимися зубами злая Лоухи’
- киссьӧм пиня пӧрысь пӧчӧ (10: 208) ‘с выпавшими, рассыпавшимися зубами старая старушка’
- laiha roika lappalainen (3: 22; 6: 96) ‘хилый парень лапландский’
- омӧль статья допар зонка (3: 22) ‘с хилой фигурой (с дурными привычками) лапландский парень’
- этисӧ тӧдтӧм допар зонка (6: 93) ‘немошный (тщеславный) лапландский парень’
- neito nuori (4: 1, 42, 54, 66, 78; 5: 125) ‘дева молодая’
- томиник на нывка (4:1) ‘молоденькая ещё девочка’
- том ныланӧй (4: 41) ‘молодая (маленькая) моя доченька (девочка)’
- дона нылӧй (4: 53, 65, 77) ‘дорогая девица (девушка) моя’
- мица ичмонь (5: 119) ‘красивая молодуха’
- ahon lapsi ainokainen (5: 133, 163) ‘Ахто ребёнок единственный’
- Ахто Енлысь ӧтка ныв (5: 127, 157) ‘бога Ахто единственная дочь’

- Другие примеры перестановки определения данного типа из руны 5:
- neien nuoren nukkumasta (5: 3) ‘о смерти девы молодой’
- мица нывлӧн кувсьӧм йылысь (5: 3) ‘о смерти красивой девы’
- nosti kättä oikeata (5: 93) ‘подняла руку правую’
- веськыд кисӧ вывлань ликтис (5: 88) ‘правую руку вверх направила’
- Sai kyllin kaloja muita (5: 158) ‘Наловил достаточно рыб других’
- Уна чери сылы сюрис (5: 152) ‘Много рыбы ему попалося’

Аналогичные отрывки в других рунах: 1: ф/к аб11, ф/к аб27, ф/к аб28, ф170/к а166б167, ф185/к а180б181, ф306/к а294б296, ф320/к а308б310,

ф321/к а3096311, ф333/к а3216323, ф334/к а3226324; **2:** ф/к3–4, ф/к7–8, ф/к14, ф/к38, ф/к64, ф108/к107, ф172/к171, ф206/к205, ф218/к217, ф236/к235, ф239/к238, ф243/к242, ф258/к257, ф270/к268, ф278/к277, ф329/к327, ф343–344/к338–339; **3:** ф/к72, ф175–177/к172–174, ф559/к553; **4:** ф41/к40, ф53/к52, ф64/к63, ф65/к64, ф77/к76, ф96/к95, ф171/к170, ф173/к171, ф175/к173, ф176/к174, ф221/к219, ф328/к326, ф354/к352, ф432/к429, ф480/к476, ф507/к503; **5:** ф32–34/к30–33, ф44/к41, ф50/к47, ф74/к69, ф76/к71, ф94/к89, ф142/к136, ф201/к195, ф218/к212, ф228/к222, ф231/к225; **6:** ф13/к11, ф93/к90, ф119/к116, ф134/к129, ф143–144/к139–140, ф152/к148; **7:** ф/к7–8, ф/к20, ф/к119, ф/к130, ф/к134, ф/к151–152, ф/к194, ф/к199, ф/к243, ф/к256, ф/к258, ф/к265; **8:** ф/к5, ф/к10, ф/к96, ф/к101, ф143/к142, ф169/к168; **9:** ф/к112, ф/к130, ф/к170, ф/к271–273, ф/к286, ф/к328, ф/к332, ф/к364, ф/к421, ф/к436, ф/к439–440, ф/к449, ф/к456, ф/к505, ф565/к564, ф570/к569, ф575/к574; **10:** ф11–12/к9–10, ф220–221/к210–211, ф237–238/к224–225, ф426/к399, ф486/к458, ф492/к464; **34:** ф/к3, ф39/к38, ф57/к56, ф190/к187, ф191/к188; **40:** ф/к4, ф/к21, ф33/к32, ф61/к59, ф214/к212, ф220/к218, ф243/к241, ф249–250/к247–248, ф266–267/к264–265, ф285/к238, ф298/к296; **41:** ф134/к130, ф220/к206; **44:** ф/к19–20, ф/к32, ф/к39, ф/к43, ф85–86/к84–85, ф107–108/к106–107, ф120/к119, ф160/к159, ф162/к161, ф164/к163, ф172/к171, ф316/к314, ф321/к319.

Инверсия в сложном слове

В тексте оригинала иногда инверсия определения имеет место и в сложных словах, когда один из компонентов, являющийся определением по отношению к другому, перед которым он стоит, отделяется и занимает постпозитивное положение.

В переводе в подобных случаях всегда наблюдается перестановка:

kala kirjjo (< *kirjokala*; 5: 86) ‘рыба пёстрая’

→ *мича черу* (5: 81) ‘красивая рыба’

kansi kirjjo (< *kirjokansi*; 4: 132, 258; 7: 344) ‘крышка расписная (пёстрая)’

→ *сега вевт* (4: 131, 256; 7: 343) ‘пёстрая (резная, узорчатая) крышка’

pää hopea (< *hopeapä*; 5: 76) ‘остриё (кончик) серебряное’, *периф.* ‘нож (KST: 53)’

→ *эзысь ворон* (5: 71) ‘серебряная рукоятка’

vyö vaski (< *vaskivyö*; 4: 430) ‘ремень (пояс) медный’

→ *ырзён вöня* (4: 428) ‘с медным поясом’

3.2.2.3.3. Перестановка вспомогательного отрицательного глагола

В финно-угорских языках, в том числе в коми и финском, вспомогательный отрицательный глагол участвует в образовании отрицательного спряжения. Он изменяется по лицам и числам и имеет значение отрицания действия, обозначаемого основным глаголом.

В коми языке время отрицательного глагола выражается супплетивно, т.е. корневой основой *о-* в настоящем или *э-* в прошедшем времени: *ог мун, он мун, оз мун, огö мунöй, онö мунöй, оз мунны; эг мун, эн мун, эз мун, эгö мунöй, энö мунöй, эз мунны* ‘не иду, не идешь..., я не шел, ты не шел...’. В повелительном наклонении форма отрицательного глагола совпадает с формой прошедшего времени, отличаясь от последней лишь повышением интонации на первом слоге при произношении: *эн мун! энö мунöй!* ‘не иди! не идите!’ (Цыпанов 1998а: 331).

В финском языке отрицательный глагол также изменяется по лицам и числам, но не изменяется по временам, на время указывает форма следующего за ним главного глагола: *en, et, ei, emme, ette, eivät mene* ‘не иду, не идешь...’; *en mennyt, en ole mennyt* ‘я не шел’. Форма отрицательного глагола в повелительном наклонении: *älä mene, älkää (älkөөn, älkөөt) menkö* ‘не иди, не идите (пусть он не идёт, пусть они не идут)’ (Mullonen 1982: 8).

Одной из особенностей языка «Калевалы» является то, что вспомогательный отрицательный глагол, с помощью которого образуются отрицательные формы, часто находится в положении после главного слова, а не перед ним, как в литературном языке (Niemi 1910: 218).

При переводе на коми язык вспомогательный отрицательный глагол попадает в естественное положение перед главным глаголом, т.е. происходит трансформация перестановки, носящая обязательный характер.

*Vaan kuitenkin kaikitenki
lähe en miekan mittelöhön
sinun kanssasi, kaitala... (3: 267–269)*
Но всё же всё-таки
Не стану (букв. стану не) [я] мечом меряться
С тобой, несчастный...

*Сöмын ог ме босьтыч тэкöд
Муртавы ассьым шыпуртöс,
Тэкöд, коньöр допар пикöд... (3: 262–264)*
Только не возьмусь я с тобой,
Меряться своим мечем,
С тобой, бедным лапландским сыном...

*Huoli en haahen haljakoista,
vehnän viploista valita... (4: 111–112)*
Не желаю (букв. желаю не) [я] заморских
платьев,
Пшеничного хлеба [не] хочу...

*Меным оз ков вайöм платтьö,
Еджыд нянь вöсна оз шогсьы... (4: 110–111)*
Мне не нужно привозное платье,
По белому хлебу не печалось...

*Taita en sampoa takoa,
kirjokantta kirjoitella. (7: 325–326)*
Не сумею (букв. сумею не) [я] сампо выковать,
Расписную крышку украсить.

*Сампо дорны ме оз вермы,
Сера вевтсö ог куж вöчны. (7: 325–326)*
Сампо выковать я не могу,
Пеструю крышку не сумею сделать.

Аналогичные отрывки: **4:** ф25–26/к24–25; **34:** ф69/к67.

3.2.2.3.4. Перестановка предлогов (превращение предлогов в послелого)

Предлог и послелог – служебные части речи, выражающие синтаксическую зависимость имён существительных, местоимений и числительных от других слов в словосочетаниях и предложениях. Они не могут употребляться самостоятельно и всегда относятся к какому-либо слову

(существительному или употребляемому в этой роли слову какой-либо другой части речи), вследствие чего данные служебные слова не являются самостоятельными членами предложения. Предлоги отличаются от послелогов положением по отношению к слову, к которому они относятся: предлоги стоят перед, а послелогов после него (СКЯ I: 262–263).

Для финского языка, так же как и для всех финно-угорских языков характерно преобладание послелогов. Предлогами являются слова *ilman* ‘без’, *ennen* ‘до’, *paitsi* ‘кроме, за исключением’. В качестве предлогов может выступать и значительное число послелогов, например: *katua pitkin* – *pitkin katua* ‘вдоль дороги, по дороге’, *kylän keskellä* – *keskellä kylää* ‘посреди деревни’ и т.п. При изменении своего положения значение служебного слова не изменяется, однако предложная конструкция в определенных случаях может восприниматься более книжной по стилю, чем послеложная с тем же служебным словом. Послелогов в качестве предлогов часто используются в устойчивых выражениях, в архаичном поэтическом языке. Так как некоторые финские послелогов могут употребляться как предлоги, в финских грамматиках предлоги и послелогов рассматриваются вместе в качестве разновидностей одной категории служебных частей речи под названием адпозиция (*adpositio*) (ISK: 674).

В тексте «Калевалы» встречаются такие предлоги, которые в обычной финской речи являются только послелогов. Подобные случаи инверсивного превращения послелогов в предлоги в тексте эпоса являются одной из его стилистических особенностей. По мнению В. Я. Евсеева (1960: 315), такое образование предлогов из послелогов рунопевцами, от которых были записаны послужившие основой для «Калевалы» эпические руны, происходило чаще всего в состоянии эмоции, а также использовалось для речевой характеристики героев рун.

При переводе на коми язык такие предлоги обратно превращаются в послелогов, т.е. происходит перемещение служебного слова по отношению к слову, от которого он зависит. Нами выявлены случаи превращения следующих предлогов обратно в послелогов: *alla* ‘под (кем, чем)’, *alle* ‘под (кого, что)’, *alta* ‘из-под’, *alatse* ‘под, по нижней стороне’, *kanssa* ‘с’, *luona* ‘у’, *luota* ‘от’, *luoksi* ‘к’, *päähän* ‘на (кого, что)’, *päältä* ‘над, выше’, *tykö* ‘к’, *vierehen* ‘к (кому, чему), рядом, возле, подле’.

Поскольку в русском языке послелогов отсутствуют то, приводя примеры, мы вынуждены как финские предлоги, так и коми послелогов давать в подстрочных переводах одинаково – через русские предлоги.

kasvoit immen kainalossa
pitkän pilven rannan päällä,
alla taivahan tasaisen. (9: 284–286)
 Рос ты у дeвы подмышкой
 На берегу длинной тучи
 Под небосводом ровным.

Бьдмин нывлӧн морӧс вылын,
Помтӧм сера кымӧр помын,
Мича, шывльыд энэж утын. (9: 284–286)
 Рос ты на груди девушки,
 На краю бесконечной пёстрой тучи,
 Под красивым, ровным небом.

Другие примеры на замену этого же предлога: 4: ф248/к246; 9: ф/к358, ф/к368, ф/к430.

*Vieri kyynel, vieri toinen:
vieri vetrehet vetensä
kultakengän kautosilta
maahan alle jalkoiensa... (4: 467–470)
Катилась слеза, катилась вторая:
Катилась её свежая вода
С поверхности золотых ботинок
В землю под её ноги.*

*Синва бõрся петõ синва,
Гырысь войтъяс быгьльтчõны
Зарни рõма кõмкот кузя
Бõрдысь мамлõн коктъяс улõ. (4: 463–466)
За слезой течёт слеза,
Крупные капли катятся
По обуви золотого цвета
Под ноги плачущей матери.*

Другие примеры на замену этого же предлога: **1:** ф85–86/к аб84–85; **4:** ф244/к242, ф291/к289, ф432/к429; **5:** ф12/к11, ф191/к185; **9:** ф/к6, ф/к158; **40:** ф 336/к334.

*Emo hauasta havasi,
alta aallon vastaeli... (5: 220–221)
Мать из могилы очнулась,
Из-под волны ответила...*

*Мамыс гусьысь садьмис-чеччис,
Гыяс увсянь тадзи шуис... (5: 214–215)
Мать из могилы проснулась-встала,
Из-под волн так сказала...*

Другие примеры на замену этого же предлога **4:** ф478/к474; **8:** ф244/к243; **9:** ф/к234; **40:** ф148/к146; **41:** ф257/к241.

*Kulki tuulen tietä myöten,
ahavan rataa myöten,
yli kuun, alitse päivän... (10: 177–179)
Ехал по дороге ветра,
По пути весеннего холодного ветра,
Над луной, под солнцем...*

*Тадзи мунис сийõ водзõ,
Кыти тõв ныр туйяс бокõд,
Вуджис кõдзыд бушков ордым.
Тõлысь вывтi, шондi үгтi... (10: 166–169)
Так ехал он вперёд,
Где вдоль дорог порывов ветра,
Перешёл тропу холодной бури.
По месяцу, под солнцем...*

*kasvan leivän kannikoissa
tykönä hyvän isoni,
kanssa armahan emoni. (4: 28–30)
Расту на хлеба краюшках,
У отца своего,
С дорогой матерью своей.*

*Сьõд няньõн ме туа-быдма,
Батьлõн керка меным дона,
Мамлõн сойборд улын ола. (4: 27–29)
На чёрном хлебе я расту-крепну,
У отца дом мне дорог,
Под крылом матери я живу.*

*läksi mielellä pahalla,
syämellä synkeällä
luoksi armahan emonsa,
tykö valtavanhempansa. (3: 485–488)
Отправился [он] с плохим настроением,
С мрачным сердцем
К дорогой [своей] матери,
К [своему] прародителю.*

*Сьõкыд сьõлõм вылас лоис,
Ыдждыд шогõн туйõ петис,
Муса мамыс динõ мунõ,
Дона рõдвууж котыр дорõ. (3: 479–482)
Тяжело на сердце стало,
С большим горем в дорогу отправился,
К дорогой матери идёт,
К дорогому роду.*

*itse läksi astumahan
luota seppo Ilmarisen... (34: 5–6)
Сам отправился
От кузнеца Илмаринена...*

*Лõсьõдчõма петны туйõ,
Илмаринен дорысь мунõ... (34: 5–6)
Приготовился выйти в путь,
От Илмаринена уходит...*

*"Ei tule tyhjästä mitänä,
kalan ruotasta kalua,
ei seponkana pajassa,
luona taitavan takojan... (40: 216–219)
«Не выйдет из пустого ничего,
Из рыбьей кости вещи,
Даже в кузне кузнеца,
У искусного кователя...*

*Татиõм ковтõм чери лыысь
Немтор, тõдõмысь, оз артмы
Кõtь и нуан кола дорõ,
Ыдждыд сьма дорчысь динõ... (40: 214–217)
Из такой бесполезной рыбьей кости
Ничто, конечно, не получится
Хоть и отнесешь к кузнице,
К искусному кузнецу...*

Другие примеры на замену последнего предлога: 40: ф213/к211.

*Lentelevi, liitelevi,
päähän polven laskeuvi. (1: 207–208)
Полетела, покружилаь,
На колено опустилась.*

*ampui nuolen ensimmäisen:
se meni kovan yläte,
päältä pään on taivahalle... (6: 164–166)
Выстрелил стрелу первую:
Она полетела очень высоко,
Над головой в небосвод...*

*Läksi maata kylvämähän,
siementä sirottamahan
vierehen Kalevan kaivon,
Osmon pellon penkerehen. (2: 247–250)
Отправился он землю засевать,
Семана разбрасывать
К колодцу Калева,
На край поля Осмо.*

*Лэбальшитис, гёгёр дзоргис,
Лидзёс выльё лёня пуксис... (1: a201–2026202–203)
Полетала, вокруг пристально посмотрела,
На колени спокойно села...*

*Ньёвсё кодыр сийё пезьдис,
Тыдовтчис – зэв выльё босьтис,
Юр выети да энэж йирё... (6: 159–161)
Стрелу когда он выпустил,
Оказалось – очень высоко взял,
Над головой и в небо...*

*Мёдддчис сэк муяс кёдзны,
Аддзём тусьсё муё сойны
Калев рёллөн сымёс динё,
Осмо муяс дорё орчён. (2: 246–249)
Отправился тогда земли засевать,
Найденное семя в землю положить
К колодцу рода Калева,
Рядом с землями Осмо.*

Перемещению подвергаются и такие предлоги, которые в повседневном финском языке могут быть как послелогоми, так и предлогами. К ним относятся слова *halki* ‘сквозь, через’, *keskellä* ‘среди, посреди, в центре’, *keskelle* ‘в середину, в центр’, *läpi* ‘сквозь, через’, *poikki* ‘через’, *puhki* ‘насквозь, сквозь, через’, *yli* ‘через’, *ylitse* ‘через’, *ympäri* ‘вокруг’.

*Korkealta kokko lenti,
halki pilvien havukka... (41: 83–84)
С высоты орёл прилетел,
Сквозь тучи ястреб...*

*"Kivet keskellä jokea,
paaet kuohun kukkuralla
otsansa alentakohon,
päälakensa painakohon... (40: 41–44)
«Камни посреди реки,
Валуны на вершине пены
Лбами своими опуститесь,
Макушки нагните...*

*Kivi-Kimmo, Kammon poika,
väännä reikä vääntimellä,
puhkaise purasimella
keskelle kosen kiveä... (40: 48–51)
Киви-Киммо, сын Каммо
Прокрути отверстие буравом,
Проколи сверлом
В середину камня в пороге.*

*Ammun vanhan Väinämöisen,
lasken laulaajan ikuisen
läpi svämen, maksan kautta,
halki hartioihojen. (6: 111–114)
Застрелю старого Вяйнямейнена,
Опрокину певца векового
Через сердце, сквозь печень,
Через мышцы лопаток.*

*Кутшыл из моз вывяснь уси,
Кымёр сайсянь воис варьш... (41: 81–83)
Орёл словно камень сверху упал,
Из-за тучи прибыл ястреб...*

*Юяс шёрын чургысь изъяс,
Быгйён тыртём кырта йывъяс,
Лэдзёй юрьяснытё увлань,
Вёчой ыджыд копыр мулань... (40: 40–43)
Посреди рек торчащие камни,
Наполненные пеной вершины скал,
Опустите свои головы вниз,
Сделайте большой поклон к земле.*

*Киви-Киммо Каммо пиё,
Писькёд пыридзён тэ розьтор
Ваьсь петём изъяс шёррё... (40: 47–49)
Киви-Киммо, сын Каммо,
Пробей пешней ты отверстие,
В середину вышедших из воды камней...*

*Вяйнямёйненёс ме лыя,
Бёдждь сьылысьёс ме вия,
Мус да сьёлём пырыс сьылы
Ньёвийн пультыомас саттика. (6: 108–111)
Вяйнямейнена я застрелю,
Великого певца я убью,
Через печень и сердце ему,
Стрелой в лопатки воткну.*

"*Kuulin mie mereltä itkun,
poikki joen juorotuksen.*" (7: 167–168)
«Слышала от нашего моря плачь,
Через реку ропот».

*olin kapo, neiti nuori,
sisar nuoren Joukahaisen,
kuta pyyit kuun ikäsi,
puhki polvesi halasit.* (5: 125–128)
Была я девушкой, девой молодой,
Сестрой молодого Йоукахайнена,
Которую ты хотел весь свой век,
Сквозь свою жизнь желал.

*Yli kynnyksen kysyvi,
lausui lakkarpuun takoa...* (8: 265–266)
Через порог спрашивает,
Сказал за матицей...

*Siitä seppo Ilmarinen,
takoja iän-ikuinen,
matkasi omille maille
ylitse meren sinisen.* (10: 489–492)
Тогда кузнец Илмаринен,
Кователь вековечный,
Отправился на свою землю,
Через море синее.

*Mehiläinen maasta nousi,
sinisiipi mättähästä.
Lentelevi, liitelevi
ympäri sepon rajoa.* (9: 219–222)
Пчела с земли поднялась,
Синекрылая с кочки
Летает, кружит
Вокруг кузницы кователя.

«*Кывли саридз дорысь бёрдём,
Юяс сайысь ружтём-ойзём.*» (7: 167–168)
«Слышала от моря плачь,
Из-за рек стоны-оханья».

*Me mорт дола мича ичмонь,
Ёукахайненлөн чойыс,
Менё быдлавысь тэ корсин,
Виччысин став олом чёжыд.* (5: 119–122)
Я с человеческой душой красивая девица,
Сестра Йоукахайнена,
Меня везде ты искал,
Ждал всю свою жизнь (в течение всей своей жизни).

*Тагос вомён сёрни панё,
Одзос курич дорсянь шуд...* (8: 264–265)
Через порог начинает речь,
От дверного косяка говорит...

*И со вына Илмаринен,
Нэмбөйсь ыджыд дорчысь,
Мунё аслас чужан муё,
Вуджё кодзыд саридз вомён...* (10: 461–464)
И вот сильный Илмаринен,
Вековечный великий кователь,
Едет на свою родную землю,
Переpravляется через холодное море.

*Тэрыб мазі лэбзис-качис
Лэз бордьяснас вутти юр вылысь,
Бергалігтыр дзиззис-жуньгис
Дорччан керка-кола гбгпр.* (9: 219–222)
Быстрая пчела взлетела-взвилась
Своими синими крыльями с вершины кочки,
Крутятся пожужжала
Вокруг кузницы.

Другие примеры на эти же предлоги: *halki*: 2: ф265/к264, *läpi*: 4: ф92/к91, *puhki*: 7: ф/к254, *poikki*: 7: ф162/к162, *yli*: 8: ф222/к221; 10: ф179/к169.

3.2.2.3.5. Перестановка авторских слов по отношению к прямой речи

Прямая речь – сопровождаемое словами автора дословное воспроизведение чужого высказывания с сохранением его содержания и всех особенностей лексики, грамматики и стиля. Являющиеся необходимым условием прямой речи авторские слова, усиливающие сам факт чужой речи и поясняющие, кому она принадлежит, к кому обращена и при каких условиях была произнесена, могут занимать различное положение по отношению к прямой речи: предшествовать ей, вклиниваться в неё или следовать за ней (СКЯ II:253–254; Ракин 1998: 399).

В тексте оригинала, приведённом нами ниже, авторские слова предшествуют прямой речи, в переводе же их место изменяется, они следуют за ней. Данная перестановка, на наш взгляд, может быть связана с

рассмотренной нами выше тенденцией к постановке глагола-сказуемого в оригинале в начало предложения (в начале стихотворной строки, см. пункт 3.2.2.3.1.), а в переводе – в конец предложения (строки). Согласно этой тенденции, содержащие глаголы речи авторские слова переставляются в конец предложения (строки), оказываясь, таким образом, позади прямой речи. Не следуя данной тенденции, они могли бы без какого-либо ущерба для семантики и формы строки (её ритма и размера) и для текста в целом быть оставлены на прежнем месте, т.е. в препозиции. Данное преобразование, таким образом, является факультативным, не носящим обязательного характера.

Yksi kukkui: "lemmen, lemmen!"

Toinen kukkui: "sulhon, sulhon!"

Kolmas kukkui: "auvon, auvon!" (4: 490–492)

Одна куковала: «Любовь, любовь!»

Вторая куковала: «Суженый, суженый!»

Третья куковала: «Радость, радость!»

«Тэ мен муса!» – ёти кёкё.

«Зонмёй, зонмёй!» – мёдыс кайтё.

«Шуд вай, шуд вай!» – коймёд шуд. (4: 486–488)

«Ты мне мил!» – одна кукует.

«Мой парень, мой парень!» – вторая повторяет.

«Счастье принеси, счастье принеси!» – третья говорит.

3.2.2.4. Грамматические вставки

3.2.2.4.1. Вставки в неполных предложениях

Неполное предложение – предложение, в котором отсутствуют какие-либо элементы, необходимые по структуре или семантически, но легко восстанавливаемые из контекста или речевой ситуации (Некрасова 1998б: 285; Лудыкова 1991: 49).

Придающие высказыванию лаконичность, динамику и энергию данные конструкции с эллипсом являются обычным приёмом как повседневной разговорной речи, так и языка рун «Калевалы». Этот поэтический приём широко используется в устной поэзии многих народов, в том числе, финно-угорских. Пропуск какого-либо слова в предложении, создающий в руне эллипсическую конструкцию фразы, придаёт повествованию взволнованный характер. Обычно при этом выпадают в языке рун глаголы в позиции сказуемого. Иногда наблюдается выпадение относящихся к другим частям речи слов, выступающих в предложении в функции определения или дополнения. По мнению исследователей, подобного рода конструкции с эллипсом, наряду с другими поэтическими приёмами, являются одним из важнейших средств художественной выразительности языка рун (Niemi 1910: 216; Евсеев 1960: 308–311).

Коми перевод, как правило, не отображает данную особенность языка «Калевалы», т.к. происходит вставка отсутствующих в оригинале членов предложения и неполные предложения с эллипсом становятся полными. В большинстве случаев, наряду со стремлением получить в тексте перевода грамматически правильное, полное предложение, дополнительные вставки обуславливаются также необходимостью заполнить стихотворную строку до нужных восьми слогов. Данное преобразование, таким образом, как правило, является факультативным.

*Minä kullat kulmilleni,
päälleni hyvät hopeat!* (4: 155–156)
Я золото на свои виски [надела],
На свою голову хорошее серебро!

*"Sit' olen meressä miesi,
uros aaltojen varassa:
läksin neittä Pohjolasta,
impeä Pimentolasta.* (7: 59–62)
«Потому я муж в море,
Герой среди волн:
Отправился [сватать] деву из Похьелы
Деву из Пиментолы.

*"Miksi neittä korjahasi,
tyttöä rekosehesi?"* (8: 39–40)
«Почему деву [просишь сесть] в твой кузов,
Деву в твои сани?»

*"Arvelee, ajattelevi:
'Mitä tuostaki tulisi,
josp' on tunkisin tulehen,
ahjohon asettelin?"* (9: 135–138)
Размышляет, думает:
«Что из того получится,
Если б я толкнул в огонь [железо],
В горн поставил бы?»

*Siitä seppo Ilmarinen
tyttöä anelemahan.
Sanan virkkoi, noin nimesi:
'Joko nyt minulle neiti,
kun sai sampo valmihiksi,
kirjokansi kaunihiksi?"* (10: 433–438)
Тогда кузнец Илмаринен
[Стал] деву сватать.
Слово произнёс, так сказал:
«Уж теперь за меня девица [выйдешь],
Когда стало сampo готово,
Пёстрая крышка красивой?»

*Кымӧс вьлӧ зарни пукти,
Юрӧс эзысь кыйӧд вевттис...* (4: 154–155)
На лоб золото положила,
Голову серебряная накладка накрыла...

*«Сідзи вєськалі ме ваас,
Удал мортыс, гыяс костас:
Похьєлаӧ нывла мӧдӧ,
Медым пӧлӧс сэтысь босьтны.* (7: 60–63)
«Так попал я в воду,
Удалой человек, в волны:
В Похьелу за девою отправился,
Чтобы жену оттуда взять.

*«Мыйла менӧ, ӧтка нывӧс,
Коран пуксьыны тэ доддьӧ?»* (8: 39–40)
Почему меня, одинокую девушку
Просишь сесть ты в сани?»

*Мӧвньиitic да тадзи шуис:
«Мый сэж лӧб, кодыр кӧртсӧ
Шыбита ме ломзьысь бӧй,
Доналӧм гор вьлӧ пукта?»* (9: 135–138)
Подумал и так сказал:
«Что тогда будет, когда железо
Брошу я в горящий огонь,
На раскаленный горн положу?»

*Сэки Илмаринен дорчысь
Кутис нывльысь кисӧ корны,
Шуис-кайтис татиӧм кывьяс:
«Локтан он ме сайӧ, нывка?
Вӧчӧма нин лои Сампо,
Мичмӧдӧма сера вевтсӧ».* (10: 406–411)
Тогда кузнец Илмаринен
Стал девицы руку просить,
Сказал-повторил такие слова:
«Пойдешь, нет за меня, девица?
Сделано уже стало Сампо,
Украшена пёстрая крышка».

Аналогичные отрывки: **4:** ф85–86/к84–85, ф307/к305, ф373/к371, ф377/к375, ф381/к379, ф385/к383, ф389/к387, ф393/к391, ф397/к395, ф401/к399; **7:** ф/к285–288, ф/к291–294; **8:** ф/к43–44, ф275–276/к274–275; **9:** ф/к109–112; **34:** ф133–134/к131–132, ф181–182/к178–179.

3.2.2.4.2. Вставка глагола-сказуемого

Разновидностью вставок в неполном предложении, на наш взгляд, можно считать вставку глагола-сказуемого в одной из строк параллелизма.

В тексте оригинала часто встречается следующая структура построения параллелизмов: первая строка содержит полное предложение со сказуемым, подлежащим и другими второстепенными членами, вторая – предложение с опущенным глаголом-сказуемым, аналогичным содержащемуся в первой строке. Либо вторая и последующие строки представляют собой перечисление, начавшееся в первой строке.

В переводе в подобных случаях во второй и последующих строках, содержащих неполные предложения, появляется дополнительный глагол-сказуемое. Таким образом, финское контекстуальное неполное предложение (отсутствующий член предложения содержится в предшествующем тексте) становится полным.

*Lyökämme käsi kätehen,
sormet sormien lomahan... (1: 21–22)*
Расположимся рука в руку,
Пальцы в пальцев промежуток...

*Ки ки воча збоя кучкам,
Чуньяс чуньяс костё пуктам... (1: аб21–22)*
Руку об руку бойко ударим,
Пальцы меж пальцев положим...

*Riisti ristin rinnaltansa,
sormukset on sormestansa,
helmet kaulasta karisti,
punalangat päänsä päältä... (4: 31–34)*
Сорвала крест со своей груди,
Кольца со своих пальцев,
Бусы с шеи стяхнула
Красную ленту со своей головы...

*Перна морёс выльысь усис,
Чуньсьыс чунькытти нывка кыскис.
Восьё сикётти муё кисьтис,
Юрьсьяс лента разьсыс-усис... (4: 30–33)*
Крест с груди упал,
С пальца кольцо девица стянула,
Жемчужные бусы на землю рассыпала,
С волос лента развязалась-упала...

*Korkealta kokko lenti,
halki pilvien havukka,
allit aalloilta syviltä,
joutsenet sulilta soilta. (41: 83–86)*
С высоты орёл прилетел,
Сквозь тучи ястреб,
Утки-морянки из волн глубоких,
Лебеди из незамерзающих болот.

*Кутшыд из моз вывьянь усис,
Кымёр сайсянь воис варыи,
Кыськё тыись качис утка,
Юсьяс кыпёдчисны вадйысь. (41: 81–84)*
Орёл как камень сверху упал,
Из-за туч прибыл ястреб,
Откуда-то с озера взметнулась утка,
Лебеди поднялись с лесного озера.

Вставки в других отрывках: **1:** ф84/к аб83, ф139–140/к аб136–137, ф195/к а1896190, ф198/к а1926193, ф206/к а2006201, ф212/к а206, ф230/к а2216223, ф233/к а2246228, ф236/к а2276231, ф242/к а2326237, ф244/к а2336239, ф291–292/к а279–2806281–282, ф324/к а3126314; **2:** ф/к32, ф/к38–39, ф/к41–42, ф/к74, ф232/к231, ф322/к320, ф334/к331; **3:** ф/к64–66, ф96/к95, ф106/к105, ф169–170/к166–167, ф176–177/к173–174, ф412/к407, ф479–482/к473–476, ф487/к481, ф489/к483, ф492/к486, ф525/к519, ф560/к554, ф576/к570; **4:** ф32/к31, ф34/к33, ф61–62/к60–61, ф143/к142, ф150/к149, ф154/к153, ф162/к161, ф169/к168, ф174/к172, ф179–180/к177–178, ф264–266/к262–264, ф311/к309, ф313/к311, ф325–326/к323–324, ф488/к484; **5:** ф31/к30, ф71/к66, ф76/к71, ф151/к145, ф156–157/к150–151; **6:** ф/к4, ф20/к17, ф46/к43, ф48/к45, ф54/к51, ф74–77/к71–74, ф208/к199; **7:** ф/к5–8, ф/к10, ф76/к77, ф108/к109, ф/к121, ф/к147–148, ф/к151–152; **8:** ф/к75–76; **9:** ф/к17–18, ф/к32, ф/к44, ф/к111, ф/к440, ф/к448–449, ф/к456, ф/к459–460; **10:** ф84/к77, ф117–118/к110–111, ф138/к131, ф145–147/к138–140, ф344/к322, ф362/к338, ф426/к399; **34:** ф40/к39, ф53–54/к52–53, ф67/к65, ф78/к76, ф160/к157, ф198/к195, ф201–202/к198–199; **40:** ф191/к189, ф214/к212, ф220/к218, ф273/к271, ф277–278/к275–276, ф312/к310; **41:** ф20/к19, ф88–89/к86–87, ф126/к122; **44:** ф/к45–46, ф150/к149, ф151/к150, ф175/к174, ф176/к175, ф184/к183, ф188/к187, ф217/к214, ф228/к225, ф273–276/к270–273, ф311–312/к309–310.

3.2.2.4.3. Вставка подлежащего

В предложениях оригинала часто отсутствует подлежащее. В финском языке обычно опускается подлежащее, выраженное местоимением 1-го или 2-го лица единственного и множественного числа, если нет необходимости подчеркнуть субъект изложения. Информацию о действующем лице при этом содержат личные окончания глаголов. Данное правило не распространяется на подлежащее, выраженное 3 лицом, однако в тексте «Калевалы» местами происходит и его опущение. Это происходит, на наш взгляд, в тех случаях, когда информацию о действующем лице можно получить из контекста, например, из предыдущего предложения. В тексте перевода, в свою очередь, это подлежащее часто реконструируется. В него вводятся также подлежащие 1-го и 2-го лица. Данная вставка, на наш взгляд, не носит обязательного характера, и без неё в переводе были бы грамматически правильные предложения, а то, кто является действующим лицом, было бы ясно из ближайшего контекстуального окружения предложения. По нашему мнению, переводчик прибегает к реконструкции подлежащего с целью заполнения строки, т.е. чтобы сделать её длиной в восемь слогов.

Вставка подлежащего, выраженного 3 лицом

*Jop' on astuiksen alemma,
laskeusi lainehille,
meren selvälle selälle... (1: 123–125)*
Вот уж спустилась вниз,
Опустилась на волны,
На светлую поверхность моря...

*Kysytteli, lausutteli,
itse virkki, noin nimesi... (7: 239–240)*
Спрашивала, молвила,
Сама сказала, так назвала...

*"Tulkohonpa kuulemahan,
ku ei liene ennen kuullut
iloa ikirunojen... (41: 13–15)*
«Приходите слушать,
Кто до этого не слышал
Радость рунопевца...

*Сідзи нывка увлянь лэччис,
Гыяс вылѝ сйѝ чеччис,
Быгъя саридз мышку вылѝ... (1: a121–123)*
Так дева вниз спустилась,
На волны она сошла,
На поверхность пенного моря...

*Сэки пѝчѝ сѣрни паніс,
Татийѝм кывъяс шуис-кайтис... (7: 239–240)*
Тогда старушка речь начала,
Такие слова сказала-повторила...

*«Волѝй кывзыитнытѝ ставѝн,
Коді некѝр эз на кывлы
Гажя сьылынкывлысь горсѝ... (41: 12–14)*
«Приходите послушать все,
Кто никогда ещё не слышал
Звук весёлой песни...

Аналогичные отрывки: **1:** ф151/к аб149, ф213/к а2076208, ф329/ка3176319, ф332/к а3206322; **2:** ф/к5, ф/к55, ф131/к130, ф161/к160, ф241/к240, ф267/к266; **3:** ф/к31, ф/к35; **4:** ф/к5–8, ф195/к193, ф267/к265, ф437/к434; **5:** ф89–90/к84–85, ф138/к132, ф193/к187; **6:** ф29/к26, ф35/к32, ф135–136/к131–132, ф226/к216; **7:** ф/к9, ф/к163, ф/к165, ф353/к352; **8:** ф/к7–8, ф/к29, ф141/к140, ф229/к228; **9:** ф/к5, ф/к36, ф/к113–114, ф/к123, ф/к130, ф/к182, ф/к237, ф/к428, ф/к506; **10:** ф25/к22, ф281/к266; **34:** ф25/к24; **41:** ф53/к51, ф261/к245; **44:** ф83/к82.

Вставка подлежащего, выраженного 1 или 2 лицом

*Jos otan sinun tulesta,
ehkä kasvat kauheaksi,
kovin raivoksi rupeat...* (9: 172–174)
Если возьму тебя из кузницы,
Может вырастешь ужасным,
Очень яростным будешь

*Me кө босьта тэнö бисьыс,
Верман воштыны мэ садьтö,
Дурны-йöйтавны мэ кутан...* (9: 172–174)
Я если возьму тебя из огня,
Можешь потерять ты голову,
Шалить-беситься ты будешь

Аналогичные места: **1:** ф/к аб17, ф91/к аб90; **3:** ф118/к117, ф129/к128, ф149/к148, ф268/к262, ф354/к350, ф495–496/к489–490, ф519/к513, ф531/к525, ф552/к546, ф557/551; **4:** ф45/к44, ф57/к56, ф69/к68, ф83/к82, ф105/к104, ф108/к107, ф123/к122, ф237/к235, ф277/к275, ф289/к287, ф339/к337, ф347/к345, ф355/к353; **5:** ф123/к117, ф125/к119, ф127/к121, ф208/к202; **6:** ф111–112/к108–109, ф117/к114, ф203/к194, ф217–218/к208–209; **7:** ф59/к60, ф63/к64, ф72/к73, ф79–80/к80–81, ф95/к96, ф/к205, ф/к217, ф/к253, ф/к255–256, ф/к292, ф/к296, ф/к305, ф/к311, ф/к325, ф/к328; **8:** ф/к53, ф/к66, ф/к97; **9:** ф/к131, ф/к147, ф/к149, ф/к172–174, ф/к185, ф/к276, ф/к287, ф/к295, ф/к301, ф/к307, ф/к312, ф/к317–318, ф/к343, ф/к348, ф/к353, ф/к507–509, ф/к511–512; **10:** ф109/к101, ф122–123/к115–116, ф126/к119, ф213/к203, ф261/к246, ф277/к262, ф477/к449, ф501/к472; **34:** ф87/к85, ф195/к192, ф223/к220, ф233/к229, ф235/к231; **40:** ф49/к48, ф335/к333; **41:** ф248/к233; **44:** ф/к16.

3.2.2.4.4. Вставка притяжательных местоимений

Грамматическая категория посессивности, обозначающая принадлежность лица или предмета кому-либо или чему-либо в финском языке выражается с помощью показателя генитива *-n*, присоединяющегося к названию обладателя (*ihmisen elämä* ‘жизнь человека’); личного местоимения в генитиве (*minun, sinun, hänen, meidän, teidän, heidän* ‘мой, твой и т.д.’) в роли обладателя и посессивных (лично-притяжательных) суффиксов (*-ni, -si, -nsa / -nsä /* удлинение гласного *+n, -mme, -nne, -nsa / -nsä /* удлинение гласного *+n*), присоединяемых к обозначению обладаемого (*minun kirjani* ‘моя книга’, *hänen korjansa* ‘его собака’). При этом, если принадлежность тому или иному лицу особо не подчёркивается, то генитив личного местоимения 1 и 2 л. ед. и мн. ч. может быть опущен (*kirjasi* ‘твоя книга’, но *hänen / heidän kirjansa* ‘его / их книга’). Местоимение также может быть опущено, если притяжательный суффикс указывает на принадлежность лицу, выраженному в предложении подлежащим (*Otin kirjani, Hän otti kirjansa* ‘Я взял свою книгу’, ‘Он взял свою книгу’). Если посессивный суффикс указывает на принадлежность лицу, не являющемуся подлежащим, то обозначающее владельца личное местоимение всегда употребляется (*Me otimme teidän kirjanne* ‘мы взяли вашу книгу’). Посессивные суффиксы не употребляются, если обладатель выражен существи-

тельным в генитиве (*Leenan kirja* 'Леенина книга, книга Леены').(White 2006: 106–112; Karlsson 1982: 106–111; Морозова 1982: 146–150).

В языке «Калевалы», в отличие от повседневного финского языка часто опускается притяжательное местоимение 3 л. ед. ч., указывающее на принадлежность лицу, не выступающему подлежащим, в предложении остается лишь поссесивный суффикс, присоединяющийся к соответствующему существительному: *Tippui tilkat silmistänsä* (41: 187) = *Tippui tilkat hänen silmistänsä* 'Капали капли из его глаз' (Niemi 1910: 213).

В коми языке поссесивность может выражаться 1) морфологически с помощью лично-притяжательных суффиксов, присоединяющихся к обладаемому и обозначающих грамматическое лицо, которому принадлежит этот предмет: *-öй, -ыд, -ыс, -ным, -ныд, -ныс* (*небөгöй, небөгыд* 'моя книга, твоя книга' и т.д.); 2) морфосинтаксически, когда притяжательные отношения передаются существительными, личными и усилительно-личными местоимениями (обладатель) в родительном (*Леналён небөг* 'книга Лены, Ленина книга'; *менам, тэнад, сылён, миян, тиян, налён* 'мой, твой и т.д.'; *аслам, аслад, аслас, асланым, асланыд, асланыс* 'свой, мне, тебе и т.д. принадлежащий') и притяжательном падеже (*Леналысь книгасö бостьны* 'взять книгу Лены'; *менсьым, тэнсьыд, сылысь, миянлысь, тиянлысь, налысь* 'мой, твой и т.д.'; *ас/сьым, -сьыд, -сьыс, -сьыным, -сьыныд, -сьыныс* 'свой, мне, тебе и т.д. принадлежащий'); 3) синтаксически, словосочетанием из морфологически неоформленных компонентов, обладатель при этом выражается местоимением или существительным в именительном падеже (*Тэ вомысь да Ен пельö* 'Из твоих уст да в ухо Бога (поговорка: пусть сбудутся твои слова)') (Некрасова 1998в: 372).

В тексте перевода в некоторых случаях наблюдается вставка притяжательных местоимений, в то время как в оригинале поссесивность выражается лично-притяжательными суффиксами, либо она никак не обозначается, т.к. ясна из широкого контекста, или же когда употреблено обращение.

В большинстве случаев данные вставки не носят обязательного характера, т.е. и без применения данной трансформации в переводе получились бы грамматически правильные предложения. На наш взгляд, переводчик прибегает к вставкам местоимений опять же для заполнения стихотворной строки до необходимых восьми слогов.

Поссесивный суффикс → притяжательное местоимение

1) Вставка притяжательного местоимения в обращении

*Elä itke, tyttäreni,
nuorna saamani, nureksi!* (4: 119–120)
Не плачь, дочь [моя],
В молодости [мною] рождённая, не сетуй!

*Дугды бёрдны, менам нылдй,
Томён чужтёмдй, эн шогсьы!* (4: 118–119)
Перстань плакать, моя дочь,
В молодости [мною] рождённая, не печалься!

*Neityeni nuorempani,
lapseni vakavimpani!* (10: 221–222)

*Менам дона медтом нылдй,
Челядь пьысь медся милдй...* (10: 211–212)

Девочка [моя] младшая [моя],
Дитя [моё] самое маленькое [моё]!

*Oho! poikani poloinen,
ohoh kurja kullansolki!* (34: 191–192)
Ох, сын [мой] бедный,
Ох, горемычная золотая пражка!

Моя дорогая самая молодая дочь,
Среди детей самая милая....

*Ой тэ, менам дона пийй,
Ой тэ, коньёр зарни тугийй!* (34: 188–189)
Ой ты, мой дорогой сын,
Ой ты, бедное золотце [моё]!

Аналогичные примеры: **3**: ф512/к506, ф528/к522, ф550/к544.

2) Вставка притяжательного местоимения в посессивной конструкции **менам, тэнад, сылён, миян, тиян, налён**

*Niit' ennen isoni lauloi
kirvesvartta vuollessansa...* (1: 37–38)
Так отец [мой] пел,
Топорище строгая;

*Isosiko vai emosi
vaiko vanhin veljiäsi
vai nuorin sisariasi
vaiko muu sukusi suuri?*
*"Ei isosi, ei emosi
eikä vanhin veljiäsi,
ei nuorin sisariasi
eikä muu sukusi suuri...* (9: 325–332)
Отец [твой] или мать [твоя],
Или самый старший из братьев [твоих],
Или самая младшая из сестёр [твоих],
Или другой из родни [твоей] большой?
«Не отец [твой], не мать [твоя]
И не самый старший из братьев [твоих],
Не самая младшая из сестёр [твоих],
И не другой из родни [твоей] большой...

*"Kunne tyttösi katosi,
minne sai sisarueni?"* (34: 207–208)
«Куда дочь [твоя] пропала,
Куда делась сестрица [моя]?»

*Менам аййй сийёс сьывлэс
Рытын чер пу вёлалёён...* (1: аб37–38)
Мой отец её пел,
Вечером топорище строгая...

*Гаикё, батыьд либё мамыьд,
Либё тэнад ьджьыд вокьыд;
Гаикё тэнад ичёт чойьыд,
Либё кодкё ьджьыд рёдысьыд?
Дерт, эз батыьд и эз мамыьд,
И эз тэнад ьджьыд вокьыд,
И эз тэнад ичёт чойьыд,
Некод тэнад ьджьыд рёдысьыд...* (9: 325–332)
Может, отец [твой] или мать [твоя],
Или твой старший брат;
Может твоя младшая сестра,
Или кто-то из большого рода твоего?
Конечно, не отец [твой] и не мать [твоя],
И не твой старший брат,
И не твоя младшая сестра,
Никто из твоего большого рода...

*«Кытчё нылыьд тэнад воши,
Кытчё менам чоййй лоис?»* (34: 204–205)
«Куда дочь твоя пропала,
Куда моя сестра делась?»

Аналогичные фрагменты: **3**: ф/к52, ф265–266/к260–261, ф382–383/к378–379, ф398/к394, ф416/к411, ф536/к530 **4**: ф43/к42, ф55/54, ф59/к58, ф115/к114; **7**: ф91/к92, ф/к307; **8**: ф/к44, ф/к88, ф126/к125; **9**: ф/к345, ф/к368; **34**: ф125/к123, ф133/к131, ф211–212/к208–209; **44**: ф/к8.

менсьым, тэнсьыьд, сылысь, миянлысь, тиянлысь, налысь

*En kysele kultiasi,
halaja hopeitasi...* (7: 307–308)
Не прошу золота [твоего],
[Не] желаю серебра [твоего]...

*miehet allani asuivat,
kirvestänsä kitkuttivat
min poloisen päään menoksi,
heikon henkeni lähöksi.* (44: 135–138)
Мужчины подо мной были,

*Меньым оз ков тэнад зарни,
Оз жё босьт и тэнсьыьд эзысь.* (7: 307–308)
Мне не нужно твоё золото,
Не возьму и твоё серебро.

*Шойтчисны тан пёрёдчысьяс,
Черъяснысь зудьялысьны,
Медьым юрёс тиёттикёдыитны,
Медьым лолёс менсьым босьтны.* (44: 134–137)
Отдыхали тут лесорубы,

[Свои] топоры точили
Моей бедной головы на гибель,
Слабой души [моей] на погибель.

Топоры [свои] точили,
Чтобы голову постричь,
Чтоб душу мою взять.

аслам, аслад, аслас, асланым, асланыд, асланыс

*Sen emo sanoiksi virkki,
senp' on lausui lapsellensa.* (4: 189–190)
То мать промолвила,
То сказала ребёнку [своему].

*Тадзи мамыс сылы иуис,
Аслас ньланыслы кайтис...* (4: 187–188)
Так мать ей сказала,
Своей дочери повторила...

*"Nouse jo norosta, mies,
uros, uuelle uralle,
haikeasi haastamahan...* (7: 221–223)
«Встань уже из низины, человек,
Герой, на новую тропу,
О горе [своём] рассказать...

*«Сёнсьыс кыпöдчы вай, мортöй,
Ордымöдыс мелань тувчы,
Аслад шогон мекöд юксьы...* (7: 221–223)
«Из низины поднимись, давай, человек,
По тропе ко мне ступай,
Своим горем со мной поделись...

*jospa on kaunoinen käteni,
käsi Luojan kauniimpi.* (9: 515–516)
Если же красива рука [моя],
Рука Создателя красивее.

*Аслам кийй, дерт жö, мича,
Вöчыслөн кийс мичаджык.* (9: 515–516)
Своя рука, конечно же, красива,
Создателя рука красивее.

Аналогичные фрагменты: **9:** ф/к335; **10:** ф99/к92, ф124/к115; **34:** ф49/к48.

ассьым, ассьыд, ассьыс, ассьыным, ассьыныд, ассьыныс

*tuihtelin tyttöjäni,
kasvatin kanasiani!* (4: 445–446)
Баюкала дочку [свою],
Растила курочку [свою]!

*Быдти ассьым коньөр ньлöс,
Ассьым дона пышкайтид!* (4: 442–443)
Растила свою бедную дочку,
Своего дорогого воробушка!

*oli polttoa poloisen,
rauta raukan, veikkosensa.* (9: 73–74)
Хотел сжечь бедное,
Железо горемычное, брата [своего].

*Кöсийс, коньөрöс, пыр сотны
Ассьыс ичöт воксö, көртсö.* (9: 73–74)
Хотел, бедное, сжечь
Своего младшего брата, железо.

"Etkö tunne poikoasi... (34: 183)
«Не узнал(а) что ль сына [своего (вашего)]...

«Ассьыд питö он-ö тöдöй... (34: 180)
«Своего сына не узнали что ль...

Аналогичные фрагменты: **3:** ф348/к344, ф410/к405, ф431/к425, ф452/к446, ф458/к452; **9:** ф/к146, ф/к175, ф/к321–322; **34:** ф224/к221, ф241/237; **40:** ф72/к70; **44:** ф225/к222.

Нет possessивных суффиксов → притяжательное местоимение

1) Вставка притяжательного местоимения в обращении

*Ohoh, sinua, ukko utra,
vähämieli Väinämöinen...* (5: 129–130)
Ох, ты, старик бедный,
Слабоумный Вяйнямёйнен...

*Ой, тэ менам сямтöм пöльдй,
Ичöт вежөр, Вяйнямöйнен...* (5: 123–124)
Ой, ты мой бестолковый старичок,
Малый ум, Вяйнямёйнен...

*Oi sie kirves kikkanoikka,
tasaterä tapparainen!* (8: 169–170)
Ой, ты топор со вздёрнутым носом,
С ровным лезвием секира!

Voi sinua, rauta raukka... (9: 130)
Ой ты, железо бедняга...

*Ой, тэ паськыд тошка черёй,
Лэчыд дорышаёй менам!* (8: 168–169)
Ой, ты с широкой бородкой топор [мой],
Острое лезвие моё!

Ой, тэ менам коньор көртёй! (9: 130)
Ой, ты моё бедное железо!

Аналогичный фрагмент: **2:** ф301/к300; **8:** ф/к63.

2) Вставка притяжательного местоимения в других случаях **менам, тэнад, сылён, миян, тиян, налён**

*Sisko sillan korvasella
vuötä kullaista kutovi...* (4: 63–64)
Сестра на краю пола
Пояс золотой плетёт...

*mikä rannan heinäsiä,
se hivusta hierottua.* (4: 369–370)
Что берега травы,
Это волосы чёсанные.

*Liepä lempo lähtenyynnä
kattiloihin kiehumahan!* (4: 423–424)
Пусть Лемпо (чёрт) отправляется
В котёл вариться!

Viel' onpi emo elossa... (5: 222)
Ещё мать в живых...

*Oi sie lieto Lemmin poika!
Kallistaite katsomahan,
miss' on pursi puuttumassa...* (40: 105–107)
Ой ты, беспечный сын Лемпи!
Нагнись посмотреть,
Где лодка застряла...

*Õдзёс дорын сылён чойыс
Зарни шёртысь вёньяс кыё...* (4: 62–63)
У двери её сестра
Из золотой пряжи пояса плетёт...

*Саридз дорын быдымысь эжёр –
Менам небыд юрсиясёй.* (4: 367–368)
У моря растущая осока –
Мои мягкие волосы.

*Омёл медым татчё воас,
И мед тиян пёртийн пусяс!* (4: 421–422)
Чёрт пусть сюда придёт,
И пусть в вашем котле варится!

Мамыд тэнад век на ловья... (5: 216)
Мать твоя всё ещё жива...

*Небыд съёлём Лемпи пиё,
Копыртчёмён видзёдлы вай,
Кытчё сибдис миян пыжным...* (40: 103–105)
Мягкосердечный сын Лемпи,
Нагнувшись, посмотри давай,
Куда застряла наша лодка...

Аналогичные фрагменты: **1:** ф234/к а225, ф236/к а227, ф263/к а2516257; **3:** ф545/к539; **4:** ф196/к194; **6:** ф71/к68; **7:** ф69/к70; **9:** ф/к96; **34:** ф128/к126, ф159/к156; **41:** ф222/к208, ф230/к216; **44:** ф/к67, ф144/к143, ф146/к144.

менсьым, тэнсьыд, сылысь, миянлысь, тиянлысь, налысь

*Tuuli kaatavi tupasen,
aalto vie asuinsijani.* (1: 193–194)
Ветер разрушит избушку,
Волна унесёт жилище[моё].

*Aukaise parahin arkku,
kansi kirjo kimmahuta...* (4: 131–132)
Открой самый лучший сундук,
Крышку пёструю отвори...

*Тёлыс позйёс менсьым разяс,
Саридз гыыс сйёс нуас.* (1: а187–1886188–189)
Ветер гнездо моё разрушит,
Морская волна его унесёт.

*Медся мича кудсё восьты,
Сылысь сера веегсё вешты...* (4: 130–131)
Самый красивый короб открой,
Его пёструю крышку отодвинь...

Аналогичные фрагменты: **3:** ф319/к315, 453/к447; **4:** ф19–20/к18–19, ф99–100/к98–99, ф177/к175, ф258/к256; **10:** ф267/к252, ф428/к401.

аслам, аслад, аслас, асланым, асланыд, асланыс

*Mieleni minun tekevi,
aivoni ajattelevi
lähteäni laulamahan,
saa'ani sanelemahan,
sukuvirttä suoltamahan...* (1: 1–5)
Желание у меня появилось,
Голова замыслила
Приняться петь,
Начать сказывать,
Песню рода поведать...

viepi vierahan tupahan... (7: 232)
Ведёт гостя в избу...

*Laatisiko mieli mennä
elomailten entisille?* (10: 477–478)
Появилось ли желание идти
На родину прежнюю?

*Чужис менам өти көсйём,
Юрö воис эйтиём дума,
Медым съивны лосьбдчыны,
Мыла кывйён висътавлыны
Аслам рөдлысь съыланкывъяс...* (1: 61–5)
У меня родилось одно желание,
В голову пришла такая мысль,
Чтобы петь приготовится,
Напевным словом рассказать
Своего рода песни....

Гөстьсö аслас гортас нуис. (7: 232)
Гостя в свой дом отвела.

*Али мөвпалан тэ мунны
Аслад ыли чужан муад?* (10: 449–450)
Или думаешь ты идти
На свою далекую родную землю?

Аналогичный фрагмент: **9:** ф/к353.

ассьым, ассьыд, ассьыс, ассьыным, ассьыныд, ассьыныс

*sotkalle pesän sijaksi,
asuinnaaksi armahaksi.* (1: 199–200)
Нырку для места для гнезда,
Для жилой земли милой.

*Vaan kuitenkin kaikitenki
lähe en miekan mittelöhön...* (3: 267–268)
Только всё-таки всё же
Не стану [я] меч мерить...

jou'utti tulisen jousen... (6: 97)
Приготовил огненный лук...

*Медым стовчöж сэтчö поздис,
Ассьыс оланінсö вöчис.* (1: a193–194b194–195)
Чтобы гоголь туда сделал гнездо,
Своё жильё сделал.

*Сöмын ог ме босьтчы тэжд
Муртавны ассьым шымуртöс...* (3: 262–263)
Только не возьмусь я с тобой
Мерить свой меч....

Ассьыс биа вужсö босьтис... (6: 94)
Свой огненный лук взял...

Аналогичные фрагменты: **3:** ф272/к267; **6:** ф141/к137, ф151/к147.

3.2.2.5. Грамматические опущения

В тексте перевода нами обнаруж следующий вид опущений: опущение вставочного глагола *он* 'есть, быть'.

В качестве одной из особенностей синтаксиса калевальских рун В. Я. Евсеев (1960: 311–312) выделяет появление в тексте вопреки требованиям синтаксиса прозаической речи карел и финнов вспомогательного глагола *он* 'быть, есть'. Данный глагол, фразеологически определяющийся как вспомогательное слово, относящееся к категории энклитик, т.е. таких слов, которые не несут ударения или теряют свое, в акцентном отношении подчиняясь предшествующим им словам, используется в эпических рунгах

чрезвычайно широко. Обычно подобного рода энклитическими словами или частицами восполняются недостающие слоги тех стихов, слова которых не составляют хореических стоп.

Данный тип вставки часто появляется при обращении к героям рун. В этом случае В. Я. Евсеев сопоставляет вставку вспомогательного глагола *on* с фразеологическим образованием русских былин *гой еси*. Вставка глагол *on* наблюдается не только при обращении к герою руны, но и в речи действующих лиц эпоса, а также и в повествовательных стихах рун, не относящихся к диалогу героев.

При переводе данная вставка не сохраняется, таким образом, мы имеем дело с трансформацией опущения, носящей обязательный характер.

Обращение к герою

*"Oi on taamto, kantajani,
oi eto, imettäjani!"* (4: 79–81)
«Ой есть матушка, моя родительница,
Ой мать, моя кормилица!»

«Ой, тэ менё чужтысь мамой!
Менё вердысь, быдтысь аньёй!» (4: 78–79)
«Ой, ты меня родившая матушка!
Меня вскормившая, вырастившая женщина!»

*"Oi on sisar Joukahaisen!
Toki tullos toinen kerta!"* (5: 136–137)
«Ой есть сестра Ёукахайнена!
Приди же во второй раз!»

«Ёукахайненлөн чойёй,
Кора тэно мёдысь волю!» (5: 130–131)
«Ёукахайнена сестра,
Прошу тебя второй раз приди!»

*"Oi on armas akkaseni!
Sano, armas akkaseni:
missäpä minun isoni,
kussa kaunis kantajani?"* (34: 129–132)
«Ой есть дорогая старушка!
Скажи, дорогая старушка:
Где же мой отец,
Где прекрасная родительница?»

«Ой тэ, пёчө, сьёлмиөрёй,
Вай жө висьтав, дона мортёй,
Кёни менам коньёр батьёй,
Кёни менё чужтысь мамой?» (34: 127–130)
«Ой ты, старушка, сердечная,
Давай скажи же, дорогой человек,
Где мой бедный отец,
Где меня родившая матушка?»

Аналогичные отрывки: **3:** ф259/к254, ф345/к341, ф408/к403, ф426/к420, ф450/к444, ф512/к506; **34:** ф137/к135; **40:** ф71/к69; **44:** ф/к15.

Речь персонажей

*"Parempi olisi ollut
ilman impenä eleä,
kuin on nyt tätä nykyä
vierähellä veen emona..."* (1: 161–164)
«Лучше бы было
Быть девой воздуха,
Чем есть теперь, как сейчас,
Скитаться матерью вод...»

Бурджык овны енэж вылын,
Кольны водзё сынёд нылён,
Сёмын ковмис лоны тани
Йёзын, саридз валы мамён... (1: a157–160b158–161)
Лучше жить на небе,
Оставаться дальше дочерью воздуха,
Только пришлось стать здесь
На чужбине, матерью морской воде...

*"Jo nyt ammuin Väinämöisen
ja kaaoin kalevalaisen,
loin on merta luutimahan,
lainetta lakaisemahan.* (6: 217–220)
«Уже застрелил Вяйнямёйнена
И погубил калевалайна,
Отправил есть море подметать,
Волны мести.»

«Вяйнямёйненёс ме лыи,
Калевалайнаненёс ме ви,
Саридз пьдөссө мед чыикё,
Гьяссө мед весалыитё... (6: 208–211)
«Вяйнямёйнена я застрелил,
Калевалайна я убил,
Моря дно пусть метёт,
Волны пусть чистит...»

*"Sillenä minä menisin,
kenp' on veistäisi venosen
kehrävarteni muruista... (8: 123–125)*
«За того бы я пошла,
Кто есть вытесал бы лодку,
Из кусочков моего веретена...

*«Этийм верёс сайё непа,
Коді ветки-пыже мен вочас
Печкан чёрс торпыригьясысь... (8: 122–124)*
«За такого замуж выйду,
Кто челнок мне делает,
Из обломков прядильного веретена...

Подобные фрагменты: **2:** ф305/к304; **3:** 127/к126, ф133/к132, ф149/к148, ф173/к170, ф197/к194, ф222/к220, ф238/к235, ф242/к238, 360/к356, ф376/к372, ф382/к378, ф392/к388; **4:** ф165/к164, ф174/к172, ф251/к249, ф332/к330, ф351/к349, ф359/к357; **5:** ф61/к58, ф183/к177; **6:** ф231/к222; **7:** ф83/к84, ф359/к358; **9:** ф/к21, ф/к61, ф/к63, ф/к65, ф/к137, ф/к153, ф/к228, ф/к249, ф/к324, ф/к361, ф/к397; **10:** ф83/к76, ф116/к109, ф157/к148, ф214/к204, ф231/к218, ф235/к222, ф291/к 275, ф294/к277; **40:** ф287/к285.

Опущение вставки в повествовании

*Niin näkevi neljä neittä,
viisi veen on morsianta. (2: 59–60)*
Вот видит четырёх дев,
Пять воды есть невест.

*Аддзё вадорысь нэль нылёс,
Саридз берегысь вит аньёс... (2: 59–60)*
Видит у воды четырёх дев,
На морском берегу пять женщин...

*mies on nousevi merestä,
uros aallosta ajaikse... (7: 105–106)*
Муж есть поднимается из моря,
Герой из волны выходит...

*Саридзёсыс кьпёдчис мортыд,
Джуджыд гыяс костысь петис... (7: 106–107)*
Из моря поднялся человек,
Между высоких волн вышел...

*Siitä vanha Väinämöinen
siirti silmänsä ylemmä,
katsahtavi kaunihisti
päälle pään on taivosehen... (9: 561–564)*
Тут старый Вяйнямёйнен
Повернул глаза наверх,
Посмотрел красиво
Над головой есть в небо...

*Сэки пёрысь Вяйнямёйнен
Вывлань юрсё чатёртыицис,
Синьяссё читкьртис-чөвтис,
Енэжлань зэв сюся дзоргё... (9: 560–563)*
Тогда старый Вяйнямёйнен
Вверх голову запрокинул,
Глаза сощурил,
В небо очень зорко смотрит...

Подобные отрывки: **2:** ф/к15, ф/к60, ф/к65, ф/к75; **3:** ф189/к186, ф255/к250, ф318/к314, ф447/к441; **4:** ф32/к31, ф190/к188, ф261/к259, ф494/к490, ф498/к494; **5:** ф145/к139; **6:** ф33/к30, ф95/к92, ф105/к102, ф148/к145, ф166/к161, ф215/к206; **7:** ф/к9; **8:** ф/к42, ф168/к167, ф229/к228; **9:** ф/к418, ф/к531; **10:** ф53/к46, ф187/к177, ф211/к201, ф235/к222, ф339/к319, ф351/к329, ф369/к345, ф387/к361, ф403/к377, ф439/к412; **40:** ф/к3, ф113/к111, ф129/к127, ф276/к274; **41:** ф150/к146; **44:** ф/к29, ф250/к247.

Таким образом, нами выявлено 1815 примеров грамматических трансформаций. Наиболее часто встречаются разнообразные перестановки (662 примера), замены (571 пример) и вставки (384). На трансформацию опущения выявлено 105 примеров, на развёртывание – 93.

Частично перестановки носят обязательный характер и вызваны особенностями языка финского эпоса. К таковым относятся замена положе-

ния отрицательного глагола и определения, а также превращение предлогов в послелогов. Перемещение сказуемого и авторских слов по отношению к прямой речи носят скорее стилистический характер и поэтому являются факультативными преобразованиями.

Обязательный характер носят следующие типы замен:

Из замен формы слова обязательными трансформациями являются замена пассивной формы глагола на активную, замена числа глагола-сказуемого и некоторые случаи замены числа имён существительных (прилагательных). Они связаны как с отсутствием определённых грамматических форм в коми языке (отсутствие пассива и слов, употребляемых только во множественном числе), так и с особенностями языка эпоса (употребление сказуемого единственного числа с подлежащим во множественном числе).

Из замен частей речи обязательными являются случаи замены некоторых форм II и III инфинитивов: замена элатива III инфинитива (*-mAstA*) отглагольным существительным; замена абессива III инфинитива (*-mAttA*) отрицательным причастием с суффиксом *-möm*; замена инессива II инфинитива (*-essA-* + посессивный суффикс) на деепричастия с суффиксами *-ig / -ug, -igön / -ugön, -igac / -ugac*, замена инструктива II инфинитива (*-en*) на деепричастия с суффиксами *-ug / -ig, -игтыр(йи) / -игтыр(йи), -ömön*. Данные замены вызваны отсутствием в целевом языке соответствующих частей речи.

Факультативными заменами являются замены прошедшего времени глагола (имперфекта) на настоящее и настоящего на прошедшее (I прошедшее), некоторые случаи замены числа существительного (прилагательного) и замена степеней сравнения прилагательных. Все эти преобразования носят стилистический характер. Причинами замены настоящего времени глагола на прошедшее могли послужить также невнимательность переводчика к таким местам в оригинале, в которых осуществляется резкая смена времени повествования, а также, возможно, ошибочная трактовка часто встречающегося архаичного суффикса настоящего времени *-vi* как разновидности суффикса имперфекта *-i*.

Также необязательный характер носит прономинализация: замена слов с конкретным лексическим значением (т.е. существительных, прилагательных, числительных, наречий) на местоимение. Она выполняет стилистические функции.

Для замены членов предложения характерно то, что кроме сказуемого все остальные члены предложения могут быть заменены на любой другой. Данная трансформация часто является следствием других преобразований, произведенных в процессе перевода. Такими образом, большинство замен членов предложения не связано с различиями в системах двух взаимодействующих языков, и поэтому не носят обязательного характера. К обязательным преобразованиям относятся, например, некоторые случаи замены дополнения на обстоятельство в примерах типа *aĵaa tietä* 'ехать по дороге, дорогой' – *munny tуй кузя* 'идти, ехать по дороге', *itkeä häntä*

‘оплакать его, плакать по нему’ – *бёрдыны сы вёсна* ‘плакать из-за него, по нему, оплакать его’.

Различные виды вставок носят факультативный характер и используются для придания строкам перевода необходимой длины в восемь слогов.

Трансформация опущения, представленная выпадением в переводе характерного для языка «Калевалы» вставочного глагола *on* ‘есть, быть’, носит обязательный характер.

С помощью трансформации развёртывания в переводе передаются следующие, не имеющие в коми языке прямых соответствий, конструкции: в различного рода сложные предложения преобразуются конструкции с целевым инфинитивом (*-kse-* + посессивный суффикс), большинство примеров с иллативом, элативом, и абессивом III инфинитива (*-mAAAn / -mAAAn, -mAAstA, -mAAttA*), $\frac{3}{4}$ примеров на временную конструкцию с инессивом II инфинитива (*-essA-* + посессивный суффикс), все случаи временной конструкции с партитивом 2 причастия пассива (*-tUA*) и реферативной конструкции с причастиями на *-vAn, -neen, -tUn*. Встречается также примеры развёртывания в сложносочинённое предложение модальной конструкции инструктива II инфинитива (*-en*). Все случаи трансформация развёртывания является обязательными преобразованиями.

В результате анализа грамматических преобразований нам удалось установить, как на коми язык передаются грамматические конструкции, имеющиеся в финском языке, но отсутствующие в коми. Так, пассивная форма финского глагола в большинстве случаев передаётся формой 3-го лица множественного числа глагола, что можно считать закономерной адекватной заменой, т.к. в коми неопределённо-личных предложениях со сказуемым в 3 л. мн. ч., так же как и в финских предложениях с пассивом, внимание сосредоточено на действии, а субъект действия несущественен, действие совершается неопределённым, т.е. необозначенным субъектом. В нескольких случаях пассив заменяется на 1 л. мн. ч, что также является адекватной заменой, так как финский пассив часто используется в данной функции. Менее приемлемыми, на наш взгляд, являются встречающиеся случаи замены пассива формой глагола в 3 л. ед. ч. с одновременной реконструкцией сказуемого, т.к. эта замена не передает значения финской грамматической формы.

Наиболее частым и одновременно наиболее адекватно передающим значение финской конструкции с целевым инфинитивом соответствием является сложноподчинённое предложение с союзом *мед, медым* ‘чтобы’.

Сложноподчинённые предложения с союзом *мед, медым* ‘чтобы’ в большинстве случаев соответствуют и предложениям с иллативом, элативом, и абессивом III инфинитива.

Наиболее адекватным эквивалентом временных конструкций (инессив II инфинитива, партитив 2 причастия пассива) является сложноподчинённые предложения с союзом *кор, кодыр* ‘когда’.

Реферативная конструкция, как правило, заменяется бессоюзным сложным предложением с изъяснительно-объектной связью.

Наиболее адекватным эквивалентом для модальной конструкции с инструктивом II инфинитива (-en) является деепричастие с суффиксами -иг / -іг, -игтыр(йи) / -ігтыр(йи), -ӧмӧн.

Использование в переводе разнообразных преобразований развёртывания и различных видов вставок согласуется с принципом эксплицитности, согласно которому в переводах по сравнению с оригиналом, как правило, наблюдается тенденция к введению дополнительных объясняющих, описывающих элементов, структура предложений делается менее сложной, более рыхлой (Kaludy 33). Использование данных типов трансформаций способствует также сохранению в переводе стихотворной формы оригинала – восьмисложной строки: они компенсируют потери в длине, вызванные краткостью коми слов.

3.2.3. Компенсация

Компенсация – приём перевода, при котором происходит восполнение неизбежно утраченных элементов оригинала, но чаще всего другими средствами ПЯ и в другом месте переводимого текста.

Компенсация может носить семантический или стилистический характер. Семантическая компенсация часто применяется для восполнения пробелов, вызванных безэквивалентной лексикой. Стилистическая компенсация наблюдается при замене одного выразительного средства другим.

Компенсация может быть локальной и глобальной. Локальная компенсация проявляется в каком-то отдельном месте текста и легко обнаруживается. Глобальная компенсация действует на всём протяжении переводческого процесса и представляет собой стремление найти равновесие между вынужденными потерями и способами их нейтрализации. Она наблюдается на уровне целостности всего переводимого текста. С помощью такой компенсации переводчик стремится добиться большей полноты воспроизведения текста оригинала как с семантической, так и со стилистической точек зрения. (ТПС: 83–84; Рецкер 1974: 58; Бархударов 1975: 219; Комиссаров 1990: 185; Klaudy 2012: 155).

В исследуемом тексте коми перевода «Калевалы» к приёму компенсации, на наш взгляд, можно отнести появление разнообразных прилагательных (эпитет, определение), дополняющих какое-либо существительное, или наречий, существительных в различных падежах, выполняющих роль обстоятельства, а также введение в текст перевода параллелей-повторов, для которых нет эквивалентов в тексте оригинала. Данные проявления приёма компенсации являются стилистическими и носят глобальный характер.

С помощью вставки дополнительных определений и обстоятельств переводчик стремится сделать текст более поэтически насыщенным и компенсировать потери, связанные с невозможностью передачи языкового

своеобразия оригинала. Данный приём помогает также в передаче формы исходного текста – восьмисложной строки: он компенсирует краткость коми слов, вследствие которой строки перевода без каких-либо вставок и дополнений становятся короче строк оригинала.

Введение дополнительных повторов-параллелизмов, в свою очередь, компенсирует отсутствие этой основной особенности формы оригинала во многих местах текста перевода.

3.2.3.1. Вставка определения (прилагательного) и обстоятельства (наречия, существительного)

3.2.3.1.1. Определение

Тёмная Похъёла оригинала в переводе характеризуется ещё и как холодная, а её параллельное наименование Сариола помимо туманной становится сырой: *pimeä Pohjola* (8: 19; 10: 71), *summa Sariola* (8: 20; 10: 72) ‘темная Похъёла, туманная Сариола’ → *кӧдзыд, немьд Похъёла* (8: 19; 10: 64), *руа, уль Сариола* (8: 20; 10: 65) ‘холодная, темная Похъёла, туманная, сырая Сариола’. Холодная похъельская деревня наполняется густым туманом: *нӧгыль руа кӧдзыд грезд* (6: 3) ‘холодная деревня с густым туманом’. Эта же бедная деревня характеризуется и как разрушенная, наполненная разрухой: *киссьӧм сикт* (40: 4) ‘разрушенная деревня’.

Хозяйка Похъёлы Лоухи в переводе получает эпитеты злая, старая: *скӧр Лоухи* (10: 207), *пӧрысь инька* (40: 297) ‘злая Лоухи, старая свекровь’; её пальцы становятся кривыми, крюкообразными: *крука чунь* (40: 299) ‘кривые пальцы’, а её дочь, дева Похъёлы – молодой: *том нывка* (10: 76) ‘молодая девочка, девушка’.

Мир умерших Манала характеризуется эпитетом со значением тёмный: *немьд Манала* (4: 281) ‘тёмная Манала’.

Вода, в которой рождается Вяйнямейнен, и по которой передвигаются герои эпоса, в переводе становится холодной, морской, бесконечной, бурной: *кӧдзыд ва* (1: a1636164; 7: 249) ‘холодная вода’; *помтӧм, паськад саридз ва* (6: 197) ‘бесконечная, широкая морская вода’; *визув ва* (40: 54) бурная вода; а волны – морскими, ясными, сильными, пенистыми, высокими (глубокими), тёмными: *саридз гыяс* (1: a1886189) ‘морская волна’; *сӧдз да вына гыяс* (2: 199) ‘ясные и сильные волны’, *быгья гыяс* (4: 246) ‘пенистые волны’; *вына гыяс* (7: 27) ‘сильные волны’; *дждуджыд гыяс* (7: 107) ‘высокие (глубокие) волны’; *немьд саридз гыяс* (40: 334) ‘тёмные морские волны’. Омываемый ими берег в переводе бескрайний и каменистый: *помтӧм, изья саридз дор* (7: 119) ‘бескрайний, каменистый морской берег’, а само море не только синее, но и северное: *лӧз вой саридз* (41: 199) ‘синее северное море’, его поверхность бескрайняя: *помтӧм восьсаин* (2: 202) ‘бескрайнее открытое пространство’. Посреди этой воды и волн утка на колене матери Вяйнямейнена делает своё теплое гнездо:

шоньд позтор (1: а203) ‘тёплое гнездо’, и приносит, высиживает свои чудесные яйца: *шемёс кольк* (1: а226б230) ‘чудесное яйцо’.

Лодка, на которой по морю передвигаются Вяйнямейнен и его соратники, получает эпитет лёгкая: *кокни струг* (40: 45, 52) ‘лёгкий челнок’; а лодки, которые Ёукахайнен обещает за своё спасение – новые: *Менам гортын кык вьль пыж эм* (3: 372) ‘У меня дома две новые лодки есть’.

Ещё одно средство передвижения Вяйнямейнена – жеребец – в переводе становится быстрым и бравым: *тэрыб уж* (6: 11) ‘быстрый жеребец’, *збодер вёлыс* (10: 46) ‘бравый конь’. Этот конь-жеребец не только соломенного цвета и цвета горохового стебля, но цвета соломы пшеничной, а гороха спелого: *Шобди идзас рёма уж* (6: 90) ‘жеребец цвета пшеничной соломы’, *Воём анькытши рёма вёв* (6: 91) ‘конь цвета спелого гороха’. Мерин Ёукахайнена – самый ретивый, рьяный, горячий, с быстрыми ногами, сильный, красивый: *сёкыр – сылön медъяр вёлыс* (3: 68) ‘мерин – его самый ретивый конь’, *тэрыб кока Лысань вёлыс* (3: 305) ‘лошадь Лысань с быстрыми ногами’, *ён вёв* (3: 388) ‘сильная лошадь’, *мича уж* (3: 395) ‘красивый жеребец’. Орёл, переносящий Вяйно в Похьёлу также быстрый: *тэрыб кутши* (7: 110) ‘быстрый орёл’.

Преградившая в море путь Вяйнямейнену и его спутникам щука в переводе характеризуется как старая: *пёрысь сир* (40: 122, 161, 208, 236) ‘старая щука’. Её челюсти, из которых сооружают кантеле, в коми тексте не только, как и в оригинале широкие и большие, но и сильные: *паськыд ён черлы* (40: 209) ‘широкие сильные челюсти’, *ыджыд ён черлы* (40: 234) ‘большие сильные челюсти’, а зубы острые: *лэчыд тинь* (40: 208, 236) ‘острый зуб’. Меч, которым главный герой эпоса убивает эту щуку, тяжёлый: *сёкыд меч* (40: 157) ‘тяжёлый меч’. В свою очередь, меч Лемминкяйна острым: *лэчыд меч* (40: 125) ‘острый меч’. Нож, которым Вяйнямейнен в другом эпизоде пытается разделать пойманную рыбу, в переводе так же становится острым: *лэчыд пурт* (5: 70) ‘острый нож’, а остров, где он рыбачит, получает эпитет туманный: *руа ди* (5: 41) ‘туманный остров’.

Руки Вяйнямейнена в переводе сильные: *вына кияс* (1: а324б326) ‘сильные руки’, а палец его левой ноги маленький: *шуйга кокса ичёт чунь* (1: а309б311) ‘маленький палец левой ноги’. Ноги Сампсы Пеллервойнена, свалившего по просьбе Вяйнямейнена огромный дуб, также сильные: *вына кокъяс* (2: 152) ‘сильные ноги’. Сильны и руки хозяйки пены и порогов, которую главный герой эпоса просит усмирить волны: *Вына сойнад топöд гысö* (40: 27) ‘Сильными руками прижми (обними) волну’, и жилы лося Хийси: *Хийси йöралön ён сöныс* (6: 34) ‘сильные жилы лося Хийси’.

Игра Вяйнямейнена на кантеле – мелодичная: *мыла кантелельсь ворсöм* (41: 15). ‘мелодичная игра кантеле’. Слушающие её девицы – красивые, а парни – удалые: *мича нывъяс, удал зонъяс* (41: 58) ‘красивые девицы, удалые парни’. Приплывшие послушать игру Вяйнемейнена окуньки – мелкие: *посни ёкыш* (41: 123) ‘мелкий окунь’. Красивы и те

девушки, которые на мысе слышат пение плывущих в Похъёлу героев эпоса: *мича нывьяс* (40: 7)

Сестра Ёукахайнена Айно – дорогая дочь его матери: *мамлысь дона ныв* (3: 453) ‘дорогая дочь матери’. Отец Айно – старый, дорогой: *пöрысь бать* (4: 38) ‘старый отец’, *дона батьöй* (4: 333) ‘дорогой отец’, а отец Куллерво – бедняга: *коньöр батьöй* (34: 129) ‘бедный отец’.

Суконная юбка Айно в переводе становится полосатой и сшитой из привозного сукна: *вайöм нойысь визя юбка* (4: 171) ‘полосатая юбка из привозного сукна’; её туфли – красивыми: *мича тупли* (4: 310) ‘красивые туфли’; а кольцо – золотым: *зарни чунькыти* (4: 312) ‘золотое кольцо’. Другие предметы быта также получают свои эпитеты: пиво становится домашним: *гортса сур* (1: аб94) ‘домашнее пиво’; мёд, медок – вкусным, сладким: *чöскыд ма* (9: 430) ‘вкусный мёд’; топорище – лёгким: *кокни черпу* (4: 39) ‘лёгкое топорище’; котёл – медным: *ыргөн пöрт* (9: 443) ‘медный котёл’; медный короб – хорошим, ладным: *лöсьыд ыргөн падъян* (1: аб77) ‘ладный медный короб’; меха – сильными, мощными: *ён пушкан* (9: 121) ‘сильные меха’; хлыст – ивовым, красивым: *бадь пу ньöр* (3: 75; 10: 6) ‘ивовый хлыст’, *мича вöсьö ворпа орс* (3: 303) ‘красивый хлыст с жемчужной ручкой’; крышка сундука в амбаре – плотной: *топыд вевта куд* (4: 163) ‘сундук с плотной крышкой’; сам амбар – с широкими клетями: *паськыд жырья кум* (4: 254) ‘амбар с широкими клетями’; баня – истопленной: *ломтöм пывсян* (4: 409) ‘истопленная баня’; кормушки для лошадей (ясли) Вайнямёйнена – полными сена: *турун тыра лясни* (3: 397) ‘полные сена кормушки’; лук (для стрельбы) – большим: *ыджыд ньöввуж* (10: 305) ‘большой лук’; головной убор (шлем, каска) – тяжёлым: *сьöкыд шлём* (10: 438) ‘тяжёлый шлем’; меч – с острым лезвием: *лэчыд дорыша шыпурт* (3: 271) ‘меч с острым лезвием’. Льянная веревка Лемпо – крепкая: *Лемполөн пыш көвьыс крепыд* (6: 35) ‘льянная веревка Лемпо крепка’.

Отсутствующие в оригинале эпитеты употребляются также с обозначениями явлений природы, представителями растительного и животного мира. Так, солнце в переводе ясное или золотое: *югыд шонди* (1: а229б233) ‘ясное солнце’, *зарни шонди* (1: а304б306) ‘золотое солнце’; дождь – весенний или осенний: *тувсов зэр* (1: аб65) ‘весенний дождь’, *арся зэр* (34: 53) ‘осенний дождь’; ветер – резкий: *чизыр төв* (2: 200; 10: 459) ‘резкий ветер’; день – летний, солнечный, хороший: *гожся лун* (7: 66) ‘летний день’, *шондиа бур лун* (9: 432) ‘солнечный хороший день’, а утро наполнено туманом: *руён тырём асывводз* (7: 67) ‘наполненное туманом раннее утро’. Реки в переводе лесные или бурные: *вöрса ю* (4: 471) ‘лесная река’, *визув ютор* (34: 168) ‘бурная речка’; скалы – высокие: *джуджыд кырта* (4: 479) ‘высокая скала’; пороги – выступающие из воды: *ваысь петöм коськъяс* (40: 83) ‘из воды вышедшие пороги’; пригорки – гладкие: *шыльыд мылькъяс* (4: 481) ‘гладкие пригорки’, кочки – мягкие: *небыд вутти* (34: 41) ‘мягкая кочка’; горы – каменные (каменистые), большие: *изья керöс* (3: 200) ‘каменная (каменистая) гора’, *ыджыд гёра* (34: 146,

165), *ыджыд* из (34: 147) ‘большая гора’; мыс – также большой: *ыджыд кӧддяс* (34: 153, 172) ‘большой мыс’; погруженный в воду камень – чёрный: *ваӧ сунӧм сьӧд* из (4: 299) ‘окунувшийся в воду чёрный камень’; болото – глубокое: *ныдӧ нюр* (41: 41) ‘глубокое болото’; омуты, водовороты – тоже глубокие: *джуджыд йирьяс* (40: 20) ‘глубокие омуты’. Обитающие в воде сиги – ротозеи, разини: *ылӧг кебӧсьяс* (3: 154) ‘разини сиги’, а ёрш – слюнявый: *дульбӧсь йӧрш* (3: 191) ‘слюнявый ерш’. Ветви дуба, заслонившего собой небо, солнце и луну, покрыты листьями: *корья вожьяс* (2: 81), *корья чальяс* (2: 188) ‘ветви с листьями’, а поднялось-выросло это дерево не просто как земляника, а как крупная земляника: *гырысь оз моз туис-быдмис* (2: 79) ‘как крупная земляника вырос’. Берёза, оставшаяся на месте сделанной Вяйнямӧйненом пожоги, одинокая: *ӧтка кыдз пу* (2: 357) ‘одинокая берёза’. На этой красивой берёзе кукует не устраивающая гнездо кукушка: *мича кыдз пу* (4: 482) ‘красивая берёза’, *позтӧм кӧк* (4: 504) ‘кукушка без гнезда’. Для приготовления смеси для закалки стали кузнец просит пчелу принести мёд не просто с шести цветков и семи трав, а с цветов луговых и трав душистых: *видзвывса квайт дзоридз* (9: 227) ‘луговых шесть цветов’, *сизим дука турун* (9: 228) ‘семь душистых трав’. Для изготовления лечебной мази используют кору многолетнего дуба и высушенные травы: *уна вося тупу кырсь* (9: 445) ‘многолетнего дуба кора’, *косьтӧм турунъяс* (9: 446) ‘высушенные травы’. Брусника в переводе боровая: *яг выв пув* (10: 422) ‘боровая брусника’. Земля – чёрная: *сьӧд му* (9: 361) ‘чёрная земля’. Землю покрывает зеленый, мягкий мох: *веж нитш* (9: 350) ‘зеленый мох’, *небыд нитш* (40: 55) ‘мягкий мох’. Находящееся над всем этим ровное небо становится ещё и красивым: *мича, шыльыд енэж* (9: 286) ‘красивое, ровное небо’.

Земля до изобретения Вяйнямӧйненом землепашества – сонная, сонливая: *унзиль му* (2: 307) ‘сонная земля’. Лапа горностая, в сумку из меха которой Вяйнямӧйнен кладет найденные им для сева зерна ячменя – мягкая: *чужмӧр небыд кок* (2: 291) ‘мягкая лапа горностая’.

Сражения, в которых добывается золото и серебро – жестокие: *чорыд тышьяс* (3: 409) ‘жестокие сражения’.

Выбор большинства введённых в текст перевода эпитетов можно объяснить исходя из контекста (широкого или более узкого), значения слова, с которым связано соответствующее определение, каких-либо фольклорных традиций употребления постоянных эпитетов, либо же фоновых знаний, относящихся к описываемому в эпосе периоду времени и народу. К первому случаю можно отнести употребление эпитета Лоухи *скӧр* ‘злая’. Название брусники *пув* предопределяет употребление эпитета *яг выв* ‘боровая’, так как данная ягода растёт в основном именно в таких местах. Эпитеты в составе сочетаний *мича нывьяс* и *удал зоньяс* мотивированы тем, что в коми народной поэзии представители молодёжи (девушки, парни) непременно характеризуются не иначе, как красивые и удалые. К сфере фоновых знаний можно отнести то, что в тексте перевода

юбка Айно становится полосатой (*вайём нойысь визя юбка*): одним из компонентов традиционного финского женского костюма является полосатая юбка.

Однако определённую часть вставок определений-эпитетов, нельзя объяснить из приведённых выше установок, т.е. они не являются обоснованными всем комплексом информации, связанной с переводимым текстом (контекст, семантика, внеязыковые фоновые знания о культурах, породившего переводимый текст и принимающего его народов), а обусловлены какими-то субъективными соображениями и предпочтениями автора перевода. К подобного рода эпитетам-вставкам можно отнести следующие случаи:

*"Sitte sun mieheksi sanoisin,
urohoksi arveleisin,
jospa jouhen halkaiseisit
veitsellä kärettömällä,
munan solmuhun vetäisit
solmun tuntumattomaksi."* (8: 93–98)
«Тогда тебя мужчиной я назвала бы,
Героем посчитала бы,
Если бы конский волос ты расколот,
Ножом тупым,
Яйцо в узел стянул бы,
Узлом незаметным».

«Сэк тэ лоан удал мортён,
Тёлка, вежёра да кужысь,
Кодыр поткёдан вёв бёж си
Некор зудъявлытём пуртён;
Дзодзёг колък тэ горзалан кё,
Но мед гёрёдыс эз тёдчы». (8: 93–98)
«Тогда ты будешь удалым человеком,
Умным, толковым и умелым,
Когда расколешь конский волос
Никогда не точеным ножом,
Гусиное яйцо завяжешь в узел если,
Но, чтоб узел не виднелся».

*Rauta suossa soikottavi,
veteläisessä venyvi;
piili vuoен, piili toisen,
piili kohta kolmannenki
kahen kantosen välissä...* (9: 87–91)
Железо в болоте растягивается,
В жидкости лежит,
Скрывалось год, скрывалось второй,
Скрывалось и третий
Между двух пней.

*Кёртыс разалис нюр пасьта,
Помёдз тыртис зыбуч кадсё,
Кык во чёж дзёбсясис сэни,
Тадзи коймёд во тишёти колис
Сисьмём кык көз пу мыр костын...* (9: 87–91)
Железо разошлось по болоту,
Совсем заполнило зыбучую трясиину,
Два года пряталось там,
Так и третий год провело
Между двух гнилых словых пней

3.2.3.1.2. Обстоятельство

Подобно прилагательным-эпитетам в тексте перевода достаточно часто встречаются вставки, выполняющие в предложении роль обстоятельства и, таким образом, конкретизирующие действие.

Обстоятельство места действия

В отличие от оригинала, перевод уточняет, что месяц светит на небе: *Енэжын вьль тёлысь оэйис* (1: a2376243) ‘На небе новый месяц горел’; орёл летит над морем: *Саридз весьтёд надзён лэбис* (7: 52) ‘Над морем тихонько летел’; Вяйнямейнен видит четырёх дев у воды: *Аддзё вадорысь нёлъ нылёс* (2: 59) ‘Видит у воды четырёх дев’; он же поднимает свою голову из воды: *Васьыс лэптис удал юрсё* (7: 105) ‘Из воды поднял удалую голову’; железо никак не появляется на болоте: *Оз чуж, нюр вьлын оз быдмы* (9: 38) ‘Не родится, на болоте не растёт’; а посланный стариком

варить мазь сын возвращается из кузницы именно домой: *Колаысь зон гортас воис* (9: 489) ‘Из кузницы парень домой пришёл’; солнце садится за лес: *Вөр сайё нин шонді лэччис* (8: 56) ‘За лес уж солнце село’; Куллерво идёт вдоль реки вперёд и позади оставляет три порога: *Водзё мунё ю дор пёлён* (34: 169) ‘Вперед идёт вдоль берега’, *Бөрё колис кум коськёс* (34: 171) ‘Позади оставил три порога’; хозяйку волн просят собрать пену у своей груди: *Чукёрт быгсё морёс бердад* (40: 36) ‘Собери пену к своей груди’, а Мелатар – взять в руки своё весло: *Босьт вай киад ассьыд пельс* (40: 70) ‘Возьми давай в свои руки своё весло’; Вяйнямёйнен берёт острый меч в руки: *Киас босьтис лэчид көртсё* (40: 158) ‘В руки взял острый меч’; он же спрашивает, кто здесь самая молодая из девушек: *Код тан медтом нывьяс пивьсь?* (40: 193) ‘Кто здесь самая молодая из девушек’.

Дома у Ёукахайнена есть два лука: *Менам гортын эм кык ньөввууж* (3: 356) ‘У меня дома есть два лука’, две лодки: *Менам гортын кык вель пыж эм* (3: 372) ‘У меня дома две новые лодки есть’, два коня: *Менам гортын кык ён вөв эм* (3: 388) ‘У меня дома два сильных коня есть’, которые он предлагает за своё спасение Вяйнямёйнену, но всё это последнему не нужно: всё это у него уже есть (3: 396, 413).

Обстоятельство образа действия

В море матери Вяйнямёйнена Илматар не только холодно, но и тяжело жить: *Тані көдзыд, сьёкыд овны* (1: a1616162) ‘Здесь холодно, тяжело жить’; по волнам она плывет бесконечно: *Помтёг гыяс вылын кывтны* (1: a1646165) ‘Без конца по волнам плыть’; на её выступающее из воды колено утка садится тихо, осторожно: *Пидзёс вылө лёня пуксис* (1: a2026203) ‘На колено тихонько села’; здесь она аккуратно (ловко, проворно) делает гнездо: *Пелька позтор этчө дасьтис* (1: 6204) ‘Аккуратно гнездо туда готовит’; Илматар двигает своё колено, на котором утка высиживает яйца, с опаской: *Полёмпырысь пидзёс вештис* (1: a2146216) ‘С опаской колено подвинула’; Пайвятар, Дева Солнца, прядёт, сидя: *Шонді-нывка пуксён печкё* (4: 141) ‘Солнце-дева сидя прядёт’; Айно, идя к морю, поёт свои песни жалобно, протяжно, сквозь слёзы: *Нора сьыланкывьяс сьылө, / Лывкйөдлөмөн, синва сорён* (4: 269–270) ‘Жалобно песни поёт, / протяжно, сквозь слёзы’; узнав о смерти дочери мать Айно плачет громко: *Мамыс босьтчис гора бөрдны* (4: 432) ‘Мать её принялась громко рыдать’; попав в Похьёлу Вяйнямёйнен плачет тихо, про себя: *Вяйнямёйнен гусьён бөрдис* (7: 185) ‘Вяйнямёйнен про себя плакал’; он же завязывает яйцо в узел хорошо, аккуратно: *Лёсьыда гөрддзалис колькёсё* (8: 102) ‘Хорошо завязал яйцо’; шершень наблюдает за работой кузнеца внимательно, пристально: *Сюмөд увсянь сюся дзоргис* (9: 234) ‘Из-под бересты внимательно смотрел’; кантеле играет мелодично: *Мыла шыён дзуртис сир пинь* (41: 26) ‘Мелодично скрипел щучий зуб’; орёл спускается с высоты как камень: *Кутшыд из моз вывьянь уси* (41: 81)

‘Орёл как камень сверху упал’; полоз саней скрипит тихо (не громко), также тихо (медленно) летит над морем орёл: *Надзён дзуртё кыдз пу додь сюв* (10: 9) ‘Тихонько скрипит берёзовый полоз саней’, *Саридз весьтөд надзён лэбис* (7: 52) ‘Над морем тихонько летел’; заговаривая кровь, просят её быстро течь вдоль костей: *Льяс бокөд визувт чожа* (9: 356) ‘Вдоль костей теки быстро’; заяц бежит быстро, быстро Лоухи спускает лодку на воду и быстро произносит слова, Вяйнямейнен быстро поднимает голову вверх, раскалывает конский волос и сдирает бересту с камня, медведь быстро перебирается с ели на сосну: *Öдйö тюрө табъя кока* (4: 405) ‘Быстро несется кривоногий’, *Öдйö ваё пыжсё йөткис* (7: 179) ‘Быстро в воду лодку столкнул’, *Татшөм кывъяс öдйö шүө* (10: 210) ‘Такие слова быстро говорит’, *Öдйö юрсё вывлань лэптис* (8: 25) ‘Быстро голову вверх поднял’, *Вөвлысь си подкөдис öдйö* (8: 100) ‘Конский волос расколел быстро’, *Öдйö изйысь сямөд кулис* (8: 114) ‘Быстро с камня бересту содрал’, *Öдйö вуджө пожөм вылө* (41: 52) ‘Быстро переходит на сосну’; железо просит кузнеца быстрее взять его из огня: *Öдйөджык босьт менө татысь* (9: 169) ‘Побыстрее возьми меня отсюда’; Куллерво ложится на мягкую кочку от усталости: *Мудзсьыс небыд вутшкө сунис* (34: 41) ‘От усталости в мягкую кочку плюхнулся’. Чтобы найти родных по дороге ему надо обойти гору смело (бойко, быстро, бодро): *Збоя кытшиовт ыджыд изсө* (34: 147) ‘Смело обойди большую гору’. Он быстро, торопливо отправляется в дорогу: *Тэрмасьмөн туйө петис* (34: 161) ‘Торопливо в путь отправился’; хозяйку порогов просят усердно, старательно смотреть за волнами: *Зіля видзөд гыяс бөрся* (40: 37) ‘Старательно смотри за волнами’; чтобы сделать кантеле, усердно, старательно принимается за работу Вяйнямейнен: *Ачыс зіля уджө босьтчис* (40: 229) ‘Сам усердно за работу принялся’.

Обстоятельство времени

Отец рунопевца строгаёт топориче вечером: *Менам айдй сийөс сьывлис / Рытын чер пу вөлалігөн* (1: аб37–38) ‘Мой отец это пел / Вечером топориче строгая’; рунопевец слышал рассказы когда-то: *Тадзи кывлі коркө сёрни* (1: аб102) ‘Так слышал когда-то разговор’; Илматар показалась из моря только в середине десятого лета: *Сөмын дасөд гожөм шөрын / Мыччис саридз ваысь юрсө* (1: а245–2466251–252) ‘Только в середине десятого лета / Показала из морской воды голову’; у Вяйнямейнена разум был когда-то: *Коркө менам мывкыд вөлі* (5: 164) ‘Когда-то разум у меня был’.

В переводе появляются и наречия, обозначающие последовательность совершения действия: *медводз* ‘прежде всего, в начале, сначала’, *бөрьяпом* ‘под конец, наконец’, *сэсса* ‘затем’: *Медводз турун мылькйөн чайтис* (1: а1996200) ‘Сначала травяным бугорком считал’; *Медводз батлы корось вөчи* (4: 86) ‘Сначала отцу венник я сделала’; *Бөрьяпомыс мышывыв водис* (6: 217) ‘Наконец на спине он лег’; *Сэсса сетчы шуйгавылө*

(34: 148) ‘Затем подайся на право’, *Сэссия шортсё ваас сунд* (40: 63) ‘Затем пряжу в воду окуни’.

Обстоятельство степени

Вөлі ньөввууж вывті мича (10: 309) ‘Был лук слишком (очень) красивый’.

3.2.3.2. Ведение дополнительных параллелизмов

Наиболее часто встречается появление внутрисклочного параллелизма (½+½). Например:

*Kerän pistin kelkkahani,
sommelion rekoseheni;
ve'in kelkalla kotihin,
rekosella riihen luoksi... (1: 73–76)*
Клубок я положил в свои санки,
Моток – в свои сани;
Отвёз на санках домой,
На санях к овину...

*Pohjan piika pikkarainen
huntujahtan huuhtelevi,
virutteli vaattehia
rannalla vesikivellä
pitkän niemyen nenässä. (2: 206–210)*
Похья дева маленькая,
Свои платки полоскала,
Ополаскивала одежды,
На прибрежном камне,
На краю длинного мыса.

*...kun oli kaunis kaatumunna,
neitonen nukahtanutna,
mennyt lietohon merehen,
alle aaltojen syvien. (5: 9–12)*
... когда красавица пропала,
Девушка уснула,
Сгнула в бездонном море,
Под волнами глубокими.

*Сэссия даддьё лючки-ладнө
Ёкмьльторсё бара инди.
Дадьнас нуи сийёс гортё,
Керка бердө, рыныш дорё... (1: а672–75)*
Затем в санки хорошенько
Сверток уж поместил.
В санках отвёз его домой,
К дому, к овину...

*Войвыв муса ичөт нывка
Чыгыянторсё пожъялыштіс,
Новланторсё пелсалыштіс,
Саридз дорын, изьяс вылын,
Кузьмёс кёджын, чукля нырдын. (2: 205–209)*
Северной земли маленькая девочка
Платок полоскала,
Одежду стирала,
У моря, на камнях,
На продолговатом мысе, на кривой излучине.

*Кодыр мича аньыс воиш,
Том нывкаыс усис-вөйис,
Пемьд саридз ваё пырис,
Гыяс пөвстё, джуджыд йирё. (5: 8–11)*
Когда красивая женщина пропала,
Молодая девушка упала-утонула,
В темную морскую воду вошла,
В волны, в глубокий омут.

Аналогичные примеры: **1:** ф85/к а684; **2:** ф209–210/к208–209; **4:** ф212/к210, ф291/к289; **5:** ф90/к85; **10:** ф15/к12, ф87/к81, ф246/к233; **34:** ф30/к28, ф62/к60; **40:** ф/к19, ф90/к88; **44:** ф/к32, ф/к38, ф206/к205, ф311/к309.

Наблюдается также появление параллелизмов типа *I+I*, которое происходит вследствие вставки какой-либо строки, параллельной другой строке, уже имеющейся в оригинале:

*Sanoi nuori Joukahainen:
"Muistan vieläki vähäisen! (3: 215–216)*
Сказал молодой Ёукахайнен:
«Помню еще немного!

*Шуис том Ёукахайнен:
«Төд вылын на мыйкө кута,
Мыйсьюрё, дерт, эм на юрын... (3: 212–214)*
Сказал молодой Ёукахайнен:
«В памяти держу ещё что-то,
Кое-что, конечно, ещё есть в голове...

*Jo nyt ammuin Väinämöisen
ja kaaoin kalevalaisen,
loin on merta luutimahan,
lainetta lakaisemahan.* (6: 217–220)
Уж теперь застрелил я Вяйнямёйнена
И погубил калевальца,
Свалил море мести,
Волны подметать.

*Väinämöinenös me löiin,
Kalevalainenös me viin,
Sariidz pyöbössö med čylikö,
Gьyasö med vesalyitö,
Васьыс нййтсё-нойтсё куртö.* (6: 208–212)
Вяйнямёйнена я застрелил,
Калевалайна я убил,
Морское дно пусть подметает,
Волны пусть чистит,
Из воды грязь-тину сребрает.

Аналогичные примеры: 1: кб214, б226–227; 4: к220; 7: к364.

3.3. Безэквивалентная лексика в оригинале и переводе

Безэквивалентная лексика (БЭЛ) – слова и устойчивые словосочетания, которые не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка. Традиционно к безэквивалентной лексике относят слова-реалии, временно безэквивалентные термины, случайно безэквивалентные слова (ТПС: 24). В настоящей работе к БЭЛ мы относим реалии и ономастическую лексику (антропонимы, топонимы, зоонимы).

3.3.1. Реалии

3.3.1.1. Понятие реалии и способы передачи реалий в переводе

Реалии входят как самостоятельный круг слов в рамки БЭЛ. Согласно С. Власову и С. Флорину (1986: 55), реалии являются особой категорией средств выражения: это слова (и словосочетания), называющие предметы и понятия, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития, государственного устройства и фольклора) одного народа и чуждые другим, т.е. выражающие специфические особенности одного народа и отличающие его от других.

Реалии – народные слова, тесно связанные с бытом и мировоззрением создающего их народа. Их важной чертой является общеупотребительность среди большинства носителей исходного языка и чуждость носителям принимающего их языка. То есть в плане предметного содержания наблюдается тесная связь референта – обозначаемого реалией предмета, понятия, явления – с народом, страной, с одной стороны, и историческим отрезком времени с другой. Отсюда соответствующий национальный (местный) или исторический (временной) колорит.

Средством отличия реалий является и характер литературы, где преимущественно встречается данная единица: реалия большей частью связана с художественной литературой, где представляет собой одно из средств передачи местного и временного колорита.

В подавляющем большинстве своём реалии – имена существительные. Это обусловлено предметным содержанием реалий как особого класса лексики. Самостоятельные, непрямые реалии среди других частей речи встречаются редко, причисление таких слов к реалиям рискованно. Производные от реалий части речи сохраняют, по крайней мере, частично, свой национальный или исторический колорит. Особую группу таких производных составляют отымённые прилагательные, генетически связанные с реалиями.

К реалиям можно на общем основании отнести и номинативные словосочетания, или «составные» реалии, т.е. такие сочетания слов, которые семантически в целом равны словам (Влахов – Флорин 1986: 17–20, 29–30).

С. Влахов и С. Флорин (1986: 55–88) выделяют несколько принципов, согласно которым можно классифицировать разные типы реалий: 1) принадлежности к соответствующим предметно-понятийным сферам (предметное деление); 2) национальная и языковая принадлежность (местное деление); 3) синхронный, диахронный план; степень освоенности (временное деление); 4) переводческое деление.

I. Классификация реалий согласно предметно-понятийным сферам (предметное деление):

Географические реалии: названия объектов физической географии; названия географических объектов, связанных с человеческой деятельностью; названия эндемиков (видов растений и животных, ограниченных в своём распространении относительно небольшим пространством);

Этнографические реалии: бытовые названия и понятия (пища, напитки, одежда, жильё, мебель, посуда, средства передвижения, орудия труда); названия и понятия, относящиеся к искусству и духовной культуре (музыка, танцы, музыкальные инструменты, фольклор, театр, предметы искусства, исполнители, обычаи, ритуалы, праздники, игры, мифология, служители культа и их последователи, культовые здания и предметы, календарь); этнические объекты (этнонимы, клички, названия лиц по месту жительства); единицы мер и денежные единицы;

Общественно-политические реалии: административно-территориальное устройство (административно-территориальные единицы, населенные пункты, части населенного пункта); органы и носители власти; общественно-политическая жизнь (политические организации и политические деятели, патриотические и общественные движения и их деятели, социальные явления и движения и их представители, звания, степени, титулы, обращения, учреждения, учебные заведения и культурные учреждения, сословия, касты и их члены, сословные знаки и символы); военные реалии (войсковые подразделения, оружие, обмундирование, военнослужащие и командиры);

II. Классификация с точки зрения местного деления (в плоскости одного языка либо пары каких-либо языков):

В плоскости одного языка:

1. Свои реалии:

а) национальные

Называют объекты, принадлежащие одному какому-нибудь народу, нации и чужие за пределами его страны. Таковыми является подавляющее большинство реалий, т.к. национальная принадлежность референта является одним из их категориальных признаков.

б) локальные

В отличие от национальных, принадлежат не языку соответствующего народа, а либо его диалекту, либо языку менее значительной социальной группы. Будучи диалектизмами, они обозначают специфические для данной области объекты или отношение к ним, обладая, поэтому, признаками типичных реалий.

в) микролокальные

Реалии, социальная или территориальная основа которых уже даже самых узколокальных: слово может быть характерным для одного города или села, не теряя своих особенностей и, следовательно, требуя такого же подхода при переводе.

2. Чужие реалии:

Либо заимствования, т.е. слова иноязычного происхождения, вошедшие в словарный состав языка, либо кальки, т.е. поморфемные или пословные переводы наименований чужих для данного народа объектов, либо транскрибированные реалии другого языка, часто своего рода окказионализмы или неологизмы.

а) интернациональные

Фигурируют в лексике многих языков и вошли в соответствующие словари, вместе с тем обычно сохраняют исходную национальную окраску. Их содержание может отличаться от первоначального, исходного.

б) региональные

Реалии, распространенные, обычно вместе с референтом, среди нескольких народов или стран (не обязательно соседних), являясь, таким образом, составной частью лексики нескольких языков.

В плоскости пары языков:

В плоскости пары языков реалии рассматриваются главным образом с точки зрения перевода.

1. Внутренние реалии

Слова, принадлежащие одному из пары языков, и, следовательно, чужие для другого.

2. Внешние реалии

Слова, одинаково чужды обоим языкам.

III. Временное деление:

1. Современные
2. Исторические

Реалии, в которых исторический колорит преобладает над национальным. Это случается, когда чужая реалия относится, например, к глубокой древности (Древний Рим, Древняя Греция). Часто подобные реалии приобретают со временем переносные значения, переходят в разряд фразеологизмов, что еще больше ослабляет их отнесенность к определенному месту. В других случаях исторические реалии редко бывают оторваны от своего национального источника.

3. По степени освоенности

а) Знакомые реалии

Принадлежат к словарному составу принявшего их языка.

Данное качество чужая реалия приобретает со временем, в ходе употребления: она в течение достаточно продолжительного времени часто встречается в литературе, популяризируется (вольно или невольно) средствами массовой информации, употребляется многими носителями принявшего его языка. В результате это слово становится частью лексики данного языка и попадает в его словари.

б) Незнакомые реалии

Реалии ещё не вошедшие в лексику принявшего их языка.

в) «Модные» реалии

Данный тип реалий ещё в более значительной степени обусловлен фактором времени. Они неожиданно попадают в язык, завладевают вниманием широких кругов общества, (первую очередь молодежи) и обычно скоро забываются.

Будучи носителями национального или исторического колорита, реалии, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, поэтому, не поддаются переводу «на общем основании», а требуют особого подхода. Перевод реалий – часть большой и важной проблемы передачи национального и исторического своеобразия, которая восходит к самому зарождению теории перевода как самостоятельной дисциплины.

Понятие перевода реалий может считаться условным: т.к. реалия, как правило, в словарном порядке непереводима, но при этом она, как правило, передаётся в контексте другими способами.

Основных трудностей передачи реалий при переводе две: 1) отсутствие в ПЯ соответствия (эквивалента, аналога) из-за отсутствия у носителей данного языка обозначаемого реалией объекта; 2) необходимость, наряду с предметным значением (семантикой) реалии, передать и её колорит (коннотацию) – национальную и историческую окраску (Влахов – Флорин 1986: 89).

Выделяются следующие основные способы передачи реалий в переводе (Влахов – Флорин 1986: 96–105):

1. Транскрипция (и транслитерация)
2. Перевод (замена)
 - 1) Нелогизм:
 - а) калька
 - б) полукалька
 - в) освоение
 - г) семантический неологизм
 - 2) Замена реалий
 - 3) Приблизительный перевод
 - а) родовидовая замена
 - б) функциональный аналог
 - в) описание, объяснение, толкование
 - 4) Контекстуальный перевод

Транскрипция – передача звуков иноязычного слова (обычно собственного имени, географического названия, научного термина) при помощи букв алфавита принимающего языка.

Транслитерация – передача букв иноязычного слова при помощи букв алфавита принимающего языка.

Перевод (и замена) реалии как приём передачи её в ПЯ применяют обычно в тех случаях, когда транскрипция по тем или иным причинам невозможна или нежелательна.

Создание неологизма, многими исследователями считается наиболее подходящим после транскрипции способом сохранения смыслового содержания и колорита переводимой реалии. Ими могут быть кальки и полукальки.

Калька – заимствование путём буквального перевода (обычно по частям) слова или оборота. Данный способ позволяет перенести в ПЯ реалию при максимально полном сохранении семантики, но далеко не всегда без утраты колорита. Чаще кальки бывают словосочетаниями, реже словами.

Полукальки – частичные заимствования, состоящие частью из своего собственного материала, а частью из материала иноязычного слова.

Освоение – адаптация иноязычной реалии, путём придания ей на основе иноязычного материала обличия родного слова.

Семантическим неологизм – условно новое слово или словосочетание, «сочинённое» переводчиком и позволяющее предать смысловое содержание реалии. От кальки его отличает отсутствие этимологической связи с оригинальным словом.

Замена реалии реалией ПЯ приводит к недопустимой замене колорита первообраза своим колоритом. Встречаются и такие случаи, когда наиболее близкими аналогами чужой для ПЯ реалии оказывается реалия

же, часто тоже чужая, часто интернациональная, но близкая, понятная читателю и в той или иной мере лишенная колорита.

Приблизительный перевод реалий применяется чаще, чем любой другой приём. Обычно этим путём удаётся (иногда не очень точно) передать предметное содержание реалии, но колорит почти всегда теряется, так как происходит замена ожидаемого коннотативного эквивалента нейтральным по стилю, т.е. словом или сочетанием с нулевой коннотацией.

Принцип родовидовой замены позволяет передать (приблизительно) содержание реалий единицей с более широким значением, представляя родовое понятие вместо видового. В данном случае переводчик прибегает к приёму генерализации.

При использовании функционального аналога реалия заменяется элементом вызывающим сходную реакцию у читателя перевода (например, замена игры, незнакомой читателю перевода, другой, более знакомой).

Описание, объяснение, толкование как приём приблизительного перевода обычно используют в тех случаях, когда нет возможности использовать вышеперечисленные способы. Данный тип перевода довольно близко подходит к родовидовым заменам. Приблизительный перевод реалий не в полном объёме передаёт содержание соответствующей единицы, а её национальный или исторический колорит частично сохраняется лишь в том случае, если переводчик сумел подсказать его своим выбором средств выражения.

Контекстуальный перевод обычно противопоставляют «словарному переводу», указывая, таким образом, на соответствия, которые слово может иметь в контексте, в отличие от приведенных в словаре.

При приблизительном и контекстуальном переводе появляется довольно бесцветный заместитель оригинала, поскольку из текста исчезает реалия как носитель соответствующего колорита.

3.3.1.2. Реалии в «Калевале» и её коми переводе

Всего в тексте оригинала (т.е. в четырнадцати рунах) нами выявлено 14 различных наименований, которые в рамках пары языков (и культур), взаимодействующих в исследуемом нами переводе (т.е. в рамках пары финский – коми), можно отнести к категории реалий. Данный тип лексики не является многочисленным, т.к. описываемые в оригинале природные, бытовые, социальные, культурные аспекты очень близки коми языку и культуре. При переводе на языки народов, которые в географическом, культурном, бытовом и языковом плане отстают дальше от языка и культуры оригинала, объём относимой к реалиям лексики будет намного больше. Например, в рамках пары финский – венгерский количество наименований, которые можно было бы отнести к географическим реалиям, было бы более значительным в силу того, что природные условия обита-

ния (растительный, животный мир, климат, ландшафт) венгров и финнов значительно различаются.

Выявленные реалии относятся к двум типам: реалии географические (объекты физической географии, животный мир; всего 6 различных наименований) и этнографические (пища, одежда, сооружения, музыкальные инструменты, мифология; 8 различных наименований). Наиболее разнообразно представлены названия различных животных и пищи (по 4 разных наименования каждое). Названия объектов физической географии представлены двумя названиями, остальные категории по одному. Данные 14 различных реалий употребляются в тексте оригинала 93 раза: чаще всего обозначения музыкального инструмента, мифологических предметов, животных, географических объектов и пищи, за ними следуют обозначения сооружений и одежды (35, 19, 13, 11, 10, 4 и 1 раз соответственно).

Наиболее часто реалии в тексте перевода передаются с помощью транскрипции: на этот способ приходится 51% от общего количества случаев употребления реалий. Данный показатель является достаточно высоким вследствие того, что в тексте оригинала часто встречаются такие наименования, как *sampo* и *kantele*, которые в переводе транслитерируются: *сампо*, *кантеле*. В 21% случаев наблюдается использование функционального аналога. В 14% случаев переводчик прибегает к использованию трансформации генерализации (родовидовой замены). В 4% случаев используется калька. По 2% приходится на замену чужой реалии своей, описательный и контекстуальный переводы. В 4% случаев реалия в переводе опускается.

Одна и та же реалия может в разных местах перевода передаваться разными способами. Так реалия *кантеле* передаётся как при помощи транскрипции, так и путём родовидовой замены (генерализации), и описательного перевода, а с географическими реалиями *alli* 'утка-морянка', *soika* 'чернеть, нырок', *tunturi* 'безлесная гора в Лапландии' и *vaara* 'гора, сопка (на севере Финляндии и Скандинавии)' используется и генерализация, и функциональная замена.

В оригинальном тексте рун «Калевалы», переведённых на коми язык, нами обнаружены следующие наименования, которые можно отнести к категории реалий:

Географические реалии

Названия объектов физической географии

tunturi (9: 84, 292)

Толковые словари финского языка дают следующее объяснение данному наименованию: 'поднимающаяся над уровнем деревьев гора с круглой верхушкой (на севере Фенноскандии)' (SKS: 737); 'поднимающаяся над уровнем деревьев, обычно имеющая круглую вершину гора на территориях, покрытых в прошлом материковым ледником, в особенности в Фенноскандии' (SKP III: 359).

Согласно словарям лексики «Калевалы» – это ‘сопка с голой верхушкой, северная гора’ (KST: 345); ‘гора с безлесной и круглой вершиной’ (KS: 430).

В «Финско-русском словаре» *tunturi* на русский язык переведено следующим образом: ‘безлесная гора в Лапландии’ (ФРС: 660). *vaara* (4: 140; 10: 426; 34: 148, 149, 150, 168, 170, 214, 239)

Согласно SKS (774), значение наименования ‘высокая покатая гора меньше тунтури’. SKP (III: 441) даёт следующее его толкование: ‘В естественном состоянии покрытый лесом высокий холм с покатыми склонами на территории когда-то покрытой материковым льдом, в особенности в Фенноскандии’.

В словарях лексики «Калевалы» наименование объясняется следующим образом: ‘большая лесистая горная гряда, или холм, гора’ (KST: 363); ‘холм, гора’ (KS: 454).

В «Финско-русском словаре» даётся такой перевод ‘гора, сопка (на севере Финляндии и Скандинавии), вара, варака’. Слова *vara*, *варака* есть в словаре Даля, согласно ему – это «арх. карел. холм, горушка, бугор, взлобок» (Даль I: 164). Диалектизм *vara* используют Э. Киуру и А. Мишин в своём переводе «Калевалы» на русский язык (Калевала 1998: 112, 569).

Названия некоторых видов животных

alli (4: 204, 206; 41: 85)

’утка) морянка (*Clangula*)’ (ФРС: 32), ‘*Harelda hiemalis*’ (KS: 18), ‘водоплавающая птица (*Harelda hiemalis*), которая в больших количествах встречается во время перелётов в центральной и южной Финляндии, особенно на берегах моря и больших озёр’ (KST: 20).

kuujanen (5: 64)

’озерная кумжа, форель (*Salmo trutta*)’ (KS: 156; KST: 149), ‘живущий в больших озёрах вид лосося, озёрный лосось’ (SKP I: 351).

tuje (41: 128)

’ряпушка’ (KS: 231; KST: 212), ‘*Coregonus albula*’ (ФРС: 383), ‘пресноводная рыба с вкусным мясом, живущая в косяках’ (SKP II: 234).

sotka (1: 179, 199, 201; 41: 143, 245, 246, 248, 255)

’чернеть, нырок (*Aythya*)’ (ФРС: 584), ‘*Aythya*’ (KS: 373), ‘утка *Fuligula clangula*’ (KST: 313), ‘ныряющая утка с коротким и коренастым телом’ (SKP III: 134).

Этнографические реалии

Пища

kuorekokkara (4: 125)

Словарь лексики «Калевалы» А. Турунена (KST: 145) даёт следующую трактовку данного наименования: «kuoge ‘сливки’ + kokkara ‘ком, комок, клёцка’. Вероятно в сливках приготовленная или в сливки обмакиваемая выпечка. Объяснение Э. Лённрота: „приго-

товленная из сливок дроблена“ (род сбитой с мукой и молоком яичницы (Даль I: 495) – *Н. Р.*). Возможно, когда пели о *kuorekokkara*, имели в виду покрытые густой сливочной смесью булочки (восточнокарельское *шаньга*), которые являются широко известной выпечкой по всей северной России».

Согласно А. Р. Ниemi, вероятнее всего имеется виду карельская выпечка типа пирогов, которую ели, обмакивая в сливки или в топленое в печи молоко (Niemi 1910: 11–16).

Словарь Р. Юссила (KS: 153) лишь упоминает, что это какая-то сливочная выпечка.

mesileipä (3: 466; 5: 120; 8: 45)

Согласно А. Турунену (KS: 207), «хороший, вкусный хлеб. Метафора *mesileivän leipoja* (‘пекущая медовый хлеб’ – *Н. Р.*) – девица, которую сватают в хозяйки. Данное наименование... до последних десятилетий использовали в Карелии для обозначения хлеба, подслащенного патокой, а также хлеба с сахаром. В старину городские и сельские торговцы давали их в придачу к другим хлебобулочным изделиям. Однако данное значение, скорее всего, слишком молодое, чтобы повлиять на лексику „Калевалы“, оно основывается скорее на более ранних традициях употребления медового хлеба и медовой пищи. Русские и карелы знают еду, которую готовили из крупы, варили в мёде и позже приправляли изюмом. Название блюда по-русски *кутья*. В православии это медовое блюдо использовали для поминовения усопших. Мёд в ней олицетворял блаженство, которое ждёт усопших в вере. Пища, которая встречается и в виде клёцок, освящалась в церкви в день поминовения усопших... Церковный по происхождению, медовый хлеб в народных традициях распространился в очень разных контекстах, его следы проявляются напр., в медвежьих песнях».

В словаре Р. Юссила (KS: 222) говорится, что это хлеб, на котором есть мёд.

В «Финско-русском словаре» (ФРС: 372) переведено на русский язык как медовый пряник, медовая коврижка.

sima (9: 225, 250, 424, 430, 433)

Согласно А. Турунену (KST: 305), *sima* – это напиток, который приготавливали таким образом, что мёд, перемешанный с большим количеством воды, варили некоторое время, после чего его подвергали брожению какими либо дрожжами. Его пили уже в прафинскую эпоху, наряду с пивом это был праздничный напиток древних финнов. В настоящее время *sima* используется как весенний напиток. ‘(питейный) мёд, медок’ (ФРС: 567)

taarivesi (1: 96)

‘название ижорского пива’ (KST: 324), ‘пиво’ (KS: 396), ‘квас’ (Niemi 1910: 2), ‘легкий повседневный солодовый напиток, (неважный) квас’ (SKES IV: 1188).

Одежда

sarkakauhtana (41: 210)

А. Турунен (KS: 110, 297) следующим образом объясняет данное название: «...сшитое из сермяги, в талии по телу, в подоле более широкая, длинная куртка»; «Карельский кафтан или мантия, плащ был в большинстве случаев белый, реже другого цвета. Зимний плащ из белой сермяги эврейсов (одна из основных этнических групп ингерманландских финнов, *äyrämöiset* (SKP III: 655) – Н. Р) был особенно по вороту и у отверстий рукавов красиво украшен красными, красно-жёлтыми и жёлтыми шерстяными нитками. Во многих местах у плащей на месте передних крючков и на бедрах... были красные или черные кожаные или суконные куски. Старые белые плащи сохранились дольше всего в южной и приладожской Карелии, но одно поколение назад их можно было встретить ещё и в северной Карелии».

В свою очередь, Р. Юссилла в своём словаре (KS: 110, 346) даёт следующую трактовку данного понятия: сделанная из сермяги накидка с поясом; длинная, перевязываемая поясом накидка.

Толковый словарь финского языка так объясняет слово *kauhtana*: восточный, длинный, свободный плащ, мантия, накидка, халат, кафтан (SKP I: 422).

Согласно ФРС (208), *kauhtana* – кафтан.

Сооружения

sauna (4: 411, 413; 7: 294; 34: 54)

Согласно толковым словарям финского языка, это '(маленькое) строение или комната (помещение), оборудованное каменкой и предназначенное для того, чтобы париться и мыться' (SKP III: 35), 'комната или целое строение, в котором в печном пару потеют' (SKS: 617).

ФРС (552) даёт следующий перевод на русский язык: баня.

Музыкальные инструменты

kantele (40: 235, 237, 239, 251, 258, 280; 41: 11, 20; 44: 7, 170, 173, 179, 195, 199, 229, 250, 305)

деминутивные формы:

kanteloinen (40: 224, 242, 272; 41: 16, 69, 98; 44: 202, 223, 279, 292, 295)

kantelo (40: 244, 276, 334; 44: 26, 68, 235, 258)

Согласно словарю А. Турунена (KST: 96), *kantele* – «старинный финский, первоначально 5-ти струнный, щипковый музыкальный инструмент, который использовался для аккомпанемента народных рун и песен. Согласно этнографическим данным кантеле – древний, возможно, самостоятельно созданный, музыкальный инструмент

финно-угорских народов, который, по крайней мере, уже в общефинскую эпоху использовался как аккомпанемент при пении...».

Р. Юссила (KS: 100) следующим образом описывает данный предмет: «находящийся на коленях или столе струнный музыкальный инструмент, пять струн которого (у более старого типа) щипали (перебирали) пальцами. Части кантеле: короб, струны и крючки».

Согласно толковым словарям финского языка, *kantele* – первоначально пятиструнный музыкальный инструмент финнов и других родственных народов (SKS: 213); финский национальный музыкальный инструмент, 5-ти или 32-х струнный щипковый струнный музыкальный инструмент (SKP I: 396).

В ФРС (198) даётся такой перевод на русский язык: кантеле, гусли. В «Словаре русского языка» лексема кантеле объясняется следующим образом: финский и карельский народный струнный щипковый музыкальный инструмент, похожий на гусли (СРЯ II: 27).

Мифология

sampo (1: 45, 47; 7: 311, 325, 329, 343; 10: 97, 210, 233, 261, 271, 281, 407, 413, 417, 424, 437, 501, 505)

’приносящий счастье и богатства чудесный предмет в народной поэзии и «Калевале»’ (SKS: 612; SKP III: 21).

фольк. ‘сампо (чудо-мельница из эпоса «Калевала»)» (ФРС: 548).

Чудесный предмет, выкованный Илмариненом для хозяйки Похьёлы, борьба за обладание которым образует основу повествования «Калевалы». Существуют десятки различных (принадлежащих как самими рунопевцами, так и различными исследователями) трактовок понятия «*sampo*» от различных предметов и механизмов до небесных тел и различных символов: мельница, жернова, ступа, механизм для чеканки монет, бубен шамана, талисман, сокровищница, кантеле, щит, корабль, столб, трон, изображение божества, дракон, кит, осётр, радуга, звёздное небо, мировой столб, Полярная звезда, солнце, древо жизни, земледелие, социалистический способ производства, коллективное хозяйство, просвещение (KS: 343–344).

Трактовка Р. Юссила: рукописная книга и подставка для её чтения в виде столба (KS: 344).

В «Калевале» *sampo* предстаёт тройственной мельницей-самомолкой: один её бок является мукомолкой, другой мелет соль, а третий производит деньги. Она мелет не только для повседневного потребления, но и про запас и на продажу. Образ данной самомолющей чудо-мельницы является воплощением идеи о безбедной жизни и благоденствии. Это представление основывается на народной поэзии, в первую очередь на олонецких и северокарельских вариантах рун, однако это только одно из множества представлений о *sampo*, изложенных в рунах, причём не самое распространенное из

них. Первоначальное понятие затуманилось и на его место пришли фантазии (KST: 294).

Образ *sampo* в «Калевале» складывался у Э. Лённрота постепенно от первого неопубликованного варианта эпоса до третьего, окончательного, изданного в 1849 г. В нём использованы все имевшиеся в его распоряжении темы и мотивы народных вариантов, которые, однако, Э. Лённрот не стал окончательно «притирать» друг к другу, хотя многие из них и противоречили друг другу (Калевала 1998: 574).

Реалии в переводе переданы следующими способами:

Транскрипция

sampo (1: 45, 47; 7: 311, 325, 329, 343; 10: 97, 210, 233, 261, 271, 281, 407, 413, 417, 424, 437, 501, 505) → *Сампо* (1: а645, а647; 7: 311, 325, 329, 342; 10: 90, 200, 220, 246, 256, 266, 380, 386, 390, 397, 410, 472, 476)

Переводчик в сноске так поясняет данную реалию: *Сампо – дивё-изки* (руна 1, 10) ‘Сампо – чудо-жёрнов’.

Параллельное название *sampo*, его постоянный эпитет: *kirjokansi* ‘пёстрая, расписная крышка’ (7: 312, 326, 330, 344; 10: 98, 234, 262, 272, 282, 408, 418, 438, 502, 506). В переводе оно передается как: *сега вевта шемёс йёртёд* ‘с пёстрой, узорчатой крышкой чудо загром’ (7: 312, 343; 10: 91, 221, 247), *сега вевт* ‘пёстрая, узорчатая крышка’ (7: 326, 330; 10: 257, 267, 381, 391, 411, 473, 477).

kantele (40: 251, 258; 41: 20; 44: 7, 170, 173, 179, 195, 199, 229, 250, 305) → *кантеле* (40: 249, 256; 41: 19; 44: 7, 169, 172, 178, 194, 198, 226, 247, 301)

Деминутивные (уменьшительные) формы также переданы частичной транскрипцией, которая, однако, не передаёт значения уменьшительности:

kanteloinen (40: 224, 242, 272; 41: 16, 69, 98; 44: 202, 223, 279, 292, 295) →

кантеле (40: 222, 240, 270; 41: 15, 67, 96; 44: 200, 220, 276, 288, 293)

kantelo (40: 276, 334; 44: 26, 68, 235) → *кантеле* (40: 274, 332; 44: 26, 68, 232)

Синонимы, параллельные названия кантеле и их эквиваленты в переводе:

ilo (40: 234; 44: 67, 174, 236) ‘метафор. музыкальный инструмент, кантеле’, букв. ‘радость, веселье’(KS: 68; KST: 67)

→ *ворсан* (40: 232) ‘музыкальный инструмент’

→ *ворсантор* (44: 173) ‘музыкальный инструмент’

→ *гажёдчан* (44: 67) ‘то, что веселит, развлекает’

→ *гажёдан* (44: 233) ‘то, что веселит, развлекает’

goti (40: 257; 41: 19) ‘звукондр. шумящий музыкальный инструмент, кантеле’(KS: 330; KST: 283)

- *вӧчӧмтор* (40: 255; 41: 18) ‘изделие’
soitto (40: 226, 229, 233, 241, 243, 271, 293, 333; 41: 9, 70, 112; 44: 66, 168, 231, 304) ‘в. фин. музыкальный инструмент, кантеле’ (KS: 368; KST: 308)
 → *кантеле* (40: 231; 41: 109; 44: 301) ‘кантеле’
 → *ворсантор* (40: 224, 227, 331; 41: 8; 44: 66, 167, 228) ‘музыкальный инструмент’
 → *ворсан* (40: 239, 269, 291; 41: 68) ‘музыкальный инструмент’
 → *ворсан йӧртӧд* (40: 241) ‘игральный (играющий) короб’
visaperä (44: 196, 200) ‘свилеватая (каповая) древесина’ (KS: 496), *периф.* ‘кантеле, короб которого сделан из свилеватой берёзы’ (KST: 391) → *ворсантор* (44: 195, 199) ‘музыкальный инструмент’

В переводе не нашли отображения такие параллельные обозначения кантеле, как *iki-ilo* (44: 180, 230), *ilo ikuinen* (44: 224) ‘вечная радость’ (KS: 64; KST: 62) и *käyrä* (41: 10) ‘кантеле’, букв. ‘кривой, изогнутый’ (KS: 169; KST: 158). Несколько раз опускаются *ilo* (44: 280, 296) и *kantelo* (44: 258).

Кантеле является знакомой, словарной реалией, слово содержится в «Словаре русского языка» (СРЯ II: 27), в словаре Ожегова (Ожегов: 259), в различных энциклопедических словарях. Данное наименование также имеется в «Русско–коми словаре» (РКС: 327). Поэтому, видимо, переводчик считает, что название этого музыкального инструмента широко и хорошо известно и не нуждается ни в сносках с пояснениями, ни тем более в объяснении в самом тексте перевода.

Перевод с помощью кальки

- kuorekokkara* (4: 125) ‘выпечка со сливками, сметаной (ком, комок, клёцка со сливками, сметаной)’, *kuore* ‘сливки’ + *kokkara* ‘ком, комок, клёцка’ → *нӧкъя шаньга* (4: 124) ‘шаньга со сметаной’
mesileipä (3: 466; 5: 120; 8: 45) ‘медовая выпечка (медовый пряник, медовая коврижка)’, *mesi* ‘мёд’ + *leipä* ‘хлеб’
 → *маа нянь* (3: 460) ‘медовый хлеб’
 → *маа шаньга* (5: 114) ‘медовая шаньга’
 → *маа кӧвдум* (8: 45) ‘медовый колобок’

Замену ф. *kuorekokkara* и *mesileipä* на к. *нӧкъя шаньга* и *маа шаньга*, на наш взгляд, можно рассматривать и как полукальку с элементом замены на свою реалию, т.к. шаньга ‘род ватрушки, сочня, или простой лепешки’ (Даль IV: 621), ‘печёное изделие в виде ватрушки или лепешки’ (СРЯ IV: 700) является одним из наиболее известных блюд коми национальной кухни.

Замена реалий

sarkakauhtana (41: 210) ‘кафтан (мантия, плащ) из сермяги, грубого сукна’, *sarka* ‘сермяга, грубое сукно’ + *kauhtana* ‘кафтан’ → *шабур* (41: 197) ‘просторная верхняя рабочая одежда из холста с круглым вырезом вместо ворота, балахон; старя изношенная дурно сшитая длинная верхняя одежда’ (КРК: 723; КЭСК: 316)

В переводе происходит замена чужой знакомой (словарной) финской реалии на коми реалию, которую также можно отнести к категории чужих освоенных (знакомых, словарных) реалий:

Финское слово *kauhtana* ‘длинная накидка’ является заимствованием русского названия *кафтан* ‘старинная мужская долгополая верхняя одежда’, которое в свою очередь в русский язык попало из тюркских языков (SKES: 172; ЭСРЯ II: 212; СРЯ II: 41).

Коми *шабур*, по мнению М.Фасмера, является (также как и северорусское *шабур*, *шабура* ‘рабочий армяк’, а также марийское и хантыйское соответствия) заимствованием из тюркских языков (ЭСРЯ IV: 392). Авторы КЭСК (316), в свою очередь, не отрицают возможность заимствования данного наименования из коми в северорусские говоры и в обско-угорские языки.

В целом замену финской реалии *sarkakauhtana* на коми реалию *шабур* можно считать адекватной. Однако, возможно, в данном случае более удачным было бы использование наименования к. *дукӧс* ‘армяк, зипун’, основа которого также является тюркским заимствованием (КЭСК: 97), но при этом семантика не содержит указаний на рабочий характер данного элемента одежды или на ее неопрятность или изношенность. В «Словаре русского языка» так трактуются слова армяк и зипун: армяк – старинная крестьянская верхняя распашная одежда из толстого сукна в виде халата или прямого кафтана без сбор (СРЯ I: 45); зипун – старинная верхняя крестьянская одежда в виде кафтана без воротника, обычно из грубого самодельного сукна (СРЯ I: 611). Таким образом, на наш взгляд, к. *дукӧс* ‘армяк, зипун’ ближе по значению к ф. *sarkakauhtana* ‘кафтан из сермяги, грубого сукна’.

taarivesi (1: 96) ‘ижорское пиво, легкий повседневный солодовый напиток, (неважный) квас’ → *калля ырӧш* (1: аб95) ‘жидкий квас (приготовленный в корчагах из суслу последних сливов); прокисший квас’ (КРК: 258, 763; КРС: 265, КЭСК: 115)

Приблизительный перевод

Родо-видовая замена (генерализация)

alli (41: 85) ‘утка-морянка’ → *утка* (41: 83) ‘утка’

kantele (40: 239; 41: 11) ‘кантеле’

→ *ворсан* (40: 237) ‘музыкальный инструмент’

- *ворсантор* (41: 8) ‘то, чем, на чём играют, музыкальный инструмент’
kantelo (40: 244) ‘уменьш. кантеле’ → *гажөдчан* (40: 242) ‘то, что веселит, развлекает’
sima (9: 250) ‘(питейный) мёд, медок’ → *юмов чөсмасынтор* (9: 250) ‘сладкое лакомство’
sotka (41: 143) ‘чернеть, нырок’ → *утка* (41: 139) ‘утка’:
Sisarekset sotkottaret ‘сестры чернети (нырки)’ → *Уткапиян – ичөт чойяс* ‘утята маленькие сёстры’
tunturi (9: 84) ‘безлесная гора в Лапландии’ → *керөс* (9: 84) ‘возвышенность, гора’ (КРК: 269)
vaara (10: 426; 34: 148, 149, 168, 170, 239) ‘гора, сопка (на севере Финляндии и Скандинавии)’
→ *керөс* (10: 399) ‘возвышенность, гора’ (КРК: 269)
→ *гөра* (34: 146, 165) ‘возвышенность, гора’ (КРК: 154)
→ *нөрыс* (34: 235) ‘возвышенность, холм, бугор, пригорок, кряж’ (КРК: 437)
→ *из* (34: 147, 167) ‘камень, гора’ (КРК: 239)

Функциональный аналог

- vaara* (4: 140; 34: 214) ‘гора, сопка (на севере Финляндии и Скандинавии)’
→ *сотчөмин* (4: 139) ‘обгорелое, прожжённое место, гарь, пепелище’ (КРК: 605)
→ *сёрд* (34: 211) ‘топь, топкое торфяное место; низинный ельник’ (КРК: 586)

Данная реалия в тексте оригинала встречается в следующем контексте:

*Ennen neinnä ollessani,
impenä eläessäni
läksin marjahan metsälle,
alle vaaran vaarukkahana.* (4: 137–140)

Раньше, когда я была девицей,
Девой когда я жила,
Отправилась по ягоды в лес,
Под сопку (гору) за малиной.

*Tuonne tyttöni katosi,
tuonne sai sisaruesi:
läksi marjahan metsälle,
alle vaaran vaarukkahana...* (34: 211–214)

Там моя дочь пропала,
Туда делась твоя сестра:
Отправилась по ягоды в лес,
Под сопку (гору) за малиной...

В переводе эти отрывки даны так:

*Кодыр ачым ньлөн вөлі, –
Том кад колялім өд сэки, –
Вөрө муни вотос вотны,
Сотчөминьсь өмидз корсьны...* (4: 136–139)

Когда сама девицей была,
Молодое время проводили ведь тогда,
В лес пошла я ягоды собирать,
С гари малину искать...

«Со кызд ньлөй менам воиис,
Со мый тэнад чойкөд лоис:
Мунис вотос вотны вөрө,
Сёрдө, көні өмидз овлө...» (34: 208–211)

«Вот как дочь мая пропала,
Вот что с твоей сестрой стало:
Пошла ягоды собирать в лес,
На топкое место (в низинный ельник), где малина бывает...

В данном случае для передачи финской реалии автор перевода А. И. Туркин использует слова, которые в своём словарном значении не соответствуют словарному значению переводимой реалии, но выполняют ту же функцию в тексте. В оригинале действующие лица (мать Айно, сестра Куллерво) отправляются за ягодами малины в то место, где обычно данная ягода растёт – подножье какого-нибудь небольшого холма. В переводе оно заменено аналогичными участками произрастания малины в лесу – выгоревшим после пожара или низинным влажным местом. В подобных местах преобладает кустарниковая растительность, в том числе и заросли малины.

tunturi (9: 292) ‘безлесная гора в Лапландии’ → *тундра* (9: 292) ‘тундра’

Замена финской реалии на коми аналог происходит на основании того, что оба наименования обозначают вид северного, приполярного ландшафта. Выбор именно данного эквивалента, возможно, объясняется, во-первых, сходным звучанием и длиной, что немаловажно при переводе поэтического произведения. Во-вторых, тем, что слова *tunturi* и *тундра* одного происхождения, что, на наш взгляд, не мог не знать переводчик. Оба данных наименования восходят к саамскому языку, из которого произошло заимствование в финский и русский языки (в последний возможно посредством финского языка) (SKES: 1402; ЭСРЯ IV: 120). Из русского языка это слово попало в коми. При этом трансформируется семантика заимствованной лексемы, которая в русском и коми языках имеет значение ‘безлесное пространство приполярных областей с моховым и лишайниковым покровом и наличием низкорослых кустарников’ (СРЯ IV: 426; Ожегов: 802). Этимология слова объясняет и созвучие этих двух наименований. Слова не могут считаться полными аналогами друг друга, т.к. финское слово указывает на возвышенность, гору, а тундра, как правило, имеет равнинный рельеф. В. Даль в своём словаре (IV: 442) приводит следующее толкование последнего наименования: ‘северные, голые степи; ровная болотистая, мшистая плоскость до Ледовитого моря’.

Данный вид замены можно, видимо, отнести и к предыдущему типу, т.е. к замене чужой реалии на свою.

kuujanen (5: 64) ‘озерная кумжа, форель’ → *кунджа* (5: 61) *диал.* ‘мелкая семга’

tuje (41: 128) ‘ряпушка’ → *бадькормык* (41: 124) ‘уклейка’

sotka (1: 179, 199, 201; 41: 245, 248, 255) ‘чернеть, нырок’

→ *сювчӧж* (1: a1746175, a1936194, a1956196) ‘гоголь’

→ *утка горда / горда* (41: 230, 233, 239) ‘кряква’

alli (4: 204, 206) ‘утка-морянка’ → *сювчӧж* (4: 202, 204) ‘гоголь’

Вышеперечисленные 2 вида рыб и 2 вида уток нехарактерны для коми территорий, поэтому переводчик заменяет их на более известные коми читателю, но при этом либо относящиеся к одному роду, либо обладающие схожими признаками.

sauna (4: 411, 413; 7: 294; 34: 54) ‘сауна, баня’ → *пывсян* (4: 409, 411; 7: 294; 34: 53) ‘баня’

sima (9: 225, 433) ‘(питьевой) мёд, медок’

→ *матор* (9: 225) ‘медок’ < *ма* ‘мёд’ + *-тор* ‘уменьшительный суффикс’

→ *ма* (9: 433) ‘мёд’

Последний пример можно отнести и к приёму перевода с помощью описания, объяснения, толкования, т.к. коми эквивалент в какой-то мере даёт толкование, раскрывает значение финской реалии.

Описательный перевод

kantele (40: 235, 237) ‘кантеле’ → *ворсан йортёд* (40: 233, 235) ‘игральный (играющий) короб’

Контекстуальный перевод

sima (9: 424, 430) ‘(питьевой) мёд, медок’ → *ма поз* (9: 424, 430) ‘соты’ (ККРРКЗМ: 64; ПНК: 112)

Сюда же, возможно, можно отнести и приведённые выше два других варианта передачи на коми язык финской реалии *sima*.

В переводе встречаются также случаи опущения реалий: *sotka* (41: ф246/к231), *kantele* (40: ф280/к278), *kantelo* (44: 258), *vaara* (34: ф150/к148).

С точки зрения национально-языковой принадлежности все реалии, за исключением одной, в плоскости одного языка (т.е. финского) являются своими национальными реалиями, а в плоскости двух языков (т.е. финского и коми) все они являются внутренними, т. е. принадлежащими финскому языку, и чужими – коми. Одна реалья является чужой региональной освоенной (знакомой, словарной): *sarkakauhtana* ‘кафтан из сермяги, грубого сукна’. С точки зрения освоенности в принимающем языке две реалии являются знакомыми – *sauna* и *kantele*. В РКС *sauna* переводится на коми язык как *сауна*, *финн пывсян* ‘сауна, финская баня’ (862), а *kantele* даётся в транслитерации как *кантеле* с описательным переводом *финнъяслён да карельяслён музыкальнӧй инструмент* ‘музыкальный инструмент финнов и карел’ (327). Одна реалья является исторической (*sarkakauhtana*), таковой же является и её эквивалент в переводе (*шабур*). Все остальные реалии являются современными.

3.3.2. Ономастическая лексика

Ономастическая лексика может рассматриваться как самостоятельный класс безэквивалентной лексики, которому присущи свои признаки и способы передачи при переводе. Они нередко совпадают с приёмами передачи реалий. С реалиями их роднит и наличие яркого национального,

а иногда и исторического колорита, обусловленного тесной связью имён собственных с определенным народом, с его национальными традициями и культурой. Вследствие этого ряд исследователей считает правомерным причислять данный класс лексики к реалиям.

При переводе имена собственные, как правило, транскрибируются, т.е. переносятся в текст ПЯ, сохраняя максимально точно фонетическую форму. В виде исключения их переводят с учётом внутренней формы.

Транскрибируются на общем основании и топонимы, но с некоторыми оговорками: с одной стороны, географические названия, действительно, передаются с учётом их национальной фонетической формы или с элементами перевода, но с другой, в каждом языке имеется набор традиционных наименований более широко известных географических объектов, являющихся, по существу, частью его лексики. (Власов – Флорин 1986: 267–278).

3.3.2.1. Антропонимы

В тексте исследуемых нами рун «Калевалы» встречаются следующие имена собственные: *Ahto, Aino, Hiisi, Ilma, Ilmarinen, Imatar, Joukahainen, Jouko, Jumala, Kalervo, Kaleva, Kalevainen, Kammo, Kaukomieli, Kivi-Kimmo, Kullervo (Kullervoinen), Kuutar, Lemminkäinen, Lempi, Lempo, Louhi, Melatar, Osmo, Osmoinen, Pellervoinen, Päivätar, Sampsa, Suvantolainen, Tursas, Ukko, Untamo (Untamoinen) (I), Untamo (II), Uvantolainen, Vellamo, Virunen, Väinämöinen, Väinö.*

В переводе им соответствуют: *Ахто, Аино, Хийси, Илма, Илмаринен, Илматар, Йоукахайнен (Ёукахайнен), Ёуко, Ен (ен), Калерво, Калева (Калев), Калевайнен, Каммо, Каукомиэли (Каукомиели), Киви-Киммо, Куллерво (Куллервойнен), Тöлысь-нывка (Тöлысь ныв), Лемминкяйнен, Лемпи, Лемпо, Лоухи, Мелатар, Осмо, Осмойнен, Пеллервойнен, Шонди-нывка (Шонди ныв), Сампса, Сувантолайнен, Турсас, Укко, Унтамо (Унтамойнен) (I), Унтамо (II), Увантолайнен, Велламо, Випунен, Вяйнямöйнен, Вяйнö.*

Väinämöinen → *Вяйнямöйнен*

(1: ф/к а631, ф107/к а6106, ф287/к а2756277, ф289/к а2776279, ф341/к а3296331; 2: ф/к1, ф/к43, ф89/к88, ф101/к100, ф125/к124, ф143/к142, ф237/к236, ф257/к256, ф271/к270, ф287/к286, ф348/к343, ф352/к347, ф359/к354, ф365/к360; 3: ф/к1, ф/к17, ф/к33, ф/к85, ф101/к100, ф115/к114, ф129/к128, ф135/к134, ф183/к180, ф211/к208, ф235/к232, ф259/к254, ф263/к258, ф283/к278, ф295/к290, ф336/к332, ф345/к341, ф353/к349, ф365/к361, ф381/к377, ф397/к393, ф408/к403, ф415/к410, ф426/к420, ф433/к427, ф450/к444, ф467/к461, ф535/к529; 4: ф/к11; 5: ф5/к4, ф35/к34, ф73/к68, ф88/к83, ф99/к93, ф107/к101, ф130/к124, ф134/к128, ф144/к138, ф164/к158; 6: ф/к1, ф27/к24, ф61/к58, ф65/к62, ф89/к86, ф99/к96, ф109/к106, ф111/к108, ф117/

к114, ф121/к118, ф154/к150, ф178/к173, ф183/к176, ф191/к182, ф197/к188, ф213/к204, ф217/к208, ф231/к222; **7:** ф/к1, ф/к17, ф53/к55, ф57/к58, ф103/к104, ф110/к111, ф/к115, ф/к117, ф/к183, ф/к185, ф/к195, ф/к209, ф/к241, ф/к245, ф/к269, ф/к275, ф/к295, ф/к305, ф/к323, ф351/к350, ф363/к362; **8:** ф/к17, ф/к31, ф/к41, ф/к81, к/ф99, ф113/к112, ф133/к132, ф160/к159, ф165/к164, ф196/к195, ф197/к196, ф207/к206, ф219/к218, ф237/к236, ф259/к258; **9:** ф/к1, ф/к11, ф/к25, ф/к501, ф/к520, ф536/к535, ф547/к546, ф561/к560, ф577/к576; **10:** ф/к1, ф31/к27, ф55/к48, ф59/к52, ф64/к57, ф67/к60, ф77/к70, ф81/к74, ф102/к95, ф113/к106, ф125/к118, ф131/к124, ф139/к132, ф159/к150, ф497/к468; **40:** ф/к1, ф/к13, ф83/к81, ф103/к101, ф121/к119, ф151/к149, ф167/к165, ф175/к173, ф189/к187, ф205/к203, ф221/к219, ф230/к228, ф253/к251, ф283/к281; **41:** ф/к1, ф17/к16, ф31/к30, ф82/к80, ф94/к91, ф141/к138, ф162/к158, ф169/к165, ф185/к179, ф212/к198, ф217/к203, ф233/к219, ф240/к225, ф247/к232; **44:** ф/к1, ф/к35, ф/к47, ф/к55, ф/к69, ф159/к158, ф167/к166, ф177/к176, ф197/к196, ф215/212, ф232/к229, ф249/к246, ф257/к254, ф306/к304, ф307/к305)

→ *Вяйнö*

(3: ф521/к515)

Главный герой эпоса, соединяющий в себе как черты обыкновенного человека, так и черты богатыря и божества. Вяйнямёйнен родился сразу после сотворения мира и стал первым человеком. Он имеет божественное происхождение: его мать – Илматар, дочь неба. Небесное происхождение подчеркнуто отсутствием отца, мотивом чудесного рождения – необыкновенно долгой беременностью Илматар и тем, что герой появился на свет тридцатилетним мужчиной. Вяйнямёйнен – богатырь, вещий рунопевец, сеятель, мудрец и шаман, действующий чаще колдовством, чем мечом. Он родоначальник народа Калевалы, создавший не только такие культурные ценности, как рыболовная сеть, лодка, кантеле и внедривший земледелие и возделывание зерновых, но и участвовавший в строительстве самого мироздания. Считается, что имя Вяйнямёйнена произошло от слова *väinä* имеющего значение ‘широкий, спокойно текущий участок реки в устье, спокойное течение в широкой реке или проливе’. Таким образом, связь происхождения Вяйнямёйнена с водной стихией, в которой он чувствует себя уверенно и даже может жить в ней, подчеркивается через его имя. Э. Лённрот сконцентрировал в образе главного эпического героя все приписываемые ему в карельских и финских эпических рунах положительные качества и шаманскую мощь, но при этом он частично передал его функцию творца мироздания выдуманной матери воздуха и воды Илматар, которая и родила Вяйнямёйнена. В народной традиции сотворение мира во время плавания по океану связано с Вяйнямёйненом, а не с его матерью.

Вместе с Илмариненом и Лемминкяйненом Вяйнямёйнен похищает у хозяйки Похьёлы Лоухи Сампо – символ счастья, изобилия и достатка (KS: 502; KST: 395–397; Калевала 1998: 576).

Примечание в переводе: *Вяйнямёйнен – сылысь, «Калевалысь» медшөр герой* (руна 1, 3) ‘Вайнямёйнен – певец, главный герой «Калевалы»’.

Väinö → *Вяйнö*

(3: ф/к40, ф/к44; 6: ф119/к116)

→ *пöль*

(41: ф260/к244) ‘старик’

Краткая форма имени главного героя эпоса. Его более длинный вариант Вяйнямёйнен – более торжественная и официальная (KS: 502; Калевала 1998: 575).

Kalevainen → *Калевайнен*

(4: ф94/к93)

Вяйнямёйнен. Параллельное наименование к Осмойнен. Человек, относящийся к роду Калева (KST: 90).

Примечание в переводе: *Калевайнен – Калевалöн пи, сіджжö Калеваласа олысь* (руна 4) ‘Калевайнен – сын Калева, также житель Калевалы’.

Osmoinen → *Осмойнен*

(4: ф93/к92)

Вяйнямёйнен. Параллельное наименование к Калевайнен. В народной поэзии обозначает жениха (KST: 234). Житель Осмолы (KS: 259).

Примечание в переводе: *Осмойнен – Осмолöн пи, Вяйнямёйнен* (руна 4) ‘Осмойнен – сын Осмо, Вяйнямёйнен’.

Suvantolainen → *Сувантолайнен*

(6: ф62/к59, ф100/к97, ф110/к107)

Параллельное наименование Вяйнямёйнена. Житель Сувантолы. Происходит от слова *suvanto* ‘плёс (участок реки со спокойным течением), спокойное течение в реке, широкий участок в виде озера в верхней части порогов или между порогами’ (KS: 388; KST: 318; Калевала 1998: 581).

Uvantolainen → *Увантолайнен*

(7: ф/к242, ф/к270)

Параллельное имя Вяйнямёйнена. Житель Уванто. Производное слова *uva* ‘спокойно текущая река’, являющегося эквивалентом слова *vuo* ‘русло реки, течение, поток’. *Uvanto* – место со спокойно текущей водой. Данное наименование является идентичным с основой имени Вяйнямёйнена *väinä*. (KS: 425; KST: 361).

Ilmarinen → *Илмаринен*

(1: ф/к аб32; 7: ф/к328; 9: ф/к107, ф/к113, ф/к143, ф/к168, ф/к171, ф/к193, ф/к207, ф/к245, ф/к306; 10: ф47/к41, ф61/к54, ф63/к56, ф75/к68, ф101/к94, ф121/к114, ф132/к125, ф145/к137, ф175/к165,

ф195/к185, ф205/к195, ф211/к201, ф214/к204, ф215/к205, ф231/к218, ф252/к238, ф259/к244, ф269/к254, ф289/к273, ф307/к289, ф320/к301, ф333/к313, ф340/к319, ф351/к329, ф369/к345, ф387/к361, ф403/к377, ф409/к382, ф433/к406, ф463/к435, ф474/к446, ф479/к451, ф489/к461, ф499/к470, ф503/к474; **34**: ф/к6; **40**: ф95/к93, ф137/к135, ф215/к213; **44**: ф/к15, ф/к29)

Один из главных героев «Калевалы», верный и неизменный помощник и соратник Вяйнямёйнена. Искусный кузнец, выковавший небосвод и для хозяйки Похъёлы Лоухи сампо, являющийся источником счастья и благополучия. Э. Лённрот придаёт кузнецу Илмаринену характер доверчивого, добродушного, и вместе с тем, немного простоватого человека. Илмаринен – один из трёх высших божеств финской мифологии, бог воздуха и погоды. Его имя происходит от слова *ilma* ‘воздух’. В карело-финской народной поэзии Илмаринен имеет как ряд присущих небесному божеству черт, так и совмещает в себе мифологического героя – кузнеца, выковавшего небо и удерживающий его мировой столп, и культурного героя, создавшего различные рабочие инструменты (косы, серпы и т.п.), женские украшения и кантеле, честь создания которого в «Калевале» Э. Лённрот отдал Вяйнямёйнену (KS: 68; KST: 65–66; Калевала 1998: 576).

Примечание в переводе: *Илмаринен – нималана дорччысь* (руна 1) ‘Илмаринен – прославленный кузнец’.

Илма → *Илма*

(34: ф/к12)

Илмаринен (KS: 67). По другим трактовкам название дома Илмаринена (KST: 65; Калевала 1998: 576) и, следовательно, не антропоним, а топоним.

Примечание в переводе: *Илмаринен, Илма – нималана дорччысь* (руна 34) ‘Илмаринен, Илма – прославленный кузнец’.

Аино → *Аино*

(3: ф459/к454, ф519/к513, ф544/к538; 4: ф/к1, ф307/к305, ф326/к324) Сестра Ёукахайнена, которую тот был вынужден пообещать Вяйнямёйнену в жены из-за проигрыша в песенном состязании. Однако Аино не соглашается выходить замуж за сватающегося к ней Вяйнямёйнена. Горюя, она приходит к берегу моря искупаться. Чтобы отдохнуть, она взбирается на выступающий из моря скалу, но камень уходит под воду вместе с девушкой. После этого Вяйнямёйнен рыбачит в море, ему попадается превратившаяся в рыбу Аино, но не узнает её, рыба выскальзывает из рук Вяйнямёйнена и падает обратно в море.

Имя героини создано самим Э. Лённротом. В его основе слово *ainoa*, которое как эпитет очень часто встречается в народной поэзии со значениями ‘единственный(-ая)’, ‘милый(-ая)’, ‘любимый(-ая)’.

Данное имя после появления «Калевалы» стало очень популярным среди финнов, карел и эстонцев.

Трагический образ Айно, созданный Э. Лённротом, характерен для лирической поэзии и не свойственен эпической традиции. Все события, связанные с эпизодом, в котором появляется Айно, взяты им из разных, не связанных друг с другом, сюжетов и мотивов. Но при этом данный образ полностью соответствует духу народной поэзии (KS: 13; KST: 15–16; Калевала1998: 575).

Lemminkäinen → *Лемминкяйнен*

(1: ф/к аб50; 40: ф/к17, ф96/к94, ф113/к111, ф129/к127, ф265/к263, ф275/к273)

Один из главных героев «Калевалы». Балагур, весельчак, любимец женщин, стремящийся добыть себе боевую славу. Имя является производным от слова *lempi* ‘любовь, нежность’. Образ создан Э. Лённротом в результате совмещения нескольких персонажей народных эпических рун и поэтому имеет противоречивые черты: он и подобно Вьянямёйнену искусный чародей, и воинственный викинг, и герой любовных походов (KS: 186; KST: 173–174; Калевала 1998: 579).

Примечание в переводе: *Лемминкяйнен* – «Калевала» *шөр геройясысь оти* (руна 1) ‘Лемминкяйнен – один из главных героев «Калевалы»’.

Kaukomieli → *Каукомиэли / Каукомиели*

(1: ф/к аб33)

Параллельное имя Лемминкяйнена. Производное от основы *kauka* ‘далеко, в дали живущий, далёкий, дальний’. По другим гипотезам значение имени ‘смелый, отважный, храбрый’, ‘дальновидный, со взором, обращённым в даль’ (KS: 110; KST: 111).

Примечание в переводе: *Каукомиэли* – *Лемминкяйненлөн мод ним* (руна 1) ‘Каукомиели – второе имя Лемминкяйнена’.

Lempi → *Лемпи*

(40: ф105/к103)

Отец Лемминкяйнена (KS: 186; Калевала 1998: 579).

Примечание в переводе: *Лемпи* – *Лемминкяйненлөн батъыс* (руна 40) ‘Лемпи – отец Лемминкяйнена’.

Kullervo → *Куллерво*

(34: ф1/к2, ф37/к36)

→ *Куллервойнен*

(34: ф113/к111 ф163/к160 ф205/к202)

Kullervoinen → *Куллерво*

(34: ф/к17, ф111/к110)

Один из главных персонажей эпоса. Сын Калерво, племянник Унтамо. Трагический герой, непосредственно не связанный с деятельностью других главных героев эпоса, в основном ведущих борьбу с противостоящей Калевале Похьёлой. В результате ссоры

между двумя братьями (отцом Куллерво Калерво и его дядей Унтамо) весь род Калерво был убит воинами Унтамо. В живых остался только младенец Куллерво, впоследствии сделанный рабом-пастухом, который, в свою очередь, убивает свою хозяйку, жену Илмаринена и дочь хозяйки Похьёлы Лоухи. Уйдя от Илмаринена, Куллерво находит своих родителей, которые оказываются чудом спасшимися (KS: 147; KST: 139; Калевала 1998: 578).

Примечание в переводе: *Куллерво, Куллервойнен – сьёкыд судьбаа сирёта* (руна 34) ‘Куллерво, Куллервойнен – сирота с тяжелой судьбой’.

Kalervo → *Калерво*

(34: ф/к1, ф112/к109, ф113/к111, ф126/к124, ф163/к160, ф205/к202)

Отец Куллерво, Брат Унтамо, главный герой эпизода, рассказывающего о вражде двух братьев. От имени *Kaleva*; появление *-r-* в слове связывают с влиянием имени Куллерво, обычно предшествующего данному наименованию (KS: 94; KST: 88).

Примечание в переводе: *Калерво, Калервойнен – Куллерволён батъ* (руна 34) ‘Калерво, Калервойнен – отец Куллерво’.

Untamo → *Унтамо* (I)

(34: ф97/к95, ф118/к116, ф185/к182)

Untamoinen → *Унтамойнен*

(34: ф102/к100)

Брат Калерво, дядя Куллерво. Один из героев эпизода о вражде двух братьев (KS: 449; KST: 359).

Примечание в переводе: *Унтамо, Унтамойнен – Калерволён вок* (руна 34) ‘Унтамо, Унтамойнен – брат Калерво’.

Louhi → *Лоухи*

(1: ф/к а646, ф/к а648; 7: ф/к169, ф/к203, ф/к219, ф/к267, ф/к289, ф/к303, ф339/к338; 10: ф185/к175, ф217/к207)

Хозяйка Похьёлы. Тёща Илмаринена. В народных рунах хозяйка Похьёлы не имеет имени. Данное имя дал ей Э. Лённрот. Лоухи встречается только в заклинаниях, где называет приносящее зло и болезни существо. Некоторые исследователи связывают антропоним Лоухи со словом *lovi*, которое кроме значения ‘щель, углубление, дыра, отверстие’ имело и значение ‘щель, расщелина в земле, в которой обитает подземный дух’ и от которого происходит название состояния шамана в транс *loveen lankeaminen* ‘падение в транс’, букв. ‘в щель, расщелину’. Другие исследователи выводят данное имя из имени скандинавского божества *Loki* и его матери *Laufei* (KS: 199; KST: 185–186; Калевала 1998: 579).

Примечание в переводе: *Лоухи – Похьёласа кёзйика* (руна 1) ‘Лоухи – хозяйка Похьёлы’.

Joukahainen → *Йоукахайнен*

(1: ф/к а34; 4: ф/к2)

→ *Еукахайнен*

(1: ф/к 634; 3: ф/к21, ф/к51, ф/к91, ф109/к108, ф111/к110, ф118/к117, ф147/к146, ф189/к186, ф215/к212, ф255/к250, ф271/к266, ф331/к327, ф341/к337, ф359/к355, ф375/к371, к391/к387, ф407/к402, ф425/к419, ф443/к437, ф449/к443, ф477/к471, ф499/к493, ф511/к505; 5: ф126/к120 ф136/к130; 6: ф23/к20, ф95/к92, 105/к102, ф129/к126, ф195/к186, ф215/к206)

→ *Лопар ни*

(3: ф301/к297, ф327/к323, ф373/к370, ф389/к386, ф405/к401, ф423/к418, ф441/к436) ‘Лапландский парень (сын)’

Противопоставляемый Вяйнямёйнену юный заносчивый, не способный к истинно героическим поступкам герой-неудачник. Потерпев поражение в состязании в знаниях, он обещает в жёны Вяйнямёйнену свою сестру Айно. После этого он пытается убить Вяйнямёйнену, думая отомстить ему за смерть сестры.

Лежащее в основе имени слово *jouko* разными исследователями трактуется различно: одни считают его эквивалентом саамского слова со значениями ‘снег’ и ‘лёд’, другие связывают с финским прилагательным *joukea* ‘крупный, большой, высокий, рослый’. Но вероятнее всего трактовка, которую поддерживает и сама народная поэзия, согласно которой имя связано с встречающимся в северных финских диалектах словом *joukhanen* ‘лебедь’.

Э. Лённрот в эпосе изменяет образ Ёукахайнена, присущий народной поэзии, в которой он часто является соратником Вяйнямёйнена в походе за сампо либо соперничающим с ним шаманом. Лённрот передал Ёукахайнену функцию кровного врага Вяйнямёйнена, покушавшегося на него, забрав её у некоего Лаппалайнена. Сделано это было для того, чтобы связать воедино различные эпические сюжеты и выстроить из них единый сюжет с вытекающими друг из друга событиями (KS: 78; KST: 75–76; Калевала 1998: 577).

Примечание в переводе: *Йоукахайнен – Вяйнямёйненлөн сьылём кузя вермасьысь* (руна 1) ‘Йоукахайнен – соперник Вяйнямёйнена по пению’; *Ёукахайнен – Вяйнямёйненкөд сьылём кузя вермасьысь, лопар ни* (руна 3) ‘Ёукахайнен – соперник Вяйнямёйнена по пению, лапландский парень’.

Jouko → *Ёуко*

(5: ф234/к228)

Отец Ёукахайнена (KS: 78). По другим трактовкам сам Ёукахайнен (Калевала 1998: 577).

Kaleva → *Калева*

(6: ф214/к205; 7: ф97/к98)

→ *Калев*

(2: ф249/к248, ф253/к252)

Первопредок в калевальской мифологии. Э. Лённрот считал Калеву старейшим из известных предков финнов, который прибыл на

нынешнюю территорию Финляндии, и чьи потомки затем распространились по этой стране. Вяйнямёйнен, Имари́нен, Лемминкяйнен, Ёукахайнен и Кулерво, по его мнению, являются потомками Калевы. Лённрот также считал возможным, что часть рун о Вяйнямёйнене изначально пелись о других героях, напр., об Антеро Випунене, под именем которого, возможно, имелся в виду Калев. Так как Э. Лённрот считал главных героев эпоса потомками Калева, он сделал топоним Калевала общим наименованием для различных мест, а также ввёл в эпос такие понятия как *Kalevan kansa*, *Kalevan suku*, *Kalevan miehet*, *Kalevan naiset* ‘народ Калевы, род Калевы, мужи (мужчины) Калевы, женщины Калевы’. По мнению разных исследователей, слово от которого произошло это имя, могло иметь значения ‘великан, громадное существо; могучий, матёрый, закоренелый; вождь; (красное) сукно; кузнец’ и т.д. Последнее значение считается наиболее вероятным (KS: 94; KST: 88; Калевала 1998: 577).

Osmo → *Осмо*

(2: ф250/к249, ф252/к251; 10: ф20/к16)

Осмо – мифологический первопредок, выступающий параллельно с Калевом, первый пахарь мифического ячменного поля. Из ячменя, выросшего на «поле Осмо» варят первое пиво, воду для него берут из «колодца Осмо». В народной поэзии Осмо является тем, кто сватается к ломающей в лесу веники девушке. Девушка после этого вешается в амбаре, куда её мать посылает нарядиться к приезду жениха. Данный мотив использован Э. Лённротом в сюжете о гибели Айно. В свадебных песнях слово *osmo* является синонимом слова жених (KS: 259; KST: 234; Калевала 1998: 579).

Примечание в переводе: *Осмо* – *Калевалён мёд ним* (руна 2) ‘Осмо – второе имя Калева’.

Vipunen → *Випунен*

(1: ф/к аб49)

Мифический первопредок, умерший великий чародей, в животе которого Вяйнямёйнен ищет знания. Значение имени связывают со словом *virri* ‘рычаг, ловушка’. Производное от этого слова *Vipunen* некоторые исследователи считают не именем собственным, а атрибутом героя, при помощи ловушек и капканов занимавшегося добычей зверей. В сочетании Антеро Випунен имя Антеро связывают с именем апостола Андрея (рычаг, ловушка, таким образом, связывается с косым Андреевским крестом, на котором был распят апостол). Другие исследователи считают, что Антеро и Випунен – два параллельных друг другу имени одного существа (подобно многим другим антропонимам эпоса), а не связанное на подобии современных имени и фамилии сочетание (KS: 494; KST: 22–23; Калевала 1998: 575).

Примечание в переводе: *Випунен – великан, тóдысь, шаман* (руна 1) ‘Випунен – великан, колдун, шаман’.

Untamo → *Унтамо* (II)

(5: ф17/к16, ф21/к20)

Лежащий под землей великий кудесник. По народным представлениям то же существо, что и Антеро Випунен. Часто трактуется как повелитель сна, но это не совсем верно. По всей вероятности имя происходит от слова *uni* ‘сон’ (KST: 359).

О повелителе сна говорит и А. И. Туркин в примечании: *Унтамо – унлõн Ен* (руна 5) ‘Унтамо – Бог сна’.

Jumala → *Ен*

(2: ф/к50; 3: ф571/к570; 7: ф/к281; 9: ф/к512, ф/к514, ф543/к542, ф571/к570, ф583/к582;)

→ *ен*

(34: ф55/к54, ф61/к59)

Христианский Бог (KS: 80). Первоначально слово было нарицательным и обозначало божество вообще. Из этого значения оно развилось для обозначения высшего божественного существа. По мнению многих исследователей, речь о христианском боге в эпосе идёт тогда, когда в качестве параллельных наименований для *Jumala* используются обозначения *Luojä* ‘Создатель’ и *Herra* ‘Господь’. Встречающиеся в «Калевале» христианские понятия и библейские имена являются поздними вставками, которые попадали в эпические песни по мере распространения христианства. Во время работы по составлению «Калевалы» Э. Лённрот сознательно старался воздержаться от введения в неё христианских черт исходных рун (KST: 78).

Jumala ‘Бог’

Ен ‘Бог’

Ukko → *Укко*

(1: ф169/к а1656166; 2: ф317/к315, ф331/к328, 9: ф/к33, ф/к39, ф/к403; 40: ф78/к76)

Живущий на облаках верховный бог, громовержец. Подобно Зевсу является властителем погоды и туч. В народной мифологии также известен как покровитель скота и урожая. Первоначально наименование *ukko* со значением ‘старик, старец’ было эпитетом древнейшего небесного божества *Jumala*, имя которого со временем стало обозначать бога вообще, в том числе и христианского, а *Ukko* стал восприниматься самостоятельно как бог грома (KS: 446; KST: 356; Калевала 1998: 581).

Примечание в переводе: *Укко – енэж, гым да чардби ен* (руна 1, 2, 40) ‘Укко – бог неба, грома и молнии’.

Ilmatar → *Илматар*

(1: ф110/к аб109, ф344/к 3336334)

Мать Вайнямёйнена. Божество воздушной стихии, обернувшись матерью воды, рождает Вайнямёйнена. Плавающая беременной в море,

она становится участницей создания мира из яйца чернети и рельефа морского дна и прибрежной суши. Она же даёт совет Вяйнямёйнену после трагического происшествия с Айно отправиться в Похьёлу, чтобы сосватать там себе жену. Мотив превращения Илматар в мать воды и создания ею мира и морского рельефа введён в эпос Э. Лённротом – в народной поэзии мир создаёт сам Вяйнямёйнен. Он же автор легенды о рождении Вяйнямёйнена Илматар, т.к. в народной мифологии ничего не говорится о родителях героя (KS: 68; KST: 66; Калевала 1998: 576).

Примечание в переводе: *Илматар – сынöd ныв, Вяйнямёйнелөн мам* (руна 1) ‘Илматар – дева воздуха, мать Вяйнямёйнена’.

Ahto → *Ахто*

(5: ф133/к127, ф163/к157; 41: ф133/к129; 44: ф/к14)

Главный повелитель вод. Происходит от слова *ahiti* ‘территория с расставленными снастями, сетями’ (KS: 11; KST: 13; Калевала 1998: 575).

Водяной (ФРС: 22).

Примечания в переводе: *Ахто – мореса ен* (руна 41) ‘Ахто – бог моря’; *Ахто – саридз Ен, Велламолён верös. Велламолён нывъяс – васа анъяс (рочён русалкаяс)* (руна 5) ‘Ахто – Бог моря, муж Велламо. Девушки Велламо – водяные женщины (по-русски русалки)’.

Vellamo → *Велламо*

(5: ф20/к19, ф24/к23, ф30/к29, ф132/к126, ф162/к156, ф182/к176; 44: ф/к12)

Хозяйка вод, жена Ахто. Имя происходит от глагола *velloa* ‘плескать, бушевать, бурлить, кипеть’ (KS: 476; KST: 377; Калевала 1998: 575).

Kamto → *Каммо*

Kivi-Kimto → *Киви-Киммо*

(40: ф48/к47)

Повелители порога, камня. По мнению исследователей, имена относятся к одному и тому же существу (KS: 97, 127; KST: 92; 122).

Примечание в переводе: *Киви-Киммо – ваувса изъяслөн ен. Каммо – Киммолён мөд ним* (руна 40) ‘Киви-Киммо – бог подводных камней. Каммо – второе имя Киммо’.

Kuutar → *Тöлысь-нывка / Тöлысь ныв*

(4: ф149/к148, ф153/к152; 41: ф103/к101)

Melatar → *Мелатар*

(40: ф71/к69)

Räivätar → *Шонди-нывка / Шонди ныв*

(4: ф150/к149, ф154/к153; 41: ф104/к102)

Духи-девы, представители низшей мифологии, подгруппа, подвид управляющих существованием различных явлений и объектов природы, растений и животных духов-хозяек. Духи-девы пред-

ставляют собой родовое понятие какого-либо предмета, являются его персонифицированным существом (душой). Подобная персонифицированная сущность женского рода может быть у любого предмета или явления. Их названия образуются из названия предмета и суффикса *-tar*, указывающего на женский род. Слова с данным суффиксом имеют широкое семантическое поле и могут обозначать дочь или супругу кого-либо, персонифицированный объект природы, опозитизированное явление природы (KS: 158, 203, 309; KST: 150, 190, 270; Калевала 1998: 581).

Melatar – хозяйка порога (KS: 220); персонифицированная женская сущность кормового весла лодки (*mela* ‘кормовое (рулевое) весло’), созданная Э. Лённротом и не встречающаяся в финской мифологии (KST: 205).

Tölyсь-нывка / *Tölyсь ныв* ‘дева Месяц’

Шонди-нывка / *Шонди ныв* ‘дева Солнце’

Примечание в переводе: *Melatar* – *визув ен, пыжён муньсьясёс дорйысь, видзысь* (руна 40) ‘Мелатар – бог течения, защитница, покровительница плывущих на лодке’.

Sampsä → *Сампса*

(2: ф/к14, ф/к45)

Повелитель поля и растительности, первосеятель деревьев, помощник Вяйнямёйнена в обустройстве земли. Некоторыми исследователями имя выводится из немецкого слова со значением ‘лесной камыш’, другие сопоставляют с именем православного святого Сам(п)сона (KST: 295).

Примечание в переводе: *Сампса* – *Вяйнямёйнен кёдзигён отсасьысь* (руна 2) ‘Сампса – помощник Вяйнямёйнена во время сева’

Pellervoinen → *Пеллервойнен*

(2: ф/к13, ф/к46)

Параллельное имя Сампсы. Произошло либо от ижорского слова *pellervo* ‘лен’, либо от слова *pelto* ‘поле’ (KST: 245; Калевала 1998: 580).

Примечание в переводе: *Пеллервойнен* – *Сампсалён мёд ним* (руна 2) ‘Пеллервойнен – второе имя Сампсы’.

Hiisi → *Хийси*

(6: ф37/к34; 8: ф152/к150, ф162/к161; 9: ф/к231, ф/к238, ф/к386; 34: ф40/к39; 40: ф240/к238)

Злой хозяин леса, великан, существо, обитающее в укромных местах, от которого исходят болезни и несчастья. Различные стихии также могли иметь своих злых хозяев: Хийси воды, гор, земли, огня, кладбища, дома, риги (KS: 31; KST: 48; Калевала 1998: 581).

Леший, водяной, злой дух (ФРС: 115)

Примечание в переводе: *Хийси* – *вёрса кодь пеж лов, омоль* (руна 34, 40) ‘Хийси – похожая на лешего нечисть, чёрт’.

Lempro → *Лемпо*

(6: ф38/к35; 8: ф153/к152, ф161/к160)

→ *Омоль*

(4: ф423/к421)

Синоним к предыдущему наименованию, дьявол, чёрт (KS: 187; KST: 175; Калевала 1998: 579).

Злой дух, чёрт (ФРС: 320).

Tursas → *Турсас*

(2: ф/к67)

Морское чудовище, живущий в воде дух. Соотносится со скандинавским богом войны *Thurs*, *Tyr* (KST: 350; Калевала 1998: 581).

Примечание в переводе: *Турсас* – *саридзса гундыр* (руна 2) ‘Турсас – морское чудовище’.

Таким образом, в исследуемом нами переводе и соответствующих ему четырнадцати рунах оригинала встречается 35 разных антропонимов (обозначения *Väinö* и *Väinämöinen*, *Ilma* и *Ilmarinen*, *Kullervo* и *Kullervoinen*, *Untamo* и *Untamoinen* мы считаем вариантами одного соответствующего антропонима), которые относятся к 27 различным героям эпоса. По нашим подсчётам данные обозначения используются в тексте оригинала 406 раз. Чаще всего встречается имя Вяйнямёйнена и другие обозначающие его синонимичные антропонимы: всего 203 раза, т.е. каждое второе имя собственное в тексте (50%) – имя главного героя эпоса (из них 191 раз используется обозначение *Väinämöinen*, 5 раз *Väinö*, 3 раза *Suvantolainen*, 2 раза *Uvantolainen*, остальные параллельные наименования по одному разу). Илмаринен по имени упоминается 57 раз (т.е. в 14% случаев от общего количества употреблений антропонимов), Лемминкяйнен – 8 раз, Куллерво – 7 раз, Каллерво – 6 и Унтамо (I) – 4 раза. Имя *Aino* встречается 6 раз. Из противоборствующих калевальцам героев эпоса чаще всего встречается имена *Joukahainen* (41 раз) и *Louhi* (11 раз). Из мифологических персонажей чаще всего упоминаются *Hiisi* и *Vellamo* (8 и 7 раз соответственно). Параллельное к Хийси наименование *Lempro* встречается 4 раза. Имя христианского бога *Jumala* употребляется 10 раз, имя верховного божества *Ukko* используется 7 раз. Остальные встречающиеся в тексте оригинала антропонимы употребляются 1–3 раза.

В свою очередь в переводе антропонимы встречаются 392 раза: 4 раза опущено имя *Ilmarinen* (10: 171, 358, 378, 498), по разу *Väinämöinen* (41: 255) и *Väinö* (41: 131), один раз краткая форма имени Вяйнямёйнена *Väinö* заменена на обозначение *пöль* ‘старик’ (41: ф260/к244), 7 раз антропоним *Joukahainen* заменен на *лопар ни* ‘лапландский парень’ (3: ф301/к297, ф327/к324, ф373/к370, ф389/к386, ф405/к401, ф423/к418, ф441/к436).

32 антропонима (т.е. 91% от общего числа) А. И. Туркиным переданы путём транскрибирования и только 3 (9%) переведены: *Jumala* – *Ен* ‘Бог’, *Kiutar* – *Тöльсь-нывка* / *Тöльсь ныв* ‘дева Месяц’, *Päivätar* – *Шонди-нывка* / *Шонди ныв* ‘дева Солнце’. Для двух последних использованы кальки:

Kuutar ‘букв. месяц + суффикс, указывающий на женскую сущность *-tar*’ → *Tölyсь-нывка / Тöлысь ныв* ‘Месяц + девочка /дева, девушка’; *Päivätar* ‘букв. солнце + суффикс, указывающий на женскую сущность *-tar*’ → *Шонди-нывка / Шонди ныв* ‘Солнце + девочка /дева, девушка’. В одном случае синоним имени злого духа Хийси *Letro* передан как *Омöль* ‘имя злого духа, нечистая сила, чёрт’, что, на наш взгляд, может расцениваться как функциональная замена.

В переводе варьируется написание некоторых имён, переданных транскрипцией:

Kaukomieli / Каукомиели, Йоукахайнен / Ёукахайнен, Калева / Калев, а также обозначения *ен / Ен*. Разница в написании, по видимому, связана с тем, что работа над переложением на коми язык отдельных рун «Калевалы» и их публикация осуществлялась в разное время. В случае с *Калева / Калев* причиной также является необходимость соблюдения метра строки.

Постоянные эпитеты и другие обозначения героев эпоса в коми переводе даются следующим образом:

Väinämöinen – Вьяйнямöйнен

Постоянные эпитеты в оригинале:

vanha (1: 31; 2: 89, 101, 237, 271, 287, 359, 365; 3: 101, 183, 235, 259, 263, 295, 336, 353, 365, 381, 397, 408, 415, 426, 433, 467; 4: 11; 5: 35, 99, 107, 134, 164; 6: 27, 89, 111, 178, 183, 191, 197; 7: 17, 53, 103, 110, 275, 295, 351, 363; 8: 133; 9: 1, 11, 25, 547, 561, 577; 10: 31, 55, 64, 77, 81, 102, 113, 125, 131, 139, 159, 497; 40: 13, 83, 167, 283; 41: 17, 31, 169, 212, 217, 233, 240, 247; 44: 35, 47, 159, 167, 177, 197, 232, 249, 307) ‘старый’

vaka vanha (1: 289; 2: 43, 125, 143, 257, 353; 3: 1, 85, 115, 135, 211; 5: 5, 144; 6: 1; 7: 1, 57, 195, 209, 245, 323; 8: 17, 31, 41, 81, 99, 113, 165, 197, 207, 219, 237, 259; 10: 1, 59, 67; 40: 1, 103, 121, 151, 175, 189, 205, 221, 230, 253; 41: 1; 44: 1, 55, 69, 215) ‘старый верный’ (ФРС: 964); *vaka*: ‘ровный, уравновешенный, спокойный, степенный, чинный, серьёзный, непоколебимый, твёрдый, крепкий, строгий, суровый, крепкий, сильный, здоровый’ (KS: 459); ‘справедливый, порядочный, правдивый, честный; благочестивый; сильный, крепкий, твёрдый, стойкий, непоколебимый’ (KST: 366).

ikirunoja (1: 108, 288) ‘вечный, бессмертный рунопевец’ (KS: 65), ‘певец, лучше которого никогда не бывало’ (KST: 63).

laulaja ikuinen (6: 28, 112) ‘певец вечный, постоянный’ (KS: 65; KST: 63)

laulaja iän-ikuinen (3: 130; 6: 90; 41: 2) ‘певец вековечный, вековой, древний, живший с самого создания земли’ (KS: 73)

tietäjä iän-ikuinen (3: 86, 346, 451; 7: 306; 8: 166; 10: 78) ‘кудесник, чародей, прорицатель вековечный, вековой, древний, живший с самого создания земли’ (KS: 73)

Эти эпитеты переведены следующим образом:

pöрысь (2: 88, 100, 236, 270, 286, 354, 360; 3: 461; 4: 11; 5: 34, 93, 101, 138, 158; 6: 86, 176; 7: 17, 104, 275, 295, 362; 8: 132; 9: 1, 11, 25, 546, 560, 576; 10: 27, 57, 70, 74, 95, 106, 118, 132, 150, 468; 40: 13, 81, 165, 281; 41: 16, 203, 219, 225; 44: 35, 47, 158, 166, 176, 196, 229, 246) ‘старый’

pöрысь авья (1: a2776279; 2: 43, 124, 142, 256, 347; 5: 4, 138; 6: 1; 7: 1, 58, 195, 209, 245, 323; 8: 17, 31, 41, 81, 99, 112, 164, 196, 206, 218, 236, 258; 10: 1, 52, 60; 40: 1, 101, 119, 149, 173, 187, 203, 219, 228, 251; 41: 1; 44: 1, 55, 69, 212, 305) ‘старый серьёзный (толковый)’

нэмөвöйся ыджыд сьылысь (1: a107, a276; 41: 2) ‘вековечный великий певец’

ыджыд сьылысь (6: 25, 109) ‘великий певец’

венны позьтöм ыджыд сьылысь (1: б107, б278; 6: 87) ‘непобедимый великий певец’

венны позьтöм ыджыд тöдысь (7: 306; 8: 165; 10: 71) ‘непобедимый великий колдун, чародей, кудесник’

нэмөвöйся ыджыд тöдысь (10: 71) ‘вековечный великий колдун, чародей, кудесник’

Также в тексте оригинала и в переводе используются следующие эпитеты, характеризующие главного героя:

Kalevan poika (6: 214) ‘сын Калева’ → *Kalevasa ni* (6: 205) ‘сын Калева’

kalevalainen (6: 118, 122, 218) ‘Калевалец, житель Калевалы’ (KS: 94; KST: 90)

→ *Kaleva ni* (6: 115, 119) ‘сын Калева’

→ *Kalevalainen* (6: 209)

Kalevalan kaunein (6: 234) ‘самый прекрасный [человек] Калевалы’ →

Kalevalyсь югыд мичыс (6: 224) ‘Калев(ал)ы светлая краса’

Suvantolan suuri mies (6: 233) ‘великий человек Сувантолы’ →

Сувантолаысь бур морт (6: 223) ‘добрый человек из Сувантолы’

Uvannon sulho (7: 186) ‘жених [из] Уванто’ → *жöникпу* (7: 186) ‘жених’

illoilla iloitsija (7: 213) ‘вечерами веселящий’ → *чужан муöс гажöдысь* (7: 213) ‘веселящий родную землю’

joka laakson laulaja (7: 214) ‘каждой долины певец’ → *сьыланкывьяс разöдысь* (7: 214) ‘раздающий, распространяющий песни’

rohkea runoja (1: 342) ‘рунопевец великий’

→ *сьылысьяслöн удал рöдысь* (1: a330) ‘из рода удалых певцов’

→ *сьылысьяслöн рöдвуж панысь* (1: б332) ‘зачинатель рода певцов’

laulaja (3: 522; 536) ‘певец’

→ *сьылысь* (3: 516) ‘тж.’

→ *ыджыд сьылысь* (3: 529) ‘великий певец’

laivan laatija (8: 137) ‘изготовитель лодки’ → *пыж вöчысь* (8: 136) ‘изготовитель лодки’

laatija mies (40: 341) ‘мастер, изготовитель, букв. сделавший человек’ → *вöчысь* (40: 339) ‘изготовитель, мастер, букв. делающий, изготавливающий’

- veistäjä* (8: 138) ‘мастер’ → *киподтуя кужысь морт* (8: 137) ‘искусный умелец (букв. умелый человек)’
- poika pätoinen* (8: 159; 9: 535) ‘парень хороший, приличный, порядочный, славный, замечательный’ (KS: 310; KST: 271)
→ *удал морт* (8: 158) ‘удалой человек’
→ *ыджыд морт* (9: 534) ‘великий человек’
- suuri mies* (3: 533) ‘великий человек’ → *нималана морт* (3: 527) ‘известный, знаменитый человек’
- suuri sulho* (3: 545) ‘великий жених’ → *ыджыд веропсу* (3: 539) ‘тж.’
- mies korkea* (3: 546) ‘человек великий’ → *нималана рөдысь* (3: 540) ‘из известного, знаменитого рода’
- viisas* (3: 345, 450) ‘умный, мудрый’ → *вежөр* (3: 341, 444) ‘ум, разум’
- rohkea* (3: 534) ‘отважный. мужественный’ → *повтөмяслөн удал рөдысь* (3: 528) ‘из удалого рода бесстрашных’
- uros* (1: 328; 3: 18; 7: 56, 60, 106, 184, 222, 226, 238; 9: 12, 16, 366) ‘богатырь, герой’
→ *збой зон* (1: а316) ‘боевой, удалой парень’
→ *удал морт* (7: 57, 61, 184, 238; 9: 12) ‘удалой человек’
→ *зон* (1: б318) ‘парень’
→ *морт* (9: 366) ‘человек’
- mies* (1: 305, 327; 7: 55, 105, 221, 225, 237; 8: 89, 93, 9: 15; 10: 189) ‘муж, мужчина, человек’
→ *морт* (7: 106, 221, 225; 8: 89; 9: 15; 10: 179) ‘человек’
→ *удал морт* (8: 93) ‘удалой человек’
→ *пöль* (7: 237) ‘старик’
- matkamies* (1: 309) ‘странник, путешественник’ → *ловья морт* (1: а297б299) ‘живой человек’
- inehmon lapsi* (1: 310) ‘человеческий ребёнок’ → *ни* (1: а298б300) ‘сын, мальчик’

Наряду с положительными характеристиками в тексте имеются и отрицательные. Они, как правило, относятся к самохарактеристике Вяйнямёйнена или к характеристике его со стороны Айно, которую он не смог удержать, выловив из воды в виде рыбы, либо же это слова Ёукахайнена:

- laulaja laveasuinen* (3: 260) ‘певец хвастливый, кичливый, букв. ширококоротый’ → *паськыд вома ыджыд сылысь* (3: 255) ‘большой певец больтливый, букв. ширококоротый’
- ukko utra* (5: 129; 7: 193) ‘бедный, несчастный, убогий старик’
→ *сямтөм пöль* (5: 123) ‘бестолковый, непутёвый старик’
→ *коньөр пöль* (7: 193) ‘бедняга, жалкий, несчастный старик’
- vähämieli* (5: 130) ‘слабоумный’ → *ичöt вежөр* (5: 124) ‘маланький ум, разум’
- poloinen* (9: 19) ‘несчастный, горемычный’ → *коньөр* (9: 19) ‘бедняга, жалкий, несчастный’
- poloinen poika* (7: 19) ‘несчастный, горемычный парень’ → *коньөр морт* (7: 19) ‘бедняга, жалкий, несчастный человек’

poika polon-alainen (7: 20) ‘парень разнесчастный’ → *õtкõн кольõм шудтõм ни* (7: 20) ‘в одиночеств оставшийся несчастный сын, мальчик’
vanha (4: 239, 251) ‘старый, старик’
 → *пõрысь морт* (4: 237) ‘старик, старый человек’
 → *пõрысь* (4: 249) ‘старый, старик’
tutiseva (3: 523; 4: 241) / *tutisija* (4: 252) ‘дрожащий, трясущийся’
 → *дзõрысь* (3: 517) ‘тж.’
 → *тиралысь* (4: 239, 250) ‘дрожащий’
sopenkulu (3: 524; 4: 242) ‘о старике: проводящий время в углу у печи’ (KS: 369) → *пõрысь пõль* (3: 518) ‘старый дед’
ikärioli (4: 240) ‘старый, преклонного возраста’ → *вермытõм* (4: 238) ‘немошный’
sukkahansa suistuja (4: 253) ‘спотыкающийся о свои чулки’ → *аслас чõрõсас джõмдас* (4: 251) ‘о свои чулки споткнётся’
karahkahan kaatuja (4: 254) ‘опрокидывающийся о сучёк’ → *кос ув воськовтигõн усяс* (4: 252) ‘через сухую ветку першагивая упадёт’

Не нашёл отражения в переводе эпитет *poika totinen* ‘парень серьёзный’ (8: 195). Выражение *itkevä uros* (7: 184) ‘рыдающий герой, богатырь’ заменено на *удал морт* (7: 184) ‘удалой человек’. 4 раза опущено наименование *uros* (7: 106, 222, 226; 9: 16) ‘богатырь, герой’, 3 раза – *mies* (1: 305, 327; 7: 55) ‘муж, мужчина, человек’.

Aino – Айно

Постоянные эпитеты:

sisar nuoren Joukahaisen (3: 537; 4: 2; 5: 126) ‘сестра молодого Ёукахайнена’
 → *Йоукахайненлõн чойыс* (4: 2) ‘Ёукахайнена сестра’
 → *Ёукахайненлõн чойыс* (5: 120) ‘Ёукахайнена сестра’
 → *Айно чой* (3: 531) ‘сестра Айно’
sisar Joukahaisen (5: 136) ‘сестра Ёукахайнена’ → *Ёукахайненлõн чой* (5: 130) ‘Ёукахайнена сестра’
neito Joukahaisen (3: 469) ‘дева Ёукахайнена’ → *Лопар пилõн Айно чойыс* (3: 463) ‘сестра лопарского сына Айно’

Также в тесте оригинала и в переводе встречаются следующие эпитеты и обозначения:

tinarina (4: 428) ‘букв. оловяная грудь’, ‘с оловянными украшениями на груди’ (KS: 417; KST: 338) → *ширысь кизя* ‘со свинцовыми пуговицами’ (4: 426)
hopeasolki (4: 429) ‘букв. серебряная заколка’, ‘девушка, носящая серебряную заколку’ (KS: 55; KST: 53) → *эзысь пажука* (4: 427) ‘с серебряной заколкой’
vuõ vaski (4: 430) ‘букв. пояс медный’, ‘о девушке: с медным поясом’ (KS: 472) → *ыргõн вõня* ‘с медным поясом’ (4: 428)

- Ahon lapsi ainokainen* (5: 133, 163) ‘Ахто единственный ребенок’ → *Ахто Енлön öтka ныв* (5: 127, 157) ‘бога Ахто единственная дочь’
- Vellamon vetinen neiti* (5: 132, 162, 182) ‘девушка водяная Велламо’
 → *Велламолön васа ань* (5: 126) ‘Велламо водяная женщина’
 → *Велламолön быдтас* (5: 156) ‘Велламо ребёнок (воспитанница)’
 → *Велламолön васа ныв* (5: 176) ‘Велламо водяная девушка’
- veen on viimeinen tytär* (5: 183) ‘последняя дочь воды’
 → *саридзын олысь том ань* (5: 177) ‘живущая в море (жительница моря) молодая женщина’
- lintu* (4: 334, 342, 350, 358) ‘птица’ → *кайтти* (4: 332, 340, 348, 356) ‘птенец, птенчик’
- kana* (4: 327, 333, 341, 349, 357) ‘девушка’ (KS: 97; KST: 93), букв. ‘курица’ → *ичöt пышкай* (4: 325, 331, 339, 347, 355) ‘маленький воробей’
- kananen* (4: 372, 446) ‘девушка’ (KS: 97; KST: 93), букв. ‘курочка’
 → *пышкай* (4: 370) ‘воробей’
 → *пышкайтти* (4: 443) ‘воробьёнок, воробушек’
- neiti* (4: 21, 375, 383, 391, 399, 409) ‘девушка’
 → *нывка* (4: 20) ‘девочка’
 → *ныв* (4: 407) ‘девушка’
- tyttö* (3: 565; 4: 445, 495) ‘девочка, девушка, дочка’
 → *коньör ныв* (4: 442) ‘бедная дочка’
 → *ныв* (3: 559; 4: 491) ‘дочь, девушка’
- tytär* (4: 119, 191) ‘дочь, дочка’
 → *ныв* (4: 118) ‘дочь, дочка’
 → *нывка* (4: 189) ‘девочка’
- neitonen* (4: 12, 325; 5: 10) ‘молодая девушка’
 → *ныв* (4: 12) ‘девушка’
 → *коньör нывка* (4: 321) ‘бедняга, несчастная девочка’
 → *том нывка* (5: 9) ‘молодая девочка’
- neito nuori* (4: 1, 42, 54, 66, 78) ‘девица молодая’
 → *томиник на нывка* (4: 1) ‘молодая ещё девочка’
 → *том ныв* (4: 41) ‘молодая девушка, дочь’
 → *дона ныв* (4: 53, 65, 77) ‘дорогая девушка, дочь’
- neiti nuori* (4: 15, 16, 371; 5: 3, 125) ‘девушка молодая’
 → *ныв* (4: 14) ‘девушка, дочь’
 → *коньör нылук* (4: 369) ‘бедняга, несчастная девонька, доченька’
 → *мича ныв* (5: 3) ‘красивая девушка’
 → *мича ичмонь* (5: 119) ‘красивая молодуха’
- tyttö raukka* (4: 41, 42, 78) ‘бедная девочка, бедняжка’ → *коньör ныв* (4: 40) ‘бедняга, несчастная девушка’
- sisko raukka* (4: 53, 54, 65, 66) ‘бедная сестрица’ → *коньör чой* (4: 52, 64) ‘бедная, несчастная сестра’
- tytti raukka* (4: 77) ‘дева бедная’ → *коньör ныв* (4: 76) ‘бедняга, несчастная девушка’

- neiti rukka* (4: 95, 96) ‘бедная несчастная девушка’
 → *ныв* (4: 94) ‘девушка’
 → *мича ань* (4: 95) ‘красивая женщина’
- imri rukka* (4: 233, 235, 328) ‘бедная, несчастная дева’
 → *коньör ныв* (4: 231) ‘бедняга, несчастная девушка’
 → *коньör нывка* (4: 326) ‘бедняга, несчастная девочка’
- niorna saatanä* (4: 120) ‘[мною] в молодости полученная’ → *томён чужтём* (4: 119) ‘молодой рожденная’
- etonä lapsi* (3: 460; 520) ‘[моей] матери ребенок’
 → *мамлысь дона ныв* (3: 453) ‘дорогая дочь матери’
 → *мамлысь быдтантор* (3: 514) ‘воспитаница матери’
- kaunis* (4: 376, 384, 392, 400, 410, 427; 5: 4, 9) ‘красивая’
 → *коньör ныв* (4: 374, 382, 390, 398) ‘бедняга, несчастная девушка’
 → *мича нылук* (4: 425) ‘красивая девонька’
 → *мича ныв* (5: 3) ‘красивая девушка’
 → *мича ань* (5: 8) ‘красивая женщина’
- huita* (3: 567) ‘глупая, неразумная’ (KS: 56; KST: 54) → *йöйюк* (9: 561) ‘глупенькая’
- poloinen* (3: 577) ‘бедная, несчастная’ → *дона ныв* (3: 571) ‘дорогая, любимая дочь’

В переводе не нашли отражение такие наименования, также относящиеся к Айно, как *eräkelpo* (3: 568) ‘негодная, скверная’, *hienohelma* (4: 13) ‘периф. девушка’, букв. ‘красивый, изящный подол’ (KST: 47), *itikijä* (4: 67) ‘плачущая’, *vetistäjä* (4: 68) ‘рыдающая, пускающая слезы’, *vaiivainen* (4: 234) ‘жалкая, несчастная, убогая’.

Ilmarinen – Илмаринен

Постоянные эпитеты:

- serpo* (7: 328, 333; 9: 107, 143, 157, 165, 168, 171, 193, 207, 213, 223, 245, 315; 10: 47, 61, 63, 75, 93, 101, 121, 132, 135, 141, 145, 171, 175, 195, 205, 211, 214, 231, 252, 259, 269, 289, 303, 307, 320, 333, 340, 351, 358, 369, 376, 387, 403, 409, 433, 463, 474, 479, 489, 495, 498, 499, 503; 34: 6, 11, 20, 31; 40: 95, 137, 215; 44: 15, 29) ‘кузнец’
 → *дорччысь* (7: 333; 9: 107, 143, 157, 168, 171, 207, 213, 223, 315; 10: 54, 56, 68, 94, 114, 125, 128, 134, 138, 195, 201, 203, 254, 273, 286, 313, 329, 336, 345, 351, 361, 377, 406, 446, 451, 467, 574; 34: 11, 20, 30; 40: 93, 135, 213; 44: 15) ‘кузнец’
 → *ён вына* (44: 29) ‘очень сильный’
- takoja iän-ikuinen* (9: 194; 10: 94, 232, 260, 308, 410, 464, 490, 500; 44: 30) ‘кователь (кузнец) вековечный’ → *нэмөвöйся ыджыд дорччысь* (9: 194; 10: 87, 219, 290, 383, 436, 462, 471; 44: 30) ‘вековечный великий кузнец’

Также в оригинале и переводе используются следующие наименования для обозначения этого героя эпоса:

takoja alinomainen (9: 246) ‘кователь беспрестанный’ → *нэмөвөйся ыджыд дорччысь* (9: 246) ‘вековечный великий кузнец’
takoja taitavin (10: 206) ‘коваль самый искусный’ → *дорччысь, кодлөн киподтуйыс төдса* (10: 196) ‘кузнец, чье мастерство известно’
taitava takoja (10: 216) ‘искусный коваль’ → *ыджыд сяма, төдса дорччысь* (10: 206) ‘с большим умением, известный кузнец’
takoja (10: 304) ‘коваль’ → *дорччысь* (10: 186) ‘кузнец’
laatija (10: 504) ‘изготовитель’ → *вөчысь* (10: 475) ‘делающий’
 Не нашёл отражения в переводе эпитет *ulen taitava takoja* (7: 334) ‘очень (чрезмерно) искусный коваль’.

Lemminkäinen – Лемминкяйнен

lieto (40: 17, 96, 113, 129, 265, 275) ‘беззаботный, беспечный, легкомысленный, ветреный, непостоянный’ (KS: 191)
 → *небыд съёлём* (40: 17) ‘мягкое сердце’
 → *збодер* (40: 94, 111, 127, 263, 273) ‘бравый, резвый, горячий’
lieto Lemmin poika (40: 105) ‘беспечный сын Лемпи’ → *небыд съёлём Лемпи пиө* (40: 103) ‘мягкое сердце сын Лемпи’
veitikkä verevä (40: 130) ‘проказник, плут, удалец румяный’ → *Алөй бана вильыш зон* (40: 128) ‘резвый, озорной парень с алыми щеками’

Kullervo – Куллерво

Kalervon poika (34: 1, 112, 113, 163, 205) ‘сын Калерво’
 → *Калерволөн дона пиыс* (34: 1) ‘дорогой сын Калерво’
 → *Калерволөн пиыс* (34: 109) ‘сын Калерво’
 → *Калерво пи* (34: 111, 160, 202) ‘сын Калерво’
sinisukka äijön lapsi (34: 2) ‘в синих чулках сын старца’ → *лөз чөрөса* (34: 2) ‘в синих чулках’
hivus keltainen korea (34: 3) ‘волос жёлтый красивый’ → *шабді юрси, лөсьыд зонка* (34: 3) ‘льняные волосы, приятный парень’
kengän kauto kaunokainen (34: 4) ‘красивая верхняя часть обуви’ → *кокас мича кучик кёмкот* (34: 4) ‘на ногах красивая кожаная обувь’
isotoin (34: 43) ‘без отца’ → *батьтөм-мамтөм* (34: 42) ‘без отца-матери’
armotoin (34: 44) ‘беззащитный’ → *коньөр морт* (34: 42) ‘бедный человек, бедняга’
kurjainen (34: 62) ‘бедняга’ → *шудтөм морт, ковтөмтор* (34: 60) ‘несчастный человек, ненужный, негодный’
poika poloinen (34: 191) ‘мальчик бедный’ → *дона пи* (34: 188) ‘дорогой сын’
kurja kullansolki (34: 192) ‘букв. несчастная золотая пряжка’ → *коньөр зарни тугйөй* (34: 189) ‘бедное золотце’, букв. ‘бедная золотая кисточка’

Untamo – Унтамо (И)

sukuni surma (34: 103) '[моего] рода смерть (губитель)' → *батыёс-мамёс*
pöдытьсь-виысь (34: 101) 'отца-матери душитель-убийца'

Louhi – Лоухи

Постоянные эпитеты:

Pohjolan emäntä (7: 169, 191, 203, 219, 267, 289, 303, 339; 10: 185, 201, 217, 251, 473, 483) 'хозяйка Похьёлы'

→ *Похьёла кутысь* (7: 169, 203, 219, 267, 289, 303, 338) 'хозяйка Похьёлы'

→ *Похьёласа пöчö* (7: 191) 'Похьёлская старуха'

→ *Похьёласа пöрысь инька* (10: 175, 191) 'Похьёлская старая свекровь (тёща), инородка'

→ *Похьёласа скөр Лоухи* (10: 207) 'Похьёлская злая Лоухи'

→ *Похьёласа инька* (10: 237, 455) 'Похьёлская свекровь (тёща), инородка'

Pohjan akka harvahammas (7: 170; 10: 186, 218) 'Похьёлы старуха с редкими зубами'

→ *гeжöд пиня пöрысь пöчö* (7: 170) 'с редкими зубами старая старуха'

→ *киссьöм пиня скөр Лоухи* (10: 176) 'с разрушенными, рассыпавшимися зубами злая Лоухи'

→ *киссьöм пиня пöрысь пöчö* (10: 208) 'с разрушенными, рассыпавшимися зубами старая старуха'

Pohjan akka (10: 423) 'Похьёлы старуха' → *Похьёласа инька* (10: 496) 'Похьёлская свекровь (тёща), инородка'

Joukahainen – Йоукахайнен (Ёукахайнен)

Постоянные эпитеты:

nouri (3: 21, 51, 91, 109, 111, 118, 121, 147, 189, 215, 255, 271, 301, 331, 341, 359, 373, 375, 389, 391, 405, 407, 423, 425, 441, 443, 449, 477, 499, 511; 6: 23, 95, 105, 129, 195) 'молодой'

→ *том* (3: 51, 91, 108, 110, 117, 120, 146, 186, 212, 250, 266, 327, 337, 355, 371, 387, 402, 419, 437, 443, 471, 493, 505; 6: 92, 102, 126, 186) 'молодой'

→ *том зон* (3: 110) 'молодой парень'

→ *томиник* (6: 20) 'молоденький'

laiha poika lappalainen (3: 22, 6: 24, 96) 'тощий, худой парень лапландский'

→ *омöль статья лопар зонка* (3: 22) 'с дурной фигурой (с дурным норовом, дурными привычками) лапландский мальчик'

→ *этисö тöдтöм лопар зонка* (6: 21, 93) 'не знающий силы, мочи (высокомерный, тщеславный; неумелый, не способный) лапландский мальчик'

Коми эквивалент данного эпитета благодаря многозначности лексем *стать* 'склад фигуры, статья; привычки повадки, замашки; нрав, поведе-

ние' и *эти* 'сила, мочь; характер, норы, правила приличия, поведения; умение, мастерство, способность' (КРК: 612, 772) характеризует Ёукахайнена как с внешней, так и с внутренней стороны.

Другие эпитеты (характеристики со стороны Вяйнямёйна):

hurja (3: 366) 'яростный, бешенный, ничем не дорожащий' → *зывёк морт*

(3: 362) 'противный, отвратительный, презренный человек'

herjä (3: 435) 'негодяй, мерзавец' → *неморт* (3: 429) 'негодяй, нелюдь, не человек'

kehno raukka (3: 270) 'дурной бедняга, трус' → *омоль, польсы, мустом морт* (3: 265) 'плохой, трусливый, противный человек'

kurja (3: 417) 'жалкий, убогий, призренный, подлый' → *лэк морт* (3: 412) 'плохой человек'

Обращения со стороны матери:

poikueni (3: 507, 528) '[мой] сынок' → (*менам*) *дона тук* (3: 501, 522) '(мой) дорогой сынок'

niorna saatanani (3: 508) '[мною] в молодости полученный' → *югыд сисёй* (3: 502) 'мой ненаглядный', букв. 'моя яркая свеча'

В переводе отсутствует прилагательное *katala* (3: 367) 'подлый, гнусный; жалкий, несчастный'.

Untamo – Унтамо (II)

maan venyjä (5: 18, 22) 'лежащий под землей, покойник' (KS: 478), 'букв. на землю растянувшийся' → *унзиль ру* (5: 17, 21) 'сонный пар, туман'

Jumala – Ен (ен)

armoluojä (7: 282) 'милостивый бог' (KS: 23) букв. 'создатель милости' → *бурлун вёчысь* (7: 282) 'создатель добра (делающий добро)'

kaikkivalta (9: 510) 'всемогущий' → *помтём вынйёра* (9: 510) 'безгранично могущественный'

kaunoinen (9: 543) 'прекрасный' → *бур сетысь* (9: 542) 'добро дающий'

sula (7: 281) 'ласковый, милосердный, милостивый' → *бур сёлёма* (7: 281) 'с добрым сердцем, отзывчивый'

Luoja (9: 508, 516, 539, 540, 572, 584) 'Создатель, Творец' → *вёчысь* (9: 508, 516, 538, 539, 571, 583) 'создатель'

vakainen Luoja (9: 544) 'непоколебимый Творец' → *енкюласё вёчысь* (9: 543) 'создатель мира, вселенной'

Luoja kaikkivalta (9: 570) 'Творец всемогущий' → *вынйёра вёчысь* (9: 569) 'могущественный создатель'

Один раз в переводе обозначение *Luoja* опускается (8: 277)

Ukko – Укко

ylijumala (1: 169; 2: 317, 331) 'верховный бог' → *ыджыд ен* (1: a1656166; 2: 315, 328) 'великий бог'

- ilman kaiken kannattaja* (1: 170) ‘опора (основание, хранитель) всего воздуха (небосвода)’ → *ставнас енэжсö те кутан* (1: a166b167) ‘все небо ты держишь’
- ylinen luoja* (9: 33, 403) ‘верховный творец’
→ *став енкöла вöчысь* ‘всего мира создатель’ (9: 33)
→ *ставсö вöчысь* ‘создатель всего’ (9: 403)
- itse ilmojen jumala* (9: 34) ‘самих небес бог’ → *енъяс пиысь медся ыджыд* (9: 34) ‘среди богов самый великий’
- ilmainen jumala* (9: 39) ‘небесный бог’ → *сынöд кутысь ен* (9: 40) ‘управляющий воздухом бог’
- taatto taivahinen* (2: 318; 9: 397) ‘батюшка небесный’
→ *енэжас тэ медся вына* (2: 316) ‘на небе ты самый сильный’
→ *енэжын олысь пöльö* (9: 397) ‘на небе живущий старец’
- pilven-päällinen jumala* (9: 398) ‘на тучах живущий (небесный) бог’ → *кымöрьяс вылын медыджыд* (9: 398) ‘на тучах самый великий’
- taivahan jumala* (40: 78) ‘небес бог’ → *енъясысь медыджыд* (40: 76) ‘самый великий из богов’
- taivahallinen jumala* (9: 404) ‘небесный бог’ → *енэж кутысь, ыджыд Ен* (9: 404) ‘хозяин небес, великий Бог’
- vallan pilvissä pitäjä* (2: 319) ‘владелец власти в облаках’ → *тэнад кыин гыма кымөр* (2: 317) ‘в твоих руках грозовая туча’
- hattarojen hallitsija* (2: 320) ‘облаков повелитель’ → *му вылö тэ ыстан бушков* (2: 318) ‘на землю ты присылаешь бурю’
- taatto taivon valtiainen* (2: 332) ‘батюшка неба повелитель’ → *енэжын код медся вына* (2: 329) ‘на небе кто самый сильный’

Илматар – Илматар

- ilman tyttö* (1: 111) ‘дева воздуха (неба), дочь воздуха (неба)’ → *сынöдлөн и рулөн нывка* (1: аб110) ‘дочь воздуха и тумана’
- Ilman impi* (1: 162, 196, 218, 250) ‘дева воздуха (неба)’
→ *сынöд ныв* (1: a158b159) ‘воздушная девица, дочь’
→ *сынöд нывка* (1: a190b191, a211b212, a239b245) ‘воздушная девочка, девчонка’
- kave kantaja* (1: 109, 343) ‘прекрасная родительница (матушка)’
→ *нывбаба* (1: аб108) ‘женщина’
→ *мам* (1: a331) ‘мать’
- kave luonnotar korea* (1: 112) ‘прекрасная (Каве) дева природы красивая’ → *енэжы вылын быдмöm ань* (1: аб111) ‘на небе выросшая женщина’
- Kave äiti, kantajani, / luonnotar, ylentäjäni!* (2: 103–104) ‘Каве * мать (прекрасная мать), родительница моя / дева природы,

* *Kave*: ‘женщина, дева, мать, колдунья, дева-дух; в качестве прилагательного: прекрасная, почтенная’ (KS: 113; KST: 113). Значение слова в народной эпической традиции не вполне устоялось. Может восприниматься и как имя собственное, и как мифологическое существо, обычно женской ипостаси. В «Калевале» означает женщину

воспитательница моя!' → *Каве мамö, менö чужтысь, / Миян вөр-ва удтысь-вердысь* (2: 102–103) 'мать моя Каве, меня родившая, / Нашей природы кормилица'
veen eto (1: 143, 164) 'мать воды'
 → *валы мам* (1: a1606161) 'мать воды'
 → *валён мам* (1: a6141) 'мать воды'
veen etonen (1: 195, 196, 203, 217, 218, 249, 250) 'мать воды'
 → *валён мам(ыс)* (1: a1896190, a1986199, a2386244, a2396245) 'мать воды'
 → *Илматар* (1a1906191)
 → *ва мамыс* (1: a2116212) 'мать воды'
eto (5: 212, 220, 222) 'мать' → *мам* (5: 206, 214, 216) 'мать'
vanhempri (5: 213) 'родительница' → *чужтысь* (5: 207) 'родившая, родительница'

Ahto – Ахто

aaltojen kuningas (41: 133) 'король волн' → *гыяс вылын ыджыд* (41: 129) 'на волнах большой (великий), хозяин, повелитель'
ve'en ukko ruohoparta (41: 134) 'воды старик с дерновой бородой' → *эжөр тошка васа сарыс* (41: 130) 'с бородой из осоки водный царь'

Kuutar – Тöлысь-нывка (Тöлысь ныв), Päivätar – Шонди-нывка (Шонди ныв)

ilman luonnottaret (41: 95) 'воздушные девы природы' → *ывлывывса аньяс* (41: 93) 'женщины природы'
ilman imruet ihanat (41: 96) 'воздуха девы дивные' → *кельыд энэжывывса нывъяс* (41: 94) 'светлого неба (светлые небесные) девушки'
 Дева Месяц: *korea impi* (41: 103) 'нарядная, хорошенькая дева' → *зэв мича ичмонь* (41: 101) 'очень красивая молодуха'
 Дева Солнце: *pätevä* (41: 104) 'способная, талантливая умелая' (KS: 310) → *пыдди пуктан* (41: 102) 'уважаемая'

Melatar – Мелатар

mielivaimo (40: 71) 'доброжелательная, благосклонная, ласковая женщина' (KS: 226; KST: 210) → *мывкыд ань* (40: 69) 'умая, разумная, толковая, благоразумная женщина'

Таким образом, система антропонимов, постоянных эпитетов и других обозначений героев эпоса в переводе соответствует оригиналу. В коми тексте наблюдается тенденция к большему варьированию, разнообразию. При передаче отдельных элементов часто встречаются развёртывания и разнообразные вставки, дополнения. Данное явление, на наш взгляд,

(девушку), мать, родительницу, родоначальницу, может применяться как некий величальный эпитет, означающий принадлежность к самой Природе (Калевала 1998: 577).

можно отнести к приёму компенсации. Делая эпитеты и другие обозначения героев «Калевалы» более разнообразными и яркими, автор перевода как бы пытается компенсировать другие потери, произошедшие в процессе переложения эпоса на коми язык (напр., утрата некоторых особенностей формы и языкового своеобразия).

3.3.2.2. Зоонимы

Из зоонимов в тексте оригинала упоминаются клички коров *Muurikki* (1: 63) и *Kimmo* (1: 64). Для их перевода использованы названия *Сьёдань* (1: аб62) и *Серук* (1: аб63).

Сьёдань: сс. лл. ‘Чернуха – кличка чёрной коровы’ < к. *сьёд* ‘чёрный’ + суффикс, указывающий на принадлежность к женскому роду, *-ань* (ССКЗД: 355; ЛЛД: 227; КПН: 51; КРК: 624).

Серук: вым. ‘Пеструха – кличка пёстрой коровы’ < к. *сер* ‘узор, пестрина, рябина, орнамент’ + уменьшительно-ласкательный суффикс *-ук* (ССКЗД: 332; ВД: 376; КПН: 51).

На выбор именно этих соответствий, возможно, повлияли эпитеты, употребляемые в тексте оригинала: *musta* ‘чёрный, темный’ и *kirjava* ‘пёстрый’: *musta Muurikki*, *Kimmo kirjava*. В переводе эти определения опущены. К тому же, существует название масти лошади *kimo*: ‘чалая лошадь’ (ФРС: 231), ‘(лошадь) в две, три масти, рыже-чалая лошадь с проседью’ (SKES I: 195), ‘лошадь, в черном, коричневом, или сером шёрстном покрове которой есть также и белая масть’ (SKS: 244; SKP I: 483), которое, по всей видимости, в какой-то мере связано с кличкой коровы *Kimmo*.

К зоонимам (кличкам), наш взгляд, можно отнести и иносказательные обозначения зайца:

pitkäkorva (4: 406) ‘долгоухий, букв. длинное ухо’ (KS: 289; KST: 255)

vääräsääri (4: 407) ‘кривоногий, букв. кривая нога’ (KS: 506; KST: 400)

ristisuu (4: 408) ‘рот крестом, букв. крест + рот’ (KS: 329; KST: 282)

kiero (4: 415) ‘косой’ (KS: 121; KST: 12)

paltasilmä (4: 416) ‘с глазами на выкат, пучеглазый, букв. стенная полка + глаз’ (KS: 271; KST: 241)

kehräsilmä (4: 422) ‘глаза диском, букв. колесо веретена + глаз’ (KS: 114; KST: 114)

В переводе им соответствуют:

кузь пеля (4: 404) ‘долгоухий’

табья кока (4: 405) ‘с искообразными ногами’

пöла вома (4: 406) ‘криворотый’

тамыш синма (4: 413) ‘косоглазый’

гöгрöс синма (4: 414, 420) ‘с круглыми глазами’

Также сюда можно отнести и обозначение лошади, коня *virkkku* (3: 75, 77; 10: 7, 9) ‘резвый, быстрый, бойкий’ (KS: 495; KST: 389), которое в переводе два раз опускается (3: 75; 10: 6), по одному разу передается как

збодьёр сёкыр (3: 77) ‘бравый, резвый мерин’ и *збой вёв* (10: 8) ‘бойкий, боевой, удалой (-ая) конь, лошадь’.

Во всех случаях передачи метафорических наименований зайца и лошади в переводе наблюдается прием развёртывания, т.е. оригинальное наименование, представляющее собой одно слово (сложное) передается с помощью словосочетаний.

В переводе 3-й руны появляется кличка лошади, которой нет в оригинале: *Лысань* (3: 305) ‘кличка лошади (собаки, коровы) с белой полосой, пятном или лысиной на лбу’ (КРК: 370; ССКЗД: 208) < к. *лысны* ‘облысеть; плешиветь; облезть’ + суффикс *-ань* (КПН: 63). Данный зооним используется в переводе таким образом, что в него трансформируется прилагательное *laukkipää* (3: 309) ‘с белым пятном на голове, с пятнистым лбом’ (KS: 181; KST: 168).

3.3.2.3. Топонимы

В соответствующем переводе тексте «Калевалы» на финском языке нами выявлено 28 топонимов: *Ahtola, Hornan kallio, Hälläpyörä, Häme, Imatra, Joukola, Kaatrakoski, Kalevala, Karjala, Kipurmäki, Kivivuori, Lappi, Luotola, Manala, Metsola, Osmola, Pimentola, Pisan mäki, Pohja, Pohjola, Sariola, Suomi, Suvantola, Tapiola, Tuonela, Turjä, Vuoksi, Väinöla*.

В переводе им соответствуют: *Ахто котыр, Хорна, Хялляпюöra, Хяме, Иматра, Ёукола, Катракоски, Калевала, Каръяла Дой дугöдан керöс, Дой бырöдан мыльк, Лопар му, Луотола, Манала, Метсола, Осмола, Пиментола, Пуса, Войвыв / Похёла, Похёла, Сариола, Суоми, Сувантола, Тапиола, Туонела, Туръя, Вуокси, Вяйнöла*.

Данные топонимы называют как места обитания героев эпоса и действия сюжета, так и местность, относящуюся к мифологии. Обозначения первой группы связаны с главным героем эпоса Вяйнямейненом и его соратниками (*Kalevala* – Калевала, *Väinöla* – Вяйнöла, *Osmola* – Осмола, *Suvantola* – Сувантола, *Suomi* – Суоми), указывают на места обитания их противников (*Pohjola* – Похёла, *Pimentola* – Пиментола, *Sariola* – Сариола, *Pohja* – Войвыв / Похёла, *Lappi* – Лопар му, *Turjä* – Туръя, *Joukola* – Ёукола, *Luotola* – Луотола), а также называют упоминаемые в эпосе, часто реально существующие объекты (*Häme* – Хяме, *Karjala* – Каръяла, *Pisan mäki* – Пуса, *Hornan kallio* – Хорна, *Hälläpyörä* – Хялляпюöra, *Kaatrakoski* – Катракоски, *Vuoksi* – Вуокси, *Imatra* – Иматра).

Группа топонимов мифологического содержания: *Manala* – Манала, *Tuonela* – Туонела, *Metsola* – Метсола, *Tapiola* – Тапиола, *Ahtola* – Ахто котыр, *Kipurmäki* – Дой дугöдан керöс, *Kivivuori* – Дой бырöдан мыльк.

Kalevala → Калевала

(1: ф/к аб36; 3: ф/к4, ф/к28, ф/к84, ф/к90; 5: ф153/к147; 6: ф16/13, ф202/к193, ф234/к224; 7: ф/к216; 8: ф/к50; 10: ф19/к15, ф30/к26)

Одно из двух основных названий мест, где происходит действие сюжета «Калевалы». Место обитания Вяйнямёйнена, Илмаринена, Лемминкяйнена (KS: 94).

В народной поэзии топоним Калевала встречается редко, всего лишь в одной балладе, в нескольких заклинаниях и свадебных песнях, в которых он обозначает дом (усадебу) или деревню. Не найдя другого эквивалента данному наименованию, Э. Лённрот превратил его в обобщающее наименование для Вяйнолы, Суомелы, Пяйволы, Луотолы и др. названий мест. Таким образом, данный топоним обрёл центральное место в эпосе.

Топоним Калевала стал названием эпоса после долгих исканий. Другими вариантами названия были «Похьёла», «Вяйнола», «О Вяйнямёйнене». Однако, считая, что все главные герои эпоса принадлежат к роду Калева, Э. Лённрот в качестве названия эпоса в итоге выбрал топоним Калевала, имеющий в своём составе суффикс места *-la*, и могущий иметь значение ‘страна Калева’ (KST: 90; Калевала 1998: 577–578).

В переводе А. И. Туркин даёт в сноске следующее пояснение: *Калевала – Калевалалён му* (руна 10) ‘Калевала – земля Калевалы’.

Väinölä → Вяйнöла

(3: ф/к3, ф/к27, ф/к39, ф/к43, ф/к83, ф/к89; 5: 152/к146; 6: ф15/к12, ф201/к192; 7: ф/к215; 8: ф/к49; 10: ф29/к25)

Место жительства Вяйнямёйнена. Параллельное название Калевалы. Название происходит от уменьшительной формы имени Вяйнямёйнена *Väinö* (Вяйно). В народной поэзии Вяйнола не связана с Калевалой, их соединение – результат творчества Э.Лённрота (KS:502; KST: 397).

Пояснение-сноска в переводе: *Вяйнöла – Вяйнямöйненлөн му* (руна 3, 10) ‘Вяйнола – земля Вяйнямёйнена’.

Suvantola → Сувантола

(6: ф233/к223)

Параллельное наименование Вяйнолы. Название создано Э. Лённротом из одного из параллельных имен Вяйнямёйнена – Сувантолайнен (KS: 388; KST: 318).

Osmola → Осмола

(7: ф98/к99)

Параллельное название Калевалы. Место жительства Осмо. Объединение двух названий – результат работы Э. Лённрота, в народной традиции они относятся к разным местам (KS: 259; KST: 234; Калевала 1998: 579).

Пояснение в переводе: *Осмо – Калевалалён мёд ним* (руна 10) ‘Осмо – второе название Калевалы’.

Pohjola → Похьёла

(2: ф205/к204; 6: ф/к4, ф91/к88; 7: ф61/к62, ф/к169, ф/к191, ф/к203, ф/к219, ф/к231, ф/к267, ф/к289, ф/к303, ф339/к338, ф/к367; 8: ф/к19;

10: ф51/к44, ф71/к64, ф83/к76, ф104/к97, ф109/к102, ф168/к158, ф173/к163, ф181/к171, ф185/к175, ф201/к191, ф209/к199, ф217/к207, ф251/к237, ф253/к239, ф425/к398, ф471/к443, ф473/к445, ф483/к455;
40: ф289/к287, ф292/к290, ф293/к291, ф295/к293, ф303/к301)

→ *Войвыв*

(3: ф/к20)

Название враждебной жителям Калевалы страны, которая находится на севере и из которой приходят болезни и беды. Место обитания племени управляемого Лоухи – хозяйкой Похьёлы. Место, где создается сампо и откуда оно похищается. В этой стране живут красивые девушки, поэтому жители Калевалы отправляются туда свататься или похищать для себя женщин. Из-за этого между Калевалой и Похьёлой, несмотря на их вражду, существуют родственные отношения. Это единство враждебности и родственности постоянно сохраняется в народной поэзии. В «Калевале», однако, это противостояние обостряется, что в конечном итоге приводит к победе одной из сторон.

Данное наименование имеет также значение ‘север, Север’, что указывает на то, что место, обозначаемое данным топонимом, находится северней Калевалы. Сам Э. Лённрот вначале считал, что под Похьёлой в рунах подразумевают Лапландию, а позже, что это обозначение древнепермской страны Биармии. С Лапландией и Биармией Похьёлу связывали и другие исследователи. Некоторые размещали её на северном побережье Ладоги, другие – на западном – северо-западном побережье Белого моря или в финских провинциях Готланд, южная Похьянмаа (Эстерботния) и т.п. Согласно трактовке Э. Н. Сетяля, Похьёла – страна Полярной звезды, т.е. место, находящееся в космосе (при этом сампо – мировой столб, его крышка – звёздное небо). Также многие исследователи отмечают большое количество общих черт в народных представлениях о Похьёле и Туонеле (Манале) – потустороннем мире, царстве умерших.

Образ Похьёлы, хотя и основывается в своих главных чертах на народной поэзии, в результате работы Э. Лённрота получил много дополнительных особенностей. Он впитал в себя черты таких мест, как Хиитола, Пяйвола, Пиментола, Сариола, Луотола, Вуойела, Вуотола и др. (KS: 292; KST: 258–259; KL: 109–110; Siikala 1986: 82–88; Калевала 1998: 580)

Пояснение в переводе: *Похьёла – войвывса му* (руна 2, 10, 40) ‘Похьёла – северная земля’.

Rohja → *Войвыв*

(1: ф/к аб20, ф/ аб35; 2: ф206/к205; 10: ф87/к80)

→ *Похьёла*

(5: ф230/к224, ф237/к231; 7: ф/к133; 8: ф/к1; 10: ф235/к222, ф298/к282, ф423/к396, ф439/к412)

Похъёла; название мест находящихся на севере, северное место, северное направление. Данное наименование часто употребляется как синоним Похъёлы. Слово имеет также значения ‘север, дно, задняя часть’ (KS: 291; KST: 256).

Pimentola → *Пиментола*

(6: ф92/к89)

Параллельное название Похъёлы (Похьи); тёмное место; < *pimeä* ‘тёмный, мрачный, темень, темнота, мрак’ (KS: 286; KST: 252).

Царство тьмы (ФРС: 466).

Sariola → *Сариола*

(7: ф/к114, ф/к368; 8: к/ф20; 10: ф52/к45, ф72/к65, ф110/к103, ф174/к164, ф182/к172, ф254/к240, ф472/к444; 40: ф294/к292)

Параллельное название Похъёлы. Происходит от слов *saraja*, *sarajas*, которые согласно разным трактовкам могли означать ‘море, открытое море, мировой океан’, ‘Иерусалим’, ‘сарай’ (KS: 346; KST: 296).

Пояснение в переводе: *Сариола* – *Похъёлалён мёд ним* (руна 10, 40) ‘Сариола – второе название Похъёлы’.

Suomi → *Суоми*

(40: ф323/к321; 41: ф78/к75)

Название всей территории финских племен (Финляндия) либо юго-западной её части (Варсинайс-Суоми). Первое (название всей страны) встречается в основном в отрывках эпоса, созданных самим Э. Лённротом (KS: 381; KST: 316).

Пояснение в переводе: *Суоми* – *Финляндия, финн му* (руна 40, 41) ‘Суоми – Финляндия, финская земля’.

Lappi → *Лопар му*

(5: ф 157/к151, ф235/к229; 7: ф43/к44; 10: ф73/к66; 34: ф135/к133)

Обширная земля на севере. Эпический топоним, соотносимый с топонимом Лапландия – самая северная провинция Финляндии, заселенная саамами. Однако в народной поэзии он означает территорию, расположенную по соседству, обычно севернее своей территории. Эта территория по финским поверьям является местом более могущественных знаний и умений, поэтому считалось, что там можно обучиться искусству заклятий. Данное представление привело к использованию топонима *Lappi* как синонима Похъёлы. Также это обозначение встречается как параллельное обозначение места обитания Ёукахайнена, т.е. Ёуколы (KS: 177; KST: 166; Калевала 1998: 579).

Лапландия, Лаппи (ФРС: 795).

Лопар му ‘Лапландская земля’.

Turjä → *Турья*

(9: ф/к378)

Параллельное название Лаппи (KS: 435, 441; KST: 349–350).

- Joukola* → Ёукола
(5: ф156/к150; 7: ф68/к69)
Дом (усадыба) Ёуко – отца Ёукахайнена (KS: 78).
- Luotola* → Луотола
(7: ф67/к68)
Место, находящееся на скалистом островке или группе таких островов; < *luoto* ‘подводная скала, риф, скалистый островок’. Название местности, где Ёукахайнен подстрелил лошадь под едущим в Похьёлу Вяйнямёйненом. В народной поэзии является параллельным обозначением Похьёлы и Пяйволы (KS: 202; KST: 191; Калевала 1998: 579).
- Häme* → Хяме
(3: ф179/к176)
Название финской провинции (KST: 58).
Пояснение в переводе: *Хяме – провинция ним* (руна 3) ‘Хяме – название провинции’.
- Karjala* → Каръяла
(3: ф180/к177)
Название местности. Место проживания карел (KS: 103; KST: 103).
Пояснение в переводе: *Каръяла – Карелия* (руна 3).
- Hornan kallio* → Хорна кырта
(3: ф172/к169, ф174/171)
Название местности, горы. В качестве нарицательного слова *horna* имеет значение ‘место обитания злых духов, ад, злой дух, чёрт’. Первоначальное значение слова было ‘состояние транса шамана, колдуна’, затем оно развилось в ‘потусторонний мир’, ‘плохое место’ (KST: 53).
Хорна кырта ‘скала, утес Хорна’
Пояснение в переводе: *Хорна – кырта ним* (руна 3) ‘Хорна – название скалы’.
- Hälläpyöriä* → Хялляпюоря
(3: ф179/к176)
Название местности, порога, водопада (KS: 62; KST: 58).
Пояснение в переводе: *Хялляпюоря – ты ним* (руна 3) ‘Хялляпюоря – название озера’.
- Kaatrakoski* → Катракоски
(3: ф180/к177)
Название порога, водопада (KS: 87).
Пояснение в переводе: *Катракоски – коськ ним* (руна 3) ‘Катракоски – название порога’.
- Pisan mäki* → Писа
(3: ф171/к168, ф173/к170)
Название местности, горы. В качестве нарицательного слова *pisa* имеет значение ‘злой дух’, в саамском языке соответствующее слово имеет значение ‘святой’ (KST: 255).

Пояснение в переводе: *Писа – гӧра ним* (руна 3) ‘Писа – название горы’.

Vuoksi → *Вуокси*

(3: ф181/к178)

Река, текущая из озера Саимаа в Ладогу (KST: 393), название порога, водопада (KS: 499).

Пояснение в переводе: *Вуокси – ю ним (рочӧн Вуокса)* (руна 3) ‘Вуокси – название реки (по-русски Вуокса)’.

Imatra → *Иматра*

(3: ф182/к179)

Название водопада (KS: 69).

Пояснение в переводе: *Иматра – коськ ним* (руна 3) ‘Иматра – название порога’.

Tapiola → *Тапиола*

(41: ф57/к55, ф64/к62)

Место обитания хозяина леса Тапио. Параллельное название Метсола. Тапио – главный хозяин, властитель леса, от которого зависит охотничья удача. Для его задабривания приносили в жертву зерна ржи, муку, пиво или вино (KS: 404–405; KST: 329–330; Калевала 1998: 581).

Пояснение в переводе: *Тапиола – Тапио му, Тапио вӧр* (руна 41) ‘Тапиола – земля Тапио, лес Тапио’.

Metsola → *Метсола*

(41: ф58/к56)

Лес, место обитания хозяина леса Тапио. Параллельное наименование к Тапиола. *Metsola* < ф. *metsä* ‘лес’ (KS: 223; KST: 208; Калевала 1998: 579).

Лесное царство (ФРС: 373)

Пояснение в переводе: *Метсола – Тапиолалӧн мӧд ним, вӧр царство* (руна 41) ‘Метсола – второе название Тапиолы, лесное царство’.

Ahtola → *Ахто котыр*

(5: ф19/к18, ф23/к22, ф29/к28)

Место обитания хозяина вод Ахто и его семьи (KS: 11; KST: 13).

Царство водяного (ФРС: 22).

Ахто котыр ‘семья, семейство Ахто’

Manala (Mana) → *Манала*

(4: ф283/к281, 6: ф127/к124, ф173/к168)

Мир мёртвых, место пребывания умерших. К. Крон объяснял происхождение данного наименования сокращением выражения *таан ала* ‘(место) под землей’ и линией развития значения ‘могила отдельного умершего’ → ‘кладбище как общее место жительства умерших’ → ‘мир умерших, загробный мир’. По другим трактовкам данное наименование произошло от слова *tana* ‘смерть’, т.е. *Manala* ‘место, страна смерти’ (KS: 217; KST: 202).

Царство мёртвых, тот свет (ФРС: 362).

Пояснение в переводе: *Манала – муувса югыд, кулӧмаяслӧн оланін* (руна 4) ‘Манала – подземный мир, место обитания умерших’.

Tuonela → *Туонела*

(4: ф/к282/к282; 6: ф/к128/к125; 9: ф/к379)

Мир мёртвых, место пребывания умерших; < *Tuoni* ‘смерть, Смерть (персонифицированное существо, хозяин потустороннего мира)’ (KS: 432–433; 346–347).

Царство умерших, потусторонний мир (ФРС: 661)

Пояснение в переводе: *Туонела – Туони му, муувса югыд, сідзжӧ кулӧмаяслӧн оланін. Важӧн кулӧма шойнаяг вежӧртас.* (руна 4) ‘Туонела – земля Туони, подземный мир, также место обитания умерших. Раньше имело значение кладбищенский бор’.

Kiritäki → *Дой дугӧдан керӧс*

(9: ф/к525)

Место, гора, куда заклинаниями прогоняют боль (KS: 123; KST: 122).

Kiritäki ‘букв. боль + гора, холм’

Дой дугӧдан керӧс ‘Боль прекращающая возвышенность, гора’

Kirivuori → *Дой бырӧдан мыльк*

(9: ф/к526)

То же, что и предыдущий топоним (KS: 124; KST: 123).

Kirivuori ‘букв. боль + гора’

Дой бырӧдан мыльк ‘Боль уничтожающий холм’

Постоянные эпитеты Похьёлы / Сариолы *pimeä* ‘тёмный, мрачный’ и *summa* ‘тёмный, мрачный, туманный, мглистый, сумрачный, сумеречный’ переданы как *пемыд, кӧдзыд* ‘тёмный, холодный’ (варианты: *кӧдзыд, пемыд* ‘холодный, тёмный’, *кӧдзыд руа* ‘с холодным туманом’, *пемыд* ‘тёмный’, *руа* ‘туманный’) в первом случае и как *руа, уль* ‘туманный, сырой’ (варианты: *пемыд, уль* ‘тёмный, сырой’, *уль* ‘сырой’) во втором:

Vaka vanha Väinämöinen

ajoa karittelevi

pimeästä Pohjolasta,

summasta Sariolasta. (8: 17–20)

Старый верный Вяйнямёйнен

Едет шумит

Из тёмной (мрачной) Похьёлы,

Сумрачной (туманной, мрачной) Сариолы.

Pöryсь авъя Вяйнямӧйнен

Вӧр туй кузя ӧдӧд мунӧ

Кӧдзыд, пемыд Похьёлаысь,

Руа, уль Сариолаысь. (8: 17–20)

Старый толковый Вяйнямёйнен

По лесной дороге быстро едет

Из холодной, тёмной Похьёлы,

Туманной, сырой Сариолы.

По нашим подсчётам, в оригинале исследуемых четырнадцати рунах «Калевалы» вышеперечисленные 28 разных топонимов употребляются 130 раз. Чаще всего встречается обозначение *Pohjola* и параллельные ей наименования *Pohja*, *Pimentola* и *Sariola*: 39, 16, 2 и 11 раз соответственно (всего все вместе 68 раз). Названия места обитания Вяйнямёйнена (*Kalevala*, *Väjnölä*, *Suvantola*, *Osmola*) встречаются в тексте оригинала 27

раз (13, 12, 1 и 1 раз соответственно). Остальные топонимы употребляются от 1 до 5 раз.

В свою очередь, в тексте перевода топонимы встречаются 125 раз. Четыре раза опущен топоним *Pohja* и один раз *Pimentola*, в остальных случаях перевод соответствует оригиналу.

подавляющее большинство топонимов в переводе даны с помощью транскрипции (24 из 28, т.е. 86%). 4 названия (14%) представляют собой результат описательного перевода, сделанного путём трансформации развёртывания значения и частичного калькирования: *Lappi* → *Лопар му* 'земля лопарей (лапландская земля)', *Ahtola* → *Ахто котыр* 'семейство Ахто', *Kipimäki* 'букв. боль + гора, холм' → *Дой дугддан керос* 'Боль прекращающая возвышенность, гора', *Kipivuori* 'букв. боль + гора' → *Дой быррдан мьльк* 'Боль уничтожающий холм'.

Топонимы *Pohjola*, *Pohja* в некоторых случаях наряду с транскрипцией переведены как *Войвыв* 'Север', что соответствует одному из словарных значений этого слова: 'север, Север'.

Отсутствует последовательность и при передаче топонимов, содержащих в своём составе такие компоненты, указывающие на род называемого объекта, как *mäki* 'гора', *kallio* 'скала', *koski* 'порог, водопад'. Например, топоним *Hornan kallio* (букв. 'скала Хорна') передаётся таким образом, что первая часть его транскрибируется, а вторая переводится: *Хорна кьрта* (букв. 'скала, утес Хорна'), в названии *Pisan mäki* (букв. 'Гора Писа') второй компонент опускается и в переводе остаётся только транскрибированное *Пуса*. Аналогичный им по структуре *Kaatrakoski* ('букв. порог, водопад Каатра') полностью транскрибируется: *Кат-ракоски*. На разницу в способе перевода, видимо, повлияло раздельное / слитное написание данных топонимов.

18 топонимов из 28 в переводе имеют сноски с пояснениями. Никак не поясняются такие наименования, как *Suvantola* / *Сувантола*, *Pimentola* / *Пиментола* (хотя в переводе имеется сноска с пояснением для синонимичных топонимов Похьёла и Сариола), *Turjä* / *Турья*, *Joukola* / *Ёукола*, *Luotola* / *Луотола*.

Что касается использования транслитерации и транскрипции для передачи в переводе имён собственных и реалий, следует отметить, что, транскрибируя и транслитерируя многие имена собственные, а также некоторые реалии, автор коми перевода во многом следует русской традиции передачи их звучания, либо же просто заимствует их форму из русского перевода «Калевалы». Так, им не были использованы возможности коми правописания для обозначения твёрдости предшествующего согласного путём употребления бука *i* и *э*. Согласно коми орфографии истинное звучание таких имён собственных как *Kalevala*, *Lemminkäinen*, *Vuoksi* и др. и реалии *kantele* передают формы *Калэвала*, *Лэмминкяйнэн*, *Вуокси*, *кантэлэ*, а не традиционные русские *Калевала*, *Лемминкяйнен*, *Вуокси*, *кантеле*.

3.4. Стилистика оригинала и её отображение в переводе

3.4.1. Языковое своеобразие

При составлении «Калевалы» Э. Лённрот использовал варианты эпических рун, записанные им самим и некоторыми другими исследователями среди карел, ижор и финнов в различных частях Карелии и Петербургской губернии – на территориях, растянувшихся на очень большом расстоянии с юга на север по обеим сторонам тогдашней границы между Россией и Финляндией. Языки родственных прибалтийско-финских народов, среди которых велась запись эпических произведений, являлись довольно близкими, но имелось и очень много различий. В процессе соединения различных вариантов рун в единое целое происходила унификация, обобщение языка создаваемого эпоса. Язык «Калевалы», таким образом, содержит элементы многодиалектности и многоязычия. Это касается главным образом словарного состава эпоса. Сохраняя в себе особенности исходных вариантов рун, язык «Калевалы» в тоже время отрывается от местных диалектов, поднимается над ними, становится особым, объединяющим наречия языком (Хямяляйнен 1950: 152–153).

Многоязычие (многодиалектность) языка эпоса особенно заметно в одном из основных стилистических приёмов «Калевалы» – в параллелизмах. Среди них много таких, в которых изложенная в первой части параллелизма мысль повторяется во второй средствами других говоров, диалектов и языков. Например, с помощью севернокарельских диалектов изложенная мысль повторяется южнокарельскими словами, южнокарельских – финскими и русскими и т.п. Таким образом, в тексте эпоса употребляются не только финская лексика, но и слова различных диалектов и говоров карельского и вепсского языков, а также слова заимствования из русского языка. Так, например, слова *neiti*, *impi*, *tyttö* ‘девушка’ взяты из разных диалектов карельского и финского языков. Слова *piika* ‘работница, батрачка’, *renki* ‘работник, батрак’, *porstua* ‘сени’, *oro*, *ori* ‘жеребец’, *tuppi* ‘ножны’, *paljon* ‘много’ – финские. В параллелизмах в качестве синонимов к ним употребляются соответственно карельские *käskyläinen*, *kasakka* (< рус. казак), *sintsi* (< рус. сени), *iveh* (*upehe-*), *huotra*, *äijä*. *Vemmel* ‘дуга’, *kärki* (*kärgi*) ‘остриё, острый конец’, *tuhka* ‘зола’ – карельские и финские лексемы, а синонимичные им *luokki*, *tukain*, *poro* – только финские. *Suuri* ‘большой’ – финское и карельское, *jalo* ‘тж.’ – вепсское. Восточнофинское *letti*, карельское *kassa* и финское литературное *palmikko* используются для обозначения косы (заплетённых волос). Заимствования из русского языка *viesti* (< *вeсть*) и *rotu* (< *под*) употребляются в качестве синонимов наименований *sanoma* ‘известие, весть’ *synty* ‘рождение, происхождение, род, племя’ (Хямяляйнен 1950: 154–162).

Особенности разных диалектов карельского языка (т.н. карелианизмы) прослеживаются не только в лексике, но и на других языковых уровнях.

Этот карелианизм языка «Калевалы», по мнению исследователей, заметен более всего в морфологии (Niemi 1910: 195–196, 201, 204–206; Turunen 1964: 88–89). Так, в языке эпоса нет имеющегося в финском литературном языке звука *d*: типичными являются формы *lähe* (*lähe nyt kanssa laulamahan...* ‘начни теперь вместе петь...’; 1: 13) вместо *lähde* ‘начни’, *saa’a*, *tuoa*, *vieä*, *kapaloia* вместо *saada* ‘получать, мочь’, *tuoda* ‘приносить’, *viedä* ‘нести’, *kapaloida* ‘пеленать’. В первом слоге слова нет длинных гласных, поэтому формам инфинитивов *antaa* ‘дать’, *ottaa* ‘взять’, *vetää* ‘тащить’, *viiltää* ‘резать’ и т.п. соответствуют формы *antoa*, *ottoa*, *veteä*, *viilteä*. Вместо удвоения гласного основы слова в 3 л. ед. настоящего времени изъявительного наклонения используется форма, оканчивающаяся на *-vi*, т.е. вместо *tulee* ‘он (она, оно) идёт (приходит)’, *menee* ‘он идёт’ используются *tulevi*, *menevi*, аналогично *antavi* ‘он даёт’, *ottavi* ‘он берёт’, *laulavi* ‘он поёт’ и т. д.: *Kun käki kukahtelevi, / niin syän sykähtelevi, / itku silmähän tulevi, / ve’et poskille valuvi...* (4: 509–512) ‘Когда кукушка кукует, / тогда сердце трепещет, / слёзы на глаза приходят, / воды на щеки льются...’. В интервокальном положении сохраняется *h*: *veneessä* ‘в лодке’ вместо *veneessä*: *kala kirjo kimmeltihe / pohjasta punaisen purren, / venehestä Väinämöisen...* (5: 86–88) ‘рыба пёстрая спрыгнула / со дня красного челна, / из лодки Вяйнämöйна...’. С глаголами используется возвратная форма: *veäikse* ‘растягивается’, *kohennaikse* ‘располагается, усаживается’, *istuihe* ‘уселся’ и т.п.: *itse reuoikse rekehen, / kohennaikse korjahansa...* (10: 5–6) ‘сам устроился в санях, / разместился в кузове...’. У существительных используются распространённые в карельском языке уменьшительно-ласкательные формы: *päivyt* ‘денёк, солнышко’, *kuut* ‘месяц’, *tähyt* ‘звёздочка’ и образованные от них производные слова *päivüine* ‘дневной, солнечный’, *tähtyinen* ‘звёздный’: *Kuu, keritä, päivyt, päästä, / otava, yhä opeta...* (1: 303–304) ‘Месяц, отпусти, солнышко освободи, / Большая Медведица научи...’. Наряду с местоимениями *minä* ‘я’, *sinä* ‘ты’, *sinua* ‘тебя’ используются карельские соответствия *mie*, *sie*, *silma* и т.п.: “*Mie tuota sanelemahan, / linnulta kyselemähän: / ‘Oi sie kyntörastahainen! / Laula korvin kuullakseni...* (8: 61–64) ‘Я то сказала, / у птицы спросила: / «Ой ты, дрозд! / Спой, чтобы уши мои услышали...’.

Многие характерные особенности языка «Калевалы», которые исследователи относят к кареализмам, со временем стали либо органической частью финского литературного языка, либо получили широкую известность у финских читателей. Благодаря изданию эпоса финский литературный язык, который до начала XIX в. как лексически, так и морфологически базировался чуть ли не исключительно на западных диалектах и развивался в основном представителями данных диалектов, обогатился лексикой и некоторыми другими особенностями восточно-финских и карельских диалектов. Помимо усвоения финском литературным языком восточно-финских примеров, «Калевала» дала толчок к активизации и более интенсивному использованию уже имеющихся в литературном языке диалектных слов, а также к признанию годными для

всеобщего употребления других восточно-финских языковых средств. Влияние «Калевалы» выявлено почти на всех уровнях литературного языка. Наибольшим оно является на лексическом уровне. В отношении фонетики и морфологии воздействие языка эпоса было не столь значительным, однако благодаря ему стали упортебительными такие явления, как сочетание согласных *ts* (*metsä* ‘лес’ вместо *metzä/mettä*), суффикс абессива *-ttA* (*-tA*), упоминавшиеся выше уменьшительные формы и их суффиксы *-(i)nen* и *-ut/-yt* и др. Свой след «Калевала» оставила и на уровне фразеологии, и в словообразовании. Так, например, сложные слова типа *sinisukka* ‘синий чулок’, *tuliterä* ‘совсем новый, новёхонький (букв. огненное лезвие, остриё)’ распространилось благодаря «Калевале» (Lampela 2008: 302–303; Turunen 1964: 83–84; Punttila – Issakainen 2003: 227–228, 230, 238–239, 242–243).

Многоязычность (многодиалектность) языка «Калевалы», его архаичность во всех вышеперечисленных проявлениях, являясь одной из основных составляющих индивидуальности, неповторимости финского национального эпоса, в то же время отдаляет его от современного читателя, делает трудным для понимания. В. Руoppiла так пишет во введении к своей книге «Kalevala ja kansankieli» (‘«Калевала» и народный язык’), посвященной исследованию лексики эпоса: «Из-за больших изменений, произошедших в XX веке в образе жизни, „Калевала” по своему языку и содержанию стала далёкой книгой для современных финнов, хотя она по-прежнему считается национальным эпосом. Освещая распространение калевальской лексики и давая информацию о её происхождении и использовании в современном языке, данный труд претендует на то, чтобы сделать „Калевалу” ближе читателю нашего времени» (Ruoppila 1967). Этому же посвящены и многие другие работы, разъясняющие ту часть лексики, которая вызывает в настоящее время затруднения.

Своеобразие языка «Калевалы» является важной проблемой и при переводе финского эпоса на другие языки. Перед переводчиками встаёт вопрос, стараться ли какими-либо средствами в той или иной мере передать языковые особенности оригинала или же переводить на современный литературный язык. Некоторые из них пытались решить данную проблему созданием на основе диалектов собственного языка (или же какого-либо одного из них) оригинального языка перевода. Подобным путём пошёл, например, один из переводчиков «Калевалы» на венгерский язык Бела Викар. После долгих исследований и проб на основе венгерских диалектов (преимущественно на основе чанго) он создал, как отмечают исследователи, такой вариант венгерского языка, которой присущ только этому переводу, но который был принят венгерскими читателями и воспринят ими как язык «Калевалы». Большинство переводчиков, по понятным причинам, отказывается от попыток в полной мере передать особенности многодиалектности и архаичности языка финского эпоса, сосредоточив своё внимание и усилия на другие его характерные черты,

стремясь таким образом компенсировать потери, связанные с невозможностью передачи языкового своеобразия оригинала.

К числу таковых относится и работа А. И. Туркина. В отличие от исходного текста, его перевод выполнен общенародным литературным коми языком. Однако при этом коми ученый старается вводить в текст устаревшие слова, архаизмы, диалектизмы. И хотя доля подобной лексики в тексте не велика, она помогает переводчику в какой-то мере показать, что действие эпоса развёртывается в доисторические времена, что произведения финской народной поэзии, положенные в основу «Калевалы», родились не сегодня, а столетия назад.

Ниже мы более подробно рассмотрим ту лексику перевода, которую можно отнести к диалектизмам, архаизмам и, в какой-то мере, к неологизмам.

3.4.1.1. Диалектизмы

Под термином диалектизм обычно понимается слово или словосочетание, попавшее из того или иного диалекта в литературную речь или в текст художественного произведения и воспринимаемое как инородное явление, не свойственное лексической системе литературного языка (Ракин 2009: 206).

В тексте перевода нами обнаружены следующие диалектизмы:

- Глаголы
- виччыны* (1: а6136; 7: 86; 34: 49): вым. иж. уд. ‘ждать’ (ССКЗД: 49; КСК I: 221)
- вомкёртавны* (6: 7): нв. ‘взнуздать, обуздать’ (ССКЗД: 172; КСК I: 241)
- вордны* (8: 176): вым. ‘заклинать, загадывать, предвещать’ (ССКЗД: 60, 381), нв. уд. ‘тж.’ (КСК I: 245)
- гычödны* (1: а6129; 10: 294, 318, 334, 350): вс. печ. сс. ‘качать, покачивать (ребёнка в люльке)’ (ССКЗД: 97, 150; КСК I: 400)
- индыны* (1: а673, а2606264): нв. уд. ‘поместить, пристроить, устроить’ (ССКЗД: 137; КСК I: 588–589)
- йöрны* (2: 91, 107, 140, 146, 175, 254, 276): лл. уд. ‘извлечь, вытащить, вынуть, вырвать’ (ССКЗД: 281; КСК I: 615)
- йöтласьны* (40: 95): вым. нв. ‘отталкиваться, толкаться’ (ССКЗД: 143; КСК I: 617)
- колльыны* (1: а2806282): вым. ‘проводить’ (ВД 1998: 265), иж. лл. печ. скр. сс. уд. ‘проводить, проводить’ (КСК I: 700)
- ликтыны* (5: 88): вым. иж. нв. уд. ‘указать, показать’ (ССКЗД: 199, 137; КСК I: 838)
- лöсны* (8: 145): скр. уд. ‘тесать, вытесать’ (ССКЗД: 204; КСК I: 858)
- нöдздыны* (8: 187; 44: 80): вым. ‘мякнуть, размякнуть’ (ССКЗД: 245, 239), вым. нв. ‘тж.’ (КСК I: 1014)
- öшны* (10: 280, 287): вым. иж. лл. сс. уд. ‘повесить’ (ССКЗД: 270)

– Причастия

ыръялысь (9: 78, 166, 258, 311): ‘пылающий, полыхающий, ярко горящий’
< *ыръявны*: скр. ‘пылать, пламенеть, полыхать’ (ССКЗД: 445)

– Наречия

туньö (1: аб48; 34: 199): вым. ‘напрасно, совсем, без пользы’ (ССКЗД: 381)

– Прилагательные

бугльöс (41: 184): вым. уд. ‘округлый, продолговато круглый’ (ССКЗД: 32; КСК I: 109)

гожсёв (44: 168): нв. ‘летний’ (ССКЗД: 81; КСК I: 330)

збодьöр (3: 77): уд. ‘бравый, бодрый’ (ССКЗД: 129; КСК I: 548)

öтдор (7: 200): вым. нв. ‘посторонний, чужой’ (ССКЗД: 23)

таздор (10: 428) / *таздор* (34: 45): вым. иж. нв. уд. ‘находящийся по эту сторону’ (ССКЗД: 364)

сарья (10: 310): вв. печ. ‘с норовом, капризный, своенравный’ (ССКЗД: 324; КРК: 576)

тöвсьöв (1: а40): нв. ‘зимний’ (ССКЗД: 374)

– Существительные

Названия представителей животного мира

колипкай (41: 88): вв. печ. скр. сс. ‘жаворонок’ (ССКЗД: 162; ПНК: 81; КСК I: 700)

кунджа (5: 61): уд. ‘мелкая сёмга’ (ССКЗД: 179), вым. уд. ‘тж.’ (КСК I: 767)

Серук (1: аб63): вым. ‘Пеструха (кличка пёстрой коровы)’ (ССКЗД: 332)

сёкыр (3: 68, 77): печ. уд. ‘мерин’ (ССКЗД: 220)

сэмдзöр (34: 74): уд. ‘луток, малый крохаль (утка)’ (ССКЗД: 358)

тельöб (41: 116): вым. ‘стая, косяк (рыб)’ (ССКЗД: 366; ЗС: 95)

тишатшык (34: 64): уд. ‘воробей’ (ССКЗД: 315, 385)

чужмöр (41: 37): вв. скр. сс. *фольк*. ‘горностай’ (ССКЗД: 418)

Названия частей тела животных и человека

бурси (40: 238): вым. лл. нв. уд. ‘грива’ (ССКЗД: 31; КСК I: 122)

кольк пöк (1: б232): вс. ‘яичный желток’ (ССКЗД: 197; КСК I: 702)

тылборд (6: 45, 49; 7: 313, 344; 10: 258): вв. ‘перо’ (ССКЗД: 389)

шöка (41: 189, 190) лл. ‘подбородок’ (ССКЗД: 386)

Названия представителей растительного мира

пача (2: 28; 3: 300): иж. ‘ива, верба’ (ССКЗД: 16)

тиетиак (41: 132): нв. скр. сс. ‘водяная лилия’ (ССКЗД: 385), ‘кувшинка’ (БС: 41)

Обозначения человека, термины родства

- инька* (10: 175, 191, 237, 396, 455; 40: 297): вым. 'тёща', вв. вым. нв. уд. 'свекровь', иж. 'иностранка' (ССКЗД: 138, 391, 447; КСК I: 591)
чадö (34: 181): уд. 'чадо, дитя' (ССКЗД: 403)

Обозначения предметов одежды, украшений

- кызь* (4: 426): вым. иж. нв. уд. 'пуговица, пуговка' (ССКЗД: 154, 185; КСК I: 787)
лапи (10: 216): вв. вым. иж. нв. 'серьги с пятью подвесками, напоминающие по форме гусиные или утиные лапки' (ССКЗД: 193; КСК I: 817)
палаузь (3: 407): скр. фольк. 'широкополая шапка, шляпа' (КЭСК: 215)
пажук (4: 427): иж. *пажик* 'английская булавка' (ССКЗД: 271, 303), 'заколка для волос' (КРК: 479)
шушин (34: 106): вв. 'сарафан из домотканого холста' (ССКЗД: 439)

Названия предметов обихода, построек, транспортных средств

- домöд* (8: 78): уд. 'привязь' (ССКЗД: 110), лл. нв. 'тж.' (КСК I: 457)
ендон (9: 28, 46, 64, 104, 126, 204, 211, 217, 229, 235, 243, 253, 255, 259, 270, 273; 44: 39, 43): иж. печ. 'сталь' (ССКЗД: 119), нв. 'тж.' (КСК I: 498)
кес (9: 112; 10: 271): уд. 'клещи, щипцы' (ССКЗД: 153, 157; КСК I: 660)
кола (9: 114, 156, 222, 233, 305, 419, 425, 489; 10: 50, 53, 268, 270, 279; 34: 19; 40: 210, 216): уд. 'кузница' (ССКЗД: 162; КСК I: 698)
орс (3: 76, 303, 476; 8: 212, 237, 259): вым. иж. нв. уд. 'плеть, кнут' (ССКЗД: 261, 288; КСК I: 1084)
öшмöс I (2: 248): вс. лл. сс. 'колодец' (ССКЗД: 451)
нарман (44: 19, 32): нв. уд. 'грабли' (ССКЗД: 180, 235; КСК I: 973)
падъян (1: а677, а682; а686): нв. скр. 'короб' (ССКЗД: 271)
пом (9: 200; 44: 65, 195, 199): вым. нв. 'вещь, предмет' (ССКЗД: 291, 170)
сабри (2: 66, 69): вым. иж. нв. уд. 'стог' (ССКЗД: 131)
сарай (1: а685): нв. 'крыша, кровля' (ССКЗД: 330, 40)
сепыс (5: 38): нв. уд. 'мешок' (ССКЗД: 332)
сермöд (6: 6; 7: 310): вым. нв. уд. 'узда' (ССКЗД: 111)
сойт (34: 88): нв. уд. 'мост, перекладина поперёк чего-либо для перехода' (ССКЗД: 294, 342)
струг (3: 373, 379, 380; 7: 180; 8: 127, 145; 40: 45, 52, 80, 86, 100, 172; 44: 42, 50): нв. 'маленькая долблёная лодка' (ССКЗД: 346, 47)
тагöс (1: а3116313; 8: 221, 242, 264; 44: 230): вым. уд. 'порог' (ССКЗД: 363, 293)
чумпель (44: 120): вв. вым. иж. нв. уд. 'воронкообразный берестяной черпачок для питья' (ССКЗД: 420, 409)

Обозначения элементов неживой природы, ландшафта, явлений природы
венёр (5: 147): печ. скр. ‘перемычка, перетяжка, перехват, перешеек’
 (ССКЗД: 44; КСК I: 181)
кёттиас (2: 63, 222; 4: 303; 6: 72, 7: 120): вв. вым. уд. ‘лука, излучина реки’
 (ССКЗД: 173, 169; КСК I: 743)
кырта (1: a2656267; 3: 169, 203, 222, 240, 295; 4: 313, 315, 318, 478, 479; 5:
 32; 8: 143, 155; 9: 352, 486, 488, 496, 528; 40: 26, 41, 50, 58, 202; 44:
 257): печ. ‘скала, скалистое обнажение’ (ССКЗД: 188), ‘утёс’ (КРК:
 337), вым. печ. ‘скала, утёс’ (КСК I: 799)
нырд I (1: a2526258; 2: 209; 34: 154, 173; 40: 7, 174; 44: 170): иж. ‘мыс’
 (ССКЗД: 248), вым. нв. ‘тж.’ (КСК I: 1026)
нырд II (1: a2666268, 6271; 44: 256): вым. иж. нв. уд. ‘небольшая возвы-
 шенность, бугорок, холмик, увал’ (ССКЗД: 248, 246; КСК I: 1026)
онь (2: 222): лл. вв. ‘туман’ (КЭСК: 205; ССКЗД: 324; КСК I: 1077)
õшмõс II (4: 199; 9: 82): лл. ‘родник, ключ, источник’ (ЛЛД 1985: 201)
пив (6: 163): нв. уд. ‘туча, облако’ (ССКЗД: 284, 186)
сорма (34: 51): уд. ‘роща’ (ССКЗД: 343)
щелля (4: 319; 44: 256) / *щелья* (5: 33): ‘высокий, крутой берег’ (КРК: 755)
шутьõм (3: 4, 28, 84, 90; 6: 13, 193; 7: 216; 9: 100, 102): вс. сс. ‘покинутая
 из-под пашни земля, залежь, заросли, заброс’, л. ‘лесная рощица’
 (ССКЗД: 438)

Также в переводе встречается диалектная морфема *-шой* (скр.) (ССКЗД: 432). Данный суффикс, имеющий значение уничижительности, используется с лексемой *шушин* ‘сарафан из домотканого холста’: *Лõзов шушин-шоя пõчõ* ‘старушка в синеватом сарафанишке’ (34: 106).

В зависимости от того, как тот или другой диалектизм соотносится с общенародным литературным языком, различаются следующие типы диалектной лексики (Безносилова 1998а: 101; Ракин 2009: 206–208):

- 1) лексические диалектизмы – слова, отсутствующие в литературном языке, в котором вместо них употребляются синонимические обозначения;
- 2) лексико-фонетические диалектизмы – слова, отличающиеся от литературных соответствий своим звуковым обликом, полностью совпадая структурно и семантически;
- 3) лексико-словообразовательные диалектизмы – слова, отличающиеся от литературных соответствий своей структурой, часто имея общую корневую морфему, они отличаются словообразовательными формантами;
- 4) лексико-семантические диалектизмы – слова общенародного характера, имеющие в диалектах значение, отсутствующее в литературном языке;
- 5) этнографические диалектизмы – слова, называющие понятия и предметы, характерные только для быта носителей данного диалекта.

В переводе нами выявлены первые четыре типа диалектизмов:

1) лексические диалектизмы:

венёр ‘перемычка, перетяжка, перехват, перешеек’ – лит. *перешеек* ‘тж.’
гычодны ‘качать, покачивать’ – лит. *качайтны, лайкйодлыны* ‘тж.’
йёрны ‘извлечь, вытащить, вынуть, вырвать’ – лит. *перйыны* ‘тж.’
кес ‘клещи, щипцы’ – лит. *клеци* ‘тж.’
кунджа ‘мелкая сёмга’ – лит. *чими, съомга* ‘сёмга’
кырта ‘скала, скалистое обнажение, утёс’ – лит. *креж, чугра* ‘тж.’
лапи ‘серьги’ – лит. *исерга* ‘тж.’
ликтыны ‘указать, показать’ – лит. *индыны* ‘тж.’
нарман ‘грабли’ – лит. *кура* ‘тж.’
нырд I ‘мыс’ – лит. *кокад* ‘тж.’
нырд II ‘небольшая возвышенность, бугорок, холмик, увал’ – лит. *норыс* ‘тж.’
онь ‘туман’ – лит. *ру* ‘тж.’
орс ‘плеть, кнут’ – лит. *плеть* ‘тж.’
отдор ‘посторонний, чужой’ – лит. *йоз, боквдой* ‘тж.’
ошмөс I ‘колодец’ – лит. *юкмөс* ‘тж.’
ошмөс II ‘родник, ключ, источник’ – лит. *ключ* ‘тж.’
падъян ‘короб’ – лит. *чуман, көрөб* ‘тж.’
пажук ‘заколка для волос’ – лит. *заколка, юрси кутан* ‘тж.’
палаузь ‘широкополая шапка, шляпа’ – лит. *лэбья шапка; паськыд лэбья шляпа* ‘тж.’
пача ‘ива, верба’ – лит. *бадь* ‘тж.’
пив ‘туча, облако’ – лит. *кымөр* ‘тж.’
пом ‘вещь, предмет’ – лит. *көлуй, эмбур* ‘вещи, предметы’
сабри ‘стог’ – лит. *зорөд* ‘тж.’
саргья ‘с норовом, своенравный, капризный’ – лит. *руа* ‘тж.’
сепыс ‘мешок’ – лит. *мешөк* ‘тж.’
сермөд ‘узда’ – лит. *дом* ‘тж.’
сёкыр ‘мерин’ – лит. *мерин* ‘тж.’
сойт ‘мост, перекладина поперёк чего-либо для перехода’ – лит. *пос* ‘тж.’
сорма ‘роща’ – лит. *рас* ‘тж.’
струг ‘маленькая долбленная лодка’ – лит. *ветки* ‘тж.’
сэмдзөр ‘луток, малый крохаль (утка)’ – лит. *сьөд юра косысь* ‘тж.’
тагөс ‘порог’ – лит. *порог* ‘тж.’
туньө ‘напрасно, совсем, без пользы’ – лит. *весь, весьшөрө* ‘тж.’
тиатшык ‘воробей’ – лит. *пышкай* ‘тж.’
чадө ‘чадо, дитя’ – лит. *кага, дитя* ‘тж.’
чужмөр ‘горноста́й’ – лит. *сьөдбөж* ‘тж.’
чумпель ‘берестяной черпак для питья’ – лит. *чибльөг* ‘тж.’
шутьём ‘покинутая из-под пашни земля, залежь, заросли, заброс, лесная рощи́сть’ – лит. *эжа* ‘тж.’

2) лексико-фонетические:

бугльөс ‘округлый, продолговато круглый’ – лит. *быгльөс* ‘тж.’

ендон 'сталь' – лит. емдон 'тж.'
 збодьёр 'бравый, бодрый' – лит. збодер 'тж.'
 инька 'свекровь' – лит. энька 'тж.'
 кызь 'пуговица, пуговка' – лит. кизь 'тж.'
 нёдздыны 'мякнуть, размякнуть' – лит. нёдздыны 'тж.'
 тельёб 'стая, косяк (рыб)' – лит. кельёб 'тж.'
 тылборд 'перо' – лит. тывборд 'тж.'
 шушин 'сарафан из домотканого холста' – лит. шушун 'тж.'
 шёка 'подбородок' – лит. тиёка 'тж.'
 щелля / щелья 'высокий, крутой берег' – лит. тишелля 'тж.'
 ыръялысь 'пылающий, полыхающий, ярко горящий' – лит. ыпъялысь 'тж.'

3) лексико-словообразовательные:

бурси 'грива' – лит. бурысь 'тж.'
 виччыны 'ждать' – лит. виччысьны 'тж.'
 вомкёртавны 'взнуздать, обуздывать' – лит. кёртвмавны 'тж.'
 гожсёв 'летний' – лит. гожся 'тж.'
 домёд 'привязь' – лит. дом 'тж.'
 йётласьны 'отталкиваться, толкаться' – лит. йёткасьны 'тж.'
 коллыны 'проводить, провести' – лит. коллявны, колльёдны 'тж.'
 лёсны 'тесать, вытесать' – лит. лёсавны 'тж.'
 ёшны 'повесить' – лит. ёшёдны 'тж.'
 Серук 'Пеструха (кличка пёстрой коровы)' – лит. Серёд 'тж.'
 тасдор / таздор 'находящийся по эту сторону' – лит. таладор 'тж.'
 тёвсьёв 'зимний' – лит. тёвся 'тж.'
 тиештак 'водяная лилия, кувшинка' – лит. ватиештак 'тж.'

4) лексико-семантические:

вордны 'заключать, загадывать, предвещать' – лит. 'желать, пожелать'
 индыны 'поместить, пристроить, устроить' – лит. 'указать, показать, назначить, направить'
 кола 'кузница' – лит. 'шалаш'
 колипкай 'жаворонок' – лит. 'соловей'
 (кольк) пёк 'желток' – лит. пёк 'икра'
 кётшас 'лука, излуцина реки' – лит. 'задняя часть избы, место под полатями'
 сарай 'крыша, кровля' – лит. 'сарай, сеновал, помещение над хлевом и конюшней'

Некоторые из диалектных наименований могут быть одновременно причислены к нескольким группам. Так, например, к. *кола* 'кузница' можно отнести и к группе лексических диалектизмов, так как данное слово является синонимом слов *дорччанін* и *кузнеча*, а наименование *пом* 'вещь, предмет' можно считать также лексико-семантическим диалектизмом, структурно совпадающим со словом *пом* 'конец, кончик, окончание, остаток'.

Всего в тексте перевода нами выявлено 72* различных диалектизма, которые употребляются в тексте 211 раз (общее количество слов в тексте перевода четырнадцати рун: 19517; доля диалектной лексики, таким образом, составляет чуть больше 1%). В тексте перевода 1-й руны 14 разных диалектных слова встречаются 18 раз, в тексте 2-й руны 7 диалектизмов употребляются 15 раз, в 3-й – 8 (20 раз), 4-й – 6 (10), 5-й – 6 (6), 6-й – 6 (8), 7-й – 8 (9), 8-й – 7 (13), 9-й – 8 (38), 10-й – 9 (22), 34-й – 11 (12), 40-й – 6 (17), 41-й – 6 (7), 44 – 11 (16). Таким образом, в тексте перевода одной руны в среднем используется от 6 до 14 разных диалектизмов (в большинстве рун 6–8; больше всего в рунах 1, 34 и 44), которые употребляются от 6 до 38 раз (в большинстве рун в пределах 10 раз; чаще всего в рунах 9 и 10). Соответствующее диалектное слово в пределах одной руны, таким образом, встречается в среднем 1–3 раза.

В количественном отношении чаще всего встречаются слова, относящиеся к удорскому (уд.; 22%), нижневыхегодскому (нв.; 20%) и вымскому (вым.; 19%) диалектам. Остальные диалекты представлены следующим образом: ижемский (иж.) – 9%, верхневыхегодский (вв.) – 6%, печорский (печ.) – 6%, среднесыольский (сс.) – 6%, присыктывкарский (скр.) – 5%, лузско-летский (лл.) – 5% и верхнесыольский (вс.) – 2%. Таким образом, содержащаяся в коми переводе диалектная лексика относится в основном к западным диалектам коми языка (вымскому, ижемскому, нижневыхегодскому и удорскому).

Большинство используемых в переводе диалектизмов – существительные: 50 единица или 69% от общего числа; глаголы – 12 (17%), прилагательные – 8 (11%), причастия и наречия – по одному (вместе – 3%).

Преобладающий в переводе тип диалектной лексики – лексические диалектизмы: 38 наименований или 53% от общего количества; лексико-фонетических диалектизмов – 13 (18%); лексико-словообразовательных – 14 (19%) и лексико-семантических – 7 (10%).

Часть наименований, отнесённых нами к диалектизмам, в Коми-русском словаре 2000 года даны как общеупотребительные без каких-либо помет (КРК: 90, 169, 269, 460, 479, 581, 582, 634, 749), хотя в словаре 1961 года они снабжены пометой *диал.* («диалектизм») (КРС: 90, 183, 279, 493, 514, 615, 616, 669). К таким словам относятся *венёр* ‘перемычка, перетяжка, перехват, перешеек’, *гычёдны* ‘качать, покачивать (ребенка в люльке)’, *кес* ‘клещи, щипцы’, *орс* ‘плеть, кнут’, *падъян* ‘короб’, *пажук*

* Не учитываются диалектные слова, имеющиеся в рукописях, но не вошедшие в опубликованный вариант перевода (за исключением неопубликованной 44-й руны):

кõдждводз (1: 312): скорее всего вариант слова *кõдждвõдз* вым. ‘предбанник, сени (лесной избушки)’ (ССКЗД: 295; КСК I: 724) – заменено на *посводз* ‘сени’

кõтшиас (34: 154, 172): вв. вым. уд. ‘лука, излучина реки,’ (ССКЗД: 173, 169; КСК I: 743) – заменено на *кõджас* ‘тж.’

маджõс (1: 311): вым. ‘порог’ (ССКЗД: 215, 293; КСК I: 898) – заменено на *тагõс* ‘тж.’

суса (8: 9, 11, 23): диал. ‘ткацкий челнок’ (КРК: 620) – заменено на *дзав* ‘тж.’

‘заколка для волос’, *сепыс* ‘мешок’, *сермөд* ‘узда’, *тагöс* ‘порог’, *шутьöм* ‘покинутая из-под пашни земля, залежь, заросли, заброс, лесная рощица’. Однако некоторые исследователи коми языка считают, что подачу узкодиалектных слов без маркировки в словаре литературного языка следует признать неправильной и не соответствующей действительности (Ракин 2009: 218). Надо полагать, что автор переводы «Калевалы» А. И. Туркин такие слова также считал диалектизмами и использовал их вместо литературных синонимов для более адекватной передачи текста оригинала. К такому выводу приводит наличие в тексте перевода сносок с пояснениями.

3.4.1.2. Архаизмы

К архаизмам относятся слова и выражения, которые вышли из употребления, устарели и перестали быть необходимыми для говорящих. К ним относятся как наименования исчезнувших предметов или явлений, так и языковые элементы, замененные более активно употребляемыми синонимами. В зависимости от того, устарело ли всё слово целиком или его фонетическая, морфологическая или семантическая составляющая, различают собственно лексические, семантические, лексико-фонетические и словообразовательные архаизмы (Костромина 1985: 98–99).

В тексте коми перевода встречаются следующие наименования, которые можно отнести к архаизмам:

вер (8: 79; 10: 294, 295, 318, 334, 350): ‘раб, слуга’ (КЭСК: 52). В КРС (90) и КРК (91) это слово дано с пометой *дп.* («древнепермское»).

весьт (4: 224, 512): ‘пядь (мера длины, равная расстоянию между вытянутыми большим и указательным пальцами)’. В КРС (97) и КРК (95) дано с пометой *уст.* («устаревшее»).

вöсьö (3: 76; 4: 16, 32, 59; 8: 213; 10: 215; 41: 247): ‘жемчуг, жемчужный’. В КЭСК (68) со ссылкой на ССКЗД (67, 22) даётся значение ‘милый, голубчик, милая, голубушка’ и возводится к общепермскому периоду со значением ‘жемчуг’, ‘блестящий металл’. Согласно этимологическому и сравнительно-диалектическому словарям, данное слово с первоначальным значением сохранилось в удмуртском языке, в коми языке оно употребляется только в удорском диалекте и только с вышеприведенным значением ласкательного слова. Возможно, учитывая этимологию коми слова, А. И. Туркин использует его в переводе в первоначальном значении. Коми-русский словарь 2000 г. без каких либо помет даёт значение ‘жемчуг, жемчужный’ (КРК: 123). В «Словаре диалектов коми языка», вышедшем в 2012 г., *вöсьö* ‘жемчуг, жемчужный’ рассматривается как омоним *вöсьö* уд. ‘милый, милая, голубчик, голубушка’. Для первого даётся помета *дп.* («древнепермское») (КСК I: 273).

- енкӧла* (3: 554; 9: 33, 543); ‘мир, вселенная’. Данное слово имеет два значения: ‘горизонт’ и ‘мир, вселенная’; последнее в КРК (209) снабжено пометой *уст.*
- лапи* (10: 216) ‘серьги с пятью подвесками, напоминающие по форме гусиные или утиные лапки’. Данное наименование мы отнесли выше к диалектизмам, но т.к. в КРС (369) и КРК (345) это слово дано с пометой *уст.*, то правомерно отнесение и к категории архаизмов.
- ширысь* (4: 426): ‘свинец, свинцовый’. Согласно КЭСК (319), первоначальное значение было ‘металл мышинового цвета’ (к. *шыр* ‘мышь’).

Слова *вӧсьӧ* ‘жемчуг, жемчужный’ и *енкӧла* ‘мир, вселенная’ могут быть отнесены к семантическим архаизмам. Все остальные рассмотренные выше наименования являются собственно лексическими архаизмами.

3.4.1.3. Неологизмы

Неологизмы – слова и выражения, имеющие оттенок новизны, свежести. Чаще всего сюда относятся названия новых предметов, явлений, признаков, идей и т.д. Неологизмы могут быть общеязыковыми и индивидуально-авторскими. Общеязыковые неологизмы образуются как средствами своего языка (создание новых слов из старых морфем, словосложение, образование составных наименований, перевод (калька) из других языков, изменение значения, активизация диалектизмов и устаревшей лексики), так и путём заимствования из других языков. Индивидуально-авторские неологизмы выполняют определенные художественные задачи и обычно не получают широкого распространения (Безносилова 1998б: 282–283; Костромина 1985: 107–108).

К категории неологизмов можно отнести некоторые наименования из перечисленной выше диалектной и устаревшей лексики. Автор перевода использует их не в качестве неологизмов, а как диалектизмы и архаизмы. Однако впоследствии на данные лексические единицы обратили внимание другие коми писатели и вслед за А. И. Туркиным стали вводить их в свои художественные произведения на исторические темы. Благодаря этому они в качестве новых слов стали включаться в нормативные словари коми языка и таким образом вышли за пределы лишь одного литературного произведения, т.е. из разряда индивидуально-авторских перешли в разряд общеязыковых неологизмов. Так как А. И. Туркин в своём переводе не использует данные слова в качестве неологизмов – таковыми они стали позже, то, на наш взгляд, их следует считать относительными неологизмами.

В словари новой лексики «Выль коми кыввор I» и «Выль кыввор» в качестве неологизмов включены следующие, отнесенные нами ранее к архаизмам и диалектизмам наименования: *вер* ‘раб, слуга’, *вӧсьӧ* ‘жемчуг, жемчужный’, *ширысь* ‘свинец, свинцовый’, *пажук* ‘заколка для волос’ и *кес* ‘клещи, щипцы’ (Безносилова – Цыпанов 1998: 20, 24, 34, 66, 85;

Цыпанов – Безносикова 2005: 19, 23, 39, 66, 89). В качестве источника неологизмов *вӧсьӧ*, *ширысь*, *пажук* составители данных словарей ссылаются на рассматриваемый нами коми перевод «Калевалы» А. И. Туркина.

В упомянутые выше словари новой лексики, включены также лексемы *конгыр* ‘крючки на одежде (застежки)’ (10: 228) и *сойнос* ‘браслет’ (4: 178) (Безносикова – Цыпанов 1998: 42, 73; Цыпанов – Безносикова 2005: 42, 76). Последнее наименование попало и в КРК (602) с пометой *неол.* («неологизм»). Оба слова взяты А. И. Туркиным из удмуртского языка: *конгыр* является заимствованием диалектного *конгро* / *конгыро* / *конгырчо* / *конгырок* ‘крючок (на одежде), крюк’ (УРС: 208; УК: 136; ССПЯ: 113), а *сойнос* создано частично калькированием, частично заимствованием наименования *суйнос* ‘тж.’ (УРС: 398), в котором удм. *суй* ‘рука (от плеча до кисти)’ (УРС: 398) заменено на соответствующее коми-зырянское *сой* ‘тж.’.

К чисто индивидуально-авторским неологизмам в переводе, на наш взгляд, можно отнести название птицы *ватикай* ‘дрозд’ (8: 58, 63, 70, 84), полученное, судя по всему, из наименования *ватикусь кай* ‘дрозд-белобровик’ (ПНК: 25), а также коми-пермяцкое слово *туримоль* (41: 182) ‘клюква’ (КПРС: 495), использованное вместо литературного коми-зырянского названия клюквы *турипув*. В удорском диалекте коми-зырянского языка имеется наименование *туримоль* со значением ‘волчья ягода’ (ССКЗД: 382), однако мы считаем, что в переводе «Калевалы» употреблено именно коми-пермяцкое обозначение, а не диалектное коми-зырянское, т.к. в оригинале речь идёт о клюкве, а не о волчьей ягоде:

*Tippui tilkat silmistänsä,
vierivät vesipisarat,
karkeimmat karpaloina,
herkeämät hernehiä...* (41: 187–190)

Капали капли из его глаз,
Катились капли воды,
Клюквы крупнее,
Горошины шустрее...

Коми-зырянское литературное название клюквы автор перевода, по всей видимости, не использует в силу того, что, возможно, считает *туримоль* более благозвучным:

*Синва петӧ тувсов шорӧн.
Банті гӧгьльтчӧны войтъяс:
Гырысьясыс – туримольяс,
Посниясыс – анькытши тусъяс...* (41: 180–183)

Слёзы идут весенним ручьём.
По лицу катятся капли:
Крупные – клюквины,
Мелкие – горошины...

Что касается названия птицы *ватикай* ‘дрозд’, то его А. И. Туркин использует вместо более длинного словосочетания *ватикусь кай* в силу большего соответствия первого метрической и ритмической характеристикам оригинала.

Для части диалектизмов, архаизмов и неологизмов в переводе даны поясняющие их значение сноски. Некоторые из них объяснены при помощи приведения синонима из литературного языка: *индыны* – *пуктыны*,

меститны (руна 1) ‘индыны – положить, разместить’; *гычӧдны* – *качайтны* (руна 1; 10) ‘гычӧдны – качать’; *пача* – *бадь*, *берба* (руна 2, 3) ‘пача – ива, верба’; *онь* – *ру* (руна 2) ‘онь – туман’; *кес* – *кльӧщи* (руна 9) ‘кес – клещи’; *пажук* – *юрсикутӧд* (4 руна) ‘пажук – зажим для волос, заколка’; *чужмӧр* – *сьӧдбӧж* (руна 41) ‘чужмӧр – горностаи’; *кола* – *кузнеча* (руна 10; 40) ‘кола – кузница’; *конгыр* – *крючки* (руна 10) ‘конгыр – крючки’; *сорма* – *рас* (руна 34) ‘сорма – роцца’; *сойт* – *пос* (руна 34) ‘сойт – мост’.

Другая часть примеров объясняется описательным способом: *палаузь* – *паськыд дора (поля) шапка* (руна 3) ‘палаузь – шапка с широкими краями (полями)’; *кунджа* – *посни чими (сьӧмга)*, *олӧ тыясын* (руна 5) ‘кунджа – мелкая сёмга (лосось), живет в озёрах’; *лапи* – *утка либӧ дзодзӧг кок формаа исерга* (руна 10) ‘лапи – серьги в форме лапок утки или гуся’; *тагӧс* – *ӧдзӧс порог* (руна 1) ‘тагӧс – порог двери’; *сэмдзӧр* – *утка*, *ичӧт крӧкаль* (руна 34) ‘сэмдзӧр – утка, маленький крохаль’; *струг* – *нейджыд*, *дзонь пуысь кодйӧм пыж* (руна 40) ‘струг – небольшая, выдолбленная из цельного дерева лодка’.

Для остальных названий приводятся эквиваленты из русского языка: *кольк пӧк* – *желток* (руна 1); *вӧсьӧ* – *жемчуг* (руны 3; 4; 10; 41); *сойтос* – *браслет* (руна 4); *ширысь* – *свинец* (руна 4); *сепыс* – *мешок* (руна 5); *кес* – *клещи* (руна 10); *вер* – *раб*, *невольник* (руна 10); *тиатишук* – *воробей* (руна 34).

3.4.2. Аллитерация

Термин аллитерация, по мнению исследователей, впервые появился в Италии. Однако в разное время, в разных культурах и языках, у разных авторов содержание, вкладываемое в этот термин, было различным. Под аллитерацией понимался, помимо повтора звуков в начале слова или в ударном слоге, повтор в каких угодно слогах каких угодно согласных и их сочетаний, а также повторение начальных гласных. Так, в Германии не разграничивают аллитерацию гласных и согласных. В Англии придерживаются аналогичной трактовки, хотя иногда под аллитерацией там понимают созвучие согласных (первых и других согласных слова). Русская аллитерация ограничивается консонансом, т.е. созвучием одинаковых согласных. Эстонские исследователи выделяют консонанс, являющийся синонимом аллитерации, и ассонанс – созвучие гласных. Вместе они образуют такое понятие, как начальная рифма (*algriim*) (Leino 1970: 11–12; Laugaste 1962: 531; Семенова 2001: 113).

Финские исследователи к аллитерации (*alkusointu, allitteraatio*) относят созвучие согласных и гласных в начале слова, которое может быть сильным и слабым (*vahva / heikko alkusointu*). Сильная аллитерация наблюдается в тех случаях, когда в нескольких словах строки за одинаковыми начальными согласными следуют одинаковые гласные или слова начинаются одинаковыми гласными. При слабой аллитерации после

одинаковых согласных следуют разные гласные или слова начинаются разными гласными (Leino 1970: 11).

Сильная аллитерация наблюдается, например, в следующих строках «Калевалы»:

Pane paita palttinainen,
liitä liinan-aivinainen... (4: 171–172)

Надень рубашку холщевую,
Поверх добавь льняную...

Otti olkisen orihin,
hernevartisen hevosen... (6: 5–6)

Взял соломенного [цвета] жеребца,
Горохового стебля [цвета] лошадь.

Слабая:

Viikon vuotti Väinämöistä,
viikon vuotti, ei väsynyt... (6: 65–66)

Долго ждал Вяйнямейнена,
Долго ждал, не устал...

Ei ollut iässä pilvi... (6: 87)

Не была [это] на востоке туча...

Аллитерация является одной из ведущих стилистических черт звуковой организации т.н. калевальского стихосложения, которое подразумевает под собой использование восьмисложных трохеических строк. Аллитерация обычно находится внутри строки, ее местонахождение совершенно свободное. Несмотря на то, что аллитерация является одной из отличительных особенностей калевальского стихосложения, она не носит обязательного характера: до 20% калевальских строк не являются аллитерированными. По мнению исследователей, калевальский размер зародился в прафинскую эпоху, т.к. он известен у большинства прибалтийско-финских народов. Сама же аллитерация (и параллелизм) старше, чем восьмисложная калевальская строка. Аллитерация возникла и развивалась с появлением и развитием народной поэзии, она принимала участие в образовании формы калевальского стихосложения.

По мнению Э. Лаугасте, первоначально основой аллитерации мог быть повтор слов, позже повторяющиеся слова начали изменять (или заменять) с целью варьирования: первый слог или звук оставался прежним, следующий звук заменялся, изменяли ударный согласный или гласный (Laugaste 1962: 531). П. Лейно, ссылаясь на других исследователей, так описывает возможный вариант зарождения аллитерации (а также рифмы и вообще повторов звуков в строке): в группе выражений всегда случайно появлялись повторы звуков; как говорящий, так и слушающий инстинктивно чувствовали, что у подобных выражений с созвучиями была особая сила; их сохраняли в памяти и потом использовали в подходящих случаях с целью придать большую значимость произносимому; инстинктивно, но и сознательно создавали подобные же выражения, так использование аллитерированных (и рифмованных) фраз расширялось (Leino 1970: 18).

Интенсивное культивирование аллитерации в прибалтийско-финских языках и прежде всего в рунах калевальского размера когда-то хотели видеть германским заимствованием. Однако аллитерация германцев и

прибалтийских финнов зародились и развивались отдельно. Среди других финно-угорских народов аллитерация обнаружена также в мордовском и марийском языках, её пытались найти в венгерском, хантыйском и мансийском языке (Leino 1970: 13; Laugaste 1968: 1881). По мнению П. Лейно, аллитерация является естественным следствием возможностей конкретного языка и её использование и распространение во многом зависит от его строения (Leino 1970: 19). Э. Лаугасте в свою очередь отмечает, что она наиболее характерна для устного народного творчества тех народов, в языке которых ударение падает на первый слог (Laugaste 1962: 532).

У аллитерации выделяются организующая (структурная), мнемоническая, эстетическая функции. Организующая речь функция заключается в том, что из-за аллитерации одно слово в строке требует появления определенного аллитерирующего с ним слова. Эти слова являются в строке более связанными друг с другом, они с точки зрения содержания предложения более значимы, чем другие, их нелегко изменить и заменить. С помощью этих аллитерирующих друг с другом слов усиливается мысль предложения. Таким образом, аллитерация имеет большое влияние на выбор слов, на её основе со временем многие словосочетания стали постоянными, появились стереотипные словосочетания и строки. Существующее в языке использование полусвободных и затвердевших сочетаний слов, словесных пар и парных слов, в свою очередь, благоприятствовало превращению аллитерации в системное явление (Laugaste 1962: 531; Laugaste 1968: 1874).

Мнемоническая функция аллитерации заключается в том, что она, ограничивая выбор возможных слов, содействует запоминанию и сохранению строк в памяти. Эта функция важна для исполнителей-передатчиков устной поэзии. Она реализуется при пении, а при малых формах – часто через стереотипные выражения и определенные сочетания слов. Затвердевшие словосочетания встречаются во многих песнях, не неся с собой информации о том, куда они первоначально относились.

Так как народное творчество передавалось дальше на слух с помощью пения и речи, в качестве звукового средства аллитерации присуще и сильное эстетическое влияние. Все эти три функции проявляются одновременно (Laugaste 1968: 1874–1875; Leino 1970: 21).

Исследователи часто отмечают связь аллитерации и параллелизма. Оба эти явления являются особыми видами широкой категории повторов. Множественные повторы звуков, слов, строк, эпизодов и идей, к которым относятся и аллитерация с параллелизмом, являются одним из естественных компонентов рунических стихов. Между частями параллельной группы наблюдаются синонимические отношения, из-за чего слова в строках взаимно обусловлены, так же как и при аллитерации. Через параллелизм развивается образ, и аллитерация играет свою роль в этом развитии. Она помогает исполнителю более ярко вести образ дальше (Laugaste 1968: 1880; Leino 1970: 18).

По данным Э. Лаугасте, которые относятся к эстонской народной поэзии, но, на наш взгляд, применимы и к калевальским рунам, из частей речи аллитерируют чаще всего прилагательные, затем числительные, существительные и глаголы. Одна из причин этого заключается в том, что выражающие признак слова и числительные подбирались к главному слову с учётом аллитерации. То же относится к именам собственным и топонимам. Наречия, местоимения и союзы аллитерируют в меньшей степени. Из членов предложения связанные (зависимые) члены предложения аллитерируют в два раза чаще, чем независимые друг от друга. Наиболее часто встречается аллитерация предиката и его дополнений (Laugaste 1968: 1879–1880).

Как правило, аллитерация наблюдается в пределах одной строки. Однако она может и переходить через строку, даже через две, три, реже четыре, образуя, таким образом, цепь. Это случается редко, и не имеет особой значимости, но всё-таки это явление показывает более сильную связь параллельных строк (Laugaste 1968: 1880; Laugaste 1962: 537). Например:

*Kävipä kivehen kīrves,
kasa kalkkoi kalliohon;
kīrves kilpistyi kīvestä...* (8: 155–157)

Наскочил на камень топор,
Угол лезвия на скалу;
Топор отскочил от камня...

В зависимости от местоположения аллитерирующих слов внутри строки можно выделить следующие типы аллитераций: аллитерационные созвучия первого и второго слова строки (1+2: *Suihki sukkula piossa* (8: 11) ‘жужжал челнок в пригоршне’); первого и третьего слова (1+3: *Kutsui neittä korjahansa* (8: 119) [Он] позвал девицу в [свои] сани’); второго и третьего (2+3: *peitti maassa marjan varret* (8: 189) ‘затопила [кровь] на земле стебли ягод’) т.п.; аллитерационные созвучие двух разных пар слов одной строки: первого – со вторым, третьего – с четвертым (1+2, 3+4: *rauta raukka, koito kuona* (9: 272) ‘железо бедное, несчастный шлак’); первого – с третьим, второго – с четвертым (1+3, 2+4: *En liiku omin lihoini* (9: 507) ‘Не двигаюсь [я] своим телом’). Аллитерационное созвучие двух разных пар слов возможно лишь в строках, содержащих четыре и более слова. При этом не все аллитерационные пары одинаковы по своей интенсивности: одна из них обычно находится в сильном созвучии, другая – в слабом (Семенова 2001: 115–116).

Аллитерация не ограничивается калевальскими рунами и фольклором в калевальском размере, она встречается в пословицах, поговорках, загадках скороговорках, считалках, причитаниях и в прозаических жанрах. Значительна её роль в фразеологии. Она используется и в современной поэзии, нередко в языке рекламы, в лозунгах, названиях книг и кинофильмов. По этой причине аллитерация не является критерием, чётко разграничивающим старый и новый фольклор, народную и современную профессиональную поэзию (Leino 1970: 12–13; Laugaste 1962: 531, 537).

П. Лейно выделяет структурную аллитерацию (обязательную и факультативную) и окказиональную (случайную), рождающую звуковые эффекты и распространенную в лирике. Главным критерием разграничения этих двух типов он считает частоту употребления звуковых повторов. Если она превышает частоту случайных аллитераций и является тем фонетическим фактором, который более сильно руководит выбором слов (а не, например, рифма или ассонанс), т.е. остаётся активным на протяжении всего процесса, в результате которого рождается текст, тогда аллитерацию можно назвать структурной, а, если аллитерация активизируется единственно лишь в отдельных пунктах процесса, она является окказиональной (Leino 1970: 22).

К структурной аллитерации относится аллитерация «Калевалы». К случайной, появляющейся эпизодически аллитерации относится, например, аллитерация в русском языке (Карху 1978: 124).

К случайной аллитерации можно отнести и примеры звуковых повторов, встречающиеся в коми переводе «Калевалы». И хотя в одной из своих статей автор перевода А. И. Туркин пишет, что посредством коми языка невозможно передать данную стилистическую особенность эпоса (1985: 9), всё же при детальном рассмотрении, оказывается, что аллитерация (в указанной выше финской трактовке данного термина) в тексте перевода встречается довольно часто.

В тексте перевода нами обнаружено 1539 строк, в которых имеются слова с аллитерацией. Всего «Калевала» на коми языке состоит из 5132 стихов. Таким образом, получается, что аллитерация встречается в 30% строк перевода или почти в каждом третьем стихе.

В количественном отношении больше всего строк с аллитерацией содержит руна 9 (всего 211 таких стихов), за ней следуют руны 4 (165), 3 (149), 10 (120), 44 (119), 40 (111), 7 (108), 2 (106), 1 (97), 41 (77), 8 и 34 (по 73 каждая), 6 (66) и 5(64). Относительно же общего количества строк одной отдельно взятой руны наиболее насыщенными аллитерацией являются руны 9 и 44, 36% стихов которых являются аллитерированными, немного уступают им руны 40 (33%), 4 (32%), 41 (31%), 1 и 34 (30% каждая). В остальных рунах количество строк с аллитерацией колеблется в пределах 26–29%.

С точки зрения интенсивности в подавляющем количестве случаев наблюдается слабая аллитерация: 1235 стиха перевода содержат слабую аллитерацию (80% от общего числа созвучий), 249 – сильную (17%), остальные 55 – смешанные аллитерационные созвучия двух разных пар слов одной строки (3%).

Встречающиеся в тексте перевода слова с аллитерацией могут начинаться 28-ю различными звуками (из них 21 согласный и 7 гласных). Наиболее часто она встречается среди слов, начинающихся на согласный *к*. Доля таких пар от общего числа созвучий составляет 34%, т.е. третью часть. Чуть реже встречается аллитерация слов с начальным *в*: на их долю приходится 23%. Далее следуют созвучия на *п* (11%), *м* (10%) и *с* (5%).

15% созвучий приходится на такие звуки (в соответствии с уменьшением их количества), как *т, б, сь, л, ч, д, з, нь, й, ш, н, з, ж, дз, р, ль*. В 2% случаев созвучны слова, начинающиеся на гласные звуки *о, у, э, а, и, ё, ы*. Нами не обнаружены созвучия слов с начальными звуками *дь, дж, зь, ти, ть*.

Среди сильных аллитераций (т.е. когда полностью совпадает первый слог слов) чаще всего встречаются созвучия слов с начальными *ко, кѵ, во, вѵ, лу, ме, му, пѵ, кы, си, чу, до, по, йо (= ѓ), ве, сьы, ту, шо* (расположены по мере убывания частоты употребления). Всего же нами обнаружено 64 варианта слогов выступающих в роли сильной аллитерации. 25% сильных аллитерационных созвучий приходится на повторения одного и того же слова, столько же приходится на однокоренные слова.

По количеству вступающих в созвучие слов можно выделить следующие типы аллитераций:

a-a,
a-a-a,
a-a-a-a,
a-a+б-б,
a-a+б-б-б

Первый тип может содержать либо сильную, либо слабую аллитерацию, остальные – как сильную или слабую, так и смешанную, т.е. между одной частью компонентов в одном и том же созвучии может наблюдаться сильная аллитерация, а между другой его частью слабая.

а-а

Самый многочисленный тип аллитерации. В тексте перевода нами выявлено 1365 строк (или 88% от общего числа аллитераций), содержащих созвучия подобного вида. Подавляющее большинство из них содержит слабую аллитерацию, таких стихов 1138 (или 83%), сильную же – 227 (17%). Так как строка перевода может содержать до 5–7 слов, то в зависимости от нахождения созвучных слов внутри строки, нами выявлено 15 вариантов пар (из 20 возможных). Самыми распространенными из них являются следующие (примеры на сильную, слабую аллитерацию и аллитерацию гласных):

1+2 (всего 245 случаев):

Посни по^нѵль во^жсьяс ко^стысь (1: а655) ‘Из ветвей мелкой поросли’;
Паръяс по^мся ги^лялѵны (1: а67) ‘Губы без конца чешутся’; *У^вйысь у^вйѵ*
чеччалісны (41: 36) ‘С ветки на ветку прыгали’

1+3 (всего 269):

Вына кияс вы^лѵ мы^джсис (1: а3246326) ‘На сильные руки опёрся’; *Кайяс*
чукѵртісны кы^вьяс (1: а668) ‘Птицы собрали песни’; *Ошлѵн паськыд*
ордым вылын (9: 128) ‘На широкой тропе медведя’

1+4 (всего 161):

Новлі лун и новлі мөддөс (4: 158) ‘[Я] носила день и носила второй’; *Медым луныс пуксис мича* (1: аб99) ‘Чтобы день настал красивым’; *Ачым төдә көртлысь артмөм* (9: 27) ‘Сам [я] знаю железа рождение’

2+3 (всего 204):

Көні позис позтор вөчны (1: а181б182) ‘Где можно было гнездо сделать’; *Сійө вөлі валөн мамөн* (1: аб141) ‘Она была воды матерью’; *Меным этша эськө ковмис* (4: 223) ‘Мне мало бы понадобилось’

2+4 (всего 219):

Ошлысь кок туйяссө корсьө (9: 124) ‘Медведя следы ищет’; *Тöлыс пөльтис сылы пидөс* (1: аб132) ‘Ветер надул ей сына’; *Нырыс уз щельяө инмө* (7: 51) ‘[Его] клюв в каменистый обрыв попадает’

3+4 (всего 145):

Лэчыд шыпурт дорчысь дорис (9: 98) ‘Острый меч кователь выковал’; *Шөвкысь чөрөс кокад көмав* (4: 173) ‘Шёлковые чулки на ноги надень’; *Кор ме аддза аслам синмөн* (10: 115) ‘Когда я увижу своими глазами’

Другие, реже встречающиеся варианты (по мере уменьшения количества): 1+5 (31 пример), 3+5 (29), 2+5 (28), 4+5 (22), 3+6 (6), 1+6 (2), 2+6 (2), 4+6 (1) 5+7 (1).

а-а-а

В тексте перевода встречаются такие строки, в которых аллитерируются три каких-либо слова. Таких строк нами обнаружено 107 (7%). По своей интенсивности, т.е. соотношения слабого (далее С) и сильного (далее СЛ) созвучий, данный тип аллитерации может быть следующих видов: С-С-С (всего 61 случай), СЛ-СЛ-СЛ (5 случаев), СЛ-С-СЛ (17 случаев), С-СЛ-СЛ (14 случаев), СЛ-СЛ-С (10 случаев). С точки зрения нахождения созвучных слов внутри строки в тексте перевода нами обнаружены 13 различных комбинаций. Наиболее часто встречающиеся из них (в следующей последовательности: С-С-С, СЛ-СЛ-СЛ, СЛ-С-СЛ, С-СЛ-СЛ, СЛ-СЛ-С):

1+3+4 (24):

Ветлөдлі ме видзьяс вывті (8: 53) ‘Ходила я по лугам’; *Көні аслам көкан көкө* (7: 299) ‘Где своя кукушка кукует’; *Кок зьөм кузя кок чунь вылас* (41: 193) ‘По подъёму ноги на пальцы ног’; *Вөрө муні вотөс вотны* (4: 138) ‘В лес пошла [я] ягоды собирать’; *Көні дорччан көлуй күйлө* (10: 269) ‘Где кузнецкие принадлежности лежат’

2+3+4 (14):

Сэтчө мөвпөй менам мунны (10: 452) ‘Туда мысль у меня идти’; *Весиг дорччысь дугдис дорны* (34: 20) ‘Даже кузнец перестал ковать’; *Киссьём пины пöрысь пöчө* (10: 208) ‘Старая старушка с выпавшими зубами’; *Мунис вотс вотны вöрө* (34: 210) ‘Отправилась ягоды собирать в лес’

1+2+3 (23):

Синва саридзлөн сөдз ваысь (41: 222) ‘Слёзы из ясной воды моря’; *Гажтём гажнас гажөдчөны* (5: 31) ‘Невеселым весельем веселятся’; *Синьясысь сөдз синва петис* (4: 473) ‘Из глаз ясные слёзы пошли’; *Кывзы, корöны кор тэнö* (9: 406) ‘Послушай, просят (зовут) когда тебя’; *Каттысь-кавшась коз ну вылас* (10: 135) ‘Поднимись-залезь на ель’

1+2+4 (19):

Татчө төв ныр туйяс бокөд (10: 181) ‘Сюда мимо путей вихрей’; *Петө немс бөрся немс* (41: 32) ‘Выходит зверь за зверем’; *Вылас вөвлөн мыгөр вөлис* (6: 40) ‘Наверху фигура коня была’; *Пöрысь пöчө важ пась улын* (8: 248) ‘Старая старушка под старой шубой’; Гласные: *Öкмыс олём мортлысь олис* (1: аб137) ‘Прожила восемь человеческих жизней’; *Ола ассьым лөсьыд олём* (4: 112) ‘Живу [я] своей хорошей жизнью’

Другие варианты (по мере уменьшения количества): 2+3+5 (8 примеров), 2+4+5 (4), 1+2+5 (4), 1+3+5(4), 3+4+5(2), 2+3+6 (2), 3+4+6 (1), 1+3+6 (1), 1+4+5 (1).

а-а-а-а

В переводе можно встретить также строки, содержащие четыре слова в созвучии. Всего нами обнаружено 6 подобных стихов (0,4%). С точки зрения содержания сильной или слабой аллитерации, они являются следующего вида:

С-С-С-С: *Киас кыдз ну корось кутис* (7: 151) ‘В руках берёзовый веник [она] держала’

СЛ-С-СЛ-С: *Во выль вöн вежсис-колис* (1: а2356241) ‘Год новым годом заменялся-проходил’

С-СЛ-С-СЛ: *Кодыр көкан кутис көкны* (4: 505; 44: 188) ‘Когда кукушка стала куковать’

С-СЛ-СЛ-С: *Кодыр көклысь көкөм кывза* (4: 514) ‘Когда кукование кукушки слышу’

СЛ-С-С-СЛ: *Пуртөс пытиссьыс перйө пуртсө* (40: 188) ‘Из ножен [он] достаёт нож’

а-а+б-б

Одна строка может содержать аллитерационные созвучия двух разных пар слов. Таких стихов в переводе нами выявлено 54 (3,5%). По степени интенсивности, т.е. соотношения слабого и сильного созвучия, данный тип

аллитерации может быть следующих видов: СЛ+СЛ (всего 17), С+С (25), СЛ+С / С+СЛ (12). С точки зрения нахождения аллитерирующих слов внутри строки нами в тексте перевода обнаружены 13 возможных вариантов. Наиболее часто встречающиеся комбинации (СЛ+СЛ, С+С, СЛ+С / С+СЛ):

1+4 2+3 (12):

Войтыр, кодi коркo воас (9: 578) ‘Народ, который когда-то появится’;
Сьылі мичмoдас мед сикoти (4: 168) ‘Шею пусть украсят бусы’; Кoрт
пыр паныдасьны кoсiйс (9: 68) ‘Железо всё встретиться хотело’; Кодыр
шурса шуйтын куйлин (9: 289) ‘Когда в болотной тине [ты] лежало’

1+3 2+4 (11):

Поэтoм кoкльсь пoттoм кoкoм (4: 504) ‘Нескончаемое кукование кукушки без гнезда’; Тани, мeoн тoдтoм муас (7: 265) ‘Здесь, в неизвестной мне земле’; Кодыр ставьс кoсьмис, сoтчис (9: 382) ‘Когда всё сохло, горело’; Кола дорьсь кыліс дорчoм (10: 50) ‘От кузницы услышал кование’

1+4 2+5 (7):

Эн вoв ыждыд, эн вoв ичoт (9: 278) ‘[Ты] не было большим, не было малым’; Гаикo, кoськ, а, гаикo, кер пом (40: 109) ‘Может порог, а может обрубок бревна’

1+6 2+5 (7):

Пoжo дун, и мoд дун пoжo (1: a209b210) ‘Высиживает день и второй день высиживает’

1+2 3+4 (7):

Кутишoм козин мeным мыччан (7: 291) ‘Какой подарок мне преподнесешь’; Кoкoс кoкoм вылo вордны (10: 416) ‘Кукушек на кукование заклинать’; Узьысь Унтамо, вай висьтав (5: 16) ‘Спящий Унтамо, давай скажи’

Другие варианты: 1+3 2+5 (2 примера), 1+4 3+5 (2), 1+2 4+6 (1), 1+5 2+3 (1), 1+2 4+5 (1), 2+3 4+5 (1), 1+5 3+4 (1), 1+5 2+4 (1).

а-а+б-б-б

Среди содержащихся в одной строке двух разных пар аллитерирующих слов встречаются и такие пары (всего 7; 0,45%), один из членов которых состоит не из двух, а трёх слов:

С+СЛ–С–СЛ: Мoвпoй сирасис сьoд сир мoз (4: 213) ‘[Моя] мысль прилипла как чёрная смола’, Ме oг тэныд и oг мoдлы (4: 21, 107) ‘Я не тебе и не другому’, Но зз вoв и выти ичoт (2: 113) ‘Но не был и слишком

маленьким’, **Кёк вай, кёкан, кыдз пу вылас** (2: 364) ‘Кукуй давай, кукушка, на берёзе’

СЛ+СЛ–СЛ–СЛ: «**Шүд вай, шүд вай!**» – коймөд **шүд** (4: 488) ‘«Счастье принеси, счастье принеси!» – третья говорит’

СЛ+СЛ–С–СЛ: **Мунан лун, и мөд лун мунан** (34: 143) ‘Пойдёшь день, и второй день пойдёшь’

В переводе встречаются такие строки, все слова которых (либо их подавляющее большинство) аллитерируют между собой. Такие строки содержат созвучия типа *a-a-a* и *a-a-a-a*. Выше, рассматривая данные типы аллитерации, мы уже приводили строки, все слова которых созвучны. Ещё несколько примеров из разных рун:

*Сийд тэныд бур кыв сетас,
Кыдзи веськыд туйдд мунны,
Медым помөддз шог эз жугодд,
Майшасьбьмысь медым мынны...* (5: 218–221)
(Аналогичный отрывок: 5: 211)

Она тебе хороший совет даст,
Как прямой дорогой идти,
Чтоб совсем горе не сломило,
От тревоги чтобы спастись...

*Ассьыс биа вужсб лэптис,
Веськыд пельом бердас пуктис,
Лыйны ддсьбдчис да дднис...* (6: 147–149)

Свой огненный лук поднял,
К правому плечу приложил,
Стрелять приготовился и затих...

Дзизигтырий сийд лэбалд...
...
Кодзукотлысь кудэсб кыскд... (9: 237–...–242)

Жужжа он летает...
....
Муравьюню мочу несет...

*Сэки Похьеласа инька
Сетис сёйны-юны сылы,
Пуксьбддс паруса пыжбд...* (10: 455–457)

Тогда Похьельская старуха
Дала есть-пить ему,
Посадила в лодку с парусом...

*Гашикб, Похьеласысь сюрб,
Коді кантелебн кужб
Бура ворсны, гажлун корсны...* (40: 287–289)

Может, в Похьэле найдется,
Кто на кантеле сможет,
Хорошо играть, радость искать...

**Ворсан везьяс везжыньтчисны,
Вөв ббж сияс орласисны...** (40: 305–306)

Игральные струны искривились,
Конские волосы оборвались...

Подобные строки: **4: 514, 7: 170, 40: 331**

Встречаются случаи, когда аллитерация переходит границы строки и связывает слова двух или нескольких строк:

*Шбөк сунисысь тывсб чөвтис,
Надзбн ббра-водза кыкис...*
...
**Вяйнбласа вяяс вывти,
Калевала венбр вомбн...** (5: 141–...–147)

Невод из шёлковой нити закинул,
Тихонько туда-обратно тянул...

**Кык дай кум войков ббрдис,
Кузь луньясбн синва кысьтис,
Эз тбд, кытысь туйсб корсны...** (7: 125–127)

Двое и трое суток плакал,
Длинными днями слёзы лил,
Не знал, откуда дорогу искать...

<i><u>П</u>дьб, <u>п</u>длать дорын олысь, Еджыд тошка <u>п</u>аччёр <u>п</u>жысь... (8: 270–271)</i>	Старик, при полатях живущий, Белобородый печной соня...
<i>Тадзи <u>к</u>оймод во тийшти <u>к</u>олис Сисьмод <u>к</u>ык <u>к</u>оз пу мыр <u>к</u>остын, <u>К</u>ыз пулён <u>к</u>ум вуж улын. (9: 90–92)</i>	Так третий год [железо] провело, Между двух сгнивших еловых пней, Под тремя корнями берёзы.
<i>Сэтчй <u>м</u>өвпй <u>м</u>енам <u>м</u>унны, Чужан <u>м</u>уын <u>м</u>едым кувны... (10: 452–453)</i>	Туда у меня мысль идти, В родной земле чтобы умереть...
<i><u>М</u>амыс <u>м</u>едводдзайн корсьб, <u>М</u>амыс корсьб, <u>м</u>амыс шогсьб. <u>М</u>е и <u>м</u>уні, коньбр <u>м</u>амйй... (34: 218–220)</i>	Мать первой ищет, Мать ищет, мать печалится. Я и отправилась, бедная мать...
<i>Мечнас зургис саридз гыб, <u>П</u>емьд вад, <u>п</u>ыжныс улб, <u>П</u>ёрысь сирлы <u>п</u>ельпомъясас... (40: 159–161)</i>	Своим мечом [он] ткнул в волну, В тёмную воду, под лодку, В плечи старой щуки....

Подобные аллитерационные цепи встречаются также в следующих отрывках: **7**: 42–43; **9**: 111–112, 155–156, 177–178, 202–203, 235–236, 256–257, 297–298; **10**: 208–209, 211–212, 224–225, 266–270, 407–408, 415–416; **34**: 109–112; **40**: 73–74.

Вышеприведенные примеры аллитераций, затрагивающих все (или почти все) слова строки, как и случаи цепочек созвучных слов, а также и удельный вес стихов с аллитерацией в общем объёме переведенного текста, свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что А. И. Туркин, судя по всему, сознательно стремился к нахождению по возможности созвучных слов и введению их в текст.

Несмотря на данное стремление, аллитерация в тексте перевода всё же не является структурной, а остается случайной. Она не является организуемым и характеризующим текст фонетическим фактором. Причиной этого являются ограничивающие творческие возможности переводчика фонетические и лексические особенности коми языка, отличающие его и от языка «Калевалы», и от финского языка в целом. Сюда относится большое количество фонем: в коми языке их 33 (7 гласных и 26 согласных), тогда как в финском – 21 (8 гласных, 13 согласных) (СКЯ I: 14; ISK: 37–38), следствием чего является меньшее количество одинаково начинающихся слов. Также свою роль играет и отсутствие необходимого количества пар синонимов (литературных и диалектных), среди которых можно было бы подобрать вариант, способный создать с каким-либо другим словом строки аллитерационное созвучие.

Выше уже говорилось о том, что один из венгерских исследователей сравнил количество аллитерирующих пар слов в оригинале и в пяти венгерских переводах. Для этого он произвёл подсчёты в трёх отрывках из трёх разных рун (**2**: 1–100, **4**: 100–200, **9**: 1–100). Напомним что, результаты его подсчетов выглядят так (финский оригинал, Ф. Барна, Б. Викар, К. Надь, И. Рац, И. Сенте): **80**, 21, 56, 56, 100, 194; **83**, 19, 43, 51, 99, 137; **80**, 23, 54, 67, 100, 174 (Varga 2010: 124, 135).

На наш взгляд, интересно было бы с этой точки зрения рассмотреть и коми перевод И. А. Туркина, дополнив сравнение данными из эстонского перевода А. Анниста и русских переводов Л. П. Бельского и Э. Киуру – А. Мишина. Также интерес представляет сравнение в этом плане двух коми переводов 41-й руны: перевода В. И. Лыткина и соответствующих им строк перевода А. И. Туркина.

По нашим подсчётам эстонский перевод содержит следующее количество созвучных пар слов: 2-я руна (строки 1–100): 97, 4-я руна (строки 100–200): 87, 9-я (1–100): 81. То есть он в общей сложности совпадает с оригиналом, не отставая от него и не превышая в значительной мере его показатели.

Данные подсчётов по двум русским переводам: Л. П. Бельский: 35, 28, 29; А. Мишин – Э. Киуру: 34, 35, 35. То есть различия с точки зрения аллитерации между двумя русским переводами минимальны. На одинаковом уровне они находятся и по отношению к оригиналу. Большая разница с оригиналом продиктована типологическими и структурными различиями двух языков и тем, что авторы переводов, осознавали, что попытка, во что бы это ни было, передать данную особенность оригинала или «...ни к чему бы не привела и только до крайности затруднила бы переводчика» (Бельский 1915б: xxiii), либо же привела к искусственности звучания (Мишин 1998: 14).

Данные подсчёта количества аллитераций в коми переводе А. И. Туркина: 33, 51, 48.

Таким образом, в количественном отношении коми перевод превосходит русские тексты, но в 1,5–2 раза уступает эстонскому переложению и самому оригиналу. Так как ни переводчики на русский язык, ни переводчик на коми не стремились искусственно увеличить в тексте количество созвучных слов и встречающаяся в переводе аллитерация в подавляющем большинстве случаев носит случайный характер, то можно предположить, что коми язык более чем русский предрасположен к данному явлению и эта предрасположенность является причиной большего числа аллитераций в коми переводе по сравнению с русскими.

Из венгерских переводов «Калевала» на коми языке сопоставима с работами Б. Викара и К. Надя, которые также не ставили перед собой задачу насыщения текста наибольшим количеством возможных аллитерационных пар, т.е. в большинстве случаев оставались в рамках случайного попадания созвучных слов рядом друг с другом. Данный факт даёт возможность говорить о том, что коми и венгерский языки с точки зрения их естественной предрасположенности к аллитерационным созвучиям находятся примерно на одном уровне.

Если же сравнить между собой два коми перевода 41-й руны (перевод в 91 строку В. И. Лыткина и соответствующие ему фрагменты перевода А. И. Туркина), то можно заметить, что они по насыщенности аллитерацией находятся примерно на одном уровне, а имеющиеся между ними различия несущественны. Перевод В. И. Лыткина содержит 39 пар созвучных слов,

перевод А. И. Туркина – 33. Так как первый был сделан, скорее всего, с русскоязычного текста «Калевалы» и его автор из-за этого, по-видимому, не был в курсе исследуемой здесь особенности формы оригинала, а автор второго перевода, по его собственным заявлениям, сознательно не стремился каким-либо способом передать аллитерацию оригинала, и из-за того, что эти два перевода, несмотря на то, что сделаны с интервалом в 60 лет, всё же совпадают по степени созвучия слов, можно сделать вывод, что они отображают естественную предрасположенность коми языка к аллитерации, которая, следуя приведенным выше подсчётам, выше русской, находится примерно на одном уровне с венгерской, но в 2–2,5 раза ниже финской и эстонской.

3.4.3. Параллелизм

Наряду с восьмисложным трохеическим размером и аллитерацией, параллелизм (ф. *kerto, parallelismi*) является одной из основных отличительных особенностей «Калевалы» и фольклора в калевальском размере. Суть данного приёма заключается в том, что содержащаяся в какой-либо строке стиха мысль в видоизмененном виде повторяется в следующей строке. При параллелизме каждому понятию из главной строки, за исключением глаголов и служебных слов, в последующей строке (или строках) соответствуют либо синонимичные, либо аналогичные (подобные), либо противоположные (антонимичные) понятия. При этом во второй строке не может быть таких элементов (членов предложения, понятий), которые отсутствовали бы в главной строке параллелизма (Kuorinen 1957; Kuusi 1979: 16; Piela 2008: 304; Мишин 1988: 141).

Основная строка параллелизма обычно выражает мысль более сухо, более обще, а строка повтора добавляет оттенки, краски, проявляет характерные особенности того о чём было сказано в первой строке. Основные строки, таким образом, по выражению Е. А. Сааримаа, являются основой повествования, а строки повтора – «пестрыми одежками, в которых много золота поэзии». В строках повтора проявляется изобретательность поэзии, способность видеть в изображаемом новые проявления и находить для них языковое выражение (Saarimaa 1920: 14).

Функция приёма параллелизма, таким образом, заключается в том, что, останавливая внимание на какой-либо мысли, развивая, конкретизируя её, он усиливает художественное воздействие сказанного. Повторы-параллели не движут повествование, сюжет вперёд. Характерной чертой данного приёма является также то, что в повторах часто используется словарный запас трех языков (финского, карельского и вепсского) и их диалектов (Хурмеваара 1972: 11–12).

Параллелизм может состоять (Kuusi 1949: 93):

- 1) из двух половин одного и того же стиха (внутристрочный параллелизм; $\frac{1}{2}+\frac{1}{2}$):

*Enkä nyt tuota tieäkänä
miten olla, kuin eleä...* (5: 208–209)

И не знаю теперь,
Как быть, как жить...

- 2) из пары строк (1+1):

*"Mi lienee ilo merellä,
mikä laulu lainehilla,
ilo entistä parempi,
laulu muita laatusampi?"* (40: 9–12)

«Что за радость на море,
Что за песня на волнах,
Радость прежней лучше,
Песня других прекрасней?»

- 3) из цикла повторяющихся, параллельных друг другу строк (1+1+1, 1+1+1+1 и т.д.):

*Lenteä hyrähtelevi;
viskoi Hiien hirmuloita,
kantoi käärmehen kähyjä,
maon mustia mujuja,
kustaisien kutkelmoita,
sammakon salavihoja
teräksenteko-mujiihin,
rauankarkaisu-vetehen.* (9: 237–244)

Летит, жужжит;
Швырнула зелья Хийси,
Бросила змея яд,
Змея черную отраву,
Муравя желчь,
Лягушки тайное зелье
В жидкость для создания стали,
В воду для закалки железа.

- 4) из параллельных друг другу строф, состоящих из двух или более строк (2+2, 2+2+..., 3+3, 3+3+... и т.п.):

*Muuttuivat murut hyväiksi,
kappalehet kaunoisiksi:
munasen alainen puoli
alaiseksi maaemäksi,
munasen yläinen puoli
yläiseksi taivahaksi;
yläpuoli ruskeaista
päivöseksi paistamahan,
yläpuoli valkeaista,
se kuuksi kumottamahan;
mi munassa kirjavaista,
ne tähiksi taivahalle,
mi munassa mustukaista,
nepä ilman pilvilöiksi.* (1: 231–244)

Стали осколки хорошими,
Куски прекрасными:
Яичка нижняя часть –
Нижней землей-матерью,
Яичка верхняя часть –
Верхним небосводом;
Желток верхней части –
Солнцем светить,
Белок верхней части –
То лунной сиять;
Что в яйце пёстрое –
То звёзды на небе,
Что в яйце тёмное –
То воздуха тучи.

Параллелизм может быть с нахлесткой (конец первой строки повторяется в начале следующей), анафористический (повторение одного и того же слова в начале каждого параллельного ряда) и эпифористический (повторения одних и тех же слов в конце строк), с цепочкой повторов. Простейшим и наиболее древним видом параллелизма является тавтологический повтор всей строки (KL: 82–83).

Параллелизм с нахлесткой:

*lauloi kuusen kukkalatvan,
kukkalatvan, kultalehvän...* (10: 33–34)

Напел ель цветущую макушку,
цветущую макушку, золотую хвою...

Анафористический и эпифористический параллелизмы:

*Mitäpä kysyt minulta,
jos saatat omille maille,
oman peltoni perille,
oman käen kukkumille,
oman linnun laulamille!* (7: 296–300)

Что ж попросишь у меня,
Если отправишь на родные земли,
На своё поле,
На свои места, где кукуют кукушки,
На свои места, где поёт птица.

*vei ne ulos usta myöten,
pellolle pihoa myöten...* (7: 155–156)

Отнесла их наружу через дверь,
На поле через двор...

Цепочка повторов:

*Ve'et vieri silmästänsä,
toiset toisesta noruvi.
Putosivat poskipäille,
kaunihille kasvoillensa,
kaunihilta kasvoiltansa
leve'ille leuoillensa,
leve'iltä leuoiltansa
rehe'ille rinnoillensa,
rehe'iltä rinnoiltansa
päteville polvillensa,
päteviltä polviltansa
jalkapöyille jaloille,
jalkapöyiltä jaloilta
maahan alle jalkojensa...* (41: 193–206)

Воды катятся из его глаза,
Другие из второго льются.
Падаю на скулы,
На красивое лицо,
С красивого лица
На широкий подбородок,
С широкого подбородка
На сильную грудь,
С сильной груди
На мощные колени,
С мощных коленей
На стопы большие,
Со стоп больших
На землю под его ноги....

При составлении «Калевалы» Э. Лённрот увеличил число параллелизмов. Большое количество повторов, длинные цепи параллелизмов из трёх, четырёх и большего числа строк – одно из отличий данного произведения от лёгших в её основание народных рун. Эпический фольклор использует параллелизм более экономно, развивая сюжет в драматических пунктах без повторов, с помощью коротких, напряженных фраз. Текст «Калевалы», её параллелизмы более объёмны, чем исходные руны. Увеличение числа параллелизмов происходило таким образом, что Э. Лённрот дополнял строку составляемой руны потенциально параллельной ей строкой из другого варианта этой же руны или добавлял к строке подходящий к данному контексту параллелизм из совсем другой песни. Число параллелизмов увеличивалось и из-за включения в текст рун заклинаний и лирики (KL: 83; Kaukonen 1979: 79).

Подобное увеличение числа параллелизмов Е. А. Сааримаа считает в определённой степени ошибочным, приводящим к монотонности. По его мнению, Э. Лённрот мог бы и не вводить в текст эпоса некоторую их часть, причём это совсем не сказалось бы на красочности изображения (Saarimaa 1920: 11, 19).

В статье, посвященной 150-летию издания «Калевалы» и опубликованной вместе с переводом на коми язык 1-й руны эпоса, А. И. Туркин, говоря о своём переводе, пишет, что наряду с размером и аллитерацией на коми язык невозможно передать и параллелизм оригинала (Туркин 1985: 9). И действительно, часто в тексте оригинала параллелизмы отсутствуют. Но, на наш взгляд, переводчик в какой-то мере всё же сумел передать эту черту текста подлинника. При этом в нашем исследовании по отношению к переводу мы придерживаемся менее категоричной, чем финская, трактовки понятия параллелизм. К данному приёму мы относим и такие повторы, в которых во вторых и последующих строках имеются какие-либо вставки в виде понятий или членов предложения, отсутствующих в первом стихе параллелизма, но при этом строки повторяют смысл друг друга, между ними сохраняются отношения синонимии, аналогии (подобия), либо же противопоставления (антонимии).

По нашим подсчётам в оригинальном тексте четырнадцать рун «Калевалы», переведённых на коми язык, содержит 1959 параллелизмов разного типа. В свою очередь, в соответствующем им тексте перевода нами выявлено 1413 (если брать во внимание второй вариант перевода 1-й руны, то 1419) параллелизмов, т.е. в переводе сохраняется до 70% данной стилистической особенности оригинала.

С точки зрения различных типов параллельных повторов, в тексте рун оригинала, соответствующем исследуемому нами переводу, самыми многочисленными являются параллелизмы типа $I+I$, т.е. две строки, параллельные друг другу: 1508 случаев или 77% от общего числа параллелизмов оригинала. Примерно на одинаковом уровне представлены повторы типа $I+I+I+...$ (цикл из нескольких параллельных друг другу строк) и $\frac{1}{2}+\frac{1}{2}$ (внутристрочный параллелизм): 217 и 202 случая (11% и 10%) соответственно. Наименьшую в количественном отношении группу составляют повторы типа $2+2+...$ (состоящие из двух или более строк параллельные друг другу строфы): всего 32 случая (2%).

В свою очередь в переводе лучше всего передан параллелизм типа $2+2+...$: их в переводе сохраняется до 90% случаев (всего 29 (в случае со вторым вариантом перевода 1-й руны – 30)). Затем следуют повторы типа $I+I$ (1153 / 1156 случаев) и $I+I+I+...$ (166 / 167) с 76% каждый. Хуже всего в переводе передан внутристрочный параллелизм ($\frac{1}{2}+\frac{1}{2}$): в коми тексте нашло отображение лишь 32% данного вида параллелей-повторов оригинала (65/ 66).

Что касается различных рун, переведённых на коми язык, лучше всего параллелизм разных типов сохранен в 9-й руне, 83% параллелей-повторов оригинала которой нашли отображение в переводе (186 случаев из 223). Наибольшее количество деформаций данного стилистического приёма «Калевалы» наблюдается в переводах 1-й (первый вариант перевода) и 34-й рун: в коми тексте содержит всего 60% параллелизмов оригинала (91 / 59 случаев из 151 / 98 соответственно). Во втором варианте перевода 1-й руны количество параллелизмов немного увеличивается (всего 97 случаев

или 64% от оригинала), что может говорить о стремлении автора перевода к более адекватной передаче данной характерной особенности оригинала. В других переведённых рунах уровень передачи параллелей-повторов колеблется на уровне 63–82%, т.е. 60–146 случаев в переводе против 87–191 случая в оригинале.

Как уже отмечалось выше в переводе в общей сложности передано до 70% параллелизмов. Приведем примеры адекватной передачи параллелизмов разного типа:

$\frac{1}{2}+\frac{1}{2}$

Tuor' on kokko, ilman lintu,
kantoi vanhan Väinämöisen... (7: 109–110)
Тот орёл, неба птица,
Отнесла старого Вяйнямейнена...

Tэрыб кутти, енэжса лэбач,
Вяйнямойненёс со нуд... (7: 110–111)
Быстрый орёл, небесная птица,
Вяйнямейнена вот несёт...

1+1

"Kunne tyttösi katosi,
minne sai sisarueni?" (34: 207–208)
«Куда твоя дочь пропала,
Куда делась моя сестра?»

«Кытчö ныльд тэнад воши,
Кытчö менам чоййи лоус?» (34: 204–205)
«Куда дочь твоя пропала,
Куда моя сестра делась?»

1+1+1+...

jor' on kaunis kaatununna,
tinarinta riutununna,
sortunna hopeasolki,
vuò vaski valahtanunna... (4: 427–430)
Уж красавица пропала,
Оловянная грудь угасла,
Погибла серебряная застёжка,
Пояс медный исчез...

Мича ньлукыд öд кулис,
Ширьсы кызяыд öд пöдис,
Эзысь пажукаыд вошис,
Ыргöн вöньяыд öд вöйис... (4: 425–428)
Твоя красивая дочь ведь умерла,
Со свинцовыми пуговицами ведь захлебнулась,
С серебряной заколкой ведь потерялась,
С медным поясом ведь утонула.

2+2+...

Josp' on mulla suu suloinen,
suloisempi suu Jumalan,
jospa on kaunoinen käteni,
käsi Luojan kaunihimpi. (9: 513–516)
Если ж у меня уста прелестны,
Прелестнее уста Бога,
Если же красива [моя] рука,
Рука Создателя красивее.

Менам кывъясö кө бурёсь,
Бурджыкөсь на Енлön кывъяс.
Аслам кидй, дерт жё, мича,
Вöчыслөн кийс мичаджык. (9: 513–516)
Мои слова если хороши,
Ещё лучше Бога слова.
Своя рука, конечно ж, красива,
Создателя рука красивее.

Однако треть параллелизмов в переводе не нашла отражения. Нами в коми тексте выявлены следующие виды деформации параллелизмов:

I. Исчезновение повторов-параллелизмов, не приводящее к изменению объёма текста перевода:

- 1) замена внутрисклочного параллелизма ($\frac{1}{2}+\frac{1}{2}$) обычным стихом, передающим содержание оригинала (иногда с различными вставками)

- 2) замена параллелизма, состоящего из двух стихов (1+1), двумя строками, содержащими одно предложение, передающее содержание параллелизма оригинала
- 3) замена одной из строк параллелизма (1+1) строкой, не имеющей соответствия в оригинале и не являющейся параллельной другой строке, но с точки зрения содержания связанной с другими строками текста и в какой-то мере перефразирующей содержание заменяемой строки оригинала.

II. Деформация параллелизмов, приводящая к изменению объёма текста перевода:

- 1) выпадение в переводе второй строки параллелизма
- 2) замена двух (или большего числа) строк параллелизма оригинала одной строкой перевода, либо включающей в себе элементы исходных строк, но не имеющей эквивалента в оригинале, либо же передающей общий смысл содержания, но в отличной от оригинала форме
- 3) выпадение повтора из параллелизма типа 2+2

На долю деформаций, не приводящих к изменению объёма текста, т.е. не вызывающих выпадение строк, приходится около 80% от всех деформаций параллелизмов, оставшиеся 20% – это такие преобразования, в результате которых переведенный текст становится короче оригинала.

Чаще всего в тексте перевода наблюдается деформации, связанные с заменой повторов типа 1+1 одним предложением долиною в две строки текста и с заменой одной из параллельных строк оригинала на такую, которая не имеет эквивалента в исходном тексте и не является параллельной другим стихам: к данным типам относятся две трети всех деформаций или 30% и 29% соответственно. Почти пятая часть (24%) случаев приходится на замену внутрискрочного параллельного повтора ($\frac{1}{2}+\frac{1}{2}$) обычным стихом. В 9% случаев наблюдается выпадение одной из строк параллелизма; почти с такой же частотой (8%) происходит и замена двух или нескольких строк параллельного повтора одной, передающей общий смысл и содержащей элементы строк оригинала, но не имеющей эквивалента в исходном тексте. Доля деформации выпадения повтора из параллелизма типа 2+2 составляет десятые доли от 1%.

I. Исчезновение повторов-параллелизмов, не приводящее к изменению объёма текста перевода

- 1) Замена внутрискрочного параллелизма обычным стихом, передающим содержание оригинала (иногда с различными вставками)

Почти всегда в переводе строка-формула, содержащая внутрискрочный параллелизм *Sanan virkkoi, noin nimesi* 'слово сказал, так промолвил' (или её варианты *itse lausui, noin nimesi / itse virkki, noin nimesi* 'сам сказал, так

промовил)’, заменяется стихом, не содержащим параллелизма *Татиём кывъяс шуис-кайтис* ‘такие слова сказал-повторил’ (или его вариантами (*Сэссия татиём кывъяс (сйё / сылы) шуис-кайтис (шуис / кайтис)* ‘(Затем) такие слова (он / ему) сказал-повторил (сказал / повторил)’; *Шуис-кайтис (Шуис пöльлы) татиём кывъяс* ‘Сказал-повторил (сказал старику) такие слова’; *Татиём сёрни сйё (водзö) панис* ‘Такую речь он (далее) начал’).

Данная замена происходит в следующих местах: **2:** ф132/к131; **3:** ф110/к109, ф122/к121, ф136/к135, ф190/к187, ф344/к340, ф527/к521; **4:** ф14/к13; **5:** ф16/к15, ф60/к57, ф195/к189; **6:** ф136/к132; **7:** ф58/к59, ф/к174, ф/к197, ф/к204, ф/к210, ф/к220, ф/к246, ф/к290, ф/к304, ф/к324, ф340/к339; **8:** ф/к34, ф/к92; **9:** ф/к26; **10:** ф76/к69, ф212/к202, ф290/к274, ф435/к408; **34:** ф101/к99, ф110/к108, ф114/к112, ф124/к122, ф210/к207; **40:** ф104/к102, ф116/к114, ф122/к120; **41:** ф234/к220; **44:** ф178/к176, ф198/к197.

Другие примеры деформации внутрисклоного параллелизма из разных рун:

Käu pian, välehen jou'u (1: 175) ‘Прийди быстро, немедленно поспеши’ → *Öдйöджык вай татчö волы* (1: а1716172) ‘Быстрее давай сюда прийди’

Vieri kuynel, vieri toinen (4: 451, 455, 459, 463, 467) ‘Катилась слеза, катилась вторая’ → *Синва борся киссис синва* (4: 447, 451, 455, 459, 463) ‘За слезой катилась слеза’

koti jääri, tie lyheni (6: 18) ‘Дом остаётся [позади], дорога укорачивается’ → *Гортыс важöн бөрö колис* (6: 15) ‘Дом давно позади остался’

alla päin, rahoilla mielin (10: 45) ‘Вниз головой, с плохим на уме’ → *Дзормём юрыс шогён тырис* (10: 39) ‘Поседевшая голова горем наполнилась’

veen isäntä, vuon alio (40: 56) ‘Воды хозяин, течения житель’ → *Визув ваын олысь айö* (40: 54) ‘В бурной воде живущий отец’

Отсутствие данного типа параллелизма наблюдается также в следующих отрывках: **1:** ф295–296/к а283–2846285–286, **2:** ф/к9, ф/к13, ф/к65, ф90/к89, ф104/к103, ф126/к125, ф227/к226; **3:** ф/к42, ф/к80, ф138/к137, ф161/к159, ф273/к267, ф280/к275, ф296/к291, ф501/к495; **5:** ф59/к56, ф125/к119; **6:** ф113/к110; **7:** ф34/к35, ф51–52/к52–53, ф89/к90, ф/к160; **8:** ф/к2; **9:** ф/к89, ф/к159, ф215/к214, ф/к503; **10:** ф9/к8, ф32/к28, ф39/к34, ф239/к226, ф465/к437, ф484/к456; **34:** ф/к15, ф41/к40; **40:** ф25/к24, ф254/к252, ф258/к257; **44:** ф/к16, ф/к62, ф83/к82, ф259/к256.

- 2) Замена параллелизма, состоящего из двух стихов, двумя строками, содержащими одно предложение, передающее содержание параллелизма оригинала

Несколько примеров подобной деформации из руны 34:

*ennenkuin isäntä saisi
naisen kuolon korvihinsa,
painuisi pahoille mielin,
tapahtuisi tappelohon.* (34: 7–10)
До того как хозяин узнал бы
О смерти жены,
Пришел бы в ярость,
Пустился бы в драку.

*Siinä istuvi isotoin,
armotoin ajattelevi:
"Mikä lie minunki luonut,
kuka kurjaisen kuvannut
kuuksi päiväksi kululle,
iäkseen ilman alle?"* (34: 43–48)
Тут сидит сирота,
Беззащитный раздумывает:
«Кто же меня создал,
Кто беднягу содеял
[Пока есть] месяц, солнце бродить,
На всю [свою] жизнь под небо?»

*"Juohtui mielehen minulle,
puuttui aivohon ajatus
mennä tuonne toisialle,
käyä Untamon kylähän,
kosta sukuni surma,
ison kohlut, maammon mahlat..."* (34: 115–120)
«Пришло на ум мне,
Закралась в мозг мысль
Идти в места другие,
Сходить в селенье Унтамо,
Отомстить [моего] рода гибель,
Отца страдания, матери слёзы...

*Кодыр дорччысь эз на кывлы
Готыр кулём йывсьыс немтор:
Ыджыд шогсьыс вермас сійё
Куллервоёс весиг вины.* (34: 7–10)
Пока кузнец не услышал
О смерти жены ничего:
Из-за большого горя сможет он
Куллерво даже убить.

*Батьём-мамтём коньёр мортыд
Тадзи аслыс шуис-кайтис:
«Коді менё чужтис-вайис,
Таздор ен югыдас лэдзис,
Медьём тӧлысьясён тадзи
Восьса енэж улын овны?»* (34: 42–47)
Без отца-матери бедный человек
Так себе сказал-повторил:
«Кто меня родил-принёс,
Не этот божий свет пустил,
Чтобы месяцами так
Под открытым небом жить?»

*«Татиём мөвтор юрё воис,
Содтӧд чорыд кӧсйӧм чужис,
Мунны ылі тӧдтӧм сиктӧ,
Воны Унтамолӧн грездӧ,
Водзӧс кӧсӧдны ме кӧсья
Батьёс-мамёс вӧйм вӧсна.* (34: 113–118)
«Такая мысль в голову пришла,
В добавок крепкое желание родилось,
Идти в далекое неизвестное село,
Добраться в деревню Унтамо,
Отомстить я хочу
За отца-матери убийство.

Подобного рода деформация наблюдается также в следующих местах других рун: **1:** ф73–74/к аб72–73, ф79–80/к аб78–79, ф93–94/к аб92–93, ф100–102/к аб99–101, ф133–134/к аб130–131, ф231–232/к а222–223б124–125, ф251–252/к а240–241б246–247, ф305–306/к а293–294б295–296, ф309–310/к а297–298б299–300, ф343–344/к а331–332; **2:** ф/к61–62, ф215–216/к214–215, ф269–270/к268–269, ф307–308/к305–306; **3:** ф125–126/к124–125, ф159–160/к157–158, ф275–276/к270–271, ф277–278/к272–273, ф413–414/к408–409, ф541–542/к535–536; **4:** ф/к3–4, ф85–86/к84–85, ф105–106/к104–105, ф181–184/к179–182, ф211–212/к209–210, ф237–238/к235–236, ф295–296/к293–294, ф315–316/к313–314; **5:** ф59–60/к56–57, ф73–74/к68–69, ф91–92/к86–87, ф95–96/к90–91, ф174–175/к168–169, ф218–219/к212–213, ф228–229/к222–223; **6:** ф79–80/к76–77, ф113–114/к110–111, ф191–194/к180–185, ф199–200/к190–191; **7:** ф61–62/к62–63, ф/к130–132, ф/к201–202, ф/к235–236, ф/к279–280, ф351–352/к350–351; **8:** ф/к3–4, ф/к39–40, ф/к43–44, ф/к83–84, ф/к93–94, ф105–106/к104–105, ф119–120/к118–119, ф185–186/к184–185, ф249–250/к248–249; **9:** ф/к9–10, ф/к131–132, ф/к177–178, ф/к211–212, ф/к219–220, ф/к335–336, ф/к381–

382, ф/к443–444, ф/к451–452, ф/к523–524; **10**: ф33–34/к29–30, ф95–96/к88–89, ф99–100/к92–93, ф151–152/к143–144, ф205–206/к195–196, ф207–208/к197–198, ф267–268/к252–253, ф311–312/к293–294, ф313–314/к295–296, ф337–338/к317–318, ф355–356/к333–334, ф373–374/к349–350, ф379–380/к353–354, ф391–392/к365–366, ф505–506/к476–477; **34**: ф63–64/к61–62, ф98–99/к96–97; **40**: ф33–34/к32–33, ф69–70/к67–68, ф101–102/к99–100, ф143–146/к141–144, ф216–217/к214–215, ф223–226/к221–224, ф247–252/к245–250, ф263–264/к261–262, ф289–292/к287–290, ф295–298/к293–296, ф303–304/к301–302, ф329–332/к327–330, ф337–342/к335–340; **41**: ф6–8/к6–7, ф87–88/к85–86, ф91–92/к89–90, ф121–124/к117–120, ф141–142/к137–138, ф153–154/к149–150, ф225–226/к211–212; **44**: ф/к5–6, ф155–156/к154–155, ф157–158/к156–157, ф189–190/к188–189, ф223–224/к220–221, ф229–230/к226–227, ф279–280/к276–277, ф285–286/к282–283, ф295–296/к292–293.

- 3) Замена одной из строк параллелизма строкой, не имеющей соответствия в оригинале, но по содержания связанной с другими строками текста и в какой-то мере перефразирующей заменяемую строку оригинала.

*Ikävystyi aikojansa,
ouostui elämäitönsä,
aina yksin ollessansa,
impenä elöessönsä...* (1: 117–120)
Наскучило [ей её] время,
Опостылела жизнь,
Всегда в одиночестве быть,
Девницей жить.

*Kaari on kaunihin näköinen,
jousi jonki maksavainen...* (6: 41–42)
Дуга красивая с виду,
Лук достаточно стоящий...

*veri pääsi vuotamahan,
hurme huppelehtamahan.* (8: 163–164)
Кровь стала течь,
Руда хлестать.

*Шогёдис сэж ётка олём,
Кодлы сийё татийём колё,
Ётнас вольной светын олё,
Тадзи пёрьсы нылён колё...* (1: а6115–118)
Опечалила тогда одинокая жизнь,
Кому она такая нужна,
Одна на вольном свете живёт,
Так старой девой останется...

*Вужейыс ээв мичаник артмис,
Уна съём та выльё мунис...* (6:38–39)
Лук очень красивым получился,
Много денег на это ушло...

*Вирьыс заводитис петны,
Удал мортьёд вирён ойдис.* (8: 162–163)
Кровь начала выходить,
Удалой человек кровью залился.

Аналогичные примеры: **1**: ф92/к а691, ф125/к а6124, ф160/к а1566157, ф166/к а1626163, ф170/к а1666167, ф174/к а1706171, ф228/к а2196221, ф317/к а3056307; **2**: ф/к71–72, ф/к77–80, ф161–162/к160–161, ф167–168/к166–167, ф181–182/к180–181, ф197–198/к196–197, ф259–260/к258–259, ф281–282/к280–281, ф285–286/к284–285, ф303–304/к302–303, ф311–312/к309–310, ф313–314/к311–312, ф343–344/к338–339, ф347–348/к342–343, ф357–358/к352–353; **3**: ф/к14–15, ф/к17–18, ф/к31–32, ф/к33–34, ф/к35–36, ф/к39–40, ф97–98/к96–97, ф107–108/к106–107, ф127–128/к126–127, ф151–152/к150–151, ф163–164/к161–162, ф187–188/к184–185, ф283–284/к278–279, ф293–294/к288–289, ф342–343/к338–339, ф351–352/к347–348, ф360–361/к356–357, ф366–367/к362–363, ф376–377/к372–373, ф385–

386/к381–382, ф392–393/к388–389, ф497–498/к491–492, ф505–506/к499–500; **4:** ф130/к129, ф132/к131, ф138/к137, ф188/к186, ф210/к208, ф236/к234, ф258/к256, ф298/к296, ф300/к298, ф415/к413; **5:** ф32/к31, ф76/к71; **6:** ф38/к35, ф39/к36, ф56/к53; **7:** ф78/к79, ф/к228, ф/к238, ф/к250, ф/к272, ф/к331; **8:** ф150/к149, ф154/к153, ф188/187, ф204/к203; **9:** ф/к3, ф/к102, ф/к142, ф/к170, ф/к266, ф/к344, ф/к362; **10:** ф6/к5, ф8/к7, ф21/к17, ф25/к23, ф106/к99, ф163/к154, ф184/к174, ф194/к184, ф198/к188, ф200/к190, ф243/к230, ф468/к440; **34:** ф106/к104, ф140/к138, ф142/к140, ф184/к181, ф214/к211, ф216–217/к213–214; **40:** ф80/к78, ф92/к90, ф94/к92, ф108/к106, ф131–132/к129–130, ф174/к172, ф310/к308; **41:** ф11/к10, ф30/к29, ф70/к68, ф119/к115, ф184/к178; **44:** ф175–176/к174–175, ф257–258/к254–255.

II. Деформация параллелизмов, приводящая к изменению объёма текста перевода

1) Выпадение в переводе второй строки параллелизма

*Kului aikoa vähäisen,
pirahteli pikkaraisen.* (1: 177–178)
Прошло времени мало,
Накрапало немного.

Кадыс этишик и колис... (1: a1736174)
Ø
Времени мало и прошло...

*Tuli vanha Väinämöinen;
näki neitosen lehossa,
hienohelman heinikössä.* (4: 11–13)
Шёл старый Вяйнямёйнен,
Увидел девицу в роще,
Красивый подол в травостое.

*Пöрысь Вяйнямöйнен сэки
Раскысь нывлы паньид петис...* (4: 11–12)
Ø
Старый Вяйнямёйнен тогда,
Из рощи девушке навстречу вышел...

*"Kenpä toisi kyyneleni,
poimisi vesipisarat
alta selvien vesien,
saisi multa sulkaturkin."* (41: 235–238)
«Кто принёс бы мои слёзы,
Собрал бы капли
Из-под светлых вод,
Получил бы от меня шубу из перьев».

*«Чукöртны кө кодкö вермас
Ø
Синва саридзлön сöдз вавьсь:
Сылы пась ме дасьти дона.»* (41: 221–223)
«Собрать если кто-то сможет
Слёзы из морской светлой воды:
Ему шубу я приготовил дорожную».

Подобные примеры: **1:** ф131–132/к аб129, ф151–152/к а149, ф157–158/к а154б155, ф185–186/к а180б181, ф217–218/к а211б212; **4:** ф171–172/к170, ф221–222/к219, ф431–432/к429, ф447–448/к444; **5:** ф42–44 /к41, ф97–98/к92; **6:** ф5–6/к5, ф13–14/к11; **7:** ф113–114/к114, ф333–334/к333; **8:** ф101–102/к101; **10:** ф3–4/к3, ф49–50/к43, ф142–143/к137, ф155–156/к147, ф165–166/к156, ф301–302/к285, ф303–304/к286; **34:** ф155–156/к153, ф229–230/к226; **40:** ф21–22/к21, ф49–50/к48; **41:** 107–108/к105; **44:** ф81–82/к81, ф207–208/к206, ф213–214/к210.

2) Замена двух (и более) строк параллелизма оригинала одной строкой перевода, либо содержащей в себе элементы исходных строк, либо

же передающей общий смысл содержания, но в отличной от источника форме

*Piti viikoista pyhyyttä,
iän kaiken impeyttä...* (1: 113–114)
Сохраняла долго целомудрие,
Всю жизнь невинность...

*Tuossa nuori Joukahainen
jo vähän ajattelevi,
pikkuisen piättelevi...* (6: 129–131)
Тут молодой Ёукахайнен
Ещё немного подумал,
Маленько сдержался...

*vaka vanha Väinämöinen
itse loihe laatijaksi,
tekijäksi teentelihe.* (40: 230–232)
Старый верный Вяйнямёйнен
Сам стал создателем,
Творцом обратился.

Olis nывкалысь кузь олём... (1: аб112)
Жила девушки длинной жизнью...

*Сэки том Ёукахайнен
Здук-мод кезлө думё усылі...* (6: 126–127)
Тогда молодой Ёукахайнен
На миг-другой погрузился в раздумье...

*Пöрысь авъя Вяйнямöйнен
Ачыс зля уджө босьтчис...* (40: 228–229)
Старый толковый Вяйнямёйнен
Сам усердно за работу взялся...

Аналогичные примеры: **1:** ф147–148/к аб145, ф259–260/к а2486254; **2:** ф85–86/к85, ф329–330/327; **3:** ф149–150/к148, ф166–167/к164; **4:** ф431–432/к429, ф449–450/к445; **5:** ф3–4/к3; **6:** ф11–12/к10, ф163–164/к159, ф221–222/к213; **7:** ф364–365/к363; **10:** ф9–10/к8, ф229–230/к217, ф457–458/к430, ф495–496/к467; **34:** ф20–22/к21–22; **41:** ф6–8/к6–7, ф32–34/к31–32, ф117–118/к114, ф171–172/к167, ф173–174/к168, ф178–189/к173, ф187–188/к181, ф196–197/к188, ф249–250/к234; **44:** ф209–210/к207.

3) Выпадение повтора из параллелизма типа 2+2:

*latvan työnti taivahalle,
puhki pilvien kohotti,
lehvät ilmoille levitti,
halki taivahan hajotti.* (10: 35–38)
Верхушку подняла в небо,
Через тучи подняла,
Ветки в небе распрямила,
Надвое небо разломила.

*Туган йывнас пыкис енэж,
Тупкис кымöрьяслысь туйсö.* (10: 32–33)
Ø
Ø
Остриём верхушки подпёрла небо,
Закрыла тучам путь.

В переводе также встречается такие деформации параллелизмов, которые не приводят к полному исчезновению параллельного повтора. Сюда можно отнести выпадение одной из строк в параллелизме типа 1+1+1+..., замену одной или нескольких строк в параллелизмах этого же типа строками не параллельными другим, замену типа параллелизма (напр., 1+1 → ½+½), разнообразные деформации в параллелизмах, состоящих из цепочек повторов.

а) Выпадение одной из параллельных строк в повторах типа 1+1+1+...

"Pahoin teit sinä poloinen,
kun on ammut Väinämöisen,
kaotit kalevalaisen,
Suvantolan suuren miehen,
Kalevalan kaunihimman!" (6: 230–234)
«Плохо сделал ты, бедняга,
Когда застрелил Вяйнямёйнена,
Уничтожил Калевалайнена,
Сувантолы великого человека,
Калевалы самого красивого!»

«Лёка, вежёртёмой, вочин,
Вяйнямёйненёс кор лыийн,
Ø
Сувантолаысь бур мортсё,
Калевалысь югыд мичсё!» (6: 221–224)
«Плохо, мой бестолковый, сделал,
Вяйнямёйнена когда застрелил,
Из Сувантолы доброго человека,
Калевалы светлую красу!»

siellä syötti syöneheksi,
juotti miehen juoneheksi,
apatti ani hyväksi. (10: 255–257)
Там накормила досыта,
Напоили вдоволь,
Угостила очень хорошо.

Пөттөдз сёян лосёдисны,
Коддзытдөдзыс юкталисны...
Ø (10: 241–242)
Досыта еду приготовили,
Допьяна напоили....

Tippui tilkat silmistänsä,
vierivät vesipisarat,
karkeammat karpaloita,
herkeämmät hernehiä,
pyöreämmät ruun munia,
päreämmät päitä pääskyn. (41: 187–192)
Капали капли из его глаз,
Катились капли воды,
Клюквы крупнее,
Горошин стремительнее,
Яиц рябчика круглее,
Голов ласточек больше.

Синва петö тувсов шорөн.
Бантi гөгыльтчöны вöйтгяс:
Гырысьясыс – туримольяс,
Посняс – анькыти тусьяс,
Бугльöс-гöгрöс тар кольк кызта. (10: 180–184)
Ø
Слёзы идут весенним ручьём.
По щекам катятся капли:
Большие – ягоды клюквы,
Мелкие – плоды гороха,
Продолговато-круглые – толщиной с тетеревиное яйцо.

Подобная деформация наблюдается также в следующих местах: **1:** ф341–344/к 6331–333; **2:** ф335–338/к332–333; **3:** ф93–96/к93–95, ф227–234/к225–231, ф247–254/к243–249; **5:** ф61–71/к58–66; **9:** ф529–532/к529–531; **10:** ф223–226/к213–214, ф245–248/к232–234, ф447–450/к420–422; **41:** ф207–210/к195–197.

б) Замена одной или нескольких строк в параллелизме типа 1+1+1+... строками, не параллельными другим его строками

kun annoit minun poloisen,
oman lapsesi lupasit,
käskit vanhalle varaksi,
ikäpuolelle iloksi,
turvaksi tutisevalle,
suojaksi sopenkululle. (4: 237–242)
Когда [ты] отдала меня беднягу,
Своего ребёнка пообещала,
Отдала старому в опору,
Старому в забаву,
В поддержку дрожащему,
В защиту спящему на печке.

Кодыр көсйисин тэ сетны
Коньөр нывтö верöс сайö,
Пöрысь мортлы эмбур туйö,
Вермытöмлы мичлун вылö,
Тралысьлы мыдждöд пыдди,
Керка пельöс видзём могысь. (4: 235–240)
Когда пообещала ты отдать
Бедяжку [свою] дочь замуж,
Старому человеку как вещицу,
Немощному для красоты,
Дрожащему для опоры,
Для охраны угла дома.

Аналогичные примеры: 1: ф285/к а2736275, ф314/к а3026304, ф340/к а3286330; 3: ф238–244/к235–240; 4: ф48/к47.

в) Замена типа параллелизма

1+1 → ½+½

*Enkä joua ilmankana,
pääse en neitipäiviltäni,
noilta töiltä tehtäviltä,
kesäisiltä kürehiltä...* (10: 455–458)
Не могу я курочка,
Не освобожусь от своего девичества,
От исполнения этих дел,
От летней спешки...

*Тасдор югыдын кор ола,
Ола ныв кадысь том олом,
Аслам мбвпн, гожся уджн.* (10: 428–430)
На этом свете когда я живу,
Живу молодой жизнью девичества,
Своими мыслями, летней работой.

½+½ → 1+1

*"Mitäpä minusta onpi
laulajaksi, taitajaksi!* (3: 137–138)
«Какой же из меня
Певец, заклинатель!

*«Ог төд, кутиом мевсь сьлысь.
Абу нималысь ме ворсысь,
И кыдзи төдысь, абу вына...* (3: 136–138)
«Не знаю, какой из меня певец,
Не прославленный я игрок,
И как кудесник, не сильный...

*Lauloi vanha Väinämöinen:
järvet läikkyl, maa järisi...* (3: 295–296)
Пел старый Вяйнямейнен:
Озера кольхались, земля сотрясалась...

*Сьлыс пöрысь Вяйнямöйнен:
Тыяс-вадьяс сёлöдчисны,
Сьрмис-тиралис тиöтти муыс...* (3: 290–292)
Пел старый Вяйнямейнен:
Озёра плескались,
Содрагалась-дрожала и земля.

*Siitä vanha Väinämöinen
laulelevi, taitelevi:
lauloi kuusen kukkalatvan,
kukkalatvan, kultalehvän...* (10: 31–34)
Тогда старый Вяйнямейнен
Поёт, закликает:
Напел ель с цветущей кроной,
С цветущей кроной, с золотой хвоей...

*Сэки пöрысь Вяйнямöйнен
Гора завадитис сьывны.
Сьлыс дзоридзалысь козйöс,
Кодлön лыскыс зарни рöма,
Лапьяс помыс везжөдöма...* (10: 27–31)
Тогда старый Вяйнямейнен
Громко начал петь.
Напел цветущую ель,
У которой хвоя золотого цвета,
Концы ветвей позеленели...

г) Деформации в цепочке параллельных строк

*Ve'et vieri silmästänsä,
toiset toisesta noruvi.
Putosivat poskipäille,
kauniille kasvoillensa,
kauniilta kasvoiltansa
leve'ille leuoillensa,
leve'iltä leuoiltansa
rehe'ille rinnoillensa,
rehe'iltä rinnoiltansa
päteville polvillensa,
päteville polviltansa*

*Синва озольöб сорөн петö.
Войтъяс зэр моз гьалöны,
Исковтöны бандзибъясти
Мича, лада чужём кузя,*

*Паськыд тошка шöккөдзыс,
Паськыд тошка шöккасяньыс
Вына, джуджыд морöсöдзыс.
Вына, джуджыд морöссяньыс
Кок зьём кузя кок чунь вылас.*

*jalkapöyille jaloille,
jalkapöyiltä jaloilta
maahan alle jalkojensa...*(41: 193–206)
Воды текут из [его] глаз,
Одна за другой катятся.
Упали на скулы,
На [его] красивое лицо,
С [его] красивого лица
На [его] широкий подбородок,
С [его] широкого подбородка
На [его] крепкую грудь,
С [его] крепкой груди
На [его] могучие колени,
С [его] могучих колен,
На плюсны большие,
С плюсен больших
На землю под [его] ноги...

Кок чунь йылысь кокъяс улас...(41: 185–194)
Слёзы струей идут.
Капли как дождь сыплются,
Катятся по скулам
По красивому, ладному лицу,

До [его] широкого бородатого подбородка,
С [его] широкого бородатого подбородка
До [его] сильной, высокой груди.
С [его] сильной, высокой груди
По подъему ноги на пальцы ног.

С пальцев ноги под ноги....

В строках ф196–197/к188, ф202–204/к193, ф205–206/к194 руны 41 происходит замена нескольких строк оригинала одной строкой перевода, передающей содержание и включающей в себя элементы исходных строк.

В другой цепочке параллелизмов (1: ф233–244/к а224–233), состоящей из трех повторов типа 2+2, происходит выпадение строк 1: ф240, 243. Данная деформация наблюдается в первом варианте перевода первой руны. Во втором варианте перевода строки дополнены (1: кб228–239).

Несмотря на то, что переводчик сам утверждает, что на коми язык параллелизмы передать невозможно, мы всё-таки считаем, что это не совсем так. Параллелизм – в коми фольклоре не безызвестный поэтический приём. На его наличие в произведениях коми народной поэзии (пусть и не такое распространенное и регулярное, как в финской) ещё в 1880 г. при сопоставлении коми свадебных песен с финскими указывал Т. Г. Аминофф (Castrén – Aminoff 1880). На его наличие в коми фольклорных произведениях разного жанра указывали также В. Я. Евсеев (1960: 207) и А. К. Микушев (1956: 67–69; 1973: 118–119; 1987: 33).

Коми язык богат синонимами, он обладает большими возможностями в этой сфере благодаря параллельному употреблению диалектных слов (СКЯ I: 86). Данную особенность коми языка можно было бы более интенсивно использовать для передачи параллелей-повторов. Для этой цели можно было привлечь и материал близкородственных языков (коми-пермяцкого и удмуртского) подобно тому, как это сделано в исходном тексте «Калевалы», где используемые в параллельных строках синонимы часто относятся к трём близкородственным языкам (финскому, карельскому и вепсскому) и их диалектам. Или же, в крайнем случае, можно было бы применить точный повтор строк по примеру переводчиков на другие языки (как, например, К. Надь в своём переводе на венгерский язык). Однако А. И. Туркиным почему-то данные возможности не были использованы. В результате этого в текстах коми перевода параллелизмы оригинала довольно часто отсутствуют.

3.5. Переводческие ошибки

Вслед за ОПШ (126–127) и Н. К. Грабовским (2004: 514–536) под переводческими ошибками нами понимаются бессознательные отклонения переводчика от оригинального текста. В процессе перевода ошибки могут случаться как на этапе понимания оригинала, так и на этапе создания текста перевода. Ошибки на уровне понимания чаще наблюдаются при переводе с иностранного языка на родной, на уровне создания текста перевода – во время перевода с родного языка на иностранный. Однако это разграничение не абсолютно и ошибки обоих видов могут возникать как при первом типе перевода, так и при втором.

Ошибки на этапе понимания могут затрагивать все уровни текста: прагматический, семантический, синтаксический. На прагматическом уровне это связано с тем, что переводчик не понимает или понимает неполно истинные намерения автора оригинала из-за внешней формы текста подлинника, содержащей, разного рода аллегории, фразеологические обороты, метафоры и другие художественные средства.

Наиболее частыми являются семантические ошибки, которые обусловлены непониманием переводчиком как простых, так и сложных значений и смыслов целых высказываний.

На синтаксическом уровне причинами ошибок являются неверное установление отношения между элементами высказывания, их синтаксической функции в данном конкретном предложении.

На этапе создания текста перевода неточности случаются из-за недостаточно высокого уровня владения языком, на который осуществляется перевод (родного или иностранного), неспособностью найти в нем наиболее эквивалентные оригиналу формы.

Причинами ошибок может быть недостаточное владение языком оригинала; недостаток фоновых знаний, связанных с тем, о чем говорится в переводимом тексте; невнимательное, небрежное отношение к системе смыслов, заключенной в тексте, т.е. непонимание того, что автор говорит о предмете; неспособность увидеть особенности индивидуального стиля автора оригинала. Данные причины взаимосвязаны, т.к. касаются личности переводчика, его знаний и компетенции, его психологического состояния и условий, в которых ему приходится воспринимать исходное сообщение, его представлений об этике переводческого труда.

Анализ ошибок и поиск способов их преодоления представляет собой особый раздел переводоведения – научную критику перевода.

3.5.1. Ошибки, обусловленные непониманием смыслов исходного текста

3.5.1.1. Семантические ошибки

huovallinen ‘размером в войлочную шапку, полную войлочную шапку’ →
гын сапӧг тыр ‘полный валенок’

*Oiatko kultia kypärin,
hope'ita huovallisen?* (7: 301–302)
Возьмёшь ли золота шлем,
Серебра войлочную шапку?

*Jurkysiöd тыр зарни сета,
Содтӧд гын сапӧг тыр* эзысь. (7: 301–302)
Полный головной убор золота дам,
Вдобавок полный валенок серебра.

Фигурирующее в оригинале *huovallinen* ‘размером, количеством в войлочную шапку, полную войлочную шапку чего-либо’ – образование Э. Лённрота из первоначального *huovan täyven* ‘полную войлочную шапку чего-либо’. *Huopahattu* ‘войлочная шапка’ (из которого образовано прилагательное *huovallinen*) – параллельное наименование к лексеме *купӳрӳ* ‘шлем’.

Фетровые (войлочные) шапки использовались на западе уже в средневековье. В разное время их форма была различной, однако в более ранние столетия её тулья (верхняя часть) была очень высокая, так что головной убор напоминала шлем. Использование войлочной шапки, как и её название, у финнов имеет скандинавское происхождение (KST: 56).

В коми языке *гын сапӧг* означает ‘валенки, валенок’. Ошибочная замена войлочной шапки на валенок могла произойти вследствие того, что переводчик мог принять слово *huovallinen* за какую-нибудь производную форму слова *huovikas / huovikaat* ‘валенок, валенки’.

Финское обозначение *huopahattu*, из которого образовано встречающееся в тексте оригинала *huovallinen*, имеет помимо значения ‘войлочная шапка’ также значение ‘фетровая шляпа’, которое в основном и даётся в финско-русских словарях (напр., ФРС: 129). Коми эквивалент фетровой шляпы – *гын шляпа* (РКС: 1023), войлочной шапки – *гын шапка* (РКС: 1070). Оба эти наименования хорошо подходят в текст перевода, не нарушая длины строки и её ритма. Хотя они и содержат в себе русские заимствования, это не может быть основанием для того, чтобы считать их непригодными вариантами, т.к. *гын сапӧг* также содержит в себе русское заимствование. Таким образом, на наш взгляд, появление в тексте перевода *гын сапӧг* вместо возможных и более адекватных финскому обозначению *гын шапка / гын шляпа* не может быть результатом поиска более подходящего варианта перевода. Что косвенно подтверждает возможность переводческой ошибки.

На наш взгляд, более удачным вариантом было бы использование в переводе наименования *гын шапка*, т.к. при этом сохранялся бы первоначальное значение строки и был бы передан в полной мере параллелизм оригинала.

Интересно, что в другом месте эпоса, рассказывающем о песенном состязании Вяйнямёйнена и Ёукахайнена, это же понятие, но имеющее немного другую форму передается более адекватно:

*Puörrytä pyhät sanasi,
peräytä lausehesi!
Annan kultia kypärin,
hope'ita huovan täyen,
isoni soasta saamat,
taluttamat tappelosta. (3: 409–414)*
Поверни свои святые слова,
Возьми назад своё заклатья!
Дам золота шлем,
Серебра полную шапку,
Добытые моим отцом в войне,
Захваченные в сраженье.

*Вежа кывъястё вай бергёд,
Нимкывъястё ассьюд косёд,
Юркышёдён зарни вая,
Палаузь тыр эзысь сета,
Кодёс айё война дыриу
Чорыд тышьяс выльыс вайлис! (3: 404–409)*
Святые слова свои давай поверни,
Заклатья свои возврати,
Головной убор золота принесу,
Полную шапку серебра дам,
Которые мой отец во время войны
С жестоких сражений приносил!

В данном отрывке в качестве эквивалента финского сочетания *huovan täyen* ‘полную войлочную (фетровую) шапку (шляпу)’ автор перевода использует диалектное фольклорное коми слово *палаузь тыр* ‘широкополая шапка, шляпа’ (КЭСК: 215): *палаузь тыр* ‘полную широкополюю шапку (шляпу)’. И хотя данное обозначение не в полной мере передает значение финского названия (головной убор в оригинале сделан из войлока; он, скорее всего, не имеет никаких полей), всё же оно неизмеримо ближе к нему, чем вариант из 7-й руны. В 7-й руне немного видоизмененная форма финского выражения (*huovan täyen* → *huovallinen*) не позволила, по видимому, переводчику правильно понять, о чём идет речь в оригинале.

katova kannikka ‘исчезающее время; проходящая жизнь’ → *кор нянь чепель*
vesig abu ‘когда даже шепотки хлеба нет’

*Enkä tuota tieäkänä,
miten olla, kuin eleä
tällä inhalla iällä,
katovalla kannikalla... (7: 33–36)*
И того не знаю,
Как быть, как жить
В это противное время,
В убывающие (уходящие) годы (жизни)...

*Ачым вежёртны ог сяммы,
Кыдзи водзё меным овны
Татиём мустём, съёкыд кадас,
Кор нянь чепёлъ весиг абу. (7: 34–37)*
Сам понять не могу,
Как дальше мне жить
В такое противное, тяжёлое время,
Когда даже шепотки хлеба нет.

В других случаях параллелизм-формула *tällä inhalla iällä, / katovalla kannikalla* (3: 13–14, 293–295) в переводе передается как *Миян съёкыд олан кадсё, / Кодыр нянь шёрёмыд абу* (3: 13–14) ‘Наше трудное время жизни, / Когда ломтя хлеба нет’; *Миян съёкыд, шуштём кадё, / Нянь артмытём омоль воё.* (3: 288–289) ‘В наше трудное, мрачное время, / В плохой неурожайный на хлеб год’.

Согласно словарям языка «Калевалы», слово *kannikka* в эпосе имеет значение ‘край, кромка; горбушка хлеба’ (KS: 98), ‘основание, край, кромка (хлеба, дуги)’, *образно* ‘конец, исход (времени, жизни), последнее

время, остаток времени’ (KST: 94). Толковый словарь финского языка для данного наименования даёт только следующие значения: ‘твёрдый край или кусок хлеба, сыра и т.д.’ (SKSP I: 388). Согласно ФРС (195), это ‘горбушка (хлеба и т.п.); краюха, краюшка’.

В выражении *katova kannikka* используется образное, переносное значение слова *kannikka* – ‘остаток времени, исход, конец жизни, последние годы жизни’. Целиком же данное выражение имеет значение ‘исчезающее, уходящее время; проходящие последние годы жизни; заканчивающийся последний период жизни’, т.е. ‘закат (исход, конец) жизни; старость’ (KS: 98).

В коми переводе берётся за основу прямое, а не образное значение слова *kannikka* ‘горбушка, краюшка хлеба’, вследствие чего весь фразеологический оборот понимается буквально, дословно: ‘исчезающая, пропадающая, заканчивающаяся горбушка хлеба’, т.е. ‘не хлебное, не урожайное, голодное время’.

Интересно, что, как и в случае с некоторыми другими ошибками, у данного искажения имеются параллели в русском переводе Л. П. Бельского. В двух случаях в 3-й руне он так же, как и А. И. Туркин дословно передаёт на русский язык финский оборот: *Ведь пришло лихое время, / Недород, и хлеба нету.* (3: 13–14, 293–294). Однако в 7-й руне смысл фразеологизма передан правильно: *Времена пришли плохие / И конец приходит жизни.* (7: 35–36) (Калевала 1984: 37, 43, 74). О голоде говорится и в некоторых венгерских переводах: у Б. Викара (Kalevala 1985a: 25, 28, 47), у К. Надь (Kalevala 1975: 15, 18, 37), в одном случае у И. Раца (Kalevala 1980: 45).

kukko ‘петух’ → *kökan* ‘кукушка’

*saatan sun omille maille,
oman linnun laulamille,
oman kukon kuulumille,
oman peltosi perille.* (7: 319–322)
Провожу тебя на твои земли,
К своей птицы пению,
К своего петуха слышимости
(Туда, где петух слышен),
На край своих полей.

*Гортöдзыд колльöда асьтö
Тэнад муяс-видзьяс вылö,
Кöни чивкъялöны кайъяс,
Кöни аслад **кöкан** көкö.* (7: 319–322)
До твоего дома тебя самого провожу
На твои поля-луга,
Где носятся-летают птицы,
Где своя кукушка кукует.

Замена ф. *kukko* ‘петух’ (ФРС: 271) на к. *kökan* ‘кукушка’, возможно, произошла вследствие близости формы данного слова с наименованием *käki*, обозначающим кукушку. Замене могло способствовать то, что данному отрывку предшествует аналогичный фрагмент, но в котором говорится не о петухе, а о кукушке:

*Mitärä kysyt minulta,
jos saatat omille maille,
oman peltoni perille,
oman käen kukkumille,
oman linnun laulamille!* (7: 296–300)

*Кутиём дон тэ менсьым босьтан,
Кодыр нуöдан ас муö,
Менам муяс-видзьяс вылö,
Кöни аслам **кöкан** көкö,
Кайъяс сьёлöны быд асьв...!* (7: 296–300)

Что же попросишь у меня,
Если доставишь на свои земли,
На край моего поля,
К своей кукушки кукованию,
Своей птицы пению.

Какую цену ты с меня возьмёшь,
Когда доставишь на свою землю,
На мои поля-луга,
Где своя кукушка кукует,
Птицы поют каждое утро...

Параллелизм-формула «кукование кукушки, пение птиц» встречается и в других фрагментах эпоса, например: 10: ф443–444/к416–417, ф451–452/к424–425.

Повлиять на совершение замены могли и то, что в русском переводе «Калевалы» Л. П. Бельского в данном фрагменте также фигурирует кукушка, а не петух: *И домой тебя доставлю, / Чтоб ты слышал там кукушку, / Чтоб ты слышал птички пенье...* (7: 319–321) (Калевала 1984: 80–81).

В новом русском переводе Э. Киуру и А. Мишин исправляют ошибку предшественника – в их тексте говорится о петухе: *провожаю в края родные, / где твои щебечут птицы, / где петух поет родимый...* (7: 319–321) (Калевала 1998: 79).

Кукушка вместо петуха появляется и в венгерских переводах «Калевалы», осуществленных Ф. Барной (Kalevala 1871: 39), Б. Викаром (Kalevala 1985a: 51), и К. Надь (Kalevala 1975: 41). Два последних по времени венгерских перевода более верны оригиналу: И. Раца и И. Сенте возвращают в текст петуха (Kalevala 1980: 50; Kalevala 2001: 45). В эстонском переводе А. Анниста также говорится о пении петуха (Kalevala 1985b: 62).

kuusikko ‘ельник, еловый лес’ → *кызд ну вөр* ‘берёзовый лес’

*Kun hän kulki kuusikossa,
vaelti petäjikössä,
kuusoset kumartelihe,
männyt mäellä kääntelihe...* (44: 323–326)
Когда он шёл еловым лесом,
Брёл сосновым бором,
Ели кланялись,
Сосны на холме поворачивались...

*Mõdis siid kызд ну вөррõd,
Munis югыд пожõм ягõд,
Кызъяс сылы копрасисны,
Пожõм пуяс нюклясисны...* (44: 321–324)
Отправился он берёзовым лесом,
Шёл светлым сосновым бором,
Ели ему кланялись,
Сосны сгибались

На ошибку, возможно, повлияла в какой-то мере похожая форма названий берёзы и ели как в финском, так и в коми языках: *koivu*, *kuusi* – *кызд*, *коз*, а также то, что в руне 44, к которой относится отрывок, рассказывается о берёзе, из которой Вяйнямёйнен делает новое кантеле. То, что в этом же отрывке в переводе соответственно оригиналу говорится о кланяющихся елях (в подлиннике Вяйнямёйнен идёт по еловому лесу), подтверждает гипотезу об ошибке, а не какой-либо другой замене (трансформации).

3.5.1.2. Синтаксические ошибки

ruskea ori ‘гнедой жеребец’ → *гёрдов корадодь* ‘красноватые сани’

*Vaka vanha Väinämöinen
otti ruskean orihin,
pani varsan valjahisin,
ruskean re'en etehen...* (10: 1–4)
Старый верный Вяйнямёйнен
Взял гнедого жеребца,
Запряг жеребёнка,
Гнедого вперёд саней...

*Пёрысь авья Вяйнямёйнен
Босьтис шыр гён рёма ужсё,
Корсис гёрдов корадодьсё...* (10: 1–3)
Старый толковый Вяйнямёйнен
Взял цвета мышинной шерсти жеребца,
Отыскал красноватые сани...

Эпитет *ruskea* ‘коричневый, русый, карий, гнедой, бурый’ (ФРС 536), относящийся в оригинале к слову *ori* ‘жеребец’ в переводе при втором употреблении оказывается определением слова сани: *гёрдов корадодь* ‘красноватые сани’. Данная ошибка произошла, судя по всему, в результате того, что переводчик не обратил внимания на то, что при втором упоминании гнедого жеребца, определяемое слово (жеребец) опущено. Из-за этого определение *ruskea* попадает перед *reki* ‘сани’, но по-прежнему относится к жеребцу, а не к саням: таким образом, значением строки *ruskean re'en etehen* является ‘гнедого (жеребца) перед санями (в сани)’, а не ‘перед коричневыми санями (в коричневые сани)’.

Ошибке могло способствовать и то, что оба слова имеют показатель генитива *-n*, из-за чего на первый взгляд создается впечатление наличия словосочетания, состоящего из существительного и согласующегося с ним в падеже определения. Однако генитивная форма слова сани (*re'en*) обуславливается наличием послелога *etehen* ‘перед кем, чем; во что, к кому, чему’, а у слова гнедой (*ruskean*) – позицией дополнения в предложении, т.е. наличие суффикса генитива *-n* не является следствием согласования определения и определяемого.

3.5.2. Ошибки на этапе перевыражения системы смыслов

jousi ‘лук, самострел’ → *ньёввууж / вууж* ‘лук’, *пицаль* ‘ружьё’

Согласно SKS (189), финское слово *jousi* кроме прочих значений имеет следующие два значения: ‘согнутый кусок дерева или другого материала, который с концов соединён тугой тетивой и которым стреляют стрелами’, ‘поперёк ложи (приклада) прикрепленный лук, у которого есть спусковой и взводной механизм (самострел)’.

Лук, относящийся к числу наиболее древних орудий труда, претерпел несколько фаз развития. Первоначальным типом был т.н. ручной лук, имеющий две составные части – дугу и тетиву. Уже достаточно рано дуга изготавливалась из двух пород дерева, например, из берёзы и сосны. Её концы могли быть из разных кусков материала. В качестве обертки использовалась береста.

Описываемый в «Калевале» лук более усовершенствованного типа, т.н. самострел с прикладом и спусковым механизмом в виде курка, которым фиксируется натянутая тетива и удерживается в таком положении до момента выстрела. В начале нового времени дуги для лука в Финляндии делали обычно из стали или из рогов животных, которые благодаря своей упругости, пружинистости хорошо подходили для этой цели. Археологические находки говорят о том, что самострел уже в XII в. использовался среди финнов. Тетива первоначально изготавливалась из сухожилий животных или из кишок лося или овец, или для этого использовался лён, растягивая который, старались сделать последний более неподатливым: *Mistä siihen nauhan saapi, / kusta jäntehen tapasi? / Hiien hirven suoniloista, / Lemmon liinanuorasista!* (6: 35–38) ‘Где для этого ленту взял, / откуда тетиву нашёл? / Из жил лося Хийси / из льняных веревок Лемпо!?’; ... *jänne liina, lippaellos!* (6: 158) ‘...тетива льняная, запусти...’. Приклад вырезали из дерева и украшали костями оленя или другими деталями: *Kaari on kaunihin näköinen, / jousi jonki maksavainen: / hevonen selällä seisoi, / varsa juoksi vartta myöten, / kapo kaarella makasi, / jänö jäntimen sijassa.* (6: 41–46) ‘Дуга красивая, / самострел стоящий: / лошадь на спине стояла, / жеребец бежал по прикладу, / дева на дуге лежала, / зайчик на месте курка’. Для прочности его укрепляли нижней, верхней или боковой оправой из рогов или позже из железа. На поверхности приклада делали жёлоб, в который при стрельбе помещали стрелу, и по которому её выбрасывала спущенная с курка тетива: *Veti viinestä vasaman /.../ tuon on juonelle asetti...* (6: 145; 149) ‘Достал из колчана стрелу /.../ её в жёлоб установил...’. В передней части приклада находилась специальная скоба (стремя), в которую вставлялся носок ноги, для того чтобы удерживать лук во время натягивания тетивы. Тетива натягивалась зацепом из двух крючков, крепящихся на ременной лямке, проходившей за спину и шею. Т.к. металлическая дуга самострела была тугой, чтобы натянуть тетиву стрелок использовал силу всего тела – он наступал ногой на скобу-стремя, наклонялся, зацеплял зацепом тетиву и, выпрямляясь, натягивал её к спусковому курку: *Jännitti tulisen jousen, / veti vaskisen vekaran / vasten polvea vasenta, / jalan alta oikeansa.* (6: 141–144) ‘Натянул огненный лук, / тянул железный зацеп / против плеча левого, / из-под ноги левой.’. Выстрел осуществлялся с рук, подперев приклад самострела в бок: *Oikaisi tulisen jousen / olallehen oikealle, / asetaiksen ampumahan...* (6: 151–153) ‘Устроил огненный лук / к плечу правому, / расположился стрелять...’ (KST: 76–77; Калевала 1998: 570, 573, 574).

В переводе финское наименование *jousi* ‘лук, самострел’ передается как *ньöввуж / вуж* ‘лук’ (6: ф29/к26, ф40/к37, ф60/к57, ф97/к94, ф103/к100, ф107/к104, ф141/к137, ф151/к147; 10: ф325/к305, ф329/к309). В некоторых случаях в качестве синонима использует обозначение *пиццаль* ‘ружьё’ (6: 105, 138, 145). В одном случае оно используется как эквивалент финскому *rautakaari* ‘железная дуга’ (6: ф108/к105), которое выступает как параллельное наименование лука. В двух других случаях коми

словом происходит замещение финских названий составных частей лука *vekara* ‘зацеп для натягивания тетивы’ (6: ф142/ф138) и *juoni* ‘жёлоб для стрел’ (6: ф149/к145).

Семантика наименования *ньоввуж* / *вуж* ‘лук’ эквивалента первому из приведенных выше значений финской лексемы *jousi*, однако не включает в себя значение ‘самострел’.

Другое коми слово *пицаль*, используемое в качестве эквивалента для финского наименования, является русским заимствованием, которое обозначает старинную пушку или ружьё, заряжаемое со ствола, древнерусское тяжелое ружьё и артиллерийское орудие XV–XVII вв. (СКЯЛ: 59; СРЯ III: 129; ЭС II: 203). В современном коми литературном языке данное слово наряду с другим русским заимствованием *ружьё* обозначает ‘ружьё вообще’ (КРК: 504; РКС: 851). Возможно, автор перевода использует данное наименование в качестве гиперболической метафоры, особенно в сочетании с прилагательным *ньовья* ‘со стрелами’: *Ыргён ньовья пицаль дасьтис...* (6: 138) ‘Приготовил медное ружьё со стрелами’. Однако, на наш взгляд, выбор коми наименования *пицаль* в качестве эквивалента для финского слова, обозначающего самострел, не вполне удачный. Во-первых, оно не даёт представление о том, что в эпосе говорится о самостреле (арбалете), а не просто о луке. Во-вторых, в те времена, которые изображаются в «Калевале», ещё не было огнестрельного оружия, поэтому и в самом тексте эпоса нет сравнения самострела с ружьём, пусть и со старинным и примитивным. Используя название ружья в тексте, переводчик, на наш взгляд, в какой-то мере искажает временную перспективу оригинала.

В коми языке для обозначения самострела (арбалета) существует диалектное наименование *пезин* (КРК: 491; КЭСК: 218; ССКЗД: 279; РКС: 860), которое, по нашему мнению, в большей мере соответствует финскому слову. Для того, чтобы оно было более понятно читателю и воспринималось с нужным значением, а не в смысле ‘силок (приспособление в виде затягивающейся петли для ловли птиц и мелких животных)’, что благодаря контексту, на наш взгляд, маловероятно, его можно было бы, подобно другим диалектным и архаичным обозначениям, объяснить с помощью сноски.

В тексте оригинала 6-й руны достаточно подробно рассказывается об устройстве самострела, о том, как он украшен и как из него стреляют (см. цитаты из подлинника выше). Из-за того, что в переводе его автором не найден и не используется эквивалент, который в большей степени передавал бы содержание финского понятия, данное в оригинале описание устройства самострела, элементов его декора, процесса стрельбы в переводе размывается и становится не совсем понятно, что к чему относится. Например, элементы украшения приклада самострела (жеребец, дева, заяц) в переводе оказывается на дуге лука:

*Вужйыс зэв мичаник артмис,
Уна съём та выльö мунис,
Вылас вёлён мыгёр вёлис,
Вуж кузяыс чань котортис,
Нывка сэнн куййлс-узис,
Табъя кока кбч пукалис. (6: 38–43)*

Лук очень красивым получился,
Много денег на это ушло,
Наверху фигура лошади была,
По луку жеребёнок бежал,
Девушка там лежала-спала,
Кривоногий (с искообразными ногами) заяц сидел.

Не совсем понятно становится из перевода и зачем при натягивании лука его владелец делает следующее:

*Шуйга тидзёс вылас мыджсис,
Веськыд кокнас муас пыксис... (6: 139–140)*

На левое колено опёрся,
Правой ногой в землю упёрся.

Таким образом, для читателей коми перевода, на наш взгляд, остаётся не раскрытым то, что в эпосе используется усовершенствованный вид лука – самострел, а также, что представляет собой его устройство. Следствием замены самострела на лук является и опущение при переводе обозначений его составных частей, таких как его приклад (ф. *varsi*), спусковой механизм (курок) (ф. *jännin, liipasin*), зацеп для натягивания тетивы (ф. *vekara*) и жёлоб для стрел на прикладе (ф. *juoni*).

Отсутствует в переводе и то, что колчан, из которого достают стрелы, сделан из трёх шкур с ног оленя (коровы): *Veti viinestä vasaman, / sulan kolmikoipisesta...* (6: 145–146) ‘Достал из колчана стрелу (с тупым концом), перо – из сделанного из трёх шкур [колчана]...’. Вместо этого в переводе: *Тийотшыд йыла ньөвсё босьтис, / Кум борд мичмөдс кодёс...* (6: 141–142) ‘Стрелу с тупым концом взял, / три пера украшало которую...’. В данном случае из-за неправильной трактовки и перевыражения смысла второй строки в переводе отсутствует также один повтор-параллелизм.

Интересно то, что в одном случае к. *пицаль* появляется там, где у Л. П. Бельского фигурирует слово *оружье* (6: 143), тогда как в оригинале в этом месте фигурирует название части самострела – зацеп. В переводе данного отрывка у Л. П. Бельского и А. И. Туркина есть и другие совпадения: *Лук свой огненный направил, / На колене левом держит / В медь обитое оружие: / Стал на правое колено. / Взял стрелу он из колчана, / Оперенную он вынул...* (6: 141–146; Калевала 1984: 71). В русском переводе также нигде не говорится о самостреле, везде используется наименование *лук*. Данные совпадения в двух переводах подталкивают к мысли, что русское переложение финского эпоса Л. П. Бельского не только было использовано во время работы над «Калевалой» на коми языке, но и в какой-то мере повлияло на выбор ошибочных переводческих решений А. И. Туркина.

lanko ‘свойственник’ → *шурин* ‘шурин’

*Elä ammu Väinämöistä,
kaota kalevalaista!
Väinö on sukua suurta:
lankoni sisaren poika. (6: 117–120)*
Не стреляй в Вяйнямейнена,

*Вяйнямөйненёс эн ви тэ,
Калева пибс эн вөррөд,
Нималана рөдысь Вяйнө,
Шурин чойлы пибн лоб... (6: 114–117)*
Вяйнямейнена не убивай ты,

(He) истребляй калевальца!
Вяйно большого рода:
Сын сестры моего деверя (зятя).

Калева сына не трогай.
Из знаменитого рода Вяйно,
Сыном сестре шурина будет...

Словари дают следующую трактовку финского слова *lanko*: ‘родственник мужского лица по браку’ (KS: 177); ‘вошедший в род посредством брака мужчина-родственник, муж сестры, брат жены’ (KST: 165); ‘брат супруга (супруги) или муж сестры (сестры супруга / супруги)’ (SKP II: 21; SKS: 310); ‘шурин (брат жены), деверь (брат мужа), свояк (муж сестры жены / брат жены), зять (муж сестры мужа)’ (ФРС: 311).

В качестве соответствия автор перевода выбирает коми наименование *шурин* ‘шурин (брат жены)’ (КПК: 748).

Строки оригинала *Väinö on sukua suurta: / lankoni sisaren poika...* (6: 119–120), содержащие слово *lanko*, на наш взгляд, могут трактоваться двояко: 1. Вторая строка текста поясняет первую, называет степень родства Вяйнямёйнена: он является для говорящей (матери Айно и Ёукахайнена) сыном сестры родственника-мужчины, вошедшего в род посредством брака, т.е. дальним не кровным, но всё же родственником; 2. Две данные строки являются строками одного двухстрочного параллелизма (типа 1+1). Слово *lanko* является параллельным синонимичным наименованием к краткой форме имени главного героя эпоса Вяйнямёйнена и, таким образом, он характеризуется здесь как сын сестры говорящей, т.е. имеется в виду близкая кровная родственная связь.

В пользу второй трактовки говорит ещё один отрывок оригинала, в котором фигурирует обозначение *lanko*:

«Elä itke, poikueni!
Ei ole itkettavia,
suuresti surettavia:
tuota toivoin tuon ikäni,
puhki polveni halasin
sukuhuni suurta miestä,
rotuhuni rohkeata,
vävykseni Väinämöistä,
laulajata **langokseni**.» (3: 528–536)

«Не плачь, мой сыночек!
Нет причин плакать,
Сильно печалиться:
Того хотела [я] всю свою жизнь,
Весь век свой желала
В своё семейство великого мужа,
В свой род славного,
В зятя Вяйнямёйнена,
Певца в родственники (вошедшего в семью
посредством брака)».

В данном отрывке *lanko* является параллельным наименованием (синонимом) слова *vävy* ‘зять (муж дочери)’ и может трактоваться по отношению к нему как родовое понятие со значением ‘родственник (не кровный, вошедший в семью в результате брака)’.

Сам Э. Лённрот таким образом поясняет данные строки: «Когда говорят о Вяйнямёйнене как о *lanko* и *sisaren poika* или *lankon sisaren poika*, указывают на дальнейшее родство происхождения» (Niemi 1910: 22). Таким образом, сам составитель эпоса, не указывает точную трактовку данного отрывка, а говорит лишь о принадлежности к какому-либо роду.

Какую бы из двух возможных трактовок строки оригинала не считать более вероятной, в любом случае использование в данном контексте обозначения *шурин* ‘шурин (брат жены)’ в качестве эквивалента финскому

lanko является, на наш взгляд, ошибочным. В тексте слова относятся к матери Айно и Ёукахайнена. Так как данные слова произносятся женщиной, то у неё не может быть жены, а, следовательно, и шурина.

Ошибка, на наш взгляд, могла произойти вследствие неправильного выбора из возможных соответствий во время использования приёма конкретизации, к которому прибегает переводчик. Этому могла способствовать невнимательности переводчика к контексту и, возможно, недостаточное внимание в значение финского термина. Но, хотя, сам термин передан ошибочно, в переводе сохраняется значение конструкции, в которой он употребляется, а именно указание на дальнейшее, не кровное родство.

На выбор обозначения *шурин*, мог повлиять и русский перевод «Калевалы» Л. П. Бельского, в котором в 6-й руне также ошибочно использует данное слово: *Рода славного тот Вяйнё, / мне по шурина племянник* (6: 119–120). В третьей же руне это же финское наименование передано у Л. П. Бельского как *муж дочери: Я жила надеждой этой, / ... / Чтоб герой могучий этот, / Песнопевец Вяйнямёйнен, / Стал моим желанным зятем, / Мужем дочери родимой* (3: 531–536) (Калевала 1984: 49, 70).

В новом русском переводе Э. Киуру и А. Мишин передают интересующую нас строку в 6-й руне таким образом, что *sisaren poika* с использованием трансформации свёртывания заменяется словом *племянник*, а *lanko* заменяется местоимением *он*: *Вайно – из большого рода / он к тому же мне племянник*. (6: 119–120). В 3-й же руне для последнего в качестве эквивалента используется наименование *свойственник*: *я всю жизнь того хотела, / ... / чтобы зятем стал мне Вайно, / свойственником – рунопевец*. (3: 531–536) (Калевала 1998: 46, 69).

В рассматриваемом здесь коми переводе отрывка 6-й руны более уместными были бы, на наш взгляд, наименования *пивер*, *девер* ‘деверь’, *зять* ‘зять’ либо же прямое коми соответствие для ф. *lanko* – *ас морт* ‘свойственник, родственник’. Не привело бы к ошибке и использование слова *племянник* ‘племянник’ – как результат трансформации свёртывания значения.

Что касается вышеприведённого отрывка из 3-й руны, то в коми переводе в данном месте ф. *lanko* не нашло отображения:

*tuota toivoin tuon ikäni,
puhki polveni halasin
sukuhuni suurta miestä,
rotuhuni rohkeata,
vävykseni Väinämöistä,
laulajata langokseni.»* (3: 531–536)
Того хотела [я] всю свою жизнь,
Весь век свой желала
В своё семейство великого мужа,
В свой род славного,
В зятя Вяйнямёйнена,
Певца в родственники (вошедшего в семью
посредством брака)».

*Важён виччыси ме тайёс,
Нэм чбж мбвпалі та йльысь,
Медым нималана мортыс,
Повтбмьяслбн удал рбдысь,
Вяйнямёйнен – ыджыд сылысь,
Лоус менам она зятьбн.»* (3: 525–530)
Давно ждала я это,
Весь век думала об этом,
Чтобы знаменитый человек,
Из удалого рода бесстрашных,
Вяйнямёйнен – великий певец,
Стал моим зятем».

kuja ‘переулок, закоулок, узкая дорога’ → *мир туй* ‘большая дорога, большак, тракт’

*Viikon vuotti Väinämöistä,
viikon vuotti, ei väsynyt,
istuellen ikkunoissa,
valvoen vajojen päissä,
kuunnellen **kujan** perällä...* (6: 65–69)
Долго ждал Вяйнямёйнена
Долго ждал, не устал,
Сидя у окон,
Бодрствуя на крыльце,
Слушая на краю (в задней части) прогона
(переуллка, закоуллка, прохода)

*Вежон Вяйнямёйнен абу,
Мудзтöдз виччысьöма лои
Öшинь дорын пукалöмөн,
Кильчö вылын сулалöмөн,
Мир туй бокын кывзысьöмөн...* (6: 62–66)
Неделю Вяйнямёйнена нет,
До устали ждать пришлось
У окна сидя,
На крыльце стоя,
На краю большой дороги слушаю...

Значение ф. *kuja* ‘дорога между двумя параллельными между собой заборами или соседними строениями; крытый проход между двумя надворными хозяйственными постройками; прогон для скота’ (KS: 142), ‘узкий переулок, закоулок, узкая (глухая) дорога’ (SKS: 276). На коми язык это слово переведено как *мир туй* ‘большая дорога, большак, тракт’ (КРК: 394, 660).

Замена ф. *kuja* на к. *мир туй*, возможно, произошла в результате того, что переводчик, не уяснив значения исходного слова, но зная, что речь идёт о каком-то типе дороги, в качестве соответствия выбирает составное название, на подобие того, как это происходит во многих других местах (см. пункт 3.2.3.1.1., в котором говорится о вставке прилагательных). При этом остается незамеченным, что перевод имеет противоположное оригиналу значение.

Вместо составного названия в первое можно было использовать коми слово *кулига*, одно из значений которого ‘закоулок, переулок, окольная улочка тупик’ (КРК: 315; РКС: 249, 627). В этом значении оно вполне соответствует финскому наименованию *kuja*.

vepo ‘лодочка, челнок’ → *ыджыд пыж* ‘большая лодка’

*Jop' on päivänä jälestä
itse seppo Ilmarinen
kallistihe katsomahan
ahjonsa alaista puolta:
vepo tungeikse tulesta,
punapursi kuumoksesta...* (10: 339–344)
Вот на следующий день
Сам кузнец Илмаринен
Наклонился посмотреть
На нижнюю часть своего горна:
Челнок появляется из огня,
Красный чёлн из жара...

*Мöд лун Илмаринен ачыс
Сюся дзоргис ломзьысь пачö:
Аддзис сэттысь **ыджыд пыжöс**,
Дöлалис тиöтти гөрдов парус...* (10: 319–322)
На следующий день Илмаринен сам
Внимательно посмотрел в топящуюся печь:
Увидел там большую лодку,
Реял тоже красноватый парус...

Значения финского наименования *vepo*: *уменьш.* ‘лодка’ (KST: 379); *фольк.* ‘лодочка, челнок’ (ФРС: 724). Из-за ошибочного выбора прилагательного небольшая лодочка, челнок оригинала превращается в переводе в большую лодку. Как и в предыдущем случае (*закоулок* – *большая дорога*)

здесь ошибка произошла вследствие стремления дополнить строку до нужного количества слогов, а также компенсировать разного рода потери путём вставок в перевод различных прилагательных.

tuima tunturi ‘суровая безлесная (голая) северная гора, сопкуа’ → *вёра, джуджыд керёс* ‘лесистая, высокая гора’

*Siitä sitte rauta piili,
sekä piili jotta säilyi
heiluvassa hettehessä,
läikkyvässä lähteessä,
suurimmalla suon selällä,
tuiman tunturin laella... (9: 79–84)*
Тогда железо спряталось,
Спряталось и схоронилось
В качающейся трясине,
В плещущемся источнике,
На огромной поверхности болота,
На вершинах суровых сопок.

*Биысь көрт котөртіс-дзёбсис,
Аслыс гуся сайёд аддзис
Васёд, зыбуч нюръяс шёрын,
Визув, югыд ёшмёс ваын,
Паськыд, кос веретя вылын,
Вёра, джуджыд керёсьясин... (9: 79–84)*
От огня железо сбежало-спряталось,
Себе потайное укрытие нашло
Посреди сырых, зыбучих болот,
В бурлящей, светлой ключевой воде,
На широкой, сухой гряде (среди болот),
На лесистых, высоких горах.

Финские толковые словари дают следующее толкование слову *tunturi*: ‘поднимающаяся над уровнем деревьев гора с круглой верхушкой (на севере Фенноскандии)’ (SKS: 737); ‘поднимающаяся над уровнем деревьев, обычно имеющая круглую вершину гора на территориях, покрытых в прошлом материковым ледником, в особенности в Фенноскандии’ (SKP III: 359); ‘сопка с голой верхушкой, северная гора’ (KST: 345); ‘гора с безлесной и круглой вершиной’ (KS: 430). ФРС (660) так переводит данное наименование на русский язык: безлесная гора в Лапландии.

Таким образом, можно сделать вывод, что основными характеристиками, которые отличают данный тип горы от других, является наряду с тем, что она находится на севере, в Лапландии, и то, что на ней нет древесной растительности, т.е. она не покрыта лесом.

Значение прилагательного *tuima*: жестокий, резкий, яростный, суровый, сердитый (ФРС 654). Словосочетание *tuima tunturi*, таким образом, обозначает ‘суровую безлесную (голую) северную гору, сопку’.

В переводе в качестве соответствия оригиналу дается *вёра, джуджыд керёс* ‘лесистая, высокая гора’, вследствие чего вместо безжизненной, мрачной, холодной скверной горы перед нами предстает высокий лесистый холм, гора, которая вызывает совершенно иные ассоциации, чем у читателей подлинника.

Ошибка, возможно, могла произойти из-за того, что автор перевода, не вникая в значение переводимого обозначения, неправильно выбирает к нему эпитеты.

takoja iän-ikuinen ‘кузнец вековечный’ → *нэмөвöйся ыджыд төдысь*
‘вековечный великий знаток (волшебник, кудесник)’

"*Ohoh seppo Ilmarinen,*
takoja iän-ikuinen! (10: 259–260)
«Ой, кузнец Илмаринен,
Кователь вековечный!

«Кывзы, Илмаринен вокö,
Нэмөвöйся ыджыд төдысь! (10: 244–245)
«Послушай, Илмаринен братец,
Вековечный великий знаток!

В данном отрывке переводчик по отношению к Илмаринену ошибочно применяет эпитет Вяйнямейнена *нэмөвöйся ыджыд төдысь* ‘вековечный великий знаток (волшебник, чародей, кудесник)’ вместо постоянного эпитета *нэмөвöйся ыджыд дорччысь* ‘вековечный великий кователь’ (напр., 10: 42, 87, 290), соответствующего финскому *takoja iän-ikuinen* ‘кователь вековечный’.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе была предпринята попытка разностороннего исследования коми перевода «Калевалы». В первую очередь внимание уделялось лексико-грамматическому и стилистическому анализу текста перевода в сопоставлении его с оригиналом. А также были рассмотрены вопросы истории художественного перевода как на коми язык, так и с коми языка на другие языки. Ниже приводятся наиболее значимые результаты исследования.

1. Переводческая деятельность (художественный перевод) с коми языка и на коми язык

1.1. Переводческая деятельность на коми язык начинается с момента возникновения стефановской письменности в XIV в. и продолжается до настоящего момента. Разные её периоды отличаются как тем, что и с какого языка переводилось, так и тем, кем, в каком объёме и для каких целей это делалось.

Так, на ранних этапах переводились исключительно религиозные тексты с церковнославянского и греческого языков с целью более успешного распространения христианства в Коми крае.

В XIX в. наряду с переводом церковной литературы стали появляться переводы светского содержания, преследующие просветительские цели. Переводчиками были как сами коми, так и лица, для которых коми язык не был родным. В отсутствие единого для всех коми литературного языка, переводы осуществлялись на тот диалект, которым владел переводчик. Наиболее значительные переводы этого периода принадлежат И. А. Куратову, однако они стали известны только в 20–30-е годы XX века и, таким образом, не могли влиять на становление коми литературного языка и коми литературы на начальном этапе их развития.

Наибольшее количество переводов на коми язык появилось в XX в. Период с 1917 г. и до 70–80-х гг. характеризуется планомерной работой по переводу произведений русских, советских и зарубежных авторов на коми язык. Переводами в этот период занимались коми писатели, журналисты, научные работники. Переводы делались как с целью развития коми литературного языка и литературы, так и исходя из просветительских и пропагандистских задач. Переводы за единичными исключениями осуществлялись с русского языка. Наибольшего количества переводная литература достигла в конце 1930-х и в 1950-е гг., в это время она лидирует над оригинальными произведениями коми авторов. Начиная с 1960-х гг., количество переводов значительно сократилось. В это время они появляются главным образом в периодических изданиях и антологиях. Уменьшение издания переводной литературы объяснялось тем, что в условиях массового коми-русского двуязычия коми население предпочи-

тает читать произведения русской и зарубежной литературы на русском языке.

1.2. Первые переводы с коми на другие языки относятся к середине–второй половине XIX в. Таковыми являются переложенные на русский язык А. И. Куратовым его собственные произведения, а также несколько народных песен. Переводами коми фольклорных произведений и стихотворений основоположника коми литературы были и первые переводы на другие языки. С середины 1930-х и до конца 1980-х гг. осуществлялся систематический перевод произведений коми писателей на русский язык, как в самой Республике Коми, так и за её пределами. Наибольшее количество подобных переводов приходится на 1960–70-е гг. В качестве переводчиков выступали как сами коми авторы и русскоязычные писатели в Коми, так и переводчики из-за пределов республики. Часто перевод осуществлялся с помощью подстрочников. Переводы на русский язык служили основой для последующих переводов на другие языки.

1.3. В ходе исследования нами выявлены следующие особенности взаимных переводов на финно-угорские языки.

Первые переводы по линии коми язык – финно-угорский язык – коми язык относятся к началу XX в. (переводы коми фольклорных произведений на финский и венгерский языки в начале века, переводческая деятельность В. И. Лыткина в 1920-е годы). Однако до 1960–70-х гг. подобные переводы являются единичными и случайными. Оживляться переводческая деятельность начинает в 1970–80-х гг., вследствие политики ознакомления и сближения друг с другом народов Советского Союза и стран социалистического блока. В это время начинают регулярно появляться на коми языке произведения удмуртских, марийских, венгерских и других финно-угорских авторов, а на этих языках – переводы коми писателей. Характеризуя данный период в истории финно-угорских переводов, венгерский литературовед П. Домокош (1993: 221) пишет, что «взаимные переводы делались не вследствие знакомства с литературами и не с языка на язык, а: 1. при помощи русского языка; 2. под знаком обязательной программы взаимного ознакомления с культурами советских национальностей; 3. мотивирующим фактором являлось соседство, принадлежность к одной зоне; 4. и только в последнюю очередь принималось к сведению, что (случайно) представляемая литература является родственной».

Новый этап в области финно-угорской переводческой деятельности начинается в 1990-х годах. С этого времени увеличивается число переводов, финно-угорская переводческая деятельность начинает носить системный характер, увеличивается доля непосредственных прямых переводов.

По нашим подсчетам, на коми язык переведено больше 700 произведений 187 финно-угорских писателей. Около 90% переводов составляет

поэзия. Наибольшим числом авторов представлена удмуртская литература, за ней следуют венгерская, эстонская, марийская, финская (23%, 16%, 16%, 15% и 13% соответственно) и другие (17%). По количеству текстов лидируют переводы с эстонского языка (34%). За ними следуют переложения с удмуртского (23,5%), мордовских (мокша и эрзя) (9%), марийского (8,5%), венгерского (8%), финского (6,2%) и других языков (10,8%). Доля переводов непосредственно с языка оригинала – 18%. В этом отношении опять первенство удерживают переводы с эстонского, им уступают переводы с финского, венгерского, удмуртского. С других финно-угорских языков, по нашим данным, переводы осуществляются исключительно с русских текстов либо же с помощью подстрочников.

Показатели переводов по направлению коми язык – финно-угорские, как свидетельствуют результаты нашего исследования, следующие: общее количество переведенных коми авторов – 88. Наибольшее число, как писателей, так и их произведений представлено на эстонском языке (53 и 492 соответственно). Затем следуют переводы на венгерский язык (233 текста 52-х авторов). Количество переведённых авторов на языки остальных родственных народов: марийский – 30, финский – 29, удмуртский – 28, мордовский – 25 (из них 13 – мокша, 12 – эрзя), карельский – 3, вепсский и ненецкий – по одному. Данные по количеству переведенных текстов таковы: на финский язык – 193, на удмуртский – 155, на марийский – 142, на мордовский – 94 (из них мокша: 73, эрзя: 21), на карельский – 4, на ненецкий – 2; на вепсский – 1.

На финно-угорских языках коми литература представлена в основном поэзией (90% от общего числа переводов). Наибольшее количество переводов прозы осуществлено на марийский и эстонский языки. Переводы напрямую с коми языка составляют 19%. Самая большая доля прямых переводов (78%) наблюдается на финский язык. Из венгерских переводов такими являются 45%. На другие родственные языки переложения делаются или с имеющихся переводов на русский язык, либо же с помощью подстрочников.

Нами не обнаружены переводы на хантыйский, мансийский и саамский языки.

Переводы на финский язык осуществляются в Финляндии и Карелии. При этом, все переводы, сделанные в Финляндии, являются переводами поэзии, а в Карелии переводится и проза. Другая особенность переводческого процесса в Финляндии: почти 100% переводов осуществлено непосредственно напрямую с коми языка.

Наиболее системно к переводу коми литературы (как и других финно-угорских) подходят в Эстонии: на эстонский язык переведена как поэзия, так и проза писателей, представляющих различные периоды в истории коми литературы от её зарождения и до наших дней.

Большинство переводов как на коми язык, так и с коми появляется в периодической печати, сборниках, антологиях. Доля отдельных изданий авторов незначительна.

2. Переводы «Калевалы»

2.1. «Калевала» является самым переводимым финским произведением. Существует более двухсот различных её вариантов на более чем шестидесяти языках мира. Она переведена на девять финно-угорских языков. Первыми из финно-угров к переводу финского эпоса приступают венгры и эстонцы. На сегодняшний день имеется пять полных стихотворных венгерских переводов «Калевалы». «У венгерских читателей есть возможность выбрать из переводов „Калевалы” такой вариант, который более по душе и соответствует личным вкусам и языковым идеалам» (Домокош 1993: 223). На эстонском языке существует два полных варианта «Калевалы». Полностью эпос переведён также на ливвиковское наречие карельского языка. На другие финно-угорских языки финский эпос переведён либо частично (коми, коми-пермяцкий, удмуртский, марийский, эрзянский), либо в виде адаптации для детей (перевод на вепсский язык). Мотивами переводов являются как ознакомление читателей на том или ином языке с всемирноизвестным шедевром, так и попытки способствовать развитию языка и литературы (в случае с вепсским и карельским переводами). Причинами повторных переводов (венгерский, эстонский языки) является желание дать более верный оригиналу, но в то же время более понятный читателям вариант эпоса, стремление более точной передачи той или иной особенности оригинала.

2.2. Первые попытки перевода «Калевалы» на коми язык относятся к 20-м годам XX в.: перевод 41-й руны В. И. Лыткина (1922 г.). Систематическая работа по переводу и публикации рун финского эпоса на коми языке велась в 1980–90-х годах А. И. Туркиным. К сожалению, данная работа не была завершена. А. И. Туркиным были переведены на коми язык четырнадцать калевальских рун (руны 1–10, 34, 40, 41, 44). Тринадцать из них были опубликованы в коми периодике. Перевод одной руны (44-й) не был издан и хранится в рукописи. Перевод отрывка из 49-й руны в переводе коми поэта М. Елькина был опубликован в 1992 г.

3. Сопоставительный трансформационный лингвостилистический анализ оригинала «Калевалы» и её перевода, осуществлённого А. И. Туркиным

3.1. Сопоставительный трансформационный анализ текстов «Калевалы» на финском и коми языках дал нам возможность исследовать коми перевод А. И. Туркина с лексико-грамматической и стилистической точек зрения, выявить закономерные соответствия, установить случаи использования различных трансформационных преобразований и выявить лежащие в их основе причины, обнаружить допущенные переводчиком ошибки. Данный анализ позволил выяснить, как преодолевались трудности,

связанные со спецификой языка оригинала, с особенностями его жанра и формы.

Перевод является преобразованием сообщения на исходном языке в сообщение на языке перевода. По словам А. В. Фёдорова (1983: 10), перевести – значит передать верно и полно средствами одного языка то, что уже было выражено ранее средствами другого языка. В процессе перевода из-за причин, связанных с различиями взаимодействующих языков и культур, иногда бывает невозможным использование словарных соответствий слов и выражений. В таких случаях прибегают к трансформационным преобразованиям, заключающимся в изменении внутренней формы слова или словосочетания, либо же к их полной замене с целью адекватной передачи содержания высказывания. Именно с умением осуществлять необходимые трансформационные преобразования связано достижение главной цели любого перевода – адекватности оригиналу, которая заключается в наиболее полной передаче всей информации, заключенной в тексте подлинника при условии соблюдения соответствующих норм языка перевода.

3.2. В исследуемом нами коми переводе были выявлены различные лексические и грамматические трансформации. Некоторые из них носят обязательный характер и вызваны различиями между взаимодействующими в процессе перевода языками – финским и коми, а также особенностями самого переводимого текста, не характерными не только для коми, но и для современного финского языка. Не использование обязательных трансформаций приводит к деформации исходного сообщения и нарушению норм языка перевода. Другие трансформационные преобразования носят необязательный, факультативный характер и вызваны либо стилистическими соображениями, либо индивидуальными пристрастиями переводчика.

В процессе анализа текстов оригинала и перевода нами выявлены следующие разновидности лексических трансформаций, использующихся при переводе: конкретизация, генерализация, лексическое свёртывание, лексическое развёртывание, антонимический перевод, логическое (смысловое) развитие понятий.

Наиболее частым преобразованием является лексическое развёртывание (развёртывание сложных и производных слов, развёртывание глаголов, описательный перевод). Данная трансформация носит обязательный характер и связана с различиями в лексической и морфологической системе двух языков (отсутствие точного соответствия какому-либо понятию, различия в образовании производных слов) и особенностями языка «Калевалы» (обилие сложных слов различного типа, особенно т.н. бахуврихов). Количество примеров на данный вид трансформации (более трёхсот пятидесяти) во много раз превышает количество случаев обратной трансформации – свёртывания (всего 27 примеров).

Частично обязательный, частично факультативный характер носят трансформации конкретизации и генерализации. Обязательными являются выделенные нами языковые конкретизации и генерализации, применяющиеся для передачи наименований, отсутствующих в коми языке. Речевые (контекстуальные) конкретизации и генерализации являются необязательными и носят стилистический характер: они вызваны стремлением избежать повторов, достичь большей образности, наглядности и т.д. В количественном отношении трансформация генерализации преобладает над конкретизацией (106 и 75 примеров соответственно).

Антонимический перевод (50 примеров) и логическое (смысловое) развитие понятий (40 примеров) являются, как правило, необязательными – и без их применения в переводе получились бы грамматически и стилистически правильные высказывания.

Грамматические трансформации являются такими преобразованиями, при которых грамматические формы и структуры единиц исходного текста заменяются на не эквивалентные формы и структуры языка перевода, но с сохранением смыслового соответствия, т.е. воспроизводится не грамматическая форма, а её функция.

Из грамматических трансформаций в переводе используются следующие: грамматическое развёртывание, разнообразные замены, вставки, опущения и перестановки. В результате анализа грамматических преобразований нам удалось установить, как на коми язык передаются грамматические конструкции, имеющиеся в финском языке, но отсутствующие в коми, например, пассивная форма глагола, разнообразные инфинитивные и причастные конструкции.

Так, пассивная форма финского глагола в большинстве случаев передаётся на коми язык формой 3-го лица множественного числа глагола, что можно считать закономерной адекватной заменой, т.к. в коми неопределённо-личных предложениях со сказуемым в 3 л. мн. ч., так же как и в финских предложениях с пассивом, внимание сосредоточено на действии, а субъект действия несущественен, действие совершается неопределённым, т.е. необозначенным субъектом. В нескольких случаях пассив заменяется на 1 л. мн. ч, что также является адекватной заменой, так как финский пассив часто используется в данной функции. Встречаются случаи замены пассива формой глагола в 3 л. ед. ч. с одновременной реконструкцией сказуемого. Данный вариант замены, на наш взгляд, является менее приемлемым, т.к. не передаёт значения финской грамматической формы. Таким образом, в случае с передачей финского пассива мы имеем дело с обязательной трансформацией замены формы слова.

Различные финские инфинитивные конструкции на коми язык передаются следующим образом.

Конструкции с целевым инфинитивом (*Finaalirakenne / I infinitiivin pitempi muoto / I infinitiivin translatiivi*; показатель: *-kse-* + посессивный суффикс) с помощью трансформации развёртывания преобразуются в различного рода сложные предложения. Наиболее частым и одновременно

наиболее адекватно передающим значение финской конструкции соответствием является сложноподчинённое предложение с союзом *med*, *медым* ‘чтобы’.

Конструкции с III инфинитивом частично подвергаются трансформации развёртывания, частично – трансформации замены части речи. В большинстве случаев предложения с иллативом, элативом, и абессивом III инфинитива (показатели соответственно *-mAA*n / *-mAhAA*n, *-mAstA*, *-mAttA*) заменяются сложными предложениями, наиболее распространенным из которых является предложение с союзом *med*, *медым* ‘чтобы’. В некоторых случаях элатив III инфинитива (*-mAstA*) передаётся отглагольным существительным, а абессив III инфинитива (*-mAttA*) отрицательным причастием с суффиксом *-möm*.

Образующий временную конструкцию (*temporaalirakenne*) инессив II инфинитива (показатель: *-essA-* + посессивный суффикс) в $\frac{3}{4}$ случаев предаётся в переводе различными сложными предложениями, из которых наиболее адекватно передающими значение исходной конструкции (но составляющие всего четвертую часть примеров развёртывания) следует считать сложноподчинённые предложения с союзом *kor*, *кодыр* ‘когда’. Другой адекватно передающий значение и функции, но менее распространённый, способ передачи данной конструкции – замена на деепричастие с суффиксами *-ig* / *-ug*, *-igön* / *-igön*, *-igac* / *-igac*.

Входящий в модальную конструкцию (*modaalirakenne*) инструктив II инфинитива (показатель: *-en*) в подавляющем числе случаев заменён на деепричастие с суффиксами *-ig* / *-ig*, *-igтыр(üu)* / *-igтыр(üu)*, *-ömön*. Однако встречается также несколько примеров развёртывания в сложно-сочинённое предложение.

Выявлены следующие способы репрезентации различных причастных конструкций. Временная конструкция (*temporaalirakenne*) с партитивом 2 причастия пассива (*-tUA*) всегда передаётся на коми язык сложноподчинённым предложением с союзом *kor*, *кодыр* ‘когда’. Реферативная конструкция (*kertova* / *referatiivinen lauseenvastike* / *referatiivirakenne*) с причастиями на *-vAn*, *-neen*, *-tUn* также во всех случаях подвергается трансформации развёртывания. Как правило, данная финская конструкция заменяется на коми бессоюзное сложное предложение с изъяснительно-объектной связью.

Помимо замены частей речи, связанных с передачей отсутствующих в коми языке инфинитивных и причастных конструкций, и, таким образом, являющейся обязательной трансформацией в рассматриваемом нами переводе встречается и факультативный вариант данной трансформации – прономинализация: замена слов с конкретным лексическим значением (т.е. существительных, прилагательных, числительных, наречий) на местоимение. Это преобразование не носит обязательного характера, т.к. выполняет стилистические функции.

К трансформационным преобразованиям замены, обнаруженных нами в тексте перевода, относятся также замены членов предложения и

разнообразные замены формы слова: изменение времени и числа глагола, числа имён существительных (прилагательных) и степеней сравнения прилагательных.

Замена прошедшего времени глагола (имперфекта) на настоящее и настоящего на прошедшее (I прошедшее) не связана с какими-либо особенностями ни финского языка, ни языка «Калевалы» и, таким образом, не является обязательной. По количественным показателям первая замена значительно уступает второй. Причинами данного преобразования могли послужить невнимательность переводчика к таким местам в оригинале, в которых осуществляется резкая смена времени повествования, а также, возможно, ошибочная трактовка часто встречающегося архаичного суффикса настоящего времени *-vi* как разновидности суффикса имперфекта *-i*.

Обязательной трансформацией, связанной с особенностью языка финского эпоса, является замена числа глагола-сказуемого. Часто употребляющееся с подлежащим во множественном числе сказуемое единственного числа оригинала в переводе всегда согласуется с подлежащим и приобретает форму множественного числа.

Замена числа имён существительных (прилагательных) в некоторых случаях носит обязательный характер. К ним относятся примеры со словами, употребляемыми в финском языке только во множественном числе (*monikkosana, plurale tantum*), но перестающими быть таковыми в коми. Остальные случаи использования данной трансформации – факультативны и носят стилистический характер. Также необязательный характер носят обнаруженные нами случаи замены степеней сравнения прилагательных.

Для замены членов предложения характерно то, что кроме сказуемого все остальные члены предложения могут быть заменены на любой другой. Данная трансформация часто является следствием других преобразований, произведённых в процессе перевода. Такими образом, большинство замен членов предложения не связано с различиями в системах двух взаимодействующих языков, и поэтому не носят обязательного характера. К обязательным преобразованиям относятся, например, некоторые случаи замены дополнения на обстоятельство в примерах типа *ajaa tietä* ‘ехать по дороге, дорогой’ – *munny tуй кузя* ‘идти, ехать по дороге’, *itkeä häntä* ‘оплакать его, плакать по нему’ – *бёрдыны сы вöсна* ‘плакать из-за него, по нему, оплакать его’.

При анализе текстов нами обнаружены следующие разновидности вставок: вставки в неполных предложениях, вставки сказуемого и подлежащего, вставка притяжательных местоимений. Данные преобразования носят факультативный характер и используются для придания строкам перевода необходимой длины в восемь слогов.

Введение в текст перевода дополнительных прилагательных-эпитетов и слов, выполняющих функции обстоятельства, можно рассматривать как приём компенсации разнообразных потерь.

Трансформация опущения представлена выпадением в переводе характерного для языка «Калевалы» вставочного глагола *on* ‘есть, быть’.

Из перестановок нами обнаружена замена положения отрицательного глагола и определения, превращение предлогов в послелогов, носящие обязательный характер и вызванные особенностями языка финского эпоса, а также перемещения сказуемого и авторских слов по отношению к прямой речи, носящие скорее стилистический характер и поэтому являющиеся факультативными преобразованиями.

Наиболее распространенными в переводе являются разнообразные преобразования развёртывания (лексического и грамматического), а также различные виды вставок, что согласуется с принципом эксплицитности, согласно которому в переводах по сравнению с оригиналом, как правило, наблюдается тенденция к введению дополнительных объясняющих, описывающих элементов, структура предложений делается менее сложной, более рыхлой. Интенсивное использование данных типов трансформаций способствует также сохранению в переводе стихотворной формы оригинала – восьмисложной строки. Благодаря введению в строку дополнительных элементов компенсируются потери в длине, вызванные краткостью коми слов.

3.3. В ходе сопоставительного анализа выявлены способы передачи безэквивалентной лексики при переводе. К ней мы относим реалии и имена собственные (антропонимы, зоонимы и топонимы).

В тексте оригинала нами обнаружено 14 лексических единиц, которые относятся к географическим (названия объектов физической географии и животного мира) и этнографическим реалиям (названия пищи, одежды, музыкальных инструментов, сооружений и мифологических предметов). Наиболее частым способом репрезентации является транскрипция – 51% от общего количества случаев употребления реалий. В 21% случаев наблюдается использование функционального аналога. В 14% случаев переводчик прибегает к использованию трансформации генерализации (родо-видовой замены). В 4% случаев используется калька. По 2% приходится на замену чужой реалии своей, описательный и контекстуальный переводы. В 4% случаев реалия в переводе опускается. Нами не обнаружены примеры передачи реалий, ведущие к недопустимой национально-культурной ассимиляции и снижению адекватности перевода. Однако наблюдается непоследовательность в способах репрезентации – одна и та же реалия может в разных местах перевода передаваться разными способами.

Большинство имён собственных в переводе переданы с помощью транскрипции (91% антропонимов и 86% топонимов). Перевод как способ репрезентации ономастической лексики использован в 9% и 14% случаев соответственно. При передаче системы постоянных эпитетов, употребляемых с именами собственными, наблюдается тенденция к большему варьированию, разнообразию: при переводе отдельных её элементов часто встречаются развёртывания и разнообразные вставки, дополнения.

3.4. Сопоставительный анализ двух текстов свидетельствует о том, что основные стилистические особенности оригинала отражаются в переводе следующим образом.

В отличие от подлинника, язык которого характеризуется как архаичный и диалектный, язык перевода – литературный, но включающий в себя и диалектизмы, доля которых, впрочем, незначительна (около 1% лексики). Присутствующий пласт диалектной лексики относится в своём большинстве к западным диалектам коми языка.

Различия между двумя языками делают невозможной полноценную передачу на коми язык такой особенности формы оригинала, как аллитерация. Однако анализ текста показывает, что аллитерация в переводе всё же встречается достаточно часто. Это является как результатом случайного попадания рядом друг с другом одинаково начинающихся слов, так и стремлением переводчика к поиску созвучных пар слов и введения их в текст.

Другая характерная особенность формы оригинала – параллелизм – при переводе часто подвергается различным деформациям (выпадение строк, слияние нескольких строк в одну, введение элементов, не имеющих в оригинале и т.п.), что нередко ведёт к изменениям в объёме текста перевода по отношению к оригиналу: целевой текст становится короче. На наш взгляд, переводчик не использовал все имеющиеся возможности для более полной передачи данной стилистической особенности подлинника.

3.5. Анализ ошибок, допущенных в процессе перевода, говорит о том, что в их основе лежит неверное толкование отдельных элементов текста подлинника, происходящее из-за дефицита фоновых знаний, недостаточного знания языка оригинала, а также некритического подхода к подбору соответствий в языке перевода.

Сопоставительное изучение финско-коми переводов художественной литературы в трансформационном аспекте, включающее лингвистические и стилистические аспекты перевода, до сих пор не являлось предметом специального исследования. Плохо изученными остаются и вопросы истории переводческой деятельности как на коми язык, так и с коми языка, в особенности это касается взаимных финно-угорских переводов. Данное исследование не претендует на исчерпывающее освещение вопросов, касающихся вышеназванных тем, его результаты не претендуют на всеохватность и связаны непосредственно с задачами, сформулированными во введении к настоящей работе. Однако мы надеемся, что наша работа станет одним из этапов процесса развития финно-угорского переводоведения, а также будет полезной для общей теории и практики перевода.

5. УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Названия языков и диалектов

<i>арх.</i> – архангельский говор русского языка	<i>лл.</i> – лузско-летский диалект коми языка
<i>вв.</i> – верхневычегодский диалект коми языка	<i>нв.</i> – нижневычегодский диалект коми языка
<i>вс.</i> – верхнесысольский диалект коми языка	<i>нем.</i> – немецкий язык
<i>вым.</i> – вымский диалект коми языка	<i>печ.</i> – печорский диалект коми языка
<i>в. фин.</i> – восточно-финское	<i>рус.</i> – русский язык
<i>дрп.</i> – древнепермское	<i>скр.</i> – присыктывкарский диалект коми языка
<i>иж.</i> – ижемский диалект коми языка	<i>сс.</i> – среднесысольский диалект коми языка
<i>к.</i> – коми язык	<i>уд.</i> – удорский диалект коми языка
<i>карел.</i> – карельские говоры русского языка	<i>удм.</i> – удмуртский язык
<i>л.</i> – лузский диалект коми языка	<i>ф.</i> – финский язык

Другие сокращения

<i>букв.</i> – буквально	<i>периф.</i> – перифраза
БЭЛ – безэквивалентная лексика	<i>поэт.</i> – поэтическое
<i>возв.</i> – возвышенное	<i>пренебр.</i> – пренебрежительно
<i>диал.</i> – диалектное	<i>простореч.</i> – просторечное
<i>ед. ч.</i> – единственное число	ПЯ – переводящий язык, язык перевода
<i>звукоподр.</i> – звукоподражательное слово	<i>см.</i> – смотри
ИЯ – исходный язык	<i>собир.</i> – собирательное
<i>л.</i> – лицо (глагола)	<i>тж.</i> – то же
<i>лит.</i> – литературное	<i>уменьш.</i> – уменьшительное
<i>метафор.</i> – метафорично	<i>уст.</i> – устаревшее
<i>мн. ч.</i> – множественное число	<i>фольк.</i> – фольклорное
<i>неол.</i> – неологизм	

6. БИБЛИОГРАФИЯ*

Переводы «Калевалы»

- Калевала. I сыланкыв. Водзкыв. Му пуксьом. Вуджодіс А. И. Туркин. – *Войвыв кодзув*. 1985 №7. 10–13.
- Калевала. Сьылан панас. Му пуксьом. Вяйнямйненлөн чужом. Вуджодіс А. И. Туркин. – *Войвыв кодзув*. 1999 №12. 3–9.
- Му кодзём. Мёд сыланкыв. Вуджодіс А. И. Туркин. – *Югыд туй*. 23 июня 1987.
- Калевала. Коймод сыланкыв. Сьёлөмөн вермасьом. Вуджодіс А. И. Туркин. – *Коми му*. 5 декабря 1991.
- Калевала. Нельод сыланкыв. Вяйнямйнен да Айно ныв. Вуджодіс А. И. Туркин. – *Войвыв кодзув*. 1996 №7. 59–67.
- Калевала. Витод сыланкыв. Велламолысь нывсө вугыртём. Вуджодіс А. И. Туркин. – *Войвыв кодзув*. 2000 №1. 3–7.
- Калевала. Квайтод сыланкыв. Ёукахайнен водзөс мынтө. Вуджодіс А. И. Туркин. – *Войвыв кодзув*. 2000 №2. 56–69.
- Калевала. Сизимод сыланкыв. Вяйнямйнен Похъёлаын. Вуджодіс А. И. Туркин. – *Войвыв кодзув*. 2000 №4. 60–66.
- Калевала. Көкъямысод сыланкыв. Войвывса ныв. Пыж вөчөм. Вуджодіс А. И. Туркин. – *Войвыв кодзув*. 2000 №6. 44–48.
- Калевала. Окмысод сыланкыв. Пидзөс дой бурдөдөм. Вуджодіс А. И. Туркин. – *Войвыв кодзув*. 2000 №7. 37–47.
- Калевала. Илмаринен дорө Сампо. X сыланкыв. Вуджодіс А. И. Туркин. – *Войвыв кодзув*. 1984 №4. 36–41.
- Куллерво аддзө бать-мамсө. «Калевалаысь» 34-од сыланкыв. Вуджодіс А. И. Туркин. – *Югыд туй*. 23 июля 1985.
- Вяйнямйнен вөчө кантеле. Вуджодіс А. И. Туркин. – *Югыд туй*. 28 февраля 1985.
- Вяйнямйнен вөчө кантеле. «Калевалалөн» 40-од сыланкыв. Вуджодіс А. И. Туркин. – *Югыд туй*. 5 марта 1985.
- Калевала. Вяйнямйнен ворсө кантелеөн. Вуджодіс А. И. Туркин. – *Войвыв кодзув*. 1980 №6. 40–42.
- Калевала. *Карело-финской эпос. 44-од сыланкыв. Кантелелөн чужом*. Финской кыв вылысь вуджодіс А. И. Туркин. Рукопись. Музей истории просвещения Коми края. ОФ 16012.
- Калевала 1929 = Вејнемејнелөн кантөльеөн ворсөм. – Ільла Ваг. *Кывбурјас*. Сыктывдінкар. 215–218.
- Калевала 1992 = «Калевалаысь» өти руна. Комиодіс Михаил Елькин. – *Би кинь*. №10. 6.
- Калевала 1996 = Отрывок из «Калевалы» в переводах на русский и коми-пермяцкий языки. Перевод на коми-пермяцкий язык А. Истоминой. – *Парма*. 10 апреля.
- Калевала 2001 = *Калевала. Карел но финн кыржан-мадьёсья эпосэз гожтйз Элиас Лённрот*. Удмурт кылэ берыктйз Анатолий Уваров. Ижевск.

* В перечень входят работы, ссылки на которые имеются как в тексте самого исследования, так и в тексте приложений на CD.

- Калевала 2007 = *Элиас Лённрот. Калевала. Эпосонь морокерькс карелэтиэнь ды суомитиэнь кезэрень морост кувалма. Васенце морось. Эрзянь кельс ютавтыцясь Эрюш Вежай.* – <http://erzianj-jurnal.livejournal.com/46650.html> (15.02.2014).
- Калевала 2008 = Николаев, С. В. (перевод). *Калевала. Финн эпос.* М. Шкетан лүмеш марий кугыжаныш драме театр. Йошкар-Ола.
- Калевала 2010 = Элиас Лённрот. Калевала. 36-тй мадь. 37-тй мадь. Финн кылысь берыктіз Виктор Шибанов. – *Кенеш.* №7. 10–16.
- Kalevala 1871 = *Kalevala. A finnek nemzeti eposza.* Az eredetiből fordította Barna Ferdinánd. Pest.
- Kalevala 1921a = *Kalevala. II jagu.* Tõlkinud M. J. Eisen. Teine trükk. Tallinn.
- Kalevala 1921b = *Kullervo. Lugulaul Kalevalast.* Tõlkinud V. Ridala. Tartu.
- Kalevala 1924 = *Väike Kalevala.* Tõlkinud M. J. Eisen. Kolmas trükk. Tallinn.
- Kalevala 1925 = *Kalevala. I jagu.* Tõlkinud M. J. Eisen. Kolmas parandatud trükk. Tartu.
- Kalevala 1975 = *Kalevala.* Fordította Nagy Kálmán. Budapest: Európa Könyvkiadó.
- Kalevala 1980 = *Kalevala.* Fordította, kísérő tanulmányal ellátta és felvételeket készítette Rácz István. Budapest: Európa Könyvkiadó.
- Kalevala 1985a = *Kalevala.* A finn eredetiből fordította Vikár Béla. Budapest: Helikon Kiadó.
- Kalevala 1985b = *Kalevala.* Koostanud Elias Lönnrot. Tõlkinud August Annist. Tallinn: Eesti Raamat.
- Kalevala 2001 = *Kalevala.* Fordította Szenté Imre. Szombathely.
- Kalevala 2003 = *Kalevala lapsile i norištõle.* Armas Mišinan i Eino Kuirun kompozician möhde vepsäks om kändnu Nina Zaiceva. Petroskoi: Juminkeko – Periodika.
- Kalevala 2009 = *Elias Lönnrot. Kalevala. Karjalankieline Kalevala-eepossu.* Kiändänyh Zinaida Dubinina. Helsinki: Karjalan Kielen Seura.
- Калевала 1984 = *Калевала.* Перевод с финского Л. П. Бельского. Ленинград.
- Калевала 1998 = *Elias Lönnrot. Kalevala. Eeppinen runoelma karjalaisten ja suomalaisten muinaisten kansanrunojen pohjalta.* Элиас Лённрот. Калевала. Эпическая поэма на основе древних карельских и финских народных песен. Перевод Э. Киуру и А. Мишин. Петрозаводск.

Словари, справочники

- ISK = Auli Hakulinen, Maria Vilkuna, Riitta Korhonen, Vesa Koivisto, Tarja Riitta Heinonen, Irja Alho. *Iso suomen kielioppi.* Helsinki: SKS. 2010.
- KL = Pertti Anttonen, Matti Kuusi. *Kalevala-lipas.* Helsinki: SKS. 1999.
- KS = Raimo Jussila. *Kalevalan sanakirja.* Helsinki: Otava. 2009.
- KST = Aimo Turunen. *Kalevalan sanat ja niiden taustat.* Lappeenranta: Karjalaisen Kulttuurin Edistämissäätiö. 1979.
- SKES = *Suomen kielen etymologinen sanakirja.* I–VII. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. 1955–1981.
- SKPS = *Suomen kielen perussanakirja.* I–III. Helsinki: Kotimaisten Kielten Tutkimiskeskus. 1990–1994.
- SKS = Timo Nurmi, Ilkka Rekiaro, Päivi Rekiaro. *Suomea suomeksi. Suomen kielen sanakirja.* Jyväskylä – Helsinki: Gummerus. 1994.
- БНК = А. Н. Ракин. *Быдмӧг нимъяслӧн кывкуд.* Сыктывкар. 2006.

- БС = А. Н. Ракин. *Краткий коми-русский, русско-коми ботанический словарь*. Сыктывкар. 1989.
- ВД = Т. И. Жилина. *Вымский диалект коми языка*. Сыктывкар. 1998.
- ГФЯ = *Грамматика финского языка. Фонетика и морфология*. Москва–Ленинград. 1958.
- Даль = Владимир Даль. *Толковый словарь живого великорусского языка*. I–IV. Москва. 1989–1991.
- ЗС = А. Н. Ракин. *Краткий коми-русский, русско-коми зоонимический словарь*. Сыктывкар. 1993.
- КАС = А. Н. Ракин. *Коми анатомическóй словарь*. Сыктывкар. 1991.
- КПН = Ё. Цыпанов. *Коми пемòс нимкуд*. Сыктывкар. 2008.
- КПРС = Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. *Коми-пермяцко – русский словарь*. Москва. 1985.
- КРК = *Коми-роч кывчукòр*. Отв. редактор Л. М. Безносикова. Сыктывкар. 2000.
- КРС = *Коми-русский словарь*. Под редакцией В. И. Лыткина. Москва. 1961.
- КСК I = *Коми сёрнисикас кывчукòр*. Том I. Отв. редактор Л. М. Безносикова. Сыктывкар. 2012.
- КЭСК = В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. *Краткий этимологический словарь коми языка*. Переиздание с дополнением. Сыктывкар. 1999.
- КЯЛП = *Коми язык в литературных переводах. Библиографический указатель*. Сост. Л. В. Давыдова, Л. И. Латкина. Сыктывкар. 2013.
- КЯЭ = *Коми язык. Энциклопедия*. Отв. редактор Г. Ф. Федюно́ва. Москва. 1998.
- ЛЛД = Т. И. Жилина. *Лузко-летский диалект коми языка*. Москва. 1985.
- Ожегов = С. И. Ожегов. *Словарь русского языка*. Москва. 1964.
- ОПП = *Основные понятия переводоведения. (Отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник*. Отв. ред. М. Б. Раренко. Москва. 2010.
- ПНК = А. Н. Ракин. *Пемòс нимъяслòн кывкуд*. Сыктывкар. 2001.
- РФС = *Русско-финский словарь*. Под ред. М. Э. Куусинена и В. М. Оллыкайнена. Москва. 1963.
- СКЯЛ = *Современный коми язык. Лексикология*. Отв. ред. А. И. Туркин. Москва. 1985.
- СКЯ I = *Современный коми язык. Учебное пособие для высших учебных заведений. Часть первая. Фонетика, лексика, морфология*. Под ред. проф. В. И. Лыткина. Сыктывкар. 1955.
- СКЯ II = *Современный коми язык. Учебное пособие для высших учебных заведений. Часть вторая. Синтаксис*. Под ред. Н. Н. Селькова. Сыктывкар. 1967.
- СРЯ = *Словарь русского языка*. I–IV. Под редакцией А. П. Евгеньевой. Москва. 1981–1984.
- ССКЗД = *Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов*. Под общей редакцией А. В. Сорвачевой. Сыктывкар. 1961.
- ССПЯ = Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, Е. А. Игушев, О. П. Аксёнова. *Сравнительный словарь пермских языков*. Сыктывкар. 2004.
- ТПС = Л. Л. Нелюбин. *Толковый переводоведческий словарь*. Москва. 2003.
- УК = Т. К. Борисов. *Удмурт кыллюкам*. Ижевск. 1991.
- УРС = *Удмуртско-русский словарь*. Под редакцией В. М. Вахрушева. Москва. 1983.
- ФРС = *Финско-русский словарь*. Под редакцией В. Оллыкайнена и И. Сало. Москва. 1975.
- ЭС = *Энциклопедический словарь*. I–II. Гл. ред. Б. А. Введенский. Москва. 1963–1964.
- ЭСРЯ = М. Фасмер. *Этимологический словарь русского языка*. I–IV. Москва. 1986–1987.

Literatuur

- Aarnipuu, Petja. 2012. Kalevala sivistysmaan käyntikorttina. – *Kalevala maailmaalla. Kalevalan käännosten kulttuurihistoria*. Toim. Petja Aarnipuu. Helsinki: SKS. 84–94.
- Anttila, Aarne. 1985. *Elias Lönnrot. Elämä ja toiminta*. Helsinki: SKS.
- Anni, August. 1922. Kalevala eesti keeles. – *Eesti Kirjandus*. №4. 113–114.
- Anni, August. 1930. *Soome Antoloogia I. Kanteletar I. Some rahva kangelaslugusid, ballade ja legende*. Tartu: Eesti Kirjanduse Seltsi Kirjastus.
- Anni, August. 1935a. Kalvala ja Eesti. – *Eesti Kirjandus*. №2. 58.
- Anni, August. 1935b. Kalevala kui kunstiteos. – *Looming*. №2. 179–189. №3. 315–326.
- Annist, August. 1944. *Kalevala taideteoksena*. Helsinki.
- Annist, August. 1969. *Kalevala kui kunstiteos*. Tallinn.
- Ariste, Paul. 1976. Komi-Syrjänisches aus Puzla (Образцы коми-зырянской речи деревни Пузла). – *Fenno-ugristica 2*. Tartu Riikliku Ülikooli Toimetused 382. Tartu. 92–115.
- Ariste, Paul. 1978. Komi-Permische aus Gaincovo (Образцы коми-пермяцкой речи деревни Гайнцово). – *Fenno-ugristica 5*. Tartu Riikliku Ülikooli Toimetused 456. Tartu. 81–100.
- Ariste, Paul. 1980. Komi-Syrjänisches aus dem Dorfe Nivsera. (О говоре коми-зырянского языка деревни Нившера). – *Fenno-ugristica 7*. Tartu Riikliku Ülikooli Toimetused 550. Tartu. 25–29.
- Ariste, Paul. 1986. Väinämöise sünd M. J. Eiseni tõlkes. – *Kalevala 150. Töid filoloogia alalt*. Tartu Riikliku Ülikooli Toimetused 741. Tartu. 69–77.
- Ariste, Paul. 1990. Komi-Syrjänisches aus dem Dorfe Koni (Примеры коми-зырянского диалекта деревни Кони). – *Fenno-ugristica 16*. Tartu Riikliku Ülikooli Toimetused 876. Tartu. 156–163.
- Baker, R. 1983. Slavonic influence upon the language of the Old Permian texts. – *Finnisch-Ugrische Forschungen*. XLV. Helsinki. 82–106.
- Bartens, Raija. 1997. V. I. Lytkin Friedrich Schillerin käantäjänä. – *V. I. Lytkinin satavuotismuisto*. Castrenianumin toimitteita. 52. Toim. Johanna Laakso. Helsinki. 12–20.
- Bartens, Raija. 2004. Näkökulma kominkieliseen vuosituuhannen vaihteen lyriikkaan. – *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakausikirja*. №90. 7–56.
- Castrén, M. A. – Aminoff, T. G. 1880. Syrjäniläisiä häälauluja, koonnut M. A. Castrén, alkutekstistä suomentanut ja saksalaisella käännoksellä varustanut T. G. Aminoff. – *Acta Societatis Scientiarum Fennicae*. XI. Helsinki. 203–231.
- Djomin, V. 1985. Kalevala ja Komin kirjallisuus. – *Punalippu*. №11. 149–150.
- Domokos, Péter. 1972. *A finn irodalom fogadtatása Magyarországon*. Budapest.
- Domokos, Péter. 1975. *Medveének. A keleti finnugor népek irodalmának kistükre*. Budapest.
- Domokos, Péter. 1983. A Kalevala és Magyarország. – Kaukonen, Väinö. *A Kalevala születése*. Budapest. 234–253.
- Domokos, Péter. 1985. A Kalevala sorsa Magyarországon. – *Szovjet irodalom*. №6. 138–142.
- Eisen, M. J. 1910. Esti osa Kalevalas. – *Eesti Kirjandus*. 214–238.
- Eisen, M. J. 1913. Kalevala mõju Kalevipoja kohta. – *Eesti Kirjandus*. 97–114.
- Fokos, Dávid. 1913. *Zürjén népköltészeti mutavanyok*. Nyelvtudományi Közlemények. XLI–XLII. Különnyomat. Budapest.

- Fokos, Dávid. 1916. *Zürjén szövegek*. Budapest.
- Fokos-Fuchs, D. R. 1951. *Volksdichtung der Komi (Syrjänen)*. Budapest.
- Forselles, Cecilia 2012. Englanninkieliset käännökset. Kalevalan muuttuvat ylikansalliset tehtävät. – *Kalevala maailmaalla. Kalevalan käännösten kulttuurihistoria*. Toim. Petja Aarnipuu. Helsinki: SKS. 111–126.
- Haavio, M. 1930. *Syrjäniläiset häätkut*. Helsinki: SKS.
- Hanko, Lauri. – Timonen, Senni. – Branch, Michael – Bosley, Keith. 1993. *The Great Bear (A Thematic Anthology of Oral Poetry in the Finno-Ugrian Languages)*. Helsinki: SKS.
- Itkonen-Kaila, Marja. 2012. Louis Léouzon Le Duc. – *Kalevala maailmaalla. Kalevalan käännösten kulttuurihistoria*. Toim. Petja Aarnipuu. Helsinki: SKS. 96–105.
- Kampmann, M. 1910. Kalevala eepose sisu. – *Eesti Kirjandus*. 187–214.
- Kangro, B. 1940. Kalevala. Soome rahva eepos. Koostanud Elias Lönnrot. Tõkinud August Annist. Illustreerinud Aksel Gallen-Kallela. Eesti Kirjanduse Selts, Tartu, 1939. – *Eesti Kirjandus*. №2. 88–91.
- Karlsson, Fred. 1982. *Suomen peruskielioppi*. Helsinki: SKS.
- Kaukonen, Väinö. 1979. *Lönnrot ja Kalevala*. Helsinki: SKS.
- Kemppinen, Mirja – Nieminen, Markku. 2012. Rekonstruoidusta kansaneepoksesta Lönnrotin runoelmeksi. Kalevala Venäjällä. – *Kalevala maailmaalla. Kalevalan käännösten kulttuurihistoria*. Toim. Petja Aarnipuu. Helsinki: SKS.
- Képes, Géza. 1972. *Napfél és éjfél (Finnugor rokonaink népköltészete)*. Budapest.
- Klaudy, Kinga. 2012. *Bevezetés a fordítás gyakorlatba*. Budapest.
- Kokkonen, Paula. 1984. *Komisyrjäniin kielioppia ja tekstejä*. Helsinki: SKS.
- Kokkonen, Paula. 2009. V. I. Lytkin käänsi J. H. Erkkoa komiksi. – *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja*. № 92. 236–240.
- Korompay, Bertalan. 1956. Bela Vikarin muisto. – *Kalavalaseuran vuosikirja*. №36. 326–330.
- Koskimies, Rafael. 1978. *Kalevalan estetiikka*. Helsinki: SKS.
- Krohn, J. 1892. Syrjäniläisiä itkuja neidon miehelle-annon aikana. – *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja*. X. 1–17.
- Kuopiaiainen, U. 1957. *Lyhyt runousoppi*. Helsinki.
- Kuusi, M. 1949. *Sampo-eepos. Typologinen analyysi*. Helsinki.
- Kuusi, M. 1979. Kalevalakielestä. – *Pielisen balladi ja muuta Pohjois-Karjalan kesäyliopiston „Runoriihi 1978“-kilpailun satoa*. Helsinki. 7–20.
- Laaksonen, Pekka. 1999. Lönnrot, Elias. – *Finland: a cultural encyclopedia*. Olli Alho (editor-in-chief). Helsinki: Finnish Literature Society. 194–195.
- Lach, R. 1926. *Gesänge russischer Kriegsgefangener. 1. Band, Finnisch-ugrische Völker: 1. Abteilung, Wotjakische, syrjänische und permjakische Gesänge*. Wien – Leipzig.
- Laitinen, Kai. 1981. *Suomen kirjallisuuden historia*. Keuruu.
- Lampela, Kati. 2008. Kalevala ja suomen kieli. – *Kalevalan kulttuurihistoria*. Toim. Ulla Piela, Seppo Knuuttila, Pekka Laaksonen. Helsinki: SKS. 302–303.
- Laugaste, E. 1960. «Kalevala» uusväljaanne eesti keeles. – *Keel ja Kirjandus*. №2. 117–120.
- Laugaste, E. 1962. Eesti alliteratsioonist ja assonantsist. – *Keel ja Kirjandus*. №9. 531–537.
- Laugaste, E. 1968. Sõnaalguline ja sisealliteratsioon eesti regivärssides. – *Looming*. №12. 1873–1882.
- Laugaste, E. 1986. «Kalevala» eesti kultuuris. – *Kalevala 150. Töid filoloogia alalt*. Tartu Riikliku Ülikooli Toimetused 741. Tartu. 5–31.

- Laulajainen, Leena. – Saarinen, Sirkka. 1991. *Poika ja kivisilmäsankarit. Itäisten suomalais-ugrialaisten kansojen satuja*. Helsinki.
- Leino, Pentti. 1970. *Strukturaalinen alkusointu suomessa*. Helsinki: SKS.
- Lytkin, G. S. 1892. Syrjänische Sprachproben. Ümbersetzt von Yrjö Wichmann. – *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja*. X. 63–100.
- Lytkin, Wasilij. 1962. Über die Geschichte der syrjänischen Literatur. – *Ural-Altäische Jahrbücher*. XXXIV. Wiesbaden. 214–222.
- Lytkin, Wasilij. 1979. *Gedichte von F. v. Schiller, J. W. v Goethe und H. Heine in syrjänischer Sprache*. – Finnisch-ugrische Mitteilungen. Hamburg. 1–12.
- Manninen, O. 1923. Syrjäniläisiä kansanrunoja. – *Kalevalaseuran vuosikirja*. №3. 184–191.
- Manninen, O. 1932. *Heimokannel III. Volgan ja permjan kannel. (Mordvalaisia, tšeremissiläisiä, syrjäniläisiä ja votjakkilaisia kansanrunoja)*. Porvoo.
- Mullonen, M. 1982. *Suomen kielen kielioppia. Morfologiaa. II osa*. Petroskoi.
- Muru, K. 1986. «Kalevalast» eesti pereodikas. – *Kalevala 150. Töid filoloogia alalt*. Tartu Riikliku Ülikooli toimetused 741. Tartu. 92–99.
- Niemi, A. R. 1910. *Kalevalan selityksiä*. Helsinki: SKS.
- Niinivaara, E. 1960. Kalevala virokse. – *Kalevalaseuran vuosikirja*. №40. 323–333.
- Piela, Ulla 2008. Kalevalamitta. – *Kalevalan kulttuurihistoria*. Toim. Ulla Piela, Seppo Knuutila, Pekka Laaksonen. Helsinki: SKS. 304–305.
- Puntila, Matti –Issakainen, Touko. 2003. Kalevala, kansanrunous ja kirjakieli. – *Viritäjä*. №2. 226–245.
- Püss, Leida. 1970. *Nõukogude Eesti tõlkekirjandus 1940–1968: bibliograafiline nimestik (Переводная литература, изданная в Эстонской ССР 1940–1968)*. Tallinn.
- Püss, Leida. 1977. *Nõukogude Eesti tõlkekirjandus 1969–1975: bibliograafiline nimestik (Переводная литература, изданная в Эстонской ССР 1969–1975)*. Tallinn.
- Püss, Leida. 1983. *Nõukogude Eesti tõlkekirjandus 1976–1980: bibliograafiline nimestik (Переводная литература, изданная в Эстонской ССР 1976–1980)*. Tallinn.
- Pusztaý, János (szerk.) 2012. *A 12 legszebb magyar vers*. Badacsonytomaj: NH – Collegium Fenno-Ugriicum.
- Rác, István. 1980. Utószó. – *Kalevala*. Fordította Rác István. Budapest. 393–409.
- Rakin, Nikolay. 2011. Kalevalan käännöksiä komin kielelle: näkökulmia kaunokirjallisen teoksen kääntämisen. – *XXVII. IFUSCO Nemzetközi Finnugor Diakkonferencia. Absztraktok*. Budapest. 158.
- Rakin, Nikolay. 2012. “Kalevala” in Estonia. – *XXVIII International Finno-Ugrist Students’ Conference. Tartu 8.–11. 05. 2012. Teesid*. Tartu. 122–123.
- Rakin, Nikolay. 2014. Mutual Komi – Finnish translations. – *Mitteilungen der societates uralo-altaica. Heft 28. 30. Internationale Finnougristik-Studierendenkonferenz. Georg-August-Universität Göttingen, 9.–12. April 2014. Zusammenfassungen*. 104–105.
- Rédei, Károly 1978a. *Zyrian Folklore Texts*. Budapest.
- Rédei, Károly 1978b. *Chrestomathia Syrjaenica*. Budapest.
- Rédei, Károly 1996. *Zyrian Texts*. Wiesbaden.
- Ruoppila, Veikko. 1967. *Kalevala ja kansankieli*. Helsinki: SKS.
- Räihä, Tiina. 2012. W. F. Kirby: hyönteistutkijan tuhat ja yksi yötä Kalevalan parissa. – *Kalevala maailmaalla. Kalevalan käännösten kulttuurihistoria*. Toim. Petja Aarnipuu. Helsinki: SKS. 127–137.
- Sadeniemi, Matti. 1957. Kalevalanmitta. – *Perinteen parissa. Tutkielmia kansanrunoustieteen alalta*. Toim. Toivo Vuorela. Helsinki: SKS. 38–51.
- Saarimaa, E. A. 1920. Kalevalan kielellisestä kauneudesta. – *Kalevalan kauneuksia*. Toim. F. A. Hästesko. Helsinki. 5–38.

- Seppälä, Elina. 2012. Proosaa vai poljentoa – Le Kalevala. – *Kalevala maailmaalla. Kalevalan käännosten kulttuurihistoria*. Toim. Petja Aarnipuu. Helsinki: SKS. 321–331.
- Sihvo, Hannes. 1999. Kansakunta saa eepoksensa. – *Suomen kirjallisuushistoria I. Hurskaista lauluista ilostelevaan romaaniin*. Toim. Yrjö Varpio ja Liisi Huhtala. Helsinki: SKS. 207–219.
- Siikala, Anna-Leena. 1986. Myytinen Pohjala. – *Kirjokannesta kipinä. Kalevalan juhluvuo den satoa*. Kalevalaseuran vuosikirja. 66. Toim. Matti Kuusi, Pekka Laaksonen, Hannes Sihvo. Helsinki. 82–88.
- Szente, Imre. 1987. A fordító előszava. – *Kalevala*. Fordította Szente Imre. München. 5–9.
- Szente, Imre. 2001. A fordító utószava. – *Kalevala*. Fordította Szente Imre. Szombathely. 357–361.
- Szj, Enikő. 1985. A Kalevala és a magyarok. – *Nyelvtudományi közlemények*. LXXVII. 399–417.
- Tuominen, Taija. 2002. *Väinämöisen paluu. (Lähialueantologia)*. Petroskoi.
- Turkin, A. 1990. I. A. Kuratovin elämä ja toimintä. – *Komin kansan ensimmäinen runoilja. 150 vuotta I. A. Kuratovin syntymästä*. Helsinki. 11–33.
- Turunen, Aimo. 1964. Kalevalan sanastollisia erikoispiirteitä. – *Kalevalaseuran Vuosikirja*. №44. 83–89.
- Varga P., Ildikó. 2010. *Hiisi szarvasától a csodaszarvasig. A Kalevala magyar fordításai*. Erdélyi tudományos füzetek 266. Kolozsvár.
- Vászoly, Erik – Lázár, Katalin 2008. *Sudár fenyő nőtt az erdőn. Énekek komiföldről*. Budapest.
- Vikar, Bela. 1929. Kalevala-käännökseni vaiheista. – *Kalavalaseuran vuosikirja*. №9. 211–223.
- Voigt, Vilmos. 1985. A Kalevala – egy 19. század nemzeti eposz. – *Nyelvtudományi közlemények*. LXXVII. 418–424.
- Voßschmidt, Liisa. 2012. Saksan kautta eurooppalaiselle kulttuuriareenalle. – *Kalevala maailmaalla. Kalevalan käännosten kulttuurihistoria*. Toim. Petja Aarnipuu. Helsinki: SKS. 154–181.
- Väisänen, A. O. 1946. Bela Vikar (1859–1945). – *Kalavalaseuran vuosikirja*. №№ 25–26. 277–281.
- Weöres, Gyula. 1962. Ferdinand Barna, Kalevalan unkarintaja ja kansantieteen tutkija. – *Kalavalaseuran vuosikirja*. №42. 145–155.
- Weörös, Gyula. 1964. Kalevalan ensimmäinen unkarinnos. – *Kalavalaseuran vuosikirja*. №44. 306–317.
- Weöres, Gyula. 1970. Kalevala uudet unkarinnokset. – *Kalavalaseuran vuosikirja*. №50. 336–340.
- White, Leila 2006. *Suomen kielioppia ulkomaalaisille*. Helsinki.
- Wiedemann, F. J. 1847. *Versuch einer Grammatik der syrjänischen Sprache nach dem in der Übersetzung des Evangelium Matthäi gebrauchten Dialekte*. Reval.
- Wichmann, Yrjö. 1903. Kurzer Bericht über eine Studienreise zu den Syrjänen 1901–1902. – *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. XXI / 3. 1–47.
- Wichmann, Yrjö. 1916. Syrjänische Volksdichtung. – *Suomalais-ugrilaisen Seuran toimituksia*. XXXVIII. Helsinki.
- Бараксанов, Г – Гуляев, Е. 1975. Коми гижодъяс венгр кыв вылын. – *Войвыв кодзув*. №9. 58–59.
- Бараксанов Г. Г. – Цыпанов Е. А. 1998. Памятники древнекоми письменности. – *Коми язык. Энциклопедия*. Москва. 339–343.

- Бархударов, Л. С. 1975. *Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода*. Москва.
- Безноскова, Л. М. 1998а. Диалектизм. – *Коми язык. Энциклопедия*. Москва. 101–102.
- Безноскова, Л. М. 1998б. Неологизмы. – *Коми язык. Энциклопедия*. Москва. 182–183.
- Безноскова, Л. М. – Цыпанов, Е. А. 1998. *Вьль коми кыввор I*. Сыктывкар.
- Безноскова, Л. М. – Цыпанов, Е. А. 1999. *Вьль коми кыввор II*. Сыктывкар.
- Бельский, Л. П. 1915а Изъ предисловія Ленрота. – *Калевала. Финскій народный эпосъ*. Перевод Л. Бѣльскаго. Изданіе второе исправленное и снабженное примѣчаніями. Москва. xxv–xxx.
- Бельский, Л. П. 1915б Предисловіе къ первому изданію. – *Калевала. Финскій народный эпосъ*. Перевод Л. Бѣльскаго. Изданіе второе, исправленное и снабженное примѣчаніями. Москва. xiii–xxiv.
- Ванеев, А. Е. – Лыткин, В. И. – Мартынов, В. И. 1980. Коми литература второй половины XIX–начала XX веков. – *История коми литературы*. Т. 2. Сыктывкар. 73–101.
- Ванеев, А. Е. 1989. *В поисках истины. Мировоззрение и эстетические взгляды И. А. Куратова*. Сыктывкар.
- Ванюшев, В. М. 2003. Переводы Стихотворений Ивана Куратова на удмуртский язык. – *И. А. Куратов и проблемы современного финно-угроведения*. Сборник статей. Сыктывкар. 15–19.
- Ведерникова, О. В. 2008. «Калевала» и «Биармия»: сопоставительный аспект. – *Тайӧ сьылӧм – коми олӧм: Коми литературалы подув пуктысьяс йылысь уджъяс*. Ред. В. А. Лимерова. Сыктывкар.
- Власов, С. – Флорин, С. 1986. *Непереводимое в переводе*. Москва.
- Волков, А. Л. – Мишин, А. И. 2006. *Jugras Balatonah sah – Jugrasta Balatonille. (Suomalais-ugrilaista runoutta karjalan, suomen ja vepsän kielillä)*. Petroskoi.
- Габов, С. 1995. О рукописных лексических памятниках коми языка XIX века. – *Linguistica Uralica*. XXXI. № 3. 214–217.
- Гарбовский, Н. К. 2004. *Теория перевода*. Москва.
- Дёмин, В. Н. 1984. «Калевала» звучит на коми языке. – *Красное знамя*. 21 декабря.
- Дёмин, В. Н. 1985. «Калевала» да коми поэзия. – *Войвыв кодзув*. №1. 39–42.
- Дёмин, В. Н. 1986. «Калевала» на коми языке. – *«Калевала» – памятник мировой культуры*. Материалы научной конференции, посвященной 150-летию первого издания карело-финского эпоса. Петрозаводск. 140–146.
- Дёмин, В. Н. 1989. Коми поэзия и всесоюзный читатель. – *Под кронами сосен. Очерки поэтики и истории коми поэзии*. Сыктывкар. 115–122.
- Дёмин, В. Н. 1995а. «Калевала» и коми литература. – *Коми литература. Энциклопедический словарь школьника*. Сост. В. Н. Дёмин, В. Н. Головина. Сыктывкар. 88–93.
- Дёмин, В. Н. 1995б. Иван Алексеевич Куратов. – *Коми литература. Энциклопедический словарь школьника*. Сост. В. Н. Дёмин, В. Н. Головина. Сыктывкар. 126–130.
- Дёмин, В. Н. 1995в. Маяковский и коми поэзия. – *Коми литература. Энциклопедический словарь школьника*. Сост. В. Н. Дёмин, В. Н. Головина. Сыктывкар. 161–164.

- Дёмин, В. Н. 1995г. Н. А. Некрасов и коми литература. – *Коми литература. Энциклопедический словарь школьника*. Сост. В. Н. Дёмин, В. Н. Головина. Сыктывкар. 196–201.
- Дёмин, В. Н. 1995д. Коми Литература за рубежом. – *Коми литература. Энциклопедический словарь школьника*. Сост. В. Н. Дёмин, В. Н. Головина. Сыктывкар. 100–102.
- Домокош, П. 1993. *Формирование литератур малых уральских народов*. Йошкар-Ола.
- Евсеев, В. Я. 1960. *Исторические основы карело-финского эпоса*. Книга 2. Москва – Ленинград.
- Ермаков, Ф. К. 1971. Комияс да удмуртъяс – вокъяс. – *Войвыв кодзув*. №12. 54–55.
- Ермаков, Ф. К. 1981. *Творческие связи удмуртской литературы (с русской и другими литературами)*. Ижевск.
- Жаков, К. 1993. *Биармия*. Сыктывкар.
- Жаков, К. 1998. *Сквозь строй жизни*. Сыктывкар.
- Зайцева, Н. Г. 2010. «Калевала» и вепский язык: некоторые проблемы семантики и грамматики в контексте перевода. – *«Калевала» в контексте региональной и мировой культуры: материалы международной научной конференции, посвященной 160-летию полного издания «Калевалы»*. Отв. ред. И. И. Муллонен. Петрозаводск. 368–378.
- Ильа Ваг 1925а. Тöвныр (Финн поэт Эрко «Песни Вуоксы»-серти). – *Коми Му – Зырянский Край*. № 3–4. 86
- Ильа Ваг 1925б. Револутсија (Герд «Револутсија»-серти). – *Коми Му – Зырянский Край*. №3–4. 87
- Ильа Ваг. 1929. *Кывбурјас*. Сыктывдинкар.
- Илля Вась. 1959. *Шонди петігөн*. Сыктывкар.
- Казакова, Т. А. 2000. *Практические основы перевода*. Санкт-Петербург.
- Карху, Эино. 1978. Перевод, не модернизация (О поэтических переводах рун «Калевалы»). – *От рун к роману. Статьи о карело-финском фольклоре, «Калевале», финской литературе*. Петрозаводск. 118–137.
- Карху, Э. Г. 1993. О переводах «Калевалы» в России. – Н. А. Прушинская (сост.). *«Калевала» – памятник мировой культуры. Библиографический указатель*. Петрозаводск. 7–9.
- Карху, Э. Г. 1996. *Элиас Лённрот. Жизнь и творчество*. Петрозаводск.
- Козлова, Е. В. (сост.) 2008. *Льём ю: кывбуръяс, вуджоддöмъяс*. Сыктывкар.
- Кокконен, П. 1997. Адольф Туркин да «Калевала». – *Коми му*. 27 марта.
- Кокконен, П. 1999. Илля Васьлөн финн кывйысь кывбуръяс комиоддöм. – *В. И. Лыткин и финно-угорский мир*. Сыктывкар. 145–149.
- Комиссаров, В. Н. 1990. *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. Москва.
- Костромина, И. 1983. Коді медводз комиодіс А. С. Пушкинöс. – *Войвыв кодзув*. №11. 50.
- Костромина, И. Н. 1985. Устаревшие и новые слова в словарном составе коми языка. – *Современный коми язык. Лексикология*. Москва. 97–113.
- Костромина, И. Н. 1998а. Шергин А. В. – *Коми язык. Энциклопедия*. Москва. 560–561.
- Костромина, И. Н. 1998б. Попов А. Е. – *Коми язык. Энциклопедия*. Москва. 364–365.
- Костромина, И. Н. 1998в. Красов А. В. – *Коми язык. Энциклопедия*. Москва. 203.

- Кудряшов, М. 2007. *Симсьи шьргьиты* (Финн-угр писательвлан сьлны шаяшты). Йошкар-Ола.
- Кузнецова, Т. Л. – Латышева, В. А. 1986. А. И. Куратов – переводчик русских поэтов. – *Куратовские чтения*. Т. 4. Сыктывкар. 67–80.
- Латышев, Л. К. 1981. *Курс перевода. (Эквивалентность перевода и способы ее достижения)*. Москва.
- Латышева, В. А. 1979. И. А. Куратов – переводчик западной поэзии. – *Куратовские чтения*. Т. 3. Сыктывкар. 82–89.
- Латышева, В. А. 1994. Выль театрлөн сперктакль. – *Komi Zyrians Traditional Culture*. http://foto11.com/komi/theatre/play_kalevala.php (15. 02. 2014).
- Латышева, В. А. 2006. А. И. Туркин – финн эпос «Калевалаысь» юкөнъяс комидысь. – *Вопросы коми филологии*. Вып. 2. Отв. ред. М. С. Федина. Сыктывкар. 14–17.
- Лудыкова, В. М. 1991. *Коми кывйын простой сёрникузя*. Сыктывкар.
- Лудыкова, В. М. 1998. Сказуемое. – *Коми язык. Энциклопедия*. Москва. 431–432.
- Лудыкова, В. М. 2000. Кывберд. – *Ония коми кыв. Морфология*. Г. Ф. Федюнова кипод улын. Сыктывкар. 96–138.
- Лыткин, В. И. 1973. И. А. Куратов кывбурьяслөн медводдза публикацияс. – *Куратовские чтения*. Т. 1. Сыктывкар. 91–102.
- Лыткин, В. И. 1976а. И. А. Куратовлөн роч кыв вылö революцияöдзса вуджөдöм кывбурьяс. – *Куратовские чтения*. Т. 2. Сыктывкар. 47–50.
- Лыткин, В. И. 1976б. Куратовлөн Гейнелысь вуджөдöм кывбурьяс. – *Куратовские чтения*. Т. 2. Сыктывкар. 51–57.
- Лыткин, В. И. 1985. *Дзордзав жö, Коми му*. Сыктывкар.
- Лыткин, Г. С. 1889. *Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык*. Санкт-Петербург.
- Мартынов, В. И. 1973. И. А. Куратов и А. В. Кольцов. – *Куратовские чтения*. Т. 1. Сыктывкар. 80–85.
- Мартынов, В. И. 1974. А. С. Пушкин да коми литература. – *Войвыв кодзув*. № 6. 56–58.
- Мартынов, В. И. 1981. Коми литература во взаимодействии с другими литературами народов СССР. – *История коми литературы*. Т. 3. Сыктывкар. 345–355.
- Мартынов, В. И. 1993. *Коми литературоведческий словарь-справочник*. Сыктывкар. 109–110.
- Мартынов, В. И. 1995. *Теория литературы коми*. Сыктывкар.
- Мартынов, В. И. 2000. *Литераторы земли Коми. Библиографический словарь-справочник*. Сыктывкар.
- Марцина, И. Ю. 1995. *Финский язык для русских*. Москва.
- Микушев, А. К. 1956. *Песенное творчество коми*. Сыктывкар.
- Микушев, А. К. 1973. *Эпические формы коми фольклора*. Сыктывкар.
- Микушев, А. К. 1976. Куратовские архивные материалы в Финляндии. – *Куратовские чтения*. Т. 2. Сыктывкар. 40–46.
- Микушев, А. К. 1986. «Калевала» и ижмо-колвинский эпос Печоры. – *«Калевала» – памятник мировой культуры*. Материалы научной конференции, посвященной 150-летию первого издания карело-финского эпоса. Петрозаводск. 108–116.
- Микушев, А. К. 1987. Коми народный эпос. – *Коми народный эпос*. Москва. 8–64.
- Микушев, А. К. 1992. Суоми эпос коми театрын. – *Войвыв кодзув*. №8. 75–78.

- Миньяр-Белоручев, Р. К. 1980. *Общая теория перевода и устный перевод*. Москва.
- Мишин, А. И. 1988. *Путешествие в «Калевалу»*. Петрозаводск.
- Мишин, А. 1998. «Калевала» – поэма Лённрота. – *Elias Lönnrot. Kalevala. Eeppinen runoelma karjalaisten ja suomalaisten muinaisten kansanrunojen pohjalta*. Элиас Лённрот. Калевала. Эпическая поэма на основе древних карельских и финских народных песен. Перевод Э. Киуру, А. Мишин. Петрозаводск.
- Морозова, А. Г. 1982. *Учебник финского языка*. Петрозаводск.
- Муллонен, М. – Хямяляйнен, Э. – Сильферберг Л. 1992. *Puhutaan suomea*. Петрозаводск.
- Некрасова, Г. А. 1998а. Степени сравнения. – *Коми язык. Энциклопедия*. Москва. 467–469.
- Некрасова, Г. А. 1998б. Неполное предложение. – *Коми язык. Энциклопедия*. Москва. 285.
- Некрасова, Г. А. 1998в. Посессивность. – *Коми язык. Энциклопедия*. Москва. 372–373.
- Некрасова, Г.А. 2000. Эмакыв. – *Öñia коми кыв. Морфология*. Г. Ф. Федюнёва кипод улын. Сыктывкар. 38–96.
- Обрезкова, Н. (сост.) 2010. *Еджыд войяс – Белын ночи*. (Стихи, рассказы). Сыктывкар.
- Остапова, Е. В. 2010а. «Калевала» в коми литературе: интертекстуальность и переводы. – *«Калевала» в контексте региональной и мировой культуры: материалы международной научной конференции, посвященной 160-летию полного издания «Калевалы»*. Отв. ред. И. И. Муллонен. Петрозаводск. 39–46.
- Остапова, Е. В. 2010б. В. И. Лыткин: штрихи к портрету переводчика. – *В. И. Лыткин: грани наследия*. Материалы международной научной конференции, посвященной 115-летию со дня рождения выдающегося финно-угроведа Василия Ильича Лыткина. Сыктывкар. 125–129.
- Остапова, Е. В. 2011. «Калевала» как один из источников создания художественных произведений на коми языке. – *Финно-угорский мир*. №1. 1–15.
- Павлова, А. 1992. «Калевала» премьеры. – *Коми му*. 25 апреля.
- Панченко, Б. 1975. Коми кывбурьяс Украинаын. – *Войвыв кодзув*. №11. 62.
- Плосков, И. А. 1996. И. А. Жаков в Вятке. (О вятских жаковских лекциях). – *Родники пармы*. Вып. 4. Сыктывкар. 272–275.
- Плосков, И. 1997. О жизненном пути и творчестве коми поэта, переводчика XIX века П. Распутина. – *Финно-угроведение*. №2. 130–136.
- Поздеев, П. 1967. Удмуртияын коми сьланкыв. – *Войвыв Кодзув*. №2. 61.
- Попова, Э. Н. 1998а. Неопределённо-личное предложение. – *Коми язык. Энциклопедия*. Москва. 283–284.
- Попова, Э. Н. 1998б. Члены предложения. – *Коми язык. Энциклопедия*. Москва. 557–558.
- Попова, Э. Н. 1998в. Дополнение. – *Коми язык. Энциклопедия*. Москва. 110–112.
- Попова, Э. Н. 1998г. Определение. – *Коми язык. Энциклопедия*. Москва. 319–321.
- Попова, Э. Н. 1998д. Обстоятельство. – *Коми язык. Энциклопедия*. Москва. 301–303.
- Прушинская, Н. А. 1993. *«Калевала» – памятник мировой культуры. Библиографический указатель*. Петрозаводск.
- Прушинская, Н. А. 1998. Изучение «Калевалы» в СССР (1917–1945). – *Проблемы литератур Карелии и Финляндии*. Петрозаводск. 71–83.
- Ракин, А. Н. 1998. Прямая речь. – *Коми язык. Энциклопедия*. Москва. 398–399.

- Ракин, А. Н. 2009. Диалектизмы в контексте художественного произведения. – *Исследования по пермским языкам*. Сыктывкар. 206–220.
- Ракин, Н. 2009а. О некоторых финно-угорских переводах «Калевалы». – *Финно-угроведение*. №2. Йошкар-Ола. 69–76.
- Ракин, Н. 2009б. О некоторых финно-угорских переводах «Калевалы». – *XXV Международная научная конференция студентов финно-угорведов IFUSCO*. Петрозаводск. 171–172.
- Ракин, Н. 2010а. Коми перевод «Калевалы» А. И. Туркина и некоторые аспекты теории художественного перевода. – *Международная научная конференция студентов финно-угорведов «IFUSCO – 2010»*. Кудымкар. 167–168.
- Ракин, Н. 2010б. Проблемы перевода с одного финно-угорского языка на другой (на основе коми перевода «Калевалы»). – *Congress XI Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars II. Piliscsaba*. 138–139.
- Ракин, Н. 2011. Проблемы перевода с одного финно-угорского языка на другой (на основе коми перевода «Калевалы»). – *Congress XI Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars V. Dissertationes sectionum et symposiorum ad linguisticum*. Piliscsaba. 69–76.
- Ракин, Н. 2013. Языковое своеобразие «Калевалы» и её коми перевода (диалектизмы, архаизмы и неологизмы в переводе А. И. Туркина). – *Ежегодник финно-угорских исследований*. №2. Ижевск. 15–28.
- Ракин, Н. 2014. О коми языке «Калевалы» в переводе А. И. Туркина. – *Linguistica Uralica*. №2. 139 – 146.
- Рецкер, Я. И. 1974. *Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода*. Москва.
- Рочев, Ю. Г. 1986. Коми фольклор и художественно-поэтический мир «Калевалы». – *«Калевала» – памятник мировой культуры*. Материалы научной конференции, посвященной 150-летию первого издания карело-финского эпоса. Петрозаводск. 117–123.
- Рочев, Ю. – Плосков, И. 1996. Каллистрат Жаков – коми фольклорист и литератор. – *Финно-угроведение*. №1. 150–164.
- Семенова, М. 2001. Аллитерация по местоположению в карело-финских рунах и марийских языческих молитвах. – *Финно-угроведение*. №2. 112–118.
- Серов, С. Я. 1984. Великая поэма севера. – *Калевала*. Перевод с финского Л. П. Бельского. Ленинград. 5–18.
- Тимин, В. В. (сост.) 2002. *Уна рёма сикӧти: 3-ӧд сурс вося поэзия. Фин-йӧгра гижысьяслӧн кывбурьяс*. Сыктывкар.
- Тороп, Пеэтер, 1995. Тотальный перевод. Тарту.
- Туркин, А. И. 1966. Комияслӧн литературной йитӧдыяс. – *Войвыв кодзув*. №12. 53–56.
- Туркин, А. И. 1973. Венгриялӧн первой поэт (Шандор Петёфи чужан лунсянь 150 во тыригкежлӧ). – *Войвыв кодзув*. №1. 55–57.
- Туркин, А. И. 1976. Комияслӧн финнъяскӧд культурной йитӧдыяс. – *Войвыв кодзув*. №9. 58–61.
- Туркин, А. И. 1979а. Илля Вась – Шандор Петёфиӧс комиӧдысь. – *Войвыв кодзув*. №12. 51–53.
- Туркин, А. И. 1979б. Геза Кепеш – коми кывбурьяс вуджӧдысь. – *Войвыв кодзув*. №5. 58–59.
- Туркин, А. И. 1985. «Калевалалы» – 150 во. – *Войвыв кодзув*. №7. 8–9.
- Туркин, А. И. 1990. Каллистрат Фалалеевич Жаков. – К. Жаков. *Под шум северного ветра. Рассказы, очерки, сказки и предания*. Сыктывкар. 5–45.

- Туркин, А. И. 1991. Коми фольклор да литература Финляндияын. – *Войвыв кодзув*. №5. 57–62.
- Туркин, А. И. 1995. К 100-летию со дня рождения В. И. Лыткина. Малоизвестные страницы жизни. I. – *Linguistica Uralica*. XXXI. №3. 207–213.
- Туркин, А. И. 1998а. Переводы на коми язык. – *Коми язык. Энциклопедия*. Москва. 345–347.
- Туркин, А. И. 1998б. Витсен Николас. – *Коми язык. Энциклопедия*. Москва. 56–57.
- Туркин, А. И. 1998в. Видеман Ф. И. – *Коми язык. Энциклопедия*. Москва. 53–56.
- Уваров, А. 2001. Азыкыл. – *Калевала. Карел но финн кырӟан-мадӟёсья эпосэз гожтыӟ Элиас Лённрот*. Удмурт кылэ берыктӧз Анатолий Уваров. Ижевск. 5–8.
- Федоров, А. В. 1983. *Основы общей теории перевода. (Лингвистические проблемы)*. Москва.
- Федорова, А. Н. 1962. Куратов – переводчик. – *Войвыв кодзув*. №2. 60–64.
- Федюнёва, Г. В. 1998. Словообразование. – *Коми язык. Энциклопедия*. Москва. 443–446.
- Хоменко, Б. 1975. Коми да Украина костын культурной йыгӧдӟяс. – *Войвыв кодзув*. №7. 49–54.
- Хоменко, Б. 1977. Иван Куратов да Украина. – *Войвыв кодзув*. №12. 52–57.
- Хурмеваара, А. 1972. «Калевала» в России. (К истории перевода). Петрозаводск.
- Хяккинэн, Кайса – Сэттэрберг, Сэппо 1997. *Суоми: тӧрыт и талун (Миянлы рӧдуж кывӟя финн войтырлӧн олӧм-вылӧм йылысь лыддӧсьян книга)*. Сыктывкар.
- Хямяляйнен, М. М. 1950. О лексике карельских рун. – *Сто лет полного издания «Калевалы»*. Труды юбилейной научной сессии. Петрозаводск. 152–165.
- Цыпанов, Е. А. 1998а. Отрицательный глагол. – *Коми язык. Энциклопедия*. Москва. 331.
- Цыпанов, Е. А. 1998б. Древнекоми азбука. – *Коми язык. Энциклопедия*. Москва. 112.
- Цыпанов, Е. А. 1998в. Древнекоми язык. – *Коми язык. Энциклопедия*. Москва. 117–118.
- Цыпанов, Е. А. 2000. Кадакыв. – *Ӧния коми кыв. Морфология*. Г. Ф. Федюнёва кипод улын. Сыктывкар. 207–399.
- Цыпанов, Е. А. – Безносикова, Л. М. 2005. *Выль кыввор*. Сыктывкар.
- Цыпанов, Е. – Плосков, И. 1992. Общественная оценка древнекоми письменности (к 620-летию коми письма). – *Linguistica Uralica*. XXVIII. №3. 208–214.
- Чернышова, В. Я. 1986. Творчество И. А. Куратова за рубежом. – *Куратовские чтения*. Т. 4. Сыктывкар. 121–125.
- Чисталов, В. 1924. Пін поеӟјаыс. – *Коми Му – Зырянский Край*. №3. 68
- Чисталева, Т. А. 1976. Песни Куратова в Париже. – *Куратовские чтения*. Т. 2. Сыктывкар. 125–126.
- Швейцер, А. Д. 1973. *Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты*. Москва.
- Шеромова, Т. 1974. И. А. Куратов французской кыв вылын. – *Войвыв кодзув*. №3. 59.
- Югов, С. 2003. «Калевала да коми литература». – *Войвыв кодзув*. №9. 70–73.

KOMIKEELNE KALEVALA MÕNEDE KIRJANDUSLIKU TÕLKE TEOORIA JA PRAKTIKA ASPEKTIDE KONTEKSTIS

Kokkuvõte

1. Uurimuse objekt, materjal, allikad, teoreetiline alus, meetodid ja struktuur

Käesolev töö on Adolf Turkini tõlgitud komikeelse *Kalevala* mitmekülgne käsitus kirjandusliku tõlke ajaloo ja teooria kontekstis. Tähelepanu keskmes on eelkõige tõlketeksti leksikaalgrammatiline ja stilistiline analüüs võrdlevalt originaalteosega. Samuti on töös vaadeldud nii komi keelde kui ka komi keelest kirjandusliku tõlkimise ajaloo küsimusi.

Uurimisobjektiks on 1) komi keelest ja komi keelde tõlgitud teosed (eriti tõlked mõnest või mõnesse soome-ugri keelde); Kalevala tõlked soome-ugri keeltesse; Kalevala tõlked komi keelde; Kalevala komi keeles Turkini tõlkes; 2) tõlkimistransformatsioonid kui tõlke adekvaatsuse saavutamise võtte; soome keele ekvivalenditu leksika ja selle tõlkimise viisid komi keelde; originaali stilistilised iseärasused ja nende peegeldamine tõlkes; tõlkevigade liigid.

Uurimismaterjaliks on Kalevala runode Turkini tõlked (avaldatud 1980.–1990. aastatel) ja vastavad originaaltekstid soome keeles.

Infoallikana komi keelde ja keelest tõlkimise kohta on kasutatud perioodilisi väljaandeid, kogumikke, antoloogiaid, tõlgete publikatsioone ja uurimistöid (teatmikke, monograafiaid, artikleid, ettekandeid), kus käsitletakse kirjandusliku tõlke ajaloo küsimusi ja nimetatakse konkreetseid tõlketeeoseid.

Uurimuse teoreetiliseks aluseks on tööd tõlketooria ja -praktika vallas (Бархударов 1975, Грабовский 2004, Комиссаров 1990, Казакова 2000, Латышев 1981, Миньяр-Белоручев 1980, Рецкер 1974, Фёдоров 1983, Швейцер 2009, Власов – Флорин 1986, Klaudy 2012 jt); Kalevala käsitlused (Kaukonen 1979, Leino 1970, Kuusi 1979, Turunen, 1964, 1979, Jussila 2009, Карху 1996, Евсеев 1960 jt); komi ja soome keele grammatika uurimused (КЯЭ, СКЯЛ, СКЯ I–II; ГФЯ, ISK, Karlsson 1982, White 2006 jt); leksikograafilised väljaanded ja teatmikud (КРК, КЭСК, КСК, КЯЛП, ОПП, ССКЗД, ТПС, ФРС, KL, SKES, SKPS jt).

Töös on rakendatud järgmisi uurimismeetodeid: 1) andmete kogumine olemasolevate tõlgete kohta komi keelde ja keelest; 2) tõlketooria ja -praktika üldisemaid ja üksikuid probleeme, samuti Kalevala uurimisaspekte käsitleva kirjanduse analüüs; 3) Kalevala originaalteksti ja Turkini tõlke võrdlev analüüs; 4) materjali statistiline kirjeldus.

Uurimuse **Sissejuhatuses** sõnastatakse uurimuse eesmärgid ja ülesanded, põhjendatakse teemavalikut, selgitatakse uurimuse aktuaalsust, uudsust,

teoreetilist ja praktilist tähendust ning esitatakse töö teoreetiline alus, meetodid, materjal ja allikad.

Peatükis **Tõlkepraktika (kirjandusliku tõlke) ajaloo küsimusi** antakse kokkuvõtlik ülevaade komi tõlkimise ajaloost, käsitletakse Kalevala tõlkeid soome-ugri keeltesse, samuti soome eepose loomisega seotud küsimusi ja selle seoseid komi kirjanduse, rahvaluule ja kultuuriga.

Peatükis **Tõlketeooria küsimusi (keelelis-stilistilised aspektid)** võrreldakse Turkini Kalevala tõlget soomekeelse originaaliga. Tõlketeksti analüüsitakse leksikaalgrammatilisest ja stilistilisest aspektist. Leksikaalgrammatilisi küsimusi vaadeldakse tõlketransformatsioonide uurimisel, stilistilisi küsimusi originaali vormiliste ja keeleliste omapärade ning nende tõlkimise analüüsis. Eri keeltes tekstide kõrvutamise võimaldab seaduspäraste vastete ja erinevate transformatsioonide kasutamise väljaselgitamise, originaalse sisu deformeerumistavastamise ja tõlkija vigade leidmise. Taoline analüüs lubab välja selgitada, mil viisil ületatakse lähtekeele spetsiifika, teose žanrist ja vormist (antud juhul soome arhailine murdekeel eepilise luule vormis) tulenevad tõlkeraskused.

Kokkuvõttes esitatakse uurimuse tulemused ja tehakse kokkuvõtte tehtud tööst. Sellele järgnevad töös kasutatud **lühendite loetelu** ja **bibliograafia**. Bibliograafia sisaldab töid tõlketeooria ja -praktika vallas, samuti komi ja soome keele grammatikauurimusi ning Kalevalaga seotud käsitlusi.

Lisadena (CD) antakse komi tõlketgevuse ajaloo detailsem esitus viidetega konkreetsetele tõlgetele ning esitatakse 14 kalevala runo (1–10, 34, 40, 41, 44) soome keeles ja komi keeles Turkini tõlkes, Vassili Lõtkini tõlgitud 41. runo komi keeles, 49. runo fragment komi keeles Mihhail Jelkini tõlkes ja 1. runo algus permi-komi keeles Anna Istomina tõlkes.

2. Tõlkimine (kirjanduslik tõlge) komi keelest ja komi keelde

2.1. Komi keelde tõlkimine algas Permi Stefani kirjaviisi tekkimisega 14. sajandil ja jätkub praegugi. Tõlketgevuse eri etapid erinevad nii selle poolest, mida ja millisest keelest tõlgiti, kui ka selle poolest, kes, millises mahus ja mis eesmärgil seda tegi. Näiteks tõlgiti alguses üksnes usutekste kirikuslaavi ja kreeka keelest ristiusu edukamaks levitamiseks komide maal.

19. sajandil hakkasid lisaks vaimuliku kirjanduse tõlgetele ilmuma ka ilmaliku sisuga hariduslikel eesmärkidel tehtavad tõlked. Tõlkijateks olid nii komid ise, kui ka isikud, kelle emakeeleks polnud komi keel. Ühtse komi kirjakeele puudumisel tõlkisid tõlkijad igauks oma murdesse. Selle perioodi tähtsaimad tõlked omistatakse Ivan Kuratovile. Need said tuntuks alles 1920.–1930. aastatel ega saanud seepärast mõjutada komi kirjakeele ja kirjanduse kujunemist nende arengu algusaegadel.

Kõige enam teoseid tõlgiti 20. sajandil. Ajavahemikku 1917. aastast kuni 1970.–1980. aastateni iseloomustab vene, nõukogude ja välismaa autorite teoste plaanipärane tõlkimine komi keelde. Tõlkimisega tegelesid komi kirjanikud, ajakirjanikud ja teadustöötajad. Tõlgiti nii komi keele ja kirjanduse arendamise

eesmärgil kui ka lähtudes hariduslikest ja propagandaülesannetest. Peale üksikute erandite tõlgiti vene keelest. Tõlkekirjanduse maht oli suurim 1930. aastate lõpus ja 1950. aastatel, kui see edestas ka komi autorite originaalteoste arvu. 1960. aastatest hakkas tõlgete arv kahanema. Sel ajal ilmusid tõlked enamasti perioodilistes väljaannetes ja antoloogiates. Tõlkekirjanduse avaldamise vähenemist seletati komi elanikkonna eelistusega lugeda vene ja välismaist kirjandust massilise komi-vene kakskeelsuse tingimustes vene keeles.

2.2. Esimesed tõlked komi keelest teistesse keeltesse tehti 19. sajandi keskel ja teisel poolel – need olid I. Kuratovi venekeelsed tekstid autori tõlkes ja mõned rahvalaulud. Esimesteks tõlgeteks teistesse keeltesse olid samuti rahvaluuletekstid ja komi kirjandusele alusepanija I. Kuratovi luuletused. Alates 1930. aastate keskpaigast kuni 1980. aastate lõpuni tõlgiti komi kirjanike teoseid vene keelde süstemaatiliselt nii Komimaal kui ka väljaspool seda. Enim tehti selliseid tõlkeid 1960.–1970. aastatel. Tõlkijateks olid nii Komimaa komi- ja venekeelsed kirjanikud kui ka tõlkijad väljaspool Komimaad. Sageli tõlgiti reaaluuste tõlgete vahendusel. Venekeelsed tõlked olid alustekstideks ka teoste tõlkimisel muudesse keeltesse.

2.3. Uurimistöö käigus selgusid soome-ugri keelte vahelise tõlkimise iseärasused.

Esimesed tõlked komi keelest mõnesse soome-ugri keelde või vastupidi tehti 20. sajandi alguses (komi rahvaluuletekstide tõlked soome ja ungari keelde sajandi alguses, Vassili Lõtkini tõlketegevus 1920. aastatel). Kuni 1960.–1970. aastateni jäid need tõlked siiski üksikuteks ja juhuslikeks. Tõlketegevus hakkas elavnema 1970.–1980. aastatel tänu Nõukogude Liidu ja sotsialistliku bloki riikide rahvaste tutvustamise ja lähendamise poliitikale. Sellel perioodil ilmus regulaarselt udmurdi, mari, ungari ja teiste soome-ugri autorite teoseid komi keeles ning komi kirjanike töid nendes keeltes. Iseloomustades seda perioodi, kirjutab ungari kirjandusteadlane Péter Domokos (1993: 221), et „vastastikuseid tõlkeid ei tehtud kirjandustega tutvumise tagajärjel ja mitte keelest keelde, vaid: 1. vene keele vahendusel; 2. nõukogude rahvaste kultuuridega kohustusliku tutvumise tähe all; 3. motiveerivaks faktoriks oli naabrus, kuulumine ühte areaali; 4. alles viimases järjekorras võeti teadmiseks, et esitatav kirjandus on (juhuslikult) sugulaskirjandus“.

1990. aastatel algas soome-ugri tõlketegevuses uus etapp. Tõlgitud teoste arv hakkas kasvama, tõlkimine muutus süsteemseks ja vahetute tõlgete osakaal suurenes.

Töö autori andmete kohaselt on komi keelde tõlgitud üle 700 teose 187 soome-ugri kirjanikult. Tõlgetest umbes 90% moodustab luule. Suurima autorite arvuga on esindatud udmurdi kirjandus, millele järgnevad ungari, eesti, mari, soome (vastavalt 23%, 16%, 16%, 15% ja 13%) ja teised (17%). Enim tekste on tõlgitud eesti keelest (34%). Järgnevad tõlked udmurdi (23,5%), mordva (9%), mari (8,5%), ungari (8%), soome (6,2%) ja teistest (10,8%)

keeltest. Otsetõlked originaalkeeltest moodustavad 18% tõlkekirjanduse kogumahust. Ka siin on eesotsas tõlked eesti keelest, millele järgnevad soome, ungari ja udmurdi keelest tõlgitud tekstid. Teiste soome-ugri rahvaste kirjanike teoseid tõlgitakse ainult vene keelest või reaalse tõlke vahendusel.

Komi keelest teistesse soome-ugri keeltesse on tõlgitud tekste 88 autorilt. Enim kirjanikke ja teoseid on esindatud eesti keeles (vastavalt 53 ja 492), järgnevad tõlked ungari keelde (233 teksti 52 autorilt). Teistesse soome-ugri keeltesse tõlgitud komi autorite arv: mari keelde on tõlgitud 30 autori teoseid, soome keelde – 29, udmurdi – 28, mordva – 25 (13 mokša ja 12 ersa), karjala – 3, vepsa ja neenetsi keelde ühe komi autori teoseid. Soome keelde on tõlgitud 193 komi teksti, udmurdi keelde 155, mari – 142, mordva keeltesse 94 (73 mokša ja 21 ersa), karjala – 4, neenetsi – 2 ja vepsa keelde üks komi tekst.

Soome-ugri keeltes esindab komi kirjandust peamiselt luule (90% tõlgetest). Proosat on kõige enam tõlgitud eesti ja mari keelde. Vahetult komi keelest on tõlgitud 19% tekste. Otsetõlkeid on enim tehtud soome keelde (78%). Tõlgetest ungari keelde moodustavad vahetud tõlked 45%. Teistesse sugulaskeeltesse tõlgitakse komi kirjandust venekeelsete tõlgete kaudu või reaalse tõlgete vahendusel.

Tõlkeid handi, mansi ja saami keelde pole kahjuks leitud. Soome keelde tõlgitakse komi kirjandust Soomes ja Karjalas, kusjuures kui Soomes on tõlgitud ainult luulet, siis Karjalas tõlgitakse ka proosat. Soome tõlketevõime omapäraseks võib pidada ka seda, et peaaegu kõik tõlked on tehtud otse komi keelest.

Kõige süsteemsemalt tõlgitakse komi (nagu ka teiste soome-ugri rahvaste) kirjandust Eestis: eesti keelde on tõlgitud luulet ja proosat komi kirjandusloo eri perioodidesse kuuluvatelt autoritelt.

Enamik tõlkeid komi keelde ja komi keelest ilmub perioodilistes väljaannetes, kogumikes ja antoloogiates. Üksikautorite väljaannete osakaal on väike.

3. Kalevala tõlked

3.1. Kalevala on kõige rohkem tõlgitud soome kirjandusteos. Sellest on tehtud üle kahesaja tõlkevariandi enam kui kuuekümnes keeles. Kalevala on tõlgitud üheksasse soome-ugri keelde – esimesena ungari ja eesti keelde. Tänapäevaks on tehtud viis Kalevala täistõlget ungari keelde. „Ungari lugejal on võimalus valida Kalevala tõlgetest selline, mis on hingelähedasem ja vastab isiklikule maitsele ja keeleideaalidele“ (Domokos 1993: 223). Eesti keeles on olemas kaks Kalevala täistõlget. Epos on täielikult tõlgitud ka karjala keele livvi (Aunuse) murdesse. Teistesse soome-ugri keeltesse on soome epos tõlgitud kas osaliselt (komi, permi-komi, udmurdi, mari, ersa) või kohandatud kujul lastele (vepsa keeles). Tõlkimise motiiviks on nii maailmakuulsa meistriteose tutvustamine lugejatele eri keeltes kui ka kaasaaitamine keele ja kirjanduse arengule (vepsa ja karjala tõlke puhul). Kordustõlgete (ungari ja eesti keelde) põhjuseks on soov

teha eeposest täpsem ja samas lugejale arusaadavam variant, püüd anda täpsemalt edasi originaali mõnda eripära.

3.2. Esimesed katsed tõlkida Kalevala komi keelde tehti 1920. aastatel, kui Lõtkin tõlkis selle 41. runo (1922). Süsteemselt tõlkis ja avaldas soome eepose runolaule 1980.–1990. aastatel Adolf Turkin. Kahjuks ei viinud ta seda tööd lõpuni. Turkin tõlkis komi keelde 14 runolaulu (1.–10., 34., 40., 41., 44.), millest 13 avaldati komi perioodikas. 44. runo käsikiri jäi avaldamata. 49. runo fragment Mihhail Jelkini tõlkes avaldati 1992. aastal.

4. Kalevala originaalteksti ja Turkini tõlgete kõrvutav keelelis-stilistiline transformatsioonianalüüs

4.1. Kalevala soome- ja komikeelsete tekstide kõrvutav transformatsioonianalüüs võimaldab uurida Turkini tõlget leksikaalgrammatilisest ja stilistilisest aspektist, leida seaduspärased vastavused, välja selgitada erinevad transformatsioonide kasutused ja nende põhjused ning avastada tõlkija tehtud vead. Taoline analüüs lubab välja selgitada, mil viisil ületatakse lähtekeele spetsiifika, teose žanri ja vormiga seotud tõlkeraskusi.

Tõlkimine on lähtekeele sõnumi muutmine sihtkeele sõnumiks. A. Fjodorovi (1983: 10) sõnul tähendab tõlkimine ühe keele vahenditega väljendatu täpset ja täielikku edasiandmist teise keele vahenditega. Mõnikord on keelte ja kultuuride erinevuse tõttu võimatu kasutada sõnade ja väljendite sõnaraamatuvasteid. Sellistel juhtudel kasutatakse transformatsioonilisi muutmisi, mis seisnevad sõna või sõnaühendi sisevormi muutmises, või asendatakse väljendi sisu adekvaatse edasiandmise huvides täielikult.

Just vajalike transformatsioonide teostamise oskusega on seotud iga tõlke peaeesmärgi saavutamine. Peaeesmärgiks on tõlke adekvaatne vastavus originaalile, mis seisneb keelenorme järgides algtekstis sisalduva info võimalikult täielikus edasiandmises.

4.2. Vaadeldavast komikeelsest tõlkest on leitud erinevaid leksikaalseid ja grammatilisi transformatsioone. Osa neist on kohustuslikud ja tingitud tõlkeprotsessis osalevate keelte erinevustest, aga ka tõlgitava teksti iseärasustest, mis pole omased ei komi keelele ega tänapäevasele soome keelele. Kohustuslike transformatsioonide kasutamata jätmine viib lähtesõnumi deformeermiseni ja sihtkeele normide rikkumiseni. Muud transformatsioonid pole kohustuslikud, vaid on fakultatiivsed ja tingitud kas stilistilistest kaalutlustest või tõlkija individuaalsetest kiindumustest.

Originaaltekstide ja tõlketekstide analüüsimisel selgusid järgmised leksikaalsed transformatsioonid: konkretiseerimine, üldistamine, leksikaalne ahendamine, leksikaalne laiendamine, antonüümiatõlge, mõiste loogiline (mõisteline) arendamine.

Sagedaseim muutmisviis on leksikaalne laiendamine (liitsõnade ja tuletiste lahtiseletamine, tegusõnade lahtiseletamine, kirjeldav tõlkimine). Antud transformatsioon on kohustuslik ja on seotud kahe keele leksikaalse ja morfoloogilise süsteemi erinevustega (mõne mõiste täpse vaste puudumine, erinevused sõnade tuletamises) ning Kalevala keele omapäraga (liitsõnade, eriti nn bahuviirihide rohkus). Selle transformatsiooniliigi näidete arv (üle 350) ületab mitmekordselt vastupidise transformatsiooni ehk ahendamise kasutuste arvu (vaid 27).

Osalt kohustuslikud ja osalt fakultatiivsed on konkretiseerimine ja üldistamine. Kohustuslik on komi keeles puuduvate nimede konkretiseerimine ja üldistamine. Kõnelised (kontekstuaalsed) konkretiseerimised ja üldistamised ei ole kohustuslikud, nad on stilistilist laadi ja tingitud soovist vältida kordusi, saavutada suurem kujundlikkus, ilmekus jne. Arvult on üldistamisi konkretiseerimistest rohkem (vastavalt 106 ja 75).

Antonüümiatõlge (50 näidet) ja mõiste loogiline (mõisteline) arendamine (40 näidet) pole reeglina kohustuslikud. Neid kasutamata oleksid tõlgitud väljendid grammatiliselt ja stilistiliselt õiged.

Grammatiliste transformatsioonide puhul asendatakse lähteteksti grammatilised vormid ja struktuurid sihtkeele ebavõrdväärsete vormide ja struktuuridega, kuid säilitatakse mõtte vastavus, s.o. taasluuakse mitte grammatiline vorm, vaid funktsioon.

Grammatilistest transformatsioonidest kasutatakse tõlkes grammatilisi laiendamisi, erinevaid asendamisi, vahelekirjutusi, vahelejätmissi ja teisaldamisi. Grammatiliste transformatsioonide analüüsist selgus, mil viisil tõlgitakse komi keeles puuduvaid grammatilisi konstruktsioone, nt tegusõna passiivivorme, infinitiivivorme ja kesksõnakonstruktsioone.

Soome tegusõna passiiv tõlgitakse komi keelde enamasti mitmuse 3. Pöördena. See on seaduspärane ja adekvaatne, kuna komikeelsetes impersonaalstruktuurides, nagu see on ka soome keele passiivikonstruktsioonides, on tähelepanu fokuseeritud tegevusele ja subjekt pole tähtis, tegevust sooritab umbisikuline ehk määramata subjekt. Mõnel korral asendatakse passiiv tõlkes mitmuse 1. pöördega, mis on samuti adekvaatne lahendus, kuna soome keele passiivi kasutatakse sellises funktsioonis sageli. Passiivi vastena kasutatakse ka ainsuse 3. pöördevormi koos öeldise rekonstrueerimisega. See variant on vähem vastuvõetav, sest ei anna soomekeelse grammatilise vormi tähendust edasi. Seega on soome passiivi tõlkimise puhul tegemist sõnavormi kohustusliku transformatsiooniga.

Soome keele infinitiivkonstruktsioone tõlgitakse komi keelde järgmiselt.

Nõndanimetatud I infinitiiv translatiivivormis (*Finaalirakenne / I infinitiivin pitempi muoto / I infinitiivin translatiivi: -kse- + possessiivsufiks*) muudetakse laiendamise transformatsiooni teel liitlauseks. Kõige sagedasem ja adekvaatsem vaste on alistav lause sidesõnaga *мед, медьм* 'selleks) et'.

Ma-infinitiiviga konstruktsioonid tõlgitakse osalt laiendamise transformatsiooni abil ja osalt sõnaliigi asendamise teel. Enamasti asendatakse illatiivi-, elatiivi- ja abessiivivormis supiinid (markerid vastavalt *-mAAAn/-mAAhAn*,

-mAstA, -mAttA) liitlausetega. Kõige sagedasem on liitlause sidesõnaga *мед, медым* 'selleks) et'. Mõnel juhul tõlgitakse elatiivivormis supiin (*-mAstA*) verbaalnoomeniga ja abessiivivormis supiin negatiivse *mõm*-partitsiibiga.

II infinitiiv inessiivivormis (*temporaalirakenne: -essA-* + possessiivsufiks) tõlgitakse komi keelde kolmveerandil juhtudel alistava lausega. Kõige adekvaatsemaks variandiks on alistav lause sidesõnaga *кор, кодыр* '(siis) kui', mis moodustab siiski vaid neljandiku laiendamise kasutustest. Teiseks tõlkimisviisiks, mis edastab samuti adekvaatselt algkonstruktsiooni tähenduse ja funktsiooni, kuid mis on vähem levinud, on gerundiivivormid sufiksitega *-iz / -uz, -izõn / -uzõn, -izac / -uzac*.

Modaalkonstruktsiooni (*modaalirakenne*) II infinitiiv instruktiivivormis (*-en*) tõlgitakse enamasti gerundiivivormideks sufiksitega *-uz / -iz, -uzтыр(үү) / -izтыр(үү), -õмõн*. Siiski on ka üksiknäiteid laiendamisest rindlauseks.

Analüüsist selgusid järgnevad partitsiibikonstruktsioonide tõlkimise viisid. Temporaalkonstruktsiooni (*temporaalirakenne*) passiivne partitsiip partitiivivormis (*-tUA*) tõlgitakse alati alistavaks lauseks sufiksitega *кор, кодыр* '(siis) kui'. Referatiivikonstruktsiooni (*kertova / referatiivinen lauseenvastike / referatiivirakenne*) partitsiipide *-vAn, -neen, -tUn* tõlkimiseks rakendatakse samuti alati laiendamise transformatsiooni. Sellised soome keele konstruktsioonid tõlgitakse reeglina sidestamata objektlauseteks.

Komi keelest puuduvate infinitiivi- ja partitsiibikonstruktsioonide tõlkimisel kasutatav sõnaliikide asendamine on kohustuslik transformatsioon. Peale selle esineb analüüsitavas tõlkes ka antud transformatsiooni fakultatiivne variant pronominaliseerimine, mis on leksikaalse tähendusega sõnade (nimisõnade, omadussõnade, arvsõnade, määrsõnade) asendamine asesõnadega. Selline muutus ei ole kohustuslik transformatsioon, sest täidab stilistilist funktsiooni.

Tekstist leitud asendamistransformatsioonide hulka kuuluvad ka lause liikmete ja sõnavormide asendamisest: tegusõna aja ja arvu, nimisõnade arvu ja omadussõnade võrdlusastmete muutmine.

Tegusõna minevikuvormi (imperfekt) asendamine tõlkes olevikuvormiga ja olevikuvormi asendamine minevikuvormiga (I minevik) pole tingitud soome keele ega Kalevala keele omapärast ja pole seega kohustuslik. Arvuliste näitajate poolest jääb esimene asendus teisele alla. Transformatsioonide põhjuseks võib olla tõlkija tähelepanematus neid tekstiosi tõlkides, kus jutustuse aeg järsult muutub, samuti arhailise olevikutunnuse *-vi* võimalik tõlgendamine minevikutunnusena *-i*.

Soome eepose keelega seotud kohustuslikuks transformatsiooniks on öeldise arvu muutmine. Eeposes sageli koos mitmuses alusega kasutatav ainsuses öeldis korreleerub tõlkes arvult alusega ja võtab mitmusevormi.

Nimisõnade arvu muutmine on teatud juhtudel kohustuslik, näiteks soome keele mitmuslike sõnade (*monikkosana, plurale tantum*) puhul, mis on komi keeles ainsuses. Selle transformatsiooni kasutamine muudel juhtudel on fakultatiivne ja stilistilise loomuga. Samuti pole kohustuslik omadussõnade võrdlusastmete muutmine.

Lauseliikmete muutmisele on omane, et võidakse muuta kõik lauseliikmed v.a öeldis. Selline transformatsioon on sageli teiste tõlkeprotsessis sooritatud muutuste tagajärg. Seega pole enamik lauseliikmete muutmisi tingitud kahe keele süsteemierinevustest ja ei ole kohustuslikud. Kohustuslikud transformatsioonid on näiteks sihitise asendamine tõlkes määrusega: *ajaa tietä – мунны туй кузя* 'minna teed pidi', *itkeä häntä – бӧрдыны сы вӧсна* 'nutta tema pärast, leinata teda'.

Analüüsitud tekstides esines järgmisi vahelekirjutuste liike: vahelekirjutusi mittetäielikes lausetes, aluse ja öeldise ning omastavate asesõnade vahelekirjutamisi. Need muutused on fakultatiivsed ja kasutatakse saavutamaks tõlkes vajalikku 8-silbilist värsipikkust.

Lisaepiteetide ja määruse funktsiooniga sõnade sisseviimist tõlketeksti võib käsitleda erinevate kadude kompenseerimisena.

Vahelejätt on tõlkes esindatud Kalevalale omase *on* verbi väljalangemisega.

Ümberpaigutamistest on leitud eitusverbi ja täiendi teisaldamist ning eessõnade asendamist tagasõnadega, mis on soome eepose keele omapärast tingitud kohustuslikud muutused. Öeldise ja autori sõnade teisaldamine otsekõne suhtes on pigem stilistilise tähendusega fakultatiivne transformatsioon.

Kõige sagedasemad on tõlkes erinevad leksikaalsed ja grammatilised laiendamised, aga ka vahelekirjutused. See on kooskõlas eksplitsiitsuse põhimõttega, mille järgi on tõlgetes tavaliselt märgata tendentsi viia teksti sisse seletavaid ja kirjeldavaid lisaelemente ning teha lausete struktuur lihtsamaks. Nende transformatsioonitüüpide intensiivne rakendamine aitab samuti kaasa originaalse kaheksasilbilise värsi säilitamisele. Täiendavate elementide lisamine värssi kompenseerib komi sõnade lühidusest tingitud kadu.

4.3. Kõrvutava analüüsi käigus selgusid ekvivalentitu sõnavara tõlkimise viisid. Nende hulka võib arvata reaaliid ja pärisnimed (antroponüümid, zoonüümid ja toponüümid).

Originaaltekstis on 14 leksikaalset üksust, mis on kas geograafilised (loodusgeograafia ja loomastiku objektide nimetused) või etnograafilised (toitude, riiete, pillide, ehitiste ja mütoloogiliste esemete nimetused) reaaliid. Kõige sagedamini esitatakse neid transkriptsioonis (51%), vähem kasutatakse funktsionaalset analoogi (21%) või rakendatakse üldistamistransformatsiooni (14%). Veel vähem kasutatakse tõlkelaene (4%), asendatakse originaalreaaliid oma reaaliididega (2%), tõlgitakse kirjeldavalt (2%) või kontekstuaalselt (2%). 4%l juhtudest on reaaliid hoopis vahele jäetud. Tekstis ei esine reaaliidide tõlkimist viisil, mis viiks rahvuskultuurilise assimileerimiseni ja tõlke adekvaatsuse kahanemiseni. Siiski on ebajärjekindlust representatsiooni viisides, kui samad reaaliid tõlgitakse eri tekstiosades erinevalt.

Enamik pärisnimesid (92% antroponüüme ja 86% toponüüme) on tõlkes kirjutatud häälduskohaselt. Tõlgitud on neid vastavalt 8%l ja 14%l juhtudel. Koos pärisnimedega kasutatavate püsiepiteetide tõlkimisel on täheldatav suurema varieerumise ja mitmekesisuse tendents: teatud elementide tõlkimisel rakendatakse laiendamist, vahelekirjutusi ja lisamisi.

4.4. Originaalteksti stilistilised iseärasused antakse tõlkes edasi järgmisel viisil. Erinevalt algteksti arhailisest ja murdelisest keelest on tõlge tehtud komi kirjakeeles. Tõlge sisaldab küll murdepäraseid keelendeid, kuid viimaste osakaal on väike (1%). Dialektismid pärinevad enamasti komi keele läänemurdeist.

Erinevused lähte- ja sihtkeele vahel ei võimalda anda komi keeles täisväärtuslikult edasi alliteratsiooni. Siiski esineb seda tõlkes päris tihti. Alliteratsioonid komi tekstis on kas sarnaselt algavate sõnade juhuslik kõrvuti paiknemine või kokkukõlavate sõnapaaride sihilik valik tõlkija poolt.

Originaali teine omapära parallelism deformeerub tõlkes: terved read langevad välja, mitu rida sulab kokku, sisse viiakse originaalis puuduvaid lisaelemente jms. See muudab teksti mahtu ja tõlketekst osutub lühemaks. Usutavasti ei kasutanud tõlkija kõiki võimalusi selle stiiliomapära edasiandmiseks.

4.5. Tõlkevigade analüüs osutab, et vigade põhjuseks on originaalteksti teatud elementide ekslik tõlgendamine taustateadmiste nappuse, lähtekeele puuduliku valdamise ja ka vastete valikule kriitikavaese lähenemise tõttu.

THE “KALEVALA” EPIC IN THE KOMI LANGUAGE: SOME ASPECTS OF THE THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION

Summary

1. The subject, materials, resources, theoretical framework, methods, and structure of the research

The present thesis provides an analysis of the “Kalevala” epic translated into the Komi language by A. I. Turkin. The work is analysed within the context of the history and theory of translation. The primary aim of the analysis is to explore the features of vocabulary, grammar, and style of the translation as viewed against the background of the original text. For the purposes of analysis, questions pertaining to the history of translation into Komi and from Komi into other languages are considered.

In the thesis the following entities are included as the subject of research: 1) translations from Komi into other languages and from other languages into Komi (special attention is paid to translations done within the group of Finno-Ugric languages); translations of the “Kalevala” into Finno-Ugric languages; the “Kalevala” translated into Komi by A. I. Turkin; 2) translation transformations, or shifts of translation, used to achieve adequacy in translations; the Finnish words that lack equivalents in Komi and the means used to translate them; specific elements of style found in the original texts and the ways of expressing them in translations; translation flaws.

This research is based on the material of the “Kalevala” runes translated into Komi by A. I. Turkin (published in the 1980–1990s) and the corresponding original texts in Finnish.

The sources of information concerning translations into Komi and from Komi into other languages that have been used for this research include journals and other academic publications, anthologies, translations, and works on the history of translation, in which reference to concrete translations is contained (reference books, monographic works, articles, proceedings).

The following literature constitutes the basis for the elaboration of the theoretical framework of the present research: works on the theory and practice of translation (Бархударов 1975, Грабовский 2004, Комиссаров 1990, Казакова 2000, Латышев 1981, Миньяр-Белоручев 1980, Рецкер 1974, Фёдоров 1983, Швейцер 2009, Власов – Флорин 1986, Klaudy 2012, and other works); publications on various aspects of the “Kalevala” studies (Kaukonen 1979, Leino 1970, Kuusi 1979, Turunen 1964, 1979, Jussila 2009, Карху 1996, Евсеев 1960, and other works); research in the grammar of the Komi and Finnish languages (КЯЭ, СКЯЛ, СКЯ I–II, ГФЯ, ISK, Karlsson 1982, White 2006, and other works); dictionaries and reference books (КПК,

КЭСК, КСК, КЯЛП, ОПП, ССКЗД, ТПС, ФРС, КЛ, SKES, SKPS, and other sources).

The methods of research include: 1) the study of background literature on translations into Komi and from Komi; 2) the analysis of literature on general and specific questions related to the theory and practice of translation and to various aspects of the “Kalevala” studies; 3) analyses of the translation of the “Kalevala” by A. I. Turkin relative to the original text; 4) the description of the materials and of the results obtained in the analyses, including the statistical findings.

The structure of the thesis is as follows:

In the “Introduction”, the aims and tasks of the research are formulated; the choice of the theme is explicated; the relevance and the theoretical and practical importance of the thesis are defined; the theoretical background, methods, materials, and sources of the research are stated.

The chapter “Issues related to the history of translation (the translation of literary fiction)” gives a brief survey of the history of translations beginning from the early period of the Komi literary language to the present time. In this chapter the translations of the “Kalevala” into Finno-Ugric languages are reviewed. In connection with the works under consideration, some questions pertaining to the history of the creation of the Finnish epic, as well as to the relatedness of the “Kalevala” to Komi literature, folklore, and culture are discussed.

The chapter “Issues related to the theory of translation (the aspects of language structure and style)” provides comparative analyses of the “Kalevala” translated into Komi by A. I. Turkin in relation to the original Finnish text. In the analysis of the translation, the aspects of lexis, grammar, and style are considered. The aspects of lexis and grammar are analysed from the point of view of translation transformations, while the aspect of style is in the focus of analysis with regard to the form and language used in the original text, on the one hand, and in relation to the means, or ways, of conveying them in the translation, on the other hand. The comparative analyses of the two texts allow the identification of parallels, transformations, and discrepancies in conveying the content of the original text. They also allow finding possible translation flaws. On the basis of these analyses it is possible to find out how problems connected with the specific features of the language, of the genre and of the form of the original text – namely, the archaic epic verse in dialect Finnish in the case of the “Kalevala” – are solved in the translation.

In the “Conclusion” the results of the work are summarised. The volume also contains a list of abbreviations used in the text (see: “Abbreviations”). “Bibliography” provides a list of literature referred to in the thesis: works on the theory and practice of translation, on the grammar of the Komi and Finnish languages, and on the research of different aspects of the “Kalevala” epic.

The volume is provided with a CD that contains the “Appendices”: a detailed survey of the history of translation in the Komi language including references to concrete translations and the texts of the “Kalevala” in Finnish and

in Komi – namely, the texts of fourteen “Kalevala” runes (1–10, 34, 40, 41, 44) translated by A. I. Turkin; the text of rune 41 translated by V. I. Lytkin; a fragment from rune 49 translated by M. El’kin; the opening part of rune 1 in Komi-Permian translated by A. Istomina.

2. Translations (the translation of literary fiction) from the Komi and into the Komi language

2.1. The translation of texts into Komi began in the 14th century – in the period of early Komi literacy which started developing under the auspices of Saint Stephen of Perm. The texts and languages involved in the translations, as well as the authors, the volume, and purposes of translation changed over time.

Only ecclesiastical texts in Old Church Slavonic and Greek were translated into Komi during the early periods. These translations served as means of facilitating the introduction of Christianity among the Komi population.

In the 19th century, alongside the translation of ecclesiastical texts, secular literature was translated for educational purposes. Translators were both native Komis and persons whose native language was different. There were no language standards developed by that time; for this reason, translations were written in the dialects spoken or known by the translators. The translations done by I. A. Kuratov at that period were the most significant but they were not known until the 1920–1930s and, thus, they could produce no impact upon the development of the Komi literary language and literature in the early period.

During the 20th century the volume of translations into the Komi language significantly grew. The translation of Russian, Soviet, and foreign authors’ works into Komi was systematic between 1917 and the 1970–1980s. Translations were performed by writers, journalists, and researchers; they served the purposes of the development of the Komi literary language and literature and fulfilled educational and propaganda tasks. Translations were largely done from or through the medium of Russian. In the end of the 1930s and in the 1950s the volume of translations reached its peak; the numbers of translations exceeded those of original works. In the 1960s a decline in the number of translations was observed. Translations were mainly published in journals and anthologies. The decline in the publication of literature translated into Komi was associated with the low demand for translations in Komi among the population which was becoming bilingual and preferred to read literature in Russian.

2.2. The first translations from Komi into other languages started appearing in the middle of the 19th century. A. I. Kuratov translated some of his works written in Komi and several folk songs into Russian. The first translations into other languages were also those of Komi folk songs and of the poems written by the founder of Komi literature. From the middle of the 1930s till the end of the 1980s, works written by Komi writers were systematically translated into Russian in the Republic of Komi and outside the republic. In the period of time

between the 1960s and 1970s, the volume of translations was the largest. Translators were both Komi and Russian (or other) authors living in the Republic of Komi or outside it. In many works word-for-word translation was used.

2.3. The state of translations in Finno-Ugric languages, as estimated on the basis of the present research, has been as follows. The first translations, in which Komi – another Finno-Ugric language – Komi were involved (translations of Komi folk texts into Finnish and Hungarian in the beginning of the century, translations by V. I. Lytkin in the 1920s), appeared in the beginning of the 20th century. It is to be noted that translations were not numerous until the 1960–1970s. In the 1970–1980s, the number of translations increased due to the contacts that were developing between the Soviet Union and the countries that belonged to the socialist block. During these years, the works of Udmurt, Mari, Hungarian, and of other authors were regularly translated into Komi; likewise, literature in Komi was translated into the languages of the aforementioned nations. Concerning this period in the history of Finno-Ugric translations, a Hungarian literary scholar wrote that reciprocal translations were not the result of contact with literature in a related language (Domokos 1993: 221). In fact, there were no translations done between related languages – literature was translated within the compulsory programme of reciprocal visits that helped to popularise the culture of the Soviet nations. These translations were done via Russian. The factor of neighbourhood served as motivation and it was only casually marked that the literature in question was written in related languages.

A new period in the Finno-Ugric translations began in the 1990s. The number of translations has grown and translations in Finno-Ugric languages have been done in a systemic way; moreover, the share of direct translations has increased.

Our data show that more than 700 works of 187 Finno-Ugric writers have been translated into Komi. Nearly 90% of the translations are poetry. The works of Udmurt authors (23%) constitute the most numerous group, followed by the works of Hungarian, Estonian, Mari, Finnish (16%, 16%, 15%, and 13%, respectively), and other (17%) authors.

The highest percent of texts have been translated from Estonian (34%), followed by texts from Udmurt (23,5%), Mordvin (9%), Mari (8,5%), Hungarian (8%), Finnish (6,2%), and other languages (10,8%).

The share of translations done directly from original works is 18%. In this respect, translations from Estonian have been more numerous than those from Finnish, Hungarian, and Udmurt. Translations from other languages have been done, according to our data, either via Russian texts or with the help of word-for-word translation.

The results of this research also show that works of 88 Komi authors have been translated from Komi into Finno-Ugric languages: 492 works of 53 writers have been translated into Estonian and 233 works of 52 writers – into Hungarian. The numbers of Komi authors whose works have been translated

into other Finno-Ugric languages are as follows: Mari – 30, Finnish – 29, Udmurt – 28, Mordvin – 25 (Moksha – 13, Erzya – 12), Karelian – 3, Nenets – 1, Veps – 1. The numbers of translations from Komi into other Finno-Ugric languages are: Finnish – 193, Udmurt – 155, Mari – 142, Mordvin – 94 (Moksha – 73, Erzya – 21), Karelian – 4, Nenets – 2; Veps – 1.

Komi literature in Finno-Ugric languages is mainly represented by poetry (over 90% of the total number of translations). The translations of prose into Estonian and Mari have been the most numerous. Direct translations from Komi constitute 19%. Direct translations into Finnish and into Hungarian are the most numerous among the translations of this category (78% and 45%, respectively). Translations into other languages have been done either from translations available in Russian or with the help of word-for-word translation.

No translations into Khanty, Mansi and Saami have been found by us. Translations into Finnish have been done in Finland and Karelia. As far as the translations done in Finland are concerned, they are translations of poetry; almost 100% of them are direct translations from Komi. In Karelia, both poetry and prose have been translated.

A systemic approach to the translation of Komi literature is observed in Estonia: translations into Estonian include both poetry and prose from different periods of Komi literature – from the earlier years up to present.

The major part of translations from Komi and into Komi has been published in journals, collections of works, and anthologies. The share of separate volumes has been insignificant.

3. Translations of the “Kalevala”

3.1. The “Kalevala” has been translated more than any other work in Finnish literature. Over two hundred variants of this epic have been known to exist in more than sixty languages of the world. Hungarian and Estonian translators were the first among the Finno-Ugrians to start translating it. There are five complete Hungarian translations of the “Kalevala” in verse. Hungarian readers can select the “Kalevala” version that best suits their personal world, taste, and language preferences (Domoklos 1993: 223). In Estonian there are two complete variants of the “Kalevala”. There is also a complete translation of the epic in the Lydian dialect of Karelian. As to the other Finno-Ugric languages, the Finnish epic has been translated either partly (in Komi, Komi-Permian, Udmurt, Mari, Erzya) or as an adapted version for children (in Veps). The translations of the epic have been undertaken to present to the readers a masterpiece known worldwide, or, as it has been in the case of the Veps and Karelian translations, to contribute to the development of the languages and literatures. The versions of translations (in Hungarian and in Estonian) have been produced in order to achieve greater precision in conveying the features of the original in the translation and to create a text that would be highly readable.

3.2. The first attempts to translate the “Kalevala” into Komi (the translation of the 41st rune by V. I. Lytkin in 1922) were made in the 1920s. In the 1980–1990s the runes of the Finnish epic were systematically translated and published. Unfortunately, this work has not been completed. Fourteen runes of the “Kalevala” (runes 1–10, 34, 40, 41, 44) have been translated into Komi by A. I. Turkin; thirteen of them have been published in Komi periodicals. The translation of the 44th rune has not been published (the manuscript is stored in the archive). The translation of the 49th rune by M. El’kin was published in 1992.

4. A comparative transformational analysis of the features of language structure and style in the original text of the “Kalevala” and in the translation by A. I. Turkin

4.1. The analysis of the “Kalevala” texts in Finnish and in Komi allowed the identification of the features of language structure and style characteristic of the translation of the epic by A. I. Turkin. In the analysis, language parallels, various transformations and motivations underlying them, as well as possible translation flaws were considered. It was possible to find out how the difficult problems of translation connected with the specific features of the original text – those of the genre, form, and the language – were solved by the translator.

Translation is the communication of the meaning of a source-language text into a target-language text by means that are equivalent to those used in the original (cf. Фёдоров 1983: 10). Due to the fact that source and target languages (and cultures) are different, it may not be possible to use language parallels, such as, for example, separate words and idioms. In cases like this, translation transformations are employed. Transformations consist in changing the form of a word or of a word combination; in some cases – in the substitution of these units for an adequate communication of the meaning of an utterance. Capacity to employ such transformations is the factor that is connected with the attainment of the main goal of translation – the adequate communication of the information contained in the original, in its completeness, by means that accord with the norm of the language of translation.

4.2. This research identified various lexical and grammatical transformations used in the Komi translation of the “Kalevala”. Some of them are compulsory, or obligatory, – they are conditioned by the differences between the Finnish and Komi languages, as well as by the peculiarities of the original text (features that are not characteristic either of the Komi language or of contemporary Finnish). Failure to use the compulsory transformations leads to the deformation of the source information and to the violation of the rules of the target language. The optional, or facultative, transformations are employed when certain purposes of style are pursued or due to the translator’s individual preferences.

Lexical transformations identified in the translation belong to the following categories: specification, generalization, implicitation, explicitation, antonymic translation, modulation. The most frequently used transformation is explicitation (the explicitation of compound and derived words, the explicitation of verbs, explicatory translation). This transformation is compulsory; its use is connected with differences that exist in the lexical and morphological systems of the original language and the language of translation (lack of an equivalent for a certain concept, differences in the derivation patterns of the derived words). In addition to these differences, in the case of the “Kalevala” there are also the peculiarities of the original language, in which many compound words of different types, especially those termed *bahuvrihi*, occur. Thus explicitation has been more frequently used (over 350 examples) than implicitation (only 27 examples) in the translation.

Specification and generalization are transformations that can be both compulsory and facultative. Compulsory specifications and generalizations identified in the analysis have been used for names or terms that are lacking in the Komi language. Contextual specifications and generalizations are facultative; they are used for stylistic purposes – to avoid repetition or for emphasis, etc. In the text, the transformations of the generalization type are more numerous than those of specification (106 and 75 examples, respectively).

Antonymic translation (50 examples) and modulation, or sense development (40 examples), are, as a rule, facultative – when these means are not used, translation may still contain utterances that are correct from the point of view of grammar and style.

In grammatical transformations the grammar forms and structure of the units of the source text are substituted by the grammar forms and structure of the units of the translation, which may not be equivalent but they still convey the meaning of the source units. In other words, it is the function of the source units, not their form that is conveyed.

Among the grammatical transformations used in the translation, sentence partitioning, various patterns of substitution, embedding, deletion, and permutation were found. The analysis of the grammatical transformations showed how the grammatical forms of Finnish that are lacking in Komi have been expressed in the translation. The passive form of the verbs and the forms of the infinitive and participle are some of the examples of such categories.

In the majority of cases, the passive form of Finnish verbs has been translated into Komi by using the form of the third person, plural, of the present tense. This substitution can be considered adequate because impersonal sentences with the predicate expressed by the form of the third person, plural, in Komi, as well as in Finnish sentences that contain the form of the passive, are focused on the action, not the agent – action performed by an indefinite, or an implicit, agent. In several cases the passive has been substituted by the form of the first person, plural, which can also be considered an adequate substitution, as in the Finnish text passive is often used in this function. There are also examples in which the passive has been substituted by the verb in the 3d person,

singular, alongside with the reconstruction of the predicate. This variant of substitution can be regarded acceptable, with reservation, as it does not express the meaning of the Finnish grammatical form. Thus, the substitution of the Finnish passive form is a compulsory transformation.

The infinitive constructions that occur in the Finnish text have been conveyed in the translation by the following means. The 1st infinitive translative constructions (*Finaalirakenne* / *I infinitiivin pitempi muoto* / *I infinitiivin translatiivi*; marker: *-kse-* + possessive suffix) have been translated as explicitation, with the help of various complex clauses. The most frequent use has been made of the complex clause with the conjunction *мед*, *медым* 'in order to', to convey the meaning of the Finnish construction, which proves to be an adequate means of translation.

Constructions with infinitive III have been translated by using sentence partitioning in some cases; in other cases, transformations, in which parts of speech have been substituted, occur. Clauses containing infinitive III in the form of illative, elative, and abessive (markers: *-mAAAn* / *-mAAhAn*, *-mAstA*, *-mAttA*, respectively) have been substituted by complex clauses in the majority of cases. The most frequent among them is the clause with the conjunction *мед*, *медым* 'in order to'. Infinitive III in the form of elative (*-mAstA*) has been sometimes conveyed by the verbal noun and infinitive III in the form of abessive (*-mAttA*) – by the negative participle with the suffix *-möm*.

Infinitive II in the inessive (marker: *-essA-* + possessive suffix), which forms the temporal construction (*temporaalirakenne*), has been translated by means of complex sentences (3/4 of all the cases). Those complex sentences that contain the conjunction *кор*, *кодыр* 'when' (1/4 of the examples of sentence partitioning) can be considered to be the closest in meaning to the construction used in the original. The substitution of this construction by the gerund that is expressed by the suffixes *-i2* / *-u2*, *-i2ön* / *-u2ön*, *-i2ac* / *-u2ac*, observed in fewer cases, can also be considered to be adequate means for translating the construction.

Infinitive II in the form of the instructive (marker: *-en*) that is part of the modal construction (*modaalirakenne*) has been substituted by the gerund with the marker *-u2* / *-i2*, *-u2тыр(йу)* / *-i2тыр(йу)*, *-ömön* in the majority of cases. There are, however, several examples of sentence partitioning in which a complex sentence is used.

Different participial constructions used in the original are represented by the following means in the translation. Participle II in the form of the partitive (*-tUA*), which is used in the temporal construction, in all the cases has been translated as a complex clause with the conjunction *кор*, *кодыр* 'when'. The participial (referative) construction (*kertova* / *referatiivinen lauseenvastike* / *referatiivirakenne*), which contains participles in *-vAn*, *-neen*, *-tUn*, has also been translated by means of sentence partitioning in all the cases. As a rule, this Finnish construction has been substituted in the Komi text by a complex object clause without a conjunction.

In addition to the substitution of the parts of speech connected with the infinitive and participle constructions that are lacking in Komi, which is, thus, a compulsory transformation, a facultative variant of this transformation – pronominalization – is also observed in the translation. Words that have a concrete meaning (nouns, adjectives, numerals, and adverbs) are replaced by a pronoun – this transformation serves as a stylistic device, hence it is not compulsory.

The substitution of the components of a phrase and of the form of a word, such as the tense and number of the verb, the number of the noun (or adjective), and the degrees of comparison possessed by the adjective, also refers to the transformations of the substitution type identified in the text of translation.

The substitution of the past tense (*imperfekti*) by the present and of the present tense by the past (the 1st past tense) is not connected with the peculiarities of either the Finnish language or of the “Kalevala”, hence it is not compulsory. As to these cases of substitution, the first of them has been by far less frequently used than the second one. The use of this transformation might have been caused by the translator’s failure to read attentively the original text in the places where the narrative time unexpectedly changes. This type of substitution might have also been used because of misunderstanding connected with the archaic suffix of the present time *-vi* which frequently occurs in the text – it might have been regarded to be a variation of *-i*, the suffix of the past tense.

The substitution of the number of the verbal predicate is compulsory transformation, which is connected with the peculiarity of the Finnish epic. The singular form for the predicate related to the subject in plural, which is frequent in the original text, has not been followed in the translation, where the predicate is used in the plural, in accordance with the subject in plural.

In some cases the substitution of the number of nouns (adjectives) is compulsory. Among the examples of this type of substitution are words that in Finnish are used only in the plural (*monikkosana, plurale tantum*), while in Komi they behave differently. The other cases of such transformations are facultative; they have been used for stylistic purposes. The substitution of the degrees of comparison that occurs in the translation is also facultative.

It is to be noted that all the components of a phrase or sentence, with the exception of the predicate, have been involved in the cases of substitution. This type of transformations appears to be caused by other transformations used in the course of translation. As the majority of the cases of substitution, in which the components of a phrase or sentence are involved, have not been due to differences between the two languages, these transformations are facultative. Compulsory transformations are represented, for example, by the substitution of a direct object by an indirect object or an adverbial modifier in such cases as: *ajaa tietä* ‘to ride (by) a road’ – *мунны туй кузя* ‘to go by (along) a road, to ride by (along) a road’; *itkeä häntä* ‘to mourn him’ – *бӧрдыны сы вӧсна* ‘to mourn for him’.

There are also examples of embedding used in elliptical sentences, as well as examples, in which the addition of a subject, predicate or a possessive pronoun

occurs. These transformations can be considered to be facultative, as they have been used for the accomplishment of the length of the poetic lines, namely, to obtain eight syllable lines.

The use of embedding attributes expressed by adjectives and of words that function as adverbial modifiers helps to compensate for various kinds of deficiency in the translation.

Transformation by means of deletion is represented in the translation by the omission of the linking verb *on* 'is', characteristic of the "Kalevala".

The device of permutation observed in the translation consists in the transposition of the negative verb and of the adjective, as well as in the use of prepositions in the function of postpositions. These transformations are compulsory, as they are conditioned by the peculiarities of the language of the Finnish epic. There is also transposition that concerns the predicate and the author's words in relation to direct speech, which serves as a stylistic device; for this reason, it is a facultative transformation.

In the translation, various types of sentence partitioning (both lexical and grammatical) and embedding are the most frequently used transformations. This is in accordance with the principle of explicitness, which implies that translations tend to introduce explanatory, descriptive elements in addition to those contained in the original; the structure of the sentences in translations is less complex and less dense. The intensive use of these types of transformations also contributes to the maintenance of the original poetic form in the translation – namely, the maintenance of eight syllable lines. The addition of extra elements in the translation serves as compensation for the word length shortage – words in Komi are shorter than in Finnish.

4.3. In this comparative analysis, ways of conveying equivalent-lacking words, such as realia and proper names (anthroponyms, zoonyms, and toponyms) were also identified. In the original text, 14 lexical units that refer to geographical realia (names of the objects of physical geography and animals) and ethnographical realia (terms for food, clothes, musical instruments, buildings, and the objects of mythology) were observed. Realia are mostly represented by means of transcription – 51% of the total number of the uses of realia. In 21% of the cases of realia, functional analogues have been used. In 14% of the cases generalization occurs, in 4% – calque translation. There are also cases of substitution – the realia of the source language have been substituted by the realia of the target language (2%) and descriptive (2%) or contextual translation has been used (2%). In 4% of the cases realia have been omitted. No examples of unacceptable use of realia that would lead to the assimilation of national and cultural elements in the translation or diminish the degree of adequacy of the translation were found. There is, however, inconsistency in the representation of realia – various means have been used for the representation of some realia in different places of the translation.

The majority of proper names in the translation are represented in transcription (92% of anthroponyms and 86% of toponyms). These groups of

onomastic lexis have also been conveyed by translation (8% и 14% of cases, respectively). The epithets that regularly occur with proper names have been represented in different ways: for the translation of separate components of the epithets, sentence partitioning, embedding, and various additions have been fairly frequently used.

4.4. The comparative analysis of the two texts revealed the main stylistic devices used in the original and the representations of these devices in the translation. In the original, a dialect which is archaic has been used; the translation is written in a literary language but it also contains dialect elements, which, though, are not numerous (1% of the lexis). The dialect lexis belongs to the lexis of the western dialects of Komi.

Due to the differences between the two languages, it has not been possible to represent such a peculiar device as alliteration used in the original, in its complete form. However, the analysis shows that alliteration has been comparatively frequently used in the translation. It is either accidental – two neighbouring words have the same initial sound – or is the result of the translator's search for words that have similar sounds.

Parallelism, another peculiarity of the original, has been deformed in many places of the translation (some lines have been deleted or several lines have been merged, as well as new elements have been added, etc). Owing to such changes, the volume of the target text in some places has diminished. It can be stated that parallelism is not fully represented by the translator.

4.5. The analysis of translation errors that occur in the target text allows suggesting that the deficient knowledge of the background and of the language of the original, as well as the lack of a critical approach to the selection of the means and ways for the translation might have been the source of the errors.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Имя: Николай Анатольевич Ракин
Дата рождения: 17.01.1983.
Место рождения: г. Сыктывкар, Коми АССР, РСФСР, СССР
e-mail: nikrakin@yahoo.com

Образование:

1990–2000 Коми национальная гимназия (Сыктывкар)
2000–2001 Сыктывкарский государственный университет (Сыктывкар)
коми язык и литература, русский язык и литература
2001–2002 Институту хунгарологии им. Балинта Балаши (Будапешт, Венгрия)
2002–2008 Университет им. Лоранда Этвеша (ELTE) (Будапешт, Венгрия)
МА (венгерский язык и литература)
МА (финский язык и культура)
2008–2009 Университет им. Лоранда Этвеша (ELTE) (Будапешт, Венгрия)
докторантура, финно-угорские языки
2009–2014 Тартуский университет, докторантура, финно-угорские языки

Профессиональный опыт:

2007–... Переводческая деятельность
(письменный перевод; русский – венгерский – русский, коми – венгерский – коми, коми – русский, финский – русский)
2009–2010 Преподавание венгерского языка в Тартуском университете
2011 Преподавание коми языка в Тартуском университете
2012 Преподавание коми языка в Хельсинском университете

ELULOOKIRJELDUS

Nimi: Nikolay Rakin
Sünniaeg: 17.01.1983.
Sünnikoht: Sõktõvkar, Komi Vabariik, Venemaa
e-post: nikrakin@yahoo.com

Haridus:
1990–2000 Komi rahvuslik gümnaasium (Sõktõvkar)
2000–2001 Sõktõvkari riiklik ülikool (Sõktõvkar), komi ja vene filoloogia
2001–2002 Balint Balassi Instituut (Budapest, Ungari)
2002–2008 Loránd Eötvösi Ülikool (ELTE) (Budapest)
MA (ungari keel ja kirjandus)
MA (soome keel ja kultuur)
2008–2009 Loránd Eötvösi Ülikool (Budapest), doktoriõpe, soome-ugri keeled
2009–2014 Tartu Ülikool, doktoriõpe, soome-ugri keeled

Teenistuskäik

2007–... Kirjalik tõlkimine ungari, soome, komi ja vene keeltest vene, komi ja ungari keelde
2009–2010 Ungari keele õpetamine Tartu Ülikoolis
2011 Komi keele õpetamine Tartu Ülikoolis
2012 Komi keele õpetamine Helsingi Ülikoolis

DISSERTATIONES PHILOLOGIAE URALICAE UNIVERSITATIS TARTUENSIS

1. **Ольга Ерина.** Частицы в мордовских языках. Тарту, 1997, 150 с.
2. **Людмила Карпова.** Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту, 1997, 224 с.
3. **Инна Тимиряева.** Лексика одежды в марийском языке. Тарту, 1997, 136 с.
4. **Софья Чеснакова.** Марийская поэма. Тарту, 1998, 162 с.
5. **Triinu Ojamaa.** Glissando nganassaani muusikas. Morfoloogiline, süntaktiline ja semantiline tasand. Tartu, 2000, 176 lk.
6. **Niina Aasmäe.** Stress and quantity in Erzya. Tartu, 2006, 205 p.
7. **Светлана Едыгарова.** Категория посессивности в удмуртском языке. Тарту, 2010, 288 с.
8. **Valts Ernštreits.** Liivi kirjakeele kujunemine. Tartu, 2010, 224 p.
9. **Florian Siegl.** Materials on forest enets, an indigenous language of northern Siberia. Tartu, 2011, 456 p.
10. **Александр Пустяков.** Названия исчезнувших селений Республики Марий Эл (структурно-семантический и историко-этимологический анализ). Тарту, 2011, 281 с.
11. **Елена Рябина.** Основные цветообозначения в пермских языках. Тарту, 2011, 262 с.
12. **Николай Кузнецов.** Пространственная семантика местных падежей коми языка (когнитивный анализ). Тарту, 2012, 244 с.
13. **Tiina Rüütmaa.** Kontrastiivne ülevaade kõneviisisüsteemist ungari ja eesti kõrvallauses. Tartu, 2014, 240 lk.